

Э. Карр

3

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

**Большевистская
революция
1917-1923**

Том 3

Э. КАРР

ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ

3

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917—1923

Том 3

E. H. CARR
A HISTORY OF SOVIET RUSSIA

3

THE BOLSHEVIK REVOLUTION
1917—1923

Volume Three

London
Macmillan
1953

*На правах рукописи
Для служебного пользования*

№ 2

Э. КАРР

**ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ
3**

**БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917 — 1923**

ТОМ 3

Перевод с английского

**Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
1989**

«ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ» Э. КАРРА

включает в себя 14 книг

(4 работы):

Книга первая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 1

Книга вторая: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 2

Книга третья: «Большевистская революция. 1917—1923». Том 3

Книга четвертая: «Междоусобица. 1923—1924».

Книга пятая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 1

Книга шестая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 2

Книга седьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 1

Книга восьмая: «Социализм в одной стране. 1924—1926». Том 3, часть 2

Книга девятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 1

Книга десятая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 1, часть 2

Книга одиннадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 2

Книга двенадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 1

Книга тринадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 2

Книга четырнадцатая: «Основы плановой экономики. 1926—1929». Том 3, часть 3

Редактор *В. С. ВАСИЛЬЕВ*

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие	7

Часть V

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ВНЕШНИЙ МИР

<i>Глава 21.</i> От Октября к Брест-Литовску	13
<i>Глава 22.</i> Двойственная политика	54
<i>Глава 23.</i> Год изоляции	89
<i>Глава 24.</i> Щупальца дипломатии	116
<i>Глава 25.</i> Революция над Европой	128
<i>Глава 26.</i> Революция охватывает Азию	176
<i>Глава 27.</i> НЭП во внешней политике	204
<i>Глава 28.</i> Россия и Германия	228
<i>Глава 29.</i> К Генуе и Рапалло	253
<i>Глава 30.</i> Отступление в Коминтерне	286
<i>Глава 31.</i> Укрепление позиций в Европе	318
<i>Глава 32.</i> Восточный вопрос	349

<i>Глава 33.</i>	Дальний Восток I — период заката	366
<i>Глава 34.</i>	Дальний Восток II — возрождение	387
<i>ПРИЛОЖЕНИЕ Д.</i>	Отношение марксистов к войне . .	409
<i>ПРИЛОЖЕНИЕ Е.</i>	Предыстория Коммунистического Интер- национала	425
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>		429

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выход в свет данного тома завершает первую часть моего исследования истории Советской России. Все три тома имеют целью показать главные компоненты большевистской революции до наступления первых признаков консолидации политической власти зимой 1922/23 г. К этому времени достигла своего апогея первая волна экономического оздоровления, вызванная введением в 1921 г. НЭПа и отличным урожаем 1922 г.; принятие сельскохозяйственного, трудового и гражданского кодексов позволяло надеяться на юридическую стабильность; был достигнут существенный прогресс в области налаживания дипломатических и торговых связей с зарубежными странами, а Коммунистический Интернационал сошел с авансцены. Режим выстоял. Впервые с 1917 г. стало появляться ощущение безопасности. И в тот момент, когда, казалось, уже остались позади самые серьезные препятствия, ушел из жизни Ленин. Его исчезновение с политической сцены по праву знаменует собой почти радикальный поворотный момент. Опасности, поджидавшие впереди, открывают уже новый период.

Главной методологической трудностью, с которой я столкнулся при написании данного, третьего тома, была необходимость держать одновременно в поле зрения всю канву отношений Советской России с внешним миром, состоявшую из пестрых, но взаимосвязанных нитей. Какая-то ясность в этом вопросе могла бы быть достигнута путем обособленного рассмотрения отношений Советов с Европой и с Азией или посредством четкого разграничения между деятельностью Наркоминдела и Коминтерна. Но при этом пришлось бы пожертвовать всей сложностью и запутанностью истинной картины и существовал бы риск поощрения догматических взглядов относительно первостепенного значения того или иного аспекта советской политики. Поэтому я попытался, насколько возможно, расположить мой материал таким образом, чтобы сплести воедино различные нити и показать внутреннюю связь между ними. Я исключил из этого общего плана отношения Советов с Дальним Востоком, посвятив им две последние главы данного тома, поскольку из-за гражданской войны и продолжительной японской вооруженной интервенции в Сибири Дальний Восток вошел в об-

щее русло советской политики гораздо позже, чем Европа и остальная часть Азии. Как и в двух предыдущих томах, хронологические рамки завершения описания того или иного вопроса варьировались в зависимости от конкретной темы. Отношения с европейскими странами, как правило, рассматривались лишь до конца 1922 г., ибо французская оккупация Рура в январе 1923 г. вызвала развитие событий в новом направлении по всей Европе. С другой стороны, работа Лозаннской конференции, завершившаяся в 1923 г., отображена полностью, а в качестве естественного временного предела для глав о Дальнем Востоке послужило окончание миссии Иоффе и прибытие Карахана в августе 1923 г.

Сбор обильных, но разрозненных материалов был сам по себе одной из главных задач, однако существует ряд несомненно ценных источников, которые мне неизвестны или которые я не смог отыскать. Архивы и библиотеки Советского Союза фактически все еще закрыты для независимых исследователей, и поэтому самый богатый фонд доступных материалов по советской истории находится в Соединенных Штатах. В 1951 г. я в очередной раз посетил Соединенные Штаты по любезному приглашению Университета Дж. Гопкинса в Балтиморе, где я прочитал курс лекций по германо-советским отношениям в 1919—1939 гг. Благодаря этому случаю я смог ознакомиться с материалами, относящимися к советской истории, в Библиотеке конгресса, в Нью-Йоркской публичной библиотеке и в библиотеке Колумбийского университета. К сожалению, время не позволило мне вновь посетить самое богатое и всеобъемлющее хранилище советских материалов вне Советской России — институт и библиотеку Гувера в Стэнфорде. Тем не менее я испытываю особую признательность г-же О. Г. Ганкин из библиотеки Гувера за те неизменные готовность и терпение, с которыми она отвечала на мои многочисленные запросы, и за ее умелое обращение с обширными фондами собранных там материалов.

Я также особо обязан целому ряду авторов, исследователей и научных работников в Соединенных Штатах (с одними из которых меня связывают дружеские отношения, а другие не знакомы мне лично) за то, что они самым бескорыстным образом предоставили мне находившиеся в их распоряжении материалы и информацию и помогли заполнить значительные пробелы в моих знаниях. Г-н Густав Хильгер, прослуживший многие годы советником германского посольства в Москве, а ныне живущий в Вашингтоне, поделился со мной своими личными воспоминаниями о многих важных аспектах истории германо-советских отношений; его мемуары, об издании которых уже объявлено, послужат крайне необходимым источником для всех будущих историков. Г-н Дж. У. Ф. Холлгартен позволил мне ознакомиться с его записями, которые он делал при изучении документов, обнаруженных в захваченных немецких военных архивах, находящихся в настоящее время в Вашингтоне. Профессор Оуэн Лэттимор из Университета

Дж. Гопкинса предоставил в мое распоряжение опубликованные и неопубликованные монгольские материалы в английском переводе и поделился со мной своими уникальными знаниями о Монголии. Г-н Роджер Свиринджен и г-н Пол Лэнджер передали мне значительное количество материалов из японских источников, которые можно обнаружить в их книге «Red Flag in Japan: International Communism in Action, 1919—1951», изданной в Соединенных Штатах, после того как данный том был отправлен в типографию. Г-н А. С. Уайтинг из Северо-западного университета ознакомил меня с рукописью своей диссертации по вопросу советско-китайских отношений в 1917—1922 гг., которая в ближайшее время будет опубликована, а также привлек мое внимание к различиям в документах II конгресса Коминтерна, указанных на с. 191 (примечания 66 и 67). Г-н Джордж Кахин из Корнелльского университета ознакомил меня с ценными сведениями о раннем развитии коммунизма в Индонезии, почерпнутыми из местных источников. Друг, пожелавший остаться неизвестным, предоставил мне неопубликованные документы германо-советской дипломатической переписки, приведенные на с. 78 (примечание 117 и примечание 119), 242 (примечания 50 и 52). Наконец, Уильям Эпплмэн Уильямс из Орегонского университета, пришедший мне на помощь на последней стадии моей работы, прислал разъяснительные выдержки из неопубликованных записок Раймонда Робинса и Алекса Гамберга, а также сделанные им самим записи в Национальном архиве Соединенных Штатов вместе с частью рукописи его книги «American-Russian Relations 1781—1947», вышедшей осенью изданной в Соединенных Штатах. Если бы не столь широко и щедро оказанная помощь, настоящий том не обладал бы даже той, далеко не совершенной степенью сбалансированности и охвата, на которую он ныне может претендовать. Многие из тех, чьи имена я здесь назвал и кому я выражаю столь скромную благодарность, не согласились бы со мной и друг с другом в своей трактовке событий, рассматриваемых в этой книге. То, что такие разногласия не воспрепятствовали взаимопомощи, является обнадеживающим признаком присутствия независимости, которую истинный исследователь всегда стремится сохранить и поддерживать.

Я вновь получил ценное содействие со стороны почти всех моих соотечественников, помощь которых была широко признана в предисловиях к двум предыдущим томам; к их списку следует добавить имена профессора В. Минорски, оказавшего мне помощь квалифицированными советами по вопросам Средней Азии, поднятым в первом и третьем томах, г-на В. Волперта, любезно давшего мне возможность просмотреть неоконченную рукопись своей работы о Всемирной федерации профессиональных союзов, подлежащей публикации при содействии Королевского института международных проблем, и прочитавшего части моей рукописи, относящиеся к образованию Профинтерна, и г-на Ф. Л. Карстена, пре-

доставившего мне на время ряд редких брошюр и периодических изданий, проливающих свет на историю коммунизма в Германии. Г-н Исаак Дойчер, как и прежде, прочитал значительную часть моей рукописи и сделал ряд существенных замечаний, а г-жа Джейн Дигрэс, которой я был обязан за ее быструю и квалифицированную помощь в моих постоянных поисках материала, сделала корректорскую правку всего текста, избавив меня тем самым от многих ошибок и опечаток. Я вновь приношу свою признательность трудолюбивым и умелым коллективам библиотек Лондонской школы экономики и Королевского института международных проблем. И наконец (по очевидной причине), но ни в коем случае не в последнюю очередь, д-р Илья Нейштадт из Университетского колледжа в Лестере заслужил мою горячую благодарность за проведенную им сложную работу по составлению предметно-именного указателя ко всем трем томам.

Завершение работы над трехтомной «Большевистской революцией, 1917—1923», естественно, заставило меня рассмотреть перспективы подготовки большего труда, к которому данный трехтомник являлся бы вступлением. Хотя теперь я, возможно, еще более, чем ранее, отдаю должное убедительности популярного в настоящее время аргумента в пользу коллективного предприятия в области написания современной истории, я не оставляю надежду, при условии что смогу рассчитывать на поддержку со стороны столь многих помощников, которую я до сих пор находил, что сумею выполнить эту задачу самостоятельно. Я уже провел значительные исследования и написал некоторые вопросы для следующего выпуска и полагаю, что смогу завершить очередной том в будущем году, хотя еще не принял окончательного решения относительно его рамок, расположения материала и названия.

Э. Х. Карр

20 октября 1952 г.

Часть V

**СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
И
ВНЕШНИЙ МИР**

ГЛАВА 21

ОТ ОКТЯБРЯ К БРЕСТ-ЛИТОВСКУ

«Социал-демократическое движение, — писал Ленин в начале своей политической карьеры, — международно, по самому своему существу»¹. Оно стало таковым благодаря двум причинам. Рожденный Французской революцией и популяризируемый ею взгляд на революцию как на феномен, игнорирующий государственные границы, подразумевал право и долг революционеров нести в другие страны тот факел освобождения, который они зажгли в своей собственной стране; это послужило основой создания концепции революционной войны. Революция 1848 г. не ограничилась пределами одного государства. Напротив, революционный процесс, распространяясь подобно чуме, захватил всю Европу, дойдя до рубежей России. Поэтому как должное было воспринято то, что социалистическая революция развивалась по тому же образцу и, одержав победу в одной стране, так же быстро распространила свое влияние в Европе, а затем и во всем мире. Это происходило отчасти в силу заразительного характера революционного процесса, а отчасти в результате преднамеренных действий самих революционеров. Однако международный характер социал-демократии крылся и в другом. «Национальная обособленность и противоположности народов, — сказано в «Манифесте Коммунистической партии», — все более и более исчезают... Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение». «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — таков был боевой клич социал-демократического движения. Его программа предусматривала уничтожение государственных барьеров «для того, чтобы открыть дорогу для межвания другого рода, межвания по классам»². Принадлежность к тому или иному классу, настаивал Ленин, всегда доминирует над принадлежностью к тому или иному государству³. Опираясь на этот принцип, Ленин в 1914 г. выступил с недвусмысленным призывом к «превращению современной империалистической войны в гражданскую войну». Еще в октябре 1915 г. он рассматривал возможность того, что первая пролетарская революция впервые может начаться в отсталой России. В этом случае перед русским пролетарским правительством встанет задача завершения буржуазно-демократической революции в России, провозглашения лозунга демократического мира (принять который европейские

буржуазно-демократические правительства окажутся не в состоянии) и раздувания очагов национальных революций в Азии, направленных против империалистических держав. Таким образом, были бы подготовлены условия для социалистической революции не только в Европе, но и в России⁴.

Когда 3 апреля 1917 г. Ленин приехал в Петроград, огромная важность вопроса о войне и мире стала уже очевидной. Как Временное правительство, так и эсеров-меньшевистское большинство в Петроградском Совете считали, что свержение царя и образование демократического правительства оправдывают военные усилия, осуществляемые во имя защиты революции. С первым Временным правительством, министром иностранных дел в котором был Милюков, большинство Петроградского Совета расходилось лишь в том, что настаивало на проведении активной кампании за «демократический» мир «без аннексий и контрибуций». Большая часть петроградских большевиков придерживалась той же линии; Каменев открыто выступил с лозунгом национальной обороны⁵. Ленин посвятил этой теме первый из своих десяти «Апрельских тезисов». Прежде всего он подчеркнул, что Временное правительство — это правительство капиталистическое и что его приход к власти не изменил характера войны, которую вела Россия: она по-прежнему оставалась «грабительской, империалистической войной». Следовательно, любые уступки «революционному оборончеству» объявлялись недопустимыми. Вместе с тем конкретные рекомендации были осторожными: кампания по убеждению введенных в заблуждение масс в том, что существует неразрывная «связь капитала с империалистической войной», организация пропаганды в армии и «братание»⁶. Десятью днями позже, на Петроградской партийной конференции, Ленин предложил большую и подробную резолюцию о войне, повторявшую нападки на «революционное оборончество». Тем не менее ряд положений этой резолюции явно был призван умиротворить критиков и колеблющихся. В ней признавалось, что «совершенно бессмысленно было бы предположение, что можно окончить эту войну односторонним отказом солдат *какой угодно одной* страны от продолжения войны, односторонним прекращением военных действий, простым „втыканием штыков в землю”». Проект резолюции призывал конференцию протестовать «еще и еще раз против низкой клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партии, именно, будто мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией». Германский император был назван таким же «коронованным разбойником», как Николай II или любой из союзных монархов. В доказательство того, что партия в случае прихода к власти намерена немедленно предложить демократический «мир Германии и *всем народам вместе*», цитировалась декларация, опубликованная в партийном журнале «Социал-демократ» в октябре 1915 г. Проект резолюции подтверждал эту декларацию, дополняя ее словами о том, что, «пока большинство народа... не поняло еще

неразрывной связи данной войны с интересами капиталистов, есть лишь одно практическое средство ускорить прекращение бойни народов». Этим средством было братание солдат на фронте, а его цель состояла в осуществлении полной передачи государственной власти в Германии и России в руки Советов рабочих и солдатских депутатов⁷. Этот проект, по-видимому, был положен под сукно Петроградской конференцией и вновь выдвинут Лениным в конце месяца на Всероссийской конференции РСДРП(б) (известной как Апрельская конференция).

Перед самым началом Всероссийской конференции ситуация еще более осложнилась в результате визита в Петроград во второй половине апреля 1917 г. датского социалиста Боргбьерга, который передал исполнительному комитету Петроградского Совета предложение направить своих представителей на международную социалистическую конференцию в Стокгольме для обсуждения условий мира. Два патриотически настроенных немецких социал-демократа, Шейдеман и Эберт, с разрешения германского правительства встретились с Боргбьергом перед его отъездом из Копенгагена; как сообщалось, условия, в поддержку которых они готовились выступать, включали уход Германии с оккупированных ею территорий, исправление границы в Лотарингии и культурную автономию германской части Польши. Эсеро-меньшевистское большинство в Совете и кое-кто из большевиков были готовы приветствовать подобное начало переговоров. Но Ленин на Апрельской конференции большевиков расценил немецкие предложения как свидетельство того, что положение в Германии отчаянное. Назвав Боргбьерга агентом германской буржуазии, а предлагаемую Стокгольмскую конференцию комедией⁸ и сняв с себя таким образом обвинения в том, что он выступает в пользу сепаратных переговоров с Германией, Ленин вновь вернулся к вопросу о войне, представив слегка измененный вариант проекта резолюции, выработанного одной из комиссий конференции. В начале этой резолюции, принятой единогласно при семи воздержавшихся, подчеркивался капиталистический характер империалистической войны и выдвигалось требование об опубликовании и отмене «всех тайных грабительских договоров». Вторая часть ее осуждала «революционное оборончество». В третьей провозглашалось, что «эту войну можно окончить демократическим миром *только* посредством перехода всей государственной власти по крайней мере нескольких воюющих стран в руки класса пролетариев и полупролетариев». Резолюция повторяла программу, которую Ленин впервые выдвинул в 1915 г. и которая предусматривала немедленное предложение всем воюющим сторонам «демократического мира». Однако она избегала открытого провозглашения пораженчества, камуфлируя его настоящим словесным водопадом: «Эти меры и это открытое предложение мира создали бы полное доверие рабочих воюющих стран друг к другу и неизбежно привели бы к восстаниям пролетариата против тех империалистических правительств, кото-

рые воспротивились бы предложенному миру». Таким образом, революционная пропаганда и братание на фронте рассматривались как необходимые лишь до тех пор, пока «революционный класс в России не взял в свои руки всей государственной власти»; ибо за этим актом последует переход власти к пролетариату в других странах⁹. Конференция армейских большевистских организаций, проходившая в июле 1917 г. и выразившая протест против июльского наступления в Галиции, поддержала указанную точку зрения, используя почти тот же язык: за передачей власти Советам последует предложение мира всем воюющим сторонам и это предложение «повело бы неминуемо к восстанию пролетариата против всех империалистических правительств, которые противились бы такому миру»¹⁰.

Таким образом, на протяжении всего периода с апреля по октябрь 1917 г. со стороны большевиков имело место явное или скрытое предположение, что большевистская революция в России, окончание войны с помощью «демократического» мира и пролетарская революция в Европе — это практически неразделимые части единого процесса. В конце 1917 г. в статье, опубликованной в партийном журнале, Ленин допускал, правда, возможность и менее благоприятной альтернативы: «Если осуществится наименее вероятное, т. е. если ни одно воюющее государство не примет даже перемирия, тогда война с нашей стороны делается действительно вынужденной, действительно справедливой и оборонительной войной. Уже одно сознание этого пролетариатом и беднейшим крестьянством сделает Россию во много раз более сильной и в военном отношении, особенно после полного разрыва с грабящими народ капиталистами, не говоря уже о том, что тогда с нашей стороны война будет не на словах, а на деле, войной в союзе с угнетенными классами всех стран, войной в союзе с угнетенными народами всего мира»¹¹.

Однако даже в этом случае, в чем Ленин не сомневался, само по себе объявление подобной войны привело бы к немедленной революции в капиталистических странах. Именно такую картину представлял себе Ленин, когда продолжал лелеять возможность «революционной войны». Врожденный оптимизм и вера в революцию не позволяли ему допустить вероятность того, что капиталистические державы могут отвергнуть «демократический мир» и еще будут в состоянии использовать свою военную мощь против революционных сил.

Пропаганда демократического мира без аннексий и контрибуций привела в крайнее замешательство Временное правительство, которое с мая 1917 г. включило в свой состав эсеров и меньшевиков и начало оказывать все более и более ощутимое давление на западных союзников, с тем чтобы определить основные цели войны. Февральская революция оказала немедленное воздействие на политическую ситуацию в Великобритании — там заметно окрепли все левые силы, с началом войны временно находившиеся в

тени. Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что Февральская революция дала толчок требованию о формулировании «демократических» целей войны¹². Первые серьезные дебаты относительно целей войны состоялись в палате общин 16 мая 1917 г. по инициативе Сноудена, бывшего тогда представителем Независимой лейбористской партии. Сноуден выступил за принятие декларации, в которой цели войны были бы изложены в соответствии с русской формулой о самоопределении и отказе от аннексий и контрибуций. Предложение Сноудена, получившее 32 голоса, было явной демонстрацией со стороны меньшинства.

Влияние Февральской революции на общественное мнение в США было не менее поразительным. И хотя нет доказательств того, что это влияние ускорило вступление Соединенных Штатов в войну, бесспорно то, что оно устранило одно из серьезных препятствий, стоявших перед теми, от кого зависел подобный шаг¹³; оно также привело к выдвижению требования принять декларацию о целях мира, причем в отличие от тех целей, которые до этого считали подходящими другие союзники, гораздо более четких и «демократичных». Нежелание союзников присоединиться к этому требованию и отказ британского и французского правительств разрешить английским и французским социалистам присутствовать на предполагаемой мирной конференции в Стокгольме (которая провалилась в результате этого отказа) нанесли ущерб Временному правительству, сделав его в высшей степени уязвимым для большевистской атаки. Осенью 1917 г. как внешние, так и внутренние предзнаменования казались Ленину все более благоприятными. Решение ЦК партии о захвате власти, принятое 10 октября 1917 г. вопреки голосам Зиновьева и Каменева, начиналось ссылкой на «международное положение русской революции» как на один из факторов, который «ставит на очередь дня вооруженное восстание». «Международное положение» охватывало «восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции» и угрозу «мира империалистов с целью удушения революции в России»¹⁴. На следующем заседании 16 октября 1917 г. Ленин вновь упомянул о мятеже на германском флоте и утверждал, что «положение международное дает нам ряд объективных данных, что, выступая теперь, мы будем иметь на своей стороне всю пролетарскую Европу»; и не кто иной, как Сталин на этом же самом заседании ратовал за «большую веру» в международное положение и сформулировал более ясно, чем кто-либо, суть разногласий между Лениным, с одной стороны, и Каменевым и Зиновьевым — с другой: «Тут две линии: одна линия держит курс на победу революции и озирается на Европу, вторая — не верит в революцию и рассчитывает быть только оппозицией»¹⁵.

Надежда на Европу была главной предпосылкой победы социализма в России. Ленин по-прежнему был убежден, что для этого необходимо сочетание двух условий — внутреннего и между-

народного. Об этом он категорически заявил еще в 1905 г., когда обосновывал возможность перехода к социалистической революции, — союз с русским крестьянством и поддержка пролетарской революции в Европе. Да и в октябре 1917 г. он не верил всерьез в то, что победоносная революция в России сможет выжить, если оба этих условия не будут быстро выполнены. Первые два законодательных акта большевиков, принятые ими после захвата власти — Декрет о земле и Декрет о мире, — являлись попытками добиться выполнения упомянутых условий.

Знаменитый Декрет о мире, в действительности представлявший собой воззвание к правительствам и народам воюющих стран о заключении демократического мира, был первым внешнеполитическим актом «временного правительства рабочих и крестьян», принятым II Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г., на следующий день после победоносной революции. Его движущей силой была частично внутриполитическая обстановка. В определенном смысле Декрет о мире вызвал непосредственно к крестьянину — крестьянину в солдатской шинели, — как, впрочем, и Декрет о земле. В этот критический момент режим зависел от крестьянских масс, в особенности от мобилизованных крестьянских масс, чья точка зрения оставалась, если прибегнуть к марксистской терминологии, «мелкобуржуазной»; и пока дело обстояло именно так, революция не могла сбросить с себя буржуазно-демократические путы. Массы, говорил позднее Ленин, «истомленные, истерзанные четырехлетней войной», хотели только мира и «не в состоянии были поставить вопроса, из-за чего война»¹⁶. Но Ленин думал не только о крестьянах. В конце XIX века, в особенности в Германии, буржуазно-радикальный пацифизм начал приобретать явные черты социал-демократического отношения к проблемам войны и мира. Подобного влияния не избежали и русские социал-демократы; даже для многих большевиков, как показал опыт апреля 1917 г., было легче мыслить этими категориями, нежели говорить о мире, достигаемом через национальное поражение и социальную революцию. В критический момент захвата власти, когда жизнеспособность нового режима еще находилась под угрозой, Ленин был вынужден использовать тот политический язык, который бы объединил большинство его потенциальных сторонников и отпугнул лишь немногих из них. Декрет о мире был, однако, прежде всего чисто внешнеполитическим актом. Содержавшийся в нем призыв к американскому общественному мнению и столь же радикально настроенным кругам общественности в других странах, безусловно, был рассчитан на то, чтобы вызвать симпатию к этому документу. Двумя годами раньше Ленин предсказал, что «ни Германия, ни Англия с Францией» не смогут принять мир на условиях, предложенных большевиками. Но правильной политикой было предложение достаточно разум-

ных условий, отклонение которых выглядело бы обескураживающим и компрометирующим тех, кто отклоняет их; очевиден был соблазн изложить эти условия с помощью лозунгов, максимально приближающихся к тем, которые выдвигались по ту сторону Атлантического океана. Советское правительство унаследовало от Временного правительства традицию общности интересов Соединенных Штатов и революционной России в кампании за демократический мир.

Выходило, таким образом, что Декрет о мире, утвержденный II Всероссийским съездом Советов на следующее утро после революции, был по своему духу и языку гораздо более вильсоновским, нежели марксистским, и заслужил, чтобы к нему относились не просто как к какому-то отдаленному отпрыску «Манифеста Коммунистической партии», а скорее как непосредственному предтече тех «14 пунктов», которые появились двумя месяцами позже; и действительно, тот факт, что Декрет о мире косвенно вдохновил Вильсона на произнесение речи с изложением «14 пунктов», был надлежащим образом доказан¹⁷.

Декрет содержал предложение немедленного заключения мира, адресованное «всем воюющим народам и их правительствам», и был передан всем странам. Он требовал не социалистического, а «справедливого демократического» мира — мира без аннексий и контрибуций, мира, основанного на праве всех наций на самоопределение путем «свободного голосования». Он объявил об отмене тайной дипломатии, о намерении правительства опубликовать тайные договоры прошлого, а также о том, что все будущие переговоры будут проводиться «совершенно открыто перед всем народом». Ничего не говорилось в декрете ни о капитализме как причине войны, ни о социализме как лекарстве от капитализма. Слабый намек на мировую революцию был в заключительной фразе декрета, в которой рабочие Англии, Франции и Германии приглашались помочь своим русским товарищам «успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации». Резолюция II Всероссийского съезда крестьянских депутатов, принятая 3(16) декабря 1917 г., не заходила так далеко, как декрет. Она содержала призыв к «крестьянам, рабочим и солдатам Германии и Австро-Венгрии, сводящийся лишь к тому, чтобы «дать беспощадный отпор империалистическим требованиям своих правительств и таким путем обеспечить скорейшее заключение народного мира»¹⁸.

Очевидец первых недель революции живо описывает преобладавшие тогда настроения:

«На балконе министерства иностранных дел было водружено огромное красное знамя, развевавшееся на зимнем ветру. „Да здравствует мир!“ — было начертано на нем. Вся атмосфера этого места создавала впечатление, что русские революционеры всерьез занялись борьбой за мир. Фразеология классовой войны, по край-

ней мере временно, исчезла из словаря Троцкого и была заменена словами: „Интернациональный мир народов”¹⁹.

И Радек пять лет спустя в своей статье, посвященной юбилею революции, характеризуя цель советской политики в те первые мгновения, смог ни разу не упомянуть ни о классах, ни о революции: «Поднимать широкие массы в союзных странах, с тем чтобы правительства под давлением масс могли бы сесть с нами за стол мирных переговоров и таким образом вести дело к всеобщему миру, который был бы для нас более благоприятен»²⁰.

Наряду с предложением демократического мира всем воюющим государствам единственный другой пункт своей внешнеполитической программы, который большевики обнародовали еще до захвата власти, касался отмены и опубликования тайных договоров. Это обещание было повторено в Декрете о мире. Публикация договоров, в которых воюющие союзники договорились разделить добычу в случае будущей победы, рассматривалась в качестве основной задачи и достижения советской дипломатии. Тайная дипломатия на протяжении долгого времени являлась излюбленной мишенью для нападок как социал-демократов, так и буржуазных радикалов. Ее заклеямили на Копенгагенском конгрессе Второго Интернационала в 1910 г.; в Великобритании одна влиятельная радикальная группа с пацифистскими наклонностями создала во время войны Союз демократического контроля, главными функциями которого были пресечение тайной дипломатии и народный контроль за внешней политикой; конституция Соединенных Штатов была составлена таким образом, чтобы предотвратить принятие любых международных договоренностей, не ратифицированных публично сенатом. Таким образом, публикация тайных договоров, как и Декрет о мире, являлась в каком-то смысле призывом к американской общественности и радикальным кругам в союзных странах, призывом, последовавшим через головы союзных правительств, чьи грязные сделки друг с другом и со свергнутым царским режимом стали в результате этого достоянием гласности во всем мире.

Публикация договоров, заключенных в период между 1914 и 1917 гг.²¹, началась в номере «Известий» от 10 (23) ноября 1917 г.; потом эти документы были изданы вновь уже в виде брошюр. Семь таких брошюр быстро вышли одна за другой с декабря 1917 по февраль 1918 г. Затем были обнародованы многие секретные документы русской дипломатии, относящиеся к предреволюционному периоду. Первая публикация на английском языке, появившаяся 12 декабря 1917 г. в газете «Манчестер гардиан», побудила британские радикальные круги потребовать определения целей мира. Она произвела сенсацию в Соединенных Штатах и, безусловно, повлияла на решение Вильсона начать составление «14 пунктов», работу над которыми он начал спустя несколько дней. Не случайно, что в первом из этих пунктов было зафиксировано требование молодой американской демократии и еще более

юной русской демократии, отвергавших традиционную практику старых держав:

«Открытые договоры о мире, заключенные открыто, после чего не остается каких бы то ни было частных международных понятий. Дипломатия всегда осуществляется честно и на виду у всех».

Обращение, призванное просветить радикальное общественное мнение в Соединенных Штатах и в других странах, не ослабило значения публикации тайных договоров. Демократическая кампания против тайной дипломатии базировалась на той радикальной вере в силу и справедливость общественного мнения, которая столь глубоко укоренилась в демократической доктрине XIX века. Призыв не к коррумпированным правительствам, а к просвещенным народам был общей характерной чертой как политических заявлений Вильсона, так и пропагандистских выступлений буржуазных радикальных организаций, подобных Союзу демократического контроля, который находил широкую и некритическую поддержку²². Это было готовое орудие в руках большевиков, с помощью которого оставалось лишь осуществить едва уловимую подмену буржуазно-демократической идеализации всего народа марксистской идеализацией пролетариата и направить свои стрелы скорее против буржуазного капитализма в целом, нежели только против капиталистических правительств. Когда в апреле 1917 г. Ленин заявил, что тайные договоры вскрывают «в наиболее выпуклой форме противоречия между интересами капиталистов и волею народа», такой переход был осуществлен наполовину²³. Публикации первых договоров в «Известиях» было предпослано краткое предисловие за подписью Троцкого, первые фразы которого соответствовали «демократическому» обращению:

«Борьба против империализма, обескровившего и разорившего народы Европы, означает вместе с тем борьбу против капиталистической дипломатии, которая имеет достаточно причин бояться дневного света. Русский народ и с ним вместе народы Европы и всего мира должны узнать документальную правду о тех планах, которые втайне ковали финансисты и промышленники совместно со своими парламентскими и дипломатическими агентами... Упразднение тайной дипломатии есть первейшее условие честной, народной, действительно демократической внешней политики».

Однако заключительная часть представляла собой осторожный переход на другую почву:

«Наша программа формулирует пламенное желание миллионов рабочих, солдат и крестьян. Мы хотим скорейшего мира на основе честного сожительства и сотрудничества народов. Мы хотим скорейшего ниспровержения господства капитала. Разоблачая перед всем миром работу правящих классов, как она выражается в тайных документах, мы обращаемся к трудящимся с тем призы-

вом, который составляет неизменную основу нашей внешней политики: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”»²⁴.

Месяцем позже, на сессии ВЦИК, Троцкий изложил этот принцип более бескомпромиссно:

«... для нас существует лишь один, неписанный, но священный договор, договор международной солидарности пролетариата»²⁵.

Было бы, разумеется, ошибкой относиться к Декрету о мире и публикации тайных договоров лишь как к преходящему обстоятельству или тактической уловке. Понимание внедряемого большевистской идеологией по существу нового фактора международной политики необходимо для анализа преобладающих настроений первых нескольких революционных месяцев. Накануне Октябрьской революции Милюков, выступая в так называемом предпарламенте, насмешливо изобразил «формулу революционной демократии»:

«Никакой внешней политики, никаких дипломатических секретов, но немедленный так называемый демократический мир; а единственное, что нам нужно для его достижения, так это заставить наших союзников принять точки зрения Ленина и Троцкого и сказать вместе с ними: «Мы ничего не хотим, нам не за что бороться». Затем наши враги проделают то же самое, и братство наций станет свершившимся фактом»²⁶.

Руководствуясь именно этими настроениями, новое революционное правительство провозгласило себя «временным рабоче-крестьянским правительством». Охарактеризовать географически или определить территориальные границы его суверенитета оказалось бы трудным делом, поскольку в тот момент никто не мог с уверенностью сказать, какой из народов бывшей царской империи останется ему верен; но в любом случае, какое бы государственное образование ни было создано, ему предстояло немедленно принять форму некой европейской или всемирной республики либо федерации республик, если революционному режиму вообще суждено было выжить. Но это была не просто проблема необходимости или удобства решений, а нечто большее. Революция отвергла старые деления по национальному признаку как устарелые и заменила их на классовые. Не русский, а рабочий или крестьянин — вот что стало новым признаком лояльности.

Подобная концепция претворялась в жизнь и ранее. Декрет Национальной ассамблеи Франции от 20 апреля 1792 г. обязал французскую нацию «заранее принять, как сыновей, всех иностранцев, которые, отказываясь служить делу своих врагов, собираются под ее знаменами и посвящают свои усилия защите свободы». В своих прокламациях Парижская Коммуна нередко именovala себя «всемирной республикой». После выборов в Коммуну было решено, что, поскольку «флаг Коммуны будет флагом всемирной республики», избрание иностранцев является правоммерным²⁷. В соответствии с этими прецедентами гражданство Советской республики было предложено всем военнопленным, готовым

открыто заявить о своей идеологической лояльности новому режиму, а Конституция РСФСР предоставляла права гражданства без соблюдения каких-либо утомительных формальностей «иностранцам, проживающим на территории Российской Республики, для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству»²⁸. Красная Армия ни по происхождению, ни по концепции не была чисто национальной. Буквально в дни ее создания, 24 февраля 1918 г., «Правда» опубликовала обращение трех американцев с призывом записываться добровольцами в англоязычную «международную часть Красной Армии»; указывалось, что это обращение распространяется на пяти языках²⁹. В свою очередь готовность принять иностранцев в ряды революционной паствы означала, что любой большевик может ощущать себя гражданином мира. Как писал в свое время в вышедшей в Германии подпольной публикации Радек, который являл собой тип международного революционера без какого-либо определенного национального статуса, «мы более не москвичи и не граждане Совдепии, мы — авангард мировой революции»³⁰. Петроград стал не столько столицей национального государства, сколько штаб-квартирой революционного пролетариата.

Подобные настроения способствовали высокомерно-презрительному отношению к традиционным внешнеполитическим концепциям и способам ведения международных дел. Троцкий, назначенный на пост народного комиссара по иностранным делам, характеризуя свою позицию как «активный интернационализм», объявил о своих функциях в кратком изречении, воспроизведенном в его автобиографии: «...вот издам несколько революционных прокламаций к народам и закрую лавочку»³¹.

И это вовсе не был пустой жест. За время пребывания на посту народного комиссара по иностранным делам он, кажется, лишь однажды посетил бывшее министерство иностранных дел. По этому случаю Троцкий собрал тех его сотрудников, которые согласились прийти, и объяснил им «в двух-трех словах», что каждый, кто готов лояльно служить новому режиму, может остаться. Но работы фактически не было, если не считать публикации тайных договоров и распродажи содержимого дипломатических вализ, набитых подарками для сотрудников аппарата бывшего МИДа. Выполнение этих функций было доверено полуграмотному матросу Маркину и полупьяному студенту Поливанову, политическая принадлежность которого вызывала сомнения. Общее руководство осуществлял надежный член партии Залкинд³². Дипломатическая переписка, которая тогда имела место — ноты о пропуске курьеров или об обмене содержащихся под стражей большевиков на иностранцев, задержанных на территории России, — велась самим Троцким из Смольного в перерыве между более серьезными делами. «Правительство победоносной революции, — провозгласил Совнарком в одном из своих радиообраще-

ний того времени, — не нуждается в признании профессионалов капиталистической дипломатии»³³. Позднее Троцкий добавил в одном из интервью, что Советская власть «абсолютно безразлична к подобной детали дипломатического ритуала». Как он считал, «дипломатические сношения необходимы не только между правительствами, но также между революционными социалистическими партиями, борющимися за свержение существующих правительств»³⁴. Среди немногих документов, относящихся к периоду пребывания Троцкого на посту народного комиссара по иностранным делам, был декрет, опубликованный в «Правде» 27 ноября (11 декабря) 1917 г. В нем объявлялось об увольнении большинства ведущих русских дипломатов за границей, включая послов в Лондоне, Вашингтоне и Риме, «ввиду неполучения ответа на посланные телеграммы и радиотелеграммы»³⁵.

Презрение к традиционной внешней политике и закоренелый интернационализм явились логическим следствием единодушно разделяемых в то время взглядов на будущность режима. Троцкий выразительно изложил их сразу же после свержения революции:

«Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены, это несомненно. Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу революцию»³⁶.

Поскольку европейская или мировая революция считалась общепризнанным условием не только построения социализма в России, но и самого выживания советского режима, основополагающей целью внешней политики должно было быть содействие ее осуществлению и развитию. Методы достижения этой цели характеризовались прямотой и простотой. В числе первых распоряжений Совнаркома в «Правде» был опубликован декрет от 13/26 декабря 1917 г. за подписями Ленина как главы правительства и Троцкого в качестве народного комиссара по иностранным делам, постановлявший «ассигновать на нужды революционного интернационалистического движения в распоряжение заграничных представителей Комиссариата по иностранным делам два миллиона рублей»³⁷.

Через несколько недель после революции народный комиссариат по иностранным делам учредил «отдел международной пропаганды» под руководством Радека, основной задачей которого был выпуск ежедневной газеты на немецком языке «Die Fackel» для распространения ее среди немецких и австрийских военнопленных и германских войск на Восточном фронте³⁸. 19 декабря 1917 г./1 января 1918 г. этот орган был передан из Наркоминдела во ВЦИК, и «Die Fackel» превратилась в «Der Völkerfriede», имевшую на первой странице объявление, что она издавалась «ежедневно под редакцией Карла Радека для свободного распространения среди немецких братьев». Наиболее удивительным в этих изданиях явился, быть может, интеллектуальный характер содержащихся в них призывов, предполагавших некоторую осве-

домленность читателя в области основных догматов марксизма. Аналогичные публикации появились на венгерском, румынском, сербском, чешском и турецком языках³⁹. В разбросанные по всей России лагеря для военнопленных были направлены эмиссары, и 10 тыс. германских и австрийских военнопленных были организованы и обучены для целей революционной работы среди своих соотечественников. О быстрых успехах этой деятельности свидетельствовало заявление Троцкого от 9/22 декабря 1917 г. о том, что революционные австро-венгерские военнопленные предложили свои услуги в борьбе против германского империализма в случае возобновления военных действий⁴⁰. Спустя две недели «Правда» опубликовала призыв «к пролетариату Австро-Венгерской монархии и Германской империи», подписанный «социал-демократической организацией военнопленных в России»⁴¹.

Хотя первоначально основные усилия революционной пропаганды были направлены против воюющих с Россией держав, вскоре внимание стало уделяться и другим западным странам. Только что выпущенный из английской тюрьмы Чичерин в январе 1918 г. заявил III Всероссийскому съезду Советов, что «дело английского империализма близко к краху», что «в самом ближайшем будущем пожар революции охватит и английский народ» и что «эта революция — будет революцией социалистической»⁴². В соответствии с первыми тремя дипломатическими назначениями нового режима Воровский отправился в Стокгольм, Карахан — в Женеву, а Литвинов — в Лондон⁴³. В своей официальной деятельности Литвинов руководствовался главным образом «демократическими» положениями Декрета о мире. В январе 1918 г. он опубликовал обращение «к рабочим Великобритании» с призывом поддержать требование «немедленного, справедливого, демократического мира, основанного на принципе отказа от аннексий и контрибуций», который бы «повлек за собой свержение милитаризма во всех странах»⁴⁴. На левые круги оно произвело благоприятное впечатление, а его выступление на конференции лейбористской партии в Ноттингеме 22 января 1918 г., в котором он разъяснил, что российские рабочие «вели неравную борьбу против империалистов всего мира за честное применение демократических принципов», было встречено овацией⁴⁵. Но характер его функций не исключал и призывов к революции в более прямой форме. В то время, когда Радек стал отвечать за немецкий отдел, Наркоминделом был учрежден и другой отдел — «отдел международной революционной пропаганды» — во главе с американским гражданином российского происхождения Борисом Рейнштейном. Под его руководством революционная литература на английском языке вскоре стала выходить в большом количестве, а поскольку британское правительство в целях обеспечения неприкосновенности своей дипломатической переписки с Петроградом должно было в порядке взаимности признать дипломатический иммунитет за Литвиновым в Лондоне, эта литература в дипломатических

вализах быстро достигала британских берегов⁴⁶. Это восстановило британское правительство против Литвинова и большевиков, но не имело никаких других видимых результатов.

Провал надежд на то, что Декрет о мире вызовет какой-либо отклик со стороны западных союзников, и острая необходимость, несмотря на этот провал, закончить войну с Германией впервые заставили советских руководителей принять политическую концепцию, отвечающую национальным интересам и национальным требованиям. Начиная с этого момента в советской внешней политике появилась некая двойственность. В каждом конкретном случае всегда был теоретически возможен вопрос — отдавалось ли предпочтение или в ретроспективе было ли оно отдано советским национальным интересам или интернациональным интересам мировой революции, что в пылу политической полемики могло оцениваться просто как выбор между принципом и целесообразностью. Но поскольку было трудно установить в любой из рассматриваемых периодов какую-либо фундаментальную несовместимость этих двух интересов, данный вопрос во многом оказывался надуманным или сводился только лишь к проблеме тактики.

Ленин задолго предусмотрел возможность того, что пролетарская революция, совершенная только в одной стране, даже, может быть, в отсталой России, будет некоторое время изолированным явлением в капиталистическом мире⁴⁷, и был, возможно, лучше, чем большинство его последователей, подготовлен к реалистичной оценке сложившейся в итоге ситуации. После триумфальной победы революции иллюзии относительно того, что политика и дипломатия были не более чем недобрым наследием капитализма и что ставкой диктатуры пролетариата должен был быть генеральный штаб боевого движения, а не столица сложившегося государства, автоматически и почти неосознанно развеялись. На следующий день после революции Совнарком взял на себя ответственность за все вопросы, относящиеся к государственной компетенции на территории, которая, несмотря на то что не имела точных границ и даже официального названия, тем не менее являлась подразделением мира, разделенного на государства. С международной точки зрения Советская республика становилась государством именно в силу этого факта и независимо от какого-либо преднамеренного акта ее новых правителей. Остальное сделал инстинкт самосохранения.

У большевиков были веские основания поддерживать и защищать государственную власть от вторжения других государств до той поры, пока не осуществилась бы их мечта о революции в Европе, а в тревожных условиях осени 1917 г. это означало, что они должны были, переборов самих себя, выработать внешнюю политику для этого исторического отрезка. В более конкретном плане они должны были любой ценой вывести Россию из войны, поскольку крестьяне, из которых набирали рядовой состав армии,

поддержали бы только тот режим, который дал бы им мир. Но для того чтобы заключить мир, нужны двое, что Ленин, в отличие от Троцкого, понял с самого начала, а из этого вытекало, что до наступления мировой революции было необходимо завоевать передышку у воюющих капиталистических стран. Таким образом, ситуация, в которой оказались большевики, вынудила их пойти на двойственную и в некотором отношении противоречивую внешнюю политику, состоявшую из попыток ускорить крах капиталистических правительств и попыток вести с ними переговоры.

Революционной доктриной предполагалась равная в основе своей враждебность Советской власти в отношении всех капиталистических правительств, и вначале считалось, что такое единообразное осуждение должно определять повседневные отношения с остальным миром. Представляется, что эта беспристрастность оправдывалась опытом первых послереволюционных недель. Посольства союзных держав в Петрограде полностью бойкотировали новый режим. Первым официальным представителем союзников, который в то время попытался установить дружественные отношения с новым правительством и проявил веру в искренность большевистских вождей и в прочность их режима, был радикальный до крайности капитан из французской военной миссии Садюль. Его начальство терпело посещения им Ленина и Троцкого, терпело, несомненно, ради информации, которую он мог добыть. Но когда 17/30 ноября 1917 г. он попытался получить разрешение направить от своего собственного имени телеграмму, содержащую доводы против продолжавшегося бойкота Советского правительства своим друзьям-социалистам во французском военном министерстве Альберу Тома и Лушёру, ему было отказано⁴⁸.

Еще большие надежды сначала возлагались на Америку. Представитель комиссии Американского Красного Креста в Петрограде Раймонд Робинс, который первоначально главным образом заботился о сохранности складов Красного Креста, очень скоро, под впечатлением силы и стойкости нового режима, через три или четыре дня после захвата власти, добился встречи с Троцким⁴⁹, а впоследствии не только поддерживал с ним контакты, но и стал в американских официальных кругах активным сторонником благоприятного отношения к Советскому правительству. Первым человеком, которого он обратил в свою веру, стал военный атташе Джадсон. 18 ноября/1 декабря 1917 г., потерпев неудачу в привлечении к сотрудничеству военных атташе Англии и Франции, но заручившись согласием американского посла, Джадсон посетил Троцкого и имел с ним длительную и дружескую беседу⁵⁰. Троцкий был готов допустить, чтобы Россия имела «известные обязательства по отношению к своим союзникам», а Джадсон призвал его в случае достижения перемирия «помочь другим фронтам, воспрепятствовав переброске на них германских войск, противостоявших русской армии», а также не допустить освобождения немецких и австрийских военнопленных. Троцкий

ответил, что он «уже думал о таких условиях» и что «комиссии по заключению перемирия будут даны соответствующие инструкции»⁵¹. Он также заверил Джайсона в том, что союзникам будет предоставлена возможность «изучить» предлагавшиеся условия перемирия и «высказать соображения» по ним. Но к тому времени в Вашингтоне стали быстро нарастать настроения против большевиков⁵². Джайсон был скоро дезавуирован своим послом и бесславно отозван в Вашингтон, а государственный департамент дал указание, в котором подчеркивалось, что «президент желает, чтобы американские представители воздерживались от любых прямых сношений с большевистским правительством»⁵³.

В такой же мере уклончивые и неудовлетворительные сигналы большевики получили и из лагеря держав Центральной Европы. Вездесущий Парвус, который был когда-то сподвижником Троцкого⁵⁴, а теперь ставший патриотически настроенным немецким социал-демократом и борцом за «германское дело», в течение ноября и декабря 1917 г. представлял советскому эмиссару в Стокгольме Воровскому различных деятелей Социал-демократической партии Германии, включая Шейдемана. Связь с Воровским поддерживал и советник германской миссии в Стокгольме Рицлер, а Радек также провел встречу с Шейдеманом⁵⁵. Но эти опутанные мраком неизвестности беседы результатов не дали. Тайному большевистскому эмиссару, направленному в Германию, очевидно, в целом не удалось наладить какие-либо контакты с германскими властями⁵⁶. Поэтому вырисовывавшиеся перспективы, казалось, полностью подтверждали убеждение большевиков в том, что между воюющими странами существовала более глубокая, чем любые мимолетные конфликты и противоречия, общность коренных интересов в деле борьбы с большевиками. Зимой 1917/18 г. как Ленин, так и Троцкий были твердо убеждены, что Германия и Великобритания, окончательно удостоверившись в невозможности выиграть войну, были настроены достичь урегулирования, по которому компенсировали бы свои притязания за счет России⁵⁷. Основанная на этой гипотезе враждебность советского режима по отношению к капиталистическим правительствам была абсолютной и не могла иметь каких-либо оттенков. Троцкий продолжал желчно отвергать обвинение в том, что Советское правительство было настроено к Германии более благожелательно, чем к западным союзникам⁵⁸. В ту пору было немыслимо, чтобы новый режим пытался благоволить какому-нибудь капиталистическому правительству или группе правительств в ущерб другому. Декрет о мире, как и большинство первых заявлений Советского правительства, был обращен ко всему миру, «ко всем воюющим народам и их правительствам».

Однако Декрет о мире повсеместно игнорировался, и, учитывая все большее разложение русских армий, следовало что-то сделать, чтобы стабилизировать положение на фронте. 8/21 ноября 1917 г. Совнарком послал главнокомандующему русской армией

Духонину приказ предложить командованию противника немедленно начать переговоры о перемирии⁵⁹. Этот приказ, однако, был тщательно уравновешен нотой Троцкого послам стран Антанты в Петрограде, в которой он официально привлекал их внимание к Декрету о мире и просил «смотреть на указанный документ как на формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров»⁶⁰. Отказ Духонина выполнить данный ему приказ привел к его немедленному смещению. Главкомандующим был назначен народный комиссар по военным делам Крыленко. Было распространено воззвание за подписями Ленина и Крыленко, обращенное ко всем солдатским и матросским комитетам, в котором последним рекомендовалось брать «контрреволюционных генералов» под стражу и самим избирать представителей для открытия переговоров о перемирии⁶¹.

Неудивительно, что это предписание оставалось мертвой буквой, пока Крыленко сам не прибыл на позиции и не направил делегатов за линию фронта с просьбой о перемирии. На следующий день, 14/27 ноября 1917 г., германское верховное командование дало согласие начать переговоры о перемирии 19 ноября/2 декабря⁶². Троцкий немедленно проинформировал об этом послов союзных держав и пригласил представителей правительств стран Антанты присутствовать на этих переговорах⁶³. Аналогичное сообщение, адресованное «народам воюющих стран», было передано по радио. Оно заканчивалось ультиматумом:

«1 декабря мы приступим к мирным переговорам. Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести переговоры одни с немцами. Мы хотим всеобщего мира. Но если буржуазия союзных стран вынудит нас заключить сепаратный мир, ответственность падает целиком на нее»⁶⁴.

В это же время Троцкий в речи перед Петроградским Советом пояснил, какую процедуру миротворчества замыслили советские полномочные представители:

«Сидя с ними за одним столом, мы будем ставить им категорические вопросы, не допуская никаких уверток, и весь ход переговоров, каждое слово, произнесенное нами и ими, будет протоколироваться и передаваться по радиотелеграфу всем народам, которые и будут судьями наших переговоров. Под влиянием низов германское и австрийское правительства уже согласились сесть на скамью подсудимых. Будьте уверены, товарищи, что прокурор в лице русской революционной делегации окажется на своем месте и в должное время произнесет свою громовую обвинительную речь по адресу дипломатии всех империалистов»⁶⁵. Корреспондент «Таймс», взявший у Троцкого в Петрограде интервью в день начала переговоров о перемирии в Брест-Литовске, сообщил, что его подход «свидетельствовал об иллюзии в отношении скорого наступления неожиданного и одновременного взрыва пацифизма, перед которым должны отступить все троны, княжества и державы»⁶⁶.

Именно в таких условиях произошло то, что советская делегация, уполномоченная вести переговоры по перемирию, возглавлявшаяся Иоффе, Каменевым и Сокольниковым и включавшая в себя, помимо военных экспертов, рабочего и крестьянина, оказалась в Брест-Литовске один на один с внушительной немецкой делегацией во главе с генералом Гофманом⁶⁷. Иоффе сразу же обратился ко всем другим воюющим странам с призывом прислать делегатов, на что Гофман ответил, что имел полномочия вести переговоры только с русскими и больше ни с кем и только по военным вопросам и ни по каким другим. Такое положение было чревато для советских делегатов многими затруднениями. Они оказались не только вынуждены вести сепаратные переговоры с одной из группировок капиталистических держав (так как Австро-Венгрия, Болгария и Турция вскоре присоединились к работе в Брест-Литовске), но столкнулись с тем, что казалось главным принципиальным вопросом — стремиться ли к миру путем разложения германского фронта с помощью революционной пропаганды и ускорения пролетарской революции, которая бы свергла германское правительство, или же путем внешне дружественных переговоров с этим правительством. Уход от этого трудного выбора и сочетание обоих методов уже стали неотъемлемой чертой советской политики. Однако в Брест-Литовске дело не приняло столь дурной оборот, как можно было опасаться. Советских делегатов особо не интересовали требования военного характера, являвшиеся первостепенным объектом внимания немецкого генерального штаба; советские пожелания относительно братания и переброски войск на Западный фронт представлялись германской военной делегации ребяческими и непонятными, но не таящими серьезной опасности. Иоффе добился недельного перерыва в переговорах, не влекшего за собой возобновления военных действий, с тем чтобы проконсультироваться с руководством в Петрограде.

На заседании ВЦИК отчет о переговорах сделал Каменев, который вновь попытался снять с Советского правительства обвинения в стремлении к сепаратному миру и определил цели его политики следующим образом:

«...для сепаратного мира у Германии предел уступок весьма и весьма широк. Но не для того мы ехали в Брест, мы туда поехали потому, что были уверены, что наши слова через головы германских генералов дойдут до германского народа, что наши слова выбьют из рук генералов оружие, которым они дурачат свой народ»⁶⁸.

Троцкий еще раз обратился к союзникам, отметив, что у них было уже больше месяца на размышление⁶⁹; на этот раз он добился получения хотя и не настоящего официального ответа, но составленного в должной форме сообщения британского посольства на предмет того, что переговоры о перемирии являлись нарушением соглашения между союзниками от 5 сентября 1914 г.,

предусматривавшего обязательство не заключать сепаратного мира. Иоффе возвратился в Брест-Литовск, где наконец 2/15 декабря 1917 г. между Россией и державами Центральной Европы было подписано соглашение о перемирии. Оно предусматривало оккупацию немецкой армией всей занятой ею российской территории, включая Моонзундские острова; в этом отношении оно не содержало ничего необычного. Две невоенные статьи превращали его, однако, в документ, уникальный в военной истории. Германское верховное командование согласилось не использовать прекращение боевых действий для переброски войск на Западный фронт, кроме тех, которым уже был отдан приказ передислоцироваться. Это ослабило советские угрозы относительно заключения соглашения, способного помочь одной капиталистической группировке в борьбе против другой⁷⁰. Другое необычное положение касалось братания. Ленин в своих «Апрельских тезисах» за восемь месяцев до этого требовал организации «самой широкой пропаганды... в действующей армии» и «братания», рассматривая их как средства покончить с империалистической войной⁷¹. Гофман не дал согласия на свободный ввоз в Германию большевистской литературы, но посчитал, что, ограничив ее ввоз конкретными пунктами, он смог бы «осуществлять известный контроль» над ней⁷². В соглашение о перемирии была включена статья, позволявшая «организованное общение войск» для «развития и укрепления дружеских отношений между народами договаривающихся сторон». Эти сношения ограничивались положением о проведении разовых встреч группами по 25 человек с каждой стороны, однако при этом особо оговаривалось разрешение осуществлять в ходе таких встреч обмен новостями, газетами, открытками письмами и товарами широкого потребления. Перемирие было заключено сроком на 28 дней; в течение этого времени предполагалось начать мирные переговоры⁷³.

Как бы парадоксально это ни выглядело, большевики смогли рассматривать Брест-Литовское перемирие как победу. Оккупация российской территории германскими войсками являлась *fait accompli**. Ее признание в соглашении о перемирии не стоило ничего. Все это должно было быть порушено надвигающейся в Германии революцией. Положение о невозможности перебросок германских войск на Западный фронт являлось доказательством искренности большевиков, свобода пропаганды была гарантией большевистской победы. Оба этих условия были обеспечены. Они, как впоследствии признал Троцкий, являлись теми двумя жизненно важными вопросами, по которым советские делегаты в соответствии с инструкциями не должны были уступать⁷⁴. Сквозь пункты соглашения, касавшиеся братания, в немецкую армию просачивались большевистские идеи и большевистская литература, сея семена разложения на Восточном фронте Германии. Перемирие

* *Fait accompli* (фр.) — свершившийся факт — *Прим. ред.*

было отмечено вышедшим из-под пера Троцкого воззванием, обращенным «К трудящимся, угнетенным и обескровленным народам Европы».

«Мы ни от кого не скрываем, — говорилось в нем, — что не считаем нынешние капиталистические правительства способными на демократический мир. Только революционная борьба рабочих масс против нынешних правительств может приблизить Европу к такому миру. Полное осуществление будет обеспечено только победоносной пролетарской революцией во всех капиталистических странах».

«Мы вынуждены начинать переговоры с теми правительствами, которые все еще существуют в настоящий момент», — допускал Троцкий, но утверждал при этом, что, «вступая в переговоры с нынешними правительствами, насквозь проникнутыми на обеих сторонах империалистическими тенденциями, Совет Народных Комиссаров ни на одну минуту не отклоняется от пути социальной революции». Далее он определил «двойную задачу» советской внешней политики:

«В переговорах о мире Советская власть ставит себе двойную задачу: во-первых, добиться как можно скорейшего прекращения постыдной и преступной бойни, которая губит Европу; во-вторых, помочь всеми доступными нам средствами рабочему классу всех стран низвергнуть господство капитала и овладеть государственной властью в целях демократического мира и социалистического переустройства Европы и всего человечества».

И заканчивался этот манифест призывом к пролетариям всех стран в «совместной с нами борьбе за немедленное прекращение войны на всех фронтах» сомкнуть ряды «под знаменем мира и социальной революции»⁷⁵.

Противоречие, которое несли в себе заключительные слова по отношению к основному тексту, наглядно показывало компромиссный характер, присущий советской политике в первые недели после революции.

Официальные переговоры с целью заключения мирного договора открылись 9/22 декабря 1917 г. в Брест-Литовске. Советской делегацией вновь руководил Иоффе; старшим с немецкой стороны был министр иностранных дел Кюльман. В переговорах также участвовали представители Австро-Венгрии, Болгарии и Турции⁷⁶. После небольшой предварительной перепалки по вопросам гласности и самоопределения наций, в ходе которой германская делегация раскрыла свои карты, потребовав, чтобы Литва и Курляндия вместе с частью территории Латвии и Эстонии были отделены от России, переговоры по предложению советской делегации были вновь прерваны на десять дней, чтобы дать другим участникам войны возможность прибыть на них в ответ на многочисленные призывы, поступавшие к ней из Петрограда. Однако, когда мирная конференция 22 декабря 1917 г./9 января 1918 г. возобновила

свою работу, державы Антанты по-прежнему не изменили политики ее бойкота. «14 пунктов» Вильсона, провозглашенные днем раньше, сразу попали в центр внимания мировой общественности. Но в Брест-Литовске они ничего не изменили. Единственными новыми моментами там явились присутствие делегации, назначенной украинской Центральной Радой, и появление Троцкого в качестве главы советской делегации.

Серьезные стычки начались сразу же. Когда немецкий главнокомандующий Гофман в своем первом выступлении пожаловался на то, что некоторые радиотелеграммы и прокламации, обращенные к немецким войскам, «имеют революционный характер», Троцкий совершенно открыто оговорил право двойной функции советской дипломатии, заявив, что его делегация прибыла заключить мир с германским правительством, но «ни условия перемирия, ни характер мирных переговоров ни в коем смысле и ни с какой стороны не ограничивают свободы печати и свободы слова ни одной из договаривающихся сторон»⁷⁷. Надежда, на которой основывалась тактика Троцкого в последующие дни, была предельно ясна. Настало время взять на себя роль, о которой он объявил Петроградскому Совету за пять недель до этого, роль «прокурора», зачитывающего обвинительный акт по делу империалистической дипломатии, и призвать ко «всем народам», которые смогли бы слушать радиосообщения о каждом слове, произнесенном в Брест-Литовске, выступить в качестве «судей наших переговоров»⁷⁸. Если бы он умел в достаточной мере изобличить неискренность немецких делегатов и если бы ему удалось на достаточно долгий срок затянуть переговоры, в Германии могла бы разразиться столь долгожданная революция до того, как Советскому правительству пришлось бы принимать какое-либо критическое решение. Ничто так не устраивало Троцкого, как ведение затяжных дебатов с Кюльманом о принципах национального самоопределения и недопустимости территориальных захватов и об обязательстве вывода войск из спорных районов, судьба которых должна решаться путем плебисцита. Лишь 5/18 января 1918 г. грубый, но умный солдат Гофман оборвал беседу, выложив на стол географическую карту. Он показал голубую линию, за которую он не собирался выводить германские войска до того, пока не завершится демобилизация русской армии. Эта линия фактически оставляла всю польскую, литовскую и белорусскую территории за Германией, делила Латвию на две части, а также сохраняла в немецких руках Моонзундские острова. Гофман не стал раскрывать своих намерений в отношении земель, расположенных южнее, поскольку их судьба являлась предметом переговоров с делегацией украинской Центральной Рады. Столкнувшись с чем-то вроде ультиматума, не дававшего возможности для дальнейших дискуссий, Троцкий запросил и получил очередную десятидневную отсрочку для получения инструкций по возвращении в Петроград⁷⁹, которая была ему предоставлена.

День, избранный Гофманом для своего заявления в Брест-Литовске, был днем начала и окончания деятельности Учредительного собрания в Петрограде, и, когда 7/20 января 1918 г. Троцкий вернулся в столицу, там еще продолжались разговоры о его роспуске. Возвращение Троцкого в Петроград послужило началом знаменитого и важного спора, которым был отмечен первый серьезный кризис в отношениях Советской России с внешним миром. Ранее предполагалось, что в случае, если бы Германия продолжала настаивать на неприемлемых условиях, большевики повели бы против нее так называемую революционную войну и что немецкие солдаты, узнав об империалистических амбициях своего правительства, скорее подняли бы мятеж, чем стали бы стрелять в своих революционных русских братьев.

Такие взгляды и предположения в целом не должны вызывать удивления. Большевики все еще были переполнены энтузиазмом и оптимизмом от своей октябрьской победы. У Ленина они научились верить, что нерешительность наказуема, а главным постулатом большевистского учения была убежденность в том, что победа российского пролетариата зажжет факел революции в Европе. Предлагая добиваться перемирия, Ленин в то же время красноречиво отклонил мысль о приемлемости постыдного мира:

«Мы не верим ни на каплю немецкому генералитету, но мы верим немецкому народу»⁸⁰.

На состоявшемся в начале декабря 1917 г. собрании в Петрограде, проведенном специально по случаю заключения перемирия, Троцкий высказался еще яснее:

«Если нам предложат условия, неприемлемые для нас и всех стран, противоречащие основам нашей революции, то мы эти условия представим Учредительному Собранию и скажем: решайте. Если Учредительное Собрание согласится с этими условиями, то партия большевиков уйдет и скажет: «Ищите себе другую партию, которая будет подписывать эти условия, мы же, — партия большевиков и, надеюсь, левые эсеры, призовем всех к священной войне против милитаристов всех стран»⁸¹.

В уже цитировавшейся речи на заседании ВЦИК Каменев, накануне подписания перемирия, выразил убеждение в том, «что наши слова через головы германских генералов дойдут до германского народа, что наши слова выйдут из рук генералов оружие, которым они дурачат свой народ»⁸². Когда перемирие было подписано и уже шли мирные переговоры, он вновь выступил в духе непоколебимого оптимизма:

«Нет сомнения, что если Германия осмелится теперь повести свои войска против революционной России, то это будет сделано с целью окончательно растоптать свободу Польши, Литвы и целого ряда других стран, и это будет искрой, которая, в конце концов, вызовет взрыв и окончательно сметет все здание германского империализма. Мы уверены, что подобной попытке Германия не осмелится сделать, ибо если это случится, то мы, в конце

концов, несмотря ни на какие препятствия, все-таки добьемся мира, но уже переговоры мирные будем вести не с представителями немецкого империализма, а с теми социалистами, усилиями которых будет низвергнуто германское правительство»⁸³.

Когда Троцкий прибыл из Брест-Литовска в Петроград, III Всероссийский съезд Советов в телеграмме, адресованной «пролетарским организациям» всего мира, подтвердил свою уверенность в том, что «трудящиеся классы других стран в ближайшем времени восстанут победоносной революцией против своей буржуазии, и не будет в мире силы, способной противостоять силе восставших рабочих масс»⁸⁴.

На следующий день после прибытия Троцкого ведущие представители большевистской партии, включая нескольких провинциальных делегатов, бывших в Петрограде по случаю III Всероссийского съезда Советов, встретились, чтобы неофициально обсудить вопрос об условиях мира. Тогда Ленин впервые, и даже уже тогда почти только один Ленин, недвусмысленно оценил ситуацию, развеивавшую надежды и расстраивавшую уверенные расчеты, на которых до тех пор основывалась политика большевиков. Германское правительство, подобно правительствам союзников, отклонило все предложения о «справедливом, демократическом мире», а немецкие солдаты, далекие от восстания против своих хозяев с целью завершения пролетарской революции, готовились послушно выступить против революционной России. Ленин, следуя своей обычной практике, до указанного собрания заранее изложил свои взгляды в наборе тезисов — «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира», — которые показали, сколь быстро и бесповоротно он отошел от оптимистических предположений прошлых шести недель. В них он привел довод, призванный определить итог дебатов:

«Положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач нашей Советской власти, ибо международная ситуация на 4-м году войны сложилась так, что вероятный момент взрыва революции и свержения какого-либо из европейских империалистических правительств (в том числе и германского) совершенно не поддается учету. Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на *окончательную* победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении. Наша пропагандистская деятельность вообще и организация братанья в особенности должны быть усилены и развиты. Но было бы ошибкой построить тактику социалистического правительства России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный краткий срок) или не наступит».

В одном из следующих абзацев тех же тезисов он также отмечал: «...со времени победы социалистического правительства

в одной из стран, надо решать вопросы не с точки зрения предпочтительности того или иного империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась».

Наконец, заключение мира любой ценой станет в долгосрочном плане лучшей рекламой для мировой революции: «Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским. Здесь — буржуазный строй и обнаженная до конца захватная война двух групп хищников. Там — мир и социалистическая республика Советов»⁸⁵.

Состоявшееся 8/21 января 1918 г. собрание виднейших партийных работников Петрограда вскрыло наличие трех основных позиций, на которые оставалось расколотым мнение партии вплоть до окончательной ратификации мирного договора в марте месяце⁸⁶. Из 63 большевистских руководителей, участвовавших во встрече, 32 человека были непоколебимы в своем настрое слепой уверенности, царившем в партии в ноябре и декабре. Ленин окрестил их «москвичами», поскольку Московское областное бюро партии наиболее упорно отстаивало эти взгляды⁸⁷, а те в свою очередь утверждали, что «стоят на старой позиции Ленина». Весь авторитет Ленина и вся сила его убеждения смогли собрать лишь 15 человек из присутствующих под стяг его новой политики мира любой ценой. Остальные 16 участников поддержали точку зрения Троцкого, который доказывал, что, хотя война не должна была возобновляться, было бы неправильным и бесполезным заключать мир на немецких условиях. Он не разделял веры первой группы в осуществимость революционной войны, но тем не менее считал, что европейская революция надвигалась, и надеялся выиграть время путем словесной эквилибристики. В отличие от Ленина ему не доставало здравого смысла, чтобы понять, что краснобаиство — весьма ненадежное средство защиты от бронированного кулака Гофмана. В нем все еще говорил игрок — он готов был поставить на карту условия мира, которые со временем могли стать более неблагоприятными, ради шанса ускорить европейскую революцию, которая сделала бы такой мир ненужным⁸⁸. В целях осуществления этого плана он предложил, в случае если бы немецкая делегация продолжала настаивать на неприемлемых условиях, объявить войну законченной, а от подписания мирного договора отказаться.

Принятие официального решения относительно инструкций Троцкому оставалось за Центральным Комитетом, который был создан на заседание спустя три дня, 11/24 января 1918 г. Троцкий писал, что до заседания у него состоялась беседа с Лениным, в ходе которой он пообещал не поддерживать тезиса революционной войны. Ленин ответил, что в таком случае собственный план Троцкого мог оказаться не столь уж опасным, хотя он, несомнен-

но, закончился бы потерей Латвии и Эстонии; он добавил, что они были бы полностью потеряны «ради одного мира с Троцким»⁸⁹. На заседании ЦК Ленин вновь изложил свои доводы в пользу немедленного мира, в поддержку которого выступили Сталин и Зиновьев, первый — безоговорочно, второй — с некоторыми колебаниями. Но единственное предложение, которое вынес Ленин на официальное рассмотрение, содержало сомнительные инструкции о затягивании переговоров как можно дольше, которые были утверждены двенадцатью голосами против одного. Предложение о революционной войне нашло лишь двух сторонников, которыми, как можно было предположить, явились Бухарин и Дзержинский. Действительная борьба развернулась вокруг предложения Троцкого «войну прекратить, мира не заключать, армию демобилизовать». Оно было принято с минимальным перевесом, девятью голосами против семи, причем как голосовал каждый конкретный член ЦК, установить уже нельзя⁹⁰.

Окрыленный полномочиями, Троцкий 15/28 января 1918 г. вновь отправился в Брест-Литовск. За десять дней после объявления отсрочки переговоров международное положение Советской республики еще более ухудшилось. После периода анархии и смятения Бессарабия была захвачена и оккупирована румынскими войсками, что вынудило Советское правительство порвать отношения с Румынией и наложить арест на румынский золотой запас, переданный в Москву на хранение на время войны⁹¹. Но взоры большевиков были все еще прикованы к Центральной Европе. Волна забастовок, прокатившаяся по Будапешту и Вене, только-только сошла на нет⁹². Когда Троцкий возвращался из Петрограда, в Берлине вспыхнули массовые забастовки, распространившиеся на другие центры страны. Они были организованы группой «революционных цеховых старост», не объявлявшей о своих политических симпатиях, и впервые сопровождалась открытыми антивоенными демонстрациями⁹³. На какой-то момент показалось, что большевистский оптимизм и политика затягивания переговоров, проводившаяся Троцким, оправдывались ходом событий.

В таких условиях 17/30 января 1918 г. Брест-Литовская мирная конференция возобновила свою работу. Поскольку украинская Центральная Рада теперь была лишена большей части Украины украинским Советским правительством, для участия в переговорах прибыли две соперничающие украинские делегации, одна из которых была признана немцами, а другая — русскими. Пререкания между ними продлили ход переговоров на несколько дней. Вновь зазвучали старые фразы о самоопределении, аннексии и оккупации. Бобинский и Радек, являвшиеся одновременно «польскими членами Всероссийской делегации» и «представителями социал-демократии Польши и Литвы»⁹⁴, зачитали декларацию с требованием осуществления права на самоопределение для Польши и осуждением оккупации Польши германскими войсками как «скрытой аннексии»⁹⁵. Но беспорядки в Германии, являвшиеся скрытой

силой, маячившей на заднем плане переговоров, сошли на нет, а начало революции в Финляндии и очередные советские успехи на Украине не могли заменить собой выступления немецкого пролетариата. 26 января/8 февраля 1918 г. державы Центральной Европы подписали мирный договор с делегацией украинской Рады. Наконец 28 января/10 февраля 1918 г. всеобщему терпению пришел конец, и, поскольку немцы готовились предъявить ультиматум, Троцкий неожиданно выступил с длинной тирадой, обличавшей германские планы, которая заканчивалась заявлением о том, что «...отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным»⁹⁶. В тот же вечер советские делегаты уехали из Брест-Литовска в Петроград. Исходя из того состояния смятения и досады, в котором они оставили своих противников, они считали, что одержали крупную победу.

Гражданские представители Германии, если бы дело было только в них, смирились бы с этой необычной формой прекращения военных действий. Но у немецкого генерального штаба на этот счет имелись иные идеи⁹⁷. Было решено рассматривать срыв переговоров как окончание перемирия, и семь дней спустя, 17 февраля 1918 г., Гофман уведомил русских, что на следующий день возобновит военные действия. Такое развитие событий наконец неотвратимо поставило Россию перед лицом действительной проблемы, которую предвидел Ленин и пытался избежать Троцкий. 18 февраля 1918 г. германское наступление было возобновлено, и следующая неделя оказалась для Петрограда самой критической со времени революции.

ЦК партии почти непрерывно заседал, и результаты ряда проведенных голосований свидетельствовали, что мнения в нем разделились в равных пропорциях. Никто уже больше открыто не поддерживал революционную войну. Но германские условия мира все еще рассматривались как слишком горькая пилюля, чтобы их принять. Когда 17 февраля было получено уведомление о возобновлении военных действий, Ленин сразу же выдвинул предложение вступить в новые переговоры, которое при голосовании не смогло привлечь к себе противников — Троцкого, Бухарина, Ломова, Иоффе, Урицкого и Крестинского, обладавших минимальным численным перевесом, хотя его и поддержали Сталин, Свердлов, Сокольников и Смилга. Предложение «выждать с возобновлением переговоров о мире до тех пор, пока в достаточной мере не проявится германское наступление и пока не обнаружится его влияние на рабочее движение», было принято теми же шестью голосами против тех же пяти. Тогда Ленин поставил решающий вопрос: «Если мы будем иметь как факт немецкое наступление, а революционного подъема в Германии и Австрии не наступит, заключаем ли мы мир?» Здесь Троцкий дрогнул и перешел в ленинский лагерь. Последний теперь составил большинство и одер-

жал верх при голосовании по этому вопросу, набрав шесть утвердительных ответов против одного «нет», исходившего от Иоффе при четырех воздержавшихся⁹⁸. На следующий день, когда Зиновьев присоединился к группе Ленина, а Дзержинский — к оппозиции, повторилось то же самое. На утреннем заседании Троцкий вновь выдвинул довод о том, что «необходимо подождать, какое впечатление все это произведет на немецкий народ», и выступил против направления Германии немедленного предложения о новых переговорах, одержав верх в результате голосования семью голосами против шести⁹⁹. Но вечером, когда были получены сведения, что немцы наступают, заняли Двинск и двигаются в глубь Украины, Троцкий вновь нерешительно перешел на сторону Ленина, и семью голосами против четырех было принято предложение сделать немцам заявление о готовности принять их первоначальные условия и просить о возобновлении переговоров¹⁰⁰. В ту же ночь это предложение было формально передано на рассмотрение Совнаркома. Комиссары-большевики, связанные решением ЦК, единодушно проголосовали за него, а четверо из семи присутствовавших левых эсеров поддержали в этом вопросе большевиков, хотя впоследствии были дезавуированы своей партией¹⁰¹. В Брест-Литовск была немедленно отправлена телеграмма о согласии на немецкие условия.

Однако на этот раз Гофман не спешил. Лишь утром 23 февраля 1918 г. новые немецкие условия в конце концов достигли Москвы. Они были более жесткими, чем первоначальные, особенно в том, что касалось требований вывода вооруженных сил Советского правительства из Украины и заключения мира с украинской Центральной Радой, а также эвакуации русских из Латвии и Эстонии и занятия последних немецкими войсками на время, необходимое для восстановления там порядка. В тот же день в ЦК вновь разгорелся бой. Ленин в первый и последний раз выдвинул ультиматум, касавшийся его самого, пригрозив, что, если «политика революционной фразы» будет продолжаться, он выходит и из правительства, и из ЦК. Тяжелый выбор должен был быть сделан. Он отменил в сторону предложение Сталина попытаться еще раз отсрочить его путем открытия новых переговоров с немцами:

«Сталин не прав, когда он говорит, что можно не подписать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели... Немецкая революция еще не созрела. Это требует месяцев. Нужно принимать условия»¹⁰².

Троцкий вновь заявил о своих возражениях. Соппротивление было бы возможным, сказал он, будь партия едина. Подписание мира означало бы «потерять опору в передовых элементах пролетариата». Хотя он не имел уверенности (в правильности позиции Ленина. — *Ред.*), он ничем не хотел мешать единству партии, но в новых условиях не мог и «оставаться и нести персональную от-

ветственность за иностранные дела». При голосовании по этому решающему вопросу Троцкий, Иоффе, Крестинский и Дзержинский воздержались, что обеспечило принятие предложения Ленина о согласии на германские условия семью голосами (Ленин, Зиновьев, Свердлов, Сталин, Сокольников, Смирнов, Стасова) против четырех (Бухарин, Ломов, Бубнов и Урицкий)¹⁰³. В тот же вечер это предложение было представлено на рассмотрение ВЦИК, где в 4 час. 30 мин. утра 24 февраля после мощной речи Ленина было принято 116 голосами против 85. Даже такой, сравнительно благоприятный результат был достигнут только благодаря тому, что большинство противников данного предложения при голосовании воздержалось, не желая выступить с общих позиций с правыми и левыми эсерами и меньшевиками против решения собственной партии¹⁰⁴. В ставку германского главнокомандующего была немедленно направлена телеграмма, сообщавшая о принятии немецких условий¹⁰⁵. В тот же день делегация, возглавляемая на этот раз Сокольниковым и Чичериным — поскольку ни Троцкий, ни Иоффе не были готовы выдержат окончательного унижения, — отправилась в Брест-Литовск с инструкциями подписать мир без споров и обсуждений¹⁰⁶.

От них потребовали последнюю уступку. Турецкая делегация, появившаяся на сцене в последнем акте, запросила и получила приграничные провинции с городами Карс, Ардаган и Батум, которые за 40 лет до этого были отторгнуты у Турции. Затем 3 марта 1918 г. после формального протеста Сокольников по поводу применения насилия, вынуждающего принять германские условия, Брест-Литовский мир был подписан. По этому договору Россия отказывалась от всяких прав на город Ригу и прилегающие к ней территории, на всю Курляндию и Литву и на часть Белоруссии, судьба которых должна была быть решена Германией и Австро-Венгрией «по соглашению с их населением», признавала немецкую оккупацию Латвии и Эстонии до установления там «собственных национальных институтов» государственной власти, согласилась заключить мир с украинской Центральной Радой и уступала Карс, Ардаган и Батум, населению которых следовало «реорганизовать» эти провинции по соглашению с Турцией. После ратификации договора предусматривалось восстановление дипломатических сношений между Советской Россией и державами Центральной Европы. Финансовые положения договора были менее суровыми и содержали взаимный отказ от контрибуций и других претензий. Но то его положение, по которому каждая сторона обязывалась оплачивать содержание своих граждан, являвшихся военнопленными, фактически возлагало на Советскую Россию громадное финансовое бремя. Это, однако, имело уже мало значения по сравнению с тем, что Россия была вынуждена оставить по воле врага обширные и плодородные территории.

В Москве еще должна была быть одобрена и проведена процедура ратификации. На VII съезде партии 6 марта 1918 г.¹⁰⁷ вновь

прозвучали старые доводы обеих сторон. Ленин произнес одну из своих самых замечательных речей, сказав, что «триумфальное шествие» первых недель революции закончилось и наступила эпоха тяжчайших поражений, которую нужно встретить учебой военному делу и упорной работой. Троцкий последний раз заявил о своем несогласии с Лениным, но голосовать против его предложения одобрить ратификацию отказался, вследствие чего оно прошло и на этот раз 28 голосами «за» при 9 «против». Затем, 16 марта 1918 г. на II Всероссийском съезде Советов после двух дней бурных дебатов, в ходе которых не менее шести оппозиционных групп выдвигали свои резолюции, 784 голосами против 261 было принято предложение правительства о ратификации. Долгий спор был закончен. Ни он, ни немецкое наступление более никогда не возобновлялись. Военная мощь Германии, которая обусловила оба этих явления, проявилась в последнем крупном наступлении на западе, начатом через десять дней после окончательного принятия решения о ратификации, но она уже больше не смогла обрести свободу действий на востоке.

На последних стадиях брест-литовских переговоров возник новый фактор, которому было суждено приобрести большое значение в советской внешней политике. Догматический абсолютизм, предполагавший, что советский режим должен сохранять равную и безоговорочную враждебность в отношении всех капиталистических правительств (как и они к нему), и выступавший на этом основании даже против заключения сепаратного мира, логически не был обоснован. По всем разумным оценкам, именно раскол в капиталистическом мире способствовал возникновению Советского правительства и являлся лучшей гарантией его выживания. Несколько лет спустя Радек писал, что раскол был «основополагающим фактом», «стоявшим у колыбели советской внешней политики»¹⁰⁸. Ленин осторожно признал это в своих «Тезисах по вопросам о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира»:

«Заключая сепаратный мир, мы в наибольшей, *возможной для данного момента*, степени освобождаемся от обеих враждующих империалистических групп, используя их вражду и войну, — затрудняющую им сделку против нас. . .»¹⁰⁹

От прагматического признания ценности раскола во враждебном лагере до его сознательной эксплуатации как актива советской внешней политики и до отказа от всяких доктринальных предположений относительно единообразной и неизменной враждебности капиталистического мира оставался всего один маленький шаг.

Для союзников эта дилемма тоже носила пикантный привкус. Должны ли были союзные капиталистические державы стремиться к сотрудничеству с революционным социалистическим правительством во имя борьбы со своими капиталистическими недру-

гами? Их, точно так же, как и большевиков, сначала сдерживало то, что некоторые люди называют либо принципами, либо предрассудками. Начальство Садуля с трудом терпело его эксцентричность, а Джайсон за свой пробный выход на Троцкого заработал выговор из Вашингтона. Но сама идея была слишком плодотворна, чтобы от нее можно было легко отказаться. Официальный американский запрет на ведение дел с большевиками придал повышенную значимость фигуре Раймонда Робинса, имевшего полуофициальный статус, но не связанного приказами государственного департамента. На ранних стадиях брест-литовских переговоров и Робинс и Садуль были в постоянном контакте с Троцким, выдвигая доводы в пользу сопротивления Германии. Но поскольку за этими доводами не стояли соответствующие правительства, они вряд ли были весомы¹¹⁰. Эти два энтузиаста произвели тем не менее некоторое впечатление на своих послов, носившее, однако, преходящую окраску, 5/18 декабря 1917 г. Садуль убедил французского посла Нуланса принять с визитом Троцкого, а Троцкого нанести этот визит. Это был замечательный шаг, хотя и не принесший никаких полезных результатов¹¹¹. 20 декабря 1917 г./2 января 1918 г., когда в мирных переговорах в Брест-Литовске наступил первый перерыв, Робинс убедил американского посла Фрэнсиса подготовить телеграмму для возможного направления в государственный департамент, рекомендующую американскому правительству в случае, если возобновление большевиками военных действий против Германии станет неминуемым, «оказать (им) все возможные помощь и содействие», а такженосящую столь же экспериментальный характер ноту «Комиссару по иностранным делам», информирующую об указанных рекомендациях и подлежащую отправке одновременно с телеграммой. Копии проектов этих двух документов были переданы Робинсу, и это было сделано, несомненно, для того, чтобы он показал их Троцкому¹¹². До этого момента инициатива сохранялась за Садулем и Робинсом. Но после возвращения Троцкого из Брест-Литовска, когда он вел битву в ЦК партии за свою формулировку «ни мира, ни войны», он сам вышел на них обоих. Садулю он показал карту Гофмана, где была отмечена граница, которую требовала германская делегация, и сделал более или менее официальное заявление:

«Мы не хотим подписывать этот мир, но что следует предпринять? Священную войну? Да, мы провозгласим ее, но каковы будут результаты? Настал момент, чтобы решали союзники».

С Робинсом он, должно быть, говорил в том же плане, хотя единственная записанная часть их беседы содержала вопрос Троцкого относительно перспектив признания советского режима американским правительством и уклончивый ответ Робинса¹¹³.

Ни один из этих демаршей не имел каких-либо последствий в лагере союзников. Каменев, приятные характер и манеры ко-

тогого делали его подходящей фигурой для миссии по умиротворению, был направлен в Лондон и Париж, чтобы добиться помощи западных союзников в борьбе с Германией. 23 февраля 1918 г. он высадился в Aberдине и, отдав иммиграционным властям свои документы, получил разрешение проследовать в Лондон, где встретился с несколькими членами парламента и другими государственными деятелями. Но он не был принят официально и, когда выяснилось, что французское правительство отказало ему во въезде в страну, был бесцеремонно выслан¹¹⁴.

Решающий момент в этих странных и неустойчивых контактах наступил в связи со срывом брест-литовских переговоров после известного заявления 28 января/10 февраля 1918 г. «ни мира, ни войны» и второго возвращения Троцкого в столицу. Троцкий, уже отказавшись от идеи революционной войны, все еще боролся против принятия последних условий мира и теперь очень хотел прозондировать, насколько реальными были слабые надежды на помощь Запада в отражении германской угрозы. Отъезд Каменева из Петрограда и его неудачное путешествие по времени совпали с прибытием в Петроград неофициального британского дипломатического агента Брюса Локкарта. 15 февраля 1918 г. свою первую встречу с Локкартом Троцкий закончил словами: «Сейчас для союзных правительств существуют большие возможности»¹¹⁵. С этого времени Локкарт примкнул к Садулю и Робинсу в качестве активного сторонника союзнического содействия большевикам в борьбе с немцами.

Прекращение перемирия и возобновление военных действий Германией 18 февраля сделали советские демарши более настоятельными и побудили до сих пор апатичного французского посла предложить содействие¹¹⁶. 22 февраля 1918 г. американский посол смог телеграфировать в Вашингтон, что «пять союзных послов согласны поддержать сопротивление, если оно будет оказано, а французы и англичане, посредством своих офицеров инженерной службы, оказывают Красной Гвардии содействие в разрушении железной дороги с тем, чтобы воспрепятствовать германскому продвижению»¹¹⁷.

В этот же день предложение принять французскую и английскую помощь стало предметом серьезных прений в Центральном Комитете партии. В тот момент пересмотренные немецкие условия мира уже были получены в Петрограде, но окончательное решение о согласии на них еще лежало на чаше весов, и Троцкий все еще хватался за любую соломинку, чтобы избежать их принятия. Эти прения были весьма показательными, ибо они вскрыли четкий раскол между «реалистами», считавшими, что режим в его тогдашнем состоянии независимо от отношения к немецким условиям не мог отвергать помощь, откуда бы она ни исходила, и «левыми», чьи революционные принципы все еще запрещали любое сотрудничество с капиталистическими державами. По сравнению с недавним размежеванием в партии на этот

раз при голосовании произошла некоторая перегруппировка. Ярый сторонник отклонения немецких условий Иоффе теперь доказывал, что «надо принять все, что содействует нашему противодействию»; с другой стороны, Свердлов, всегда голосовавший вместе с Лениным за согласие на немецкие условия, выступил здесь против предложения Троцкого принять помощь союзников, не с точки зрения принципиальности, как он тщательно разъяснил, а потому, что англичане и французы были «дискредитированы в глазах широких масс России». В основном, однако, именно те, кто из принципа выступал за революционную войну, на этот раз, тоже из принципа, голосовали за то, чтобы отвергнуть помощь капиталистических держав. Бухарин, который еще раз оказался проводителем «левых», не только обвинил союзников в том, что они имели план превращения России в свои «колонии», но посчитал «недопустимым пользоваться поддержкой какого бы то ни было империализма» и в заключение внес конкретное предложение «ни в какие соглашения относительно покупки оружия, использования услуг офицеров и инженеров с французской, английской и американской миссиями не входить». Урицкий посетовал на то, что, «взяв власть, мы забыли о мировой революции», что большинство мыслило военными терминами, вместо того чтобы обдумывать «скорейшее воздействие на германский пролетариат». Бубнов пожаловался, что «наш интернационализм идет насмарку». Предложение Троцкого принять из любого источника, даже от капиталистических правительств, не давая им, однако, никаких политических обязательств, все необходимое для того, чтобы «наилучшим образом вооружить и снабдить нашу революционную армию всеми необходимыми средствами», было принято шестью голосами против пяти. Ленин на этом заседании не присутствовал. Протокол содержит записку от него, составленную в следующих выражениях: «Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма».

Неясно, была ли эта записка зачитана на заседании или она была включена в протокол позже. В заключение заседания Бухарин заявил о своем уходе из состава ЦК и с поста редактора «Правды» — он пока все еще более остро переживал добровольное согласие на помощь от одной капиталистической группировки, чем вынужденное подчинение условиям другой. По этому поводу, по словам Троцкого, Бухарин, рыдая на его плече, восклицал: «Мы превращаем партию в кучу навоза»¹¹⁶.

Эти дебаты, однако, ничего не дали, кроме возможности для примечательных заявлений о принципах и о политике. Двадцать четыре часа спустя Центральным Комитетом было принято решение подчиниться германскому ультиматуму. Тем не менее до подписания и ратификации договора вопрос о помощи оставался открытым, и небольшая группа представителей союзников, особенно Робинс и Локкарт, продолжала работать в направлении оказания помощи Советскому правительству в случае возобно-

ния им сопротивления, хотя их усилия и затруднялись безразличием Лондона и Вашингтона и планами Японии на Дальнем Востоке, осуществление которых тогда уже стало явно неминуемым. 1 марта 1918 г., когда Брест-Литовский договор еще не был подписан, а германские армии продолжали двигаться на Петроград и было принято решение о переносе столицы в Москву, Локкарт впервые встретился с Лениным, который хладнокровно и критически оценил обстановку. Он сказал, что «скандальные» условия мира будут подписаны. Но «как долго этот мир продержится»? Большевики рассматривали англо-американский капитализм как «почти столь же ненавистный, что и германский милитаризм»; но в тот момент германский милитаризм представлял собой непосредственную угрозу.

Далее Ленин сказал:

«Нам с вами ... не по пути. Мы можем позволить себе заключить временный компромисс с капиталом. Это даже необходимо, поскольку если капитал мог бы объединиться, мы были бы раздавлены на нынешней стадии нашего развития. К счастью для нас, природа капитала такова, что объединиться он не может. Поэтому до тех пор, пока существует германская опасность, я готов идти на риск сотрудничества с союзниками, которое временно будет выгодно нам обоим. В случае германской агрессии я бы даже охотно принял военную поддержку. В то же время я убежден, что Ваше правительство никогда не будет смотреть на вещи в таком свете. Оно — реакционное правительство. Оно будет сотрудничать с российскими реакционерами»¹¹⁹.

Через два дня Брест-Литовский договор был подписан, и немцы прекратили наступление. Но Троцкий, все еще не примирившийся с этим и проявлявший в своих оценках позиции союзников меньше реализма, чем Ленин, попытался сделать еще один заход. 5 марта 1918 г., в день возвращения советской делегации из Брест-Литовска, он еще раз встретился с Робинсом, который запросил у него заявление в письменной форме для отправки в Вашингтон. В этом заявлении, которое было составлено Троцким и утверждено Лениным, были поставлены три вопроса на случай нератификации договора и возобновления военных действий с Германией:

1. Может ли Советское правительство полагаться на поддержку Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции в своей борьбе против Германии?

2. Какого рода поддержка может быть оказана в ближайшем будущем и на каких условиях (вооружение и военное снаряжение, обеспечение транспортными средствами, предметы первой необходимости)?

3. Какого рода поддержка будет оказана, в частности, конкретно Соединенными Штатами?

В менее официальных выражениях были заданы два дополнительных и более конкретных вопроса: какие действия будут пред-

приняты союзниками, и в частности Соединенными Штатами, если Япония захватит Владивосток? Каковы в этом случае перспективы оказания помощи Англией через Мурманск и Архангельск? При постановке этих вопросов недвусмысленно оговаривалось, «что направленность внутренней и внешней политики Советского правительства будет продолжать соответствовать принципам международного социализма и что Советское правительство сохраняет полную независимость от всех несоциалистических правительств». В тот же день Троцкий устно и в менее четкой форме задал те же вопросы Локкарту, который передал их по телеграфу в Лондон¹²⁰. С тем чтобы предоставить Вашингтону и Лондону время на обдумывание этих предложений, Ленин по настоятельной просьбе Робинса согласился передвинуть срок открытия Всероссийского съезда Советов, который должен был ратифицировать договор, с 12 на 14 марта¹²¹.

Еще до того, как заявление Троцкого было получено в Вашингтоне¹²², 11 марта 1918 г. президент Вильсон направил правительственную телеграмму IV Всероссийскому съезду Советов, напыщенный язык которой не смягчил впечатления от содержавшейся в ней главной мысли о том, что «правительство Соединенных Штатов, к сожалению, в настоящий момент не в состоянии оказать России ту непосредственную и деятельную поддержку, которую оно желало бы оказать»¹²³.

Официальные круги в Вашингтоне удовлетворились тем, что стали рассматривать это послание в качестве достаточного ответа на приводившее в замешательство обращение Троцкого. Точно так же и Локкарту не удалось получить какого-либо дельного ответа от МИД Великобритании, а Бальфур в своей преднамеренно глупой речи в палате общин 14 марта 1918 г. заранее выступил в защиту японской — и союзнической — интервенции, как предназначенной «помочь России». Через два дня после этого IV Всероссийский съезд Советов ратифицировал мирный договор. Говорят, что Ленин, до того как произнести свою речь с целью добиться от съезда ратификации, поманил Робинса на трибуну и спросил его, во-первых, получил ли он какой-либо ответ из Вашингтона и, во-вторых, были ли у Локкарта новости из Лондона. Ответы на оба этих вопроса были отрицательными, и большинством голосов договор был ратифицирован¹²⁴. Даже этот шаг еще не означал, что двери захлопнулись окончательно. Садуль вспоминает, как 20 марта 1918 г. он убедил Троцкого обратиться к 40 французским офицерам за техническими консультациями и содействием в вопросах перестройки армии¹²⁵.

В тот момент Троцкий впервые попытался привлечь бывших царских офицеров в Красную Армию в качестве специалистов и командиров. Французские помощь и влияние многие могли считать при решении этой деликатной задачи. На следующий день Троцкий встретился с Робинсом и членом американской военной миссии и обратился с просьбой, подтвержденной в письменной

форме от имени Совнаркома на имя главы миссии, о содействии американского офицера «для изучения военных вопросов и для связи с вами» и о «подразделениях железнодорожных специалистов» для работы в Москве, в Европейской части России и в Сибири»¹²⁶. Никакого ответа на эту просьбу не поступило. Три или четыре французских офицера были действительно выделены для содействия и консультирования, но, когда в первых числах апреля началась японская интервенция, они «заметно потеряли интерес к работе, на которую были приглашены»¹²⁷. Концепция революционной войны в качестве ultima ratio * политики разжигания мировой революции любой ценой была уже отброшена как непригодная к проведению в жизнь. Теперь же попытки прибегнуть к более обычным дипломатическим средствам в целях столкновения одной группировки враждебных держав с другой закончились провалом. Казалось, что все пути были перекрыты.

Брест-литовский кризис, писал Ленин в «Правде» в статье, озаглавленной «Тяжелый, но необходимый урок», «войдет как один из величайших исторических переломов в истории русской — и международной — революции»¹²⁸. Он явился значительным рубежом, с высоты которого можно было взглянуть назад, на прошлое, и вперед, в будущее. Брест-литовский кризис обострил неразрешенную дилемму отношений Советской России с внешним миром, дилемму власти, которая стремилась действовать одновременно и как движущая сила мировой революции, и как суверенная государственная власть в мире государств. Именно в это время были заложены долгосрочные основы советской внешней политики. Главный спор шел между сторонниками политики отклонения немецких условий мира и ведения революционной войны, которые вначале составляли в партии значительное большинство и среди которых наиболее видными фигурами были Бухарин, Иоффе, Дзержинский и Радек, и ближайшими последователями Ленина, в частности Зиновьевым, Сталиным и Сокольниковым, поначалу численно слабыми, но которым убедительная настойчивость Ленина и суровые реальности существовавшего положения придавали все больше и больше сил. Блестящий, оригинальный и неистощимый, но иногда своенравный и сбивающийся с толку Троцкий, которому всегда было трудно соответствовать какой-либо категории или группе, занимал странную и колеблющуюся позицию, которая вела к запутыванию главного вопроса. Все это напоминало Троцкого в период после 1903 г.; новым в его подходе было глубокое личное уважение к Ленину, влиявшее на его окончательные решения, а часто и определявшее их.

То, что выживание революции зависело от ее быстрого распространения на Центральную и Западную Европу, считалось на-

* Ultima ratio (лат.) — крайнее средство — *Прим. ред.*

столько неоспоримым, что для большевиков было естественным полагать, что революция в Европе была неизбежна, а их первоочередной задачей являлось содействие ее скорейшему наступлению и развитию. Нелегко было распрощаться с такими убеждениями, исповедовавшимися со всем революционным энтузиазмом Октябрьской победы. Принятие условий Брестского мира выглядело ударом по обеим этим священным заповедям. Существовавшее положение в Европе, заявил Бухарин на VII съезде партии, могло быть обрисовано лишь как «распад, как разрушение старых капиталистических отношений» под нажимом войны. Он привел примеры забастовок и учреждения Советов в Вене и Будапеште в январе 1918 г., стачек в Германии, последовавших за ними в том же месяце, в доказательство того, что революция в Европе в самом деле была на подходе. И именно этот момент Ленин избрал для введения политики мирного сосуществования между Советской Россией и капиталистическими державами. Сoglаситься с договором значило отбросить первейший постулат советской политики: продвигать и вдохновлять дело мировой революции.

«...мы говорили и говорим, — с горечью продолжал Бухарин, — что, в конце концов, все дело зависит от того, победит или не победит международная революция. В конечном счете, международная революция, — и только она одна, — наше спасение». Отказываясь от международной пропаганды, «...мы уничтожаем свое собственное социалистическое существо»¹²⁹.

Бухарин и его последователи твердо придерживались взгляда, что ведение «революционной войны» против капиталистических правительств было первейшей обязанностью Советской власти, отменять которую в связи с тем, что ближайшие перспективы препятствовали ее осуществлению, было нельзя. Этот взгляд продолжал пользоваться большим сочувствием в партии, чем показавшие окончательные итоги голосования по договору.

Подход Ленина к этой проблеме был более сложным. С 1905 г. он никогда ни на мгновение не колебался в своем твердом убеждении, что одним из условий победоносной социалистической революции в России была поддержка европейского пролетариата, и, выступая на I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г., он ясно предвидел, что после захвата власти обстоятельства могут поставить «нас в положение революционной войны», хотя при этом он с шутливым оптимизмом добавил следующее:

«Достаточно будет вам заявить, что вы не пацифисты, что вы свою республику, рабочую, пролетарскую, демократию от капиталистов немецких, французских и других защищать будете, этого будет достаточно, чтобы мир был обеспечен»¹³⁰.

Но после 1905 г. Ленин точно так же твердо придерживался мнения, что другим главным обязательным условием русской революции был союз пролетариата с крестьянством, и в тот крити-

ческий момент октября 1917 г. основной заботой Ленина были крестьяне, облаченные в форму деморализованной армии и требовавшие земли и мира. Результатами этого беспокойства явились Декреты о земле и о мире, в последнем из которых, как это видно из его содержания, много внимания было уделено миру и очень мало — мировой революции.

Революционный союз был сцементирован после Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов крестьянских депутатов в ноябре 1917 г., когда в Советское правительство вошли левые эсеры. «Сейчас, — сказал Ленин, доказывая необходимость согласия на «похабный» мир, — мы опираемся не только на пролетариат, но и на беднейшее крестьянство, которое отойдет от нас при продолжении войны»¹³¹. В ходе прений по вопросу Брестского мира на VII съезде партии один из последователей Бухарина, Бубнов удачно охарактеризовал Октябрьскую революцию, заявив, что она была «одновременно ставка и на международную революцию и на мужика»¹³². А ученый-марксист и *enfant terrible** партии Рязанов «ляпнул» на съезде, что пролетарская партия «должна быть поставлена перед дилеммой: в тот момент, когда захватит власть, должна будет решить вопрос, будет ли она опираться на крестьянские массы или на пролетариат Западной Европы»¹³³.

Ленин упорно отказывался допустить постановку вопроса в такой форме. По его мнению, никакой несовместимости между двумя главными условиями победы социализма в России не должно было существовать. В своих январских тезисах о заключении мира он просил не более «известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев, в течение которого социалистическое правительство должно иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране и для налаживания широкой и глубокой массовой организационной работы»¹³⁴. В ходе прений в Центральном Комитете Сталин и Зиновьев поддерживали его весьма неуклюже: Сталин заявил, что «революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция...», а Зиновьев доказывал, что хотя «миром мы усилим шовинизм в Германии и на некоторое время ослабляем движение везде на Западе», это было по крайней мере лучше, чем «гибель социалистической республики». Ленин не принял поддержки, основанной на каком-либо из этих доводов. На Западе есть «массовое революционное движение», хотя революция там еще не началась, и, если бы в силу этого большевики изменили свою тактику, они явились бы «изменниками международному социализму». С другой стороны, если бы Зиновьев был прав и если «германское движение может развиваться немедленно в случае перерыва мирных переговоров, то мы должны пожертвовать собою, ибо германская революция по силе будет гораздо выше нашей»¹³⁵. В своей речи на VII съезде партии Ленин в категори-

* *Enfant terrible* (фр.) — ужасный ребенок. — *Прим. ред.*

ческих выражениях повторил то, что он уже раньше говорил много раз и что ему предстояло сказать вновь еще много раз:

«...не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадёжной...

Наше спасение от всех этих трудностей — повторяю — во всевропейской революции»¹³⁶.

Немногим более чем через месяц после этого в ходе полемики с левой оппозицией он еще раз подтвердил эту принципиальную позицию:

«... в вопросе внешней политики перед нами две основные линии — линия пролетарская, которая говорит, что социалистическая революция дороже всего и выше всего, и надо учесть, скоро ли возникнет она на Западе, и другая линия — буржуазная, которая говорит, что для меня государственная великодержавность и национальная независимость дороже всего и выше всего»¹³⁷.

А также:

«Тот не социалист, кто не доказал делами своей готовности на величайшие жертвы со стороны «его» отечества, лишь бы дело социалистической революции было фактически двинуто вперед»¹³⁸.

Это были не слова человека, считавшего, что, согласившись на Брестский мир, он принес в жертву дело революции в Европе. И когда через восемь месяцев Германия оказалась на грани военного поражения, а революция, казалось, грозила половине континента, Ленин смог без особого труда убедить себя в том, что это явилось вознаграждением за брест-литовскую политику и ее последствием:

«Теперь даже самые ослепленные из рабочих разных стран увидят, как правы были большевики, всю тактику строившие на поддержке всемирной рабочей революции и не боявшиеся принести различные тягчайшие жертвы»¹³⁹.

Ленин поменялся ролями со сторонниками «революционной войны», пытаясь доказать, что подлинной сущностью сделанного в Брест-Литовске было принесение в жертву близорукой национальной гордости во имя долгосрочного дела мировой революции. Разногласия Ленина с Троцким по вопросу Брест-Литовска были менее глубокими, чем те, которые разделяли его и последователей Бухарина. Сильная личность Троцкого и его драматическая роль в брест-литовской истории придали этим разнообразиям большую практическую значимость и известность в глазах как современников, так и последующих поколений. Но получившие широкое распространение представления о Троцком как о стороннике мировой революции, расходившемся с Лениным, как о поборнике национальной безопасности или социализма в одной стране настолько искажены, что являются почти полностью ложными. Живость ума и стиля Троцкого постоянно приводили к тому, что

он в самой крайней и догматической форме отстаивал любую позицию, которую ему случалось в данный момент занимать. Хотя Троцкий в качестве народного комиссара по иностранным делам видел своей главной задачей водружение знамени мировой революции, он так же усердно и красноречиво защищал национальные интересы.

Революции было от роду две недели, когда Троцкий уязвил «правящие классы Европы» за их неспособность понять, что Декрет о мире явился «предложением, исходящим от государственной власти, представляющей многомиллионный народ»¹⁴⁰. Через несколько дней он гордо объявил, что «всякий русский гражданин, будь то политический эмигрант или революционный солдат во Франции, теперь находится под защитой государственной власти русской революции»¹⁴¹, и примерно в то же самое время сербский посланник в Петрограде пожаловался, что большевики были «самыми подлинными империалистами» и что «в области внешней политики между Сазоновым и Троцким в сущности нет никакой разницы»¹⁴².

Однако в брест-литовском споре Троцкий был самым красноречивым и искусным защитником мировой революции, будучи также поборником политики натравливания одной группировки капиталистов на другую; его позиция была полярно противоположна взглядам тех, кто выступал за чистые революционные принципы, не запятнанные компромиссом или соображениями целесообразности. «Факты перекрещиваются, — заявил Троцкий Центральному Комитету, — а потому может быть средняя позиция»¹⁴³. Именно эта способность перекинуть мост между двумя крайними позициями заставила Ленина в прошлом упрекнуть Троцкого в отсутствии принципов. «С Троцким нельзя спорить по существу, — с горечью писал он в 1911 г., — ибо у него нет никаких взглядов»¹⁴⁴. Взаимное доверие, появившееся между ними после лета 1917 г., не изменило этой разницы в интеллектуальном подходе.

Итогом долгих прений по вопросу Брестского мира была не драматическая победа одного принципа над другим; им оказалось их медленное слияние, на основе которого строились отношения Советской России с внешним миром несколько последующих лет. По ходу спора и под влиянием происходивших событий позиции Ленина и Троцкого постепенно сближались, даже когда левые продолжали придерживаться непримиримых взглядов. Первоначальная постановка Троцким во главу угла мировой революции основывалась на серьезной переоценке перспектив революции в Германии. На ранней стадии его оптимизм разделялся Лениным и всей партией, и забастовки в Австрии и Германии в январе 1918 г., казалось, возродили померкшие надежды. Ошибкой Троцкого было то, что он держался этих оптимистических взглядов еще долго после того, как Ленин отошел от них. Когда он объявил удивленной немецкой делегации в Брест-Литовске свою фор-

мулу «ни мира, ни войны», он выразил твердую уверенность в том, что «германский народ и народы Австро-Венгрии» не допустят «продолжения военных действий»¹⁴⁵. Даже после того, как 18 февраля 1918 г. немцы объявили о возобновлении военных действий, он все еще считал, что «необходимо подождать, какое впечатление это все произведет на немецкий народ» и «как это повлияет на немецких рабочих»¹⁴⁶. Его возражение принять немецкий ультиматум было вызвано вероятностью того, что это лишь дало бы возможность «дальнейших ультиматумов»¹⁴⁷. Таким образом, Троцкий постепенно перемещался к позиции, с которой он оспаривал только точность ленинского диагноза, а не правильность ленинской политики в случае, если бы диагноз был верным. С другой стороны, Ленин, настаивая на необходимости национальной обороны, был весьма далек от того, чтобы забыть о мировой революции, которую он постоянно выделял в качестве высшей цели своей политики. Нужна была только передышка для того, чтобы завершить свержение буржуазии и организовать у себя в стране; заключив мир, «мы освободим себе обе руки и тогда мы сможем вести революционную войну с международным империализмом»¹⁴⁸.

«Предполагать, что передышки не будет и будут постоянные ультиматумы, — сказал Сталин, отвечая Троцкому, — это значит полагать, что на Западе совершенно нет движения. Мы полагаем, что немец все делать не может. Мы тоже ставим ставку на революцию, но вы рассчитываете на недели, а (мы. — *Ред.*) на месяцы»¹⁴⁹.

Сокольников добавил, что «мы подписываем эти условия как определенную отсрочку для подготовки революционной войны», а Ленин подтвердил, что он тоже считал «необходимым готовить революционную войну»¹⁵⁰. И в заключение партийного манифеста, выпущенного, чтобы объяснить решение о согласии на германские условия, приводился довод, исходивший из интересов мировой революции:

«Сохраняя Советскую власть, мы оказываем самую лучшую, самую сильную поддержку пролетариату всех стран в его невероятно трудной, тяжелой борьбе против своей буржуазии. И большего удара для дела социализма теперь, чем крушение Советской власти в России, нет и не может быть»¹⁵¹.

Это было концепцией «национальной обороны», но национальной обороны с одним отличием:

«Мы оборонцы после 25-го октября 1917 года, мы завоевали право на то, чтобы защищать отечество. Мы защищаем не тайные договоры, мы их расторгли, мы обнаружили их пред всем миром, мы защищаем отечество от империалистов. Мы защищаем, мы победим. Мы защищаем не великодержавность: от России ничего не осталось, кроме Великороссии, — не национальные интересы, мы утверждаем, что интересы социализма, интересы миро-

вого социализма выше интересов национальных, выше интересов государства. Мы оборонцы социалистического отечества»¹⁵².

Таким образом, конечным результатом брест-литовского кризиса оказалась внешняя политика, предназначенная для обеспечения в равной степени как мировой революции, так и национальной безопасности Советской республики и отрицавшая несовместимость этих двух основных целей. Мировая революция явилась единственной гарантией национальной безопасности, а национальная безопасность была также условием успешного продвижения мировой революции. Едва только непосредственное воздействие немецкой интервенции на Советскую республику было устранено, как с японской высадки во Владивостоке 4 апреля 1918 г. началась интервенция противостоявшей Германии капиталистической группировки. После этого в течение двух с половиной лет с одним коротким перерывом Советская Россия находилась в состоянии необъявленной войны с союзными державами. В любом случае в условиях войны не могло возникнуть никакой несовместимости между двумя аспектами советской внешней политики. Военная слабость сделала революционную пропаганду среди народов враждебных держав самым эффективным оружием советского арсенала.

«... факты мировой истории, — писал Ленин в ноябре 1918 г., — показали, что превращение нашей, русской, революции в социалистическую было не авантюрой, а необходимостью, ибо *инного* выбора не оказалось: англо-французский и американский империализм неизбежно задушит независимость и свободу России, если не победит всемирная социалистическая революция, всемирный большевизм»¹⁵³.

Но тема национальной обороны против иноземных захватчиков могла также затрагиваться и непосредственно, придавая советской политике, особенно к концу этого периода, ореол русского патриотизма. Лишь когда закончилась гражданская война и в первые месяцы 1921 г. на повестку дня был вновь поставлен вопрос об установлении мирных отношений с капиталистическими державами противоречия и неудобства двойственной политики опять выступили наружу, как это уже было в более драматической обстановке заключения Брестского мира. В то же время два этих аспекта советской внешней политики — поощрение мировой революции и обеспечение национальной безопасности — были лишь разными инструментами осуществления одной-единственной, неизменной и целостной задачи.

ДВОЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Вспышка брест-литовского кризиса высветила две суровые и приводящие в замешательство реальности. Первой из них являлась унижительная военная беспомощность Советской республики, территория которой была со всех сторон широко открыта врагу. Чуть больше месяца отделяло прекращение германского наступления в Белоруссии и на Балтике от первой японской высадки на Дальнем Востоке. За это время германский оккупационный режим на Украине продолжал беспрепятственно распространяться и укрепляться. Второй реальностью была отсрочка европейской революции, на неизбежности которой строились самоуверенные расчеты не только лишь нескольких оптимистов, но и каждого большевика любого толка. Январские забастовки в Вене и Берлине были подавлены, и германское правительство столь успешно залатало свои дыры, что даже большевики забыли о том, что эти прорехи когда-либо существовали. Они начали под влиянием обратного действия этих событий переоценивать способности Германии к сопротивлению. Мораль была ясна: что бы ни случилось в будущем, в тот момент советский режим в вопросе своего выживания мог рассчитывать лишь на собственные жалкие ресурсы.

Первой очевидной реакцией на это осознание изоляции и слабости было признание необходимости организации вооруженной обороны. В марксистском учении существенным являлось положение о том, что революция должна разрушить армию наряду с другими институтами буржуазного государства и создать свои собственные вооруженные силы по иному образцу; условием любой народной революции в Европе, писал Маркс во время Парижской Коммуны, было «не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее»¹. Как I, так и II Интернационал принимали резолюции, содержавшие требования упразднения постоянных армий и замену их тем, что различным образом определялось как «народная милиция» или «вооруженная нация». Ленин в своих «Письмах из далека», написанных в Швейцарии в марте 1917 г., хотел слить «полицию, армию и бюрократию с *поголовно вооруженным народом*» и «создавать действительно общенародную, поголовно-всеобщую, руководимую пролетариатом, милицию». Он отрицал наличие какого-либо «плана» организации такой милиции, но думал, что она «действительно бы вооружала и обучала военному делу

поголовно весь народ», обеспечив бы ему тем самым защиту «от всяких попыток восстановления реакции, от всяких происков царских агентов»². В «Государстве и революции» он еще раз соединил бюрократию и армию как «два учреждения, наиболее характерных для буржуазной государственной машины, которую революция должна не захватить, а уничтожить»³. Поэтому, когда большевистские пропагандисты способствовали процессу распада и роспуска русской армии в 1917 г., они сознательно или неосознанно действовали в соответствии с установленной партией доктриной. Почти единственными крупными частями, сохранившими свою организацию в ходе всего периода беспорядков и перешедшими более или менее нетронутыми из старой армии в новую, были латышские полки, обеспечившие себе этим дурную славу в первые дни революции.

Красная гвардия, предтеча Красной Армии, была задумана как институт иного рода, чем старая армия, в своей основе имевший иную классовую структуру и иные взгляды и цели. Она появилась в Петрограде в форме фабричных рабочих дружин в течение лета 1917 г. и была признана Петроградским Советом в ходе выступления Корнилова в качестве «рабочей милиции». Она в основном являлась творением большевиков и была крайне предана этой партии. Именно большевистская делегация на «Демократическом совещании» в Москве потребовала: «Всеобщее вооружение рабочих и организация Красной гвардии»⁴. С другой стороны, Красная гвардия не имела серьезной военной подготовки и соответствовала модели милиции, определенной год назад в марте Лениным, предназначенной для защиты революции от контрреволюционных заговоров и интриг, а не армии для ведения боевых сражений. По официальным оценкам, Красная гвардия в Петрограде в октябре месяце насчитывала не более 10—12 тыс. человек⁵. В условиях хорошо организованного переворота, обеспечившего победу Октябрьской революции, ей не пришлось столкнуться с настоящим вооруженным сопротивлением. В течение первых недель советского режима основными обязанностями Красной гвардии были захват и защита общественных зданий, обеспечение функционирования основных общественных служб и личная охрана советских руководителей. С приближением, однако, момента захвата власти двусмысленность положения уже начала беспокоить некоторых большевистских вождей. Задолго до этого под непосредственным воздействием опыта 1905 г. Троцкий написал, что первым актом Временного революционного правительства должна быть «радикальная реорганизация армии»⁶. В июле 1917 г. на конференции большевистской военной организации предусмотрительно говорилось о необходимости «создать из примыкающих и идущих за социал-демократией революционно-демократических элементов армии — материальный вооруженный оплот для революции»⁷. Вместе с тем господствующими все еще являлись взгляды, предполагавшие, что если факел революции сможет разго-

реться в Петрограде и Москве, то он быстро разнесет пожар по всей России и по Европе. В такую картину, таким образом, едва ли вписывались военные операции в защиту революции против организованных армий. Первоначальными обязанностями тех трех членов первого Совнаркома, которые составляли объединенный «комитет по военным и морским делам», было завершение ликвидации и демобилизации старой армии. Лишь формирование организованных армий «белыми» генералами и начало чего-то похожего на настоящую войну на Украине вынудили новый режим решать задачу создания вооруженных сил, способных противостоять этим армиям. Считается, что решение о создании Красной Армии было принято на совещании партийных руководителей 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.), когда было найдено название «Рабоче-Крестьянская Красная Армия»⁸.

После принятия этого решения, состоявшегося в ходе первого перерыва в брест-литовских мирных переговорах, Троцкий собирался вернуться на свое место главы советской делегации. Но военная опасность еще не была полностью осознана, и события развивались медленно. В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», первоначально утвержденной ВЦИК 3 (16) января 1918 г., декретировался принцип: «вооружение трудящихся, образование социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов»⁹. Затем 15 (28) января 1918 г., в день, когда Троцкий вернулся в Брест-Литовск с мандатом Центрального Комитета партии на завершающую стадию переговоров, Совнарком издал декрет об образовании Рабоче-Крестьянской Красной Армии на основе добровольцев из «наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс». Через две недели за ним последовал еще один — о создании Социалистического Рабоче-Крестьянского Красного Флота¹⁰. Но другой вопрос — насколько эти декреты были значимы практически. Впоследствии были приведены данные, согласно которым в Петрограде, где, как можно предположить, порыв защитить революцию был сильнее, в первый месяц после публикации первого декрета в добровольцы записалось более 5,5 тыс. человек¹¹. Но 22 февраля 1918 г., после того как германское наступление возобновилось, а Гофман выдвинул свои последние условия, Совнарком опубликовал в «Правде» воззвание под заголовком «Социалистическое отечество в опасности!».

В нем провозглашалось, что «все силы и ресурсы страны будут всецело направлены на революционную оборону, что рабочие и крестьяне вдоль линии нового фронта будут мобилизованы в батальоны для рытья окопов и что все трудоспособные представители буржуазии будут включены для работы в них под надзором красногвардейцев». Оно завершалось трояким лозунгом:

«Социалистическое отечество в опасности!

Да здравствует социалистическое отечество!

Да здравствует международная социалистическая революция!»¹²

Это воззвание явилось отправной точкой для первой настоящей кампании по призыву в Красную Армию. Следующий день, 23 февраля, впоследствии стал праздноваться как День Красной Армии¹³. А Троцкий, отстаивая полушутя свою брест-литовскую политику, заявил, что «наступление генерала Гофмана помогло нам приступить к серьезной работе по созданию Красной Армии»¹⁴. По опубликованным свидетельствам, число новобранцев в Петрограде, составлявшее всего лишь 5,5 тыс. 25 февраля, к 1 марта достигло 15,3 тыс.¹⁵ 4 марта 1918 г., на следующий день после подписания Брест-Литовского договора, было объявлено об отставке Троцкого с поста народного комиссара по иностранным делам и назначении его председателем Высшего военного совета¹⁶.

С этого времени в выступлениях советских руководителей упор стал постоянно делаться на обеспечение национальной обороны. На VII съезде партии, обсуждавшем вопрос о ратификации Брест-Литовского договора, Ленин с необычайной горечью представил развернутую оценку военного положения страны:

«Страна мелкокрестьянская в своем составе, дезорганизованная войной, доведенная ею до неслыханного состояния, поставлена в необычайно тяжелое положение: армии нет у нас, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов...» И далее: «...по вине армии заключаем мир с империализмом»¹⁷. Резолюция съезда в поддержку ратификации не была по тону сдержанно-дипломатической, поскольку публикации не подлежала:

«Съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унижительный мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику.

...Поэтому съезд заявляет, что первейшей и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и Советской власти съезд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины рабочих и крестьян России, для разъяснения неизбежности исторического приближения России к освободительной, отечественной, социалистической¹⁸ войне, для создания везде и повсюду строжайше связанных и единой жизненной волей скрепленных организаций масс... и... наконец, для всестороннего, систематического, всеобщего обучения взрослого населения, без различия пола, военным знаниям и военным операциям»¹⁹.

А в резолюции IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, двумя днями спустя утвердившего ратификацию, со всей силой подчеркивались «право и... обязанность защиты социалисти-

ческого отечества»²⁰. Во второй половине марта 1918 г., когда договор был официально ратифицирован и Советское правительство обосновалось в своей новой столице, задача организации Красной Армии стала приобретать первостепенную важность. Через два дня после своей речи в Московском Совете 19 марта Троцкий, в присущей ему ораторской манере, провозгласил необходимость новой армии, а следующий день, 22 марта 1918 г., был объявлен в целях содействия призывной кампании Днем Красной Армии²¹.

В начале апреля был создан новый пост — Троцкий стал народным комиссаром по военным делам²². До тех пор старое Военное министерство, переименованное в Народный комиссариат по военным делам, продолжало заниматься вопросами, связанными с расформированием старой армии, и находилось в неопределенных отношениях с советскими органами, ведавшими созданием Красной Армии. Конец старого порядка и зарождение нового рассматривались как совершенно независимые процессы. Когда Троцкий дополнил свой титул председателя Высшего военного совета должностью народного комиссара по военным делам, он поставил все военные организации Советской республики под единый контроль. Впервые была предпринята попытка утверждения принципа единства и преемственности. Стало ясно, что создание Красной Армии с нуля, без использования как накопленного опыта, так и сохранившихся механизмов старой русской армии, было непосильной задачей. С течением времени при строительстве нового здания стали все более и более использоваться кирпичи и конструкции фундамента от старого, разрушенного. Результатом новой политики явился и встречный отклик. Радек рассказывал, что перед завершением брест-литовских переговоров Альфатер, контр-адмирал, назначенный в советскую делегацию, подошел к нему и сказал: «Я прибыл сюда потому, что меня заставили это сделать. Я не доверял вам. Но теперь я буду исполнять свой долг так, как никогда прежде, поскольку я искренне верю, что, делая это, я буду служить своей стране»²³.

Быть может, именно в это время и состоялась беседа Ленина и Троцкого с Альфатером и другим старшим морским офицером, Беренсом, по всей видимости явившаяся первым прямым контактом с офицерами прежнего режима²⁴. Троцкий на посту народного комиссара по военным делам вскоре осознал, что боеспособность Красной Армии будет зависеть от возможности не только принятия многих старых механизмов, но и привлечения на свою сторону несгибаемого старого офицерского корпуса, и он принялся за работу по устранению барьеров взаимного недоверия, стоявших на этом пути.

Спустя несколько недель был предпринят другой значительный шаг. Набор на добровольной основе, как бы он ни импонировал революционной идеологии, в качестве средства укомплектования рядов Красной Армии достаточным личным составом потерпел провал. 22 апреля 1918 г., после речи Троцкого во ВЦИКе, был при-

нят декрет, обязывавший все взрослое население отбывать либо воинскую, либо трудовую повинность. Декрет сохранял ранее принятую доктрину о классовом характере Красной Армии, предусматривая военную подготовку и военную службу в строгом смысле слова лишь для рабочих и крестьян; другим же предназначалась менее почетная служба в трудовых батальонах²⁵. По этому поводу ВЦИК утвердил текст новой военной присяги, согласно которому вступающий в Красную Армию как «сын трудового народа и гражданин Советской Республики» клялся «перед лицом трудящихся классов России и всего мира» «все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся» и сражаться «за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братство народов»²⁶. Месяцем позже новым декретом был провозглашен «переход от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян», после чего немедленно последовали декреты о призыве конкретных категорий лиц²⁷. Гражданская война явилась катализатором многих процессов, зародившихся после Брестского мира или даже еще до него. Осуждение Счастливого²⁸ явилось предупреждением офицерам, находившимся на действительной службе, что перед ними стоит выбор: либо верно служить новому режиму, либо открыто переходить к «белым», но к этой второй альтернативе были готовы далеко не все. Иностранная интервенция в ходе гражданской войны окрасила дело защиты Советов в тона русского патриотизма, который со временем стал важным фактором.

Между тем гражданская война поставила перед Красной Армией задачу организации эффективной центральной системы управления и командования, и централизованная организация постепенно заменила местную инициативу в форме создания территориального ополчения на добровольной основе²⁹. В мае 1918 г. Красная Армия получила Генеральный штаб и Главнокомандующего в лице латыша Вецетиса, который в июле 1919 г. был заменен бывшим царским штабным полковником Сергеем Каменевым. Речь Троцкого на V Всероссийском съезде Советов в июле 1918 г., когда гражданская война только начинала принимать серьезный оборот, была посвящена общему изложению военной политики. В ней временное обращение к принципу добровольного набора оправдывалось тем, что в то время еще не был готов механизм всеобщего призыва, и твердо отстаивалось использование царских офицеров в качестве «военных специалистов». Резолюция съезда стирала разницу между рабочими и крестьянами, с одной стороны, и бывшими буржуазией и правящими классами — с другой, предусматривая применение принципа принудительного призыва к «каждому честному и здоровому гражданину в возрасте от 18 до 40 лет». В резолюции ВЦИК говорилось о необходимости создания «централизованной, хорошо обученной и снаряженной армии» и одобрялось использование «военных специалистов»³⁰. Но Красная Армия, победившая в гражданской войне, явилась

логическим результатом того, основа чему была заложена и что начало осуществляться еще до начала этой войны. Первоначальное решение, позволившее превратить зарождавшуюся и неорганизованную Красную гвардию в национальную армию, было принято как результат брест-литовского кризиса.

Видимо, изменение взглядов на национальную оборону повлекло за собой изменение взглядов и на вопросы внешних сношений, что нашло символическое выражение в отставке Троцкого с поста народного комиссара по иностранным делам после заключения Брест-Литовского договора. Пламенный революционный агитатор был заменен отпрыском старой дипломатии, чье раннее обращение в большевизм не стерло несомненного врожденного уважения к традиционным формам. Георгий Чичерин оставил свой пост в царском министерстве иностранных дел в 1904 г., покинул Россию и вступил в Российскую социал-демократическую партию, явно колеблясь в своих убеждениях между большевистской и меньшевистской фракциями. Характерным было его самое значительное по тому времени партийное поручение. В конце 1907 г., в период воссоединения между фракциями, Центральный Комитет учредил специальную комиссию для расследования «экспроприаций», проводимых партийной организацией боевиков, и Чичерин, как человек независимой позиции в партии, был выдвинут на пост председателя данной комиссии. Расследование было засекречено и не дало результатов. Данный эпизод помогает объяснить последующую враждебность в отношениях между Чичериным и Сталиным и Чичериным и Литвиновым. После 1907 г. Чичерин был меньшевиком и примкнул к большевикам лишь в 1917 г. Чичерин в силу своего характера и происхождения являлся необычной фигурой в большевистском созвездии — это был человек высокой культуры и изысканного вкуса, до некоторой степени эстет, до некоторой — ипохондрик, чья принадлежность к марксизму была определена не эмоциями, а тонким и высокоразвитым интеллектом. После смерчеобразного пребывания Троцкого в Наркоминделе Чичерин занялся менее эффектными и требующими терпения организационными вопросами. 25 марта 1918 г. Наркоминдел обосновался в своем новом здании в Москве; заместителем комиссара являлся Карахан, заведующим Отделом Запада — Радек. Несколькими неделями позже Литвинов стал членом коллегии комиссариата³¹. Мало-помалу были сформированы штаты управленческого и дипломатического состава³². И декрет от 4 июня 1918 г., который, признав «полное равенство больших и малых наций» и отменив звания и ранги посла и посланника, заменив их титулом «полномочного представителя» (сокращенно — полпреда), явился, несмотря на некоторое показное пренебрежение к традициям, организационным началом советской дипломатической службы в общепринятом значении этого понятия³³.

Брест-Литовск, выявивший некоторые затруднения и противоречия двойственной политики, тем не менее не затронул ее сущ-

ности. 14 марта 1918 г. IV Всероссийский съезд Советов ответил на двусмысленное приветствие Вильсона посланием, адресованным американскому «народу и в первую очередь трудящимся и эксплуатируемым классам Соединенных Штатов Северной Америки», в котором выражалась уверенность, что «не далеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех буржуазных стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества, единственно способное обеспечить прочный и справедливый мир...»³⁴. Оно было выдержано в лучших традициях дипломатии революционных прокламаций и явилось, по хвастливому заявлению, приписываемому Зиновьеву, «пощечиной» американскому президенту³⁵. Но на следующий день, пока съезд продолжал обсуждать вопрос о ратификации Брест-Литовского договора, «Известия» поместили передовую статью, принадлежавшую перу главного редактора газеты Стеклова, которую, несмотря на упоминание о данном ответе, лишенном критики, характеризовал совершенно иной подход. Советская Россия изображалась в ней противостоящей «двум империализмам, из которых один уже схватил нас за горло (Германия) или собирается схватить (Япония), а другой, — конечно, в своих интересах, — готов протянуть нам руку помощи». Этим «другим» были Соединенные Штаты. Возникал единственный вопрос: «Какой империализм для нас опаснее: германский и японский или американский?» В опасности находился, откровенно пояснял автор, «государственный смысл русской революции». Затем, после намека на то, что Соединенные Штаты «ввиду своего соперничества с Германией и Японией» не могут позволить, чтобы в России господствовала любая из этих держав, и что американцы когда-нибудь «дадут нам и денег, и оружия, и паровозы, и машины, и инструкторов, и инженеров и т. д. для устранения экономической разрухи и создания сильной армии» статья заканчивалась твердым принципиальным заявлением: «Мы уверены, что самая последовательная социалистическая политика может сочетаться с самым строгим реализмом и самой выдержанной практичностью».

Таким образом, принципиальная революционная внешняя политика продолжала проводиться параллельно с внешней политикой, учитывавшей «государственный смысл революции». Брест-Литовск был первым случаем, когда новый режим был вынужден подчиниться общепринятым нормам международных отношений и принять на себя обязательства в качестве государства, осуществлявшего свою власть на территории страны. Назначение Чичерина, несомненно, предвещало воцарение «пассивной» политики, когда «период революционной наступательной политики сменился периодом отступления и лавирования»³⁶. Но это изменение всецело отвечало нуждам отчаянного положения, и примечательно, что, когда Ленин в конфиденциальном меморандуме, написанном в мае 1918 г. и не опубликованном при его жизни, решил определить политику «отступлений и маневрирования», прототипом которой

явился Брест-Литовск, он явно имел в виду не изменение, а пре-
емственность: «Внешняя политика Советской власти никоим об-
разом не должна быть изменяема. Наша военная подготовка еще
не закончена, и потому общим лозунгом остается по-прежнему:
лабиринт, отступать, выжидать, продолжая эту подготовку из
всех сил».

Ленин не исключал «военных соглашений» с одной из «импе-
риалистических коалиций». Сопоставляя угрозу со стороны Гер-
мании с угрозой со стороны Японии, он расценил, что в тот мо-
мент «опасность занятия германцами Питера, Москвы и большей
части Европейской России» была более серьезной. Но самым важ-
ным в то время было избежать любого «необдуманного или по-
спешного шага», способного «помочь крайним элементам военных
партий» той или другой стороны; а это блокировало любое согла-
шение с англо-французской коалицией³⁷. Для пуристов, считав-
ших, что внешняя политика должна быть производной основопо-
лагающих революционных принципов, невзирая на обстоятельст-
ва момента, а одним из принципов была постоянная, одинаковая
и безоговорочная враждебность в отношении всех капиталистиче-
ских держав, такие расчеты являлись сползанием в «оппортунизм»
или возвращением к старорежимной дипломатии; Мартов сурово
осудил их как «отступление к милюковской политике»³⁸. Но это
обвинение, в той форме, в которой оно обычно делалось, а имен-
но что после Брест-Литовска Советская власть избрала политику
узконациональных интересов и «решилась отказаться от поли-
тики наступления на империализм»³⁹, было ложным. Новый ак-
цент, даже если он был бы действительно новым, сделанным на
«государственном смысле» революции, не влек за собой отхода
от прежних революционных позиций. Двойственная политика ста-
ла осуществляться сразу же после победы революции. Она не
явилась порождением Брест-Литовска и того, что случилось после
него. Но эти события обнажили сложный и противоречивый ха-
рактер обоих ее аспектов и привели к его осознанию как друзья-
ми, так и врагами. Эта противоречивость была уже в полной сте-
пени присуща советской политике летом 1918 г., проводившейся
как в отношении Германии, так и в отношении западных союз-
ников.

Отношения между Советской Россией и Германией официально
определялись Брест-Литовским договором, и те, кто впоследствии
обвинял Советское правительство в отходе от революционных
принципов, обычно приводили статью 2 данного договора, в со-
ответствии с которой каждая сторона обязывалась «воздерживать-
ся от всякой агитации или пропаганды против правительства или
государственных и военных установлений другой стороны». На
практике этой пресловутой статье если и придавалось значение,
то малое. Следов какого-либо ее обсуждения в Брест-Литовске или
в Москве, предшествовавшего подписанию договора, или каких-

либо возражений против нее не существует. Видимо, она была принята советской делегацией с тем же беззаботным настроением, с каким немецкая делегация согласилась на запрещение переброски войск на Западный фронт Германии в ходе перемирия, и в равной степени без расчета на то, что другая сторона будет серьезно ожидать ее соблюдения. «Я надеюсь, что мы сможем начать революцию и в вашей стране», — любезно заметил Иоффе Чичерину в Брест-Литовске⁴⁰. При подписании Брест-Литовского договора глава советской делегации на последней стадии переговоров Сокольников выразил уверенность советской стороны в том, что «это торжество империализма и милитаризма над международной пролетарской революцией окажется лишь временным и преходящим»⁴¹.

Однако в течение 1918 г. было необходимо публично соблюдать видимость честного выполнения статьи 2-й договора. «Эту статью мы в действительности соблюдаем, — сказал Чичерин на сессии ВЦИК, — и в случае ее нарушения каким-либо органом власти Советское правительство принимает против этого меры»⁴². Но на VII съезде партии, созванном за закрытыми дверями для обсуждения ратификации договора, такая осторожность не требовалась. «Да, конечно, мы нарушаем договор, — воскликнул Ленин, выступая за ратификацию, — мы его уже тридцать — сорок раз нарушили»⁴³. А Свердлов на том же съезде разъяснил ситуацию в своем более тяжеловесном стиле: «Мы, например, как это вытекает из подписанного нами договора, который мы должны в скором времени ратифицировать на съезде, неизбежно вытекает, что мы в качестве правительства, в качестве Советской власти, не сможем вести той широкой международной агитации, которую мы до сих пор вели, но это совсем не значит, что мы хотя бы на йоту стали меньше заниматься такой агитацией. Но нам придется теперь сплошь да рядом такую агитацию вести не от имени СНК, а от имени ЦК нашей партии...»⁴⁴

В целях осуществления этого нового принципа были сразу же предприняты шаги. Ранее основным инструментом Советского правительства для ведения организационной революционной пропаганды являлся международный отдел под руководством Радека, первоначально приписанный к Наркоминделу, а с начала 1918 г. — к ВЦИК и состоявший в основном из национальных групп военнопленных⁴⁵. Теперь этот отдел был ликвидирован. Национальные группы были, говоря словами более позднего отчета, «поставлены на строго партийную почву», будучи преобразованы в иностранные секции при Центральном Комитете русской партии большевиков, а впоследствии на их основе была организована «Федерация иностранных групп РКП (большевиков)»⁴⁶. Таким образом, в течение апреля 1918 г. в Москве были созданы немецкая, венгерская, австрийская и югославская группы российской партии, каждая из которых возглавлялась своим национальным представителем. Так, во главе немецкой организации стоял Томас, венгерской — Бела

Кун, австрийской — Эбенгольд, югославской — Михайлов. Каждая из этих групп выпускала свои периодические издания и другую пропагандистскую литературу. Каждая из них вела работу среди военнопленных своей национальности, побуждая одних к вступлению в Красную Армию и готовя других к работе в качестве пропагандистов и агитаторов в тылу врага или, при появлении возможности, к революционной деятельности в своих странах. Эти центральные группы были очень небольшими. Немецкая группа, насчитывавшая при создании в апреле 1918 г. 11 членов, возросла в течение года до нескольких сотен. Венгерская группа, начинавшая с 4—5 членов, возросла к концу года до 90 человек⁴⁷. Во всех свидетельствах отмечается успех их работы среди военнопленных.

«В каждом лагере пленных стало по два лагеря. Рядовая серая масса (пушечное мясо) — на одной стороне, дворянская и офицерская каста — на другой. Первая тянулась к Советам, вторая — к представителям разных посольств так называемых нейтральных государств, к посольствам и консульствам вчерашних своих врагов — союзников бывшей России»⁴⁸.

Разложившиеся армии держав Центральной Европы, томившиеся в лагерях для военнопленных, представляли собой такое же благодатное поле для революционной пропаганды, широко использовавшей классовые различия, как и побежденная русская армия. Работа среди военнопленных в то время выступила, как позднее сказал Ленин, как «настоящая основа того, что сделано нами для III Интернационала»⁴⁹. Восточные народы оказались подвержены тому же процессу. Турецкий социалист Суфи, перебежавший в Россию в 1914 г. и интернированный там, стал основным агитатором среди турецких военнопленных; в конце 1918 г. он смог утверждать, что «турецкие военно-революционные организации уже существуют в России» и, несомненно значительно преувеличивая, что «тысячи турецких красноармейцев в настоящее время служат в Красной Армии на различных фронтах Советской республики»⁵⁰. Китайские кули, ввезенные в Россию во время войны в качестве рабочей силы, были организованы подобным же образом в «Союз китайских рабочих в России»⁵¹.

Искусные попытки поставить пропагандистскую организацию военнопленных на неофициальную и партийную основу не помешали проведению в Москве в середине апреля 1918 г. ряда организованных демонстраций. 14 апреля на массовом митинге военнопленных Бела Кун сказал:

«Сметите все препятствия на пути за освобождение поработенных, превратите в пепел все замки, все дворцы, куда стекается ваше богатство и откуда широко расплываются по стране нищета и голод... Обратите свое оружие против своих офицеров и генералов, против дворцов. Пусть каждый из вас в своем полку будет учителем революции»⁵².

Тремя днями позже состоялось открытие Всероссийского съезда военнопленных-интернационалистов, на котором присутствовало 400 делегатов. На нем был принят манифест, призывавший военнопленных вступать в Красную Армию или возвращаться домой и стать «пионерами интернациональной Социалистической Революции пролетариев»; одним из лозунгов съезда был «Да здравствует Третий Интернационал!»⁵³, предвосхищавший появление последнего. Съезд учредил исполнительный комитет, который, неохотно пытаясь скрыть свое истинное лицо, назвал себя «Исполнительным комитетом иностранных рабочих и крестьян»⁵⁴.

Брест-литовские победители наблюдали за этими процессами с возрастающим негодованием. В канун московского съезда от германского правительства был получен энергичный протест, в котором, помимо прочего, утверждалось, что, посещая лагеря, Эбенгольц и Михайлов принуждали военнопленных вступать в Красную Армию, и содержалось требование ареста обоих⁵⁵. Ответ на него был осторожным и уклончивым. Тем, кто мог подвергнуться репрессиям, в спешном порядке предоставлялось советское гражданство. 20 апреля 1918 г. Гроцкий в качестве народного комиссара по военным делам издал приказ, предписывавший всем военным учреждениям строгое соблюдение брест-литовского запрета на пропаганду, особенно в отношении военнопленных; за ним последовали аналогичные предупреждения со стороны Наркоминдела и Народного комиссариата внутренних дел, обращенные ко «всем Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов»; а через неделю «Исполнительный комитет иностранных рабочих и крестьян» был заменен «Центральной коллегией по делам пленных и беженцев» при Народном комиссариате по военным делам под председательством заместителя комиссара Уншлихта⁵⁶. Но это разделение ответственности за военнопленных между партией и государством не знаменовало собой никаких немедленных перемен в политике. В конце апреля 1918 г. в Москву прибыл первый германский посол при Советском правительстве. Одним из его первых официальных появлений было присутствие на первомайском параде, где в строю проходивших воинских частей находился отряд немецких военнопленных, которые несли знамя с призывом к своим товарищам в Германии сбросить иго кайзера. Этот эпизод привел к очередному резкому протесту и к ответу советской стороны, содержавшему обещание впредь не брать на службу в Красную Армию иностранных подданных. Это обязательство можно было сразу же легко обойти путем принятия в советское гражданство тех, на кого падало обвинение⁵⁷. Ведение пропаганды среди военнопленных национальными группами под покровительством партии, как и набор военнопленных в Красную Армию, продолжались в тех же масштабах вплоть до заключения перемирия в ноябре 1918 г., хотя, как представляется, и без явного повторения апрельских и майских провокаций. После ноябрьских событий 1918 г. немецкие и австрийские военнопленные захватили

здания своих соответствующих посольств в Москве⁵⁸ и учредили советы рабочих и солдатских депутатов, которые наладили отправку агитаторов в Центральную Европу⁵⁹.

Брест-Литовский договор, почти не препятствовавший большевистской деятельности среди военнопленных, вместе с тем открыл новый и до тех пор не использовавшийся пропагандистский канал. Прибытие Иоффе в Берлин в апреле 1918 г. в качестве первого советского представителя в Германии явилось сигналом к развертыванию активной революционной кампании. Иоффе отказался вручать верительные грамоты кайзеру и пригласил на свой первый официальный прием руководителей антивоенной Независимой социал-демократической партии, ряд членов которой находились в тюрьме⁶⁰. Много лет спустя американский писатель записал рассказ Иоффе о своей миссии:

«Его посольство в Берлине служило главным штабом германской революции. Он покупал секретные сведения у немецких официальных лиц и передавал их радикальным лидерам для использования в публичных выступлениях и статьях, направленных против правительства. Он купил для революционеров оружие и выплатил за него 100 000 марок. На средства советского посольства были напечатаны и распространены тонны антикайзеровской литературы. «Мы хотели подорвать монархию и закончить войну, — сказал мне Иоффе, — президент Вильсон по-своему старался сделать то же самое». Почти ежедневно после наступления сумерек принадлежавшие к левому крылу лидеры независимых социалистов проскальзывали в здание посольства на Унтер-ден-Линден, чтобы обсудить с Иоффе вопросы тактики. Он был опытным конспиратором. Им нужны были его советы, руководство и деньги. „В конце концов, однако, — печально заметил Иоффе, — ни они, ни мы ничего не совершили из того, что представляло бы собой действительно что-то стоящее, постоянную ценность. Мы были слишком слабы, чтобы вызвать революцию”»⁶¹.

После падения Германии обе стороны по разным причинам были заинтересованы в раздувании роли, сыгранной в этом событии большевистской пропагандой, в связи с чем получили распространение некоторые заявления, преувеличивавшие масштабы деятельности Иоффе⁶². Тем не менее было точно установлено, что он давал деньги издателю «Писем Спартака» Эрнсту Майеру на распространение брошюр⁶³ и что через руки члена НСДПГ Оскара Кона, который, по всей видимости, действовал в качестве юридического консультанта и доверенного лица советского посольства, прошли крупные суммы денег⁶⁴. Закупки оружия вряд ли были значительными. Но поток подрывной литературы был обильным и непрерывным.

Эти действия явились прямым продолжением политики добрест-литовского периода и логически вытекали из доктрины, в соответствии с которой главной целью этой политики было содействие революции в основных капиталистических странах, в первую

очередь в Германии. Но, помимо этой пропагандистской деятельности советской стороны, крайней напряженности, которой характеризовались советско-германские отношения в первые два месяца после заключения Брест-Литовского договора, способствовали и иные причины.

Германское правительство поспешило закрепить преимущества, которые вытекали для него из договора. 7 марта 1918 г. оно подписало мирный договор с «белым» правительством Финляндии, ведшим в то время ожесточенную гражданскую войну против финского социалистического рабочего правительства, заключившего неделей раньше договор с Советским правительством⁶⁵ и поддерживавшегося в тому времени уже в течение двух месяцев русскими частями. В начале апреля германская армия под командованием фон дер Гольца высадилась в Финляндии, и через месяц гражданская война была окончена, не считая последовавшего за ней «белого террора». Захватом всей территории Украины завершилось планомерное продвижение по этой земле немецких войск, встречавших лишь неэффективные беспокоящие действия со стороны эсеровских и большевистских партизанских отрядов, поддерживавшихся или поощрявшихся из Москвы⁶⁶. 22 апреля Чичерин заявил протест в связи с германским продвижением в Крым за те границы Украины, которые были установлены в Брест-Литовске или на которые претендовало любое украинское правительство⁶⁷. Многими отмечалась холодная атмосфера официального приема Свердловым германского посла Мирбаха 26 апреля 1918 г. при вручении верительных грамот⁶⁸. В тот же день Чичерин разослал очередную ноту протеста в связи с вторжением немецких войск в Центральную Россию и Крым, содержавшую требование строгого соблюдения положений, принятых в Брест-Литовске⁶⁹. В это же самое время русский Черноморский флот был отведен из Севастополя в Новороссийск, для того чтобы он не попал в руки немцев, а затем, когда немцы потребовали его возвращения, к большому удовольствию западных союзников, он был тайно затоплен⁷⁰. Уже 5 мая 1918 г. Брюс Локкарт, перечисляя в письме к Робинсу шаги Троцкого, направленные на налаживание сотрудничества с союзниками, пришел к выводу, что «это не выглядит как действия прогерманского агента»⁷¹.

При рассмотрении данного аспекта советской политики, суть которого сводилась к маневрированию между двумя группами капиталистических держав и стремлению застраховаться от враждебности одной группы путем умиротворения другой, создается впечатление, что весной 1918 г. Германия расценивалась в качестве самого злого и непримиримого врага.

Однако чаши весов советской политики стали быстро двигаться в обратном направлении в связи с новой и непосредственной угрозой, исходящей из другого лагеря. До середины мая 1918 г. германская угроза представлялась наибольшей внешней опасно-

стью, нависшей над режимом. Но примерно в то же время стало ясно, что апрельская высадка японцев во Владивостоке⁷² не являлась изолированным инцидентом, а была предвестницей интервенции союзников в гораздо больших масштабах. Действительно, в последних числах мая 1918 г. произошел мятеж чехословацкого корпуса, а в конце июня имела место первая высадка британских войск в Мурманске⁷³. Поэтому теперь, как и в самые мрачные дни января и февраля 1918 г., когда была предпринята отчаянная и неудачная попытка добиться поддержки союзников, с тем чтобы отвлечь надвигающуюся опасность со стороны Германии, угроза интервенции союзников заставила маневрировать в целях получения поддержки с другой стороны и достижения соглашения с германским правительством на более прочной взаимовыгодной основе, чем одностороннее брест-литовское урегулирование. Это был отчаянный маневр, тем более отчаянный в связи с необходимостью совмещать его с революционной тактикой Иоффе в Берлине. Но опасность со стороны союзников возрастала с каждым днем. Возможным этот маневр, хотя это еще не было понято в Москве, делало растущее осознание в военных кругах Германии той же опасности. Когда летом 1918 г. выдохлось крупное наступление немецких войск во Франции, Германия впервые получила по-настоящему тяжелый удар с Запада и улучшение статуса вооруженного перемирия на Восточном фронте, явившегося единственным результатом Брест-Литовского договора, стало отвечать ее неотложным интересам.

Переориентация ознаменовалась долгим и довольно беспорядочным докладом Ленина о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г. В нем явно прозвучали нотки осторожности. Он сказал, что Советская Россия, ограниченная теперь пределами «Великороссии», «остается пока оазисом среди бушующего моря империалистического хищничества»; он повторил предостережение, содержащееся в его конфиденциальных тезисах, датированных несколькими днями ранее⁷⁴, против любого опрометчивого шага, который может «помочь крайним партиям империалистических держав Запада и Востока», и закончил выступление прочтением только что полученной от Иоффе успокоительной телеграммы, в которой сообщалось о согласии германского правительства на переговоры по всем вопросам⁷⁵. Даже такой намек на необходимость улучшить отношения с Германией тем не менее был многими воспринят с враждебностью, что объясняло проявленную Лениным осторожность. Налицо была мощная оппозиция в лице правых эсеров, которые откровенно выступали за проантантовскую ориентацию, в лице левых эсеров, считавших, что революция «достаточно сильна, чтобы иметь свою собственную ориентацию», и в лице меньшевиков, которые все еще рассматривали германский империализм «главным руководителем всех контрреволюционных сил» и предлагали вновь созвать Учредительное собрание⁷⁶.

Но планы интервенции союзников и их поддержка контрреволюционной подрывной деятельности теперь быстро приобретали серьезность и более не могли скрываться. Поворотным моментом явилось заседание ВЦИК 14 мая 1918 г., закончившееся вынесением официального вотума доверия Советскому правительству. В Москве в праздной, но доброжелательной атмосфере уже работала советско-германская комиссия по репатриации военнопленных⁷⁷. 15 мая 1918 г. в Берлине начались советско-германские переговоры по вопросу возобновления торговых отношений. На них советская сторона разъяснила, что, для того чтобы Советская Россия смогла выполнить свои финансовые обязательства в отношении держав Центральной Европы, ей был необходим заем; обсуждался вопрос платежей золотом и товарами; в пробном порядке были предложены концессии в России⁷⁸. Главными участниками переговоров с советской стороны были, помимо Иоффе, Ларин, Сокольников, Красин и Менжинский⁷⁹, бывший в то время советским генеральным консулом в Берлине; с германской стороны — Надольный и Криге⁸⁰, два представителя министерства иностранных дел, принимавшие участие также в брест-литовских переговорах, и Штреземан, представитель Рейхстага, выражавший интересы германской промышленности⁸¹. Подробности этих переговоров не были преданы огласке, но уже в конце мая в Москве пошли разговоры о «немецкой ориентации»⁸². Влиятельные и широкие связи Красина в Германии, вероятно, в то время были более важны, чем официальная деятельность Иоффе. В начале июня Красин отправился на Западный фронт для беседы с Людендорфом, которая, однако, как представляется, не пошла дальше чисто дружеского обмена упреками в нарушениях Брест-Литовского договора каждой из сторон. Он встречался с ведущими официальными лицами Германии, включая Брокдорфа-Ранцау, который в то время был посланником в Дании, а впоследствии — кандидатом в канцлеры. В деловом мире Германии он ориентировался как у себя дома. Директоров фирмы «Сименс — Шукерт», петроградским управляющим которой ранее являлся Красин, заботило только улаживание их дел в России. Но Красину удалось обсудить с конкурирующей АЭГ вопросы продажи в Россию электрооборудования и договориться о немедленных поставках угля «для спасения Петрограда от холодной смерти»⁸³. В это же время в Киеве проходили переговоры о заключении мира между Советским правительством и установленным немцами правительством Украины, и любые попытки левых эсеров втянуть Москву в выступления против немецких властей на Украине решительно пресекались. Решение левых эсеров убить нескольких ведущих германских представителей явилось преднамеренной попыткой нарушить это зарождавшееся советско-германское сближение. Убийство германского посла Мирбаха было совершено 6 июля 1918 г. во время заседания V Всероссийского съезда Советов, в момент, выбранный для начала контрреволюционных мятежей в нескольких центрах⁸⁴.

Расчеты левых эсеров на то, что убийство Мирбаха приведет к ухудшению, если не открытому разрыву советско-германских отношений, не были безосновательными. Они во многом строились на прецеденте, когда за убийством «китайскими боксерами» немецкого посланника в Пекине последовали военные репрессалии. На этот раз, однако, к удивлению многих, такого поворота событий не последовало. Советское правительство, борясь как с внутренней подрывной деятельностью, поощряемой западными союзниками, так и с внешней угрозой союзнической интервенции, было вынуждено почти любой ценой стремиться избежать разрыва отношений с другим империалистическим лагерем. Но и Германия ввиду быстро ухудшающегося военного положения в равной степени более всего хотела избежать возобновления военных операций на своем Восточном фронте. Поэтому обе стороны проявили при улаживании вопросов, связанных с убийством Мирбаха, неожиданные осторожность и миролюбие. Первоначальное требование германского правительства принять в Москве батальон немецких войск было сведено в достигнутом соглашении к размещению на территории посольства 300 человек невооруженной охраны⁸⁵. И тогда и потом⁸⁶ германское правительство продолжало протестовать, заявляя, что оно не получило полного удовлетворения. Несмотря на это, через три недели после убийства, 28 июля 1918 г., в Москве обосновался новый германский посол Гельферих. Его краткое пребывание там было отмечено значительным эпизодом. 1 августа 1918 г. Чичерин посетил его в посольстве Германии⁸⁷ — это была, очевидно, их единственная встреча — и информировал, что в связи с высадкой британских войск в Мурманске Советское правительство более не заинтересовано в «отсрочке» немецко-финской интервенции в Карелии, вопрос о которой уже обсуждался в Берлине. Он добавил, что «явный военный союз был бы невозможен при существовавшем настрое общественного мнения, но параллельная акция была бы, на деле, возможна»⁸⁸. Это фактическое приглашение германским войскам к продвижению при поддержке финнов через советскую территорию на союзников, вторгнувшихся в Мурманск и Архангельск, явилось точной копией февральских попыток Трццкого заручиться поддержкой союзников против наступавших немцев. Но Германия, как и союзники, проявляла колебания в отношении столь рискованной авантюры. Через десять дней после своего прибытия Гельферих, дав инструкции о переводе посольства в Петроград, уехал из Москвы в Спа, чтобы присутствовать на германском коронном совете, на котором высшее немецкое командование 8 августа 1918 г., впервые ощутившее опасность надвигавшегося поражения, приняло решение о срочной необходимости сворачивания военных обязательств. С этого времени о восточной аванюре не могло быть и речи. Гельферих на свой пост не вернулся, и через несколько дней посольство Германии отправилось в Псков, находившийся на оккупированной немцами территории⁸⁹.

В это время в Берлине спокойно проходили советско-германские переговоры, на которых советские участники были более покладисты, чем им следовало быть, узнай они в полном объеме о военной слабости Германии⁹⁰. В конце июня германский Генеральный штаб добился отставки Кюльмана. Его преемником в министерстве иностранных дел стал Гинтце, отставной адмирал, когда-то служивший морским атташе Германии в Петербурге. Но германская военная машина быстро сбавляла обороты, и преувеличенные военные амбиции и претензии, вначале замедлявшие ход переговоров, теперь были уже делом прошлого. В середине августа 1918 г. Иоффе сообщил в газету «Известия», что «сейчас сильнее, чем когда-либо, общественные и официальные круги Германии сознают необходимость сохранения и укрепления мирных отношений с Россией» и что экономические переговоры «закончились вполне удовлетворительно для нас»⁹¹. 27 августа в Берлине были тихо подписаны три документа, дополнявшие Брест-Литовский договор, — политическое и финансовое соглашения, а также конфиденциальная договоренность в форме обмена нотами, причем последняя свидетельствовала о том, что Советское правительство впервые прибегло к тайной дипломатии. В обмен на эвакуацию немецких войск из Белоруссии РСФСР официально отказывалась от всех прав на верховную власть в Эстонии и Латвии (при условии предоставления ей «свободных гаваней» в Таллинне, Риге и Венспилсе), признавала независимость Грузии (находившейся в то время под германским покровительством) и обязывалась выплатить, частично золотом, частично кредитными билетами, контрибуцию в шесть миллиардов марок. Германия принимала на себя обязательства не оказывать поддержки русским или любым другим вооруженным силам, действующим против Советского правительства на территории России. Советская Россия обязывалась применить «все имеющиеся в ее распоряжении средства, чтобы для соблюдения своего нейтралитета удалить боевые силы государств Согласия из северо-русских областей», причем если бы ей это не удалось, то Германия, как было предусмотрено секретным обменом нотами, была бы «вынуждена предпринять такую акцию, в случае необходимости, с помощью финских войск», а Россия «не стала бы рассматривать подобную интервенцию как недружественный акт». Таким образом, проект, обсуждавшийся Чичериным и Гельферихом в Москве, воплотился в берлинском соглашении, но тогда, когда уже военное положение Германии не позволяло его осуществить⁹².

Если сам Брест-Литовский договор представлял собой односторонний акт силы, навязанный поверженной и пассивной жертве, то дополнявшие его 27 августа 1918 г. документы имели до некоторой степени обычный дипломатический характер сделки между двумя партнерами, каждый из которых активно стремился обеспечить для себя известные выгоды и был готов заплатить известную цену, с тем чтобы обеспечить себе по меньшей мере пассив-

но-благожелательное отношение другого. Таким образом, они явились этапом нормализации советских внешних сношений. Чичерин, представляя указанные два соглашения на ратификацию во ВЦИК, вновь подчеркнул значение «мирных отношений» между империалистической Германией и «рабоче-крестьянским государством»:

«В общем, при глубочайшем различии между строем России и Германии и основными тенденциями обоих правительств, мирное сожительство обоих народов, являющееся всегда предметом стремлений нашего рабоче-крестьянского государства, является в настоящее время желательным и для германских правящих кругов... Именно в интересах мирного сожительства с Германией мы подписали те договоры, которые сегодня предъявляются ЦИК для ратификации»⁹³.

Советская политика уже далеко отошла от концепции проповеди мировой революции в качестве своего первоочередного назначения. Чичерин, возглавляя Наркоминдел, был глубоко привержен политике использования в качестве противовеса друг другу обеих групп враждебных держав и умиротворения политических противников, которые проявляли восприимчивость к жёстам миролюбия. Эта политика, попросту рассматривавшаяся как политика слабости, была предписана Лениным. Возможность сочетать в течение нескольких месяцев эту политику с революционной деятельностью Иоффе в Берлине была обусловлена, главным образом, параличом, охватившим германское правительство и прогрессирующим по мере приближения катастрофы.

Процесс улучшения отношений Советской России с Германией был подобен фотонегативу процесса ухудшения ее отношений с союзниками, который шел по той же схеме, но в обратном порядке. В советском подходе к Германии примирение и компромисс стали лейтмотивами в течение лета 1918 г. В советском подходе к союзникам бесплодные попытки примирения в феврале — марте были постепенно прекращены ввиду бескомпромиссного характера враждебности союзников и надвигавшейся с их стороны угрозы интервенции. После лета 1918 г. нельзя было испытывать серьезных сомнений относительно решимости союзников уничтожить советский режим и оказать содействие любому, кто стремился его уничтожить. За высадкой в конце июня английских частей в Мурманске в начале августа последовала высадка английских и французских контингентов в Архангельске; в течение августа американские войска присоединились к английским и французским на севере России и к японским во Владивостоке; на юге России при поощрении союзников, а чуть позже при их активной поддержке объединились и «белые» силы под предводительством Деникина. Контрреволюционные заговоры июля и августа в Центрально-европейской части России организовывались и финансировались из-за рубежа. 31 августа был арестован официальный британский агент Локкарт по обвинению в соучастии в них, и двумя днями

позже было обнародовано детальное советское заявление с осуждением «заговоров, организованных англо-французскими дипломатами»⁹⁴. Последний мост был сожжен. Для Советского правительства не оставалось более возможностей для примирения и компромисса в какой-либо форме.

В то время как такой вывод безоговорочно распространялся на счет Великобритании, Франции и Японии, к Соединенным Штатам он применялся с крайней неохотой. С первых же дней революции превалировало впечатление, что в Соединенных Штатах большевикам сочувствовали в большей степени, чем в любой другой капиталистической стране. В ноябре 1917 г. Троцкий рассуждал, что «...американские дипломаты поняли, что русской революции им не одолеть, и потому они хотят завязать с нами «дружественные» отношения, полагая, что это будет прекрасным средством конкуренции с германскими и в особенности английскими капиталистами после войны»⁹⁵. В этих условиях советская политика, полагаясь на нескрываемую американскую неприязнь к Японии⁹⁶ и на явное нежелание Вильсона участвовать в интервенции, стремилась жестами показного дружельюбия в отношении США вбить клин между союзными правительствами. Когда в мае 1918 г. Робинс вернулся в Вашингтон, он привез с собой развернутые предложения о концессиях в Советской России для американских капиталистов⁹⁷. Даже в августе американскому консулу в Москве Пулу была направлена нота, выдержанная в наивных выражениях, в которой к нему обращались как к представителю «нации, которая, чтобы употребить Ваши собственные слова, не предпримет ничего против Советов», и где выражались протест в связи с вторжением «англо-французских вооруженных сил» на советскую территорию и заверения в неизменных дружественных чувствах к американскому народу⁹⁸. Спустя месяц Чичерин в своей речи во ВЦИКе объяснил, что американские граждане не были интернированы вместе с гражданами других союзных держав, «ибо хотя правительство Северо-Американских Соединенных Штатов и было вынуждено со своими союзниками согласиться на участие в интервенции, пока формальное, но его решение не представляется нам бесповоротным»⁹⁹. Но через несколько недель эти приятные фантазии об американской дружбе показали свою не состоятельность. Во Владивостоке высадились два американских полка, а другие вскоре должны были присоединиться к союзническим силам на других фронтах; интервенционистские державы выступали против РСФСР нерасчленимой фалангой. В начале октября 1918 г. ВЦИК принял резолюцию, в которой «хищники англо-французского, американского и японского империализма» вместе фигурировали под одной вывеской¹⁰⁰. Кольцо замкнулось.

Такой катастрофический ход событий оставил глубокий след в советском образе мыслей. Действия союзников подкрепили и усилили идеологический аспект советской внешней политики и вновь сделали международную революцию ее основным программ-

ным пунктом, хотя бы лишь в интересах национального самосохранения. Жизненно важный вопрос о возможности сосуществования капиталистических и социалистических государств, по крайней мере в первых заявлениях Советского правительства, и в частности в Декрете о мире, оставался открытым; в некоторых весенних и летних заявлениях на него давался утвердительный ответ. Теперь же казалось неопровержимо ясным, что сосуществование невозможно, во всяком случае со странами Антанты, и что революционная пропаганда на рабочих этих стран была самым (да и, пожалуй, единственно) эффективным оружием в руках правительства, чьи военные ресурсы были все еще незначительными. Советская внешняя политика с осени 1918 г. до конца 1920 г. характеризовалась исключительно задачами интернационального и революционного порядка в большей степени, чем в любой другой период. Мировая революция в советской внешней политике в известном смысле являлась отражением «военного коммунизма» в политике экономической. Представляя собой по форме логической, хотя и экстремальный результат развития коммунистической идеологии, она была на деле навязана режиму не столько идеологической ортодоксальностью, сколько отчаянным состоянием гражданской войны.

Необъявленная война, начавшаяся высадкой войск союзников летом 1918 г., означала разрыв тех полудипломатических отношений, которые установились в течение зимы и весны. В конце июля 1918 г. представители союзников, пять месяцев до этого отъехавшие из Петрограда в Вологду, все вместе покинули Россию или ушли на оккупированную территорию, забрав с собой военные миссии, через которые поддерживались некоторые контакты с Советским правительством. После убийства Мирбаха и мятежей против Советского правительства в июле 1918 г. немногие оставшиеся в Москве гражданские и военные представители союзников стали рассматриваться как агенты контрреволюционных заговорщиков. Локкарту, освобожденному после четырех недель заключения, было позволено покинуть страну, а Литвинов был изгнан из Великобритании в порядке ответной меры за выдворение Локкарта. Закрытие каналов нормальных связей с внешним миром стимулировало использование средств «открытой дипломатии»; Чичерин впоследствии охарактеризовал это следующим образом: «...Мы меньше пишем нот правительствам, но больше пишем, обращаясь к рабочим массам»¹⁰¹. 1 августа 1918 г. Совнарком обратился с воззванием к «трудящимся массам Франции, Англии, Америки, Италии и Японии», завершавшимся словами:

«Принужденные бороться против союзного капитала, который к цепям, наложенным на нас германским империализмом, хочет добавить новые цепи, мы обращаемся к вам с призывом:

Да здравствует солидарность рабочих всего мира!

Да здравствует солидарность французского, английского, американского, итальянского пролетариата с русским!

Долой разбойников международного империализма! Да здравствует международная революция!

Да здравствует мир между народами!»¹⁰²

Спустя несколько дней Чичерин в официальной ноте американскому консулу пояснял: «Как раз в настоящий момент мы говорим этим странам, армии которых выступают против нас с открытым насилием, и мы обращаемся к их народам с призывом: „Мир хижинам!“»¹⁰³

Ближе к концу августа «Правда» опубликовала открытое письмо самого Ленина к американским рабочим:

«...американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особо трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие... на вооруженный поход англо-японских зверей с целью удушения первой социалистической республики... Мы находимся как бы в осажденной крепости, пока на помощь нам не подошли другие отряды международной социалистической революции. Но эти отряды *есть*, они *многочисленные*, чем наши... мы непобедимы, ибо непобедима всемирная пролетарская революция»¹⁰⁴.

Тем временем роль, которую год назад играли «Die Fackel» и «Der Völkerfriede» в рядах германских захватчиков, теперь взяли на себя бесчисленные брошюры и листовки на английском и французском языках, которые распространялись среди союзнических войск, высадившихся на русской земле. Их фабула была та же.

«Вы сражаетесь не против врагов, — говорилось в листовке, обращенной к английским и американским войскам в Архангельске, — а против таких же рабочих, как вы сами. Мы вас спрашиваем, вы что, собираетесь удушить нас?.. Будьте верны своему классу и откажитесь выполнять грязную работу ваших хозяев... Возвращайтесь домой и устанавливайте промышленные республики в ваших собственных странах, и вместе мы образуем кооперативное содружество мирового масштаба»¹⁰⁵.

Брошюры и журналы, подготовленные в бюро пропаганды Наркоминдела, разбрасывались с самолетов над позициями врага¹⁰⁶. Работа по пропаганде и идейной обработке, доказавшая свою эффективность с немецкими и австрийскими военнопленными, теперь велась среди пленных, захваченных на фронтах сражений с союзниками. Количество этих пленных было небольшим, и они не имели за плечами месяцы и годы плена, поэтому успехов здесь было относительно немного, и они представлялись как триумф¹⁰⁷. Это возвращение к пропаганде мировой революции в ее самой грубой и откровенной форме было, однако, одним из отчаянных оборонительных мероприятий сил революции по защите от организованной яростной атаки западного капиталистического мира. Действиями западных держав, равно в той же мере, что и Советского правительства, международная обстановка приобрела революционный характер.

Крах Германии осенью 1918 г. заставил совершенно в ином свете рассматривать перспективы мировой революции. Советская пропаганда внезапно превратилась из инструмента отчаянной обороны от интервенции союзников в средство победоносного наступления, обещавшего пронестись по Центральной Европе. Капитуляция Болгарии и просьба Германии о перемирии в конце сентября 1918 г. показали, что державы Центральной Европы дошли до предела. Уже 1 октября 1918 г. Ленин отправил Свердлову и Троцкому нетерпеливые записки о «начале революции в Германии», в которых излагал тактику:

«Никаких союзов ни с правительством Вильгельма, ни с правительством Вильгельма II+Эберт и прочие мерзавцы.

Но немецким рабочим массам, немецким трудящимся миллионам, когда они начали своим духом возмущения (пока еще *только* духом), мы — братский союз, **хлеб**, военную помощь». И он требовал «к *весне*» армию в 3 млн. «для помощи международной рабочей революции»¹⁰⁸. Через два дня он вновь обрел всю свою веру в грядущую мировую революцию:

«Теперь даже самые ослепленные из рабочих разных стран увидят, как правы были большевики, всю тактику строившие на поддержке всемирной рабочей революции и не боявшиеся приносить различные тягчайшие жертвы... Российский пролетариат поймет, что теперь от него потребуются вскоре величайшие жертвы на пользу интернационализма. Близится время, когда обстоятельства могут потребовать от нас помощи освобождающемуся от своего империализма немецкому народу против англо-французского империализма... Мировая история за последние дни необыкновенно ускорила свой бег ко всемирной рабочей революции!»¹⁰⁹

Через две недели, с открытым презрением к дипломатическим приличиям, Ленин писал Иоффе в Берлин:

«Мы бы должны играть роль бюро для идейной работы интернационального характера, а мы ничего не делаем!! Издавать надо во 100 раз больше. Деньги есть. Переводчиков нанять». Короткое письмо-залп заканчивалось указанием переслать его Воровскому в Стокгольм для проведения аналогичных мероприятий¹¹⁰.

В это же время он послал приветственное письмо «Союзу Спартака», работа которого «спасла честь немецкого социализма и немецкого пролетариата»; в нем он выразил непоколебимую надежду на то, что «в ближайшем времени можно будет приветствовать победу пролетарской революции в Германии», а через несколько недель, когда пришла весть об освобождении Карла Либкнехта из тюрьмы, последнему было направлено послание от имени Центрального Комитета партии за подписями Ленина, Свердлова и Сталина, которые встретили его освобождение как «знак новой эры, эры победного социализма, открывающегося сейчас для Германии и для всего мира»¹¹¹.

Особое значение имели последние слова. Хотя Германия и находилась в центре нарисованной таким образом картины, внима-

ние большевиков не ограничивалось только ею. Шесть месяцев назад, отмечалось в резолюции ВЦИК, Германия казалась такой же всемогущей, какими кажутся сейчас другие «хищники империализма». Но их гибель тоже была близка.

«Глубокая внутренняя борьба участников мирового грабежа и еще более глубокое возмущение обманутых и обескровленных народных масс вводят капиталистический мир в эпоху социальной революции.

Сейчас, как и в октябре прошлого года, как и в период брестских переговоров, Советская власть всю свою политику строит в предвидении социальной революции в обоих лагерях империализма.

...Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет перед лицом всего мира заявляет, что в этой борьбе вся Советская Россия всеми своими силами и средствами поддержит революционную власть в Германии против ее империалистических врагов. ВЦИК не сомневается, что революционный пролетариат Франции, Англии, Италии, Америки и Японии будет в том же лагере, что и Советская Россия и революционная Германия»¹¹².

В октябре события развивались с захватывающей дух быстротой. На заседании в Москве 22 октября 1918 г., когда Германия уже была на грани краха, а демонстрации в поддержку большевиков прошли в Берлине, Париже, Италии и Шотландии, Ленин позволил себе выступить в торжествующе-уверенном тоне:

«Большевизм стал мировой теорией и тактикой международного пролетариата! Большевизм сделал то, что перед всем миром разыгралась стройная социалистическая революция, что фактически на деле по вопросу за большевиков или против большевиков происходит раскол в среде социалистов. Большевизм сделал то, что ставится программа создания пролетарского государства.

...никогда мы не были так близки к мировой революции, никогда не было так очевидно, что русский пролетариат установил свое могущество, и ясно, что за нами пойдут миллионы и десятки миллионов мирового пролетариата»¹¹³.

Тот же уверенный тон был придан и дипломатическому языку. Через два дня Чичерин передал по радио длинную и вызывающую ноту президенту Вильсону, к которому он иронически обращался почти в каждом параграфе «господин президент». Напомнив в благочестивых заявлениях, содержащихся в «14-ти пунктах», и о заверениях в американском сочувствии, выраженных в телеграмме IV Всероссийскому съезду Советов в марте 1918 г.¹¹⁴, нота противопоставляла идеалы проекта Вильсона относительно Лиги Наций реальностям союзнической и американской вооруженной интервенции на советской территории и сравнивала союзные правительства с «империалистическим правительством Германии, с императором Вильгельмом во главе, к которому вы, господин президент, относитесь не лучше, чем мы, рабоче-крестьянское и революционное правительство, относимся к вам...»¹¹⁵. А Ленин в своей

главной теоретической работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский», завершенной им накануне германской капитуляции, возвратился к аргументу в пользу интернационализма, который он столь твердо поддерживал до самого момента Октябрьской революции:

«...моя задача, задача представителя революционного пролетариата, готовить *мировую пролетарскую революцию*, как *единственное* спасение от ужасов мировой войны. Не с точки зрения «своей» страны... а с точки зрения *моего участия* в подготовке, в пропаганде, в приближении мировой пролетарской революции»¹¹⁶.

В первую неделю ноября 1918 г., когда Габсбургская империя уже разваливалась на части, когда немецкие армии безудержно отступали, а во многих городах Германии возникали солдатские и рабочие советы, германское правительство позволило себе чрезвычайно вызывающий жест протеста против революционной деятельности Иоффе. 2 ноября 1918 г., оживив тогда уже полузабытые воспоминания об убийстве Мирбаха четыре месяца назад, оно направило Советскому правительству ноту, в которой заявляло, что «не может потерпеть, чтобы преступление против посла оставалось неискупленным»¹¹⁷. Двумя днями позже полиция подстроила инцидент, когда при транспортировке дипломатической почты для Иоффе на берлинском вокзале разбился один из ящиков, а из него вылетел поток революционных прокламаций¹¹⁸. На следующий день только что назначенный министром иностранных дел в правительстве Макса фон Бадена Зольф вызвал Иоффе и информировал его, что «поведение русского посольства в нарушение международного права, как и тот факт, что еще даже не получено соответствующее удовлетворение в связи с убийством имперского посла, вызывают необходимость временного отзыва представителей обеих сторон, что, однако, не является разрывом отношений»¹¹⁹. На следующее утро, 6 ноября 1918 г., Иоффе и его персонал были спешно посажены в специальный поезд и отправлены на границу¹²⁰. 9 ноября 1918 г., в тот день, когда Иоффе достиг границы, отрекся кайзер, а 10 ноября, пока германская делегация находилась на пути в Компьенский лес для подписания перемирия, Берлинский рабочий и солдатский совет единодушно поручил Совету народных уполномоченных выступать в качестве временного германского правительства. Он состоял из трех членов СДПГ — Эберта, Шейдемана и Ландсберга, и трех представителей НСДПГ — Гаазе, Дитмана и Барта, причем Эберт выполнял роль председателя совета, а Гаазе отвечал за внешние сношения, не заменяя, однако, Зольфа в министерстве иностранных дел.

В Москве ход заключительного заседания VI Всероссийского съезда Советов дважды прерывался, с тем чтобы дать возможность председателю прочесть последние телеграммы из Германии. Вечером в Кремле состоялось празднество, а на следующий день Ленин, впервые после покушения на его жизнь, совершенного в

конце августа, покинул Кремль и обратился к толпе с балкона. Радек описывает сцену его появления следующим образом:

«...десятки тысяч рабочих заликовали. Подобного зрелища я никогда не видел больше. До позднего вечера шли шеренги рабочих, работниц и красноармейцев. Пришла мировая революция. Народная масса услышала ее железный шаг. Наше одиночество кончилось»¹²¹.

Казалось, что революция в Германии не только принесет желанное ослабление непосредственной военной опасности и прорвет кольцо армий, окружавшее Советскую республику, но и явится долгожданной второй и еще большей волной мировой революции. Большевистские вожди, начиная с Ленина и ниже, были проникнуты единодушным и неоспоримым убеждением, что она будет быстро углубляться и развиваться и, приняв пролетарский и социалистический характер, распространится по Западной Европе. 13 ноября 1918 г. ВЦИК официально отменил Брест-Литовский договор и присовокупил к заявлению об аннулировании призыв к «трудящимся Германии и Австро-Венгрии» заменить его урегулированием другого рода:

«Право на самоопределение в полной мере будет признано за трудящимися нациями всех народов. Все убытки будут возложены на истинных виновников войны — на буржуазные классы. Революционные солдаты Германии и Австрии, создающие ныне в оккупированных областях солдатские Советы депутатов, вступив в связь с местными рабочими и крестьянскими Советами, будут сотрудниками и союзниками трудящихся в осуществлении этих задач. Братским союзом с крестьянами и рабочими России они искупают раны, нанесенные населению германскими и австрийскими генералами, охранявшими интересы контрреволюции... Этот союз трудящиеся массы России в лице Советского правительства предлагают народам Германии и Австро-Венгрии. Они надеются, что к этому могущественному союзу освободившихся народов... примкнут народы всех остальных стран, еще не сбросивших иго империалистов»¹²².

Эта мечта быстрого распространения революционного братства не была столь фантастичной, какой она может казаться последующим поколениям, которые знают, что она была опровергнута историей. Никогда еще призыв к мировой революции как символ советской внешней политики не оправдывался столь явно своими результатами. Хотя решающий удар, сразивший Германию, был нанесен другими, очевидной являлась роль, сыгранная большевистской пропагандой в деле деморализации германских армий, которую никто из большевиков не собирался игнорировать или недооценивать. Гражданское население восставало против ужасов и лишений войны; монархия пала сама собой под всеобщие проклятия; рабочие и солдатские советы по советскому образцу образовывались по всей Германии, а Берлинский совет создал подобие Совета народных комиссаров. Германия вступила в свой «период

Керенского», и казалось немислимым, что под влиянием русского примера и с русской поддержкой революция, аналогичная русской, не будет доведена до конца. Когда в декабре 1918 г. Радек прибыл в Берлин, у него возникло впечатление, что «девять десятых рабочих принимают участие в борьбе против правительства»¹²³; у других наблюдателей складывалось в основном такое же мнение. Даже сегодня не ясно, почему германская революция потерпела фиаско — потому ли, что германские народные массы не хотели революции, или потому, что революционное движение было разобщено и находилось под слабым руководством, либо оттого, что союзные правительства, боясь революции в Германии, оказали контрреволюционным социал-демократическим элементам в Германии поддержку, достаточную для ее подавления. Наиболее правдоподобным представляется следующее объяснение: выступления германских народных масс против войны и против режима, который нес за нее ответственность, почти повсеместно ошибочно принимались за массовые требования социальной революции¹²⁴.

Как только с войной было покончено, активное требование революции стало уделом меньшинства. Традиции лассальянства разъели рабочее движение, в подавляющем большинстве еще слепо полагавшееся на политику вымогания уступок у существующего государства, а не на его разрушение. Но в ноябре 1918 г. такой диагноз вряд ли мог быть поставлен; и тогда, и в течение последующих двух с небольшим лет призрак неизбежной пролетарской революции в Германии продолжал посещать как многих из тех, кто ее боялся, так и надеявшихся на нее большевиков.

Однако после первых эпизодов прямого контакта с новой Германией энтузиазм Москвы быстро поугас. Первое разочарование принес случай с двумя эшелонами зерна, которые советские власти направили голодавшему населению Германии. Ввиду острой нехватки хлеба в самой России этот символический жест был проявлением щедрости. Однако вместо горячего приема, которого ожидали от Берлина, последовала почти неделя молчания. Затем 17 ноября 1918 г. пришел ответ Гаазе. Посылка зерна приветствовалась в нем как жест международной солидарности. Но в России тоже голодали, и в том, что касалось Германии, Америка уже пообещала поставить зерно в количестве, достаточном, чтобы сохранить существующие нормы потребления до следующего урожая¹²⁵. Это был тот первый случай, когда Германия должна была делать роковой выбор между Востоком и Западом. Два жалких вагона из Москвы были брошены на чашу весов против перспектив заокеанского изобилия; принять помощь Советов, рискуя вызвать враждебное отношение Вашингтона и западных союзников, было бы донкихотством. Данный ответ был воспринят в Москве как пощечина и как доказательство того, что так называемые социалистические вожди Германии предпочитали благополучие капитализма международной солидарности социалистической революции. Радек, вспоминая голосование социал-демократов в Рейх-

стаге за военные кредиты 4 августа 1914 г., назвал его «вторым 4 августа», когда «Иуда из Кариота совершил предательство»¹²³. Это оскорбление запало в душу глубоко и надолго. Когда же восемнадцать месяцев спустя обсуждался вопрос о приеме НСДПГ в Коминтерн, оно все еще являлось поводом к резким взаимным обвинениям¹²⁷.

Второй эпизод касался Иоффе, высланного советского представителя в Берлине. Когда разразилась германская революция, он находился в Борисове, на российско-германской демаркационной линии. 10 ноября 1918 г. Берлинский рабочий и солдатский совет, назначивший Совет народных представителей, принял резолюцию, в которой правительству поручалось «возобновить сношения с Русским Правительством» и изъявлялось страстное желание приезда российских представителей в Берлин¹²⁸; через три дня было принято постановление ВЦИК об аннулировании Брест-Литовского договора, в котором отмечалось, что в то время как последним актом правительства кайзера была высылка Иоффе, «первым актом восставших рабочих и солдат в Германии, низвергнувших императорский режим, был призыв посольства Советской республики»¹²⁹. В это время Иоффе с часу на час ожидал вызова обратно в Берлин. В том хаосе, в котором Германия пребывала в связи с перемирием, некоторая задержка с получением инструкций могла быть простительна. Но вскоре обнаружилось, что инструкций не будет. Гааге деликатно объяснил Чичерину, что данный вопрос подлежал решению в ходе переговоров, и пообещал вынести его на рассмотрение своих коллег¹³⁰.

Члены Совета народных представителей от НСДПГ впоследствии оправдывались (поскольку этот вопрос также вызвал поток взаимных обвинений), что три члена СДПГ выступили против возвращения Иоффе, а протолкнуть решение вопреки им было невозможно¹³¹. Но это была не вся правда. 19 ноября 1918 г., через два дня после отказа от предлагавшегося зерна, вопрос о Иоффе был подробно обсужден в Совете; на его заседании, помимо шести членов, присутствовали Каутский, который теперь помогался положению старейшего государственного деятеля и беспристрастного арбитра в социал-демократическом движении и был известен своей враждебностью к советскому режиму, и бывший министр иностранных дел Зольф, оставшийся управлять министерством при Гааге. Зольф резко выступил против возвращения Иоффе на том основании, что он, занимаясь вмешательством во внутренние дела Германии, злоупотребил своими дипломатическими привилегиями. Гааге предложил откладывать со дня на день решение этого деликатного вопроса, а Каутский поддержал его, дополнительно аргументируя это тем, что Советское правительство в Москве продержится еще лишь несколько недель¹³². 23 ноября после прибытия на границу германской консульской группы состоялся обмен представителями¹³³. Иоффе печальный вернулся в Москву. 1 декабря 1918 г. Зольф не дал Раковскому разрешения на проезд через

Берлин в Вену в качестве советского представителя в Австрии¹³⁴.

Третий эпизод пролил еще больше света на несовместимость характера и целей большевистских вождей Москвы и социал-демократических лидеров Берлина обеих фракций. I Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов должен был состояться 16 декабря 1918 г. По приглашению готовившего съезд Исполнительного Комитета ВЦИК направил для присутствия на нем мощную российскую делегацию, состоявшую из Бухарина, Иоффе, Раковского, Игнатова и Радека¹³⁵. В Совете народных представителей данное решение вызвало замешательство, сменившееся ужасом, когда Радек в переговорах с Гаазе по буквопечатающему телеграфу заявил на весь мир, учитывая возможность перехвата, о своих намерениях захватить с собой опытных пропагандистов для работы среди английских и французских военнопленных, еще находившихся в германских лагерях¹³⁶. В Берлине казалось ясным, что советские власти либо безрассудно, либо намеренно делали все возможное, чтобы поссорить Германию с западными державами. Только непоколебимая революционная вера, какой, конечно, не было у лидеров НСДПГ, могла служить оправданием подобного курса. Когда делегация достигла границы, Совет народных представителей пятью голосами против одного, «с учетом положения в Германии», решил ее не пускать. Согласно официальному отчету российской стороны, германские военные власти тогда, «направив против делегации пулемет, заставили ее повернуть обратно и в самой недостойной обстановке препроводили ее назад через демаркационную линию»¹³⁷. Безответственный Радек, не уstraшенный этими унижениями, с помощью своих способностей менять национальный статус по желанию, замаскировавшись под австрийского военнопленного, перешел границу в компании Рейтгера-Фрисланда, в то время члена НСДПГ, а позже — Коммунистической партии Германии, и двух немецких коммунистов, прихваченных им в Минске¹³⁸. Он добрался до Берлина, но на Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов, завершивший работу 21 декабря 1918 г., опоздал.

Из этих трех эпизодов в Москве сделали вывод, что вожди социал-демократии, как СДПГ, так и НСДПГ, предали дело революции; это был первый, но не последний из явных случаев, когда большевики вводили сами себя в заблуждение, по мнимой аналогии с их собственным русским опытом, поверив в конфликт между революционными массами и контрреволюционными вождями, который якобы должен был неизбежно закончиться восстанием масс против вождей. Реальности положения в Германии в конце 1918 г. были куда более сложными. Поверженная и беспомощная, Германия не могла ничего делать на собственный страх и риск. Любое решение относительно Советской России должно было рассматриваться как выбор между опорой на Советскую Россию или на западных союзников. Взаимная враждебность Востока и Запада делала этот выбор неизбежным, и, учитывая очевидные соображения

материальных выгод, результат этого выбора не мог ставиться под сомнение. Да, вожди германской социал-демократии испытывали особенное ожесточение в отношении большевиков, которые в течение четырех прошедших лет клеймили их как предателей, и теперь уже оспаривали у них руководство народными массами, включая немецкие. Справедливо также и то, что германская социал-демократия в течение двух или трех десятилетий воспитывалась в презрении к полуварварской России, а эти чувства не исчезают назавтра после смены режима¹³⁹. Правда и то, что престиж западной демократии и западного либерализма оказал большое притягательное воздействие на социал-демократическое движение, особенно в той форме и в тех условиях, в которых Вудро Вильсон теперь проповедовал их уставшему от «империализма» и «милитаризма» миру. Эти чувства должны были сделать немецких социал-демократов самыми яркими противниками восточной ориентации германской политики, оправдываемой и поддерживаемой большинством правых сил Германии. Но подобные соображения все-таки вряд ли сыграли роль в тех событиях. В конце 1918 г. германские народные массы все еще были ошеломлены поражением и ослеплены сентиментальным ореолом русской революции. Но ни одна серьезная группа германской общественности, не считая горстки левых экстремистов, не рассматривала союз с Советской Россией, который еще больше разжег бы враждебность Запада, в качестве целесообразной политики для любого германского правительства. Народные массы приняли неизбежное, молча и безропотно согласившись на осторожную линию вождей.

Отношение Совета народных представителей к большевизму и революции резко ухудшилось после одного нового назначения. Когда в декабре возникла необходимость избавиться от Зольфа, слишком скомпрометировавшего себя перед союзниками своими делами на посту министра колоний, место Зольфа в министерстве иностранных дел было предоставлено Брокдорфу-Ранцау.

Брокдорф-Ранцау являлся необычной фигурой в дипломатическом корпусе кайзеровской Германии последних дней. Острый интеллектуальный интерес к политике убедил его в возрастающей значимости Социал-демократической партии Германии, и он считал необходимым поддерживать контакты с некоторыми ее вождями. Благодаря этим связям, будучи германским посланником в Копенгагене, он стал посредником германского правительства в переговорах, которые привели к проезду Ленина и его товарищей-большевиков в опечатанном поезде через Германию в апреле 1917 г. Те же связи привели к его назначению в декабре 1918 г. министром иностранных дел Германии. До того как принять этот пост, он направил меморандум с изложением своих взглядов Совету народных представителей. Последний единодушно их одобрил. Среди наиболее важных его пожеланий фигурировала необходимость «принятия самых суровых мер против пропаганды большевиков и их руководителей» и «ограничения полномочий рабочих и

солдатских советов»¹⁴⁰. В это же самое время I Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов одобрил решение о проведении 19 января 1919 г. выборов в Германское национальное собрание, декретируя тем самым свой собственный конец как высшего органа германского народа. Надежды Москвы на германскую пролетарскую революцию по советскому образцу быстро угасали.

29 декабря 1918 г. три члена Совета народных представителей от НСДПГ, осознавая ненормальность своего положения, покинули Совет, который до конца своего существования оставался однопартийной монополией СДПГ. В тот же день произошло более значительное событие. Вожди «Союза Спартака» собрались на конфиденциальную встречу, где решили отделиться от НСДПГ и образовать самостоятельную партию. Она должна была именоваться Коммунистической партией Германии, а в память о прошлом название «Союз Спартака» добавлялось к этому наименованию в скобках. На следующий день соответственно был созван первый съезд КПГ («Союза Спартака»), на котором присутствовали 100 делегатов. Радек, проводивший время после приезда в Берлин в дискуссиях со спартаковскими вождями (он называет Либкнехта, Розу Люксембург, Иогихеса, Леви и Тальгеймера)¹⁴¹, представлял на нем русскую партию и выступил с пространной речью о русской и германской революциях, в которой сделал льстившие собравшимся сравнения:

«Когда до нас достигло известие о германской революции, рабочий класс России охватила бурная радость. Более молодой и организационно более слабый российский рабочий класс хорошо знает, что без социалистической революции в Германии революция российских рабочих, полагавшихся только на себя, не имела бы достаточно силы, чтобы построить новое здание на руинах, оставленных капитализмом».

А также:

«То, что мы сейчас осуществляем в России, является не чем иным, как великим неизвращенным учением германского коммунизма, представленным Марксом рабочему классу всего мира... Международная гражданская война освободит нас от войны народов»¹⁴².

Съезд направил приветствие Российской Советской республике. Он осудил «правительство Эберта — Шейдемана» как «смертельного врага пролетариата» и заявил протест в связи с использованием по приказу англичан германских вооруженных сил против советских войск в Прибалтике. Он призвал к созданию во всех странах рабочих и солдатских советов, в которых усматривался «единственно результативный путь к строительству нового Интернационала, в котором впредь будет находиться центр тяжести классовой организации пролетариата». Единственным вопросом, по которому были зафиксированы открытые различия во мнениях, была целесообразность участия в выборах в Национальное собрание. Приводились доводы, что, поскольку парламенты и Советы

являлись альтернативными формами правления, представляя собой соответственно верховную власть буржуазии и верховную власть рабочих, и поскольку Национальное собрание было явно предназначено для того, чтобы занять место съезда Советов, голосование за участие в выборах явилось бы голосованием против Советов. Участие было в итоге отклонено большинством в 62 голоса против 23, однако большинство вождей, включая Розу Люксембург, выступили по этому вопросу с меньшинством. Участие в существовавших профсоюзах было, как представляется, единодушно отвергнуто, хотя официального голосования в связи с этим и не проводилось; некоторые делегаты выступили за образование отдельных коммунистических профсоюзов, другие, включая Розу Люксембург, сочли, что профсоюзы должны были быть полностью вытеснены рабочими и солдатскими советами¹⁴³.

За кулисами официального съезда скрывались, однако, неурегулированные сложности и трения. Реакция немецких спартаковских вождей на русский большевизм была сложной и неоднозначной. Карл Либкнехт, который, хотя и являлся блестящим и преданным вождем революции в действии, не имел, однако, солидной марксистской подготовки и большой интеллектуальной проницательности, возможно, безоговорочно приветствовал русскую революцию и все ее дела и был готов к ее некритической имитации. Но Роза Люксембург, действительный гений «Союза Спартака», еще с 1904 г. была ярким противником ленинской теории партийной организации¹⁴⁴; и в ходе последних месяцев войны, проведенных в тюрьме, она написала длинную критическую статью об интерпретации Лениным диктатуры пролетариата, которая, хотя в то время еще не была опубликована, была, конечно, известна ее ближайшим коллегам¹⁴⁵. Роза Люксембург считала, что социалистическая революция может быть осуществлена только массовой партией, а такой партии в Германии еще не существовало и не могло существовать.

Текущий момент позволял только вести пропаганду среди масс, как это делал «Союз Спартака», но не действовать. По этой причине Роза Люксембург и ее ближайший соратник Лео Иогихес предпочли бы в первую очередь подождать с созданием Коммунистической партии Германии¹⁴⁶; и, хотя они позволили взять над собой верх, осторожные воззрения Розы Люксембург угадываются во многих строках партийной программы, проект которой она готовила к съезду:

«Сущность социалистического общества состоит в том факте, что рабочие массы перестают быть управляемыми массами и сами живут и управляют, в условиях свободно осознанного самоопределения, всей политической и экономической жизнью...

Пролетарской революции для достижения ее целей террор не нужен, она питает к убийству ненависть и отвращение... Это не отчаянная попытка меньшинства скроить мир в соответствии с собственными идеалами, а акция великой массы миллионов лю-

дей, которая призвана выполнить историческую миссию, превратить историческую необходимость в реальность».

Ничто не могло быть более сдержанным или более непохожим на господствовавший в Москве энтузиазм в отношении международной революционной солидарности, чем короткий и стандартный пункт программы, посвященный «международным задачам» (которые в тот момент могли иметь практическое значение только в отношениях с Россией):

«Немедленное установление отношений с братскими партиями за границей для того, чтобы поставить социалистическую революцию на интернациональную основу и обеспечить мир путем международного братства и революционного подъема мирового пролетариата»¹⁴⁷.

Идейные разногласия между Розой Люксембург и Лениным, скрывавшиеся за кулисами Учредительного съезда КПГ, явились очередной стадией долгой полемики, начавшейся с выхода в свет «Что делать?». По этому случаю они могли еще более обостриться в связи с личной антипатией между Розой Люксембург и Радеком, уходившей корнями во фракционную борьбу в польской партии, в которой они оба играли ведущие роли. Однако спор этот касался коренных вопросов, и ему суждено было вновь и вновь возникать в отношениях между Российской коммунистической партией и коммунистическими партиями Запада.

Однако в тот момент эти потенциальные международные затруднения играли менее решающую роль, чем различия во мнениях по вопросам тактики в рядах самой партии. В ходе съезда Либкнехт, не встречая особой поддержки со стороны других вождей, вел переговоры о том, чтобы движение цеховых старост влилось в только что созданную партию. Переговоры в конце концов потерпели неудачу в связи с известными условиями, в основном формального характера, выдвинутыми цеховыми старостами, которые съезд расценил как неприемлемые. Действительным же препятствием в этом деле явилась оппозиция Розы Люксембург и ее группы. Скептицизм Розы Люксембург относительно перспектив пролетарской социалистической революции в Германии в ближайшем будущем вынудил ее опасаться приема в партию составивших бы подавляющее большинство необразованных революционных горячих голов, которые могли заставить партию пойти на революционную авантюру, для которой ни сама партия, ни политическая ситуация не созрели. Последовавшие события продемонстрировали ее проницательность на практике. Через несколько дней после съезда в Берлине произошло восстание, вызванное увольнением начальника полиции, симпатизировавшего левым силам. Цеховые старосты искренне бросились в драку, и пошли разговоры о провозглашении революционного правительства. Официально только что созданная партия стояла в стороне от этих событий, но некоторые ее члены под предводительством Либкнехта сыграли в них видную роль. Какую роль играл в то время Радек,

не ясно. Однако спустя три месяца он писал из тюрьмы, что был «против всякой попытки к захвату политической власти в январе» в связи с тем, что «захват политической власти может быть лишь делом большинства рабочего класса, отнюдь не стоявшего в январе на стороне коммунистической партии»¹⁴⁸.

Восстание было без труда подавлено рейхсвером. В порядке последовавших репрессалий новая, Коммунистическая партия Германии была объявлена вне закона; как Либкнехт, так и Люксембург были арестованы и «застрелены при попытке к бегству», что, по всей видимости, явилось первым применением этой душеспасительной формулировки официального убийства. Через месяц Радек был арестован и помещен в камеру тюрьмы Моабит, где он первые сорок восемь часов провел «в тяжелых кандалах»¹⁴⁹. В тщетной надежде предоставить ему защиту дипломатического статуса Советское правительство Украины поспешно назначило его своим представителем в Берлине; оно также арестовало двух или трех известных немцев на советской территории в качестве заложников¹⁵⁰.

Знамения, сопровождавшие рождение Германской коммунистической партии, были, на взгляд любого трезвомыслящего человека, весьма тревожными. Даже внешний энтузиазм Учредительного съезда не скрыл двух ее врожденных пороков — отсутствия единства в самой партии и отсутствия единства между партией и революционными элементами в народных массах Германии¹⁵¹, а за съездом последовало быстрое и сокрушительное поражение первой революционной акции, к которой партия, хотя и неохотно, присоединилась, и убийство двух ее выдающихся вождей. Но эти знамения в то время толковались по-иному, и прежде всего в Москве. В военной обстановке, определившейся наращиванием сил Деникина на юге, а Колчака — в Сибири и усиливавшимся давлением интервенции союзников, сам факт основания коммунистической партии в самой революционной из всех европейских стран представлялся единственным маяком, светившимся на темном горизонте, и поддерживал царивший дух оптимизма. Для Ленина, в частности, он имел символическое значение. Именно предательство германских социал-демократов, которых он раньше рассматривал как носителей огня мировой революции, убедило Ленина в августе 1914 г. в банкротстве II Интернационала. Теперь в Германии, ранее чем в других крупных промышленных странах, была создана партия, провозгласившая своей целью ликвидацию капиталистических форм правления и создание социалистического мирового порядка, что компенсировало предательство 1914 г. и делало возможным осуществление ленинской мечты. В первом порыве энтузиазма 12 января 1919 г. он пишет открытое «Письмо к рабочим Европы и Америки»:

«Когда германский «Союз Спартака» с такими всемирно известными и всемирно знаменитыми вождями, с такими верными сторонниками рабочего класса, как Либкнехт, Роза Люксембург,

Клара Цеткин и Франц Меринг, порвал окончательно свою связь с социалистами вроде Шейдемана и Зюдекума, с этими социал-шовинистами (социалистами на словах, шовинистами на деле), навсегда опозорившими себя союзом с грабительской империалистической буржуазией Германии и с Вильгельмом II, когда «Союз Спартака» назвал себя «коммунистической партией Германии», — тогда основание действительно пролетарского, действительно интернационалистского, действительно революционного III Интернационала, Коммунистического Интернационала стало фактом. Формально это основание еще не закреплено, но фактически III Интернационал теперь уже существует»¹⁵².

Через четыре дня после того, как эти слова были написаны, и до того, как они были напечатаны на страницах «Правды», Либкнехт и Роза Люксембург были мертвы, а новая партия объявлена вне закона. Но этих событий было недостаточно, чтобы подорвать значение символа или оптимизм Ленина. Оставалось превратить «факт» Коммунистического Интернационала в институт.

ГЛАВА 23

ГОД ИЗОЛЯЦИИ

Год 1919-й был годом наиболее полной изоляции Советской России от внешнего мира. Он был также годом, в течение которого советская внешняя политика приобрела наиболее явно выраженную революционную окраску. Эти два обстоятельства взаимосвязаны, и было бы ошибочным приписывать заранее обдуманному намерению выдвижение в этот период на первый план революционного аспекта советской политики. На протяжении всего 1919 г. определяющим фактором в советской внешней политике, как и в советской экономике, была гражданская война, в ходе которой враги установившегося режима получали военную, экономическую и моральную поддержку от Великобритании, Франции, Италии, Японии и Соединенных Штатов, равно как и от некоторых малых союзников. Когда в ноябре 1918 г. война против Германии окончилась, казалось несомненным, что вмешательство союзников в гражданскую войну в России также окончится: неизменным предлогом для этого вмешательства вплоть до дня перемирия служила необходимость противодействовать германским замыслам. И пока эта вероятность существовала, Советское правительство проявляло большую заинтересованность в том, чтобы ухватиться за любую возможность примирения и переговоров. 6 ноября 1918 г. VI Всероссийский съезд Советов «перед лицом всего мира» предложил пяти главным союзным правительствам вступить в переговоры о мире¹. Литвинов, незадолго до этого высланный из Великобритании, был направлен в Стокгольм в надежде установить связи с дипломатами и журналистами Западной Европы; 24 декабря 1918 г. Литвинов обратился из Стокгольма к президенту Вильсону с призывом о мире, мягкие и примирительные формулировки которого, не содержавшие ни малейшего намека на цель мировой революции, заметно отличались от иронической ноты Чичерина за два месяца до этого или даже от первоначального Декрета о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 г.² Непосредственная реакция на этот призыв была обнадеживающей. Сотрудник государственного департамента Баклер, работавший тогда в американском посольстве в Лондоне, получил инструкции посетить Копенгаген, где в середине января 1919 г. провел три продолжительные беседы с Литвиновым. Литвинов занял примирительную позицию в отно-

шении возможности признания иностранных долгов, хотя Советская Россия желала бы получить «зарубежное оборудование и промышленные импортные товары в качестве *quid pro quo*»*. Он ручался, что пропаганда против западных стран прекратится, как только будет заключен мир, добавив откровенно, что «война, объявленная России союзниками, вызвала к жизни эту революционную пропаганду в качестве меры возмездия» и что «русские осознают, что условия, существующие в определенных западных странах, не благоприятствуют революции русского типа»³.

Таким образом, когда мирная конференция собралась в Париже практически одновременно с переговорами Литвинова — Баклера, перспективы достижения договоренности выглядели достаточно обещающими, особенно с учетом того, что русский вопрос был одним из первых, на который «совет десяти» — высшее тайное совещание пяти главных союзных держав — обратил свое внимание. Когда 16 января 1919 г. Ллойд Джордж призвал к «перемирию во имя Бога» между «всеми различными правительствами, находящимися сейчас в состоянии войны в пределах того, что раньше составляло Российскую империю», он встретил теплую реакцию со стороны Вильсона и затаенное сопротивление французского и итальянского представителей⁴. 21 января, когда Вильсон зачитал совету сообщение Баклера о его беседах с Литвиновым, это предложение было одобрено в принципе⁵, а тремя днями позже главные союзные державы выступили с радиообращением ко «всем организованным группам, имеющим или пытающимся захватить власть в любой части бывшей российской территории», принять участие в конференции на Принцевых островах⁶. Советское правительство с готовностью приняло это приглашение. Его ответ от 4 февраля 1919 г. свидетельствовал о горячем желании прийти к соглашению по спорным вопросам. В ответе объявлялось, что Советское правительство «не отказывается от признания своих финансовых обязательств по отношению к своим кредиторам, принадлежащим к державам Согласия», что оно «предлагает гарантировать уплату процентов по своим займам известным количеством сырых материалов» и что оно «готово предоставить поданным держав Согласия горные, лесные и другие концессии»⁷. Это, как писал впоследствии Чичерин, был первый случай «апелляции к экономической выгоде самой Антанты» — мысль, которая стала «одной из главных во внешней политике Ленина»⁸. Расчет при этом был чисто практическим: Советское правительство было готово заплатить определенную цену, чтобы откупиться от враждебности капиталистического мира и заполучить крайне необходимую ему передышку.

Предложение о конференции на Принцевых островах не было реализовано из-за отказа «белых» в России, поощряемых скры-

* *Quid pro quo* (лат.) — удовлетворение по договору: то, что одна сторона предоставляет другой — *Прим. ред.*

тым противодействием Франции; этот провал сыграл на руку антибольшевистскому крылу британской правительственной коалиции, которая имела поддержку главным образом в военных и дипломатических кругах, наиболее остро воспринявших дезертирство России из войны, и в финансовых и торговых кругах, имевших собственность и капиталовложения в России. Выдающимся выразителем интересов обеих этих групп стал Черчилль. Ллойд Джордж характеризовал Керзона и Черчилля в этот период как «двух влиятельных деятелей в правительстве, которые выступали рьяными и неутомимыми сторонниками политики интервенции»⁹. В то время как Керзон оставался в Лондоне, замещая Бальфура в министерстве иностранных дел, Черчилль как военный министр совершал частые поездки в Париж. 15 февраля 1919 г. в отсутствие Ллойда Джорджа и Вильсона Черчилль обратился к «совету десяти» с настоятельным призывом посылать «добровольцев, технических экспертов, вооружения, боеприпасы, танки, самолеты и т. д.» в Россию и «вооружить антибольшевистские силы», а также пространно повторил свою просьбу на следующем совещании во второй половине этого же дня. Бальфур выпутался из щекотливого положения, предложив отложить вопрос до следующей недели¹⁰. Что в действительности произошло за кулисами, неизвестно. Однако обсуждение этого вопроса в «совете десяти» больше никогда не возобновлялось. Неделю спустя американская делегация сообщила в Вашингтон, что «проект Черчилля мертв и опасность того, что он будет возрожден конференцией, мала»¹¹.

Поражение плана Черчилля уравнило неудачу предложения о конференции на Принцевых островах. И Ллойд Джордж и Вильсон, возвратившись в Париж, предприняли еще одну попытку умиротворения. 8 марта 1919 г. Уильям Буллит, младший сотрудник американской делегации в Париже, прибыл в Петроград с конфиденциальной миссией, имея неофициальные инструкции Ллойда Джорджа и Вильсона выяснить, не связывая никого никакими обстоятельствами, какие условия мира были бы приемлемы для Советского правительства. Проведя переговоры с Чичериным и Литвиновым, он отправился 10 марта вместе с ними в Москву, где проводил с ними ежедневные встречи, и был принят Лениным; 14 марта он получил от Чичерина меморандум, датированный 12 марта 1919 г. и содержащий текст предложений, которые, если бы они были сделаны союзными правительствами до 10 апреля, Советское правительство обязывалось бы принять. Наиболее важными из этих предложений были прекращение всех военных действий в России по демаркационным линиям, разграничивающим на данный момент территории, занятые соперничающими армиями, вывод всех союзных войск и прекращение союзнической помощи антисоветским силам, возобновление торговли и официальных отношений и признание Советской Россией финансовых обязательств, как это предлагалось в ноте от 4 февраля 1919 г.¹² Когда, однако, во второй половине марта Буллит возвратился с эти-

ми предложениями в Париж, общий настрой коренным образом изменился, круто поворачивая в сторону политики Черчилля и французов. Ни Вильсон, ни Ллойд Джордж не были готовы представить советские предложения конференции. Вокруг них была сохранена атмосфера абсолютной секретности¹³, а Ллойд Джордж публично снял с себя всякую ответственность за миссию Буллитта¹⁴. Теперь жребий был брошен. В лагере союзников был достигнут компромисс между теми, кто желал оказывать полномасштабную военную поддержку «белым» в России, и теми, кто хотел держаться в стороне. Было решено не посылать более союзные войска в Россию и постепенно вывести те, которые уже находились там, но в то же время продолжать снабжать антибольшевистские силы в России военным или иным снаряжением в максимально щедрых масштабах¹⁵. Последующие три месяца были периодом наиболее серьезных успехов Колчака в его борьбе против Красной Армии в Сибири и наиболее мощной и проникнутой энтузиазмом поддержки его кампании со стороны союзных держав.

Миссия Буллитта была последней за более чем шесть предыдущих месяцев попыткой установить прямой канал связи между Советской Россией и союзными державами. Последние дипломатические представители союзных держав покинули советскую территорию в августе 1918 г.; неофициальные или консульские представители в Москве были высланы или отозваны после ареста Локкарта в сентябре. Представители нейтральных государств один за другим последовали примеру союзных держав. Германское посольство выехало на оккупированную территорию в августе 1918 г., а консульские работники, оставшиеся в Москве, вернулись в Германию после того, как Иоффе был выслан из Берлина в ноябре 1918 г. Вслед за высылкой Литвинова из Великобритании в сентябре 1918 г. та же участь постигла советских представителей, которые пытались утвердиться в нейтральных странах¹⁶. В декабре 1918 г. миссия Российского Красного Креста была выслана из Варшавы, а четверо из пяти ее членов были убиты на обратном пути в Москву¹⁷. В начале февраля 1919 г. советская делегация, направленная во Францию с официальной задачей организовать репатриацию русских солдат из Франции, не получила разрешения на въезд и бесславно просидела на небольшом острове Сен-Мало до своей высылки¹⁸. В марте 1919 г. Людвиг Мартенс, немец, родившийся в России, постоянно проживавший в Нью-Йорке и получивший советское гражданство, вручил государственному департаменту США свои верительные грамоты, подписанные Чичериным, в качестве советского представителя в Соединенных Штатах. Это обращение, равно как и меморандум, содержащий предложения по советско-американской торговле, были оставлены без внимания, а единственным ответом стал обыск его бюро полицией тремя месяцами позднее в поисках изобличающих его пропагандистских материалов¹⁹. К началу 1919 г. Москва была лишена всех обычных связей с внешним миром. В течение длительного

времени единственным иностранцем, оставшимся там в своем официальном качестве, был представитель Датского Красного Креста, который взял на себя защиту интересов граждан всех скандинавских и западноевропейских стран, а также Соединенных Штатов²⁰. После ноябрьского перемирия 1918 г. и до закрытия навигации несколько судов, груженных лесом и льном, вышли из Петрограда в попытке возобновить торговлю с Германией. Они были конфискованы в балтийских портах²¹, и с этого момента блокада осуществлялась в полном объеме.

Эти меры, равнозначные ведению войны во всем, кроме названия, положили конец первым пробным усилиям советской дипломатии. Разделение мира на два враждебных лагеря, что всегда было любимой темой большевистских ораторов и авторов еще со времен, предшествовавших большевистской революции, стало теперь свершившимся фактом. В марте 1919 г. на VIII съезде партии Ленин так защищал свой режим от обвинений Каутского в «милитаризме»:

«Мы живем не только в государстве, но и в *системе государств*, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен»²².

То, что первоначально представлялось гражданской войной, идущей на территории России между Красной Армией и армиями «белых» генералов, теперь приобретало форму войны между революционным режимом Советов и главными державами капиталистического мира; а против этих держав «политическая война» в виде пропаганды в пользу мировой революции была самым эффективным оружием в советском арсенале. Хотя эта война не достигла поставленной конечной цели, ее ведение оказалось оправданным полученными результатами. Однако точно так же, как было бы ошибочным полагать, что революционная составляющая всегда отсутствовала в советской политике, даже когда дипломатия, казалось, занимала господствующие позиции, было бы неверным считать ее, даже в моменты величайшей напряженности, исключительным фактором. Символическими с точки зрения взаимного наложения этих двух элементов являются те факты, что советское согласие принять приглашение союзных держав на конференцию на Принцевых островах последовало всего через несколько дней после рассылки Москвой приглашений на Учредительный конгресс Коммунистического Интернационала и что Буллит добрался до России через два дня после того, как он завершил свою работу. Эти две составляющие могли присутствовать раздельно в советской политике без какого-либо ощущения их несовместимости. Буллит в своих со всех точек зрения подробных сообщениях о визите в Москву не упоминает о рождении Коммунистического Интернационала, и он мог даже не знать о нем, хотя «Правда» и да-

вала сообщения о конгрессе во время его пребывания там. Это событие привлекло в то время мало внимания за пределами — и даже внутри — России. Только в свете последующих событий и достижений, оглянувшись назад, его справедливо можно назвать одним из выдающихся событий года.

Задача создания нового Интернационала была впервые провозглашена Лениным осенью 1914 г. и стала одним из пунктов его Апрельских тезисов 1917 г. Однако победа Октябрьского переворота оставила большевикам мало времени для чего-либо, что не имело непосредственного отношения к закреплению результатов революции внутри страны; начало революции в других странах разочаровывающе задерживалось, и, пока продолжалась война, собрать какой-нибудь представительный международный форум было физически невозможно. Прогресс в деле создания нового Интернационала по всем этим причинам был медленным. На протяжении всей первой революционной зимы достижение мира оставалось главной целью. И первый шаг в направлении организации нового Интернационала был сделан ВЦИК на заседании 22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.). ВЦИК решил направить делегацию в Стокгольм «для установления тесной связи между всеми трудящимися элементами Западной Европы» и «для подготовки созыва Циммервальд-Кинтальской международной конференции»²³. Однако это было правительственной, а не партийной инициативой (делегация, отражая имевшийся в этот момент состав правительственной коалиции, должна была включать наряду с большевиками и левых эсеров); Циммервальдское объединение все еще признавалось²⁴, а это подразумевало, что доминирующей целью было заключение мира, а не мировая революция. Общий настрой все еще оставался в духе радикальной буржуазной формы Декрета о мире: сеть забрасывалась широко, чтобы вытащить максимально возможный улов. 24 января (6 февраля) 1918 г. обсуждение плана было продолжено на международной конференции социалистов, собравшейся в здании Наркоминдела. На конференции присутствовали большевики (Сталин был главным представителем партии) и левые эсеры, несколько представителей от соседних стран и Скандинавии, а также Петров и Рейнштейн, представлявшие соответственно Британскую социалистическую партию и Американскую социалистическую рабочую партию²⁵. Она приняла общую резолюцию с лозунгами «революционной борьбы ... за немедленный мир» и поддержки «Октябрьской российской революции и Советской власти»²⁶. Несколькими днями позже для поездки в Стокгольм была назначена делегация в составе двух большевиков, Коллонтай и Берзина, и двух левых эсеров²⁷. В разгар борьбы вокруг Брест-Литовского мира эта делегация выехала со своей миссией, однако была повернута назад в Финляндии, и вся затея оказалась безрезультатной.

Заключение Брест-Литовского договора сделало невозможным

в течение некоторого времени любые попытки прямой мобилизации международного социалистического движения в поддержку Советского правительства, а связи с внешним миром становились все более ненадежными. И только после ноябрьских мирных соглашений 1918 г. препятствия к этому, казалось, внезапно испарились. Германия — и так не преграда на пути продвижения революции — стала теперь центром революционного брожения. Момент для того, чтобы снова высоко взметнуть знамя международного социализма, созрел. 19 декабря 1918 г. Петроградский Совет созвал «международное совещание» под председательством Максима Горького. Горький был фигурой международного масштаба среди левых, хотя и резко выступал в это время против большевиков, а собравшиеся придерживались различных политических платформ.

«Мы видим среди нас сегодня, — сказал Зиновьев в своем вступительном слове, — гостей, которые не являются ни марксистами, ни коммунистами, однако все мы здесь сходимся в одном — в нашей ненависти к буржуазии, в нашей ненависти к классу, виновному в гибели миллионов людей ради интересов небольшой группки».

Рейнштейн выступил еще раз от Соединенных Штатов, а Файнберг, также уроженец России, недавно вернувшийся на родину, — от Великобритании; Садуль представлял Францию; присутствовали представители от Сербии, Болгарии, Турции, Китая, Индии, Персии и Кореи; выступили с речами шотландский, английский и американский военнопленные, взятые на Архангельском фронте (первый из них был представлен как «делегат Шотландии»), а также член Петроградского Совета немецких солдат и рабочих. Встреча вполне оправдала данное Зиновьевым определение — «скромная предтеча будущего великого собрания»²⁸.

Вскоре после этого показательного мероприятия события за рубежом придали конкретную форму проявившемуся стремлению учредить новый Интернационал. Почти одновременно с проведением международного совещания стало известно о том, что в ближайшем будущем в Берне соберется конференция с целью возродить Второй Интернационал, и 24 декабря 1918 г. Центральный Комитет партии выступил с радиообращением ко всему миру с осуждением этого плана²⁹. В конце декабря 1918 г. с образованием Коммунистической партии Германии впервые возникло приемлемое ядро возможной международной коммунистической организации. В начале января 1919 г. Ленин председательствовал на большом совещании в Кремле, в ходе которого было решено без дальнейших отсрочек пригласить «все партии, стоящие в оппозиции ко Второму Интернационалу», принять участие в конгрессе в Москве, имея в виду учреждение Третьего Интернационала³⁰. Обращение было передано на весь мир по радио из Москвы 24 января 1919 г., за три дня до установленной даты созыва Бернской конференции³¹. Оно было подписано от имени Центрально-

го Комитета Российской коммунистической партии (Ленин и Троцкий), от имени Польской, Венгерской, Австрийской, Литовской и Финляндской коммунистических партий, от имени Балканской революционной социал-демократической федерации (Раковский) и от имени Американской социалистической рабочей партии (Рейнштейн). Оно не было направлено ни по одному конкретному адресу, однако называло 39 партий или групп, имеющих право участвовать в учредительном конгрессе. Только одна из них («социалистические группы в Токио и Иокогаме») находилась в Азии³². Большевики все еще думали о революции как ограниченной главным образом рамками Европы, и основной призыв адресовался группам, выступавшим против Второго Интернационала. В обращении провозглашались принципы, основанные, как утверждалось, на программах «Союза Спартака» и Российской коммунистической партии. Разделение социалистов на правых, центристских и левых, проявившее себя во время войны, закреплялось. Из трех группировок Второго Интернационала в отношении «социал-шовинистов» предусматривалась исключительно «беспощадная борьба»; в отношении центристов должны были проводиться «тактика откола от него наиболее революционных элементов, беспощадная критика и разоблачение вождей»; «левое революционное крыло» должно было, как предполагалось, взять верх. Задача пролетариата формулировалась теперь как «немедленный захват государственной власти», а целью конгресса провозглашалось создать «общий боевой орган постоянной связи и планомерного руководства движением, центр Коммунистического Интернационала, подчиняя интересы движения в каждой стране общим интересам революции в ее интернациональном масштабе»³³.

В начале марта 1919 г. более 50 делегатов собрались в Москве, из них 35, представляющие коммунистические партии и группы 19 различных стран, были признаны в качестве полномочных делегатов с правом решающего голоса, остальные были допущены с правом совещательного голоса. Значительное большинство делегатов прибыло из России или малых государств, находившихся в непосредственной близости к России, поскольку более отдаленные страны не смогли выбрать предоставленную квоту в пять делегатов для крупных государств, три для средних и один для малых. Российская партия была представлена Лениным (который был избран в президиум конгресса вместе с германским и швейцарским делегатами), Троцким, Зиновьевым, Сталиным, Бухариным и Чичериным³⁴. Присутствовали делегаты, представляющие коммунистические партии Польши, Финляндии, Украины, Армении, Латвии, Эстонии, а также Белоруссии и Литвы; «объединенная группа восточных народов России» была представлена одним полномочным делегатом. Туркестан, Азербайджан и Грузия имели делегатов с «правом совещательного голоса». Франция и Соединенные Штаты имели по полномочному делегату; единственный делегат от Великобритании — Файнберг — не имел официального

мандата и получил лишь «совещательный» статус. Швейцарская социал-демократическая партия была представлена Платтеном, вошедшим в историю как организатор переезда Ленина в Россию в апреле 1917 г. Делегаты с «правом совещательного голоса» представляли Китай, Персию и Корею. Большинство из них постоянно проживали в Москве, а некоторые претендовали на то, чтобы представлять страны, где никаких коммунистических организаций еще не существовало. Крупная Норвежская рабочая партия, основная партия рабочих Норвегии, прислала одного делегата, голландский, шведский, венгерский и австрийский делегаты представляли крохотные левые группы в соответствующих странах, которые отнюдь не все были безукоризненно коммунистическими по взглядам. Раковский выступал от имени Балканской революционной социал-демократической федерации³⁵. Рабочим языком конгресса был немецкий³⁶.

Позиция представителей Германии имела, как знали все, решающее значение для будущего. Из двух делегатов, избранных вновь образованной Коммунистической партией Германии, только одному — Эберлейну — удалось ускользнуть от германской полиции: он появился на конгрессе под псевдонимом Альберт. Он, однако, прибыл с мандатом на выступление против создания нового Интернационала как преждевременного. Германские коммунисты, слабые и подвергавшиеся преследованиям у себя в стране, отчетливо осознавали, что Интернационал, основанный в Москве, при существующих условиях должен стать почти исключительно русским по своему характеру и составу руководства, и они предпочли бы выждать, пока коммунизм получит дальнейшее развитие в Германии и Западной Европе³⁷. Эти возражения были впервые высказаны 1 марта 1919 г. во время неофициального предварительного совещания, в котором участвовали несколько основных делегатов³⁸. Они были в определенной степени удовлетворены, поскольку делегаты собрались на следующий день не как официальный конгресс, а на «подготовительную конференцию». Зиновьев был избран председателем (не будущего Интернационала, а этой конференции), а Анжелика Балабанова и Воровский — секретарями³⁹. Эберлейн объявил от имени КПГ, что у него нет «принципиальных сомнений» против создания Коммунистического Интернационала, однако попросил, чтобы текущая работа была ограничена рамками конференции, призванной «испытать наличные силы и обсудить политическую платформу, на которой они могли бы объединиться»⁴⁰. Сопrotивление со стороны одной из основных коммунистических партий, действующей за пределами советской территории, поначалу казалось решающим. Большевиcтская делегация не видела иного выхода, кроме как уступить, и продолжительное выступление, сделанное от ее имени Бухариным, подразумевало готовность отложить принятие этого жизненно важного решения⁴¹. «Предложение рассматривать совещание как учредительное собрание нового Интернационала, — по словам

Балабановой, — в целом уже не пользовалось поддержкой», когда общий настрой был внезапно обращен вспять страстной речью вновь прибывшего делегата от Австрии Штейнгардта (он же Грубер), который обрисовал положение во всей Центральной Европе как стоящей у края революции ⁴². В новых условиях дальнейшие затяжки выглядели проявлением малодушия, и Эберлейн оказался в полной изоляции. Когда на следующем заседании от имени делегатов Австрии, Швеции, Балканской федерации и Венгрии был внесен формальный учредительный документ Коммунистического Интернационала, Эберлейн вновь повторил свои возражения:

«Действительно, коммунистические партии существуют только в немногих странах, в большинстве из них они образовались лишь за последние недели; во многих странах, где сейчас имеются коммунисты, они еще не организованы... У вас нет всей Западной Европы, Бельгия и Италия не представлены; швейцарский представитель не может говорить от имени партии; нет Франции, Испании, Англии и Португалии, а американцы не в состоянии нам объяснить, какие партии примыкают к нам» ⁴³.

Однако его убили воздержаться от голосования, чтобы не омрачать согласия, достигнутого в работе, и 4 марта 1919 г. конференция посредством резолюции, принятой единогласно, провозгласила себя I конгрессом Коммунистического Интернационала ⁴⁴. Тот факт, что Германия воздержалась (хотя Эберлейн подписал манифест, принятый конгрессом), никак не мог предотвратить опасности, которой боялись германские коммунисты. В действительности безоговорочное сотрудничество с самого начала могло бы по меньшей мере смягчить преобладающее положение России, которое стало результатом скорее отсутствия серьезного соперничества, нежели сознательного замысла русских.

Сам факт образования Третьего (Коммунистического) Интернационала, с тех пор широко известного как Коминтерн, был более важен, чем что-либо, проделанное на его I конгрессе. Конгресс принял «платформу» и манифест «К пролетариям всего мира», в котором содержался обзор развития капитализма и коммунизма на протяжении 72 лет (или, если быть более точным, 71 года) со времени, когда Маркс и Энгельс опубликовали «Манифест Коммунистической партии»; манифест Коминтерна был впоследствии назван Зиновьевым новым «Коммунистическим манифестом» ⁴⁵. Конгресс одобрил тезисы, представленные Лениным, в которых разоблачались буржуазная демократия и парламентаризм и защищалась диктатура пролетариата (это было темой основного выступления Ленина на конгрессе); конгресс высмеял попытки Бернской конференции вдохнуть жизнь в «желтый» Второй Интернационал и подверг критике империализм держав Антанты и «белый» террор.

Наконец, он выпустил воззвание «К рабочим всех стран», значение которого выделялось среди других документов конгресса. Это воззвание начиналось с выражения конгрессом «благодарно-

сти и восхищения русскому революционному пролетариату и его руководящей партии — Коммунистической партии большевиков». Деятельность по освобождению и проведению реформ, осуществляемая Советской властью, была, однако, прервана гражданской войной, ведущейся с помощью стран Антанты, которая без этой помощи сразу же потерпела бы крах. Следовательно, долгом «пролетариев всех стран» должно было быть оказание давления на свои правительства всеми доступными средствами, включая — «в случае необходимости — и революционные», с требованиями прекращения интервенции, вывода войск из России, признания власти Советов, установления дипломатических и торговых отношений и посылки в Россию «сотен или даже тысяч» инженеров, преподавателей и квалифицированных рабочих для оказания помощи в восстановлении и реорганизации транспорта ⁴⁶. Конгресс избрал Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ) в составе представителей коммунистических партий России, Германии, Австрии, Венгрии, Балканской федерации, Скандинавии и Швейцарии, который должен был выступать, подобно Центральному Комитету партии, от имени организации в период между конгрессами; другие партии, присоединяющиеся к Коминтерну в период до следующего конгресса, должны были получить место в ИККИ ⁴⁷. Зиновьев стал его председателем, а Радек — секретарем. Назначение Радека, который, по всей видимости, на протяжении неопределенного времени должен был оставаться в заключении в Берлине, было бессмысленным демонстративным жестом в отношении капиталистического мира. После окончания конгресса Анжелика Балабанова приняла на себя функции секретаря ИККИ, однако занимала этот пост лишь несколько недель ⁴⁸. В тот момент было немыслимым, чтобы ИККИ находился где-либо, кроме как в Москве. Однако Зиновьев разъяснил, что это — временное явление и что «мы... будем рады, если нам удастся перенести местожительство III Интернационала и его Исполнительного комитета как можно скорее в другую столицу, например в Париж» ⁴⁹.

Воззвание «К рабочим всех стран», направленное на сплочение сил, поддерживающих советский режим в России, было в некоторых отношениях наиболее примечательным документом I конгресса Коммунистического Интернационала. Вне всякого сомнения, новая организация представлялась ее основателям как в полном смысле слова интернациональная, как преемница распавшегося и скомпрометировавшего себя Второго Интернационала. Ленин охарактеризовал ее создание как «преддверие интернациональной республики Советов» ⁵⁰. Однако условия ее рождения предопределили ей иную судьбу. Постоянная и глубоко укоренившаяся двойственность целей, присущая воззрениям Ленина — защита Советской власти в России и продвижение вперед дела международной революции, — наложила свой отпечаток на его взгляды в отношении этого нового инструмента политики: непред-

виденные обстоятельства, благодаря которым рычаги эффективно управления оказались исключительно в руках России, частично довели до логического завершения органическую взаимосвязь между Коминтерном и советским режимом. То, что произошло в Москве в марте 1919 г., было в действительности не слиянием некоторого количества национальных коммунистических партий, обладающих примерно равным весом, в интернациональную организацию, но соединением в одной упряжке ряда слабых и в некоторых случаях находившихся в зачаточном состоянии и еще не оформившихся групп в организацию, главная поддержка и движущая сила которой неизбежно и неотвратно были связаны с мощью Советского государства. Именно Советская власть положила начало Коминтерну, дала ему влияние и престиж; взамен было естественным ожидать, что международные коммунистические пропаганда и действия должны помогать защищать эту власть в момент, когда ей угрожали все реакционные силы капиталистического мира. В этот критический момент гражданской войны наиглавнейшая задача, естественно, сформулировалась в сознании Ленина как «борьба пролетарского государства в среде капиталистических государств»⁵¹. Национальные и интернациональные цели, безопасность советского режима и интересы пролетарской революции вновь переплелись в один запутанный клубок. В статье, написанной Лениным для первого номера «Коммунистического Интернационала», журнала новой организации, эта очевидная истина была выделена курсивом:

«Новое, третье, «Международное сообщество рабочих»⁵² стало *уже теперь совпадать*, в известной мере, с *Союзом Советских Социалистических Республик*»⁵³.

Борьба велась одновременно в двух сферах — сфере революционной и сфере государственных действий — без какого-либо ощущения их несовместимости.

Таким образом, было бы ошибочным предполагать, что основание Коммунистического Интернационала знаменовало собой некий новый отправной пункт в советской внешней политике либо оказало незамедлительное воздействие на ее осуществление. С началом гражданской войны эта политика неизбежно должна была решать задачу содействия разложению сил врага как внутри страны, так и на полях сражений посредством революционной пропаганды. В момент, когда появился Коминтерн, пропаганда, которая помогла уничтожить измотанные войной германские армии, уже угрожала оказать аналогичное воздействие на победоносные, но в той же степени измотанные войной войска союзников. В январе 1919 г., когда государственные деятели союзных держав, собравшиеся в Париже на мирную конференцию, обсуждали вопрос об оккупации России союзными войсками, британский премьер-министр открыто заверил своих коллег, что, «если бы он предложил сейчас послать в Россию для этой цели тысячу британских солдат, армия взбунтовалась бы» и что, «если бы против больше-

виков были начаты военные действия, это превратило бы Англию в большевистскую страну и в Лондоне был бы Совет»⁵⁴. Ллойд Джордж бил на эффект, что ему было свойственно. Однако его проницательный ум верно определил симптомы болезни. Серьезные волнения в первые месяцы 1919 г. на французском флоте и во французских войсковых частях, высадившихся в Одессе и других черноморских портах, привели к их вынужденной эвакуации в начале апреля. Что касается солдат различных национальностей под британским командованием на Архангельском фронте, то, согласно сообщению начальника управления военных операций в военном министерстве в марте 1919 г., их боевой дух был «настолько низок, что делает их жертвой весьма активной и хитроумной большевистской пропаганды, которую противник осуществляет с возрастающим напором и умением»⁵⁵. Подробности были раскрыты значительно позже в официальных американских докладах. 1 марта 1919 г. вспыхнули волнения во французских частях, получивших приказ идти на передовую; несколькими днями раньше британская пехотная рота «отказалась идти на фронт», а через короткий промежуток времени американская рота «отказывалась некоторое время вернуться к исполнению службы на фронте»⁵⁶. Именно в свете подобных событий британское правительство приняло в марте 1919 г. решение эвакуировать войска с Севера России, хотя сама эвакуация была в действительности завершена только через шесть месяцев.

Под стать волнениям в войсках было широко распространившееся недовольство в промышленных центрах Великобритании. В период заключения Версальских мирных соглашений в докладе, переданном британским министерством иностранных дел американскому посольству в Лондоне, выражалась убежденность в том, что, «помимо определенных центров, в частности Клайда и Южного Уэльса, большевизм как таковой в настоящее время безобиден». Тем не менее никто не хотел рисковать.

«Осуществляется тщательное наблюдение за такими большевистскими пропагандистскими материалами, которые могут проникать в страну из-за рубежа, с целью их перехвата и уничтожения; такие же меры предпринимаются, где это возможно, в отношении поджигательской литературы, тайно печатаемой внутри страны. Одновременно проводятся контрпропагандистские мероприятия путем незаметного распространения брошюр, призванных просвещать народ относительно истинного смысла большевизма, а соответствующие статьи печатаются в воскресных газетах, которые обычно читают рабочие»⁵⁷.

Первая серьезная попытка бросить вызов общественному порядку через призыв ко всеобщей забастовке была предпринята в Глазго в конце января 1919 г., и «Красная пятница» надолго запомнилась как вершина революционного движения в Клайде. Политическое недовольство сосредоточилось на правительственной политике в отношении России, начиная с собрания в Альберт-холле

в Лондоне 9 февраля 1919 г., положившего начало кампании под лозунгом «Руки прочь от России!». Месяцем позже на Учредительном конгрессе Коминтерна британский делегат Файнберг выступил с заявлениями, которые, казалось, подтверждались фактами:

«Забастовочное движение распространяется по всей Англии и сказывается на каждой отрасли промышленности. Дисциплина в армии упала, что в других странах было первым симптомом революции»⁵⁸.

«Вам может казаться, что Англия не затронута, — говорил Ленин британскому корреспонденту в этот период, — однако баццла уже там»⁵⁹.

Между тем в Центральной Европе распространялся голод, и беспорядки наблюдались везде. Забастовки и волнения случались даже в мирных нейтральных странах, таких, как Голландия и Швейцария. 21 марта 1919 г. ровно через две недели после того, как Учредительный конгресс Коминтерна закончил работу, Советская республика была провозглашена в Будапеште. На следующий день Хауз в Париже так писал в своем дневнике:

«Большевизм повсюду завоевывает новые позиции. Только что поддалась и Венгрия. Мы сидим на пороховом погребе, и в один прекрасный день какая-нибудь искра взорвет его»⁶⁰.

Практически в то же время Ллойд Джордж красочно изобразил сложившееся положение в конфиденциальном меморандуме, имевшем целью преодолеть упрямство Клемансо на мирной конференции:

«Вся Европа дышит революцией. В среде рабочих глубоко ощущается не только недовольство, но ярость и протест против довоенных условий. Весь существующий порядок в его политическом, социальном и экономическом аспектах ставится под вопрос массами населения от одного края Европы и до другого»⁶¹.

В начале апреля еще одна Советская республика была провозглашена в Мюнхене. Мировая революция была в разгаре. Ленин, обращаясь в том же месяце с призывом к Центральному совету профсоюзов оказать полную поддержку мобилизации сил против Колчака, назвал волнения во французских войсках в Одессе и Советские республики в Центральной Европе доказательством того, что «наша победа в международном масштабе обеспечена совершенно», а его перовоймайская речь на Красной площади заканчивалась лозунгами: «Да здравствует международная республика Советов! Да здравствует коммунизм!»⁶² Не только Зиновьев в первом номере коминтерновского журнала выступил со своим знаменитым пророчеством, что через какой-нибудь год люди начнут забывать, что за коммунизм в Европе когда-то шла борьба⁶³, но куда более трезвомыслящий Ленин был настолько воодушевлен Версальским договором, что обнаружил «огромное революционное движение» в Германии и предсказал, что «этот июль — последний тяжелый июль, а следующий июль мы встретим победой международной Советской республики»⁶⁴. Между

тем изматывание враждебного фронта посредством революционных действий с помощью любых возможных боевых средств — Коминтерн был лишь новейшим и самым далеко идущим — оставалось единственным эффективным внешнеполитическим курсом, все еще открытым для Советского правительства и, как казалось летом 1919 г., приносящим отличные дивиденды.

В этих условиях не выглядел противоестественным и тот факт, что Чичерин, глава Наркоминдела, работал в этот период в тесном сотрудничестве с Зиновьевым, главой Коминтерна, и что язык двух ведомств был весьма схожим. Когда в апреле 1919 г. в Мюнхене образовалась Советская республика, Чичерин приветствовал ее посланием, опубликованным в «Известиях»:

«Мы можем быть уверены, что недалек тот день, когда к нам присоединятся еще и другие революционные социалистические союзники и будут равным образом оказывать помощь Баварской республике против каждого нападения. Всякий направленный против вас удар направлен в нас... В полном единении ведем мы нашу революционную борьбу за благо всех трудящихся и эксплуатируемых»⁶⁵.

А ВЦИК, направляя приветствия Советским республикам Венгрии и Баварии, выразил убеждение, что «пролетариат всего мира, имея перед глазами поразительный пример победоносного восстания трудящихся в трех странах Европы, с полной верой в победу последует за ними»⁶⁶. Десятью днями позже Чичерин подписал воззвание к рабочим союзных держав с протестом против помощи, оказываемой союзниками силам «белых» в гражданской войне, и против установленной союзниками блокады⁶⁷.

Новые возможности открылись, когда в Версале Германии впервые были предъявлены условия мира, составленные союзными державами. Зиновьев выпустил от имени ИККИ прокламацию, в которой провозглашалось, что «пролетарская революция — вот единственное спасение угнетенных классов всего мира», и которая завершалась словами:

«Долой Версальский мир, долой новый Брест!

Долой правительства социал-предателей!

Да здравствует Советская власть во всем мире!»⁶⁸

В это же время Чичерин выпустил брошюру под названием «К немецкому рабочему», которая была издана ИККИ на немецком и французском языках и завершалась тем же революционным призывом:

«В рядах коммунистических революционных бойцов твое место, здесь ты найдешь спасение от своих нынешних бедствий»⁶⁹.

В Германии, как и в России, только революционное действие, казалось, соответствовало сложившемуся положению. Чичерин подверг анализу внешнюю политику двух Интернационалов в статье под тем же названием, появившейся в коминтерновском журнале в октябре 1919 г. Он охарактеризовал деятельность Коминтерна в целом как представляющую собой «пролетарскую

внешнюю политику: контакт между рабочими организациями, их помощь друг другу во всевозможных случаях». С присущим лету 1919 г. оптимистическим настроением он на протяжении всей статьи писал о «Советских правительствах» во множественном числе:

«Перед революционными пролетарскими партиями и группами всех стран становится задача борьбы за обеспечение и упрочение международного положения революционных советских правительств. Только тем партиям и группам доступна новая программа внешней политики, которые сами стоят на революционной советской почве».

Он признал, что эти правительства «как фактически существующие правительства в ряду других существующих правительств... принуждены становиться в известные отношения к последним, а эти отношения налагают на них обязательства, с которыми приходится считаться». Однако, с другой стороны, Советские правительства — здесь Чичерин, вероятно, имел в виду Лигу Наций — «устраняются от всякого участия в каких бы то ни было комбинациях империалистических правительств»⁷⁰. Взаимная помощь рабочих и рабочих правительств в это время, казалось, исчерпывала содержание пролетарской внешней политики. Ничто другое не было ни необходимым, ни практически осуществимым.

И все же отнюдь не все предзнаменования были благоприятными. 1 мая 1919 г. бесплодный жизненный путь Баварской Советской республики, предоставленной самой себе и не поддержанной ни одним решительным действием со стороны прусского пролетариата, подошел к неизбежному концу. В середине июня попытка коммунистического восстания в Вене позорно провалилась. В начале августа 1919 г. немного более влиятельный советский режим в Венгрии не устоял перед внутренними разногласиями и интервенцией румынских войск, поддерживаемой западными союзными державами. Эти поражения и отставание от расписания в деле мировой революции отрезали РСФСР от всякой внешней помощи во враждебном капиталистическом мире. Летом 1919 г. все силы «белых», ополчившиеся против Советской власти, достигли в свою очередь вершины своей деятельности и успеха: Колчак — на рубежах Сибири, Юденич — на подступах к Петрограду, Деникин — на Украине и в Центральной России. Месяцы октябрь и ноябрь стали критическим моментом истории, когда дальнейшее существование режима повисло на волоске.

В этом мрачном и враждебном мире вновь образованный Коммунистический Интернационал делал свои первые шаги. Русские «белые» армии, активно поддерживаемые союзными державами, глубоко вгрызлись в советскую территорию; во всех основных пунктах по ее окружности расположились лагерем вражеские силы. Повсюду границы были закрыты. «Санитарный кордон» стал реальностью. Даже иностранные газеты доставлялись в Москву

нерегулярно или не поступали вовсе; ленинские работы этого года полны сетований по поводу трудностей в получении точной или свежей информации о зарубежных событиях⁷¹. Журнал Коминтерна «Коммунистический Интернационал», главным редактором которого был Зиновьев, на протяжении всего года выходил регулярно. Однако было создано лишь ядро постоянной организации, и в отчаянных условиях лета 1919 г. невозможно было предпринять никаких шагов, чтобы сделать его работоспособным⁷². Когда Рутгерс, который был голландским делегатом на Учредительном конгрессе Коминтерна, выехал из Москвы в Голландию в середине октября 1919 г., он вез с собой мандат от Ленина на учреждение в Голландии бюро Коминтерна по Западной Европе и созыв там международной конференции — предпринятая наудачу и в некоторой степени отчаянная попытка преодолеть изоляцию Москвы⁷³. Вопреки самым оптимистическим оценкам перспектив мировой революции никогда в дальнейшем, вероятно, не было периода, в течение которого у советских лидеров имелись бы меньшие материальные возможности для ее продвижения, чем в первые шесть месяцев после образования Коминтерна, и определенно никогда после 1917 г. не было периода, в течение которого партии, стоявшие на крайнем левом фланге, решали бы свои проблемы в условиях меньшей поддержки или вмешательства со стороны Москвы.

После образования Коминтерна все связи с Коммунистической партией Германии, казалось, были утеряны; на протяжении длительного времени в Москве о ней не было никаких известий, за исключением того, что «Роте фане» выходит в Берлине нелегально, но регулярно и что похожие коммунистические издания есть в других городах Германии⁷⁴. Дела партии после январской катастрофы 1919 г. находились в полном расстройстве. Иогихес — после смерти Розы Люксембург признанный лидер того, что осталось от партии, — был убит при точно таких же обстоятельствах 10 марта 1919 г. Его преемником стал Пауль Леви, который в 1915 г. участвовал в Циммервальдской конференции и был вторым после Люксембург выдающимся теоретиком в «Союзе Спартака», но не обладал характером лидера или человека действия. На втором, и последнем, Всегерманском съезде рабочих и солдатских советов, состоявшемся в Берлине в апреле 1919 г., присутствовал лишь один делегат-коммунист. Работа съезда свелась к борьбе между большинством, принадлежавшим к СДПГ, и меньшинством от НСДПГ. Однако борьба эта носила полностью надуманный характер, поскольку обе стороны признавали полномочия Национального собрания, избранного путем всеобщих выборов, которое заседало в Веймаре с февраля, и Ленин насмехался издалека над непоследовательностью лидеров НСДПГ, которые полагали, что парламентская демократия совместима с режимом Советов⁷⁵. Быстрый крах Советской республики в Баварии, несмотря на все ее недостатки с точки зрения идеологии или органи-

зации, нанес новый удар делу германской революции, чьи сторонники летом 1919 г. не устояли перед всеобщей атмосферой разочарования и отступления⁷⁶. В условиях «осадного положения», введенного в январе 1919 г., КПГ была объявлена запрещенной организацией и могла действовать только в подполье. Даже Версальский договор не смог рассеять возобладавшего уныния. Пламенное разоблачение этого договора со стороны ИККИ лишь слабо отозвалось в заявлениях КПГ. В партийных «Тезисах по вопросу о мире», носивших явный отпечаток аналитического и критического пера Леви, утверждалось, что военная форма правления, установившаяся в Германии до войны, была теперь восстановлена и что «в условиях обанкротившегося империализма» принятие или отказ от условий мира были бы одинаково губительными⁷⁷. В воззвании, предназначенном для широкого распространения, предпочтение отдавалось отказу на том основании, что, хотя последствия любого из этих курсов были бы одинаковыми для пролетариата, принятие этих условий дало бы «передышку контрреволюции», а отказ от них ускорил бы вступление германской буржуазии «в ее последний кризис, в котором она окончательно сгинет»⁷⁸.

В конце лета 1919 г. КПГ удалось приобрести действительно важный канал связи с Россией. Радек после своего ареста в феврале 1919 г. был подвергнут длительной процедуре дознания и на протяжении шести месяцев содержался в заключении в условиях строгого режима. Затем по решению, исходившему, очевидно, от германского военного министерства, он, оставаясь в тюрьме, был переведен в камеру с привилегированными условиями содержания, в которой в течение приблизительно четырех месяцев он, по его собственным словам, организовал что-то вроде «политического салона». В декабре 1919 г. он был освобожден из заключения и провел последние несколько недель своего пребывания в Берлине при более или менее формальном полицейском надзоре сначала в квартире симпатизирующего отставного генерала, а затем — полицейского комиссара, ожидая завершения приготовлений для переезда в Москву, куда ему наконец удалось выехать в январе 1920 г.⁷⁹ В период между августом и концом 1919 г. Радек, таким образом, был в состоянии поддерживать широкие и разнообразные связи с внешним миром и вскоре стал пользоваться исключительным авторитетом и влиянием в КПГ. По его собственным словам, он отказал в разрешении ее руководителям посетить его в тюрьме из опасения скомпрометировать их, хотя и поддерживал с ними регулярную переписку, и был поражен их неспособностью руководить: именно в это время у него сформировался скептический взгляд на перспективы партии и германской революции, что повлияло на все его последующие мысли и действия. После выхода из тюрьмы он встретился с Леви, Кларой Цеткин и всеми основными руководителями⁸⁰. Однако в любом случае до ноября 1919 г., когда в Берлин в качестве полу-

официального советского представителя прибыл Копп⁸¹, ни Радек, ни кто-либо другой в Берлине не имели, как представляется, постоянных средств связи с Москвой. Что бы Радек ни делал, он делал это по своей личной инициативе⁸².

Летом 1919 г. в попытке компенсировать эти организационные недостатки в Берлине был учрежден западноевропейский секретариат Коминтерна. В настоящее время невозможно достоверно установить, по чьей инициативе был предпринят этот шаг, предшествовал ли он выдаче Рутгерсу в Москве в октябре мандата на образование в Голландии западноевропейского бюро или последовал за ним, или даже вообще было ли запрошено мнение штаб-квартиры Коминтерна в Москве. Тот факт, что мысль об опасности пересечения или столкновения интересов этих двух образований никому не пришла в голову, красноречиво характеризует хаотичность и неорганизованность Коминтерна в первый год его существования. Косвенные данные позволяют предположить, что Радек был причастен к этому новому шагу. Руководителями секретариата были Томас, баварский коммунист, который преуспел в создании нелегальной коминтерновской печати в Гамбурге, и Бронский, коммунист польского происхождения, который в 1918 г. был советским торговым представителем в Берлине при Иоффе; оба они были в числе посетителей Радека во время его пребывания в тюрьме⁸³. Западноевропейский секретариат Коминтерна возвестил о своем рождении изданием по случаю второй годовщины Октябрьской революции воззвания к рабочим всего мира с призывом противостоять интервенции в России. Если рабочие Европы не пришли бы на помощь русской революции, то рабочие России имели бы полное право сказать: «Мы пожертвовали всем для освобождения пролетариата, а вы не захотели пожертвовать ничем. Мы умрем как свободные люди, а вам суждено жить рабами»⁸⁴. Основная функция секретариата состояла в том, чтобы публиковать информацию о прогрессе и достижениях советского режима в России. Однако он, как представляется, практически не имел связи с Москвой, за исключением получения официальных документов Коминтерна, и не обладал политическим статусом или весом⁸⁵. На II конгрессе Коминтерна в августе 1920 г. один из выступавших заявил, что он был «ограничен, узок, в известной степени националистичен, а не интернационален»⁸⁶.

Между тем в КППГ наступил кризис. Взгляды большинства на I съезде КППГ, предлагавшие ее неучастие в парламентских выборах и существующих профсоюзах⁸⁷, были отражены в резолюциях съезда. Первое из этих решений было выполнено, когда в январе 1919 г. партия воздержалась от участия в выборах в Национальное собрание (хотя для этого бойкота были и особые причины, поскольку собрание выступало соперником существующих Советов рабочих и солдатских депутатов). Однако никаких шагов по выходу из профсоюзов предпринято не было; вероят-

ность того, что они будут предприняты при существующем руководстве партии, также отсутствовала. В целом этот вопрос вновь обсуждался на партийной конференции, проведенной в августе 1919 г., в ходе которой руководство активно выступало за пересмотр январского решения, в то время как влиятельная группа оппозиции, возглавляемая двумя коммунистами из Гамбурга, Лауфенбергом и Вольфгеймом, стремилась добиться ухода всех коммунистов из существующих профсоюзов и образования единого всеобщего коммунистического профсоюза⁸⁸. Этот вопрос явно обозначился как главный на II съезде партии, проведенном тайно в окрестностях Гейдельберга в октябре 1919 г.

В этот момент в ход событий вмешался Радек, уже пользовавшийся возможностями камеры с привилегированными условиями содержания⁸⁹. Большевицкая доктрина, выступающая за участие в парламентских выборах и профсоюзах, была ясной и недвусмысленной, и Радек написал обращение с ее подробным изложением, которое было зачитано на съезде в Гейдельберге, а впоследствии опубликовано КПГ отдельной брошюрой⁹⁰. Однако незадолго до открытия съезда Рут Фишер посетила Радека и передала ему записку Бронского, в которой утверждалось, что Леви намерен представить на рассмотрение съезда резолюцию, которая не только одобрит участие в парламентских выборах и профсоюзах, но и будет иметь следствием исключение из партии тех, кто проголосует против нее. Эта информация встревожила Радека, и так озабоченного вопросами, связанными с малочисленностью и изолированным положением КПГ⁹¹, выступившего категорически против раскола, который привел бы к ее дальнейшему уменьшению и превращению в незначительную политическую секту. Он поспешно написал письмо Леви, умоляя его достичь решения вопроса, действуя методами убеждения, а не дисциплинарными средствами, и передал его Рут Фишер, чтобы та отвезла его в Гейдельберг⁹². Это требование было доставлено в последний момент⁹³ и проигнорировано Леви, который представил свои тезисы на рассмотрение съезда в неизменном виде, включая заключительное положение о том, что те, кто не примет изложенные в них взгляды, исключаются из партии⁹⁴. После ожесточенной борьбы с несколькими голосованиями по конкретным вопросам с незначительным большинством голосов готовая платформа партии в целом была принята большинством в 31 голос против 18, и меньшинство покинуло съезд⁹⁵. Известие о расколе незамедлительно достигло Москвы через официальное немецкое радио. Ленин, очевидно, не знал о меньшинстве ничего, кроме того, что оно было «левой» оппозицией. Самостоятельно придя к тому же выводу, что и Радек, он считал чрезвычайно важным в этот период, чтобы левые объединились против «каутскианцев», и написал обеспокоенное письмо Центральному комитету германской партии, высказав мнение, что «при наличии

согласия в основном (за власть Советов против буржуазного парламентаризма)» раскола следует избегать любыми возможными средствами: «С точки зрения интернациональной, восстановление единства Коммунистической партии Германии и возможно, и необходимо»⁹⁶. Но было уже поздно: исключенная оппозиция уже занялась формированием сепаратной Коммунистической рабочей партии Германии (КРПГ), которая увела из рядов КПП почти половину ее состава в 50 тыс. человек и практически всех ее членов в Северной Германии и собственно Берлине. Однако небезынтересно отметить, что первый после образования Коминтерна случай исключения партийными лидерами значительного меньшинства по обвинению в следовании ортодоксальным взглядам произошел в Коммунистической партии Германии и вопреки советам как Ленина, так и Радека,

Гейдельбергский раскол был скорее симптомом, чем причиной коренной слабости КПП, о которой в Москве еще не подозревали. Летом и осенью 1919 г. революционная волна быстро шла на спад по всей Центральной Европе. Поражения в Мюнхене и Будапеште истожили остатки революционной веры в массах. На поверхность выступило то, что мир и хлеб, а не социальная или политическая революция являются первоочередными требованиями тех, кто бросал вызов существующему порядку мрачной зимой 1918/19 г. В этих условиях в Германии КПП считала более легким перейти от концепции массовой партии, направляющей группы вождей, ставящих задачей проникновение во все еще политически незрелые массы и ознакомление их с марксистским учением: она унаследовала традиции и название «Союза Спартака», который основывался на этой второй точке зрения. Таким образом, в то время как Радек вставал в позу оракула Москвы, лепящего молодую КПП по русскому образцу и был принят в качестве такового в Берлине, ее воздействие отнюдь не было односторонним, и с тем же успехом можно было бы представить картину, при которой неустойчивый Радек неосознанно поддается давлению германских условий в пользу более осторожной «спартаковской» традиции. Его обращение к Гейдельбергскому съезду было сформулировано в духе обычного революционного энтузиазма, однако в его словах, в которых их автор искал утешения в связи с падением режима Советов в Венгрии, слышались глубоко пессимистические нотки:

«Мировая революция представляет собой очень медленный процесс, в ходе которого можно ожидать не одно поражение. У меня нет сомнений, что в любой стране пролетариат будет вынужден возводить свою диктатуру несколько раз и несколько раз быть свидетелем краха этой диктатуры до того, как она победит окончательно»⁹⁷.

Этот настрой послужил причиной и осторожного тона «Тезисов о коммунистических принципах и тактике», проект которых был подготовлен Леви и которые были утверждены съездом:

«Революция, состоящая не из единого удара, но из длительной упорной борьбы класса, подавляемого на протяжении тысячелетий и поэтому, естественно, еще не осознавшего в полной мере свою миссию и свою силу, подвержена процессу взлетов и падений, подъема и спада... Точка зрения, согласно которой массовые движения могут быть созданы с помощью силы конкретной формы организации, а революция, таким образом, является вопросом организационной формы, отвергается как очередное возвращение к мелкобуржуазному утопизму»⁹⁸.

В итоге, когда Радек в ноябре 1919 г. помогал Леви и Цеткин выработать проект тезисов по вопросу о западноевропейском секретариате Коминтерна, основным пунктом, на котором делался упор при формулировании тактических указаний, было предположение, что «революция, даже в европейском масштабе, будет длительным процессом», и именно за это предположение, как откровенно признает Радек, он был подвергнут критике со стороны Бухарина после своего возвращения в Москву⁹⁹. К этому же периоду относится проявление первых симптомов не только расхождений между большевистскими вождями по вопросу о тактике коммунистов в Европе, но и более глубинного непонимания в Москве вопроса о размахе и ходе развития европейского революционного движения. Радек, который знал положение в Германии из первых рук, был в меньшей степени подвержен ошибочным расчетам, чем кто-либо другой из большевистских вождей.

В других ведущих странах события еще не зашли так далеко и надежды еще не подверглись испытанию опытом. В Италии положение изначально определялось тем фактом, что крупная Итальянская социалистическая партия (ИСП) последовательно выступала против войны. Патриоты и социалисты находились в противостоящих лагерях, и те социалисты, кто, подобно Муссолини, оказались приверженцами националистической идеи, рассматривались как ренегаты. ИСП горячо приветствовала большевистскую революцию, равным образом и как призыв к миру, и как социальную программу; Лаццари и Бомбаччи, секретарь и вице-секретарь партии, были в начале 1918 г. арестованы и посажены в тюрьму за проявление своего энтузиазма. Хотя ни один итальянский делегат не смог в марте 1919 г. добраться до Москвы, чтобы принять участие в Учредительном конгрессе Коминтерна, ИСП сразу же объявила о своем присоединении к новому Интернационалу. Это присоединение было подтверждено на съезде партии в Болонье в октябре 1919 г., который под руководством и под воздействием Серрати, редактора партийной газеты «Аванти», принял программу, внешне весьма схожую с программой большевиков — насильственный захват политической и экономической власти пролетариатом — и приветствовавшую Коминтерн как «орган мирового пролетариата». С другой стороны, съезд выявил по меньшей мере три группы меньшинства — «реформистов», возглавляемых Турати, чья позиция была аналогична взгля-

дам СДПГ в Германии; «центристов», возглавляемых Лаццари, пацифистом по своим общим взглядам и более или менее приближающимся к позиции НСДПГ; и «левых», возглавляемых Бордигой, которые в принципе выступали против парламентских действий. Существовала также туринская группа, получившая название по своей газете «Ордине нуово», возглавляемая Грамши, Таской и Тольятти, которая настаивала на важности фабричных советов и, подобно движению фабричных старост в любом другом месте, придерживалась неопределенных синдикалистских взглядов. Однако никто не помышлял об исключении какой-либо из этих групп из партии, которая оставалась объединением с открыто эклектичным членством. Лидеры Коминтерна, однако, еще могли себе позволить не быть привередливыми. Ленин восхищенно отозвался об этой «блестящей победе коммунизма» и выразил надежду, что этот пример послужит ликвидации разногласий в германской партии, хотя и добавил, что «открытые и прикрытые оппортунисты» в партии по-прежнему создают определенную опасность. Он выразил сожаление только по поводу того, что партия сохранила свое старое название «социалистической»¹⁰⁰.

В Великобритании потенциальное коммунистическое движение развивалось неравномерно и бессистемно; об этом Ленин получил детальную и довольно точную информацию в письме от Сильвии Панкхерст, написанном в середине июля 1919 г. и полученном в Москве в конце августа. В письме перечислялись семь левых групп или партий в Великобритании: 1) тред-юнионисты и лейбористская партия, которых вообще нельзя было считать социалистами; 2) Независимая рабочая партия (НРП), пацифистская и в значительной степени религиозная по своим общим взглядам; 3) Британская социалистическая партия (БСП), ответвление от Социал-демократической федерации, имеющая революционную программу, но являющаяся убежденной сторонницей парламентских действий; 4) организация фабричных старост, называющая себя «Движением рабочих комитетов», отвергающая обычные профсоюзные и парламентские методы как бесплодные и верящая в революцию через «непосредственные действия» рабочих; 5) Социалистическая рабочая партия (СРП), процветающая главным образом в Шотландии, имевшая связь с движением фабричных старост и разделявшая его веру в необходимость непосредственных действий, хотя и выдвинувшая несколько кандидатов в парламент на всеобщих выборах в декабре 1918 г.; 6) «Социалистическая федерация рабочих» (организация, к которой принадлежала Сильвия Панкхерст), первоначально — ответвление от женского движения, которое затем приобрело определенное количество последователей в Истенде, в Лондоне, отвергнувшая тактику парламентских действий и на своем съезде в Уитсане в 1919 г. провозгласившая себя Британской коммунистической партией; 7) Южноуэльское социалистическое общество — местная группа, придерживавшаяся аналогичных взглядов. Предваритель-

ные дискуссии между некоторыми из этих групп по вопросу о возможности союза показали, что наиболее серьезным яблоком раздора был вопрос о желательности участия в парламентских выборах. Сильвия Панкхерст писала Ленину в надежде получить от него авторитетное заявление, подтверждающее, что непосредственные действия имеют преимущество перед парламентскими. Ленин осторожно ответил, что, по его личному мнению, неучастие в парламентских выборах представляется ошибкой. Однако раскол в рядах «искренних сторонников Советской власти» по этому частному вопросу был бы еще более тяжелой ошибкой. Если единства по этому вопросу достичь не удастся, тогда «шагом вперед, к полному единству» было бы образование «двух коммунистических партий, т. е. двух партий стоящих за переход от буржуазного парламентаризма к Советской власти», разделяемых лишь различием в подходе к существующему буржуазному парламенту¹⁰¹. ИККИ было разослано циркулярное письмо всем партиям — членам Коминтерна, признававшее допустимым расхождение взглядов по этому «второстепенному» вопросу¹⁰². Как представляется, оно не возымело никакого действия, хотя о присоединении БСП к Коминтерну было объявлено в октябре¹⁰³.

Во Франции ситуация была еще менее обнадеживающей. Французская социалистическая партия, заметное положение в которой занимал внук Маркса Лонге, все еще оставалась в значительной степени «реформистской»; Всеобщая Конфедерация Труда была синдикалистской. Французская социалистическая партия активно поддерживала участие в войне и разделила славу победы; вслед за Британской лейбористской партией она была сильнейшим сторонником возрождения Второго Интернационала. Некоторые французские синдикалисты, выступавшие против войны, были представлены на Циммервальдской конференции и организовались в осторожной форме в «Комитет по восстановлению интернациональных связей». В мае 1919 г., после того как волна массовых забастовок породила новые надежды в среде левых, это объединение преобразовалось под руководством Лорио и Росмера в «Комитет за присоединение к Третьему Интернационалу»¹⁰⁴. Однако эта группа оставалась неэффективной и практически не имела связи с Москвой. Из большевистских вождей Троцкий, проводивший в период войны около двух лет в Париже, лучше других лично знал ее основных членов, и в сентябре он обратился к ним с открытым письмом в журнале Коминтерна, выразив уверенность в том, что «дело коммунизма во Франции находится в честных и твердых руках»¹⁰⁵. В конце октября Ленин получил приветственное письмо от Лорио и в своем ответе предсказал долгую борьбу против оппортунизма «в духе Лонге»; этот ответ был напечатан в «Ви увриер», печатном органе группы, в январе 1920 г.¹⁰⁶

В Соединенных Штатах тремя наиболее важными партиями, стоявшими на крайне левых позициях, до 1919 г. были «Индуст-

риальные рабочие мира» (ИРМ), квазиреволюционная синдикалистская организация с большим числом последователей в штатах Запада, но без какой-либо конкретной политической программы, Социалистическая партия Юджина Дебса и Социалистическая рабочая партия, основанная Даниелем де Леоном, который до своей смерти в 1914 г. был ведущим теоретиком марксизма в Соединенных Штатах; как Социалистическая, так и Социалистическая рабочая партия раскололись после 1916 г. по вопросу об отношении к войне. Во время войны Ленин запрашивал у Коллонтай, которая в 1916 г. была в Нью-Йорке, сведения о Социалистической рабочей партии и ее взаимоотношениях с Социалистической партией¹⁰⁷, и после Февральской революции, без сомнения, на основе предоставленной ею информации в него вселяли надежду Социалистическая рабочая партия и интернационалистские элементы внутри оппортунистической Социалистической партии¹⁰⁸. Но единственными американцами, с которыми Ленин поддерживал в течение некоторого времени контакт после Октябрьской революции¹⁰⁹, был Джон Рид, молодой интеллектуал без связей в партии, и Рейнштейн, от которого отреклась Социалистическая рабочая партия; когда в августе 1918 г. Михаил Бородин, большевик, эмигрировавший в Соединенные Штаты после 1905 г., возвратился в Москву и предложил передать письмо к американским рабочим, такое письмо, написанное Лениным, представляло собой общий пропагандистский призыв и тактично обходило все вопросы, связанные с образованием коммунистической партии¹¹⁰. Импульс, данный скорее рождением Коминтерна, нежели какие-либо внутренние обстоятельства, побудил ряд крайне левых групп послать делегатов на съезд в Чикаго, открывшийся 1 сентября 1919 г., с целью основать Коммунистическую партию США. Однако оптимисты недооценили роль раскольнических тенденций в американском рабочем движении, вызываемых географической разбросанностью, расовыми и языковыми различиями и существованием необычно крупного слоя процветающих и удовлетворенных жизнью рабочих. Съезд отнюдь не был представительным, и даже делегаты, которые собрались в Чикаго, не смогли прийти к согласию между собой. В итоге в результате съезда возникли две отдельные партии — Коммунистическая рабочая партия, вдохновителем которой был Джон Рид, и Коммунистическая партия США, возглавляемая Луи Фрейной¹¹¹, ориентировавшаяся в основном на недавних эмигрантов из Европы. Резолюция о создании Коммунистической рабочей партии и о решении присоединиться к Коминтерну была напечатана в завершающем этот год номере официального журнала Коминтерна¹¹², и сомнительно, имелась ли в Москве какая-либо дополнительная информация о состоявшемся споре¹¹³.

В малых странах картина роста коммунистических партий в 1919 г. является столь же запутанной. Польская коммунистическая партия была образована в декабре 1918 г. посредством слияния

социал-демократии Королевства Польского и Литвы и левого крыла Польской социалистической партии (ППС раскололась на левую, ППС-«левицу», и правую, ППС-«правицу» (революционную фракцию), партии в 1905 г.). В течение нескольких недель она контролировала Домбровский угольный бассейн, где местные Советы захватили власть, и руководила рабочим движением в Варшаве и Лодзи¹¹⁴. В начале 1919 г., однако, новое польское правительство, поддерживаемое западными союзниками, успешно встретило вызов, брошенный восставшим коммунизмом, и установило свою власть по всей стране; и когда Мархлевский (под псевдонимом Карский) появился на Учредительном конгрессе Коминтерна в марте, Польская коммунистическая партия, от чьего имени он выступал, была уже преследуемой и полулегальной организацией — этот статус сохранился за ней на протяжении четверти века. Болгарская социал-демократическая партия, руководство которой перешло к ее левому крылу (так называемым «теснякам»), преобразовалась в мае 1919 г. без серьезных численных потерь в Коммунистическую партию Болгарии, вводя, таким образом, в лоно Коминтерна его единственную, помимо российской, массовую партию, бесспорно большевистскую по окраске. Норвежская рабочая партия, чей идеологический оттенок не был сравним ни с одним другим, представляя собой смесь лютеранских и анархистских черт с открытой приверженностью марксизму, вступила в Коминтерн, не изменив своего названия. По своей расплывчатой и пестрой структуре она была весьма похожа на Итальянскую социалистическую партию; обе эти партии впоследствии доставили Москве почти одни и те же трудности. Большинство других европейских партий, которые вступили в Коминтерн в первый год его существования, были маленькими сектантскими группами, состоявшими в основном из представителей интеллигенции и не оказывавшими никакого влияния на политическую жизнь своих стран. Среди них голландская партия имела наиболее глубокие корни на местах и некоторую поддержку со стороны рабочих; однако она была также наименее ортодоксальной, характеризовавшейся сильным синдикалистским уклоном и проявившей себя как наименее подчиняющаяся коминтерновской дисциплине. Некоторые другие партии, особенно венгерская и финляндская, состояли в основном из эмигрантов, постоянно проживавших в Москве.

Таким образом, в этот напряженный 1919 г., когда Москва находилась практически в полной изоляции, даже косвенная поддержка, которую Советская Россия могла рассчитывать получить в результате образования Коминтерна, осталась в значительной степени нереализованной. Чичерин в брошюре, выпущенной в этот период, назвал его «крупнейшим историческим фактом, отразившимся на всей нашей внешней политике этого года», и сделал вывод о том, что советская внешняя политика «все больше сливается с мировой борьбой между революцией и старым миром»¹¹⁵.

VII Всероссийский съезд Советов, собравшийся в декабре 1919 г., провозгласил, что это было «величайшим событием в мировой истории», и сделал вывод, что «теснейшая связь Советов с Коммунистическим Интернационалом диктуется интересами рабочих и трудящихся крестьян всего мира»¹¹⁶. Однако новый Интернационал еще совершенно не располагал атрибутами работающей политической организации — представительным членством, эффективным аппаратом или выработанной политической линией. Анализ партий, принадлежащих к нему, даже на этой ранней стадии, позволил выявить одну из проблем, с которой ему пришлось столкнуться уже в ближайшем будущем. Должен ли был Коминтерн ставить целью обеспечение присоединения массовых левых партий — типа итальянской или норвежской — за счет упора на жесткое доктринальное подчинение? Или он должен был настаивать на строгой идеологической дисциплине за счет привлечения незначительного числа членов — курс, проводившийся Леви в Гейдельберге? В тот момент подход Ленина и других большевистских вождей был обдуманно умеренным; никогда в дальнейшем в своем страстном стремлении набрать новых членов не выказывал Коминтерн такой терпимости к различиям во взглядах. Однако пределы этой терпимости были тем не менее точно очерчены. Ленин все еще мучился мыслью о предательстве ортодоксальных социал-демократов в 1914 г., которое привело к падению Второго Интернационала. Создание Третьего Интернационала было прежде и превыше всего попыткой сплотить все подлинно интернациональные силы левого крыла против предателей. Не упуская из виду эту принципиальную цель, можно было молчаливо допустить определенную свободу взглядов: Ленин вел себя в этот период сравнительно мягко даже по отношению к пацифистам и синдикалистам, поскольку они по крайней мере были защищены от язвы преклонения перед государством. В результате в германских делах он выразил сожаление по поводу откола КРПГ от КППГ и упорно добивался сближения с левым крылом НСДПГ; в английских делах он с раздражением отнесся к расхождению по таким второстепенным вопросам (которые в другое время и при других обстоятельствах он возводил в абсолют), как участие в выборах в парламент. Однако это не означало какого бы то ни было компромисса с социал-демократическими или рабочими партиями старого типа и в еще меньшей степени — с буржуазными партиями. Несмотря на очевидное желание Ленина распахнуть ворота Коминтерна как можно шире, только потеряв чувство истории, можно углядеть в этом начальном периоде более поздние концепции «объединенного фронта» с социал-демократическими или буржуазными партиями или предположить, что явная терпимость со стороны Ленина по отношению к идеологическому многообразию диктовалась даже в этот отчаянный момент исключительно думами о безопасности РСФСР.

ГЛАВА 24

ЩУПАЛЬЦА ДИПЛОМАТИИ

В течение 1919 г. слабость Советского правительства, которому со всех сторон угрожали враги, лишала его всякой способности к инициативе во внешней политике и ставила ход его действий в зависимость от последовательных шагов противников. Непосредственной причиной полного разрыва отношений между Советской Россией и внешним миром явилось решение союзных правительств об оказании активной поддержки «белым» в гражданской войне и отношение к Советскому правительству как к мятежной и враждебной фракции. Именно союзные правительства намеренно и успешно стремились изолировать Москву, а не Москва стремилась изолировать себя от внешнего мира. Поэтому устранение этих барьеров могло произойти только после изменения настроений и политики в союзническом лагере, и в особенности в Великобритании, чье отношение к русскому вопросу весь этот год продолжало характеризоваться колебаниями и непоследовательностью. Они отражали острые разногласия, существовавшие не только в общественном мнении, но и в правительственных кругах. Происшедший в апреле 1919 г. поворот в политике, когда были оставлены попытки установить отношения с Советской Россией, а «белым» была предоставлена всесторонняя помощь, за исключением непосредственных военных действий на их стороне, никогда всецело не одобрялся в кругах либералов и лейбористов, которые очень хотели покончить с внешними обязательствами и прийти к договоренности с Советским правительством, если это было вообще возможно; их желание разделял Ллойд Джордж в той мере, насколько он мог себе это позволить, не нарушая непростого равновесия сил в коалиции. Страх перед распространением большевизма в Европе и надежд на свержение Советского правительства «белыми» оказалось достаточно, чтобы придать новый импульс антибольшевистским настроениям. Но этот курс, проводившийся без особого энтузиазма ввиду возрастающего скептицизма, своей цели не достиг, и, когда в начале осени 1919 г. стало ясно, что главные силы «белых» генералов — Колчака, Деникина и Юденича, — ничего не решив, истощили себя, общественное мнение начало резко выступать против политики, которую оно без

воодушевления принимало, когда она казалась успешной, и от которой с готовностью отказалось, когда вскрылась ее несостоятельность.

Другим фактором, который в сочетании с явным крахом «белых» в конце концов вызвал поворот к примирению, было растущее осознание экономических нужд. По мере того как мир на ошупь возвращался к тому, что он считал «нормальной» жизнью, оживали воспоминания о бывшем месте России в раздробленном теперь мировом хозяйстве. Представлялось все более сложным бесконечно сохранять торговый бойкот одной из крупнейших стран мира, вызванный главным образом несогласием с ее формой правления. 1 августа 1919 г. в газете «Таймс», представлявшей в то время крайние антибольшевистские взгляды, появилось письмо, в котором в сдержанной форме выражалось беспокойство в связи с будущностью британской торговли с Россией и подчеркивалась необходимость учитывать «новые условия, которые появились вследствие войны». После большевистской революции блокада, установленная союзными державами в отношении Германии, была распространена на Россию и по молчаливому согласию продолжалась даже после завершения военных действий против Германии.

В начале октября 1919 г. Верховный совет Антанты предпринял попытку успокоить явных критиков, потребовав от основных нейтральных правительств присоединиться к проводившейся блокаде Советской России, о которой, чтобы не задеть большого места американцев, эвфемистически говорилось как об «экономическом давлении». Подобная же нота, довольно неуклюже включавшая в себя условия, выдвинутые перед нейтральными правительствами, и содержавшая требования их соблюдения, была адресована германскому правительству¹. Советское правительство сразу же ответило резким протестом нейтральным и германскому правительствам, которые были предупреждены, что соблюдение союзнических требований рассматривалось бы как «сознательно враждебный акт»². Ответы нейтралов союзным правительствам были уклончивыми или откровенно неблагоприятными. Германское правительство, «полностью осознавая величайшую опасность, которую несет культурной и экономической жизни всех народов распространение большевизма», вместе с тем считало, что блокада не служила бы поставленной цели, и оправдывалось тем, что Германия теперь не имела общей границы с Россией. Нота заканчивалась жалобой на то, что, «в то время как союзные и объединившиеся державы предлагают Германии, чтобы она присоединилась к блокаде России, они фактически применяют политику блокады к германскому побережью и германским судам»³. Союзники не предпринимали дальнейших попыток навязать данное требование. Блокада или не блокада, но торговля с Советской Россией была в тот момент практически неосуществима. Никто также не мог судить о ее перспективах на будущее.

Провал попыток замкнуть блокаду на фоне утраты иллюзий относительно перспективности «белых» армий подготовил почву для радикальных перемен по всему фронту. В конце октября хорошо знавший Западную Европу Красин с тонкой наблюдательностью констатировал в частном письме эту перемену в настроениях:

«Перспективы продолжения войны до бесконечности не понравятся державам, и если Деникин не разделается с нами к началу зимы, что вряд ли выйдет, тогда, что касается Англии, она сочтет приемлемым в ее собственных интересах одолеть большевиков в области политики путем заключения с ними некоторых соглашений и вступления в мирные отношения с Советской Россией. Быть может, этот план завоевания большевистской России будет иметь больше шансов на успех, чем бесплодная военная кампания последних двух лет»⁴.

Ллойд Джордж отреагировал на эти перемены в настроениях со свойственной ему чувствительностью. Выступая 8 ноября 1919 г. в Гилдхолле (Лондонской ратуше), он вызвал в некоторой степени сенсацию, заметив, что «у вас не может быть мира, если у вас нет мира в России»⁵. Он многозначительно сказал о цене «вмешательства в бесконечную гражданскую войну», назвал Россию «землей, в дела которой опасно вмешиваться», и выразил надежду на то, что «великим мировым державам может представиться возможность способствовать установлению мира и согласия в этой великой стране». Через пять дней в палате общин он открыто выступил против блокады, охарактеризовав Россию «как один из величайших источников поставок продовольствия и сырья»⁶. Затем, 17 ноября 1919 г., отвечая своим критикам, он произнес речь установочного характера, в которой явно сквозило намерение подготовить почву для прекращения интервенционистской политики и замены ее политикой торговых переговоров с Советской Россией. В часто цитировавшейся части этой речи он вспомнил «лорда Биконсфильда (Дизраэли. — *Ред.*), который рассматривал великую, гигантскую, колоссальную, растущую Россию, накатывающуюся подобно леднику на Персию и к границам Афганистана и Индии, как самую большую опасность, которая может существовать для Британской империи»⁷. Это был мощный аргумент против «белых», стремившихся восстановить бывшую Российскую империю, и в пользу большевиков, которые с готовностью обещали самоопределение для ее составных частей⁸. Эти высказывания не остались незамеченными в Москве, где Чичерин в переданном по радио заявлении выдвинул новый и знаменательный подход к отношениям с капиталистическим миром:

«Отношения с Россией вполне возможны, несмотря на глубокие различия в общественном строе Англии и России... Английский покупатель и поставщик так же необходимы нам, как и мы им. Мы не только желаем мира и возможности для внутреннего

развития, но мы также испытываем сильную потребность в экономической помощи со стороны таких наиболее хорошо развитых стран, как Великобритания. Мы даже готовы сделать жертву во имя тесной экономической связи с Англией... Поэтому я с радостью приветствую заявление британского премьера как первый шаг в направлении такой разумной и реальной политики, отвечающей интересам обеих стран»⁹.

Прошло только восемь месяцев с тех пор, как Ленин разъяснил, что «существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо» и что в этот период «ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен»¹⁰. Эта доктрина не была предана забвению. Вожди большевиков, начиная с Ленина, продолжали твердо верить в то, что революция в Европе не только необходима, но что она и неизбежна. Но перемена в настроениях в силу меняющихся условий была быстрой и далеко идущей.

С появлением дипломатических шупалец, протянутых с обеих сторон, назрела ситуация для возобновления контактов. Повод был найден в связи с необходимостью проведения переговоров об обмене пленными. В течение самого худшего периода в отношениях английскому и Советскому правительствам удавалось от случая к случаю осуществлять обмены важными агентами, захваченными той и другой стороной, что являло собой любопытный пример дипломатической взаимности, а два английских представителя Красного Креста продолжали облегчать участь находившихся в советском плену английских подданных¹¹. Мирные предложения, врученные в марте 1919 г. Буллиту, включали взаимную репатриацию пленных и других категорий граждан. В мае 1919 г. британское правительство в переданном по радио послании предложило обмен всеми пленными, а 10 июня 1919 г. Чичерин по тому же каналу ответил, что данное предложение было бы приемлемым лишь, «если Российскому правительству будет позволено направить в Лондон или, на выбор, в какую-нибудь нейтральную страну комиссию, которой будет представлена возможность поддерживать связь с русскими в Великобритании»¹². Это условие вызвало длительное замешательство и отсрочку решения, и только когда лед начал таять на других участках, была достигнута договоренность о встрече британских и советских полномочных представителей в Копенгагене, повестка дня которой должна была быть строго ограничена вопросами обмена военнопленных. Советским представителем был назначен Литвинов, английским — член парламента от лейбористской партии О'Грэди. Их встреча состоялась 25 ноября 1919 г. в Копенгагене, явившись официальным полу-дипломатическим контактом с державой Антанты за год с лишним¹³.

В следующем месяце произошли другие значительные события. В сентябре 1919 г. начались переговоры с эстонским правительст-

вом, которое, однако, прервало их под тем предлогом, что оно могло заключить мир с Советской Россией лишь совместно с соседними государствами¹⁴. Это явилось результатом давления англичан, предпринятого накануне авантюры Юденича¹⁵. Разгром Юденича во второй половине октября грозил создать кризис в советско-эстонских отношениях. Троцкий во всеуслышание заявлял о желании Красной Армии преследовать разбитые войска Юденича в Эстонии, в то время как Чичерин считал, что появление советских войск на эстонской земле только «разозлило бы либералов и умеренных консерваторов в Англии» и «сыграло бы на руку Черчиллю». Ленин поддержал Чичерина, Красная Армия была вынуждена сдержать свой порыв, хотя эстонскому правительству и было направлено предупреждение с требованием разоружения нашедших прибежище в Эстонии войск Юденича¹⁶. Когда эти трудности были преодолены, 2 декабря* 1919 г. в Дорпате (Юрьеве — Тарту. — *Ред.*) начались переговоры между эстонской делегацией и советской делегацией во главе с Красиным¹⁷.

В это же время в обстановке строгой секретности в безлюдном месте в окрестностях Пинска в железнодорожном вагоне шли переговоры между польским коммунистом Мархлевским, участвовавшим в Учредительном конгрессе Коминтерна, а теперь выступавшим в качестве представителя Российского Красного Креста, и польскими делегатами, имевшими полномочия от Красного Креста Польши. Результатом этого живописного и малоизвестного эпизода советской дипломатии явилось соглашение от 2 ноября 1919 г. об освобождении польских заложников, захваченных в Советской России, и об отказе обеих сторон от практики захвата заложников, а также еще одно соглашение, заключенное неделей позже, — об освобождении обеими сторонами пленных гражданских лиц¹⁸.

Но эти соглашения практического характера служили также ширмой для обсуждения вопросов более деликатного свойства. В момент открытия переговоров в начале октября 1919 г. для Красной Армии сложилось рискованное положение на двух фронтах, противостоявших: один — Юденичу перед Петроградом, а другой — Деникину в Центральной России. Было необходимо откупиться от польской интервенции путем отвода войск и дальнейшей уступки территории полякам¹⁹. Своим успехом этот план был обязан не столько умению и гибкости советских представителей, сколько нежеланию Пилсудского, чтобы советский режим был свергнут «белыми» генералами, которые казались ему в долгосрочном плане более опасными для независимости Польши. С другой стороны, даже предложение гораздо больших территориальных уступок не побудило бы Пилсудского отвернуться от за-

* В «Истории дипломатии» (М., 1965, т. III, с. 183) приводится дата начала переговоров — 5 декабря 1919 г. — *Прим. ред.*

падных союзников и официально заключить мир с Советским правительством, и в декабре, когда наибольшая опасность для Красной Армии миновала, переговоры закончились без каких-либо результатов, если не считать обмена нескольких сотен поляков на несколько сотен большевиков. Польская пассивность на время была обеспечена, а дальше этого Пилсудский бы не пошел²⁰. После безуспешного завершения этих секретных переговоров Советское правительство, в связи с тем что польский министр иностранных дел официально отрицал получение от Советской России каких-либо мирных предложений²¹, выступило с публичной инициативой проведения мирных переговоров, которая была проигнорирована²².

Новый, 1920 г. был отмечен пленением и казнью Колчака в Сибири и окончательным поражением Деникина на юге России, что привело к активизации пробных шагов, направленных на прорыв изоляции Советской России не только от самих западных держав, но и от ее малых западных соседей, находившихся под их покровительством. 14 января 1920 г. в Париже на заседании Верховного совета Антанты было предоставлено слово двум представителям парижского бюро российских кооперативов, которое в силу какой-то странной аномалии продолжало существовать на протяжении всего революционного периода. Эти представители заявили, что «кооперативное общество не имело никакой политики», что оно охватывает 25 млн. членов и, таким образом, «включает в себя все население России» и что юг России располагает излишками пшеницы для экспорта, составляющими 10 млн. т²³. В силу этих заверений Верховный совет объявил два дня спустя о своем решении «разрешить товарообмен на основе взаимности между русским народом и союзными и нейтральными странами» с целью обеспечения «ввоза в Россию одежды, медикаментов, сельскохозяйственного оборудования и других предметов первой необходимости, в которых народ России остро нуждается, в обмен на зерно, лен и другие продукты, которые у России имеются в излишке». К этому добавлялось специальное разъяснение, что «данное положение не вызовет никаких изменений в политике союзных правительств в отношении Советского правительства»²⁴. Данное решение, означавшее сосредоточение всего российского импорта и экспорта в руках Всероссийского Центрального Союза кооперативов (Центросоюза), совсем не смущало Советское правительство. Оно являлось подходящим средством для укрепления монополии внешней торговли, поскольку Центросоюз был к этому времени полностью под советским контролем²⁵. 23 января 1920 г. председатель Центросоюза телеграфировал в парижское бюро, что этот орган уполномочен советскими властями на вступление в прямые торговые отношения как с кооперативами, так и с частными фирмами Западной Европы, Америки и других стран²⁶. Снятие блокады явилось событием большого символического зна-

чения, и его с энтузиазмом встретили в Советской России как декларацию об окончании войны с западными державами. Практическим трудностям на пути возобновления торговли предстояло появиться позже.

Вероятно, одно решение ускорило другое. Если Советской России подлежало торговать с Западной Европой, то было крайне желательно иметь нейтральный, даже более того, дружественный порт и расчетную палату, через которые могла бы вестись торговля. Для этой цели хорошо подходила столица Эстонии — Таллинн. Советско-эстонские переговоры прошли легко и быстро, и 2 февраля 1920 г. был подписан мирный договор²⁷. Несколькими днями ранее Ллойд Джордж дал польскому премьер-министру настоятельный совет заключить мир с Советским правительством²⁸, и через три недели заседавший в Лондоне Верховный совет Антанты выступил с заявлением о том, что, если к союзным державам обратится за советом любое из «сообществ, окаймляющих границы России», эти державы не смогут «взять на себя ответственность советовать ему продолжать войну, которая может нанести ущерб его собственным интересам»²⁹. В то же время переговоры, которые Литвинов вел в Копенгагене с ноября 1919 г., после многих сложных эпизодов привели к англо-советскому соглашению о репатриации пленных, подписанному 12 февраля 1920 г.³⁰ Ленин кратко и сдержанно резюмировал эти события следующим образом:

«Мы — единственная республика, которая ведет войну против империализма и которая умеет использовать всякое положение, действуя не насилием, а умеет также побеждать отказом от применения насилия».

А также: «У нас уже прорублено окно в Европу, которое мы постараемся широко использовать»³¹.

Было похоже на то, что после тревог и блужданий гражданской войны и интервенции союзников на стороне «белых» вот-вот должен был начаться короткий период мирного сожительства с капиталистическим миром. Период изоляции закончился.

Новый подход, который начал развиваться в советской внешней политике в первые месяцы 1920 г., автоматически возник из продолжительного существования Советской России в мире капиталистических государств. Советское правительство почти против собственной воли оказалось перед необходимостью защищать не интересы мировой революции, а национальные интересы, которые было бы обязано защищать любое правительство России. Поначалу оно избегало признавать какую бы то ни было преимущество. Протест, сделанный в связи с попытками союзных держав определить судьбу Аландских островов на мирной конференции, не проконсультировавшись с «Российским Советским правительством», не подкреплялся каким-либо упоминанием о правах бывшего российского правительства. Но советская телеграмма от

2 октября 1919 г. апеллировала как к принципу самоопределения наций, так и к военно-политическому аргументу, в силу которого «само географическое положение Аландских островов у входа в Финский залив тесно связывает судьбу этих островов с нуждами и потребностями обитающих в России народов»³². Через четыре месяца Советское правительство в протесте в связи с заключенным в Париже 9 февраля 1920 г. договором, в соответствии с которым остров Шпицберген передавался Норвегии, конкретно привело бывшие договорные положения о правах России. В советской телеграмме от 12 февраля 1920 г. провозглашалось, что «международное положение Шпицбергена было неоднократно предметом соглашений между Россией, Швецией и Норвегией или между правительствами этих стран и другими правительствами», и приводились международные акты 1872 и 1914 гг. в поддержку протеста в связи с тем, что норвежский суверенитет над Шпицбергом признали «без участия России» и «даже не известив Российское Советское правительство»³³. Само существование правительства в Москве, осуществлявшего власть от своего имени и от имени находившихся в сильной зависимости от него других советских правительств над примерно той же территорией, которая раньше управлялась из Петрограда, делало его стражем тех же самых русских национальных интересов и связывало его с наследием системы русских национальных ценностей, устремлений и обязательств, от которых оно в долгосрочном плане не могло освободиться. В таких условиях незаметно изменились как мнение Советского правительства о самом себе, так и мнения о нем других.

Возрождение надежд на мировую революцию и революционную политику под влиянием событий лета 1920 г. впоследствии затмило многое из того, что было сделано в начале года. Распространенная в то время в Москве вера в окончание гражданской войны и близость периода мирного восстановления привели в движение известные процессы в советской внешней политике, которые были обращены вспять или прерваны возобновлением войны летом 1920 г. и получили развитие только с введением НЭПа весной 1921 г., точно так же, как и главные идеи, которые привели к НЭПу, сначала были выдвинуты за год до того, как они были приняты и применены³⁴. Таким образом, заявления первых месяцев 1920 г. далеко зашли в направлении, предвосхищавшем ту внешнюю политику, которая была окончательно принята только через год. 22 января 1920 г. Радек, ожидая «на маленькой польской станции» отправки в Россию, обратился к руководителям Польской социалистической партии с письмом, в котором призвал их воспротивиться вынашиваемым Пилсудским замыслам войны против Советской России. Он утверждал, что «Советская Россия не строит захватнических планов в отношении Польши ни во имя национализма, ни во имя коммунизма», и предал особому осуждению «воинствующий коммунизм»³⁵. 28 января 1920 г. Сов-

нарком вновь обратился к польскому правительству с предложением провести переговоры о прохождении демаркационной линии между польскими вооруженными силами и Красной Армией. Но дипломатическая фразеология этой ноты была новой и непривычной:

«Совет Народных Комиссаров заявляет, что Советское Правительство не заключало ни с Германией, ни с какими-либо другими странами соглашения или договоров, прямо или косвенно направленных против Польши, и что характер и смысл международной политики Советской власти исключает самую возможность подобных соглашений, равно как и попыток использовать возможное столкновение Польши с Германией или другими государствами в целях покушений на независимость Польши и на неприкосновенность ее территории»³⁶.

Через несколько дней ВЦИК обнародовал длинное и аргументированное «Обращение ВЦИК к польскому народу», сочетавшее революционный призыв с осторожной попыткой успокоить польские национальные чувства:

*«Мы, представители русского рабочего класса и крестьянства, — открыто перед всем миром выступали и выступаем, как борцы за коммунистические идеалы, мы глубоко убеждены, что трудовой народ всех стран выйдет на тот путь, на который уже вступил русский трудовой народ»*³⁷.

Но наши и ваши враги обманывают вас, когда говорят, что Русское Советское Правительство хочет водворить коммунизм на польской земле штыками русских красноармейцев. Коммунистический строй возможен только там, где громадное большинство трудового народа прониклось мыслью воздвигнуть его собственными силами. Тогда только он прочен, ибо только тогда коммунистическая политика может пустить глубокие корни в стране. Коммунисты России сейчас стремятся только защитить свою собственную землю, свою мирную созидательную работу, они не стремятся и не могут стремиться к насильному водворению коммунизма в чужих странах»³⁷.

Из этих туманных намеков оставалось только развить политику. В течение февраля 1920 г. Ленин, Троцкий, Иоффе и Литвинов все вместе и каждый в отдельности давали интервью иностранной печати относительно возможностей мира и торговых отношений между Советской Россией и капиталистическим миром³⁸. 25 февраля Чичерин направил еще один призыв американскому и союзным правительствам вступить в мирные переговоры³⁹. Через несколько дней Радек высказался на эту тему с большей прямо-той, которой он всегда был привержен:

«Если наши капиталистические партнеры воздержатся от контрреволюционной деятельности в России, Советское правительство будет воздерживаться от ведения революционной деятельности в капиталистических странах; а продолжают ли они контрреволюционную агитацию, мы определим. Было время, когда феодальные

государства существовали бок о бок с капиталистическими государствами. В эти дни либеральная Англия не вела непрерывной борьбы с крепостнической Россией. Мы думаем, что теперь капиталистические страны могут существовать бок о бок с пролетарским государством. Мы считаем, что заключение мира и установление товарообмена — в интересах обеих сторон, и поэтому готовы заключить мир с любой страной, которая до сих пор воевала против нас, но в будущем готова дать нам, в обмен на наше сырье и зерно, паровозы и оборудование»⁴⁰.

29 марта 1920 г. на IX съезде партии Ленин обратился к партийной аудитории на традиционном для всего мира внешнеполитическом языке:

«...приходится больше всего маневрировать в нашей международной политике и тверже всего держаться того курса, который мы взяли, и быть готовыми ко всему. Войну за мир мы выполняли с чрезвычайной энергией. Война эта дает великолепные результаты... Но наши шаги к миру мы должны сопровождать напряжением всей нашей военной готовности»⁴¹.

А Чичерин продолжал обращаться к миру на тему мирных отношений между Советской Россией и капиталистическими странами:

«Могут быть различия во взглядах относительно продолжительности существования капиталистической системы, но в настоящее время капиталистическая система существует, и поэтому должен быть найден *modus vivendi* для того, чтобы наши социалистические государства и капиталистические государства могли мирно и в нормальных отношениях сосуществовать друг с другом. Это необходимо в интересах всех»⁴².

Эмпирическая апелляция к общим интересам социалистических и капиталистических стран и к возможности «нормальных» отношений между ними могла показаться некоторым приверженцам идеологической чистоты поразительной. Но вскоре логика нового подхода была вознаграждена. После январского решения Верховного совета Антанты, разблокировавшего торговлю через кооперативы, Центросоюз обратился в свое парижское бюро с предложением о направлении за границу делегации для ведения переговоров от его имени и временно назначил находившегося в Копенгагене Литвинова своим делегатом. В ходе осторожных переговоров обеспечить разрешение на въезд делегации во Францию или Великобританию не удалось. Но она, во всяком случае, имела возможность работать в какой-нибудь нейтральной стране, и 25 февраля 1920 г. был объявлен ее полный состав. Эта группа возглавлялась Красиным и включала Литвинова, Ногина, Розовского и Хинчука⁴³, из которых лишь двое последних являлись настоящими членами кооперативной организации. Состав делегации был задуман таким образом, чтобы как можно быстрее стереть формальные различия между представителями Центросоюза и Совет-

ского правительства; на деле делегация была наделена очевидными полномочиями выступать от имени правительства. В середине марта 1920 г. Красин в сопровождении «пятнадцати экспертов, представлявших различные отрасли промышленности», отправился в Копенгаген и Стокгольм ⁴⁴.

Такой многообещающий ход событий, порожденный короткой мирной передышкой, последовавшей за разгромом Колчака и Деникина, был еще раз резко прерван в результате вооруженного конфликта с Польшей, который стал поглощать ресурсы Советского государства и диктовать ему политику. Нараставшие в течение марта и первой половины апреля 1920 г. усилия Советского правительства, направленные на то, чтобы положить конец периоду приостановленных боевых действий и провести с Польшей мирные переговоры, наталкивались на все более уклончивые ответы ⁴⁵. 28 апреля 1920 г. Пилсудский обратился к жителям Украины с прокламацией, объявлявшей о генеральном наступлении, и 6 мая Киев был в руках поляков. Немедленным следствием этого явилось обнародование от имени ВЦИК манифеста «К польским рабочим, крестьянам и солдатам» с призывом поднять восстание против правительства и его агрессивных действий ⁴⁶, знаменовавшее, таким образом, быстрое и безоговорочное восстановление под воздействием войны революционного элемента в советской политике. Но поначалу было непохоже, что это повлияет на отношения с остальным капиталистическим миром, тем более что польская акция не вызвала большой симпатии в западных странах, кроме Франции. В момент нападения Красин вел переговоры в Стокгольме. Формальное снятие союзнической блокады не смогло устранить другого препятствия для советской торговли — так называемой золотой блокады. Советская Россия не имела кредита, а в условиях экономической разрухи у нее не было сколько-нибудь значительных объемов товаров или сырья, пригодных для экспорта. Советское правительство готово было оплатить крайне необходимый импорт золотом. Ни один из крупных банков мира в то время, однако, не принял бы советского золота на основании того, что оно могло быть конфисковано у бывших владельцев, которые могли когда-нибудь предъявить на него свои права. Это в течение нескольких недель представляло собой непреодолимую преграду для советской торговли.

Первой страной, которая, убежденная Красиным, сняла «золотую блокаду» и рискнула принять советское золото, явилась Швеция. Шведское правительство на переговоры с советской делегацией не пошло. Но группа из 15 шведских фирм приняла советский товарный заказ стоимостью в 100 млн. крон, в основном на сельскохозяйственные орудия и оборудование для железнодорожной и телеграфной связи, четвертая часть которого оплачивалась сразу же золотом, а остальное — краткосрочными векселями. Это первое неофициальное советское торговое соглашение было подписано 15 мая 1920 г. ⁴⁷

Начало первого послевоенного экономического спада уже ощущалось в Великобритании, и как раз примерно в то время, когда подписывалось соглашение со Швецией, Красин получил от Ллойда Джорджа приглашение приехать в Лондон. Он прибыл туда 26 мая 1920 г. и в последний день месяца был принят премьер-министром. На встрече также присутствовали Бонар Лоу, Хорн и Керзон. Вскоре начались переговоры о торговом соглашении между английским и советским правительствами.

Дома положение Красина стало прочнее, когда указом от 8 июня 1920 г. то, что оставалось от Народного комиссариата по торговле и промышленности, было преобразовано в Народный комиссариат внешней торговли (Внешторг) с Красиным во главе; под контроль этого нового комиссариата подпадали все операции правительственных ведомств и государственных учреждений в области внешней торговли⁴⁸. Неофициальные дискуссии в Лондоне, видимо, показали, что на пути к соглашению непреодолимых препятствий не было. На заседании 7 июня 1920 г. английские участники выдвинули три условия соглашения — прекращение враждебных актов и враждебной пропаганды, возвращение всех военнопленных и признание в принципе долгов частным лицам. Длинная и аргументированная нота Красина от 29 июня 1920 г., будучи примирительной по тону, но уклончивой по существу, привела к повторному выдвижению этих трех пунктов в английской ноте от 1 июля, в которой продолжение переговоров обуславливалось получением согласия на них в недельный срок. На следующий день Красин поехал с этой нотой в Москву, и 7 июля последовало официальное принятие указанных условий советской стороной⁴⁹.

И как раз в этот момент советско-польская война решительно изменила ход переговоров. Даже те западные страны, которые были шокированы взятой на себя Польшей агрессивной ролью в отношении Советской России, тем не менее пришли в волнение, когда польские вооруженные силы были изгнаны из Киева и с Украины, а Красная Армия в свою очередь перешла в наступление. Угроза Польше вызвала тревогу на конференции союзников, собравшихся в Спа для рассмотрения вопроса о германских репарациях, и Керзон, присутствовавший на этой конференции, 12 июля 1920 г. направил Чичерину сообщение, в котором он, кратко отметив согласие Советского правительства на три условия, пространно сформулировал новое требование иного характера — заключение немедленного перемирия с Польшей⁵⁰. Пробные дипломатические контакты и компромиссы прошлых шести месяцев были резко нарушены, и обе стороны вернулись к воинственному и непримиримому настрою 1919 г.

ГЛАВА 25

РЕВОЛЮЦИЯ НАД ЕВРОПОЙ

Начавшаяся в мае 1920 г. война с Польшей, повлекшая за собой возобновление на юге страны гражданской войны против сил «белых» во главе с Врангелем, привела к повторению в меньших масштабах ситуации 1919 г. Красная Армия была сильнее, а противостоявшие ей военные силы — менее внушительными. Однако страна была истощена, запасы исчерпаны, а транспорт находился на грани полного развала, и поэтому угроза в 1920 г. выглядела едва ли менее серьезной, чем в предыдущем. Сближение с Западом, начало которому было положено в первые месяцы 1920 г., было задушено в зародыше с тем же самым результатом — дипломатические контакты уступили место революционной пропаганде в качестве основы советской внешней политики. Но в данном случае выявилось и одно существенное отличие. В 1919 г. большевистская пропаганда, будучи зачастую эффективной в отдельных местах, в целом выглядела довольно примитивной и не была организованной в международном масштабе. В 1920 г. Коминтерн представлял собой уже действенную силу, способную играть заметную роль на международной арене и служить эффективным центром революционной пропаганды на многие страны. Открытым вопросом остается вопрос о том, сумел ли он в долгосрочной перспективе достичь большего, чем удалось добиться большевикам в 1919 г. посредством их сравнительно неорганизованных и нескоординированных усилий. Однако революционная пропаганда, исходившая ныне из Москвы, была более уверенной, более точно бившей в цель и более последовательной, чем когда-либо в прошлом, и вызывала более отчетливое ощущение, что за ней стоит организованная сила. Лето и осень 1920 г. стали периодом, когда престиж Коминтерна и его надежды вызвать революцию во всем мире поднялись до максимальной отметки.

Постепенное возобновление контактов между Советской Россией и Центральной Европой помогло излечить Коминтерн от организационных недостатков, которые в первый год его существования превращали его в силу, не принимаемую в расчет. В январе 1920 г. Радек был освобожден из своей берлинской ссылки и возвратился в Москву; в его лице Коминтерн получил вскоре лидера более энергичного и гибкого, чем Зиновьев, и менее погло-

щенного делами партии. Радек претендовал на то, чтобы считаться фигурой международного масштаба, и, не занимая в партии никакого высокого поста, мог быть использован при осуществлении пробных шагов или для ведения переговоров, от которых впоследствии можно было и отречься. Через Радека Коминтерн сразу же восстановил надежный и постоянный канал связи с КПГ и другими партиями Германии, и в течение последующих четырех лет Радек оставался активной и заметной фигурой в политической игре Коминтерна. Учреждение, в котором Радек занимал видный пост, просто не могло простаивать. После падения коммунистического режима в Венгрии в августе 1919 г. большинство его лидеров бежало в Вену, где под их руководством было учреждено новое бюро Коминтерна и с февраля 1920 г. стал издаваться журнал под названием «Коммунизмус», в котором наиболее заметными авторами стали Бела Кун, Варга и Лукач. Летом 1920 г. венгерские коммунисты были высланы из Вены и нашли пристанище в Москве. Им нельзя было предоставить место в Российской коммунистической партии или советских органах управления. Однако естественным и удобным было использовать их для целей упрочения международного аппарата Коминтерна или направления их с миссиями в зарубежные коммунистические партии в тех случаях, когда их осуществление нерусскими могло бы дать больший эффект. Так Бела Кун, Ракоши, Варга, Руднянский и другие венгерские вожди образовали ядро новой международной бюрократии Коминтерна и в ранние годы существования этого учреждения обладали в нем совершенно непропорциональным весом по сравнению с местом их родной страны.

Зима 1919/20 г. ознаменовала собой новый этап в истории Коминтерна. Второй Интернационал, казалось, прекратил свое существование. Попытки оживить его, предпринятые на конференциях в Берне в феврале и в Люцерне в сентябре 1919 г., окончились безнадежным провалом, а идея проведения конференции в Женеве в январе 1920 г. была оставлена. Осенью 1919 г. Швейцарская социалистическая партия, представлявшая не слишком многочисленный швейцарский пролетариат, занятый в тяжелой промышленности, добилась непродолжительной печальности известности в истории социалистических движений, выдвинув через своего энергичного лидера Роберта Гримма проект «перестройки» Интернационала, который предусматривал слияние старого, Второго и нового, Третьего Интернационалов в новую широкую организацию. На деле это представляло собой возрождение «центристской» позиции, которой в период войны придерживалось циммервальдское большинство. Данный проект на протяжении некоторого времени оставался в подвешенном состоянии. Однако, даже еще не будучи принятым официально, он отвечал настроениям левых партий не в одной стране, которые, с одной стороны, без особой радости воспринимали идею возврата к старому Интернационалу, а с другой — не были готовы броситься в объ-

тия нового, особенно когда этот новый появился в русском обличье, и колебались между этими двумя малоприятными крайностями. Среди этих до конца не определившихся партий ведущую роль играла НСДПГ. В течение 1919 г. ее численный состав резко возрос, достигнув к концу года одного миллиона человек, и она, казалось, существенно продвинулась к тому, чтобы стать для СДПГ серьезным соперником на выборах. Однако эта численная мощь отражала отчасти то, что в итоге оказалось роковой слабостью НСДПГ: неопределенность политической позиции. Она родилась как партия, выступающая против войны, и, как только война закончилась, осталась без какой-либо твердой и последовательной платформы. Она колебалась между революционной программой КПГ и реформистской программой СДПГ, между требованиями установить власть Советов рабочих и солдат и поддержкой Национального собрания, между Востоком и Западом, между Третьим и Вторым Интернационалами. На ее съезде в Лейпциге в декабре 1919 г. выбора по этим вопросам еще сделано не было. Однако общий курс уже начал смещаться влево. Яд, которым Радеку во время его пребывания в тюрьме Моабит удалось отравить по меньшей мере некоторых лидеров НСДПГ, начал действовать¹. По неотложному практическому вопросу НСДПГ единогласно приняла решение не вступать в возрожденный Второй Интернационал. Большинством голосов она также решила не вступать в Коминтерн. Однако компромиссная резолюция, принятая большинством, заводила ее достаточно далеко в этом направлении. В ней провозглашалось, что «путем объединения нашей партии с III Интернационалом и с социально-революционными партиями других стран должен быть создан дееспособный пролетарский Интернационал»; Центральному Комитету партии были даны инструкции вступить в переговоры «для осуществления этого объединения и подготовки основания дееспособного, сплоченного пролетарского Интернационала в лице III Интернационала». Язык документа был двусмысленным и явно направленным на то, чтобы успокоить меньшинство. Тем не менее конечная цель была поставлена четко².

После того как решение было официально доведено до сведения Москвы, встал вопрос принципа. НСДПГ являлась массовой партией и дала бы Коминтерну то, чего ему недоставало в Германии, — поддержку широких кругов рабочих. В чем необходимо было удостовериться, так это в том, удалось ли НСДПГ на деле избавиться от ошибок СДПГ и можно ли ей в будущем доверить энергичную борьбу с последней. 5 февраля 1920 г. ИККИ выпустил общее воззвание «Ко всем рабочим Германии, Центральному Комитету Германской коммунистической партии и Центральному Комитету Независимой социал-демократической партии», в котором, указав на ошибки прошлого, предложил НСДПГ прислать своих представителей в Москву для переговоров. В нем, однако, заранее оговаривалось, что Коминтерн отвер-

гает любое сотрудничество с «правыми вождями... которые тянут движение назад в буржуазное болото Желтого II-го Интернационала»³. Двумя днями позже ИККИ направил письмо раскольнической КРПГ, выражавшее неодобрение в связи с тем, что она выступала против участия в профсоюзах и парламентских выборах, но вместе с тем предлагавшее прислать своих представителей в Москву для прямых переговоров⁴. Коминтерн начинал ощущать свою силу и стал активно вмешиваться в дела германских левых. Паролем для присоединения все еще служили единство всех левых элементов против социал-демократии Второго Интернационала и компромисс между ними по вопросам, вызывавшим незначительные идеологические разногласия, как это было сформулировано Лениным осенью 1919 г. Существенно новым моментом стали вызов в Москву кандидатов для получения ее благословения и принятие ИККИ функций апелляционного суда при рассмотрении сомнительных случаев.

Практически в это же время Французская социалистическая партия, которая в 1919 г. участвовала в окончившихся неудачей попытках возродить Второй Интернационал, довольно неожиданно последовала примеру НСДПГ. Как и итальянская партия, она всегда допускала определенную свободу в вопросах дисциплины и широкое разнообразие мнений. Ее левое крыло усилилось после окончания войны и принесенных мирным временем разочарований, и партийный съезд в Страсбурге в феврале 1920 г. выявил ныне привычное разделение на правых, центр и левых. Ренодель, Альбер Тома и Самба были вождями правых, оказавших безоговорочную поддержку участию в войне, сохранивших верность Второму Интернационалу и поддерживавших интервенцию в России или относившихся к ней терпимо. Небольшая, но хорошо организованная группа левых под руководством Лорио, Монатта и Суварина, придерживавшаяся циммервальдской линии во время войны, теперь требовала присоединения к Коминтерну. Между этими двумя полюсами находилась значительная центристская группа с колеблющимися или неопределившимися взглядами. Съезд, отражая эти расхождения, значительным большинством голосов проголосовал за выход из Второго Интернационала. Однако практически такое же большинство отвергло предложение незамедлительно вступить в Коминтерн и решило направить в Москву делегатов, с тем чтобы изучить полномочность новой организации⁵. Для этой миссии были избраны Кашен и Фроссар, оба — центристы. До того как они выехали из Парижа, восемнадцать «левых», включая Лорио и Суварина, были арестованы по обвинению в нарушении общественной безопасности путем организации массовых забастовок.

Другие события первых недель 1920 г., казалось, обещали быстрое повышение престижа и влияния Коминтерна. Рутгерс с помощью небольшой, но энергичной группы голландских коммунистов выполнил поручение учредить западноевропейское бюро Ко-

минтерна в Амстердаме. Его председатель Вайнкоп и секретари — сам Рутгерс и Генриетта Роланд-Гольст — были видными голландскими интеллектуалами-марксистами; это бюро намеревалось выпускать бюллетень на трех языках⁶. Первым предпринятым им шагом стала подготовка созыва в начале февраля 1920 г. международной конференции «левых», главным образом из стран Западной Европы, с очевидной целью расчистить путь для II конгресса Коминтерна в Москве. В этой конференции приняли участие, кроме голландской партии, три делегата из Великобритании, представлявшие различные группы, делегаты из Франции, Италии, Бельгии, Скандинавии, Соединенных Штатов, три делегата от КПГ, возглавляемые Кларой Цеткин (которая прибыла с опозданием и неохотно, поскольку приглашение было послано с явным запозданием), и самый важный из всех Михаил Бородин, только что приехавший из Соединенных Штатов в качестве представителя от Коминтерна. Конференция потерпела фиаско, будучи разогнанной полицией на второй день ее работы⁷. Однако примечательным был сам факт того, что коммунистическое движение в Западной Европе начало обретать форму, и обрести эту форму оно начало под эгидой организации, которая, какой бы ни была степень ее подчинения Москве — а она, как показали дальнейшие события, была незначительной, — открыто ревниво и недоверчиво относилась к Берлину.

Такое развитие событий пришлось явно не по вкусу КПГ. Коминтерн предпочел вступить в переговоры как с НСДПГ, которая даже не заявляла о себе как о коммунистической партии, так и с КРПГ, пренебрегая мнением организации, претендовавшей на роль единственно правой коммунистической партии в Германии⁸; бюро в Амстердаме, пользовавшееся покровительством Москвы, казалось, затмевало собой западноевропейский секретариат в Берлине. На III съезде КПГ, собравшемся в Карлсруэ в феврале 1920 г., несколько раз прозвучали туманные намеки на заигрывание Коминтерна с НСДПГ и КРПГ, и после мрачного сообщения Клары Цеткин о конференции в Амстердаме была принята резолюция, требующая сохранения секретариата в Берлине и призывающая конгресс Коминтерна обсудить эти вопросы в ближайшем будущем⁹. Политическая атмосфера была проникнута глубоким пессимизмом. Профсоюзный вождь из Саксонии Брандлер, один из немногих рабочих в действующем руководстве партии, воскликнул: «У нас все еще нет партии», — добавив, что в Рейнланде и Вестфалии, где он только что побывал, «то, что есть, — хуже, чем если бы у нас не было ничего, так что в ближайшем будущем поставить коммунистическую партию на ноги невозможно»¹⁰. Чрезвычайная слабость КПГ сама по себе была достаточной, чтобы объяснить тактику Коминтерна. Вожди КПГ могли считать, что они строят свою партию по большевистскому образцу, и Леви мог обосновывать раскол на Гейдельбергском съезде ссылками на Ленина, который на протяжении всего пе-

риода пребывания в эмиграции в Западной Европе отдавал идеологической чистоте предпочтение перед поддержкой масс. Но Германия была уже охвачена революционным брожением и обладала крупным и политически сознательным пролетариатом. В начале 1920 г. было немыслимым, чтобы Коминтерн взял в Германии под крыло исключительно маленькую секту, состоящую главным образом из интеллектуалов, которые вслед за Розой Люксембург были убеждены в том, что массы в Германии не созрели для пролетарской революции. Эта убежденность, может быть, и была правильной. Однако в упоении революционного энтузиазма она не могла не выглядеть малодушной: необходимо было пробовать что-то лучшее и надеяться на него. Ленин в момент, когда гражданская война приближалась к победоносному завершению, не мог отступить ни на шаг в своей уверенности в приближении германской и европейской революции. Если капиталистические правительства и потерпели столь унижительную неудачу в своем гнусном замысле уничтожить власть Советов, то это произошло потому, что «у нас есть союзники — рабочие любой цивилизованной страны»¹¹. В речи на праздновании первой годовщины Коминтерна Ленин с гордостью заявил, что «отпадение немецкой партии независимцев, это признание диктатуры пролетариата и Советской власти было последним решительным ударом, нанесенным II Интернационалу», что «II Интернационал убит» и что «массы рабочих в Германии, Англии и Франции переходят на сторону коммунистов»¹². В статье, относящейся к этому периоду, он сравнил НСДПГ с аналогичными партиями во Франции и Англии — группой Лонге во Французской социалистической партии и НРП, которые выступали против войны, — и выразил надежду, что их тоже вскоре озарит просветление¹³.

В этот момент в Германии произошли неблагоприятные события. Слабая и колеблющаяся КПП сложила руки перед внешней силой — как это уже случилось в январе 1919 г. и как не раз должно было произойти впоследствии — революционной ситуацией, для формирования которой она не сделала ничего и которую ее лидеры тайно считали бесперспективной. Два генерала возглавили мятеж — так называемый «капповский путч» — против социал-демократического правительства в Берлине. 13 марта 1920 г. министры бежали в Штутгарт, и генералы посадили вместо них у власти правое националистическое правительство с прусским чиновником по имени Капп в роли канцлера. Заговор, возможно, и удался бы, если бы не проведенная по призыву профсоюзов всеобщая забастовка, которая не дала новой власти утвердиться и в итоге вынудила пойти на реставрацию прежнего правительства. «Центр» КПП¹⁴ в Берлине в выпущенной 13 марта листовке категорически отказался «и пальцем пошевелить в поддержку демократической республики»¹⁵. Организатор забастовки — профсоюзный вождь Легин — неоднократно становился объектом на-

падок со стороны Ленина как типичный ренегат, а борьба между социал-демократами и националистами рассматривалась как вопрос, безразличный для коммунистов, которые одинаково враждебно относились и к тем, и к другим. На следующий день, однако, когда забастовка обернулась блестящим успехом и выяснилось, что рядовые члены партии следуют примеру их профсоюзных товарищей, штаб партии спешно изменил свой подход, встав на позиции равнодушной поддержки. Забастовка была одобрена, однако местные организации КПГ были предупреждены, что им не следует поддаваться «иллюзиям... относительно ценности буржуазной демократии», и проинструктированы о том, что единственно правильной формой совместных действий рабочих является учреждение фабричных Советов и Советов рабочих как политических органов¹⁶. Довольно сдержанная рекомендация поддержать забастовку проводилась в жизнь с энтузиазмом. В Руре социал-демократы, независимые социал-демократы и коммунисты обратились к рабочим с совместным призывом бастовать против «контрреволюционного» капповского правительства и сражаться за «захват политической власти посредством установления диктатуры пролетариата» и за «победу социализма на базе системы Советов». 15 марта в Хемнице Брандлер и другие коммунисты объединились с местными социал-демократами, объявив о создании Советского правительства, ставящего целью совместную оборону против националистов; оно продержалось несколько дней и сошло со сцены только тогда, когда генералы и их правительство были изгнаны из Берлина. Эти первые в истории Коминтерна эксперименты в области того, что впоследствии получило известность как тактика «единого фронта» против правых, проводились не во исполнение какого-либо политического решения, принятого Москвой или Берлином, а диктовались объективной логикой событий.

Тем временем в Берлине с путчем было покончено, и победоносные профсоюзы обратились в штаб-квартиру КПГ с запросом относительно ее подхода к социал-демократическому правительству. 21 марта 1920 г. «центр» выступил с заявлением, в котором говорилось, что в случае, если у власти будет находиться рабочее правительство, КПГ встанет на позицию «лояльной оппозиции», то есть будет воздерживаться от любых попыток свергнуть его силой; это заявление следует рассматривать как новый шаг КПГ в направлении политики примирения и «единого фронта» с участием СДПГ и НСДПГ¹⁷. Заявление, которое подверглось широкой критике в партийных кругах, потеряло значение после того, как проект создания рабочего правительства провалился и к власти вернулось коалиционное правительство, включавшее как социал-демократов, так и представителей буржуазных партий. Этот выход из создавшегося положения удовлетворил всех, кроме крайних националистов, устроивших путч. Рейхсвер не участвовал в путче. Хотя он и не сделал ничего, чтобы пода-

вить его (рейхсвер не открывал огня по немцам, если эти немцы не были левыми), формально он остался верным конституционному порядку и поддержал восстановленное конституционное правительство. В качестве награды ему была предоставлена возможность обратить оружие не против националистов, единственно ответственных за путч, а против рабочих Рура, которые взялись за оружие, чтобы подавить его. Настоящим победителем в результате «капповского путча» стал Сект, который сразу же после него получил новое назначение и стал «главнокомандующим сухопутных сил рейхсвера». Прийдя к соглашению с Веймарской республикой, рейхсвер стал в ней самой мощной силой, а Сект как глава рейхсвера — влиятельным лицом за кулисами германской политики. Тяжелая промышленность, нашедшая выразителя своих интересов в лице Штреземана, лидера Немецкой народной партии, также осудила путч и сплотилась вокруг реставрированного правительства; поражение путча нанесло удар по интересам юнкерства в германской политике в той мере, в которой последние противоречили интересам промышленников. Подвергшиеся нападению профсоюзы продемонстрировали силу своего сопротивления, равно как и отсутствие у них какой-либо конструктивной политики: они не могли править, но в сложившейся ситуации никто не мог обратиться властью против них. Только КПГ не преподала урок, выставив напоказ свою слепоту, решительность и примиренчество. Леви, находившийся в момент путча в заключении, написал 16 марта пространное письмо, осуждавшее бездействие партии¹⁸. IV съезд КПГ, собравшийся в следующем месяце, представлял собой посмертное вскрытие состоявшихся событий. Центральный комитет партии тем временем принял резолюцию, осуждавшую действия «Центра», которая была утверждена на съезде значительным большинством голосов¹⁹.

В период «капповского путча» события развивались слишком быстро, чтобы Коминтерн или руководство в Москве могли высказать свое отношение к нему²⁰. IX съезд Российской коммунистической партии, собравшийся сразу после путча, направил «горячий привет» германским рабочим и выразил надежду на их успех в «тяжелой борьбе», в которую они вступили²¹. Однако он оказался не более чем формальностью. Вскоре стали слышаться критические голоса. Беа Кун в заметке, опубликованной в коммунистическом журнале в Вене, поставил правильный диагноз, определив путч как первый случай, когда «демократическая контрреволюция встретила в Германии с антидемократическим соперником», и предсказав, что «в любом случае результатом будет принесение в жертву демократии»²². Три недели спустя он выступил с нападениями на формулу «лояльной оппозиции», нашедшую отражение в заявлении КПГ²³. Радек также подверг критике нерешительную политику КПГ на протяжении всего путча, равно как и ее заявление о «лояльной оппозиции»²⁴. Ленин, с другой стороны, написал об этом заявлении более осторожно, от-

метив, что «тактика, несомненно, в основе правильная», хотя некоторые из содержащихся в нем формулировок неточны²⁵. Такое разнообразие суждений было характерным для периода, когда советские вожди после двух лет практически полной изоляции от внешнего мира не могли еще уделять много внимания проблеме зарубежных коммунистических движений, которые они продолжали оценивать скорее с точки зрения абстрактной теории, чем на основе наблюдения действительных событий.

Среди факторов, объясняющих как беспредельную уверенность большевиков в этот период в неизбежности приближения революции в Европе, так и их усиливавшееся стремление поучать западные коммунистические партии, наиболее важным, вероятно, была присущая всем большевистским вождям безоговорочная убежденность в значимости прецедентов, созданных русской революцией. Марксизм подразумевал, что революция развивается в соответствии с научно проложенным курсом, подчиняясь условиям, которые могут быть подтверждены путем наблюдения и разъяснены посредством теоретического анализа. Хотя ни один серьезный марксист не претендовал на то, что эти условия везде будут полностью одинаковыми или что любые две революции будут развиваться идентично, для большевиков было естественным оценивать ход и перспективы других революций в свете своего собственного опыта, выявляя те же просчеты и те же источники силы; и именно германская революция, наиболее продвинувшаяся вперед, наиболее важная и внешне со всех сторон наиболее походившая на свою русскую предшественницу, с самого начала стала объектом таких сравнений. Ноябрьские события 1918 г. были германской «Февральской революцией», Эберт и Шейдеман — ее Керенским и Церетели, Либкнехт должен был бы стать ее Лениным. I Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов в декабре 1918 г. выглядел точным подобием I Всероссийского съезда Советов в июле 1917 г., когда крохотное большевистское меньшинство значительно уступало по численности эсерам и меньшевикам²⁶. Январские схватки 1919 г. были берлинскими «июльскими днями», через которые молодой и неопытной КПП удалось пройти менее искусно, чем большевикам через беспорядки в Петрограде в июле 1917 г., но которые представляли собой тот же этап в развитии революции²⁷. Дороги настолько очевидно совпадали, что могли привести лишь к одному и тому же пункту назначения. «Капповский путч» в марте 1920 г. мог, если его оценивать объективно, выглядеть как поразительное свидетельство слабости германского коммунистического движения — слабости фактически каждой группы в Германии, находившейся слева от консервативных профсоюзов. Но Ленин, отдавшись первой волне энтузиазма, не сомневался в оценке путча, определив его как «германскую корниловщину». Германские рабочие, сказал он на IX съезде партии, «создают красные армии» и «загораются все больше и больше»²⁸. Ход германской революции следовал русскому образцу, и могли ли от-

личаться от него результаты «германской корниловщины»? Германский календарь показывал уже август 1917 г. Германский Октябрь уже нельзя было больше откладывать. Похожие аналогии неоднократно приходили Ленину на ум и в других случаях. В конце января 1920 г. он обосновывал предстоящее заключение мирного договора с буржуазным правительством Эстонии тем, что Эстония «переживает период керенщины» и что эстонские рабочие «скоро свергнут эту власть и создадут Советскую Эстонию, которая заключит с нами новый мир»²⁹. В сентябре 1920 г. он высказал предположение, что «комитет действия», созданный в Великобритании с тем, чтобы организовать оппозицию военным действиям против Советской России, является теми же Советами, но с другим названием, что Британия вступила в февральский период «двоевластия» и что «английские меньшевики» вынуждены «расчищать дорогу к большевистской революции»³⁰. В условиях, когда вера в параллелизм революций так глубоко укоренилась в его мышлении, трудно было не расценивать опыт большевиков как основополагающий источник практических знаний для западных коммунистов³¹.

В этой обстановке всепобеждающей надежды и веры созыв II конгресса Коминтерна был назначен на лето 1920 г., и в порядке его подготовки Ленин написал брошюру под названием «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Она явилась последней его крупной работой, оказавшей наиболее сильное воздействие, и поэтому особенно важно проследить все обстоятельства, породившие ее. Она была написана в момент, когда были все основания поздравлять себя с тем, что тяжкие испытания гражданской войны завершились победой, превзошедшей все ожидания; это триумфальное подтверждение теории и практики большевизма придало особую остроту идее, которая пронизывает эту брошюру от первого предложения до последнего: русский опыт должен служить путеводным маяком и примером для революционных движений других стран. Она была написана в момент, когда двухлетняя изоляция России от внешнего мира только начинала преодолеваться и когда у Ленина было мало источников информации и еще меньшее число прямых каналов связи для того, чтобы разобратся в реальностях политической ситуации и в особенности в характере левых движений на Западе; европейские события виделись ему в кривом зеркале происшедших в России со времени его полного драматизма возвращения в Петроград в апреле 1917 г. Наконец, она была написана в обстановке твердой убежденности в том, что увенчавшаяся триумфом в России пролетарская революция вот-вот охватит Западную Европу. Аргументы и рекомендации, содержащиеся в брошюре, были сформулированы в расчете на краткосрочный период времени, необходимый для доведения этого процесса до конца. Лишь позднее тому, что задумывалось Лениным в качестве кратковременных тактических приемов, было придано расширительное толкование, и они при-

менялись в течение куда более длительного периода, чем когда-либо имел в виду Ленин.

Начав с посылки о том, что некоторые черты русской революции, вероятно, будут повторяться в международном масштабе, Ленин в общих чертах изложил историю большевизма, чтобы показать, каким образом партии следует бороться с двумя главными противниками — социал-демократическим оппортунизмом справа и мелкобуржуазным анархизмом слева. Стрелы Ленина, когда он боролся за власть, были направлены главным образом против правых; когда же он встал у власти, они оказались нацелены в противоположном направлении. Ленин был убежден, что опасность для партии, исходящая справа, хотя и более серьезная, чем опасность слева, была в основном ликвидирована; Второй Интернационал находился при смерти. Поэтому он сосредоточился на меньшей, но более актуальной опасности «левизны». Двумя основными случаями «левизны» в истории партии были оппозиции участию в Думе в 1906 г. и заключению Брест-Литовского договора в 1918 г.; в обоих случаях оппозиция выступала исходя из противопоставления «принципа» «компромиссу». Далее Ленин подверг критике левое крыло германского (а также английского) социалистического движения за отказ от участия в парламентских выборах и профсоюзах; те же «левацкие» ошибки были показаны на примере французского, итальянского и американского синдикализма. Политическая линия приближающегося конгресса была обозначена ясно и четко, хотя и с оговоркой, что цель должна состоять в том, чтобы убедить подверженных «левизне», а не порвать с ними. Линия, которая проводилась на протяжении всего прошедшего года — бескомпромиссная враждебность по отношению к социал-демократам справа, но мягкость по отношению к тем среди левых, кого еще можно было вовлечь в создание общего фронта против первых, — не была отвергнута. В добавлении к брошюре Ленин даже признал, имея в виду Германию, что левые коммунисты иногда добивались большего успеха в завоевании поддержки масс, чем ортодоксальные³². Однако тональность его слов была значительно более жесткой, чем предыдущим летом или осенью, упор на дисциплину и единство взглядов — более категоричным, а условия присоединения — более строгими. Участие в парламентах и профсоюзах, которое Ленин и Коминтерн осенью 1919 г. трактовали как второстепенный вопрос, теперь стало неперменной обязанностью.

Ленин также попытался сформулировать несколько более широких обобщений. В главе, озаглавленной «Никаких компромиссов?», он привел отрывок, в котором Энгельс заявил о том, что истинные коммунисты должны быть готовы достигнуть своей цели, не останавливаясь «на промежуточных станциях, не идя на компромиссы». Отвечая «левым», которые выступали с позиций того принципа, он объяснил, что «вся история большевизма, и до и после Октябрьской революции, *полна* случаями лавирования, со-

глашательства, компромиссов с другими и в том числе с буржуазными партиями». Однако наиболее детализированный пример тактики маневрирования и компромисса, приводимый в брошюре, обнажил некоторые из практических трудностей. Это был знаменитый отрывок, в котором британским коммунистам рекомендовалось «помочь Гендерсонам или Сноуденам победить объединенных Ллойд Джорджа и Черчилля». Для этого «Гендерсонам и Сноуденам» следовало предложить компромисс в форме «избирательного соглашения» о ведении совместной предвыборной кампании против «Ллойд Джорджа и консерваторов» и о разделе завоеванных мест между лейбористами и коммунистами на основе некоего принципа, который Ленин раскрывать не стал. Все это, однако, должно было быть достигнуто на условиях, которые давали бы коммунистам «полнейшую свободу разоблачения Гендерсонов и Сноуденов», так же как большевики на протяжении длительного времени оставались партнерами меньшевиков в рамках единой партии, продолжая разоблачать их без всяких ограничений. И чтобы это предложение о компромиссе, даже столь ограниченном, не выглядело бы вступающим в противоречие с проводимой во всех других разделах брошюры линией на непреклонную враждебность по отношению к правым социал-демократам, Ленин далее посоветовал британским коммунистам «популярно объяснить», что он «хотел бы поддержать Гендерсона своим голосованием точно так же, как веревка поддерживает повешенного», поскольку чем ближе Гендерсоны подходят к политической власти, тем больше они приближаются к своей «политической смерти», обнажая свою подлинную политическую окраску перед массами рабочих³³. Такой коварный расчет на временный тактический союз для достижения конкретных ограниченных целей с силами, которые коммунисты торжественно поклялись разоблачать и в итоге уничтожить, мог бы выглядеть привлекательным для руководства, за которым стоит дисциплинированная массовая партия, готовая следовать его указаниям без критики или обсуждения. Однако советовать такое в качестве одной из форм политической тактики в условиях британской предвыборной кампании, где как средства, так и цели горячо дебатировались как внутри партий, так и между ними, означало вызвать улыбку среди политиков-практиков.

«Детская болезнь «левизны» в коммунизме», помимо воли ее автора, впервые обнажила слабое звено в большевистском арсенале — внутреннюю нелогичность, проистекающую из предположения о тесной и не подвергаемой сомнению аналогии между революционными процессами и революционной тактикой в России, где произошел практически прямой переход от самодержавия к пролетарской революции, и в странах, где пролетариат прошел через длительный период обучения теории и практике буржуазной демократии. Когда депутат-анархист во время дебатов во ВЦИК в 1918 г. указал, что, в то время как русский пролетариат «не государственный по душе», западный пролетариат «чувствует се-

бя носителем кусочка власти и частью этого самого государства, которое сейчас защищает», Ленин с необычайной резкостью возразил, что такой взгляд на западного рабочего — это проявление «такой тупости, что уже и не знаю, куда идти дальше»³⁴. Большевики из-за своего горячего стремления отрицать существование врожденных национальных различий иногда поддавались искушению вообще не принимать во внимание их реальности, имеющей глубокие социальные и экономические корни. Они постоянно недооценивали относительное число рабочих в западных странах, которые извлекали для себя пользу, обращаясь к демократическим процедурам, и которых нелегко было разубедить в ценности этих процедур. Ленин никогда в действительности не понимал, почему «реформизм», который ничего не значил в России, является постоянным и преуспевающим соперником проповедников революции в Западной Европе, почему нелегальные действия, принимаемые как само собой разумеющиеся русскими рабочими, вызывают сильную предубежденность на Западе или почему роспуск Учредительного собрания, не породивший ни единого всплеска негодования среди русских рабочих, потряс значительное число западных рабочих.

Особенно остро эта нелогичность дала о себе знать в вопросе о взаимоотношениях между вождями партии и массами, который возникал с перерывами со времен полемики в партии 1903 г. Ленин всегда остро относился к роли масс в революционном движении. Только утопическому социализму была присуща вера в то, что новое общество будет создано «из разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей». Марксисты же знали, что оно должно быть построено из «массового человеческого материала, испорченного веками и тысячелетиями рабства, крепостничества, капитализма, мелкого раздробленного хозяйничанья, войны всех против всех из-за местечка на рынке, из-за более высокой цены за продукт или за труд»³⁵. Однако эта концепция масс как движущих сил революции влекла за собой особый взгляд на функции вождей. В то время как вожди ничего не значили без поддержки масс, массы ничего не могли сделать без вождей. Как утверждал Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», постановка вопроса о «диктатуре вождей или диктатуре масс» в такой форме свидетельствует о «самой невероятной и безысходной путанице мысли»³⁶. Она имела своей целью простое разграничение двух понятий, которые являлись частью неделимого революционного целого. Такая концепция зародилась в результате изучения русских условий и блестяще им соответствовала, как показал успех большевистской революции. Что в России было необходимым, так это пробудить революционное сознание в массах пока еще несознательных рабочих; для этой цели воздействие сильных и дисциплинированных революционных вождей было абсолютно необходимым. Сама концепция «массы» как огромного резервуара угнетенных и неорганизованных про-

летариев³⁷, которая приобретала всевозрастающее значение в большевистской мысли, отражала отсталость типичного русского промышленного рабочего. Однако та же самая концепция была неприменима, или применима с далеко идущими оговорками, к странам, где проблема состояла не в том, чтобы пропитать революционным сознанием *tabula rasa** политически несознательные массы, но в том, чтобы проникнуть внутрь уже хорошо развитого в рамках буржуазной демократической традиции сознания и трансформировать его. Эта задача отличалась от всего того, с чем пришлось столкнуться русским большевикам, и была куда более тонкой и сложной; непонимание этого различия объясняет, почему рецепты, предлагаемые Западу большевиками, а впоследствии и Коминтерном, столь часто выглядели неподходящими и неосуществимыми. Много лет должно было пройти до того момента, когда единые решения, спускаемые из Москвы, автоматически проводились в жизнь послушными коммунистическими партиями, мало или совсем не принимая во внимание их состоятельность применительно к местным условиям и мнениям. Однако первые истоки этого коварного процесса следует отнести к периоду ленинской «Детской болезни «левизны» в коммунизме» и II конгресса Коминтерна.

Другой постоянный элемент доктрины Коминтерна впервые появляется в это же время. Еще в 1858 г. Энгельс, находившийся в подавленном состоянии по причине полного банкротства чартистского движения, изложил в письме к Марксу мнение, согласно которому «английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией»; он добавил, что «со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир», это было «до известной степени правомерно»³⁸. Данный тезис был повторен в письме к Каутскому в 1882 г.³⁹, а тремя годами позже, после смерти Маркса, Энгельс опубликовал его в обзорной статье, помещенной в английский журнал, сделав добавление, которое стало чрезвычайно важным:

«...Пока существовала промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной степени принимал участие в выгодах этой монополии. Выгоды эти распределялись среди рабочих весьма неравномерно: наибольшую часть забирало привилегированное меньшинство, но и широким массам изредка кое-что перепало»⁴⁰.

Выводы из этого положения свелись не к тому, что английский пролетариат как таковой стал «обуржуазившимся», а к тому, что «привилегированное меньшинство» внутри него приобрело этот статус за счет рядовых рабочих. В «Империализме, как

* *Tabula rasa* (лат.) — букв. чистая доска. — Прим. ред.

высшей стадии капитализма» Ленин, опираясь на эти высказывания Энгельса, повторил, что английский пролетариат стал обуржуазившимся, и добавил, что «часть его позволяет руководить собой людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею»⁴¹. То, что монополистический капитализм путем эксплуатации колониальных и полуколониальных рынков приобрел способность вознаграждать и таким образом подкупать «привилегированное меньшинство» рабочего класса и что это меньшинство играло роль вождей, «оплачиваемых буржуазией», отныне стало общим местом в марксистской идеологии. Казалось, его подтвердили феномен «ревизионизма» в Социал-демократической партии Германии, который захватил вождей в куда более острой форме, чем рядовых членов, и опыт не одного вождя социалистов во Франции, которые начали с участия в буржуазном коалиционном правительстве, а закончили безоговорочным переходом на сторону буржуазии.

Большевики, таким образом, унаследовали прочно устоявшуюся доктрину, новые силы которой придал крах революции в Германии зимой 1918/19 г., когда ведущие социал-демократы предстали в качестве защитников буржуазной республики. В статье по случаю основания Коминтерна Ленин применил данный тезис к недавним событиям Германии. Пока Германия экономически отставала от Великобритании и Франции, германская социал-демократия занимала исключительные позиции и была самой передовой в мире.

«А когда, — продолжал Ленин, — Германия обогнала экономически обе эти страны, то есть ко второму десятилетию XX века, тогда во главе всемирно-образцовой марксистской рабочей партии Германии оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной продавшей капиталистам сволочи, от Шейдемана и Носке до Давида и Легина, самых отвратительных палачей из рабочих на службе у монархии и контрреволюционной буржуазии»⁴².

Два месяца спустя в своей следующей статье — «О задачах III Интернационала» — он вернулся к теме «обуржуазения» «верхушек рабочего класса Англии» и вновь осудил Второй Интернационал за его роль «слуги империализма, проводника буржуазного влияния, буржуазной лжи и буржуазного разврата в рабочем движении»⁴³. Этот тезис вел к неоспариваемому и далеко идущему выводу, принятому и применявшемуся большевистскими вождями в Коминтерне без колебаний. Всегда, когда в рабочих партиях Западной Европы встречались случаи обструкции или неуверенности, диагноз был ясен. Вожди движения в этих странах — которых стали оскорбительно называть «рабочей аристократией» — являлись вольно или невольно агентами буржуазии, и можно было быть уверенным, что в случае любого кризиса они сплотятся в поддержку буржуазной демократии и буржуазного капиталистического общества. Сформулированное таким образом определение «рабочей аристократии» навешивалось на любых

сторонников реформ как на отступников и изменников по отношению к своему классу, предателей пролетарского дела, которым предъявлялось обвинение не в ошибочных мыслях, но и в моральной нечистоплотности. Задача же сторонников революции состояла в том, чтобы открыть глаза рядовым членам рабочих партий на истинный характер их неверных вождей и расколоть партии против них. Все предписания по вопросам тактики, содержащиеся в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», были глубоко пропитаны этой идеей.

Еще до того, как ленинская брошюра была опубликована, представились возможности провести в жизнь политику закручивания гаек, которая в ней отстаивалась. Западноевропейскому бюро в Амстердаме, находившемуся под контролем голландских вождей, было предъявлено обвинение в «левизне», выразившейся в форме защиты тезиса о неучастии в парламентской и профсоюзной деятельности. Решением ИККИ, принятым в апреле 1920 г., бюро было распущено, а его расплывчатые функции переданы западноевропейскому секретариату в Берлине⁴⁴. Приблизительно в это же время предчувствие Ленина о том, что британская НРП, подобно Французской социалистической партии, следует примеру НСДПГ, в определенной мере оправдалось. На своей ежегодной конференции в апреле 1920 г.⁴⁵ НРП значительным большинством голосов приняла решение о выходе из Второго Интернационала. Однако только незначительное меньшинство проголосовало за предложение вступить в Третий Интернационал, а другие решения носили пробный и выжидательный характер. Общенациональному исполнительному совету партии было поручено обсудить с Швейцарской социалистической партией, уже проявившей инициативу в этом плане⁴⁶, вопрос о «возможности восстановления единого всеохватывающего Интернационала» и в то же время изучить учредительные документы Коминтерна и условия присоединения к нему. Такое изучение было возложено на двух делегатов от НРП — Уоллхэда и Клиффорда Аллена, — которые в составе крупной делегации лейбористской партии вскоре должны были посетить Советскую Россию. Эта делегация включала также ряд профсоюзных деятелей, членов палаты общин от лейбористской партии и левых интеллектуалов — в ее составе были Том Шоу и Роберт Вильямс, Бертран Рассел и Этель Сноуден, Хейдн Гест и Роуден Бакстон. За три месяца до этого Джордж Ленсбери посетил Москву и возвратился в Великобританию с восторженным рассказом обо всем, что он видел. Однако лейбористская делегация была первой крупной и влиятельной группой британских левых, которой предстояло совершить такую поездку, и поэтому данное событие приобретало определенное значение.

Когда в середине мая 1920 г. делегация добралась до Москвы, вторжение Пилсудского на Украину развивалось полным ходом и достигло апогея своего успеха. Неудивительно поэтому, что

Ленин, принявший делегатов 26 мая, стремился главным образом внушить своим посетителям мысль о советском стремлении к миру и порочности британского правительства, оказывающего помощь «белым» и Польше, тем более что некоторые из них, казалось, были настроены скептически в отношении факта существования такой помощи. Некоторые делегаты задали несколько затруднительный вопрос о том, что, будучи поставленным перед выбором, он счел бы более важным: «образование ли в Англии последовательной, революционной, коммунистической партии или немедленную помощь рабочих масс делу мира с Россией». Ленин перевернул вопрос, назвав его «делом убеждений». Те, кто стремится к освобождению рабочих, не могут быть против основания коммунистической партии; с другой стороны, ничего нельзя достичь, если бы люди, которые продолжают питать иллюзии относительно буржуазной демократии и пацифизма, «вздумали называть себя коммунистами и присоединяться к III Интернационалу». Такие люди будут лишь принимать «сладенькие «резолуции» против интервенции», хотя эти резолюции окажутся в конечном счете полезными, выставив их авторов на посмешище. Как представляется, это было единственным случаем, когда в ходе встречи был упомянут Коминтерн⁴⁷. У Ленина были другие заботы. Делегаты разбились на группы, с тем чтобы посетить различные районы Советской России.

Такое развитие событий, однако, не могло удовлетворить двух делегатов от НРП, имевших специальное поручение изучить деятельность Коминтерна. Но здесь им повезло в меньшей степени. Ни Ленин, ни Троцкий не имели времени, чтобы уделять им внимание. Зиновьев, который плохо или совсем не говорил по-английски, оставался в тени, и ими занимался главным образом вездесущий Радек. Делегаты, привыкшие к порядку, царившему в британских учреждениях, были поражены, обнаружив, что Коминтерн спустя более чем двенадцать месяцев своего существования все еще представлял собой «наспех сколоченную организацию», не имевшую ни «уставных документов, ни правил». Методы «отлагательства», практиковавшиеся в штаб-квартире Коминтерна, повлекли за собой сложности с организацией беседы с членами ИККИ как единого коллегиального органа, и когда наконец этот вопрос удалось урегулировать, единственными выступающими на ней оказались Бухарин и Радек: зарубежные члены, очевидно, не пользовались авторитетом. На ряд вопросов, представленных в письменном виде, был дан пространственный ответ ИККИ, бескомпромиссный по существу и жесткий по тону. Рамсей Макдональд и Сноуден, лидеры НРП, были разоблачены как вожди «центра», который «на словах протестовал против войны», но «играл роль Понтия Пилата, умывал руки, уверяя в своей невиновности». Прогресс мог быть достигнут «только путем развития революции, укрепления революционной сознательности в рабочих массах, а не путем конференций и сделок с обманывающими эти

массы вождями». ИККИ был хорошо осведомлен о том, что НРП «только на одну четверть состоит из последовательных открытых приверженцев Коммунистического Интернационала». Именно они должны были объединиться с другими коммунистическими группами и образовать единую коммунистическую партию; ответ завершался призывом: «Коммунисты Англии, объединяйтесь!» Призыв к расколу существующих партий, имеющий целью вызвать бунт рядовых членов против вождей, провозглашался открыто. Жесткий тон и саркастический язык, несомненно, принадлежали разнузданному перу Радека⁴⁸. Однако эта политика явилась, возможно, логическим развитием курса, заложенного «Детской болезнью «левизны» в коммунизме». Штаб-квартира Коминтерна, не уstraшенная военными неудачами на Украине, была настроена непримиримо. 27 мая 1920 г. одновременно с ответом делегации НРП была направлена нота Центральному комитету НСДПГ, в которой выражалось сожаление по поводу того, что последний не дал ответа на письмо от 5 февраля 1920 г. и даже не довел его до сведения членов партии⁴⁹. Не следовало думать, что вступить в Коминтерн легко. *«Нужно взять двери Коммунистического Интернационала на запор, нужно поставить надежную стражу у ворот Коммунистического Интернационала»* — эти призывы Зиновьева были выделены в официальном журнале курсивом⁵⁰.

За делегатами от НРП в скором времени последовали задолго до того выделенные для этой миссии делегаты Французской социалистической партии Фроссар и Кашен, которые прибыли в Москву в середине июня 1920 г., имея поручение не только уточнить условия присоединения к Коминтерну, но и провести широкое изучение социальных и политических условий в Советской России⁵¹. 19 июня 1920 г. делегаты были вызваны на заседание ИККИ, более представительное на этот раз, чем то, которое приветствовало посланцев НРП. Дотошные вопросы о положении дел во французской партии задавались Радеком, Зиновьевым, Бухариным (который ранил их национальную гордость, попросив осудить «измену» партии в период войны), Серрати, Джоном Ридом и, наконец, Лениным. Вопросы, на которые упирал Ленин, включали ясность партийной линии, дисциплину печати («Юманите», заметил он, отличается лишь одной социалистической чертой — составом подписчиков) и изгнание из партии «реформистов». Делегаты, которые, вероятно, рассчитывали на более почтительное обхождение, могли только спорить и обещать передать услышанное⁵². На них было оказано значительное давление, чтобы убедить их остаться в Москве для участия в приближающемся конгрессе, на что они не имели мандата партии, поскольку до их отъезда из Парижа о конгрессе не было объявлено. После некоторых колебаний они согласились остаться⁵³.

События на фронтах войны решительно изменились еще до того, как II конгресс Коминтерна собрался во второй половине

июля 1920 г. Польские захватчики были отброшены далеко за пределы Украины; Красная Армия широкой волной продвигалась на запад в глубь Польши, не встречая практически никакого сопротивления, и падение Варшавы, равно как и начало польской революции, выглядели почти неизбежными. Зиновьев, председательствовавший на конгрессе, позднее так описывал ход его заседаний.

«В зале конгресса висела большая карта, где каждый день отмечалось передвижение наших войск. И делегаты каждое утро с захватывающим интересом стояли у этой карты. Это был до известной степени символ: лучшие представители международного пролетариата с захватывающим интересом ... с замиранием сердца, следили за каждым продвижением наших армий, и все превосходно отдавали себе отчет в том, что если военная цель, поставленная нашей армией, осуществится, то это будет означать громадное ускорение международной пролетарской революции»⁵⁴.

Сам Зиновьев, открывая конгресс, взял ту же торжественную ноту:

«II Конгресс Коммунистического Интернационала вошел в историю уже в ту минуту, когда он открыл свои заседания. Помните этот день. Знайте, это награда за все ваши лишения и за всю вашу мужественную и стойкую борьбу. Расскажите и объясните вашим детям значение сегодняшнего дня. Запечатлейте в сердцах ваших настоящую торжественную минуту»⁵⁵.

На конгрессе присутствовали более двухсот делегатов из примерно тридцати пяти стран. Российская делегация вновь была самой представительной. Зиновьев, выступавший как председатель и как делегат от России, был в продолжение всего конгресса наиболее заметной фигурой. Ленин выступал по всем основным вопросам, и ему умело вторили Бухарин и Радек. Троцкий, занятый польской кампанией, появлялся наскоками. Что касается Германии, то делегацию КПП возглавлял Пауль Леви. НСДПГ прислала четырех делегатов: двух, стоявших за присоединение к Коминтерну, и двух — против, однако, поскольку вступление их партии все еще оставалось под вопросом, все они были допущены без права голоса. Два делегата от КРПГ были также допущены с правом совещательного голоса, но в работе участия не приняли⁵⁶. Итальянская делегация возглавлялась Серрати, но включала представителей всех группировок внутри Итальянской социалистической партии, за исключением правых. Британская делегация включала представителей Британской социалистической партии, Социалистической рабочей партии, организации фабрично-заводских старост и нескольких меньших групп. Два делегата от Французской социалистической партии, как и делегаты от НСДПГ, обладали лишь правом совещательного голоса, поскольку их партия еще не решила вступить в Коминтерн. Однако еще пять французских делегатов имели право решающего голоса как представители «Комитета за Третий Интернационал», и некоторые из них одновременно были членами Французской социалистической партии. Делегаты от Ком-

мунистической партии США и Американской коммунистической рабочей партии вопреки рекомендациям Коминтерна об объединении оспаривали полномочность мандатов друг друга⁵⁷.

На своем первом заседании конгресс принял без обсуждения по предложению германского делегата Леви призыв к «рабочим и работницам всех стран» не допустить посредством стоек и демонстраций «никакой помощи белогвардейской Польше... никакого вмешательства против Советской России»⁵⁸. Однако в то время как I конгресс собрался в период отчаянного напряжения гражданской войны, II конгресс проходил в момент военного триумфа Красной Армии, и необходимость прямой помощи и поддержки РСФСР подчеркивалась в меньшей степени, чем на первом или любом другом последующем конгрессе. Центр тяжести в работе конгресса был сосредоточен на более широкой задаче ускорения мировой революции, до которой теперь было рукой подать.

«Дело Советской России, — гласила одна из резолюций, — Коммунистический Интернационал объявил своим делом. Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию Советских республик всего мира»⁵⁹.

Уверенность в неизбежном приближении развязки революционной драмы была постоянной темой на конгрессе, окрашивающей все высказываемые на нем точки зрения как относительно типа требуемой организации, так и в отношении соответствующих шагов по ее созданию.

Высшей необходимостью было теперь превращение Коминтерна в практическое орудие революции.

«Чем был Третий Интернационал при своем основании в марте 1919 года? — спрашивал Зиновьев. — Не более, как сообщество пропаганды и он оставался таковым в течение всего первого года... Теперь мы хотим быть не обществом пропаганды, мы хотим быть боевой организацией международного пролетариата»⁶⁰.

Такое изменение функций подразумевало и организационные изменения: вместо собрания ряда национальных партий Коминтерн должен был стать «единой коммунистической партией, имеющей отделения в разных странах»⁶¹. В речах не раз противопоставлялись Первый и Второй Интернационалы. Первый из них был «учреждением очень централизованным»; Маркс и Энгельс записали в его уставе необходимость «международного согласия» рабочих и «стройной международной организации». Исполнительный орган Второго Интернационала был не больше чем ящиком для писем⁶². Третий Интернационал не должен был повторить ошибок Второго. В момент, когда конгресс, собирающийся на заседания и обсуждения, ежедневно наблюдал распространение революции на запад вслед за продвижением Красной Армии, имелось меньше оснований ставить под вопрос значимость русского опыта для остальной Европы, чем когда-либо. Единство революционных действий и единство партийной идеологии под общим верховным руководством

Коммунистического Интернационала выглядело установленным фактом, которому никто не мог бросить вызов. Незначительные уклоны, к которым в 1919 г. относились терпимо, оказались под запретом: отныне не разрешалось иметь иную точку зрения по вопросу об участии в парламентских выборах или в профсоюзах. Даже в мелких вопросах линия партии должна была быть ясно определенной и последовательно осуществляемой. Когда британский делегат умолял о некотором послаблении по общепризнанно-специфическому и понятному лишь для посвященных вопросу о присоединении Британской коммунистической партии к лейбористской партии, Ленин горячо выступил в поддержку принципа единообразия:

«Тов. Рамзай говорит: позвольте нам, английским коммунистам, самим решить этот вопрос. Чем же был бы Интернационал, если бы всякая маленькая фракция приходила бы и говорила: некоторые из нас стоят за это, некоторые — против, предоставьте нам решить самим? Зачем бы тогда понадобились Интернационал, конгресс и вся эта дискуссия?»

Такая расхлябанность была характерной для Второго Интернационала, и это было «в корне ошибочно»⁶³. По всем вопросам революционной стратегии и тактики правильные решения с наибольшей вероятностью могли быть выработаны организацией, представляющей революционное движение в целом и комплексно обобщающей революционный опыт.

Эта цель могла быть достигнута только через жесткую организационную дисциплину. Второй Интернационал, объяснял Кабакичев конгрессу, постиг крах, потому что он «терпел в своих рядах партии, все поведение и тактика которых находились в ужасающем противоречии с тактикой революционного пролетариата»⁶⁴. Революция в Венгрии в предыдущий год потерпела поражение из-за той же самой ошибки⁶⁵. Партии могли сохранить чистоту своих рядов только путем энергичного исключения еретиков. «Ересь, ересь, ересь», — восклицал Ленин в 1904 г., защищая от критиков раскол в Российской социал-демократической партии⁶⁶. На протяжении последующих десяти лет — и в плохие, и в хорошие времена — он возглавлял битву большевиков за идеологическую чистоту против эклектики меньшевиков. Раскол в партии, уменьшение ее численности до несуществующей величины были меньшим злом, чем размывание ее идеологии или ослабление дисциплины. В 1920 г. он применил этот хорошо испытанный принцип к Коминтерну. Непременным условием принятия той или иной партии в Коминтерн было безоговорочное признание программы и устава Коминтерна и исключение из партии несогласных. Когда английский делегат на II конгрессе выразил недовольство, сказав, что большинство английских коммунистов отвергнет такие условия, Ленин спросил, почему необходимо соглашаться с большинством: правое меньшинство может «организоваться отдельно». Лучше раскол, чем «отказ от ответа на вопрос, какая тактика правильна»⁶⁷. Зи-

новьев выступил с категорическим заявлением по этому вопросу от имени российской партии:

«...Если бы наши итальянские или другие товарищи потребовали союза с этими элементами, то наша партия готова скорее остаться в одиночестве, чем соединиться с такими элементами, которые мы считаем буржуазными»⁶⁸.

Однажды принятый, принцип внесения раскола во имя исключения еретиков применялся с ожесточением, которое было неизбежно, поскольку вожди инакомыслящих автоматически рассматривались как изменники, «купленные буржуазией». Последствия этого подхода быстро сказались на работе Коминтерна. Ленин в «Письме английским рабочим», в котором он описал свою встречу с делегацией британских лейбористов в Москве, охарактеризовал «переход большинства парламентских и тред-юнионистских вождей рабочих на сторону буржуазии» как «застарелый нарыв». Разгромить не общепризнанных врагов рабочих, но изменников изнутри — вот как ставилась наиболее неотложная задача. «Неприятель находится в нашем собственном доме», — провозгласил Зиновьев на II конгрессе⁶⁹. Ленин едко высмеял Криспина, одного из делегатов от НСДПГ, назвавшего раскол между НСДПГ и СДПГ «горькой необходимостью»:

«...независимым следует не плакать об этом, но сказать: международный рабочий класс еще находится под гнетом рабочей аристократии и оппортунистов».

Криспин сказал, что революцию в Германии можно произвести лишь при условии, что она «не слишком» ухудшит материальное положение германских рабочих:

«Рабочая аристократия, которая боится жертв, которая опасается «слишком большого» обеднения во время революционной борьбы, не может принадлежать к партии»⁷⁰. Те, кого хотели заставить уйти, были не добропорядочными людьми, придерживавшимися ошибочных взглядов на правильную тактику революции; они были ренегатами и предателями пролетарского дела.

Таким был фон разработки самого знаменитого и важного документа, появившегося в результате II конгресса, — «21 условия», определявших порядок вступления партий в Коминтерн. I конгресс не пытался определить условия членства; не взял на себя такую задачу и ИККИ. Однако ее нельзя было более оставлять без внимания. Ленин подготовил и распространил на II конгрессе проект «19 условий приема в Коммунистический Интернационал». Проект предписывал каждой партии — члену Коминтерна вести пропаганду в поддержку пролетарской революции и диктатуры пролетариата и нести ответственность за свою партийную печать и издания; прилагать усилия, чтобы заполнить все ответственные посты в рабочем движении своими членами и обеспечить удаление с таких постов реформистов и сторонников «центра», сочетать легальную работу с нелегальной и создавать подпольный аппарат для подготовки грядущей гражданской войны; вести пропаганду в вой-

сках и в деревне; разоблачать всех социал-патриотов и социал-пацифистов и показывать, что никакие половинчатые меры, такие, как международные третейские суды или реорганизованная Лига Наций, не годятся, чтобы спасти человечество от империалистических войн; полностью порвать со всеми реформистами, включая широко известных лидеров реформизма; разоблачать колониальную эксплуатацию, особенно со стороны своего собственного правительства; образовывать коммунистические ячейки, прямо подчиненные партии, в профсоюзах, кооперативах и других организациях рабочих; вести упорную кампанию против желтого Амстердамского Интернационала профсоюзов и поддерживать новый Интернационал красных профессиональных союзов, находившийся на этапе формирования; контролировать работу своих представителей в парламенте; строиться по принципу демократического централизма с железной дисциплиной и периодическими чистками; поддерживать всеми средствами каждую Советскую республику в ее борьбе против контрреволюционных сил; пересмотреть свою партийную программу в соответствии с принципами Коминтерна и представить ее на утверждение конгрессу или ИККИ; признать обязательными все постановления Коминтерна; принять название, если это еще не сделано, «коммунистической» и незамедлительно созвать партийный съезд, чтобы ратифицировать принятие упомянутых условий⁷¹.

Эти «19 условий», хотя и достаточно жесткие, стали логичным изложением концепции Коминтерна, выдвинутой для обсуждения в предшествующие месяцы Лениным и другими ее основными сторонниками. Сперва они были внесены на рассмотрение комиссии конгресса, которая поправила несколько выражений и добавила, по предложению самого Ленина, еще одно «условие», предписывающее, чтобы в любой партии, вступающей отныне в Коминтерн, Центральный комитет и другие центральные учреждения состояли по меньшей мере на две трети из членов, которые ранее публично высказывались за вступление. Путем соединения двух ленинских первоначальных условий в одно общее их число 19 было сохранено. Новые «19 условий» были затем обсуждены конгрессом в полном составе на трех последовательных заседаниях. Значительную часть времени заняли выступления четырех делегатов от НСДПГ — двое из которых поддержали, а двое отвергли эти условия — и их взаимные упреки по этому поводу. НСДПГ была крупнейшей и самой мощной массовой партией, представленной на конгрессе, — партией, чей политический капитал стремительно возрастал⁷², и решающий вопрос заключался в том, примет она эти условия или нет и вступит ли в Коминтерн. Сами по себе условия встретили на конгрессе сравнительно небольшую оппозицию. Фактически они были ужесточены в последний момент, когда добавились еще два условия. Одно из них предписывало всем органам партии печатать важные документы и решения Коминтерна; другое предусматривало, что члены любой партии, проголосовавшие на ее съезде про-

тив принятия этих условий, подлежат исключению. Это 21-е условие, во многих отношениях наиболее радикальное из всех, было предложено итальянцем Бордигой и поддержано Эмбером-Дро, делегатом от французской Швейцарии и бывшим кальвинистским священником, в наиболее бескомпромиссной из всех произнесенных на конгрессе речи по этому вопросу:

«Предложение Бордиги обязать эти партии к исключению меньшинства, которое будет голосовать против программы III Интернационала, полезно для очистки партии от крайней правой. Слово «раскол» пугает всех оппортунистов, выше всего ставящих единство партии. Эта первая чистка будет, конечно, неполною, но она явится первым шагом к созданию истинно коммунистической партии»⁷³. «21 условие» в целом было затем утверждено только при двух голосах против⁷⁴.

«21 условие» было предназначено не для того, чтобы завершить формальный разрыв со Вторым Интернационалом (он уже считался мертвым), но чтобы ликвидировать всякую возможность компромисса путем исключения из Третьего Интернационала тех центристских элементов, которые все еще питали затаенные симпатии ко Второму и стремились найти промежуточное пристанище между ними⁷⁵. С точки зрения Ленина, эти элементы составляли главным образом вожди. Поэтому если что и требовалось, так это расколоть «центристские» партии — особенно НСДПГ, Итальянскую социалистическую партию и британскую НРП — посредством дискредитации и отлучения их вождей и вовлечения лояльных рядовых членов в сферу действия Коминтерна. В «21 условии» конкретно упоминались Турати и Модильяни, Каутский и Гильфердинг, Макдональд, Лонге и американец Хилквит в качестве «заведомых оппортунистов», которых ни при каких условиях нельзя признавать членами Коминтерна. С другой стороны, несмотря на свою универсальность, эти суровые условия на практике не предназначались для того, чтобы исключить левых уклонистов, к которым относились по-прежнему на удивление мягко. В резолюции конгресса, хотя и осуждались взгляды таких левых групп, как КРПГ, американские «Индустриальные рабочие мира» и британское «Движение рабочих комитетов», признавалось, что в данном случае мы имеем дело с «глубоко пролетарским и массовым движением, которое в основе своей стоит фактически на почве коренных принципов Коммунистического Интернационала»; поэтому коммунисты должны были «не отказываться от повторных попыток слияния с этими организациями в единую коммунистическую партию»⁷⁶. Другие резолюции конгресса вновь подтвердили обязанность коммунистов принимать участие в работе профсоюзов и буржуазных парламентов. Специальная комиссия боролась с бесконечным вопросом: стоит ли Британской коммунистической партии стремиться к объединению с Британской лейбористской партией в рамках рыхлой федерации, которая не требовала бы никакой приверженности той или иной идеологии от своих членов; по ее докладу конгресс дал

на этот вопрос положительный ответ большинством в 58 голосов против 24 ⁷⁷. Была принята уже упоминавшаяся резолюция по аграрному вопросу ⁷⁸; состоялось важное обсуждение и были приняты тезисы по национальному и колониальному вопросам, которые рассматриваются в следующей главе. II конгресс Коминтерна предпринял амбициозную попытку не только создать всемирную коммунистическую организацию, но и обсудить и заложить основы политики коммунистов по всем основным вопросам.

II конгресс ознаменовал собой самый торжественный момент в истории Коминтерна, момент, когда русская революция, как совершенно очевидно представлялось, подошла к рубежу перерастания в европейскую революцию, а судьбы РСФСР сливались воедино с судьбами всей Европы. Никто не был заинтересован в этом слиянии больше, чем русские большевики, которые все еще подсознательно верили, что их собственное спасение зависит от него. Несомненно, часть платы за победу состояла в том, что центр тяжести революционного движения переместится на запад Европы; но это была плата, по поводу которой было бы абсурдным выказывать недовольство. Работа II конгресса, таким образом, предопределялась глубоким парадоксом. Русские искренне и с энтузиазмом стремились уничтожить свое собственное исключительное господство в революционном движении путем распространения революции по всей Европе и миру. И все же, когда они потерпели неудачу, когда революция упрямо застыла у русских границ, все содеянное на II конгрессе имело непредвиденным следствием подтверждение и узаконивание русского господства, так что многие стали приписывать некоему зловещему, детально разработанному и трудно обнаруживаемому плану то, что было неизбежным результатом условий, в которых этому конгрессу пришлось работать. Этот процесс наиболее ярко проявил себя при выработке устава Коминтерна, предпринятой на II конгрессе. Этот устав очень походил на устав Российской коммунистической партии. Верховным органом являлся всемирный конгресс, который должен был собираться не реже одного раза в год. Избранный им Исполнительный Комитет осуществлял руководство вместо него в периоды между его сессиями и был «подотчетен только всемирному конгрессу». Вопрос о составе ИККИ был весьма деликатным. Согласно решению, выработанному на II конгрессе, он должен был состоять из 15—18 членов ⁷⁹, пять из которых должны были выдвигаться «партией той страны, где по постановлению всемирного конгресса имеет местопребывание Исполнительный Комитет», а каждый из оставшихся — «другими крупнейшими национальными партиями». В ходе бессвязного обсуждения устава на пленарном заседании голландский делегат осторожно заметил, что ИККИ мог бы располагаться в Италии или Норвегии, а германский делегат без особого энтузиазма предложил Берлин. Однако было ясно, что в существующих условиях серьезной альтернативы Москве быть не может; и в отсутствие

распространения революции на запад ИККИ был обречен превратиться, как верно предвосхитил голландский делегат, в «расширенный русский Исполнительный Комитет»⁸⁰.

Историческая роль, которую сыграл II конгресс, столь отличная от его официальной или даже задуманной цели, состояла в утверждении русского руководства Коминтерном на непоколебимой основе. Руководящая роль русских на протяжении всего конгресса была полной и безраздельной. Русские пользовались обычными преимуществами, выпадающими на долю хозяев международного мероприятия: они могли собрать все имеющиеся у них в наличии таланты по любому вопросу. Приехавшие были ограничены силами делегаций, присутствовавших в Москве; многие из зарубежных делегатов добирались до Москвы с трудом и вынуждены были приехать нелегально, с тем чтобы обойти запрет, установленный их собственными правительствами. Более важным являлось то, что русская делегация неизменно выступала с единых позиций; другие основные делегации — германская, британская, французская, итальянская и американская — были составлены из представителей не одной национальной партии или группы, поэтому придерживались различных позиций по главным вопросам, и, таким образом, автоматически сложилось положение, при котором русские вожди Коминтерна сраивали инакомыслящих зарубежных делегатов и их более покладистых соотечественников в своих интересах. И наконец, самое важное: руководящая роль была наградой за революционные достижения. Русские, и только они, доказали, что знают, как совершать успешные революции: так-то и так-то победа была завоевана в октябре 1917 г., так-то и так-то она будет достигнута в другом месте. Один из делегатов от НРП, который вел переговоры с ИККИ накануне II конгресса, оставил запись своих впечатлений:

«Обсуждать вопросы с вождями Третьего Интернационала было очень трудно по причине сильно националистического подхода, которого они придерживались. Любой вопрос был глубоко окрашен идеями, исключительно русскими по характеру. Я думаю, это можно понять, но поза не кого-нибудь, а именно первосвященника, в которую они встали, отнюдь не облегчала дискуссий. Они были вполне готовы признать, что революции по своей природе не носят метафизического характера, что они являются результатом исторического развития и что социальная революция должна развиваться в каждой стране по-разному; но они всегда возвращались к тому пункту, что их тактика является образцом, на котором должен основываться любой социалистический метод»⁸¹.

Естественным следствием престижа русских, нежели их умысла, было то, что организационная структура Коминтерна отражала русский опыт и создавалась в соответствии с русским образцом. Коммунистический Интернационал, который должен был совершить мировую революцию, создавался по образу и подобию партии, которая совершила русскую революцию⁸². Зарубежные

делегаты могли выискивать недостатки в том или ином пункте, но никто на конгрессе не ставил под вопрос — во всяком случае, открыто — саму необходимость нового Интернационала; и ни у кого не оказалось никакой другой модели, которую можно было бы предложить. Зарубежные партии и их представители остро ощущали свою неполноценность. Некоторые из них, не церемонясь, признавали это.

«Что такое я, — восклицал Серрати, — по сравнению с т. Лениным? Он представляет собой русскую революцию, а я представитель весьма небольшой социалистической, коммунистической партии»⁸³.

И конгресс внимал терпеливо и послушно, когда Зиновьев в свою очередь распространялся по поводу пороков практически каждой коммунистической, или мечтающей о том, чтобы называться коммунистической, партии в Европе, кроме Российской⁸⁴. С течением времени эта позиция не претерпела изменений. Разочарование, пришедшее на смену радужным надеждам, характеризовавшим атмосферу лета 1920 г., еще больше расширило пропасть, разделявшую авторитет тех, кто преуспел, совершая свою революцию, и тех, кто потерпел неудачу, и привело к тому, что организационная структура Коминтерна оказалась отлитой в точном соответствии с русской опоккой.

Русское господство в Коминтерне укрепились еще больше благодаря раскольнической политике, которая была поставлена на II конгрессе на научную основу и стала обычной формой политики Коминтерна. В большинстве партий вскоре начали выдвигаться вожди, получившие известность как выразители и проводники взглядов Коминтерна, которых в Москве обычно называли «лучшими представителями пролетариата» — фраза, впервые появившаяся в одной из резолюций II конгресса и часто срывавшаяся с уст Зиновьева. «Во всех странах мира, — писал Ленин, подводя итоги конгресса, — лучшие представители революционных рабочих встали уже на сторону коммунизма»⁸⁵. Однако эти вожди не обязательно были лучше всех подготовлены для того, чтобы дать объективный анализ ситуации в своих странах, и равным образом они отнюдь не всегда пользовались наибольшей поддержкой и доверием в собственных партиях. Раздавались даже обвинения, что основным мотивом раскольнической политики было стремление уничтожить независимую мощь национальных партий и подчинить их Москве⁸⁶. Обвинение, разумеется, не имело под собой оснований, по крайней мере в тот ранний период. Однако искушение ставить послушание национальных вождей превыше независимости их суждений было изначально присуще организации, в которой господствующее положение занимали русские, и такой Коминтерн должен был существовать до тех пор, пока революция победила лишь в России и ни в какой другой стране.

Хотя II конгресс, казалось, зафиксировал убедительное торжество принципов высокодисциплинированной организации и жест-

кой идеологической ортодоксии, старая дилемма, как примирить эти принципы с необходимостью завоевания поддержки масс — дилемма, которая была столь легко решена в России и вместе с тем оказалась столь неразрешимой на Западе, — вновь возникла в новой форме. Резолюции II конгресса предписывали коммунистическим партиям в буржуазно-демократических странах принимать участие в парламентских выборах путем выставления своих собственных кандидатов или, если это было невозможным, посредством оказания поддержки кандидатам других партий. Такое предписание не имело смысла, если не исходить из посылки, что партии должны добиваться поддержки масс и действовать с таким расчетом, чтобы завоевать эту поддержку. Но здесь возникали вопросы тактики и принципов. Парламентская игра разыгрывалась в каждой стране в соответствии с различными и постоянно меняющимися национальными правилами; маловероятно, что она могла разыгрываться с успехом партиями, обязанными следовать инструкциям, изданным в Москве, где концепция парламентских действий разрабатывалась в основном на воспоминаниях о царской Думе. Однако эти препятствия носили не только тактический или формальный характер. Предписание II конгресса зарубежным коммунистическим партиям об «использовании буржуазных государственных учреждений с целью их разрушения»⁸⁷ было прямым отражением ленинского указания британским коммунистам оказать поддержку британским лейбористским вождям, повесив их. Однако эти приказы предполагали, что лояльность масс по отношению к государственным учреждениям и лейбористским вождям может быть эффективным образом подорвана. И пока эта предпосылка не была претворена в жизнь, коммунистическим партиям в большинстве западных стран приходилось выбирать из двух альтернатив. Они могли сохранить чистоту и негибкость своей идеологии, но остаться небольшими сектами, состоящими в основном из интеллигенции и не оказывающими влияния на массы; или они могли добиваться влияния в существующих массовых левых партиях за счет компромиссов, включавших временное, при соблюдении определенных условий, проявление лояльности по отношению к существующим учреждениям и вождям. Именно этот второй курс впоследствии навлек на них обвинения в двуличии.

Вопрос об участии в профессиональных союзах был схожим, но еще более запутанным. Теоретически можно было утверждать, что профсоюзы являлись побочным продуктом буржуазного капитализма, что, как и политические партии Второго Интернационала, они изменили делу рабочих в 1914 г., оказав поддержку своим национальным правительствам, были по своей природе неспособны взять на себя революционную роль, и поэтому коммунисты должны бойкотировать существующие профсоюзы и образовать новые отдельные ассоциации коммунистических рабочих. Таков был подход, принятый на II конгрессе с некоторыми оговорками со стороны главным образом британского, итальянского и американского деле-

готов. Теоретически было также возможным утверждать, хотя теперь никто открыто не отстаивал этот взгляд, что незначительные улучшения участи рабочих, которых стремились добиться профсоюзы, не являлись сами по себе желательными, поскольку они притупляли недовольство рабочих и, таким образом, работали на задержку окончательной победы революции. В противоположность обоим этим взглядам большевики придерживались мнения, что прежние изъяны профессиональных союзов обуславливались частично коррупционностью вождей, а частично тем фактом, что в развитых странах профсоюзы все еще в непропорционально большой степени состояли из высококвалифицированных и привилегированных рабочих — «рабочей аристократии», — чьи интересы зачастую ставили их на одну доску с буржуазией в большей степени, чем с менее привилегированными представителями их собственного класса. Во всех странах война принесла с собой массовый приток рабочих в профсоюзы и поэтому изменила их характер и потенциал. Коммунисты не должны были уходить из существующих профсоюзов и, таким образом, изолировать себя от пролетарских масс, а вступать в профсоюзы и революционизировать их, работая с массой членов и поднимая среди них бунт против вождей, которые перестали выражать их подлинные интересы. Чем увереннее Коминтерн делал ставку на политику ограничения размеров коммунистических партий, настаивая на жесткой дисциплине и идеологической чистоте, тем более важным становилось поддержание связи с массами рабочих через их профессиональные союзы.

Однако решение об участии в профсоюзах, как и решение об участии в парламентских выборах, было лишь началом, а не концом путаницы. Прежде всего оно вроде бы обязывало коммунистов поддерживать существующие профсоюзы, какими бы реакционными они ни были, и противостоять центробежным тенденциям, какими бы революционными по своему характеру и цели они ни были. Этот вопрос остро стоял в Соединенных Штатах, где меньшинство, состоявшее из квалифицированных рабочих, объединилось в Американской федерации труда, построенной по цеховому принципу, а к массам малооплачиваемых и неквалифицированных рабочих, главным образом иммигрантов, обращалась лишь синдикалистская и революционная организация «Индустриальные рабочие мира». В Германии революционные фабрично-заводские старосты предприняли попытку организовать рабочих вне рамок профессиональных союзов; в Великобритании движение фабрично-заводских старост, хотя формально и не выходящее за рамки профессиональных союзов, возникло вопреки их противодействию и с самого начала носило синдикалистскую окраску. Подход коммунистов к этим диссидентским движениям определить было трудно.

Другая нелогичность в большевистском подходе была еще более серьезной. Объявленная цель большевиков состояла в том, чтобы усилить сплоченность, универсальность и силу профессиональных союзов, поставив их под руководство коммунистов. Однако,

если не исходить из посылки, что этого можно было достичь одним ударом — или, иными словами, что пролетарская революция была неизбежна, — практическая реализация этой цели не могла не привести к длительному периоду междоусобной войны в профсоюзах, которая расколола и ослабила бы их и только что не уничтожила их существующую силу. Ленин в подвергнувшемся широкой критике отрывке из «Детской болезни „левизны” в коммунизме» предвидел вероятность того, что «вожди оппортунизма» будут прибегать к любым средствам, честным или бесчестным, чтобы исключить коммунистов из профессиональных союзов или изгнать их оттуда:

«Надо уметь противостоять всему этому, пойти на все и всякие жертвы, даже — в случае надобности — пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, оставаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу»⁸⁸.

Радек на II конгрессе Коминтерна подошел практически вплотную к тому, чтобы открыто признать, что политика коммунистов подразумевает разрушение существующих профсоюзов в качестве предварительного шага на пути к превращению их в большие и лучшие профсоюзы будущего:

«Мы постараемся превратить профессиональные союзы в органы борьбы... Мы идем в профсоюзы не для сохранения их, а для создания той сплоченности рабочего класса, на которой уже смогут возникнуть большие производительные союзы социальной революции»⁸⁹.

Такая программа выглядела достаточно приемлемой на большевистский взгляд. В России профсоюзная традиция была неразвитой. Лишь малое число профессиональных союзов обладало сколько-нибудь эффективной силой или характеризовалось сколько-нибудь глубокой преданностью своих членов; некоторые из этих немногих находились под влиянием меньшевиков, которые превратили их в центры сопротивления новому режиму. Но в Центральной и Западной Европе профессиональные союзы воспринимались массами рабочих по меньшей мере как частичный оплот против угнетения со стороны сил капитализма, в противном случае ничем не сдерживаемых. Любая политика, которая обещала, хотя бы временно, расколоть, ослабить и, возможно, уничтожить эти бастионы в интересах отдаленного и неопределенного будущего, не могла не встретить глубоких подозрений и упорного противодействия, которые ошибочно приписывались в Москве махинациям нескольких вождей или «рабочей аристократии».

Вожди Коминтерна на II конгрессе еще больше осложнили трудную и деликатную задачу, стоявшую впереди, сделав шаг, который обнаружил до предела все нестыковки в их политике по отношению к профессиональным союзам. До 1914 г. существовала относительно слабо организованная Международная федерация профсоюзов (МФП), формально не имевшая отношения ко Второму Интернационалу, но внешне похожая на него. Поскольку боль-

шевики были твердо привержены идее создания Третьего Интернационала для замены скончавшегося Второго, в первые дни революции естественным продолжением этого процесса представлялось создание новой профсоюзной организации взамен умершей МФП. До мировой революции было рукой подать, и возрождение международных органов старого образца было немыслимым. В январе 1918 г. I Всероссийский съезд профессиональных союзов заявил о своей решимости «содействовать возрождению интернационального профессионального движения» и назначил созыв международной конференции профессиональных союзов на февраль 1918 г. в Петрограде⁹⁰. Приглашение было передано по радио на весь мир, но неудивительно, что в условиях того времени на него не было получено никакого ответа. Это, однако, не означало, что идея была оставлена. Те немногие коммунисты, которые ставили под сомнение ее полезность, делали это не потому, что они опасались схватки с МФП (чья смерть принималась как данное), но поскольку были убеждены, что профсоюзы принадлежат реакционному капиталистическому порядку и не могут сыграть никакой роли в строительстве социализма. Официальное воскрешение МФП без участия Германии в июле 1919 г. со штаб-квартирой в Амстердаме (отсюда широко известное название Амстердамский интернационал) не оказало серьезного воздействия на этот настрой. Трудности, с которыми столкнулось оживление МФП, выглядели по меньшей мере столь же непреодолимыми, как и те, что мешали возрождению Второго Интернационала. Точно так же, как Второй Интернационал «капитулировал» перед Третьим, провозгласил председатель Петроградского совета профессиональных союзов в конце 1919 г., для всех профессиональных союзов мира настало время *«связаться в одну единую мощную международную организацию, готовую совместно с III Интернационалом биться на всех фронтах»*⁹¹.

Установление отношений с профсоюзами Западной Европы не включалось в повестку дня практической политики до весны 1920 г., когда гражданская война казалась оконченной, когда союзническая блокада была снята и когда осуществлялись первые осторожные дипломатические контакты⁹². Зиновьев взял старт в этом направлении в марте 1920 г., представив IX съезду партии рекомендацию о том, что «русское профессиональное движение должно взять на себя инициативу в деле сплочения Красного Интернационала профессиональных союзов так же, как это сделала Российская Коммунистическая партия в деле создания III Интернационала»⁹³. Вопрос, однако, не выглядел очень уж неотложным, и съезд не обсуждал его. Месяцем позже решающее событие сделало дальнейшее бездействие невозможным. В апреле 1920 г. западные профсоюзы и МФП приняли активное участие в организации в Вашингтоне конференции, на которой была основана Международная организация труда (МОТ). Именно тогда, когда, по словам Лозовского, Амстердамский интернационал «связал свою судьбу с Лигой Наций через Международное Бюро Труда», «выявилась

потребность в некоем центре для концентрации левого профсоюзного движения во всем мире»⁹⁴. МОТ была воплощением понятия «классовое сотрудничество», которое было прямой антитезой классовой борьбе и диктатуре пролетариата. На III Всероссийском съезде профессиональных союзов в том же месяце Зиновьев положил начало язвительным разоблачениям «социал-предателей», которые по указке капиталистов пытались восстановить желтый Амстердамский Интернационал и, таким образом, свести на нет последствия краха Второго Интернационала. Время для «действительно пролетарского международного объединения красных профессиональных союзов, стоящих за диктатуру пролетариата», назрело, и он выразил надежду, что «пролетарские профессиональные союзы всего мира» примут участие в приближающемся конгрессе Коминтерна и конституируются в качестве секции Коминтерна⁹⁵. В резолюции съезда было записано решение российских профсоюзов «вступить в III Коммунистический Интернационал» и призвать «революционные профессиональные союзы всех стран» последовать их примеру; центральный совет профсоюзов должен был совместно с ИККИ предпринять шаги по созыву международного съезда профессиональных союзов⁹⁶. В противовес этой позиции можно было говорить о том, что если бы политика проникновения в существующие профсоюзы, последовательно проповедуемая большевиками и незадолго до этого подтвержденная Лениным в «Детской болезни „левизны” в коммунизме», увенчалась успехом, то она медленно, но неизбежно привела бы к переменам в руководстве профсоюзов, а следовательно, и МФП, и трансформировала организацию в целом, не уничтожая ее. Однако этот процесс представлялся слишком медленным и постепенным для энтузиастов, которые были убеждены, что европейская революция — это теперь вопрос недель. Представлялось существенно важным ускорить или упредить этот процесс путем немедленного создания нового Интернационала, чтобы профсоюзы, в которые удалось проникнуть и которые удалось завоевать, могли незамедлительно выйти из МФП и присоединиться к новой организации «красных» профессиональных союзов. Как часть реализации этой идеи вопрос был обсужден с Вильямсом и Пёрселлом, двумя видными британскими профсоюзными деятелями, которые являлись членами прибывшей британской лейбористской делегации; оба они, как представляется, высказались в поддержку нового Интернационала профсоюзов⁹⁷.

Таким образом, когда летом 1920 г. собрался II конгресс Коминтерна, очарованный победным наступлением в Польше, почва была уже подготовлена. Два из «21 условия» приема в Коминтерн, принятых конгрессом, касались профессиональных союзов. Девятое условие провозглашало обязанностью членов партии активно работать в профсоюзах и в то же время «разоблачать предательства социал-патриотов и колебания „центра”» (двойной подход, сформулированный Лениным в «Детской болезни „левизны” в коммуниз-

ме»); десятое предписывало «упорную борьбу против Амстердамского „Интернационала“ желтых профессиональных союзов». Пространная резолюция по вопросу о профсоюзах следовала этой же линии⁹⁸. Она была принята значительным большинством голосов, хотя и встретила бурную оппозицию со стороны большей части британских и американских делегатов, желавших отказаться от существующих и создать новые революционные профсоюзы, и со стороны единственного итальянского делегата, который рассматривал профсоюзы как контрреволюционные в своей основе⁹⁹. Конгресс воздержался от каких бы то ни было деклараций по поводу создания Интернационала профсоюзов — возможно, это указывает на то, что по данному вопросу было нелегко заручиться поддержкой большинства. Однако еще в период работы конгресса группа, включавшая представителей российской, итальянской и болгарской делегаций, некоторых членов британской делегации и единственного французского делегата крайне левых взглядов, про которую вряд ли можно говорить о том, что она выступала от имени восьми миллионов организованных рабочих, решила создать Международный совет профессиональных союзов (Межсовпроф), основная задача которого должна была состоять в подготовке «международного конгресса красных профессиональных союзов». Лозовский стал председателем нового совета, а Том Манн и Росмер — вице-председателями. Сильная зависимость Межсовпрофа от ИККИ нашла свое выражение в предложении, согласно которому ИККИ должен был издать призыв «ко всем союзам мира», разоблачающий «желтый Амстердамский Интернационал» и приглашающий их вступить в новый Интернационал профсоюзов¹⁰⁰.

Это важное по своим последствиям решение было принято в момент, когда революционный подъем еще шел по восходящей, когда Второй Интернационал считался уже мертвым и когда незначительный успех, достигнутый в деле возрождения МФП, казалось, представлял собой главное препятствие на пути захвата коммунистами международного рабочего движения¹⁰¹. Принятое решение предписывало начать кампанию по расколу профсоюзного движения, причем Московский и Амстердамский интернационалы должны были стать мобилизационными пунктами двух фракций в братоубийственной войне. Но затяжные военные действия подобного рода неизбежно должны были высветить скрытое противоречие между возложенной на коммунистов обязанностью работать в существующих профессиональных союзах и их обязанностью вносить раскол в существующее движение в ущерб Амстердаму и на пользу Москве между политикой мирного проникновения на национальном уровне и политикой фронтального удара на уровне интернациональном; и эта дилемма, которая бы не возникла, если бы до мировой революции было действительно рукой подать, так и не была решена Лениным или другими большевистскими вождями применительно к новым условиям. Мероприятия по организации Межсовпрофа в июле 1920 г. окутаны дымкой разногласий именно по

этому вопросу. Только русские и их близкие союзники болгары были искренними сторонниками этого решения. Итальянская партия, как и болгарская, была наследницей социалистической партии, которая пользовалась в прошлом поддержкой профсоюзов и не могла поэтому смириться с расколом в итальянских профсоюзах. Но даже и с учетом этого подход итальянцев был противоречивым и двусмысленным¹⁰². Еще большее замешательство царило в британской делегации. Мерфи, присутствовавший на заседании, где было принято решение о создании Межсовпрофа, и ставший в нем британским представителем, впоследствии писал, что, «будь там хоть малейший намек на внесение раскола в ряды профсоюзов», этот проект, «несомненно» не получил бы британской поддержки¹⁰³. Только Таннер, один из руководителей «Движения рабочих комитетов» и влиятельный профсоюзный деятель в делегации, казалось, осознавал противоречие между предложением «оставаться в профсоюзах на национальном уровне» и созданием независимого интернационального органа; поэтому Зиновьев и лишил его слова, когда он попытался изложить этот взгляд на пленарном заседании конгресса¹⁰⁴. Образование Межсовпрофа, таким образом, позволило Коминтерну сделать большой шаг вперед по сомнительному пути, на который его направила «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме». Это был шаг, сделанный в момент бесшабашного энтузиазма и твердой убежденности в неизбежности европейской революции; формирование организации, задуманной как мост через короткий переходный период, расчищающий путь к великому совершенству, повлекло за собой неожиданные и роковые последствия, когда промежуточный период растянулся на месяцы и годы.

Время работы II конгресса Коминтерна совпало со стремительным и непрерывным продвижением Красной Армии в глубь Польши. Нота Керзона Чичерину с конференции в Спа¹⁰⁵ была отправлена за несколько дней до открытия конгресса. В ней предлагалось незамедлительно начать переговоры о перемирии между Советской Россией и Польшей, приняв за отправной пункт линию, намеченную экспертами мирной конференции осенью 1919 г. после тщательного изучения этнографических данных (и впоследствии получившую известность как «линия Керзона»); она также содержала важное добавление, гласящее, что британское правительство «обязалось, по договору Лиги Наций, защищать неприкосновенность и независимость Польши в пределах ее законных этнографических границ». 17 июля 1920 г. Чичерин, язвительно отозвавшись о запоздалой заинтересованности британского правительства в установлении мира между Советской Россией и Польшей, тем не менее выразил согласие вступить в переговоры, если польское правительство обратится с такой инициативой, и предложил Польше границы, отвечающие ее интересам в большей степени, чем «линия Керзона»¹⁰⁶. 22 июля польское правительство послало в Москву пространный запрос относительно условий мира. Но Советское правительство отнюдь не спешило. Открытие переговоров отклады-

валось под различными предложениями, и в последние дни июля Красная Армия пересекла «линию Керзона» и вступила на территорию, бесспорно считавшуюся польской. После того как 1 августа пал Брест-Литовск, нельзя было ожидать сколько-нибудь серьезного польского сопротивления вплоть до выхода Красной Армии на внешние оборонительные рубежи Варшавы.

Решению перенести военные действия на территорию Польши предшествовали разногласия в руководящих органах большевистской партии. Троцкий выступал против дальнейшего продвижения вперед как по политическим, так и по военным соображениям. Ленин отвел его возражения на том основании, что польские рабочие в Варшаве и других крупных городах с подходом Красной Армии поднимутся на борьбу и встретят ее как свою освободительницу. Радек, знавший, что такое Польша, предупреждал Ленина о несостоятельности его надежд. Однако взгляды Радека на положение в Германии утвердили за ним репутацию пессимиста, и Ленин назвал его пораженцем¹⁰⁷. Сталин до начала наступления разумно указывал, что «тыл польских войск... значительно отличается от тыла Колчака и Деникина, будучи однородным и *национально* спаянным», так что, как только польские войска стали бы оборонять землю Польши, с ними «трудно было бы бороться»; еще в конце июня он нападал на «бахвальство и вредное для дела самодовольство» тех товарищей, которые «кричат о „марше на Варшаву“» или «горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на „красной советской Варшаве“»¹⁰⁸. Однако, когда подошел решающий момент, голос Сталина не прозвучал. Троцкого поддерживал только Рыков¹⁰⁹. Мнение Ленина взяло верх, и наступление было продолжено. Советские войска оказывали помощь красным силам в Финляндии зимой 1917/18 г., части Красной Армии помогли учредить Советские республики в Эстонии и Латвии в конце 1918 г. и собирались сделать то же самое в Грузии в 1921 г. Однако во всех этих случаях местные коммунисты частично обеспечивали основу для подобных предприятий. Решение идти на Варшаву, совпавшее по времени со II конгрессом Коминтерна и принятое в момент, когда всякая осторожность была сметена восторженной верой в неизбежность европейской революции, привнесло в военную кампанию явно выраженный революционный пыл, который отличал ее от любой другой войны в советской истории. То, что Красная Армия была не российской, но интернациональной армией, служащей не национальным интересам страны, но интернациональным интересам рабочего класса, было общепринятой доктриной с самого начала; образование Коминтерна, казалось, обеспечило политический аналог Красной Армии. «И я могу вас уверить, — воскликнул Троцкий на Первом конгрессе Коминтерна, — что рабочие-коммунисты, составляющие ядро этой армии, чувствуют, что они не только гвардия русской социалистической республики, но и Красная Армия III-го Интернационала»¹¹⁰. На II конгрессе триумфальное наступление Красной Армии выглядело как неоспоримое проявление это-

го принципа. Накануне конгресса Тухачевский, командующий частями Красной Армии, наступавшими на запад, написал письмо Зиновьеву, в котором утверждал, что пролетариат должен быть подготовлен к «предстоящей гражданской войне, к моменту мировой атаки всеми вооруженными силами пролетариата мирового вооруженного капитала», и предлагал, чтобы, «учитывая неминуемость мировой гражданской войны в ближайшее время», Коминтерн приступил к созданию генерального штаба¹¹¹. Это предложение не было принято. Но на первом заседании конгресса итальянский делегат Серрати, предложив принять приветствие к Красной Армии, выразил надежду, что близок тот день, когда «красная пролетарская армия будет состоять не только из русских пролетариев, а из пролетариев всего мира», и приветствовал ее как одну «из главных сил всемирной истории»¹¹².

Хотя все шаги, которые делались летом 1920 г., восходили своими корнями к большевистской традиции, они тем не менее представляли собой одну из тех перемен в акцентах, один из тех резких поворотов в политике, которые в целом были равносильны радикальному изменению фронта наступления и сделали Советское правительство объектом хорошо обоснованных обвинений в вероломстве. В первые месяцы 1920 г. был предпринят откровенный дипломатический зондаж возможностей временного примирения с капиталистическим миром. Чичерин, Красин и Радек, казалось, вышли в центр сцены как практические проводники новой политики предусмотрительности и компромисса, а Зиновьев с Бухариным, хотя им и была оставлена возможность теоретизировать по поводу всемирной революции, были отодвинуты ближе к кулисам. В конце января 1920 г. энергично опровергалось то мнение, что «русское Советское правительство хочет водворить коммунизм в Польше штыками русской Красной Армии»¹¹³. Еще 20 июля 1920 г., когда делегаты съезжались на II конгресс Коминтерна, Совнарком торжественно подтвердил, что «мы так же далеки от какого бы то ни было посягательства на независимость Польши и неприкосновенность ее территории, как и в дни наших величайших военных затруднений»¹¹⁴. Но в течение нескольких дней подобные заверения были забыты или от них отделались с соответствующими объяснениями. Военные победы и энтузиазм делегатов вдохнули новую жизнь в угасающую веру во всемирную революцию и заходящую звезду Зиновьева. С победой взглядов Ленина осторожность была пущена по ветру, а революционная война началась всерьез. Как только Красная Армия пересекла границу, «с согласия Российской Коммунистической партии и при участии ее и командования Красной Армии» было сформировано «временное польское революционное правительство», которое находилось в тылу наступавшей армии. Его председателем был Мархлевский, а в число его членов входили Дзержинский, Уншлихт и Кон — три ветерана-большевики польского происхождения, и бывший вождь Польской социалистической партии — «левицы»; оно должно было

передать свои полномочия Польской коммунистической партии по вступлении в Варшаву¹¹⁵. И Варшава была только началом. «...где-то близко к ней, — говорил Ленин позже, — лежит центр всей системы мирового империализма, покоящейся на Версальском договоре»; Польша представляла собой «последний оплот против большевиков»¹¹⁶. Насколько решающее значение ей придавалось, показало то рвение, с которым западные державы начали слать боеприпасы и направлять в Варшаву военные миссии, чтобы предотвратить эту угрозу. Но самым важным, по мысли Ленина, было то воздействие, которое оказало на рабочих капиталистического мира наступление на Варшаву.

«Велики военные победы Советской республики рабочих и крестьян над помещиками и капиталистами, над Юденичами, Колчаками, Деникиными, белыми поляками, их пособниками — Францией, Англией, Америкой, Японией.

Но еще более велика наша победа над умами и сердцами рабочих, трудящихся, угнетенных капиталами масс, победа коммунистических идей и коммунистических организаций во всем мире.

Революция пролетариата, свержение ига капитализма идет и придет во всех странах земли»¹¹⁷.

В условиях, когда германские рабочие в Данциге выходили на забастовку, чтобы не разгружать предназначенные для Польши боеприпасы, когда британские рабочие не только отказывались грузить такие грузы, но образовывали «советы действия» и угрожали британскому премьер-министру революцией, если Польше будет направляться помощь¹¹⁸, большевики не могли не верить, что победа коммунизма «над умами и сердцами рабочих» одержана.

Когда II конгресс Коминтерна завершил 7 августа 1920 г. свою работу, советское наступление на Варшаву развивалось стремительно и практически не встречало сопротивления, а оптимизм и энтузиазм не знали границ. Наконец были завершены мероприятия по организации встречи советской и польской делегаций на мирных переговорах в Минске 11 августа, и накануне вечером в Лондоне Каменев довел советские условия мира до сведения Ллойда Джорджа. В них предлагалось, как и было обещано, незначительно изменить «линию Керзона» в пользу Польши в районе Белостока и Хелма. Польша должна была ограничить свои вооруженные силы пределом в 50 тыс. человек, включая не более 10 тыс. человек офицерского состава и административного персонала; в дополнение к этому разрешалась организация гражданской милиции для целей поддержания порядка. Требование репараций не предусматривалось, однако польское правительство должно было наделить землей семейства убитых польских граждан, а также потерявших трудоспособность в войне. Ллойд Джордж оценил эти условия как разумные и посоветовал польскому правительству принять их. Однако, когда 17 августа эти условия были наконец предъявлены польской делегации (случилась еще одна необъясненная

задержку), обнаружилось, что они содержат положение, которое не было включено в краткое изложение, доведенное Каменевым до сведения Ллойд Джорджа, которое сводилось к тому, что предложенная гражданская милиция должна была набираться исключительно из рабочих¹¹⁹. Это условие, а также положение о наделении земель явно представляли собой попытки изменить классовую структуру польского государства в интересах революции: согласно первому уставу Красной Армии, в ней могли служить только рабочие и крестьяне¹²⁰. Обсуждение этих условий, однако, далеко не продвинулось, поскольку ситуация изменилась с калейдоскопической быстротой. 16 августа началось мощное польское контрнаступление. Через несколько дней Красная Армия отступала столь же стремительно, как и наступала до этого.

Впоследствии советскому поражению давалось много объяснений. Позже советские военные эксперты, пользуясь преимуществами ретроспективной оценки событий, склонялись к тому, чтобы осудить эту кампанию в целом как военный просчет: за исключением энтузиазма, у Красной Армии не было соответствующего оснащения и подготовки для столь серьезного предприятия, как вторжение в Польшу¹²¹. Тухачевский, командующий наступавшими на Варшаву силами, подвергся критике за то, что он использовал все свои людские ресурсы, пытаясь окружить Варшаву с севера, и таким образом подставил свой главный фронт под сокрушительный контрудар; это рассматривалось некоторыми как политический маневр, имевший целью перерезать «польский коридор» и войти в соприкосновение с германским рейхсвером. В итоге южной армии, наступавшей на Львов, не удалось в последние решающие дни незамедлительно исполнить приказ главнокомандующего Сергея Каменева двигаться на север на выручку войскам, стоявшим под Варшавой, хотя и не ясно, случилось ли это из-за нарушения связи, по причине импульсивности и упрямства ее командующего Егорова и командира ее кавалерии Буденного или политического соперничества¹²². Были сделаны грубейшие ошибки как политического, так и военного характера. Имеются свидетельства, что «Временное польское революционное правительство», первоначально установившее свою власть в Белостоке, было встречено враждебно польскими коммунистами, недовольными тем, что функции управления были переданы им в руки русских и евреев¹²³. Однако какие бы конкретные ошибки ни были совершены, ни одну из них нельзя назвать главной причиной катастрофы. Если не считать периода непродолжительного опьянения от неожиданно легких военных побед, никто не верил на деле в то, что Красная Армия сможет покорить Польшу. Ленин и все те, кто голосовал вместе с ним за наступление, рассчитывали на красный пролетариат Польши. Подпольная Польская коммунистическая партия пыталась, как свидетельствует ее последующее воззвание, объявить всеобщую забастовку. Однако на него отозвались лишь горняки нескольких шахт в Домбровском бассейне на

крайнем юго-западе страны, и их выступление было легко подавлено¹²⁴. С момента, когда польские рабочие в Варшаве потерпели неудачу с организацией восстания и даже вступали в национальную армию, чтобы защищать столицу¹²⁵, предприятие было обречено. Поражение под Варшавой в августе 1920 г. потерпела энтюдь не Красная Армия, но дело мировой революции.

Это поражение имело также значение в плане соотношения сил внутри самой Советской России. Крестьянская армия сражалась доблестно и успешно — и была готова вновь сделать это — против «белых» захватчиков, которые бросали вызов советскому режиму. Однако та же самая крестьянская армия вновь показала теперь, что она является непревзойденной в обороне, но не в наступлении и что, в то время как она будет упорно сражаться на русской земле, она не имеет желания идти в бой, чтобы нести пролетарскую революцию в другие страны. Меншевик Дан весьма энергично говорил об этом в своем анализе событий, относящемся к тому времени:

«Поход на Варшаву неопровержимо доказал невозможность наступательной «коммунистической» войны для Красной Армии и в этом смысле отметил собою настоящий поворотный пункт во внешней политике большевиков... А через самый короткий срок та же Красная Армия, бессильная в наступлении на Польшу, показала чудеса беззаветной храбрости и непобедимости в войне с Врангелем, этим последышем царско-дворянской реакции! Что может быть ярче этой исторической иллюстрации? И чем может быть более разительно подчеркнуто, что истинным победителем во всех гражданских войнах большевистского периода был русский мужик и только он?»¹²⁶

Фиаско наступления на Польшу может рассматриваться как ранний симптом очередного выдвижения на первый план роли крестьянства при выработке советской политики, что открыто проявилось на следующий год с введением НЭПа.

Глубина поражения скоро стала очевидной. К концу августа Красная Армия отступила на основном фронте назад за «линию Керзона», и в течение сентября польские войска заняли позиции далеко впереди линии, удерживавшейся ими в апреле, когда начались военные действия, хотя и менее благоприятной, чем линия, до которой Советское правительство проявляло готовность отойти предыдущей зимой¹²⁷. Здесь обе стороны сочли возможным остановиться. В то время как Ленин осознал теперь безрассудство попыток революционизировать Польшу силой оружия, Пилсудский извлек урок относительно опасности попыток слишком глубокого проникновения в глубь советской территории; более того, Врангель, которому Пилсудский не испытывал никакого желания помогать, набирал первые очки на юге России. Ленин оказался в том же положении, что и во времена Брест-Литовска, пытаясь убедить своих соратников и соотечественников в необходимости «невыгодного» мира¹²⁸. Однако на этот раз оппозиция была

слабой. 12 октября 1920 г. советский и польский представители подписали перемирие по линии, удерживаемой противостоящими армиями¹²⁹. Эта линия была подтверждена мирным договором, подписанным через пять месяцев в Риге 18 марта 1921 г. и заложившим основы взаимоотношений между Советской Россией и Польшей почти на два десятилетия. Помимо того, что к Польше отходила значительная полоса преимущественно белорусских земель, новая граница привела к возникновению широкого клина польской территории между Литвой и РСФСР, изолировавшего, таким образом, Литву и закрывавшего потенциальный канал советского проникновения на запад¹³⁰.

Далеко идущие последствия советско-польской войны 1920 г. затронули не один аспект советской внешней политики. Однако в полную силу эти последствия дали о себе знать не сразу, так же как не сразу были усвоены уроки, вытекавшие из поражения. Военное отступление через несколько недель отошло на задний план в свете победы над Врангелем, которая наконец завершила гражданскую войну беспорядочным бегством последнего из «белых» захватчиков; а временная жертва — территориальные уступки Польше — будет сведена на нет, как утешали себя мыслью в Москве, рождением в близком будущем советской Польши, и это в свою очередь приведет к тому, что вопрос о границах потеряет свое значение. Энтузиазм, порожденный II конгрессом Коминтерна, и запущенные им механизмы еще набирали силу. Подобно политике «военного коммунизма» внутри страны, революционное наступление в Европе продолжалось на протяжении всей зимы 1920/21 г. Начиная со II конгресса, Коминтерн действовал как центральный руководящий аппарат сил мировой революции, а национальные партии ведущих стран группировались вокруг него. Штаб-квартира Коминтерна, где при всей ее внешней интернациональности голос Российской партии был в итоге решающим, работала с партиями по отдельности, и они обычно не вели дела друг с другом иначе как через посредничество Коминтерна. Такова была суть отношений, установленных «21 условием». Вынесение этих условий на рассмотрение левых партий в ведущих европейских странах осенью и зимой 1920/21 г. было поворотным пунктом в истории европейского социалистического движения и его отношения к Москве. Один и тот же процесс, несколько различный по форме, можно проследить в Германии, Франции, Италии и Великобритании.

Именно в Германии борьба по данному вопросу шла вокруг мельчайших деталей и отличалась наибольшей ожесточенностью. Германия была ключевым звеном европейской революции; из всех великих европейских стран только в Германии существовало широкое рабочее движение, потенциально носившее революционный характер; именно твердое желание навязать решение указанного вопроса НСДПГ привело непосредственно к формулированию

«21 условия». Первым испытанием стало рассмотрение этих условий в октябре 1920 г. чрезвычайным съездом НСДПГ в Галле. За три недели до начала его работы ИККИ обратился ко всем членам партии с пространным «Открытым письмом», содержащим резкие нападки на ее правых вождей, которые выступали против вступления в Коминтерн¹³¹. Зиновьев лично присутствовал на съезде в качестве представителя Коминтерна, получив от германских властей разрешение на въезд на срок 10 дней; его сопровождал Лозовский, находившийся в Германии в течение трех недель в составе профсоюзной делегации¹³². Оппозиция ответила на это вторжение большевиков приглашением Мартова, бывшего вождя меньшевиков, покинувшего незадолго до этого Москву, чтобы постоянно обосноваться в Берлине.

В результате практически года ожесточенных споров в рядах НСДПГ страсти были накалены и работа съезда проходила в острых столкновениях. Первыми выступили четыре делегата НСДПГ, присутствовавшие на московском конгрессе в июле прошлого года; двое из них — за, а двое — против вступления. Затем Зиновьев произнес четырехчасовую речь, которая запомнилась надолго как верш ораторского искусства и выносливости при выступлении на иностранном языке; она произвела впечатление даже на тех, кого не убедили его аргументы. Ему дал практически столь же пространный ответ ведущий теоретик партии Гильфердинг. Другими заслуживающими внимания выступлениями были речи Лозовского и Мартова. Споры разгорались вглубь и вширь. Большевики подвергались нападкам за их аграрную политику, в соответствии с которой земля распределялась между крестьянами мелкими индивидуальными наделами, вместо того чтобы создавать крупные, находящиеся в государственной собственности хозяйства по обработке земли; за их политику в национальном вопросе, при которой оказывалась поддержка чисто буржуазным национальным движениям в Азии (громко критиковалось появление Энвер-паши на недавнем съезде народов Востока в Баку¹³³), и за обращение к террору. Разоблачения Зиновьева и Лозовского желтого Амстердамского интернационала спровоцировали один из самых бурных эпизодов на съезде, когда Лозовского в один из моментов заглушили криками, не дав ему возможности завершить его речь. Этот эпизод стал интересным проявлением того факта, выявившегося уже в период «капповского путча», что профсоюзы обладали более эффективными рычагами воздействия на германского рабочего, чем любая из политических партий. «21 условие» подверглось атаке правых как представляющее собой «диктатуру Москвы» и защищалось левыми как единственная гарантия против возврата к неэффективности и оппортунизму Второго Интернационала. Однако обе стороны выказали на удивление горячее стремление признать, что «21 условие» не являлось действительным камнем преткновения. «Мы идем к расколу, — сказал Зиновьев, — не потому, что вы хотите не 21, а только 18 условий, но

потому, что вы не согласны с постановкой вопроса о мировой революции, демократии и диктатуре пролетариата»¹³⁴.

Дискуссия вращалась в основном вокруг основополагающего различия во взглядах относительно перспектив мировой революции. Зиновьев, верный большевистской привычке преломлять проблемы европейской революции через призму русского революционного опыта, начал свою речь, сравнив данный съезд со съездами Российской партии после 1906 г., в которых участвовали как большевики, так и меньшевики; присутствие Зиновьева и Мартова, поддерживавших соответственно левое и правое крыло НСДПГ, казалось, придавало основание этому с исторической точки зрения несколько причудливому сравнению¹³⁵. Вопрос, вызывавший теперь разногласия в НСДПГ, мог быть сведен к формуле: «1847 год или 1849 год?»¹³⁶ Зиновьев процитировал слова одного из вождей правых в НСДПГ о том, что «мир пришел к ситуации, аналогичной той, что сложилась после буржуазной революции 1848 года». Зиновьев с негодованием спросил: «Действительно ли это факт, что вся политика рабочего класса должна основываться на посылке, что мировая революция в ближайшем будущем уже не случится?» Можно ли так говорить в момент, когда пролетарская революция начинается в Италии, когда в Англии уже существуют советы действия, знаменующие собой «начало Советов, второго правительства» и знаменитого «двоевластия», когда революция может в любой день разразиться в Австрии и даже Балканы уже «созрели для пролетарской революции»?¹³⁷ Зиновьев ни на мгновение не сомневался, что и на этот раз большевики окажутся правыми вопреки германским меньшевикам, как они оказались правыми вопреки русским меньшевикам после 1905 г. Однако его упоминание о Балканах вызвало со стороны правого крыла на съезде выкрики «Фантазия!», а Гильфердинг в своем ответном выступлении, подняв на смех пророчества Зиновьева, заявил, что политика, делающая расчет на их осуществление, это «игра ва-банк, авантюра, на базе которой нельзя построить ни одной партии»¹³⁸.

За этим различием взглядов относительно объективных перспектив революции стоял давний спор, присущий любой полемике по этому вопросу, который велся в марксистских терминах: война между «сознательностью» и «стихийностью», развязанная Лениным в свое время против «экономистов»¹³⁹, возобновившаяся под слегка измененными лозунгами между большевиками и меньшевиками и вновь вышедшая на поверхность на съезде в Галле. Был ли Зиновьев прав в своем убеждении, что теперь достаточно лишь осознанного усилия воли, чтобы над Европой и Азией пронеслась революция?

«Многие тенденции, ведущие к революционному развитию, — отвечал Гильфердинг, — имеют место в Западной Европе, и это наш долг — направлять и развивать их. Но, товарищи, направление этого революционного развития не может быть предопределено извне, оно зависит от межклассовых отношений экономической

и социальной власти в конкретных странах, и это утопия — полагать, что его можно подстегнуть какими бы то ни было лозунгами, каким бы то ни было приказом извне»¹⁴⁰.

И вновь за этим столкновением «волютаристского» и «детерминистского» толкований марксистской философии стоял, как всегда, затаенный конфликт цели. Зиновьев был не прав в своей оценке перспектив революции. Однако он был абсолютно прав, когда, отвечая на выкрики протеста, обвинил своих противников в «страхе перед революцией, который красной нитью проходит через всю вашу политику». Более того, он поставил верный диагноз природы этого страха — страха перед «беспорядком», «голодом», «тем, что мы имеем в России»¹⁴¹.

Но Зиновьев не сделал в Галле выводов из этого диагноза. Реальный вывод наносил слишком большой ущерб не только аргументам, которые он был вынужден отстаивать, но и самому методу доказательства через проведение аналогий между Россией и Западной Европой. Большинство русских рабочих в 1917 г. было нечего терять, кроме своих цепей; находясь на уровне существования, недалеко ушедшем от голодного, и будучи доведенными до иступления бессмысленными жертвами в войне, они не питали ни надежд, ни веры в отношении каких бы то ни было существующих институтов и были доведены до той степени отчаяния, что готовы были с охотой принять революционное руководство небольшой группы решительно настроенных людей, твердо решивших свергнуть эти институты. Большинство рабочих Западной Европы — а не только лишь привилегированное меньшинство, как полагали большевики, — имели жизненный уровень, который, хотя и был частую бедным, тем не менее стоило защищать. В любом случае они не были готовы легко пожертвовать им во имя будущих благ, связанных с революцией; никакая пропаганда не наносила большевистской революции в Западной Европе большего ущерба, чем та, которая возлагала на нее ответственность за низкий уровень жизни русского народа и лишения войны и гражданской войны. Таким образом, страх перед революцией, о котором говорил Зиновьев, охватывал в Западной Европе отнюдь не только лишь нескольких вождей или привилегированный слой рабочих. Слишком многие могли потерять слишком многое, чтобы с легкостью отказаться от присущей буржуазной демократии законности или принять самоограничения, требуемые революционными вождями. В этом и состояло фундаментальное различие, лежавшее в основе споров о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, о внесении раскола в ряды профсоюзов, о сознательности и стихийности и об отношении масс к революционным вождям. После возвращения в Россию Лозовский нарисовал откровенную картину настроений, которую он увидел среди европейских рабочих летом 1920 г.:

«Когда мне приходилось несколько месяцев тому назад в Германии беседовать с немецкими рабочими, там на собраниях очень

часто выступали шейдемановцы и говорили: «Да, вы, русские, говорите о революции в Германии. Ну, мы сделаем революцию в Германии, а что, если не будет революции во Франции?» И в это же время выступает французский коллега и тоже, бия себя в грудь, говорит: «А что, если мы сделаем революцию, а наши товарищи там не сделают?» Затем итальянские оппортунисты, такие же вдумчивые, как остальные оппортунисты, и такие же нытики, они тоже говорят: «Хорошо вам говорить о революции. Италия революцию делает, а уголь она получает от Англии. Как же мы будем существовать без угля?» Так они будут друг друга ждать до второго пришествия»¹⁴². А Ленин чуть позже писал:

«В Западной Европе почти нет людей, переживших сколько-нибудь крупные революции; опыт великих революций там почти совершенно забыт; а переход от желания быть революционным и от разговоров (и резолюций) о революции к действительной революционной работе есть очень трудный, медленный, мучительный переход»¹⁴³. Некоторые из европейских рабочих хотели революции, но большинство из них прежде всего хотело сделать мир безопасным для революции¹⁴⁴. В Германии 1920 г., однако, многие признаки указывали на то, что массы все еще были охвачены революционными настроениями, и «не случайно», как заметил Зиновьев, большинство на конгрессе в Галле стояло за большевиков¹⁴⁵.

Съезду предшествовала активная агитация, и его исход был известен наперед с точностью до нескольких голосов. Предложение вступить в Коминтерн и начать переговоры о создании Объединенной коммунистической партии Германии было проведено большинством в 237 голосов против 156. Зиновьев с триумфом возвратился в Берлин, чтобы получить извещение полиции о своей высылке из Германии как «нежелательного иностранца»¹⁴⁶. Находясь под домашним арестом в ожидании первого парохода из Штеттина, он повидался с представителями не только двух партий, собиравшихся объединить свои силы под знаменем Коминтерна, но и КРПГ, в отношении которой он все еще питал надежды вовлечь ее в этот союз. Эти надежды не оправдались¹⁴⁷. Но в декабре 1920 г. КПГ и большинство НСДПГ собрались на съезд в Берлине, чтобы образовать Объединенную коммунистическую партию Германии¹⁴⁸. Брак между интеллектуальными вождями КПГ и пролетарскими рядовыми членами НСДПГ, возможно, на первых порах и порождал некоторые шероховатости¹⁴⁹. Но впервые в Германии существовала теперь массовая коммунистическая партия с численным составом около 350 тыс. человек¹⁵⁰, способная в перспективе сыграть свою роль в германской политике.

«Наступление Коммунистического Интернационала в Западной Европе, — писал Зиновьев после триумфального возвращения в Петроград, — было полностью успешным. Битва между представителями коммунизма и реформизма окончилась в нашу пользу»¹⁵¹.

Пример НСДПГ оказал решающее воздействие на французскую

и итальянскую партии. С Фроссаром и Кашеном на конгрессе Коминтерна обращались так же твердо, как и на предшествовавшем ему заседании ИККИ¹⁵². За прохладным заявлением о поддержке, зачитанным Кашеном, последовало выступление другого французского делегата, Лефевра, который потребовал, чтобы к колеблющейся Французской социалистической партии были применены самые жесткие дисциплинарные меры¹⁵³. Зиновьев обвинил партию в «вильсонизме», «социал-пацифизме» и отсутствии дисциплины, а Лозовский заявил, что она страдает болезнью — стремлением к «единству какой бы то ни было ценой»¹⁵⁴. Оба делегата проявили, однако, способность воспринять метод убеждения. Они согласились с «21 условием» и взяли обязательство провести соответствующую работу, чтобы партия одобрила их. Эту задачу они выполнили по возвращении во Францию¹⁵⁵. «21 условие» было представлено на рассмотрение съезда партии, открывшегося в Туре 25 декабря 1920 г.¹⁵⁶ Ни один представитель русских не смог получить разрешения на въезд во Францию, хотя в работу съезда внесла оживление телеграмма Зиновьева, разоблачающая вождей центра Лонге и Фора как «проводников буржуазного влияния на пролетариат»¹⁵⁷. Из Германии, чтобы отстаивать дело Коминтерна, нелегально приехала Клара Цеткин. Оппозиция была упорной, причем Леон Блюм оказался среди тех, кто ожесточенно выступал против союза с Москвой. Тем не менее ситуация складывалась более благоприятно, чем на съезде в Галле, отчасти потому, что оба французских делегата, присутствовавших на конгрессе в Москве, выступили в поддержку принятия условий, а отчасти потому, что профсоюзное руководство во Франции, как и в Германии, относившееся к Коминтерну враждебно¹⁵⁸, не пользовалось во французской партии влиянием. Предложение принять условия получило 3247 мандатов (голосование проводилось поименно) против 1308, голосовавших за альтернативное предложение принять с существенными оговорками, при 150 воздержавшихся из непримиримого правого крыла. Таким образом, Французская социалистическая партия превратилась во Французскую коммунистическую партию, оставив старое название несогласному меньшинству. Фроссар был избран генеральным секретарем партии, а освобожденный из тюрьмы Суварин отправился в Москву в качестве французского представителя в ИККИ.

Итальянская социалистическая партия представляла собой еще большую мешанину разнообразных мнений, чем французская. Мрачные дни 1919 г., когда Ленин с энтузиазмом приветствовал ее вступление в Коминтерн, остались в прошлом, и на II конгрессе Зиновьев со всем рвением обрушился на ее эклектизм¹⁵⁹. В Москве ее делегаты согласились с «21 условием», которое должна была утвердить еще и партия. Однако вопрос оставался в подвешенном состоянии в ожидании съезда партии, который собрался в январе 1921 г. в Ливорно и на котором, как и в Галле, в качестве представителей Коминтерна присутствовали венгр Ракоши

и болгарин Кабакчиев¹⁶⁰. Однако подъем в делах Коминтерна к этому времени начал спадать. В Ливорно Серрати, возглавлявший итальянскую делегацию на II конгрессе Коминтерна и бывший вице-председателем этого конгресса, предстал выразителем интересов крупной центристской группы, насчитывавшей почти 100 тыс. человек, чьи представители составили абсолютное большинство на съезде; Бордига и два других итальянских делегата, участвовавших в конгрессе в Москве, представляли левое крыло, насчитывавшее около 50 тыс. человек, включавшее как анархо-синдикалистов, так и коммунистов, которое безоговорочно приняло «21 условие»; имелось также запальчивое правое крыло, состоявшее из 14 тыс. бескомпромиссных «реформистов», которые не были представлены в Москве. Центристская группа исповедовала непоколебимую приверженность программе Коминтерна, но отказывалась отойти от традиционной для партии терпимости по отношению к различиям во взглядах путем исключения правых «реформистов»; это означало отказ от заключительного и самого существенного из «21 условия». Пауль Леви, который находился на съезде в качестве представителя КПГ, восторженно приветствовал позицию Серрати. В результате Итальянская социалистическая партия большинством голосов приняла решение выйти из Коминтерна, предоставив левому крылу на съезде во главе с Бордигой возможность образовать Итальянскую коммунистическую партию на платформе «21 условия». Небольшая группа, чуть превосходившая КПГ до ее слияния с НСДПГ, пришла на смену массовой итальянской партии, которую Ленин приветствовал на конгрессе Коминтерна летом 1919 г. На парламентских выборах, состоявшихся в Италии в мае 1921 г., она получила 13 депутатских мест.

Никакие другие страны не могли сравниться с Германией, Францией и Италией как объектами деятельности Коминтерна. Первые попытки объединить небольшие раздробленные партии британских левых в единую коммунистическую партию, как представляется, были предприняты в апреле 1921 г. Однако соперничество было велико, а прогресс — медленным; ряд групп и партий направил на II конгресс Коминтерна независимых кандидатов. Конгресс еще заседал, когда 1 августа 1920 г. на съезде в Лондоне была основана Коммунистическая партия Великобритании (КПВ). Единственными важными вопросами, вызвавшими разногласия на съезде, были вопросы о парламентских действиях и о вступлении в лейбористскую партию. По первому из них после противоречивого голосования нескольких резолюций была найдена формулировка, одобрявшая участие в парламентских выборах, которая была принята единодушно; по второму — предложение обратиться с просьбой о вступлении было принято большинством в 150 голосов против 85¹⁶¹, хотя сразу же после съезда, когда такое заявление о вступлении было сделано, оно было твердо и решительно отклонено лейбористской партией¹⁶². В январе 1921 г. КПВ провела в Лидсе свой следующий съезд, завершив процесс своего образо-

вания и зафиксировав принятие ею «21 условия». Однако хотя она и преуспела в деле сплочения в своем лоне всех малых групп, находившихся на крайнем левом фланге, у нее было мало шансов стать массовой партией: ее собственный численный состав не превышал 2,5 тыс. человек¹⁶³, а НРП в марте 1921 г. на своей конференции в Саутпорте¹⁶⁴ большинством пять к одному отвергла «21 условие», предоставив своему несогласному меньшинству возможность уйти и присоединиться к КПВ. Крупные болгарская и норвежская партии и крошечные голландская, австрийская и венгерская партии (последняя охватывала лишь эмигрантов в Вене и Москве) приняли «21 условие» без возражений. В Чехословакии раскол произошел по тем же направлениям, что и в Германии и Франции; в результате возникла внушительная по размерам Коммунистическая партия Чехословакии. Была образована Коммунистическая партия Сербии, Хорватии и Словении; на выборах в сербско-хорватско-словенский парламент в ноябре 1920 г. она получила 200 тыс. голосов и 58 мест, став, таким образом, третьей по силе партией. Ее успех, который, казалось, почти превзошел успех болгарской партии, оказался для нее роковым. Были предприняты меры карательного характера, и не прошло и года со дня ее основания, как она была практически уничтожена. Почти во всех малых европейских странах большинство социалистов отвергло «21 условие», и крошечные группки, порвавшие с ними, образовали коммунистические партии, которые вступили в Коминтерн, но они не имели ни численного состава, ни влияния. Два выговора со стороны ИККИ¹⁶⁵ не смогли положить конец расколу между двумя американскими партиями.

Зимой 1920/21 г. успех политики, провозглашенной II конгрессом Коминтерна, выглядел формально полным и имеющим далеко идущие последствия. Второй Интернационал после неудач в Берне и Люцерне в 1919 г. также добился формального успеха, образовавшись вновь на конференции, проведенной в Женеве в июле 1920 г., в то же время, когда проходил и II конгресс Коминтерна. Британская лейбористская партия совместно с Социал-демократической партией Германии сплотили вокруг себя социал-демократические партии северо-запада Европы и несколько небольших групп из других стран. Однако этот призрак прошлого, казалось, не представлял серьезного вызова восходящей силе в лице молодого Коммунистического Интернационала. Организация со штаб-квартирой в Москве, носившая революционный характер, и аванпостами в каждой из европейских стран была создана. Верные и преданные отряды коммунистов, давшие клятву делу пролетарской революции, были высвобождены с большими или меньшими численными потерями, но и с соответствующими моральными приобретениями из пут союза с другими левыми партиями. Силы революции были на подъеме и продолжали движение вперед к скорой победе. Капиталистический мир продолжал выдавать симптомы очень сильного беспокойства; одним из них был широ-

кий рост антибольшевистских пропагандистских организаций, которые, не удовлетворяясь изобилием подлинных материалов, занялись распространением фальшивых документов, изображавших размах и цели Коминтерна в весьма красочных выражениях¹⁶⁶. Однако настроения победного оптимизма в Москве не пережили зимы, и слепая вера в европейскую революцию, вдохновлявшая большевистских вождей в этот период, никогда более не возвращалась. Весна 1921 г. положила конец этому периоду. Она ознаменовалась тремя решающими событиями: одним, затрагивающим внутреннюю политику РСФСР, вторым — ее внешнюю политику и третьим — перспективы революции в стране, где до сей поры все выглядело вполне ясным и определенным. В марте 1921 г. после Кронштадтского мятежа Ленин ввел новую экономическую политику; между РСФСР и Великобританией было заключено торговое соглашение, а коммунистическое восстание в Германии потерпело тяжелое и бесславное поражение.

ГЛАВА 26

РЕВОЛЮЦИЯ ОХВАТЫВАЕТ АЗИЮ

Маркс не уделял большого внимания колониальным вопросам, поскольку он не мог представить себе, что колониальные или остальные районы мира могут быть призваны сыграть какую-нибудь роль в свержении капитализма. Первым Интернационалом колониальные вопросы игнорировались. Долгое время к ним оставался также равнодушным и Второй Интернационал. Под впечатлением англо-бурской войны на Парижском конгрессе 1901 г. Роза Люксембург впервые предложила резолюцию, осуждающую двойное зло милитаризма и колониализма, и впоследствии отводила колониальной эксплуатации центральное место в своей теории накопления капитала. Русская революция 1905 г. перенесла средоточие непосредственных интересов из Африки в Азию, где на волне русского подъема появлялись национальные революционные движения — персидская революция 1906 г., революция «младотурок» 1908 г., китайская революция 1912 г. и зарождающийся индийский национализм. Каутский написал брошюру «Социализм и колониальная политика», где он впервые опубликовал написанное в 1882 г. письмо Энгельса, в котором предсказывалась революция в Индии и доказывалось, что победа пролетариата в Европе и Северной Америке «даст такую колоссальную силу и такой пример, что полумцивилизованные страны сами собой потянутся за нами»¹. В статье Ленина «Горячий материал в мировой политике» в 1908 г. говорилось о новом потенциале революционных движений Персии, Турции, Индии и Китая: «У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам»². Спустя несколько лет, когда победила китайская революция, Ленин более точно определил значение возрождения Азии: «Это значит, что Восток окончательно встал на дорожку Запада, что новые *сотни и сотни миллионов* людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад. Сгнила западная буржуазия, перед которой стоит уже ее могильщик — пролетариат. А в Азии есть *еще* буржуазия, способная представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию, достойный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII века во Франции»³. Новой отправной точ-

кой, к которой в тот момент Ленин не проявил внимания, явилось то, что демократическое революционное движение за национальное освобождение отсталых стран Азии должно быть объединено в мощный союз с социалистическим революционным движением промышленных стран Европы.

Война 1914 г. оказалась катализатором национальных устремлений отсталых стран. Народы Азии и Африки втянулись в борьбу, которая их не касалась. Колониальные и индийские войска впервые сражались на поле боя в Европе. Планы союзников аннексировать немецкие колонии стали пробуждать оппозицию в радикальных кругах даже в победоносных европейских странах и почти повсеместно в Соединенных Штатах. Становилось все труднее исключать зависимые народы из сферы доктрины национального самоопределения, провозглашенной Вильсоном, которую союзники так горячо поддерживали в Европе. Ленин, исходя частично из тех основ, которые за пять лет до этого заложила Роза Люксембург в своей работе «Накопление капитала», опубликовал в начале 1917 г. свой труд «Империализм, как высшая стадия капитализма», в котором обрисовал приобретение колоний и их эксплуатацию путем прибыльных капиталовложений как сущность капитализма в его конечной стадии. Этот вопрос появился первый раз в документе большевистской партии в резолюции Апрельской конференции 1917 г., где мимоходом отмечалось, что «современный империализм, усиливая стремления к подчинению слабых народов, является новым фактором обострения национального гнета»⁴.

Таким образом, когда на четвертый год первой мировой войны произошла большевистская революция, колониальный вопрос уже приобрел взрывоопасные свойства, которые ни один серьезный революционер не мог игнорировать. То, что Временному правительству не удалось заняться этим вопросом, стало выдвигаться как одно из многих доказательств того, что ему нельзя было серьезно доверять как революционному правительству. Те, кто старался применить марксистскую доктрину к современному миру, оказывались перед необходимостью выработки программ и политики не только для «передовых» народов Западной Европы и их заокеанских родственников, но и для «отсталых» народов Азии и Африки. Это в еще большей степени обязывало революционеров, которые оказались хозяевами обширной страны, раскинувшейся между двумя континентами, — страны, чье правительство всегда было вынуждено увязывать вместе две плохо совместимые модели внешней политики, применяемой к весьма различающимся стандартам жизни и цивилизации Европы и Азии⁵. С другими континентами у Москвы пока не было точек соприкосновения, что по крайней мере ограничивало масштабы проблемы. Пролетарский социализм между промышленным Западом и переполненным, привязанным к земле Востоком, Россия между Европой и Азией⁶ — такова была двойная формула, революционная и национальная, которая еще

раз заставила Советское правительство принять двойную точку зрения и двойную политику.

Успех политики Советского правительства в Азии был достигнут главным образом благодаря его искусству приравнять «колониальный» вопрос к «национальному». Готовность РСФСР признать право отделения зависимых народов Европы или Азии или бывшей царской империи подтверждала ее искренность в провозглашении такого же права для подвластных народов других империй. Таким образом, колониальная политика становилась логическим следствием и естественным продолжением национальной политики — обе имели одну теоретическую основу. Колониальное освобождение, подобно всем формам национального освобождения, относилось к стадии буржуазной революции. В конце концов, очевидно, это являлось существенной и необходимой прелюдией мировой социалистической революции. Но на данной фазе она оставалась буржуазной революцией, а советская политика могла выразить себя на языке самоопределения и демократической свободы Вильсона, становясь привлекательной не только для самих угнетенных народов, но и для передового общественного мнения во всем буржуазном мире. Отпадала также необходимость проводить различия между народами Азии. Все эти народы, каково бы ни было их прежнее политическое положение, подверглись вторжению и попали под господство буржуазного капитализма. Как отметил Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», Персия, Турция и Китай уже являлись «полуколониями»⁷. Советская политика одним широким жестом обращалась к народам Азии в целом, к бывшим подданным царя, к подданным других империй и к номинально свободным, но зависимым от мирового капиталистического рынка нациям.

Эти принципы первый раз были использованы в обращении Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 24 ноября (3 декабря) 1917 г. Российских мусульман уверили, что их «верования и обычаи», их «национальные и культурные учреждения» отныне объявлялись свободными и нерушимыми. Мусульмане же Востока — среди которых персы, турки, арабы и индусы были названы особо — подстрекались к свержению империалистических «хищников и поработителей» в своих странах. Секретные договоры, оговаривающие захват Константинополя русскими, были «порваны и уничтожены». Константинополь «должен остаться в руках мусульман». Договор о разделе Персии подвергся той же участи; войска выводятся из Персии, как только закончатся военные действия⁸. Был аннулирован и договор «о разделе Турции и «отнятии» у нее Армении» — армянам предоставлялась свобода избрать свою собственную политическую судьбу⁹.

Мы (так кончался манифест) «твердо и решительно идем... к честному демократическому миру. На наших знаменах несем мы освобождение угнетенным народам мира»¹⁰.

«Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» объявила в более общих терминах о «полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах».

Эту политику великодушного самоотрицания объяснял период чрезвычайной слабости, который молодая РСФСР переживала в первый год своего существования. Почти в течение всего 1918 г. немецкие войска оккупировали Украину, полностью отрезав РСФСР от Черного моря. По условиям Брест-Литовского договора Турция почти открыто обеспечила присоединение к себе бывших русских провинций Карса, Ардагана и Батума и еще больше улучшила свое положение летом 1918 г., оккупировав Баку. После поражения держав Центральной Европы британские войска появились в Закавказье. Начиная с марта 1918 г., после того как британские войска вошли в Персию, преследуя отступающих турок, она полностью оказалась под британским влиянием. Япония и позднее Колчак отрезали Москве доступ к Дальнему Востоку. При таких условиях ничего не стоило отказаться от прав бывшего царского правительства, которые его преемник был не в состоянии отстаивать¹¹. Высказывания большевистских руководителей относительно политики в Азии в тот период резко выходили за рамки утверждения права на самоопределение для угнетенных народов, а также осуждения империализма и секретных договоров — всех этих любимых вильсоновских тем. Только Сталин, будучи народным комиссаром по делам национальностей, постоянно занимался азиатскими проблемами. В своей статье в «Правде» в ноябре 1918 г., посвященной годовщине революции, он развивал тему «мирового значения Октябрьского переворота»: «Октябрьская революция является первой в мире революцией, которая разбила вековую спячку трудовых масс угнетенных народов Востока и втянула их в борьбу с мировым империализмом...

Великое мировое значение Октябрьского переворота в том, главным образом, и состоит, что он: **...перебросил тем самым мост между социалистическим Западом и поработанным Востоком**, построив новый фронт революций, от пролетариев Запада через российскую революцию до угнетенных народов Востока, против мирового империализма»¹².

За этим последовали две его статьи в журнале «Жизнь национальностей»: «Не забывайте Восток» и «С Востока свет»¹³. В этих статьях нет ничего особенного, за исключением времени их появления. В первые недели после перемирия взор каждого советского лидера был устремлен к Берлину, к начинавшейся немецкой революции, и поэтому слова Сталина звучали подобно глаголу вопиющего в пустыне. I Всероссийский конгресс мусульманских коммунистических организаций в ноябре 1918 г.¹⁴ вызвал к себе мало интереса и ограничил свое внимание главным образом му-

сультанами бывшей Российской империи. В декабре 1918 г. на международном революционном собрании в Петрограде, на котором председателем был Зиновьев, лишь турецкий делегат Суфи заявил, что «мозг англо-французского капитализма находится в Европе, а его тело располагается на просторах Азии и Африки»¹⁵.

1919 г. мало что дал для усиления советской военной мощи, но именно тогда был сделан большой шаг вперед в советской восточной политике. Появились два новых фактора. Прежде всего с падением держав Центральной Европы международный баланс сил полностью изменился. Германия или Турция уже не представляли собой больше никакой угрозы для РСФСР; с другой стороны, победоносные союзники, и особенно Великобритания, проявляли намерение направить часть огромных средств, высвободившихся после прекращения военных действий, на организацию борьбы с большевизмом. Это означало перенос главного поля действий из Европы в Азию. Помимо поставок «белым» армиям, британские воинские контингенты на Кавказе и в Центральной Азии в первые месяцы 1919 г. совершили несколько акций, открыто направленных против советских вооруженных сил. Вследствие таких шагов Великобритании Средний Восток стал в 1919 г. театром необъявленной войны между Великобританией и РСФСР. Средний Восток был тем не менее, как это показали последующие события, наиболее уязвимой точкой Британской империи. В таких обстоятельствах РСФСР вскоре оказалась втянутой, за неимением других средств обороны, в генеральное дипломатическое наступление против Великобритании в Азии.

Другим новым фактором, который помог определить форму этого наступления, явилось появление Коминтерна и возросшее внимание к мировой революции как лейтмотиву советской внешней политики. I конгресс Коминтерна, собравшийся в марте 1919 г., не слишком озаботил себя рассмотрением восточных вопросов, а единственными азиатскими делегатами на нем оказались работники Народного комиссариата по делам национальностей. Однако в одной из частей манифеста, после ссылки на «ряд открытых восстаний и революционное брожение во всех колониях», отмечалось, что «программа Вильсона имеет своей задачей, в лучшем случае, изменить этикетку колониального рабства», и провозглашалось, что «освобождение колоний мыслимо только вместе с освобождением рабочего класса метрополий», а заканчивалась призывом: «Колониальные рабы Африки и Азии! Час пролетарской диктатуры в Европе пробьет для вас, как час вашего освобождения»¹⁶.

Позднее в том же месяце на VIII съезде Российской коммунистической партии Бухарин сказал по этому вопросу с откровенным цинизмом: «Если для колоний, для готтентотов и бушменов, негров, индусов и пр., мы выставим лозунг: «право нации на самоопределение», — мы ничего от этого не проиграем. Напротив, мы выигрываем, потому что весь национальный комплекс в целом

будет вредить чужеземному империализму. Самое яркое националистическое движение, например, движение индусов, объективно льет воду на нашу мельницу, потому что способствует разрушению английского империализма»¹⁷.

Съезд принял переработанную партийную программу, в которой отмечалось, что всемирный рост империализма привел к «сочетанию гражданской войны внутри отдельных государств с революционными войнами как обороняющихся пролетарских стран, так и угнетаемых народов против ига империалистических держав», и требовалась «политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии»¹⁸. Позднее, в том же году, на II Всероссийском съезде мусульманских коммунистических организаций народов Востока Ленин дополнил эту доктрину специальным положением: «Социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, — нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма». Он открыто говорил о необходимости «перевести истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа»¹⁹.

Резолюция съезда дерзко объявила «проблему международной социальной революции» неразрешимой «без участия Востока»²⁰. Таким образом, советская внешняя политика на Среднем Востоке в 1919 г. начала обретать свою двойственность как борьба за мировую революцию в формах, приемлемых для восточных условий, и как борьба против Великобритании — передового ударного отряда сил, направленных против Советской России, и ведущей империалистической державы в Азии. В данном случае национальный и международный аспекты слились друг с другом и сохранять между ними различие стало трудным и нереальным делом.

Новая политика впервые нашла свое проявление в советско-афганских отношениях. В апреле 1919 г. молодой и в будущем прогрессивный эмир Аманулла-хан, до этого взойшедший на трон в результате дворцовой революции за два месяца, денонсировал договорное обязательство своего предшественника следовать британским советам в проведении внешней политики своей страны и начал кампанию против Британской Индии, получившую известность как «третья афганская война». Афганское национальное движение, возглавляемое Амануллоу-ханом, хотя и развивавшееся на весьма примитивном уровне, сравнимо с персидской революцией 1906 г. и революцией «младотурок» 1908 г.; оно косвенным образом черпало свое вдохновение в большевистской революции, как и подобные ему движения — в русской революции 1905 г.²¹ Нельзя с уверенностью сказать, что кто-то в Москве знал о предстоящем начале военных действий между Великобританией и Афганистаном²².

Однако Аманулла-хан в поисках моральной поддержки в этот критический момент обратился с письмом к Ленину с восточными приветствиями как к «его Величеству Президенту Великого Российского государства» и к Чичерину как «министру иностранных дел», предлагая установить дипломатические отношения²³. Примерно в то же время через Ташкент из Кабула в Москву прибыл хорошо известный антибританский пропагандист, называвший себя профессором Баркатулло²⁴, о котором теперь пишут как о «главе афганской делегации в Москве». В этом качестве он и сделал заявление, которое 6 мая 1919 г. было опубликовано в «Известиях». В нем он предлагал реалистическую основу сотрудничества между Москвой и угнетенными восточными народами: «Я не коммунист и не социалист, но моя политическая программа, пока что, — изгнание англичан из Азии. Я непримиримый враг европейского капитализма в Азии, главными представителями которого являются англичане. В этом я соприкасаюсь с коммунистами, и в этом отношении мы ваши естественные союзники».

Однако было не ясно, каким образом Москва могла оказать соотвествующую помощь. Афганские армии уже склонились перед доблестью британских вооруженных сил, когда 27 мая 1919 г. Ленин в ответ на приветственное письмо Амануллы-хана послал телеграмму, в которой поздравлял афганский народ в связи с его борьбой против «иностраных поработителей» и предлагал взаимную помощь в случае будущих нападений²⁵.

Довольно неожиданно вслед за афганской капитуляцией последовало британское признание формальной независимости Афганистана, которую требовал Аманулла-хан²⁶. Это, однако, не помешало дальнейшему развитию советско-афганских отношений. Осенью 1919 г. в Москву прибыл афганский посол Мухаммед Валихан, а советский представитель, бывший русский консул Бравин, очевидно, в то же время достиг Кабула²⁷. В ноябре Ленин направил еще одно письмо Аманулле-хану, в котором он приветствовал Афганистан как «единственное независимое мусульманское государство в мире» (Персия и Турция, по-видимому, в то время действительно не являлись независимыми, поскольку были частично оккупированы британскими или союзническими войсками), которому судьбой уготована «великая историческая задача объединения вокруг себя всех поработанных мусульманских народов и вести их по пути свободы и независимости». Это было предисловием к заявлению о готовности «начать переговоры с правительством афганского народа, имея в виду заключение торгового и других дружественных соглашений, назначением которых являлось не только поддержание добрососедских отношений на благо обеих стран, но и совместная с Афганистаном борьба против наиболее прожорливого империалистического правительства на земле — Великобритании»²⁸. Это письмо, возможно, не произвело очень глубокого впечатления, поскольку оно исходило от правительства, втянутого в отчаянный кризис гражданской войны и

отрезанного от эффективных путей сообщения с Центральной Азией. Аманулла-хан был верным мусульманином, прельщенным панисламистскими амбициями. Движения панислама и пантурана в Центральной Азии являлись обоюдоострым оружием, поскольку, хотя их лезвия можно было легко повернуть против Великобритании, особенно когда британская политика была враждебной Турции, их обращение к мусульманам и тюркоговорящим народам в советской орбите таило опасность также для советских властей. Среди прочего Аманулла-хан особо интересовался судьбой своего коллеги монарха эмира бухарского, у которого, судя по всему, не складывались хорошие отношения с Москвой²⁹. И это не мешало ему сталкивать Великобританию и Советскую Россию друг с другом. По традиции XIX века Афганистан продолжал оставаться нейтральным районом, где британские и русские секретные агенты вели свою подпольную войну. Эта система отношений сохранила все свои методы и, возможно, большую часть тех же участников и действующих лиц. С учетом настроений 1919 г. и последующих лет представлялось маловероятным, чтобы британские или советские власти упустили хоть малейший случай осложнить положение друг друга, а Афганистан представлял собой плодородную почву для создания таких возможностей.

Не были забыты и другие жертвы британского империализма. В Персии, как и в Афганистане, лето 1919 г. стало временем возрождения русских интересов после долгого периода вынужденного бездействия. Молодой большевистский посол Коломийцев летом 1918 г. пробрался через Кавказ в Тегеран. Но персидское правительство отказалось принять его под предлогом того, что у него были верительные грамоты только от Советского правительства в Баку, а не из Москвы. Как говорят, его миссия подверглась нападению и была выслана «иранскими казаками» — персидскими солдатами под командой «белых» русских офицеров³⁰. Британская оккупация Персии, пока она не играла заметной роли в войне против держав Центральной Европы, не вызвала политических затруднений. Когда же война окончилась, британское правительство столкнулось с фатальным противоречием интересов. С одной стороны, требования демобилизации подкреплялись сильным давлением, а военные операции стали для парламента и общественности предметом тщательного изучения. Военное министерство проявляло нежелание принять долговременные обязательства в Северной Персии, находящейся вне традиционной сферы британских интересов, и это нежелание совпадало со стремлением Ллойд Джорджа избегать политики, приводящей к прямым военным действиям против большевиков. С другой стороны, министерство иностранных дел, находившееся теперь под руководством Керзона, стремилось извлечь выгоды из бессилия России, для того чтобы установить скрытую форму британского протектората над всей Персией. Эта амбиция нашла свое выражение в договоре, переговоры о заключении которого шли в Лондоне в начале лета

1919 г. Отдавая должное «независимости и неприкосновенности Персии», в преамбуле этого договора предусматривалось принятие персидским правительством британских финансовых советников и офицеров для проведения реорганизации армии и британских инженеров для строительства железных дорог, а все в целом было подслащено займом в 2 млн. фунтов стерлингов. Это соглашение было отходом от принципа, утвержденного в англо-русской конвенции 1907 г., в соответствии с которой русской сферой влияния признавалась Северная Персия, а британской — Южная Персия. Хотя Советское правительство своим заявлением в январе 1918 г.³¹ лишило себя всех прав по этой конвенции, такое покушение на чужие права страной, ведущей почти неприкрытые военные действия против Советской власти на Кавказе и в Центральной Азии, не могло не вызвать тревогу в Москве³².

Когда размах предполагаемого соглашения стал известен, Советское правительство 26 июня 1919 г. отреагировало нотой персидскому правительству, перечислив в ней все те уступки, которые оно сделало в отличие от империалистической Великобритании: отмену царских долгов, отречение от царских концессий в Персии, отказ от консульской юрисдикции и передача персидскому правительству бывшей русской государственной собственности в Персии и других активов Учетно-ссудного банка Персии³³. Через три недели после подписания англо-персидского договора 9 августа 1919 г. последовало открытое обращение Чичерина к «рабочим и крестьянам Персии». В нем широко рассматривалось различное отношение к независимости и правам Персии со стороны советского и британского правительств, проявившееся за два года; «позорный англо-персидский договор» был охарактеризован как «клочок бумаги, за которым оно никогда не признает законной силы». Обращение заканчивалось пассажем, содержащим как угрозу, так и обещание:

«Время вашего освобождения близко. Час расплаты пробьет скоро и для английского капитала, против которого все более грозно разрастается широкое революционное движение среди трудящихся масс самой Англии...

Русский рабочий народ протягивает вам, угнетенным массам Персии, свою братскую руку, и близок тот час, когда мы на деле будем в состоянии осуществить нашу задачу совместной с вами борьбы против больших и малых хищников и угнетателей, источника ваших бесчисленных страданий»³⁴.

Англо-персидское соглашение было плохо принято в Персии частично благодаря этим подкалкам. Созыв меджлиса, который должен был ратифицировать это соглашение перед его вступлением в силу, был намеренно отложен. Пока гражданская война была в своей критической стадии, а британские войска еще действовали на Кавказе и в Центральной Азии, установление советского влияния в Персии было труднейшей задачей. Коломийцев, посол, которого отвергли год назад, был вновь направлен в Те-

геран летом 1919 г. с должными верительными грамотами из Москвы, но во время пересечения Каспийского моря был схвачен и расстрелян «белыми» русскими войсками «при поддержке английских оккупационных войск в Персии»³⁵. Тем не менее к началу 1920 г. Деникин и Колчак были окончательно разгромлены, а британские войска были повсеместно отведены. В апреле 1920 г. Советская власть была восстановлена во всем Азербайджане. Настало время для более решительных действий в Персии.

Обстановка усложнялась присутствием в Гиляне, самой северной провинции Персии, примыкавшей к Азербайджану, фактически независимого правителя, отчасти авантюриста, отчасти фанатика, проповедовавшего национализм и революционные доктрины, Кучек-хана. Его программа официально включала в себя изгнание англичан, свержение шаха и распределение земли среди крестьян³⁶. Он был ярым туркофилом и, как говорят, получал немецкие субсидии во время войны за свои антибританские действия. Поэтому позднее ему было легко сменить немецкую поддержку на большевистскую³⁷. Весной 1920 г., когда Советское правительство было уже готово нанести удар, слабые британские вооруженные силы все еще оставались в Северной Персии, но по политическим причинам им был дан приказ избегать любого прямого столкновения с советскими войсками. Ночью 18 марта 1920 г. крупные советские силы под командованием Раскольникова высадились на Каспии в порту Энзели с ближайшей задачей: захватить русские суда Каспийского флота, которые были брошены там с экипажами разбитым Деникиным. Операция завершилась полным успехом. Британский гарнизон покинул Энзели и соседний город Решт, который также был занят советскими войсками. В то же время советские войска Азербайджана (или подразделения Красной Армии, действовавшие под их видом) вошли в Гилян. На встрече Кучек-хана и советских представителей в Реште 20 мая 1920 г. было достигнуто соглашение, в соответствии с которым была провозглашена независимая Советская республика Гилян. Для того чтобы получить официальное революционное признание, Кучек-хан направил Ленину письмо, в котором умолял «вас и всех социалистов, входящих в состав Третьего Интернационала, помочь освобождению нас и всех других слабых и угнетенных наций от злого ига персидских и английских угнетателей»³⁸. Одновременно с этими событиями, для того чтобы продемонстрировать, что они не свидетельствуют о враждебном отношении Москвы к национальному правительству Тегерана, в печати были опубликованы ноты Советского и персидского правительств, в результате обмена которыми была достигнута договоренность о возобновлении официальных отношений и о направлении персидской делегации в Москву³⁹.

Прямым результатом событий в Энзели было падение британского престижа, что явилось смертельным ударом для любой оставшейся возможности ратифицировать англо-персидский договор.

Персидское правительство направило в Москву протест против советских действий в Гиляне. Чичерин, стремясь задобрить персов, направил им ноту, выдержанную в примирительном духе, в которой говорил о безопасности Каспия и отрицал какие-либо агрессивные намерения⁴⁰. За этим последовал протест в Лигу Наций с опозданием почти на 6 месяцев. Заседание совета Лиги состоялось лишь 16 июня. К тому времени персидский делегат мог сообщить, что переговоры с Советским правительством идут успешно, и тем самым предоставил совету желаемую возможность положить это дело на полку⁴¹. Тем временем персидский премьер-министр ушел в отставку. Если бы Советское правительство смогло воспользоваться этим обстоятельством, то оно, возможно, уже летом 1920 г. установило бы свою власть в Тегеране. Но для решающих действий у него еще не было достаточно сил, особенно с учетом его озабоченности в то время состоянием своих дел в Европе. Более того, Советское правительство колебалось в выборе решения. Поддержать ли власть Кучек-хана, который не был коммунистом, но мог быть использован против англичан или враждебного персидского правительства? Использовать ли маленькую Иранскую коммунистическую партию, которая провела свой первый съезд в Энзели в июле 1920 г. и провозгласила лозунг борьбы «против английского империализма, против шахского правительства и против всех, кто их поддерживает?»⁴² Пойти ли навстречу персидскому правительству, одинаково возмущавшемуся поддержкой, оказывавшейся сепаратистскому и коммунистическому движениям, в надежде сделать советское влияние в Тегеране преобладающим? Все эти линии политики имели своих сторонников, но они были несовместимы одна с другой, а выбор должен был быть сделан. Лето и осень 1920 г. были периодом колебаний в советской политике как в Персии, так и на всем Среднем Востоке.

В Турции развитие событий было весьма похожим. Ошибки британской политики там также играли на руку Советской власти. В то время как Советская Россия опубликовала секретные договоры как с Персией, так и с Турцией и внешне отказалась от империалистических претензий царского правительства, которые нашли отражение в текстах этих секретных договоров, Великобритания отбросила свою традиционную в XIX веке роль защитника турецкой независимости от России и поэтому стала самым непримиримым врагом Турции. Таким образом, национализм в Турции неминуемо должен был, как и в Афганистане и Персии, обрести форму прежде всего и главным образом открытого вызова британской политике, и равным образом он должен был обнаружить естественного союзника в лице Советской России, являвшейся главным противником британских интересов в Восточной Европе и на Среднем Востоке. 13 сентября 1919 г., используя уже имеющийся прецедент обращения к Персии за две недели до этого, Чичерин сделал заявление по радио, адресованное «рабочим и крестьянам Турции». Напомнив о быстром отказе Советского

правительства от притязаний, выдвигавшихся не только царской династией, но и Временным правительством, на Константинополь и проливы и о поддержке, оказываемой Советской властью всем угнетенным народам, он сделал следующий анализ сложившейся обстановки: «Путь к захвату малых и больших мусульманских государств с целью порабощения их для Англии свободен. Она сейчас свободно хозяйничает в Персии, в Афганистане, на Кавказе и в вашем отечестве. Со дня отдачи проливов вашим правительством в распоряжение Англии нет самостоятельной Турции, нет исторического турецкого города Стамбула на материке Европы, нет независимого оттоманского народа».

Именно продажный правящий класс, продолжал Чичерин, предал турецких рабочих вначале Германии, затем победившим союзникам. Судьба страны должна быть в руках народа. Заявление завершалось призывом «рабоче-крестьянского правительства Советской России» к «рабочим и крестьянам Турции» протянуть «братскую руку для того, чтобы совместной сплоченной силой отогнать европейских хищников и уничтожить, обессилить внутри страны тех, которые привыкли на вашем несчастье строить свое счастье»⁴³.

За несколько недель до выпуска декларации в Турции произошло одно событие, которое в ней не было отмечено. На собрании в Эрзеруме в августе 1919 г. командующий турецкой армией в Анатолии Кемаль публично отрекся от своей верности рабочему правительству в Константинополе и объявил себя главой национального революционного движения, направленного против победоносных западных союзников. Движение быстро охватило всю страну, кроме Константинополя и нескольких других районов, оккупированных союзниками. Кемаль продолжил революционную традицию «младотурок», хотя он и не ладил с их бывшими лидерами, приведшими страну к поражению в войне. Это придало его программе общее сходство с большевистской программой в том, что касалось некоторых практических реформ, особенно таких, как индустриализация, всеобщее образование, освобождение женщин, принятие западного календаря и западного алфавита. В программе уделялось особое внимание национальному самоопределению нетурецкого населения бывшей Турецкой империи. Все это позволило Кемалю выступить в качестве защитника угнетенных народов, особенно мусульманских, находившихся под западным правлением, и это явилось еще одним важным моментом, сближавшим его с большевиками. Революция Кемалья, однако, была главным образом национальной, а не социальной. Заявление Чичерина от 13 сентября 1919 г. с обращением к «рабочим и крестьянам Турции», как исходящее от иностранной державы, не могло быть полностью приемлемо для претендента на роль турецкого национального вождя⁴⁴. Попытки создать Турецкую коммунистическую партию⁴⁵, активно поддерживаемые из Москвы, едва ли могли вызвать одобрение. Тем не менее в то время Кемаль край-

не нуждался в помощи и поддержке, которые он получил только от Советской России. Признание первостепенной, хотя, возможно, временной, совместной задачи перевесило традиционные турецкие недоверие и враждебность к России.

Тем временем из-за отсутствия официальных советско-турецких отношений в Берлине был установлен ряд личных контактов крайне необычного свойства. Два бывших лидера «младотурок» Талаат и Энвер, которые были ответственны за союз с Германией в качестве Великого визиря и военного министра соответственно, бежали из Турции после установления перемирия и нашли убежище в Берлине. Там в августе или сентябре 1919 г. они были одними из первых, кто посетил Радека в тюрьме. Эта встреча имела несколько пикантный характер. Талаат уже встречался с Радеком чуть больше года назад за столом переговоров в Брест-Литовске, а теперь заверял его, что «магометанский Восток может освободиться от рабства, только опираясь на народные массы и на союз с Советской Россией». Энвер же был моложе и более энергичен. Именно ему Радек предложил поехать в Москву для того, чтобы продолжить там обсуждение смелого плана советско-мусульманского союза — соглашения между русским большевизмом и турецким национализмом против британского империализма⁴⁶. С помощью генерала Костринга, состоявшего в штабе Секта⁴⁷, они условились, что Энвер полетит в Москву в начале октября на новом самолете «Юнкерс» с директором фирмы, следующим туда по делам. Энвер полетел с одним турецким спутником под фальшивыми именами как делегаты Турецкого Красного Креста. К несчастью для Энвера, самолет совершил вынужденную посадку около Ковно, и, поскольку его личность не была установлена, его арестовали по подозрению в шпионаже и продержали под арестом два месяца⁴⁸. После такого неудачного начала Энвер вернулся в конце года в Берлин, откуда было запланировано второе путешествие. На этот раз его должен был сопровождать Радек, только что выпущенный из тюрьмы, но он не смог получить вовремя польскую визу⁴⁹. Неудачи преследовали Энвера и на этот раз. В пути он вновь был арестован, на этот раз в Риге, и некоторое время провел в заключении в Вольмаре. Ему удалось прибыть в Москву только весной или летом 1920 г.⁵⁰

К этому времени произошло много важных событий, повлиявших на советско-турецкие отношения. Обстановка в Малой Азии динамично изменялась, хотя попытки установить контакты между Анкарой и Москвой сквозь деникинский фронт провалились⁵¹. В январе 1920 г. несколько бывших депутатов турецкого парламента в Константинополе, провозгласив себя в качестве независимой ассамблеи в Анкаре под председательством Кемалю, составили проект «Национального пакта», который должен был стать программой движения кемалистов, — этот документ признавал права не-турецкого населения бывшей Османской империи на независимость, но оспаривал аналогичные права иностранных захватчиков

на преимущественно турецкие территории. 16 марта 1919 г. крупные британские военные силы заняли Константинополь в тщетной надежде подавить националистические волнения. Кемаль теперь уже формально заявил о непризнании власти константинопольского правительства и выпустил прокламацию, призывающую к выборам в Великое национальное собрание Турции. Оно должным образом собралось в Анкаре 23 апреля 1920 г. и возложило на Кемалья обязанности главы правительства. Константинопольское же правительство, поддавшееся иностранному давлению, было объявлено неспособным действовать от имени турецкого народа. Три дня спустя Кемаль направил ноту Советскому правительству, выражая «желание войти в постоянные сношения с ним и принять участие в борьбе против иностранного империализма, угрожающего обоим странам»⁵².

В то время, когда посылалась эта нота, две страны друг к другу притягивал новый общий интерес. Три полунезависимых государства, находящиеся под покровительством западных союзников и образующие буфер между Советской Россией и Турцией — Грузия, Армения и Азербайджан, — в январе 1920 г. получили признание *de facto* Верховного совета союзников. В прошлом они были яблоком раздора между их двумя великими соседями, и это соперничество во многом еще продолжалось. Тем не менее ближайшая общая заинтересованность обеих стран состояла в том, чтобы уничтожить эти центры или возможные центры враждебного для них иностранного влияния. Когда в апреле 1920 г. советские власти устранили британское влияние в Азербайджане созданием Азербайджанской Советской Социалистической Республики, то этот шаг получил молчаливое согласие, если не активную поддержку, турецкой армии⁵³. Предшествовало этому или нет какое-либо достигнутое ранее молчаливое взаимопонимание, для Кемалья все выглядело в одном цвете — удар по общему врагу. Именно когда шло развитие этих событий, Кемаль обратился к Советскому правительству. Когда в мае условия мира союзников для Турции были обнародованы, то они стали новой причиной совместной обеспокоенности. Требование безусловного открытия проливов и предоставления права свободного доступа в Черное море для военных кораблей всех стран явилось как откровенной угрозой Советской России⁵⁴, так и унижением для Турции, а предложение передать Персии Батум в качестве свободного порта было понято как часть далеко идущего плана сделать Великобританию, предполагаемую хозяйку и защитницу Персии, черноморской державой в ущерб Советской России и Турции. Этим моментом, возможно, был отмечен апогей советско-турецкой дружбы. 9 мая 1920 г. в Национальном собрании состоялась необычная демонстрация в поддержку Советской России, когда было публично зачитано⁵⁵ обращение Совнаркома от 29 ноября (3 декабря) 1917 г. «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Вскоре после этого Бекир Сами отправился в Москву в качестве первого посла Кемалья⁵⁶.

Одновременно первый неофициальный советский посол Манатов (очевидно, башкир, выбранный по его этническим и лингвистическим признакам) прибыл в Анкару⁵⁷.

Несмотря на это, дорога советско-турецкой дружбы оказалась совсем не гладкой. Ответ на ноту Кемаля от 26 апреля Чичерин отправил только 3 июня. Он выразил полное понимание политики и устремлений Турции и отметил «решение Великого национального собрания соотносить наши работы и ваши военные операции против империалистических правительств». Однако конкретные предложения ограничивались готовностью быть посредником «во всякий момент» в пограничных переговорах с Арменией или Персией и предложением немедленно возобновить дипломатические отношения⁵⁸. В ответе от 20 июня 1920 г., подписанном самим Кемалем, отношение Турции к предложению о посредничестве определялось двусмысленно: «Мы с радостью принимаем предложение о посредничестве Российской Советской Республики для установления наших границ с Арменией и Персией, но предпочитаем метод дипломатических переговоров для решения существующих трудностей».

В ноте сообщалось также, что турецкое правительство отложило проведение военных операций в провинциях Карса, Ардагана и Батума до получения ноты Чичерина, но выражало неудовольствие по поводу армянских провокаций и нападений и просило Советское правительство положить им конец. Приветствовалось предложение об установлении дипломатических отношений — турецкая дипломатическая миссия в Москву находилась уже в пути, но была задержана армянскими властями в Эрзеруме⁵⁹. После прибытия в Москву 11 июля 1920 г. основным препятствием для налаживания теплых отношений были расхождения относительно Армении⁶⁰. Но часть этих затруднений носила идеологический характер. Летом 1920 г. советская политика все еще стояла перед роковым выбором между полной поддержкой коммунистических партий в зарубежных странах для осуществления мировой революции⁶¹ или сотрудничеством с отдельными буржуазными правительствами, когда этого требовали интересы страны даже за счет коммунистических партий в этих странах. Оптимизм относительно перспектив мировой революции, который несколько померк зимой 1919/20 г., стал опять широко распространенным. Правящие круги Кремля все еще воздерживались от военного и дипломатического сюза с некоммунистическими странами и продолжали верить, что пропаганда против всех капиталистических правительств является наиболее эффективным и, естественно, единственно правильным инструментом советской внешней политики.

В таких условиях в июле 1920 г. II конгресс Коминтерна приступил к формулированию политики по так называемому «национальному и колониальному вопросу». Задача конгресса состояла в том, чтобы применить принципы всемирной революции к восточным народам, развить доктрину общей борьбы, в которой для всех рабо-

чих мира, на Западе и на Востоке, было бы свое дело, в частности расширять революцию под руководством РСФСР против британского империализма. На этом конгрессе в отличие от предыдущего присутствовали делегаты не только от нерусских народов бывшей царской империи, включая Грузию, Армению, Азербайджан, Бухару, но и из Индии, Турции, Персии, Китая и Кореи. Тем не менее было много отсутствующих, а некоторых из них по поручению представляли другие лица. Только что созданная Коммунистическая партия Нидерландской Индии была представлена голландцем из Явы, который принимал участие в ее образовании и появился на конгрессе под именем Маринг⁶²; интересы негров Соединенных Штатов красноречиво защищал американец Джон Рид. 24 июля 1920 г. на одном из первых заседаний конгресс создал комиссию для рассмотрения национального и колониального вопроса и подготовки проекта доклада. Маринга избрали секретарем комиссии⁶³. Комиссия работала чрезвычайно быстро и представила результаты своих трудов конгрессу 26 июля. Потом два дня были посвящены их обсуждению на пленарном заседании. Впервые, как заметил индийский делегат М. Н. Рой, он смог «на конгрессе революционного пролетариата принять участие в серьезном обсуждении колониального вопроса»⁶⁴.

Комиссии пришлось рассматривать два варианта тезисов по национальному и колониальному вопросу, представленных соответственно Лениным и Роем⁶⁵. Магистральное направление освобождения угнетенных народов путем мировой пролетарской революции являлось общим для обоих вариантов. Но между ними были два небольших и одно существенное различие. Первое сводилось к тому, что Рой охарактеризовал экономический порядок, преобладавший на колониальных и полуколониальных территориях, как «докапиталистический». Большинство членов комиссии предпочло определять его как находящийся под господством «капиталистического империализма». Эта поправка тезисов Роя была с готовностью принята⁶⁶. Во-вторых, Рой развил известное положение о том, что буржуазия в капиталистических странах в состоянии предотвратить пролетарскую революцию, только субсидируя рабочих из доходов от колониальной эксплуатации, и довел его до утверждения, что революция в Европе невозможна до тех пор, пока азиатские страны не сбросят иго европейского империализма. Большинству членов комиссии показалось, что этим слишком пристрастно подчеркивается значение революции в Азии, но они тактично потребовали лишь несколько изменить фразеологию, с тем чтобы существенно сблизить тезисы Роя с тезисами Ленина⁶⁷. Третье, и главное расхождение заключалось в практическом вопросе тактики, которому в той или иной форме было суждено стать постоянным источником затруднений как для Советского правительства, так и для Коминтерна. Этот вопрос обсуждался вначале на комиссии, а затем на пленарных сессиях конгресса в форме прямого вызова тезисам, выдвинутым Лениным.

Отправным пунктом ленинских тезисов была необходимость сближения «пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии», то есть феодализма в отсталых странах и капитализма в развитых странах. Выгода была взаимная, поскольку такое сближение ускорило бы победу пролетариата над капитализмом, а без этой победы не могло быть преодолено угнетение подчиненных народов капиталистическими странами. Следовало, однако, учитывать и международную политическую обстановку: «...все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской Республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в победе Советской власти над всемирным империализмом».

Таким образом, возникала необходимость «тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией». Оставался открытым вопрос: какими будут движения, из которых образуется этот союз, — пролетарско-коммунистическими или буржуазно-демократическими? Это должно было определяться уровнем развития каждой конкретной страны. В отсталых странах коммунисты должны быть готовы поддерживать «буржуазно-демократическое освободительное движение» и особенно поддерживать крестьянство против крупных помещиков и «против всяких проявлений или остатков феодализма». Но там, где необходимо, не должно быть никакой идеологической путаницы: «Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и, безусловно, охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме»⁶⁸.

Самостоятельно подготовленные тезисы Роя не противоречили ленинским. Но они заметно отличались акцентами и по важнейшим вопросам тактики явно подводили к другому выводу. Рой четко различал два типа движений в колониальных странах: во-первых, буржуазно-демократическое националистическое движение, которое добивалось политической независимости в рамках капиталистической системы, и, во-вторых, «массовая борьба бедных и темных крестьян и рабочих за дело своего освобождения от всех видов эксплуатации». Задача Коминтерна состояла в том, чтобы противостоять всем попыткам подчинить второй тип движения первому. Срочной необходимостью было «создание коммунистических партий, которые организуют крестьян и рабочих», которые в отсталых странах могли быть завоеваны на сторону коммунизма «не через капиталистическое развитие, а под руководством классово сознательного пролетариата передовых капиталистических стран». Таким образом, «подлинная сила освободительных движе-

ний в колониях уже не ограничивается узким кругом буржуазно-демократических националистов». Однако, хотя коммунистические партии классово сознательных рабочих должны были взять на себя руководящую роль, «революция в колониях на своих первых этапах не будет коммунистической революцией». Например, аграрная политика Коминтерна в таких странах должна строиться не на коммунистических, а на мелкобуржуазных принципах, то есть должна быть нацелена на раздел земли между крестьянами. Это временное согласие на существование крестьянской собственности являлось своего рода ответом на критику эсеров, что якобы только они одни, и ни в коем случае не большевики, могли успешно разрешить крестьянский вопрос на Востоке. Это явилось в конце концов политикой большевиков, которой они сами следовали в России, когда позаимствовали у эсеров аграрную политику в октябре 1917 г.

Хотя о заседаниях комиссии не было подробных сообщений, ясно, что тезисы Роя были встречены по меньшей мере с такой же симпатией, как и ленинские. Комиссия внесла в ленинские тезисы целый ряд поправок. Наиболее важные из них сводились к смягчению резкости ленинских формулировок и устранению разногласий путем использования возможных неопределенностей: везде, где ленинский проект рекомендовал коммунистам колониальных стран поддерживать «буржуазно-демократическое национальное освободительное движение», конкретный термин «буржуазно-демократическое» был заменен более широким термином — «революционное», который, без сомнения, мог применяться к буржуазно-демократическому революционному движению, но имел меньшую двусмысленность. Другие важные добавления содержали требования «борьбы с реакционным и средневековым влиянием духовенства, христианских миссий и других подобных элементов» и «борьбы с панисламизмом и паназиатским движением и подобными течениями». Они, видимо, были сделаны по настоянию турецкого делегата, который не хотел, чтобы поддержка турецкого народного восстания против западного империализма переродилась в общее сочувствие панисламистским движениям, таким, как те, которым в тот период покровительствовал ренегат Энвер⁶⁹. Исправленные таким образом ленинские тезисы были единогласно одобрены комиссией и направлены конгрессу вместе с предложениями Роя, которым в качестве «дополнительных тезисов» были придан приемлемый вид⁷⁰. Отстаивая свои тщательно продуманные тезисы на пленарной сессии, Ленин настаивал, что главная линия раздела в мире в тот момент проходила между угнетающими и угнетенными странами; ход событий определялся как борьба «небольшой группы империалистических наций против советского движения и советских государств, во главе которых стоит Советская Россия»⁷¹. Более того, Ленин был готов в порядке исключения признать за отсталыми странами ту же возможность, которую однажды Маркс допустил для России. Если «революционный победоносный пролетариат» придет им на

помощь, то для этих стран «капиталистическая стадия развития» не обязательна. Они могли с такой помощью «перейти к советскому строю, и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁷².

Искренняя поддержка Лениным даже национально-освободительных движений буржуазного характера была с энтузиазмом одобрена ирландским делегатом Коннолли, сыном националистического лидера, казненного в Дублине в 1916 г.⁷³, и одним из британских делегатов Маклином, который полагал, что сила британского капитализма может быть сломлена только прекращением колониальной эксплуатации⁷⁴. С другой стороны, делегаты из Персии и Кореи, где, как и в Британской Индии, иностранный капитал вызвал зарождение индустриализации и формирования промышленного пролетариата, подчеркнуто повторили предостережение Роя против взятия на себя слишком больших обязательств перед буржуазно-демократическим национализмом⁷⁵. Маринг восхвалял мусульманскую партию «Сарекат ислам» в Нидерландской Индии, которая, несмотря на свое религиозное название, была революционной в националистическом смысле и даже «приняла классовый характер». Но, встав, по существу, на сторону Ленина, Маринг тактично утверждал, что расхождений между тезисами Ленина и Роя не имеется. Конгресс, с облегчением приняв эту точку зрения, бодро принял оба варианта тезисов. Единственный голос против принадлежал итальянскому делегату Серрати, который рассматривал тезисы о Ленине, и Роя как ничем не оправданный компромисс с целесообразностью, настаивая до последнего на том, что «истинная революция угнетенных народов может быть произведена только при помощи пролетарской революции и Советской власти, а не путем временного и случайного союза коммунистов с буржуазными партиями, подрываемыми революционными националистами»⁷⁶.

С тех пор тезисы Ленина стали признанным базисом большевистской теории и практики в национальном и колониальном вопросе. Дополнительные тезисы Роя были забыты⁷⁷. Сформулированная таким образом линия не выдвигала новых принципов. В 1905 г. Ленин разработал программу союза между пролетариатом и мелкобуржуазным крестьянством, для того чтобы достичь первой стадии революции, и выполнил эту программу с блестящим успехом в 1917 г. Этот прецедент наверняка помнили многие делегаты II конгресса Коминтерна. Даже Рой признал, что аграрная программа коммунистических партий Востока должна пока оставаться мелкобуржуазной программой распределения земли между крестьянами. Ленинские тезисы точно следовали доктрине, изложенной в программе партии в 1919 г., которая признавала безусловное право на отделение несамостоятельных государств, но решала, какой класс — буржуазия или рабочие — был носителем этого права и таким образом заслуживал поддержки партии, обусловленной «исторически-классовой точкой зрения», то есть степенью развития,

достигнутой данной страной⁷⁶. Положение, сформулированное первоначально в отношении подвластных народов бывшей царской империи, оказалось равноприменимым и к другим восточным народам. Наконец, новая линия соответствовала концепции «лавирирования, соглашательства, компромиссов с другими и в том числе с буржуазными партиями», которую Ленин столь четко выдвинул тремя месяцами ранее в «Детской болезни „левизны” в коммунизме»⁷⁹. Тактическое сотрудничество с социал-демократическими партиями в Западной Европе, которые тем не менее были осуждены как буржуазные, сочеталось с тактическим сотрудничеством с буржуазно-демократическими движениями, стремящимися достичь национального освобождения восточных народов. Все же эти прецеденты, хотя с их помощью можно объяснить и оправдать принятие Коминтерном ленинских тезисов, также предполагали присущую им скрытую опасность. Эти замышлявшиеся временные союзы с буржуазными группами были — все без исключения — комбинациями, в которых сегодняшние союзники — крестьяне, буржуазные националисты, социал-демократы — оказывались завтра врагами и были союзниками лишь в тот момент, когда сотрудничество с ними было необходимо. Это был просто другой аспект основной дилеммы пролетарской социалистической революции, не основывающийся на спокойном и установившемся базисе буржуазной демократической революции: как только пролетариат — или коммунистическая партия, действующая от его имени, — был вынужден взять руководство в деле завершения буржуазной революции как прелюдии к началу пролетарской революции, взаимоотношения с буржуазией становились безнадежно противоречивыми⁸⁰. Трудность политики сотрудничества с буржуазными демократическими национальными движениями состояла не в том, что она подставляла большевистских вождей под обвинения в оппортунизме со стороны «левых» или доктринеров-пуристов в партийных рядах, а в том, что потенциальные союзники, которых она собиралась завербовать, так же хорошо знали, как и коммунисты, о краткосрочности расчетов, вдохновлявших этот союз, и давно были научены опытом не использовать его как главную опору своей политики.

Летом 1920 г. опасности, таящиеся в такой ситуации, не были заметны. Во-первых, сотрудничество с буржуазными национальными движениями, подобно политическим средствам, рекомендованным Лениным в «Детской болезни „левизны” в коммунизме», задумывалось в условиях краткого периода перед неизбежно надвигающейся европейской пролетарской революцией, которая изменила бы азиатскую сцену и смела бы все второстепенные факторы этих мимолетных союзов. Во-вторых, существующие национальные движения в Азии, как в пределах РСФСР, так и вне ее, были еще слабыми и почти полностью зависели от помощи и поддержки из Москвы (Турция была еще непризнанным исключением из этого правила)⁸¹, и Москва определяла условия предоставления своей поддержки. Пока превалировали эти два обстоятель-

ства, создавалось впечатление, что вопрос потенциальной совместности между интересами Советского правительства и коммунистических партий в азиатских странах не возникал. Но когда политика, изложенная в ленинских тезисах, применялась на практике долгое время и в обстановке, когда национальные правительства оказывались достаточно сильными, чтобы изложить свои собственные условия для союза с Москвой, и когда условия включали беспрепятственное право сдерживать национальные коммунистические партии, возникали трудности, которые невозможно было предвидеть в атмосфере энтузиазма лета 1920 г.⁸² Решения II конгресса Коминтерна по национальному вопросу, как и многие его другие решения, принимались с неоспоримой верой в неизбежность пролетарской революции, которая очистит мир. Но как только в этой вере разочаровались, сами решения, применяемые в условиях, полностью отличных от тех, для которых они предназначались, не только искажали намерения их авторов, но и использовались для оправдания серии компромиссов и отступлений, которые в момент веры и энтузиазма были бы отброшены как немыслимые.

Долгое обсуждение национального и колониального вопроса на II конгрессе было свидетельством того, что интересы вновь сосредоточились на восточных вопросах, что в свою очередь соответствовало сдвигу в тогдашней советской политике с Запада на Восток вслед за победами над Колчаком и Деникиным в гражданской войне. Впервые стало возможным совмещать национальную политику, проводимую РСФСР в своих собственных границах, с ее внешней политикой поддержки национальных движений, поднявших восстание против империалистических держав, и подчеркивать роль автономии или независимости, предоставленных национальным республикам в составе РСФСР, в судьбе азиатских народов, находившихся прямо или косвенно в орбите западных держав. I калмыцкий съезд Советов в июле 1910 г. отпраздновал свой день рождения, выпустив обращение «к народам Индии, Тибета, Монголии, Китая, Сиаму и ко всем другим, находящимся под железной пятой мирового империализма». I киргизский (то есть казахский) съезд Советов последовал этому примеру три месяца спустя⁸³. Но первым шагом было перенесение восточного вопроса в более подходящую для него обстановку, чем очередной всемирный конгресс Коминтерна в Москве. В номере официального журнала Коминтерна, вышедшего в свет в день открытия II конгресса, было опубликовано приглашение «порабощенным народным массам Персии, Армении и Турции» на съезд, который должен был собраться в Баку 15 августа 1920 г. В приглашении в Баку, проект которого был составлен в штабе Коминтерна перед дебатами на II конгрессе в Москве, ничего не говорилось ни о намерении идти на компромисс с целесообразностью, ни о готовности искать союза с буржуазными националистическими движениями, что проповедовал Ленин в своих тезисах на конгрессе. В обращении к «крестьянам

и рабочим Персии», содержащемся в приглашении, говорилось о необходимости осуждения «тегеранского правительства и его прислужников», которые, обложив «вас податями и сборами по своему усмотрению и высосав из страны все соки, доведя ее до нищеты и разорения, *продали в прошлом году Персию английским капиталистам*». В приглашении, обращенном к «крестьянам Анатолии», с удовлетворением отмечалось, что, несмотря на настоячивые призывы Кемаля встать под его знамена, они пытаются «образовать свою собственную народную партию, которая будет способна продолжать бой в том случае, если бы паши заключили мир с хищниками Антанты». Оно призывало рабочих Востока в целом не только противостоять «иностранным капиталистам», но и местным спекулянтам. Традиционное мусульманское паломничество к святым местам предусматривалось заменить походом к местам сбора борцов за всемирную революцию: «Вы раньше ходили через пустыни к святым местам, идите же теперь горами, реками, лесами и пустынями, чтобы встретиться друг с другом и сговориться о том, как освободиться от цепей рабства, соединиться в братском союзе, чтобы зажить равной, свободной, братской жизнью»⁸⁴.

I съезд народов Востока (как это официально называлось) собрался в Баку 1 сентября 1920 г. под председательством Зиновьева, который вместе с Радеком и Бела Куном представлял на собрании Коминтерн и приветствовал делегатов от его имени. Благодаря подготовительной работе, проведенной партийными организациями на Кавказе и в Туркестане⁸⁵, этот съезд был самым большим по численности участников по сравнению с любыми другими собраниями, проводившимися ранее Коминтерном. Среди 1891 делегата присутствовали 235 турок, 192 перса и фарси, 8 китайцев, 8 курдов и 3 араба. Остальные, включая 157 армян и 100 грузин, представляли главным образом кавказцев и народы Центральной Азии, ранее принадлежавшие Российской империи и входившие в РСФСР или связанные с ней договорами. Более чем две трети делегатов заявили о своей принадлежности к коммунистическим партиям⁸⁶. В приглашении провозглашалась доктрина всемирной революции в самой чистой и бескомпромиссной форме. Речь Зиновьева на открытии съезда, составленная, без сомнения, с учетом дебатов на II конгрессе Коминтерна в Москве, из-за изменившейся военной ситуации на Западе и характера аудитории в Баку, прозвучала несколько иначе. К мусульманским верованиям и учреждениям было проявлено скрытое уважение, а святое дело всемирной революции сведено к конкретным и более понятным размерам. Мусульманская традиция Джихада, или святой войны против неверных, была привязана к современному крестовому походу угнетенных народов против империалистических поработителей с Великобританией во главе. Речь вызвала сенсацию и создала у слушателей настроение иступленного энтузиазма. О речи и сценах, сопровождающих ее, можно сказать словами официального отчета:

«Товарищи! Братья! Теперь настало время, когда вы можете приступить к организации настоящей священной войны против грабителей и угнетателей. Коммунистический Интернационал обращается сейчас к Народам Востока и говорит им: «Братья, мы призываем вас к священной войне прежде всего против английского империализма! (Буря аплодисментов, долгие крики «ура»). Члены съезда встают, потрясая оружием. Оратор долго не может продолжать. Все стоят и аплодируют. Крики: «Клянемся!»)

Пусть услышат сегодняшнее заявление в Лондоне, Париже и во всех городах, где у власти еще стоят капиталисты! Пусть услышат они торжественную клятву представителей десятков миллионов трудящихся Востока о том, что на Востоке не будет больше власти угнетателей — англичан, не будет гнета капиталистов над трудящимися Востока.

Да здравствует братский союз Народов Востока с Коммунистическим Интернационалом! Пусть сгинет капитал и да здравствует царство труда! (Взрыв аплодисментов.)

Голоса: «Да здравствует возрождение Востока!» Крики: «Ура!» Аплодисменты.

Голоса: «Да здравствует III Коммунистический Интернационал!» Крики: «Ура!» Аплодисменты.

Голоса: «Да здравствуют объединители Востока — наши уважаемые вожди, наша дорогая Красная Армия!» Крики: «Ура!» (Аплодисменты)»⁸⁷.

Позднее не один оратор вспоминал с восторгом эту сцену открытия съезда, на которой были «обнажены» мечи, кинжалы и револьверы для войны с империализмом⁸⁸.

Понятно, что в своей дальнейшей работе съезд более не впадал в русло такого безудержного неистовства. Многонациональное собрание численностью около 2 тыс. человек не могло быть рабочей организацией. Настоящее дело вершилось за закрытыми дверями двумя «фракциями», или комитетами, представлявшими соответственно партийных и беспартийных участников съезда. Одна только задача перевода делала заседания очень утомительными. Русский, турецко-азербайджанский и персидский языки были признаны официальными языками съезда⁸⁹. Разговорный турецкий язык, оказалось, не был понятен для некоторых азербайджанских и узбекских делегатов, которые время от времени требовали перевода на свои языки. В протоколах есть упоминание о переводах на калмыцкий, чеченский и другие языки. Несмотря на эти затруднения, съезд выслушал выступления не только Радека и Бела Куна, но и делегатов многих восточных народов. Радек открыто старался снять любое подозрение о том, что дружественное отношение Москвы может оказаться хрупким и недолговечным: «... Постоянного мира между страной труда и между странами эксплуатации быть не может. И поэтому восточная политика Советского правительства не есть дипломатический маневр, не есть бросание народов Востока в огонь, чтобы русская Советская Республика

могла, продавая их, получить для себя выгоду... Мы связаны с вами судьбой: или мы соединимся с народами Востока и ускорим победу западноевропейского пролетариата, или мы погибнем, и вы будете рабами»⁹⁰.

Позднее еще один делегат из Москвы, Павлович, повторил важное признание Ленина на II конгрессе Коминтерна и отметил, что «с помощью пролетарских передовых стран отсталые народы могут перейти к Советскому строю и через определенную ступень к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁹¹.

Съезд тем не менее встретился все-таки с некоторыми проблемами. Искусное соединение судеб угнетенного пролетариата Европы и поработанных народов Азии, которое осуществлял в Москве Ленин, было менее убедительным на пестром собрании в Баку. Щекотливый вопрос о религии был положен на полку⁹². Но все равно оказалось трудным как на практике, так и в марксистской теории постоянно проводить знак равенства между западным революционным пролетариатом и восточным крестьянством. Вожди Коминтерна и восточные народы пришли к общему знаменателю через совместную ненависть к «английскому империализму», основывающуюся хоть и на разных, но на совместимых основах. Во-первых и прежде всего, их объединила перспектива совместной войны против общего врага. Бакинский съезд собрался в то время, когда вера в неизбежность мировой революции достигла своей высшей точки. Сам съезд был одним из результатов этой веры. Если эта надежда претворится в жизнь, то все будет хорошо. Мутишев, кавказский делегат, говорил относительно Турции: «Движение Мустафы Кемаля — это национально-освободительное движение. Мы его поддерживаем, но, как только кончится борьба с империализмом, мы верим, это движение перейдет в социальную революцию»⁹³. Ни один делегат съезда не набрался духа спросить, а что случится, если такое предсказание не осуществится.

Потенциальное противоречие между альтернативными политическими курсами поддержки буржуазных движений национального освобождения, ищущих союза с РСФСР, или поддержки местных коммунистических партий, поднявших восстание против национальной буржуазии, не было разрешено при обсуждении тезисов Ленина и Роя на II конгрессе Коминтерна. То же противоречие, которое легко можно было представить как выбор между революционной целесообразностью и твердым революционным интернационализмом, никоим образом не ослабло в Баку. Напротив, непредвиденный и не имеющий подобных ранее случаев на съезде явился предтечей будущей практической дилеммы, которая вскоре встала перед советской политикой и в других областях, — выбор между пренебрежением к явным национальным интересам и действиями, несовместимыми с революционными принципами. Переговоры между Радеком и Энвером в Берлине 1919 г. дали основания Энверу для твердого намерения использовать Советскую Россию

как опору для своего восстановления и мести своему главному врагу — Великобритании. Когда он прибыл в Москву летом 1920 г. предложить свои услуги Советскому правительству, то его верительными грамотами были значительные военные и административные способности и яростная неугасимая ненависть к Великобритании, завоевателю его страны и источнику его собственных неудач. Что случилось на последующих переговорах — неизвестно. Однако имеются достаточные доказательства дружественного характера его приема в Москве и правдоподобное сообщение о том, что он был принят Лениным⁹⁴. К нему отнеслись достаточно благосклонно, как к возможному союзнику в восточной политике, и разрешили как гостю посетить Бакинский съезд народов Востока⁹⁵.

Тут, однако, и начались трудности. Революция «младотурок» 1908 г. была прежде всего националистической по характеру и, таким образом, «антиимпериалистической». С некоторой натяжкой ее можно назвать буржуазной. Но ни в коем случае она не была демократической и не была революцией трудящихся — пролетарской или крестьянской. В ярком прошлом Энвера ничего не предполагает, что он был защитником пролетариата или угнетенных народов. Он был одним из зачинщиков известной армянской резни, а на съезде присутствовала большая армянская делегация. Энвер-паша был почетным гостем на съезде, исходя из того, что он был местом встречи всех, кто по любым причинам ненавидел британский империализм. По многим другим данным, его объявили противником почти всего того, за что выступал съезд. Что еще хуже, Энвер был заклятым врагом Кемалья и его справедливо подозревали в том, что он хотел отнять у него власть в новой Турции. Турки в Баку ненавидели британский империализм и в своей большей части были верны национальной революции, которую осуществлял Кемаль в Турции (неясно, были ли они революционерами в любом другом смысле)⁹⁶, и не хотели иметь ничего общего с Энвером. Поэтому главным покровителем Энвера в Баку был сам Зиновьев. Это совсем не так парадоксально, как может показаться с первого взгляда. Энвер был потенциальной козырной картой советской политики, хотя его и нельзя было прямо считать сторонником национального освобождения или мировой революции, за исключением случаев, когда советская политика могла быть автоматически отождествлена с этими двумя целями.

Был достигнут компромисс. Энвер не появлялся лично в зале заседаний. Но с трибуны было зачитано его заявление — не без «шума» и «протестов» из аудитории, — в котором он выразил сожаление, что был вынужден «воевать на стороне германского империализма», и утверждал, что «если бы нынешняя Россия существовала тогда и вела войну с ее нынешними целями», то он целиком был бы на ее стороне; и, наконец, настаивал на том, что он представляет «союз революционных организаций Марокко, Алжира, Туниса, Триполи, Египта, Аравии и Индостана» (по-видимому,

изобретенный для такого случая). Затем огласили заявление «представителя правительства Ангоры», который тоже находился в Баку в качестве наблюдателя. Он тактично подчеркнул существование тесной дружбы между новым «народным и революционным правительством» Турции и революционной Россией. Затем Бела Кун по поручению президиума представил резолюцию, Зиновьев как председатель, игнорируя громкие требования обсудить ее, торопливо объявил ее принятой. После нескольких общих фраз о турецкой революции в этой резолюции делалось предостережение против «тех вождей движения, которые в прошлом вели на бойню турецких крестьян и рабочих в интересах одной империалистической группы» (что можно было принять за упрек Энверу), и содержался призыв к таким лидерам исправить свои прошлые ошибки служением трудовому народу (что оставляло открытой дверь для их дальнейшего использования в будущем)⁹⁷. Сейчас уже невозможно точно установить, какое впечатление произвели на съезд эти действия. Но рассказ об Энвере как о борце за всемирную революцию в Баку разошелся среди социалистов в Европе. Шесть недель спустя, когда у Зиновьева потребовали дать соответствующие разъяснения на конгрессе в Галле, он испытал некоторые трудности, оправдывая даже слегка искаженный вариант резолюции, который он зачитал делегатам в Баку⁹⁸. Для критиков было очень легко указывать, что, с одной стороны, «турки, персы, корейцы, индусы и китайцы поворачивались не к коммунизму Москвы, а к политической силе Москвы»⁹⁹, а с другой стороны, что Коминтерн не был свободен от соблазна «рассматривать народы Востока как пешки на шахматной доске дипломатической войны с Антантой»¹⁰⁰. Все эти элементы присутствовали и в Баку, но были подавлены силой искреннего революционного энтузиазма.

Этот неудобный эпизод, возможно, сыграл большую роль в ретроспективной критике, чем на самом съезде. Публичные обсуждения закончились в атмосфере успеха и взаимных поздравлений. Съезд издал два манифеста: один — «К народам Востока» и другой — «К рабочим Европы, Америки и Японии»¹⁰¹ — и принял несколько резолюций. Первая из них призывала «угнетенное крестьянство Востока» рассчитывать «в своей революционной борьбе... на поддержку революционных рабочих Запада, на поддержку Коммунистического Интернационала и существующих и будущих советских государств» и «на необходимость создания Советской власти» на Востоке¹⁰². Вторая рекомендовала крестьянам захватывать землю и выгонять как «иностранных завоевателей-капиталистов», так и «помещиков, буржуев и прочих угнетателей»¹⁰³. Третьей резолюцией конгресс образовал Совет пропаганды и действия для проведения принятой политики. Совет, состоявший из 47 членов более чем 20 национальностей, должен был собираться раз в три месяца в Баку. В перерывах дела велись президиумом из 7 человек, включая 2 представителей Коминтерна, обладавших в президиуме правом вето. Совет предполагал иметь отделение в Таш-

кенте «и в других центрах, где найдет нужным»¹⁰⁴. Последним символическим актом съезда было присутствие на погребальной церемонии 26 бакинских комиссаров (чьи тела были доставлены в Баку), которые погибли от рук «белых» и якобы с согласия англичан¹⁰⁵.

Хотя Бакинский съезд и называется в исторических документах I съездом народов Востока, он оказался единственным и не повлек за собой создания какого-либо значительного аппарата. В Баку был учрежден Совет пропаганды и действия, который сделал свой первый доклад ИККИ в ноябре 1920 г.¹⁰⁶ В декабре он объявил о выходе первого номера журнала «Народы Востока» на русском, турецком, персидском и арабском языках¹⁰⁷. Имеется мало документов, свидетельствующих о деятельности Совета. Быстрое исчезновение Совета и его журнала¹⁰⁸, возможно, явилось отчасти следствием англо-советского торгового соглашения, заключенного в марте 1921 г. Его деятельность также служит иллюстрацией к трудностям создания какого-нибудь эффективного политического органа вне Москвы. Все же, хотя бакинский Совет пропаганды и действия потерпел неудачу, усиление интереса к восточным делам к концу 1920 г. проявилось в зарождении другого важного учреждения. В прениях на II конгрессе Коминтерна делегатом Нидерландской Индии было сделано полезное предложение о том, что Коминтерну следует собирать в Москве коммунистических лидеров из стран Востока на шестимесячное обучение коммунистической работе среди своих народов: «Мы здесь в России должны дать возможность восточным революционерам получить теоретическое образование, чтобы Дальний Восток стал живым членом Коммунистического Интернационала»¹⁰⁹.

Еще раньше пропагандистская школа была организована в Ташкенте, где способные молодые представители восточных народов, как входящих в пределы РСФСР, так и вне ее, готовились стать пропагандистами и революционными лидерами в своих странах¹¹⁰. Осенью 1920 г. был основан новый Институт востоковедения на базе бывшего лазаревского Института восточных языков. Его функции определялись как обучение лиц, готовящихся к практической деятельности на Востоке или в связи с Востоком¹¹¹. Затем в апреле 1921 г. декретом ВЦИК был образован Коммунистический университет трудящихся Востока, где обучение должно было вестись на родных языках студентов¹¹², для того чтобы подготовить их к политической работе «без улучшения знания русского языка». Университет придали Наркомату по делам национальностей. Заместитель наркома Бройдо стал его первым руководителем. Для обучения на период от 4 до 5 лет набирались представители восточных стран как входящих в РСФСР, так и находящихся за ее пределами. Принцип обучения состоял в том, что периоды 8- или 9-месячного обучения сменялись более короткими периодами практической работы вне университета. В конце первого года деятельности университета в нем якобы училось 700 студентов 57 различ-

ных национальностей. В Туркестане, Баку и Иркутске были образованы его филиалы¹¹³. В конце 1921 г. была сделана попытка мобилизовать имеющиеся в России знания экспертов по восточным вопросам (в которых партийная прослойка была слабо представлена) путем создания Всероссийской научной ассоциации востоковедения, издававшей солидный и вполне научный журнал «Новый Восток» с главным редактором Павловичем. Журнал успешно сочетал революционное и традиционно русское отношение к азиатским народам и оставался целый ряд лет авторитетным органом, выражавшим официальную точку зрения¹¹⁴.

Итак, в то время как простая вера во всемирную революцию, одновременно охватывающую западные промышленные страны и восточные колониальные народы, первоначально внушенная Бакинским съездом, вскоре увяла, все же осталось твердое убеждение как в важности Азии для революционной и национальной политики, так и в необходимости черпать с Востока силы для противостояния враждебному миру западного капитализма. Бакинский съезд сыграл по крайней мере символическую роль в становлении в советской политике сознания двойного предназначения России, относящейся как к Востоку, так и к Западу, как к Азии, так и к Европе. Несложно было, не искажая сути этого предназначения, выразить его в революционных терминах. Сталин именно так и поступил, красочно завершая свою речь в Баку по случаю третьей годовщины Октябрьской революции, спустя 2 месяца после съезда: «Перефразируя известные слова Лютера, Россия могла бы сказать: „Здесь я стою на рубеже между старым, капиталистическим, и новым, социалистическим, миром, здесь, на этом рубеже, я объединяю усилия пролетариев Запада с усилиями крестьянства Востока для того, чтобы разгромить старый мир. Да поможет мне бог истории”»¹¹⁵.

Более того, по мере роста разочарования в ухудшающихся перспективах революции на Западе в Москве все сильнее стали уповать на помощь, которая придет с Востока для окончательного разгрома капиталистических держав. Ленин в своей последней опубликованной при жизни статье «Лучше меньше, да лучше», отмечая медлительность, с которой западноевропейские капиталистические страны завершают «свое развитие к социализму», успокаивал себя положением, что «Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение», отмечая, что «Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения»¹¹⁶. Бакинский съезд можно с полным основанием назвать исходной точкой процесса обращения на Восток для изменения неблагоприятного соотношения сил с Западом. Можно считать, что с зимы 1920/21 г. при определении линии советской внешней политики стала полностью признаваться важность роли Востока, следовала ли в дальнейшем эта политика революционным курсом или же прибегала к традиционным формам защиты национальных интересов.

ГЛАВА 27

НЭП ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Лето 1920 г. было последним периодом, когда доминирующим фактором в советской внешней политике была вера в неизбежность европейской революции. Война с Польшей и вызванная ею приостановка наметившегося сближения с Западной Европой дали новый стимул революционной пропаганде, а впечатляющие победы Красной Армии впервые после зимы 1918/19 г., казалось, открыли перспективу немедленной революции в Европе. Но когда это мимолетное видение исчезло вместе с поражением Красной Армии под Варшавой и перемирием 12 октября 1920 г., которые означали в худшем случае поражение Советской власти, а в лучшем — тупик, мировая революция вновь превратилась в мечту будущего, а внешняя политика опять стала предметом дипломатических маневров и переговоров. К концу октября 1920 г. Великобритания — в то время главный противник России в дипломатической игре — также была готова рассматривать события лета 1920 г. как незначительный эпизод и восстановить связи, которые были временно прерваны. Переговоры были возобновлены и продолжались до заключения англо-советского торгового соглашения в марте 1921 г.

Хотя месяцы от мая до октября 1920 г. представляли собой в определенном смысле отступление от курса, взятого до начала этих событий и продолженного после их окончания, они тем не менее наложили глубокий отпечаток на отношения Советского Союза с внешним миром. В первые месяцы 1920 г. чувство облегчения, вызванное предполагаемым окончанием гражданской войны, и сильное стремление к миру и восстановлению определили преобладание политики примирения. Осенью 1920 г. позиции тех сил в советской политике, которые выступали за временное примирение с капиталистическим миром, еще более укрепились. То, что РСФСР оказалась опять в полосе враждебности, увеличило и без того невыносимые тяготы для населения и приблизило крах разлаженного экономического механизма. Недовольство крестьян и беспорядки, которые впервые стали реальной угрозой осенью 1920 г., потребовали ослабления жесткости внутренней экономической политики и улучшения материальных условий жизни, которые можно было обеспечить в обозримом будущем

лишь путем соглашения с иностранными капиталистами. Вновь не оправдались надежды на революционную помощь европейского пролетариата. Хотя аппарат Коминтерна продолжал непреклонно проводить в жизнь бескомпромиссную линию, выработанную II конгрессом, страна в целом пришла к такому состоянию, которое сделало НЭП возможным и неизбежным; естественным следствием НЭПа была внешняя политика примирения и компромисса с капиталистическим миром.

В то же время война с Польшей и последние этапы гражданской войны сопровождались изменением настроений всех слоев населения, процессом, который с трудом поддается анализу. Еще до 1920 г. опасности гражданской войны, а также возросшие престиж и сила режима, у которого, как казалось сначала, было мало шансов выжить, создали в массах если не действительно лояльное, то по крайней мере терпимое отношение к новому порядку. Ни рабочие, ни крестьяне, по существу, не хотели возвращения «белых», а тот факт, что последние получали помощь из-за границы, придавал патриотическую окраску борьбе, поднятой против интервентов в защиту молодой республики¹. В конечном счете именно польское вторжение в мае 1920 г. зажгло в РСФСР пламя русского патриотизма. Даже Зиновьев быстро осознал значение этого нового преимущества и возможность его использования:

«...война становится общенародной... Не только передовое население деревни, но даже кулачество относится резко отрицательно к наступлению польской шляхты... Мы, коммунисты, должны встать во главе этого народного движения, которое охватило все слои населения и дальше будет крепнуть с каждым днем»².

В бурной атмосфере триумфального наступления в Польшу и II конгресса Коминтерна чувство патриотизма оказалось столь же пьянящим стимулом, как и революционный пыл, по крайней мере действенность его была не менее продолжительной.

Не меньшее значение имел стимул, который дала война с Польшей для постепенного примирения с бывшими государственными служащими и управленческим аппаратом, представителей которых во все большем числе стали брать обратно на службу Советского правительства в качестве технических специалистов и чиновников. Это примирение означало не только частичное признание целей и политики Советов их бывшими противниками, но и в известной степени слияние этих целей и политики с некогда презиравшимся традиционным чувством русского патриотизма³. Война с Польшей явилась также важной вехой в превращении революционной Красной Армии в армию национальную. Красная Армия, выигравшая гражданскую войну, создавалась на основе бывших кадровых царских офицеров разных званий, начиная с высших офицеров, таких, как Вацетис и Сергей Каменев, двух первых главкомов Красной Армии, в прошлом — полковников Императорского Генерального штаба, и кончая младшими

офицерами, такими, как Тухачевский, который сделал блестящую карьеру в новой армии и через год службы получил звание генерала. Троцкий вспоминает, как удивился Ленин, услышав от него в начале 1919 г., что 30 тыс. таких офицеров уже призваны в Красную Армию, и узнав его мнение, что «на каждого изменника приходится сотня надежных»⁴. VIII съезд партии в марте 1919 г. в осторожной форме одобрил использование «военных специалистов»⁵, и, когда была одержана победа, им стали отдавать должное за их вклад в победу. В октябре 1919 г. Троцкий красноречиво отдал дань уважения бывшему царскому генералу Николаеву, который, служа в Красной Армии, в ходе кампании против Юденича был взят в плен «белыми» и расстрелян⁶. В мае 1920 г. с началом войны с Польшей последний главнокомандующий царской армии Брусилов предложил свои услуги Красной Армии и рекомендовал организовать совет, состоящий из видных офицеров бывшей царской армии, для того чтобы изучить пути и средства лучшей организации Красной Армии. Предложение было принято Советским правительством⁷. Не имеет смысла обобщать тот сложный комплекс сознательных и неосознанных мотивов, побудивших бывших царских офицеров пойти на службу в Красную Армию. Однако к весне 1920 г. важную роль стала играть именно национальная преданность тому, что в конечном счете являлось действующим правительством их страны; и завершала эту эволюцию возможность принять активное участие в войне против тех, кто был среди наиболее упорных традиционных врагов, посягавших на Россию, — поляков. В хвалебной речи в адрес Сергея Каменева, написанной в конце 1920 г., Радек отмечал, что «за три года гражданской войны выкристаллизовалась элита из старых царских офицеров, духовно связанная с Советским правительством»⁸. Но и здесь влияние также было взаимным. Красная Армия, включая в свой состав офицеров бывших царских армий и завоевывая их лояльность, ускоряла свое превращение в национальную армию Советской республики. И этой благодатной почвой для расцвета традиционного патриотизма также явилась война с Польшей.

Таким образом, осенью 1920 г., когда гражданская и мировая войны близились к завершению, вызревали предпосылки для новой концепции внешней политики, которая бы делала упор на защиту национальных интересов и знаменовала бы отход от курса, в принципе враждебного ко всем капиталистическим правительствам, политики, предполагающей переговоры с капиталистическими правительствами с каждым в отдельности или коллективно на основе взаимной выгоды. Было бы, однако, преувеличением рассматривать изменение акцентов как радикальный пересмотр точки зрения. Новый подход не отрицал стремления к мировой революции, точно так же как старый никогда не исключал ориентации на национальные интересы. В сущности, всегда можно было утверждать, что оба подхода к политике являлись средствами

защиты национальных интересов и что они скорее взаимодополняющие, нежели взаимоисключающие. Поскольку советский режим оказался способным выжить в тяжелых испытаниях гражданской войны — отчасти благодаря революционной пропаганде, рассчитанной на массы в капиталистических странах, а отчасти благодаря взаимной подозрительности и враждебности в капиталистическом мире, — правомерно было сделать вывод, что его выживанию и благополучию и в дальнейшем будет способствовать не только ведение пропаганды, но и поощрение этой подозрительности и враждебности. Таким образом, в тот момент, когда возрастающая оппозиция антисоветским акциям со стороны трудящихся в капиталистическом мире и начало экономического кризиса подталкивали западные страны к экономическому сотрудничеству с Советской Россией, иные, но не менее действенные силы диктовали и советским лидерам политику сотрудничества с капиталистическим миром. В своей речи на Московской партийной конференции в ноябре 1920 г. Ленин выдвинул новое положение:

«...мы имеем не только передышку, — мы имеем новую полосу, когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоевано».

Абсурдно утверждать, что большевики будто бы «обещали или мечтали силами одной России переделать весь мир. Но до такого сумасшествия мы никогда не доходили, а всегда говорили, что наша революция победит, когда ее поддержат рабочие всех стран. Вышло так, что они поддержали наполовину, ибо ослабили руку, поднявшуюся против нас, но все же и этим они оказали нам помощь»⁹.

Представление о Советской республике или группе Советских республик как об острове, одиноко возвышающемся на территории бывшей царской империи в окружении капиталистического мира, представление, которое в первые дни революции отмыслось как химера, начало приобретать зримые очертания. И дважды в своей речи на собрании актива Московской партийной организации в декабре 1920 г. Ленин возвращался к тому, что в таких условиях должно было стать главной задачей советской дипломатии:

«...пока мы остаемся, с точки зрения экономической и военной, слабее, чем остальной капиталистический мир, до тех пор надо держаться правила: надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами...

Политически мы должны использовать разногласия между противниками, и только глубокие разногласия, объясняемые глубочайшими экономическими причинами»¹⁰.

Как и прежде¹¹, Ленин показывал в этой политике преимущество, а не изменение. «...использовать рознь империалистических держав, чтобы затруднить соглашение или по возможности сделать его временно невозможным, — добавил он месяцем позже, —

это — основная линия в течение трех лет нашей политики»¹². Однако тревога и осторожность, обнаруживаемые Лениным в ноябре и декабре 1920 г., резко контрастируют с оптимизмом его заявлений, сделанных годом раньше. Политически революция консолидировалась — об этом свидетельствовало то, что государственные служащие и бывшая буржуазия собирались под большевистским флагом. Экономически она была в более отчаянном положении, чем когда-либо прежде, поскольку пролетариат более развитых стран оказался не в состоянии прийти ей на помощь. Дилемма, создававшая условия для НЭПа внутри страны, преобразовывала также — почти незаметно — и отношения Советского правительства с зарубежными странами.

Теперь, когда Ленин рассуждал о необходимости договориться с капиталистическими государствами, он имел в виду в первую очередь и в особенности соглашения, рассчитанные на то, чтобы облегчить экономические трудности и неопределенности, стимулируя приток импорта из-за рубежа для покрытия крайней нехватки товаров, причем наиболее острой была потребность в паровозах и машинном оборудовании.

«Мы должны суметь, — говорил Ленин в это время, — опираясь на особенности капиталистического мира и используя жадность капиталистов к сырью, извлечь отсюда такие выгоды, чтобы укрепить свое экономическое положение — как это ни странно — среди капиталистов»¹³.

Пока эта цель еще только должна была быть достигнута путем всесторонних переговоров с капиталистическими странами, единственным же достижением к тому времени было неофициальное соглашение со Швецией, заключенное 15 мая 1920 г.¹⁴ На последних этапах войны с Польшей наряду с договором с Эстонией, заключенным в феврале предшествовавшего года, были заключены договоры с Литвой, Латвией и Финляндией¹⁵; но эти соглашения скорее открывали каналы для торговли, нежели обеспечивали саму торговлю. В сентябре 1920 г. Литвинов отправился в Осло и провел длительные торговые переговоры с норвежским правительством — но безрезультатно¹⁶. Кроме того, жизненно важные переговоры с Великобританией были полностью прекращены из-за разногласий по польскому вопросу. Когда Красин после месячного отсутствия вернулся в начале августа в Лондон, на этот раз в сопровождении Каменева, то обнаружил, что обстановка совершенно изменилась. Ллойд Джордж был заинтересован лишь в спасении Польши¹⁷, и вновь главенствовали политические круги, враждебные Советской России. Для того чтобы помешать возобновлению торговых переговоров, они взывали к предрассудкам, не имевшим отношения к польскому вопросу, а 10 сентября 1920 г. было выдвинуто требование, чтобы Каменев покинул страну. Соответствующее обвинение против него со-

стояло в том, что он был замешан в продаже драгоценностей русской императорской семьи, что через него передавались субсидии газете «Дейли геральд», что он поддерживал отношения с подрывной организацией «Совет действия» и что месяцем ранее он ввел в заблуждение Ллойд Джорджа относительно условий, предложенных Польше¹⁸. Через неделю Красин выступил с заявлением, в котором снимал с себя ответственность за «действия Каменева». Возникла неправдоподобная ситуация, когда один делегат мог дезавуировать действия, приписанные его коллеге, и такое дезавуирование было принято как удовлетворительное. Но к этому времени Красная Армия явно отступала, а на юге России начал свой поход Врангель. На короткое время в британской политике, как и летом 1919 г., возобладало иллюзорное мышление. Несколькими неделями ранее страх перед тем, что Красная Армия, сражающаяся под знаменем мировой революции, наводнит Европу, исключил какую-либо возможность возобновления переговоров с Красиным. Теперь надежды на то, что советский режим вот-вот падет под совместным натиском Пилсудского и Врангеля, обернулись точно такими же последствиями. Говоря словами Красина, «Ллойд Джордж ждал, не развалится ли Советская власть под ударами польских легионов»¹⁹. Перерыв в переговорах летом 1920 г. затянулся вплоть до осени.

Отчасти именно медленный прогресс в переговорах с Великобританией вернул внимание советских лидеров летом 1920 г. — впервые почти за два года — к Соединенным Штатам; примерно в то же время в американских правящих кругах начали обсуждать возможность торговли с Советской Россией. В декабре 1919 г. государственный секретарь Лансинг составил конфиденциальный меморандум с предложением создать организацию с капиталом в 100 млн. долларов для финансирования торговли между Америкой и Россией²⁰, а в марте 1920 г. первые сообщения о предстоящем приглашении Красина в Лондон вызвали ревнивые запросы американского правительства²¹. Однако на протяжении 1920 г. сохранялось преобладание антисоветских сил. В декабре 1919 г. 249 человек, известных как коммунисты либо подозреваемых в этом, были депортированы из Нью-Йорка в Советскую Россию — это событие вызвало сенсацию в стране, прежде неизменно предоставлявшей неограниченное право убежища политическим бунтарям. В марте 1920 г. в суде было возбуждено дело о депортации Мартенса²², чему предшествовало тщательное публичное рассмотрение данных о нем и о его деятельности в комиссии конгресса по иностранным делам²³. Американская политика в глазах Советов по-прежнему имела двусмысленный и сомнительный характер. Соединенные Штаты, как и другие союзники, участвовали в гражданской войне против советского режима, хотя и уверяли, что придерживаются политики невмешательства. Они отрицали свое участие в блокаде РСФСР, хотя подобно другим предпринимали столь же эффективные меры, чтобы помешать

своим гражданам торговать с этой страной. 7 июля 1920 г. правительство Соединенных Штатов сняло все ограничения на торговлю с Советской Россией, но в то же самое время проинструктировало американских дипломатических и консульских представителей не предпринимать никаких действий, которые «официально или неофициально, прямо или косвенно содействовали бы или облегчали коммерческие либо иные связи» между американскими гражданами и этой страной²⁴. Наконец, в августе 1920 г. Колби, последний государственный секретарь президента Вильсона, в ответ на запрос итальянского правительства охарактеризовал точку зрения Америки в ноте, которая была опубликована и в течение длительного времени имела широкую известность.

«Нынешние правители России», указывалось в ней, не являются «правительством, с которым можно поддерживать отношения, принятые между дружественными правительствами». Напротив, они «часто и открыто гордятся тем, что готовы подписать соглашения и принять на себя обязательства в отношении иностранных держав, не имея ни малейшего намерения соблюдать подобные обязательства и выполнять подобные соглашения». Более того, они публично заявили, что «само существование большинства в России, сохранение власти в их руках зависит и будет зависеть от осуществления революций во всех других великих цивилизованных странах, и ясно дали понять, что намерены использовать любые средства, включая, конечно, и дипломатические представительства, для того, чтобы содействовать революционным движениям в других странах».

Нота побудила Чичерина выступить с контрзаявлением, которое было опубликовано в «Известиях» под заголовком «Опровержение буржуазной лжи» и было официально передано в государственный департамент Мартенсом. После обычных рассуждений об иллюзорности буржуазной демократической свободы в заявлении смело провозглашалось, что Советская Россия всегда добросовестно соблюдала принятые ею на себя обязательства — «даже навязанный Советской власти насилем Брестский договор» — и что, «если русское правительство даст обязательство воздерживаться от распространения коммунистической литературы, все ее представители неуклонно будут соблюдать это обязательство». Однако, несмотря на свой полемический характер, заявление завершалось успокоительными словами, в которых выражалась надежда на то, что «в близком будущем между Россией и Северной Америкой... установятся нормальные отношения»²⁵. Через две недели Троцкий в интервью Джону Риду ясно намекнул на другую причину общности интересов Советской России и Соединенных Штатов.

«...мы не только можем существовать с буржуазными государствами, но и способны вести с ними — и в очень широких пределах — совместную работу. Совершенно ясно, что наши отношения к тихоокеанским антагонизмам будут целиком определяться

отношением к советской республике со стороны Японии и со стороны Соединенных Штатов»²⁶.

Это было сказано в тот момент, когда гражданская война подходила к концу, когда экономическое давление «военного коммунизма» породило нестерпимую напряженность внутри страны и когда упорные попытки начать торговые отношения с Великобританией и другими капиталистическими странами Запада зашли в тупик. Именно в этот момент цепь неудач привела к решительному возрождению плана, впервые поставленного на повестку дня в 1918 г.²⁷, о котором никогда полностью не забывали, — предложить концессии в Советской России иностранным капиталистам. Постоянное возвращение к идее привлечения иностранного капитала путем предоставления концессий на эксплуатацию ресурсов было вполне логичным в то время, когда Россия отчаянно нуждалась в зарубежном капитальном оборудовании для своего промышленного развития и не могла ничего предложить взамен, кроме своих огромных неразработанных природных ресурсов. Логичным было также то, что мысли постоянно обращались к Соединенным Штатам Америки как самому многообещающему источнику капиталовложений, и не только потому, что Америка обладала инвестиционным капиталом, но и потому, что Америку по сравнению с другими ведущими капиталистическими странами в меньшей степени подозревали в политических замыслах, враждебных Советской власти. В мае 1918 г. Робинсону был вручен меморандум, в котором говорилось о том, что Америка может «активно участвовать в разработке морских богатств Восточной Сибири, угольных и других шахт, а также в строительстве железнодорожного и морского транспорта в Сибири и на севере Европейской части России». В качестве другой возможности для приложения американского капитала указывалось сооружение внутренних водных путей на севере России и в бассейне Дона; предлагалось также, что «Соединенные Штаты могут в широком масштабе участвовать в развитии хорошо известных обширных сельскохозяйственных районов путем внедрения современных методов и получая взамен значительную долю продукции»²⁸. Вся последующая концессионная программа Советского правительства в зачаточной форме уже намечена в этом меморандуме.

На некоторое время проект иностранных концессий был выдвинут на передний план советской экономической политики. Летом 1918 г. Совнарком назначил комиссию для рассмотрения условий, на которых иностранцам могут быть предоставлены концессии, а в сентябре 1918 г. Ломов сделал доклад на ВСНХ, резко выступив против точки зрения левой оппозиции, считавшей, что концессии «несовместимы с социалистическим устройством России». Однако проблема не была в тот момент актуальна, поскольку никто из предполагаемых инвесторов не заявил о себе, и ВСНХ воздержался от принятия какой-либо резолюции²⁹. Зимой 1918/19 г. были начаты далеко идущие переговоры о стро-

ительстве железной дороги от Мурманска через Северную Россию до устья Оби в Сибири при долевом участии норвежцев и «белых» русских в обмен на предоставление концессии на лесозаготовки в обширном районе Северной России сроком на 48 лет. Сторонником этого предложения вновь выступил Ломов. Было получено принципиальное согласие на него Совнаркома. Но участие в проекте «белых» сделало его легкой мишенью для оппозиции. В марте 1919 г. от проекта отказались, а ряд советских граждан, связанных с ним, были арестованы по обвинению в связях с врагами режима³⁰. Затем в ходе гражданской войны, по мере того как росла изоляция Советской России и усиливалась несовместимость принципов военного коммунизма с капиталистическими методами и приемами хозяйствования³¹, предложение о концессиях все более теряло силу, хотя формально от него никогда не отказывались. Оно было возрождено лишь в конце лета 1920 г. в статье Ломова, которая не случайно была переведена для советского журнала, издававшегося в Нью-Йорке³².

Именно в таких условиях осенью 1920 г. в Москву прибыл американский путешественник по имени Вандерлип. Он был горным инженером по образованию и двадцатью годами ранее совершил с компаньоном путешествие по северу Сахалина и Камчатке в тщетных поисках золота³³. Его, видимо, приняли — а он не отрицал этого — за известного банкира, своего однофамильца, с которым в действительности не имел ничего общего³⁴. Но в 1920 г. американцы редко бывали в Москве; всех американских бизнесменов считали миллионерами, и Вандерлипа сразу же приняли за очень важную и влиятельную персону. Предполагаемое богатство и статус обеспечили внимание к его предложениям. По словам Ленина, Вандерлип явился с вымышленным «с чрезвычайной откровенностью, цинизмом и грубостью американского кулака» предложением взять в аренду Камчатку, минеральные ресурсы которой, в особенности нефть и керосин, будут бесценны в предстоящей войне Америки с Японией. Вандерлип объяснил, что «наша партия», то есть республиканцы, как ожидается, выиграет предстоящие президентские выборы и, если Камчатка будет сдана в аренду, это вызовет такой энтузиазм, что можно быть уверенным в признании Советского правительства³⁵. К тому времени Камчатка, естественно, рассматривалась как часть Дальневосточной Республики. Но граница, к счастью, не была еще установлена, и Камчатка в срочном порядке была воссоединена с РСФСР³⁶. Если какая-либо реальная власть и существовала на этом отдаленном полуострове, то, по всей видимости, осуществляла эту власть Япония. Но это не уменьшало притягательности предложения для Советского правительства, которое вряд ли упустило бы возможность, какой бы она ни была отдаленной, заручиться американской поддержкой против японских вторжений в Сибирь. Прежде чем Вандерлип покинул Москву, у него состоялась беседа с Лениным, и контракт был подписан³⁷, при-

чем это соглашение послужило непосредственным стимулом для важного декрета о концессиях, принятого Совнаркомом 23 ноября 1920 г. В декрете отмечалось, что темп восстановления русской экономики может быть «ускорен во много раз» за счет привлечения иностранных фирм или организаций «к делу добычи и переработки природных богатств России» и что, с другой стороны, «в некоторых европейских странах, и в особенности в Соединенных Штатах Америки», существует нехватка сырья и избыток капитала; это привело к конкретным предложениям концессий для иностранного капитала, уже сделанным Советскому правительству. Такие концессии могут в принципе быть предоставлены солидным, заслуживающим доверия иностранным концернам, которые будут получать компенсацию в виде определенной части продукции предприятия, сданного в концессию, с правом ее экспорта. Концессии будут предоставляться на длительный срок для того, чтобы обеспечить соответствующую компенсацию с гарантией от национализации и конфискации. Найм советских рабочих может осуществляться на условиях, предусмотренных советским трудовым законодательством. К постановлению прилагался список 72 объектов, которые могли быть сданы в концессию иностранным капиталистам. Он включал концессии на заготовку лесоматериалов на севере России и в Сибири, угледобычу в Сибири и сельскохозяйственные концессии на юго-востоке России³⁸.

Постановление, явившееся предвестником НЭПа в области внешней политики и воспринятое с недоверием многими ортодоксами в партии³⁹, принесло плоды не сразу. Хотя главное условие, оговоренное в соглашении с Вандерлипом — победа республиканской партии на американских президентских выборах, — было вскоре реализовано, проект не продвинулся дальше, и Ленин, не оставивший подозрений, был убежден, что «в империалистической политике вся эта история сыграла известную роль». Он почувствовал себя уязвленным, когда Гардинг, незадолго до этого избранный президентом, заявил, что он ничего не знает о концессиях Вандерлипа⁴⁰. Но для Ленина соглашение с Вандерлипом и декрет о концессиях означали нечто большее, чем хорошо рассчитанный ход, позволяющий натравить Соединенные Штаты на Японию, и даже больше, чем возможность смягчить существующие экономические бедствия. Они означали признание участия Советской России в экономике капиталистического мира, основу для будущих отношений с капиталистическими державами.

«Если внимательно прочитать и еще раз прочитать декрет от 23 ноября о концессиях, — говорил он группе партийных работников, — вы увидите, что мы подчеркиваем значение мирового хозяйства и делаем это умышленно. Это неоспоримо правильная точка зрения. Для восстановления всемирного хозяйства нужно использовать русское сырье... Он (Вандерлип. — *Ред.*) говорит, что надо опереться на Россию. И вот Россия выступает теперь на

весь мир, она заявляет: мы беремся восстанавливать международное хозяйство — вот наш план»⁴¹.

Это был далеко идущий замысел, и позднее Ленин с успехом использовал этот же довод. Но для текущего момента, когда советскую экономическую политику все еще определял «военный коммунизм», новый подход был преждевременным, и декрет о концессиях оказался рожденным досрочно. Спустя шесть месяцев Ленин был вынужден признать, что ни одной концессии не было предоставлено, поскольку от иностранных капиталистов не было получено ни одного достаточно серьезного предложения⁴².

Хотя изменчивый ход советско-польской войны и кампания против Каменева⁴³ затянули перерыв в англо-советских торговых переговорах вплоть до осени 1920 г., Красин отнюдь не терял времени и в этот период политического ostracизма и официального бездействия. Он быстро устанавливал связи в промышленном мире Великобритании и сумел использовать то свое преимущество, что был единственным крупным предпринимателем, занимавшим когда-либо ведущие позиции в советской иерархии. В течение мертвого сезона, когда официальные переговоры были временно прерваны, Красин начал осторожные переговоры с большим числом британских фирм. Он сам упоминает три примера: переговоры с машиностроительными заводами «Слау» о поставке 500 автомобилей, с обществом «Маркони» «относительно образования британско-русского общества для торговли с Англией» и с «Армстронгом» из Ньюкасла о постоянном контракте на ремонт русских паровозов. В период, когда углублялся спад и нарастала безработица, предложение значительных заказов имело большую притягательную силу. Красин широко раскинул свою сеть. Он утверждал, что результатом его деятельности стало «давление некоторых промышленных кругов на министерство иностранных дел и на Ллойд Джорджа» и что «при возобновлении переговоров русская делегация имела за собой довольно сильную группу в английском Сити»⁴⁴.

Конечно, нарастание экономического кризиса в течение предшествовавших шести месяцев усилило позицию тех, кто считал, что расширение торговли с РСФСР позволит ослабить экономические трудности Британии. Если годом раньше упор делался на поставки из России, то теперь он переместился на русские рынки; Красин же умело предлагал значительные русские заказы влиятельным британским фирмам. В октябре 1920 г. в Лондоне была зарегистрирована советская торговая компания под названием АРКОС («All — Russian Cooperative Society»). В течение первых трех месяцев своего существования она разместила в Великобритании заказы на товары общей стоимостью почти в 2 млн. фунтов стерлингов⁴⁵.

В ноябре 1920 г. вновь открылась возможность для официальных переговоров. Через несколько недель после заключения совет-

ского перемирия с Польшей была одержана полная победа над Врангелем. Британская политика, хотя и принимала в расчет угрозу, нависшую над Польшей, никогда не поощряла польские военные авантюры в Восточной Европе под эгидой Франции, а невыразительному Врангелю не удалось возродить, даже в британских военных и консервативных кругах, тот энтузиазм, который некогда испытывали по отношению к Деникину и Колчаку. Британское правительство отказалось последовать примеру Франции, признавшей в августе правительство Врангеля, и, когда два месяца спустя его армии уже отступали, британские силы, все еще находившиеся в Черном море, воздержались от оказания помощи французам в деле их спасения⁴⁶. Вновь возродилась политика Ллойд Джорджа, которая привела Красина в Лондон в мае предшествовавшего года. Толчком для возобновления работы послужила нота Красина Керзону от 6 ноября 1920 г. с протестом против бесконечных отсрочек⁴⁷. 18 ноября 1920 г. Ллойд Джордж сообщил палате общин, что кабинет подготовил проект, готовый для передачи советской делегации, который был вручен Красину через десять дней. Начиная с этого момента переговоры продвигались достаточно быстро, причем куда больше внимания по сравнению с вопросами собственно торговли уделялось дополнительному условию соглашения, согласно которому Советское правительство должно было воздерживаться от пропаганды против Британской империи, в особенности среди народов Азии. Был момент, когда британское правительство пыталось включить в число регионов, в которых Советское правительство берет на себя обязательство воздерживаться от антибританской пропаганды, Малую Азию и Кавказ, но в конечном счете согласилось не перечислять специально «народы Азии», за исключением «Индии и независимого государства Афганистан». С советской стороны две главные трудности состояли в опасности судебных исков бывших собственников советских товаров, импортируемых в Великобританию, и в так называемой «золотой блокаде». Советская делегация требовала для советской собственности в Великобритании законодательных гарантий от посягательств со стороны предполагаемых бывших владельцев, но получила заверения, что заявление британского правительства, согласно которому заключение соглашения *de facto* означает признание Советского правительства, как можно ожидать, создаст эффективный заслон от подобных посягательств. Если же судебные инстанции будут принимать иные постановления, то британское правительство брало на себя обязательство изыскать иные средства разрешения этой проблемы⁴⁸. Что касается «золотой блокады», то британские власти были согласны, при соблюдении определенных формальностей, принимать советское золото по его полной стоимости⁴⁹. В декабре 1920 г. Ленин заявил, что ответственность за отсрочку в достижении соглашения несет «реакционная часть английской буржуазии и придворная военная клика», и сказал, что

советская политика «ясно определилась в сторону максимальной уступчивости» Англии⁵⁰. В конечном счете эти усилия увенчались успехом. 16 марта 1921 г. соглашение было подписано в Лондоне Красиным и канцлером казначейства Хорном⁵¹. В качестве предварительного условия оно содержало наиболее разработанное из ныне известных постановлений против враждебной пропаганды:

«Чтобы каждая сторона воздерживалась от враждебных действий или мероприятий против другой стороны, равно как от ведения вне собственных ее пределов какой-либо официальной, прямой или косвенной, пропаганды против учреждений Британской Империи или Российской Советской Республики, по принадлежности, в особенности же, чтобы Российское Советское Правительство воздерживалось от всякой попытки к поощрению военным, дипломатическим или каким-либо иным способом воздействия или пропаганды какого-либо из народов Азии к враждебным британским интересам или Британской Империи действиям в какой бы то ни было форме, в особенности в Индии и в Независимом Государстве Афганистан. Британское Правительство дает торжественное особое обязательство Российскому Советскому Правительству в отношении стран, которые составляли часть бывшей Российской Империи и которые ныне стали независимыми».

Великобритания брала на себя обязательство не накладывать арест и не вступать во владение золотом, капиталом, ценными бумагами либо товарами, экспортируемыми из России, в случае если бы какая-либо судебная инстанция отдала распоряжение к такого рода действиям. Советское правительство могло с этого момента прекратить действие соглашения. Советское правительство в принципе признавало свое обязательство «уплатить возмещение частным лицам, предоставлявшим России товары либо услуги, за которые им не было уплачено»; урегулирование подобных претензий было отложено до будущего соглашения. В отсутствие нормальных дипломатических отношений каждая сторона брала на себя обязательство принять официального представителя либо представителей другой стороны. Одновременно с подписанием соглашения Красину было вручено письмо за подписью Хорна, содержавшее ряд тщательно выверенных и конкретных упреков в отношении «деятельности Советского правительства в Индии и в Афганистане, не соответствующей постановлению соглашения». Это служило напоминанием о принципе *quid pro quo* *, соблюдения которого Великобритания надеялась таким образом добиться⁵².

Англо-советское торговое соглашение было подписано ровно через неделю после того, как Ленин на X съезде партии выдвинул предложение о введении продналога на сельскохозяйственные продукты, что стало основой НЭПа. Как и НЭП, соглашение можно рассматривать с разных точек зрения: как этап либо процесса стабилизации, либо отступления. Год спустя в резолюции ИККИ НЭП оправдывался как способ «разрешения задачи включе-

ния пролетарского государства в цепь международных экономических отношений»⁵³. Эти же слова еще более подходят для характеристики целей англо-советского соглашения от 16 марта 1921 г. Англо-советское торговое соглашение было, как назвал его Чичерин, «поворотным пунктом в советской внешней политике»; таким же образом и по той же причине, как НЭП был поворотным пунктом в политике внутренней. Осталась в прошлом чрезвычайная обстановка гражданской войны, диктовавшая политику молчания и не оставлявшая времени для размышлений об отдаленном будущем; страна находилась в отчаянном положении, была необходима перестройка, и даже ценой очевидной жертвы революционными принципами надо было делать уступки не только крестьянству, но и зарубежному капиталистическому миру. Через месяц после подписания соглашения Ленин вернулся к метафоре, которую он использовал годом раньше:

«Нам важно пробивать одно за другим окошко. ...благодаря этому договору мы пробили некоторое окошко»⁵⁴.

Начало требовавшейся политике «передышки» для восстановления экономики за счет мирного сотрудничества с капиталистическими странами было положено.

В то же самое время аналогичные результаты были достигнуты и в восточной политике Советского правительства. На Востоке, как и на Западе, осень 1920 г. была высшей точкой мировой революции — конечной цели советской внешней политики и деятельности Коминтерна, ее главного орудия; затем произошло некоторое отступление. От представлений о Москве как освободительнице угнетенных масс Востока путем национальных и социалистических революций не отказались. Но они стали отесняться на второй план представлениями о Москве как центре, в котором находится правительство, остающееся защитником и средоточием революционных надежд человечества, но вынужденное в то же время занять свое место среди великих держав капиталистического мира. Участников съезда в Баку признаки этого неизбежно изменения не радовали, однако, по мере того как зимой 1920/21 г. перспективы революции исчезали, оно набирало силу. Побудительные причины, которые привели к НЭПу во внутренних делах и к англо-советскому торговому соглашению в европейских, проявились почти одновременно в серии договоров со странами Востока: с Персией 26 февраля 1921 г., с Афганистаном 28 февраля и с Турцией 16 марта. Это было новым этапом процесса, в котором отношения между Москвой и внешним миром устанавливались преимущественно на правительственном уровне.

Советские отношения с Афганистаном были наименее сложными, поскольку там не существовало коммунистического движения или считалось, что его нет, и Москва могла попросту предоставлять поддержку национальному правительству. В начале 1920 г. в Кабул в качестве советского представителя на место

убитого Бравина прибыл Суриц. Более важно, однако, то, что король Аманулла-хан пригласил в качестве своего политического советника одного из молодых турецких лидеров — Джемаль-пашу, что, по-видимому, было сделано не без советского участия. Как Талаат и Энвер, после поражения в 1918 г. он нашел убежище в Германии, затем перебрался в Москву⁵⁵. Во всяком случае, это событие вполне соответствовало намерению Советского правительства усилить антиимпериалистический мусульманский блок в Азии, и, как представляется, Джемаль сыграл важную роль, развеяв подозрения Афганистана в отношении Москвы⁵⁶. В это время Британия серьезно опасалась советских действий в Афганистане и угрозы для уязвимой границы Британской Индии. С другой стороны, советско-афганские отношения также не были лишены трудностей. В Москве, несомненно, ощутили беспокойство, когда в сентябре 1920 г. эмир Бухары, потерявший престол и изгнанный из своей столицы движением «молодая Бухара»⁵⁷, поддерживаемым большевиками, нашел приют в Кабуле в качестве гостя афганского правительства⁵⁸. Трения из-за этого и, возможно, других вопросов, возникавших в связи с предположительными планами Афганистана относительно советской территории в восточном Туркестане, видимо, отсрочили подписание советско-афганского договора, проект которого, как считается, был принят не позднее сентября 1920 г.⁵⁹ В январе 1921 г. Джемаль отправился с визитом из Кабула в Берлин и не вернулся (на обратном пути он был убит армянином из Тифлиса); в том же месяце в Кабул прибыл новый британский посланник, развернувший активную деятельность. Это могло показаться предзнаменованием возобновления британского давления и могло убедить афганское правительство в необходимости искать противовес на другой стороне; и это событие совпало с нараставшим желанием Москвы стабилизировать советские внешние связи как в Азии, так и в Европе. 28 февраля 1921 г. в Москве был подписан советско-афганский договор⁶⁰, а затем на следующий день был подписан — также в Москве — турецко-афганский союзный договор⁶¹.

Советско-афганский договор устанавливал официальные дипломатические отношения между двумя странами, четко определяя таким образом статус Афганистана как независимого государства. Афганистану предоставлялось также семь консульств в РСФСР, а РСФСР — пять в Афганистане. Стороны провозгласили в соглашении «свободу наций Востока»; Советская Россия обязывалась возвратить Афганистану — после соответствующих плебисцитов — территории, которые Афганистан под давлением России или Бухары вынужден был уступить в XIX веке. Было также дано обещание оказывать техническую и финансовую помощь. С афганской точки зрения, договор был заметным шагом вперед в направлении признания официальной независимости в международных отношениях и был рассчитан на то, чтобы усилить позицию афганского правительства в будущих отношениях с Вели-

кобританией. С советской точки зрения, он означал новый этап в признании Советской власти и ее престижа в Центральной Азии, а также открывал новые возможности для наступательных и оборонительных действий против Великобритании. Британское правительство понимало, что у предполагаемых советских консульств в Восточном Афганистане не может быть иных функций, кроме ведения антибританской пропаганды; оно подозревало, что одним из подразумевавшихся положений договора было обязательство афганцев разрешать транзит оружия через их территорию племенам, живущим в Индии. Все эти события оно рассматривало как «обеспечение себе способов нарушения мира в Индии через Афганистан»⁶². Хотя некоторые из этих обвинений были необоснованными либо преувеличенными и хотя советская политика не предусматривала никакой организованной кампании против Индии, суть этой политики в то время сводилась к осуждению британского империализма и созданию препятствий для британских властей, где бы на азиатской земле они ни утвердились. Во всем этом важно было не расширение пропаганды мировой революции, а то, что Советская Россия наследовала традиционную роль России как главного соперника Британии в Центральной Азии.

События в Персии развивались также путем компромисса и консолидации, но более медленно, наталкиваясь на большее число препятствий. Колебания в советской внешней политике летом 1920 г.⁶³ не были преодолены мгновенно. В Гиляне советской поддержкой по-прежнему пользовалось сомнительное движение Кучек-хана. Тем не менее осенью 1920 г. политика примирения между Москвой и Тегераном начала брать верх⁶⁴. Была ограничена не слишком серьезная деятельность Иранской коммунистической партии. 22 октября 1920 г. Центральный комитет партии был вынужден заявить, что революция в Персии возможна лишь в случае полного завершения капиталистического развития⁶⁵; а это открывало путь для сотрудничества с поднимающейся персидской буржуазией, которая могла надеяться вытеснить иностранных капиталистов и занять их место. Через несколько дней в Москву прибыл делегат Персии, с тем чтобы начать переговоры о советско-персидском договоре. Продолжались они всю зиму. Наиболее серьезным камнем преткновения оказался вопрос о Гиляне, и 22 января 1921 г. Карахан сделал заявление, что советские войска будут выведены тогда, и только тогда, когда персидскую землю оставят и британские войска⁶⁶. В феврале 1920 г. в результате государственного переворота к власти в Тегеране пришел Реза-хан — персидский аналог турецкого Кемаля и афганского Аманулла-хана. Вскоре он проявил себя как националистически настроенный диктатор, применяющий радикальные меры в отношении тех, кто ушел от старого режима, но непоколебимо противостоящий всему тому, что смахивало на социализм или коммунизм, и безжалостно преследовавший местных коммуни-

стов. Переворот не затронул переговоров в Москве, которые достигли в этот момент своей кульминации. Советско-персидский договор был подписан 26 февраля 1921 г.⁶⁷

Советско-персидский договор был наиболее детально разработанным из трех восточных договоров, заключенных в это время, — следствие той важной роли, которую играла Персия во внешних интересах Советской России. Значительная часть его состояла из резюме ранее сделанных заявлений. Советское правительство объявляло аннулированными все прошлые договоры, приводившие «к умалению прав персидского народа», отвергло и заклеямило прошлую «политику правительства царской России», которая «без согласия народов Азии и под видом обеспечения независимости этих народов заключала с другими государствами Европы относительно Востока договоры, имевшие конечной целью его постепенный захват». Советское правительство повторяло свой отказ от всех привилегий, концессий и собственности царского правительства на территории Персии при взаимном согласии, что они останутся собственностью народа Персии и не будут переданы какой-либо иной иностранной державе. В ответ на выраженное таким образом признание интересов и национальной гордости Персии в договоре Советскому правительству предоставлялось лишь одно специально оговоренное право. Если бы третья держава вступила с оружием в руках на территорию Персии либо предприняла бы попытку создать там «базу для военных выступлений против России» и если бы персидское правительство не было достаточно сильно, чтобы отразить опасность, тогда Советское правительство имело бы право в оборонных целях ввести свои войска на территорию Персии. Персидское правительство, по-видимому, не испытывало к этой статье особой неприязни, поскольку она явно была направлена против Великобритании; через 22 года ее использовали против Германии.

Договор 26 февраля 1921 г., хотя и не решал всех проблем, создавал новую основу для советско-персидских отношений. В следующем месяце Центральный комитет Иранской коммунистической партии, обосновавшийся в Баку, призвал партийные комитеты на местах бороться как против «английского колониального империализма», так и против правительства шаха⁶⁸. Теперь, однако, от «экспериментов» по заигрыванию с местными персидскими коммунистами или сепаратистскими движениями типа Кучек-хана, политика в отношении которых «велась без плана и без всякого соответствия с местными условиями и возможностями»⁶⁹, отказались ради налаживания отношений с персидским правительством. Прибытие в апреле 1921 г. в Тегеран Ротштейна в качестве советского представителя⁷⁰ открыло новый активный период в советской дипломатии.

События в Турции были более сложными, чем в Афганистане или Персии, но их кульминацией также стало заключение договора примерно в то же самое время. Инцидент с Энвером в Баку,

каковы бы ни были его прочие последствия, свидетельствовал о решении Советского правительства положить в основу своей турецкой политики дружбу с Кемалем, а не с Энвером. Но многое еще предстояло сделать. Первое условие стабилизации отношений между Москвой и Анкарой состояло в том, чтобы покончить с нежелательным следствием западной военной интервенции — неопределенным статусом небольших закавказских республик, расположенных на пути прямых сухопутных связей между странами. Образцом могла служить судьба Азербайджана, окончательно решенная еще в апреле 1920 г.⁷¹ 26 сентября 1920 г. турецкое правительство объявило миру, что оно намеревается предпринять «энергичные меры» против армянского правительства, с тем чтобы положить конец гонениям против мусульманского населения⁷². Кемаль начинал чувствовать свою силу и был намерен укрепить свою власть в Малой Азии. То, что движение против Армении было начато в тот момент, когда наступление Врангеля на юге России связало руки Красной Армии, могло оказаться совпадением. На определенное время Советское правительство было вынуждено ограничиться дипломатическими мерами. Специально назначенный к Кемалю советский эмиссар Мдивани, брат грузинского политического деятеля, по пути в Анкару в начале октября 1920 г. сделал остановку в Тифлисе, столице тогдашней меньшевистской Грузии, и предложил находившемуся там посланнику Армении советскую военную помощь при условии, что армянское правительство обратится с просьбой о ней и выразит свою готовность принять советский арбитраж при установлении границы между Арменией и Турцией. Предложение было отвергнуто, по советским источникам, именно в тот момент, когда армянское правительство предлагало правительству Грузии объединиться в совместных действиях против большевиков⁷³. В этих условиях военные операции Турции не встретили сколько-нибудь серьезного отпора. Когда советская миссия прибыла из Тифлиса в Ереван, армянское правительство уже просило о перемирии на переговорах, которые турецкая сторона, по-видимому, сознательно затягивала⁷⁴. Было очевидно беспокойство, которое испытывали в Москве при таком повороте событий; Советское правительство сделало заявление, в котором отмежевывалось от «турецкого наступления» и провозглашало свои самые «дружественные чувства к армянскому народу»⁷⁵. Тем временем советская миссия прибыла в Анкару, и исполнявший обязанности ее главы Упмал был принят 9 ноября 1920 г. в качестве первого официального представителя в кемалистской Турции⁷⁶. Ход переговоров, проведенных после его прибытия, не известен, хотя, как утверждают, Чичерин повторил свое предложение о посредничестве теперь уже турецкому правительству, а также просил прекратить наступление турецкой армии⁷⁷. 20 ноября Ленин с тревогой рассматривал возможность того, что «война может быть нам навязана даже со дня на день»⁷⁸. Но в течение нескольких дней выбор был сделан

в пользу мира. 29 ноября Кемаль направил Чичерину телеграмму с грубой лестью, в которой еще раз упомянул ноту Чичерина от 2 июня и выразил восхищение величием «жертв, на которые пошла русская нация ради спасения рода человеческого». Кончалась телеграмма следующим важным отрывком:

«Я глубоко убежден, и мое убеждение разделяется всеми моими согражданами, что в тот день, когда трудящиеся Запада, с одной стороны, и поработанные народы Азии и Африки, с другой, поймут, что в настоящее время международный капитал пользуется ими для взаимного уничтожения и поработнения ради вящей пользы своих господ, и в тот день, когда сознание преступности колониальной политики проникнет в сердца трудящихся масс мира, — власть буржуазии кончится.

Высокий моральный авторитет правительства РСФСР в среде трудящихся Европы и любовь мусульманского мира к турецкому народу дают нам уверенность, что нашего тесного союза будет достаточно для того, чтобы объединить против империалистов Запада всех тех, кто до сих пор поддерживал их власть покорностью, основанной на терпении и невежестве»⁷⁹. Этот хитроумно составленный проект союза между Советской Россией как защитницей трудящихся Европы и Турцией как лидера угнетенных мусульманских народов Азии содержал едва закамуфлированный намек на соглашение, согласно которому ни один из союзников не будет посягать на прерогативу другого. На этой основе соглашение легко могло быть достигнуто.

В тот самый день, когда была послана телеграмма и когда в Александрополе фактически велись турецко-армянские переговоры, в Ереване был успешно осуществлен переворот. 29 ноября 1920 г. революционный комитет, созданный на советской границе под защитой отряда Красной Армии, провозгласил независимую Советскую Армению. Под давлением этого обстоятельства дашнакское правительство Армении было преобразовано путем назначения на ведущие посты сторонников Советов; в Ереване была провозглашена военная диктатура. 2 декабря 1920 г. были подписаны два договора. Первый, подписанный в Ереване преобразованным армянским правительством с РСФСР, признавал Армению социалистической республикой и вплоть до созыва Армянского съезда Советов передавал всю власть Военному революционному комитету, состоявшему из пяти коммунистов и двух дашнаков; военная диктатура оставалась в силе вплоть до формирования этого комитета. Вторым был договор о мире с Турцией, подписанный в Александрополе делегацией бывшего армянского правительства и представлявший собой полную капитуляцию перед территориальными и прочими требованиями Турции⁸⁰. Этот договор с самого начала был гневно отвергнут новым режимом в Ереване и его советскими патронами⁸¹. Но оба договора, вместе взятые, создали в конечном счете базу для компромисса, который нашел отражение в советско-турецком договоре, подпи-

санном в марте следующего года. Результатом явилось решение, в территориальном отношении весьма выгодное для Турции, обеспечивавшее признание Турцией существования маленькой и удобно расположенной Армянской ССР со столицей в Ереване.

Ликвидация независимого Азербайджана и независимой Армении была в интересах как Советской России, так и Турции и открыла путь для столь желанного соглашения между ними. Сходная ситуация с Грузией решалась аналогичными методами. Однако на пути к соглашению все же лежало препятствие иного рода — существование немногочисленного, но сильного коммунистического движения в Турции. Движение слагалось из трех различных ветвей: турецкого коммунистического движения, созданного и организованного турецкими военнопленными в России и действовавшего на советской территории и с советской территории; турецкого коммунистического движения, создателями которого, видимо, были эмигранты, вернувшиеся из Германии и прошедшие школу спартаковского движения и еще в 1919 г. создавшие самостоятельные и независимые группы в Константинополе и Анкаре; различные местные движения на территории Малой Азии, не придерживавшиеся строго коммунистической доктрины и организации, но открыто заявлявшие о своих симпатиях к коммунизму и советской форме правления. К первым двум категориям Кемаль с самого начала относился враждебно, подавлял их либо терпел с большой неохотой, когда того требовали обстоятельства; третья же категория состояла из ревностных сторонников национального движения и одно время пользовалась одобрением и поддержкой Кемалю.

Наиболее заметной фигурой турецкого коммунистического движения, пользовавшегося покровительством советской стороны, был Суфи, турецкий социалист, бежавший в 1914 г. из Турции в Россию, прошедший большую часть войны в России в качестве интернированного и принимавший участие в международном революционном митинге в Петрограде в 1918 г.⁸² Он ставил перед собой задачу создать коммунистические группы из турецких военнопленных в России и подготовить их к работе в условиях своей страны. Эта деятельность находилась под контролем «Центрального Бюро Коммунистических Организаций Народов Востока», входившего в состав Наркомата по делам национальностей. Заявление, сделанное весной 1920 г. о том, что «партизанские отряды» общей численностью до 8 тыс. человек организованы и направлены в Турцию⁸³, без сомнения, было преувеличением. Но перспективы были обнадеживающими, особенно если принять во внимание очевидную просоветскую ориентацию политики Кемалю в то время. В мае 1920 г. Суфи переместил свою штаб-квартиру и издаваемую им турецкую газету «Йени дюнья» («Новый мир») из Москвы в Баку⁸⁴, и два месяца спустя представитель турецкой секции «бюро коммунистических организаций» Исмаэл Хакки произнес на II конгрессе Коминтерна краткую речь, выдержан-

ную, согласно протоколам конгресса, в крайне националистическом духе⁸⁵. Суфи был членом президиума состоявшегося в Баку в сентябре 1920 г.⁸⁶ съезда народов Востока; в том же месяце он был председателем на конференции турецких коммунистов, проходившей также в Баку с целью организации деятельности партии на территории самой Турции⁸⁷. На этой конференции присутствовала группа турецких «спартаковцев» из Анкары, где в июне 1920 г. была тайно основана Коммунистическая партия Турции⁸⁸. В ноябре 1920 г., рассчитывая, видимо, на относительную терпимость, ранее продемонстрированную Кемалем, Суфи с несколькими товарищами открыто приехал в Турцию вместе с официальной советской миссией.

Местное турецкое движение, симпатизировавшее коммунизму, возникло в 1919 г. главным образом из крестьян, и в основе его лежало недовольство аграрными порядками. Открыто проявилось оно в создании большого числа местных Советов, которые на время стали эффективными органами местного самоуправления⁸⁹. Кемаль поощрял это движение отчасти в силу пламенной, не вызывающей сомнений верности его националистическому делу, а отчасти потому, что был необходим какой-то выход для реально существовавшего недовольства социальными и аграрными порядками, которое это движение и вызвало. Весной 1920 г. оно оформилось организационно в виде создания «Зеленой Армии», которая, объединив мало- и безземельных крестьян, стала главной частью национальных вооруженных сил. Руководители движения в то время, Хакки Бехик и Хикмет, были сторонниками «восточной ориентации» во внешней политике Турции и, как утверждают, убежденными марксистами⁹⁰. Несколько напоминающим фарс следствием этих событий стало то, что официально поддерживаемая турецкая коммунистическая партия получила название «Зеленое яблоко». Ее лидером стал Хакки Бехик⁹¹, а состояла она, как заявил впоследствии турецкий делегат в Коминтерне, главным образом из «высших государственных служащих и интеллектуалов»⁹². В то же время наиболее удачливым лидером «Зеленой Армии» был Эдхем, наемник, который, клянясь в верности Кемалю, грозил стать турецким Махно⁹³. Наибольшего успеха «Зеленая Армия» добилась летом 1920 г. Но уже в сентябре 1920 г. — в тот самый месяц, когда было решено начать действия против Армении, — Кемаль почувствовал себя достаточно сильным для того, чтобы навести порядок в своем доме, уничтожив потенциальный источник враждебности и неповиновения, и издал декрет о роспуске «Зеленой Армии»⁹⁴. Приказ не был выполнен, и Кемаль занял выжидательную позицию. В ноябре он назначил турецким представителем в Москву Али Фуада, армейского командира, которого он хотел убрать с дороги, и предложил Эдхему сопровождать миссию. Эдхем отказался, и в декабре, когда кампания против Армении была успешно завершена, Кемаль наконец решил предпринять действия против «Зеленой Армии».

6 января 1921 г. Эдхем был схвачен и выслан в Грецию, а с остатками его движения быстро разделились.

За подавлением Эдхема быстро последовали жесткие меры и в отношении турецких коммунистов. Суфи был захвачен неизвестными лицами в Эрзеруме, и 28 января 1921 г. его вместе с шестнадцатью другими лидерами турецкого коммунистического движения бросили в море у Трапезунда — традиционный турецкий способ тайной казни. Их судьба стала известна лишь некоторое время спустя. Говорят, что Чичерин направил запрос кемалистскому правительству относительно их судьбы и получил ответ, согласно которому они, видимо, стали жертвой несчастного случая на море⁹⁵. Но этому несчастью не суждено было повлиять на более общие соображения, на которых строилась растущая дружба между Кемалем и Москвой. В первый, хотя и не в последний, раз было продемонстрировано, что правительства могут круто обходиться со своими национальными коммунистическими партиями и не терять при этом благосклонности Советского правительства, если на то были иные причины.

В течение зимы 1920/21 г. в Москве все более склонялись в пользу предполагаемого соглашения с Кемалем⁹⁶. В декабре 1920 г. официальный журнал Наркомата по делам национальностей утверждал, что дружеские отношения с националистической Турцией произвели бы хорошее впечатление на мусульман Кавказа⁹⁷. На VIII Всероссийском съезде Советов, состоявшемся в том же месяце, Ленин, еще раз подробно проанализировав «совпадения коренных интересов у всех народов, страдающих от угнетения и империализма», говорил о предстоящем договоре с Персией, упорении отношений с Афганистаном и «еще более» с Турцией⁹⁸. На том же съезде Дан обвинил большевиков в том, что они проводят на Кавказе «политику, которая призывает к единству националистов одной угнетенной страны, например Турции, и к участию в военных предприятиях этих националистов против других, кто, возможно, также являются националистами, угнетенными империализмом других государств». Меншевики предложили резолюцию, требовавшую разрыва с Кемалем⁹⁹. Однако позиция, столь откровенно вызванная желанием быть полезными дашнакской Армении и меньшевистской Грузии, вряд ли могла повлиять на советскую политику.

18 февраля 1921 г. в Москву прибыла турецкая делегация для переговоров о заключении советско-турецкого соглашения¹⁰⁰. Затем события развивались быстро. Прежде чем соглашение наконец могло быть достигнуто, необходимо было договориться относительно главного территориального яблока раздора — последней из трех закавказских республик. Обе стороны продолжали настаивать на своих требованиях. 21 февраля 1921 г. Красная Армия и поддерживавшие ее грузинские большевистские части пересекли границу Грузии и четыре дня спустя провозгласили Грузинскую ССР¹⁰¹. Турция ответила ультиматумом с требованием об уступ-

ке двух районов — Артвина и Ардагана; это требование Москва была готова удовлетворить. 28 февраля 1921 г. турецкие войска оккупировали порт Батум — эту претензию Советское правительство категорически отклонило. Ни одно из этих событий не смогло, однако, нарушить гармонию переговоров в Москве, где 16 марта 1921 г. был подписан советско-турецкий договор, — в тот же день в Лондоне было подписано англо-советское торговое соглашение. Наряду с тем, что в преамбуле была подчеркнута солидарность между двумя странами «в борьбе против империализма», в специальной статье торжественно провозглашалось «соприкосновение между национальным и освободительным движением народов Востока и борьбой трудящихся России за новый социальный строй». В договоре повторялся отказ России от режима капитуляций в Турции как «несовместимый со свободным национальным развитием всякой страны, равно как и с полным осуществлением ее суверенных прав». При установлении границ предусматривалась передача порта Батум недавно рожденной Грузинской ССР. Для того чтобы обеспечить «открытие проливов и свободу прохождения торговых судов для всех народов», но не за счет нарушения полного суверенитета Турции или «безопасности Турции и ее столицы Константинополя», конференция черноморских держав должна была выработать международный статут. Россия обязалась организовать заключение между тремя закавказскими республиками и с Турцией необходимых договоров, определяющих обязательства, налагаемые на них настоящим соглашением, что явно означало признание Турцией русской опеки или протектората над этими государствами¹⁰². Для Турции договор означал получение от России моральной и материальной поддержки в ее продолжающейся борьбе с Великобританией; для Советской России — подтверждение ее статуса великой антиимпериалистической державы на Ближнем Востоке, и для обоих государств — исключение иностранного вмешательства в Закавказье и на берегах Черного моря. Эти преимущества перевешивали для обеих сторон любые разногласия в вопросе об обращении с турецкими коммунистами. Турецкий коммунистический журнал «Йени дунья» вновь начал поступать из Баку. Лишь в мае 1921 г. журнал Наркомата по делам национальностей в одном из писем из Баку опубликовал подробное сообщение о трапезундском *pouyade**¹⁰³. Несколькими месяцами спустя Великое национальное собрание Турции, как было сообщено в Москву, «освободило из тюрем всех заключенных коммунистов и предало суду виновников убийства турецкого коммуниста Мустафы — Субхи»¹⁰⁴.

Поворот по всему фронту, осуществленный Москвой в марте 1921 г., повлиял на атмосферу, в которой в дальнейшем осуществлялась советская внешняя политика, но не коснулся существа

* *Noyade* (фр.) — утопление. — *Прим. ред.*

этой политики. Перемены не означали отказа во внутренних делах от цели построения социализма и коммунизма, а в делах иностранных — от цели мировой революции. Но они означали признание необходимости некоторой отсрочки в достижении этих целей и усиления тем временем экономической и дипломатической мощи Советской России всеми возможными средствами, даже если эти средства казались отступлением от столбовой дороги к социализму и мировой революции. Новая внешняя политика была принята, если воспользоваться словами Ленина, сказанными о НЭПе, «всерьез и надолго»¹⁰⁵. Именно относительная долговременность, ставшая таким образом оппортунизмом, который ранее рассматривался лишь как краткосрочный вынужденный маневр, более чем что-либо другое, изменила характер советской внешней политики после 1921 г.

ГЛАВА 28

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ

В международных отношениях Советской России Германия занимала исключительное место. Если в первые революционные годы советские вожди и начали разделять мир на две широкие группировки — враждебные капиталистические державы Запада и потенциально дружественные народы Востока, являющиеся, как и Россия, жертвами западных держав, — то Германия не попадала ни в одну из этих группировок. После ноябрьского поражения 1918 г. она стала жертвой западного империализма наряду с Советской Россией и угнетаемыми восточными народами: это положение было одним из важнейших в выступлении Ленина на II конгрессе Коминтерна. Однако высокий уровень ее промышленного развития и общественной организации, равно как и ее географическое положение, довольно однозначно ставил ее в ряды Запада. Германия также всегда была крупной капиталистической державой и основным поставщиком промышленных товаров для российской экономики. И все же существовала также третья область, с которой, по единодушному мнению большевиков, виделась связанной судьба Германии: роль первопроходца совместно с Советской Россией пролетарской революции. Первоначально советская политика была направлена исключительно на то, чтобы убедить Германию взять на себя такую роль и подготовить ее к ее исполнению; только очень постепенно и неохотно эту задачу отодвинули на второй план и в итоге оставили как безнадежную. И если эти сложности в советско-германских отношениях не дали сразу же о себе знать, то только потому, что в продолжение длительного времени Советская Россия едва ли имела возможность проводить какой бы то ни было внешнеполитический курс в отношении Германии. С момента краха Германии и до середины 1920 г. Советская Россия пребывала в столь же полной изоляции от Германии, как и от всех западных стран; равным образом, даже если эта изоляция не была бы столь полной, в Германии вряд ли существовало какое бы то ни было политическое руководство, обладавшее достаточной властью и готовое проявить инициативу в поддержании устойчивых отношений с Советской Россией. Тем не менее многое из того, что произошло в Германии в это время,

имело большое значение и обеспечило основу для последующего развития советско-германских отношений.

Проблема выбора между Востоком и Западом, которая встала перед Германским Советом народных представителей в первые же часы после заключения перемирия, когда поступило предложение о поставке двух эшелонов русского зерна¹, была в германской внешней политике постоянной дилеммой, особенно когда этот выбор приходилось делать с позиции слабости. Из всех германских политических партий Веймарской республики только СДПГ тянулась своими корнями на Запад и была последовательно прозападной по своей ориентации. Она была связана с другими партиями Второго Интернационала, чьи основные интересы были сосредоточены в Западной Европе; она традиционно враждебно относилась к России, которая считалась не только реакционной, но отсталой и дикой страной; и, избавившись — на практике, хотя и не в теории, — от революционной чистоты и негибкости марксизма, она впитала многое из буржуазно-демократической радикальной традиции западноевропейских левых. Таким образом, она стала практически единственной из германских партий, которая с пониманием отнеслась к демократическому пацифизму Вильсона, воплощенному в таких концепциях, как национальное самоопределение и Лига Наций. В течение первого периода существования Веймарской республики, когда прозападная ориентация была жизненно важной для Германии, СДПГ держала в своих руках бразды правления; ее роль стала уменьшаться по мере того, как Германия приобретала способность проводить независимую внешнюю политику. Из других партий прозападную направленность имел Католический центр. Однако, будучи основанным скорее на религиозных, а не на политических убеждениях своих членов, он редко выступал по крупным вопросам с твердых или единых позиций и по большей части мог служить лишь уравнивающей силой. Ни одна из других сил в германской политической жизни не ориентировалась преимущественно на Запад. Крайне левые, включая КПГ и часть НСДПГ (которая колебалась и в итоге раскололась на примкнувших к коммунистам и к социал-демократам), выступали за союз с Советской Россией. Все партии справа от центра в большей или меньшей степени относились к Западу враждебно. Ядро этих партий составляли две силы, которые за фасадом Веймарской республики продолжали править Германией, как они делали это при Вильгельме II, — армия и тяжелая промышленность. В офицерском составе потерпевшей поражение армии практически каждый лелеял далеко идущие мечты отомстить за себя Западу, а для этого союз с Востоком был неременным условием. Тяжелая промышленность, лишенная западных и колониальных рынков, не могла найти отдушины нигде, кроме как на Востоке². В Германии 1919 г. силы, выступавшие за ориентацию на Восток, были уже мощными, хотя и не обладали широким набором средств для претворения своих взглядов и устремлений в жизнь³. Примечательно,

что первым случаем, когда по внешнеполитическому вопросу Веймарская республика открыто бросила вызов своим союзникам, был отказ участвовать в блокаде Советской России и что это решение было более или менее энергично одобрено в рейхстаге всеми партиями⁴.

Однако, хотя будущее сотрудничество с Советской Россией являлось целью всех наиболее влиятельных сил в Германии, сама эта цель выглядела в 1919 г. бесконечно отдаленной и труднодостижимой, и взгляды на то, каким образом в итоге ее можно было бы достичь, безнадежно разнились. Идеологические мотивы все еще преобладали в широком смысле слова в данном вопросе. Левые не могли представить себе сотрудничество с Россией иначе как следствие коммунистической революции и установления в Германии коммунистического режима; правые не могли представить его иначе как следствие свержения большевиков и реставрации в России монархии. К весне 1919 г. перспективы революции в Германии угасли. Однако во многих странах были все еще широко распространены надежды на реставрацию в России старых порядков. В Германии эти надежды облекались в конкретную форму постоянного присутствия в бывших российских прибалтийских губерниях значительного германского воинского контингента — последних организованных остатков германской имперской армии — под командованием генерала фон дер Гольца, который триумфально пришел на помощь «белым» в финляндской гражданской войне весной 1918 г. Данная аномалия была следствием политики союзников, которые ко времени заключения Версальского мирного договора уже умилили свою враждебность к германскому милитаризму из страха перед русским большевизмом. Согласно статье 12 мирного соглашения, заключенного 11 ноября 1918 г., Германия обязывалась вывести войска из всех бывших российских территорий, «как только союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий»⁵. Подразумевалось, что время для эвакуации из Прибалтики еще не пришло. В первые месяцы 1919 г. фон дер Гольц укрепил свои позиции, набрав сильное пополнение в немецких поселениях в Прибалтийских странах и из числа российских «белых» беженцев, равно как и демобилизованных немцев и русских военнопленных в Германии, и провозгласил себя предводителем крестового похода против большевиков. Эти приготовления пришлось не по вкусу правительствам союзников, которые, частично оправившись от своего страха перед распространением большевизма, испугались призрака союза между Германией и российской монархией, реставрированной под знаменем фон дер Гольца; поэтому начала обретать очертания политика поддержки независимости прибалтийских государств, с тем чтобы образовать из них совместно с Польшей кордон между Германией и Россией. 3 мая 1919 г. союзническая комиссия по соблюдению условий мирных соглашений отдала распоряжение начать эвакуацию из Прибал-

тийских стран. Это распоряжение было оставлено без внимания. 18 июня 1919 г. правительства союзников повторили это требование германскому правительству⁶. Его опять игнорировали и, хотя социал-демократическое правительство в Берлине выразило готовность подчиниться⁷, губернатор Восточной Пруссии, социал-демократ Винниг, действовал заодно с фон дер Гольцем. Армии фон дер Гольца не уступали своих позиций, сражаясь попеременно то с большевиками, то с латвийскими и эстонскими войсками, получавшими помощь союзников⁸.

Но прошло немного времени, и в самой Германии начали возникать иные настроения. Правительства союзников, настаивая на полном роспуске старой имперской армии, санкционировали тем самым создание новой германской армии, ограниченной по размерам и формируемой на добровольческой основе рейхсвера. Он был рожден декретом от 15 марта 1919 г. Формирование рейхсвера летом 1919 г. находилось в руках чрезвычайно расчетливой группы бывших штабных офицеров, наиболее проницательным из них был генерал фон Сект, который встретил окончание войны в качестве германского военного советника при турецком генеральном штабе. Именно эта группа и предприняла попытку хладнокровно оценить ситуацию как в Германии, так и в России; в обоих случаях она пришла к выводам, диаметрально противоположным выводам подавляющего большинства германских офицеров (включая старейших и опытных), которые видели в фон дер Гольце нового национального героя. В том, что касалось Германии, люди типа Людендорфа и фон дер Гольца находились в непримиримом противоречии с Веймарской республикой и жаждали возврата к какой-либо форме монархического или авторитарного правления; Сект же был готов признать Веймарскую республику как наиболее практичный и удобный инструмент осуществления своей политики по меньшей мере до тех времен, пока военная мощь Германии не будет воссоздана. В отношении России Людендорф и фон дер Гольц были неспособны думать о каком-либо ином политическом курсе, кроме тотального наступления на большевизм. Сект, осознав, что большевистский режим существовал уже почти два года, и приняв во внимание, что предсказания точного срока его падения постоянно не оправдывались, начал подозревать, что он установился надолго. Но если это было так, тогда армии фон дер Гольца в Прибалтике возводили не «мост» к России⁹, как это утверждалось, но стену перед ней. Если правительства союзников смирились с превращением Советской России в их непримиримого врага, то Германия не приобрела ничего, следуя их примеру. В августе 1919 г. рейхсвер принял решение о том, что следует подчиниться требованию союзников вывести войска фон дер Гольца. Был издан соответствующий приказ, и после некоторых затяжек сам фон дер Гольц возвратился в Германию. Большая часть его армии осталась и продолжала службу под командованием «белого» русского авантюриста, предположительно выходца с Кавказа, Авалова-

Бермондта. Официальные источники денежных поступлений были перекрыты, и новая авантюра финансировалась тяжелой промышленностью, которая все еще верила в политику свержения большевиков с целью открытия российского рынка и не уступила более тонким доводам Секта¹⁰. Благодаря этой помощи Авалов-Бермондт продержался всю зиму. К весне 1920 г. по причине то ли иссякающих финансов, то ли враждебности союзников большая часть его сил растаяла.

Ретроспективно легко увидеть, насколько ясно и неизбежно аргументация Секта и его коллег по рейхсверу вела к признанию необходимости в итоге союза между большевистской Россией и Германией правых сил. Если исходить из того, что большевистский режим будет жить, такой союз дал бы рейхсверу то, что могло ему со временем понадобиться, — свободу действий в отношении Запада; он также открыл бы незаменимый рынок для германской тяжелой промышленности. К январю 1920 г. Сект признал «будущее политическое и экономическое соглашение с Советской Россией» «необратимой целью нашей политики», провозгласив в то же время, что «мы готовы построить стену против большевизма» в самой Германии¹¹. Сект был, пожалуй, первым высокопоставленным немцем, который осознал, что эти два политических курса вполне совместимы. Однако лишь немногие немцы зимой 1919/20 г. были в состоянии увидеть будущее в столь резких и отчетливых тонах. В обстановке той путаной неразберихи мнений, которая была характерна для немецкой политической мысли со времени поражения в войне, все же ощущалась необходимость установления некоторых идеологических, равно как и политических, связей с великим восточным соседом. Ошеломление от русской революции было настолько сильным в побежденной Германии, что оно вышло далеко за рамки тех узких кругов, которые питали симпатии к большевистской доктрине, и ощущалось как в среде националистически настроенных правых, так и коммунистически настроенных левых. Многим немцам, традиционно тяготевшим вправо, включая германских офицеров, в 1919 г. казалось, что единственный путь к спасению Германии пролегает через революцию. Многие в этом деструктивном видении определялось общим настроением безысходного отчаяния: немецкий Самсон в час поражения и унижения должен был призвать к себе на помощь темные силы большевизма, чтобы обрушить столпы храма и отнять у филистимлян их славу. Однако такое видение имело и конструктивные стороны, которые отнюдь не обязательно должны были вступить в противоречие с целями русской революции. Удар предполагалось направить против Запада и против либеральной демократии; он должен был быть авторитарным по характеру, но признавать новую силу городского пролетариата; его целью должно было стать возрождение германской военной мощи. Таким образом, союз между националистической Германией и большевистской Россией мог быть скреплен общей ненавистью к Западу,

предопределяемой идеологическими антипатиями, равно как и столкновениями интересов с западными державами.

На первый взгляд эта идея выглядела фантастичной и могла сойти за типичный плод воображения политически незрелых офицеров и опрометчивых молодых людей¹². Однако у нее имелся аналог и на крайнем левом фланге. Лауфенберг и Вольфгейм, вожди левой группы, исключенные из КППГ на Гейдельбергском съезде в октябре 1919 г.¹³, выступили в качестве основных авторов доктрины, получившей название «национальный большевизм», и предложили германским коммунистам объявить «революционную народную войну» Версальскому договору и, таким образом, обеспечить поддержку пролетарской революции со стороны германских националистов¹⁴. Радек в своем открытом письме к съезду подверг их критике за то, что они одновременно хотят развязать войну против Антанты и тщетно стремятся заключить мир с буржуазией, которая, будь она поставлена перед выбором, предпочла бы неограниченную иностранную оккупацию диктатуре пролетариата¹⁵. Примерно в это же время анархистский идеолог Эльцбахер написал брошюру, озаглавленную «Большевизм и будущее Германии», в которой утверждал, что Германия может добиться освобождения от рабских условий Версальского договора, только приняв большевизм, который затем пронесется над Западной Европой и уничтожит ее; во имя этой цели он был готов мириться с беспорядками, террором и голодом. В путаных рассуждениях тема идеологического и политического союза (аншлюса) с Россией затерялась: «порванная связь с Россией будет автоматически восстановлена, как только Германия воспримет большевизм»¹⁶. Между этой крайностью революционного опьянения и противоположной крайностью трезвого подсчета выгод от союза с Россией, выразителями которой были Сект и генералы рейхсвера, спектр германского общественного мнения по отношению к великому соседу на Востоке охватывал все разнообразие оттенков. Что объединяло все эти группы, так это ненависть к Западу, восхищение — иногда восторженное, а чаще сдержанное и неохотное — перед мощью России, надежда и вера в то, что эта мощь может быть каким-нибудь образом задействована в борьбе против победителей из Версаля.

Сбивающая с толку путаница взглядов среди тех немцев, кто осенью 1919 г. обращал свои взоры к России как к ключу, способному вывести их из затруднительного политического, экономического и идеологического положения, в котором они оказались в результате поражения, была выразительно проиллюстрирована беседами, которые вел Радек в своей привилегированной камере в Моабитской тюрьме и на квартирах, где он проживал в Берлине, ожидая репатриации в Москву. Влиятельные силы, вставшие на его сторону¹⁷, почти наверняка были связаны с новым направлением мысли среди генералов рейхсвера. Кто-то, занимавший высокий пост, счел полезным не только не восстанавливать против

себя единственного видного большевика, оказавшегося в Берлине со времени высылки Иоффе в ноябре 1918 г., но и, возможно, установить с ним определенную неофициальную связь. Имеющаяся в наличии информация о лицах, с которыми Радек встречался в этот период, исходит практически исключительно от самого Радека и отнюдь не претендует на то, чтобы быть исчерпывающей. Он не отмечает никаких связей, прямых или косвенных, с кем бы то ни было из германских официальных лиц, и представляется, наверное, маловероятным, что занимавшие высокое положение офицеры рейхсвера могли в 1919 г. пойти на риск компрометации себя в связи с любыми попытками вступить с Радеком в прямой контакт¹⁸. Однако смелые идеи касательно Турции, обсуждавшиеся в ходе бесед Радека с Талаат-пашой и Энвер-пашой¹⁹, нашли применение и поближе к дому, в Германии; и можно предположить, что Энвер-паша, который тесно соприкасался с Сектом в Турции в период войны, мог довести некоторые из этих идей до сведения своего старого товарища по оружию. Энвер-паша, писал Радек, «первый внушал германским военным, что Советская Россия — это новая растущая мировая сила, с которой они должны считаться, если хотят на деле бороться против Антанты»²⁰. Сама берлинская атмосфера осенью 1919 г. уже благоприятствовала рождению этой идеи. И трудно, да и сравнительно маловажно, установить, чей плодотворный ум родил ее.

Первым и наиболее часто упоминаемым каналом связи между Радеком и германскими военными кругами был отставной генерал Рейбниц²¹, бывший близкий друг Людендорфа, от чьих неистовых антибольшевистских взглядов он, однако, впоследствии энергично отключивался. Он прочитал ленинскую работу «Очередные задачи Советской власти», написанную в апреле 1918 г. и незадолго до этого опубликованную в переводе на немецком языке, которая произвела на него большое впечатление; это была брошюра, посвященная неотложным практическим задачам создания эффективной системы управления, которая заканчивалась словами о том, что теперь нужны не «истерические порывы», но «мерная поступь железных батальонов пролетариата». Генерал заверил Радека, что он проповедует среди своих собратьев-офицеров идею «не только союза с Советской Россией, но и так называемой мирной революции». Рейбниц был, вероятно, больше человеком чувств, чем разума. Однако именно в его квартире Радек жил в первые недели после своего освобождения из тюрьмы²²; и здесь устанавливались дальнейшие контакты с другими сторонниками подобных взглядов. Среди новых посетителей Радека двое имели особое значение. Полковник Макс Бауэр²³, бывший начальник разведки у Людендорфа, человек «с движениями кошки», совсем не похожий на военного, жил предвкушением захвата власти в Германии правыми силами, но только после того, как «буржуазная демократия не разочарует рабочих и пока они не придут к убеждению, что «диктатура труда» в Германии возможна только при соглашении рабо-

чего класса с офицерством». Радек свидетельствует: «Он давал мне понять, что на этой основе возможна была бы сделка офицерства с коммунистической партией и с Советской Россией. Они понимают, что мы непобедимы и что мы союзники Германии в борьбе с Антантой». Адмирал Гинце, бывший в свое время германским военно-морским атташе в Петербурге и на протяжении короткого периода летом 1918 г. министром иностранных дел, когда он подписал ряд дополнительных к Брест-Литовскому миру соглашений с Россией, теперь «стоял за сделку с Советской Россией» и интересовался у Радека, придет ли всемирная революция на Запад «раньше, чем Антанта съест Германию». Однако у Гинце были и свои взгляды на революцию. Из разговоров с рабочими-католиками в своем силезском поместье он вынес убеждение: «Революция состоит в том, что рабочие больше не хотят работать на капиталиста», «буржуазию ненавидят» и «Германия вряд ли поднимется без изменения своего строя»²⁴.

Наиболее выдающимся посетителем Радека из числа немцев был, однако, Вальтер Ратенау, сын основателя крупнейшего германского электропромышленного синдиката АЭГ и создатель в годы первой мировой войны Управления сырьевых материалов в германском военном министерстве — аналога и провозвестника британского и французского министерств военного снабжения. Впечатление от него было смешанным. Радек небезосновательно обнаружил в Ратенау «большой абстрактный ум, отсутствие всякой интуиции и болезненную самовлюбленность». Еврей по происхождению, обладавший острым и проницательным умом, но с явно выраженной эмоциональной неустойчивостью, Ратенау был идеальным представителем той части германских промышленников, которая, сохранив финансовые и торговые связи с Западом, была не в состоянии разделить с великими магнатами черной металлургии безоговорочную ориентацию на Восток и была обречена занимать выжидательную и двусмысленную позицию по основным вопросам политики. В открытом письме союзникам-победителям в декабре 1918 г. Ратенау утверждал, что если Германия будет поставлена перед условиями мира, ориентированными на мщение, то «одна из ранее сильнейших опор европейской конструкции будет уничтожена и границы Азии выйдут на Рейн». Однако присущая Ратенау эмоциональная антипатия к Востоку сочеталась в нем с равным по силе интеллектуальным восхищением перед ним. Он явно был инициатором «промышленной миссии», выехавшей в Москву летом 1919 г. с целью «изучить условия в промышленности»²⁵, а также учреждения в Берлине в начале 1920 г. «комиссии по изучению» русских дел в составе небольшой группы промышленников²⁶. И вот он пришел к Радеку без всяких церемоний, устроился поудобнее, забросив ногу на ногу, и на протяжении более чем часа «развивал свой взгляд на мировое положение». И вновь здесь веский политический довод — необходимость экономического сотрудничества между двумя странами — оказался вплетенным в

идеологический и квазиреволюционный контекст. Ратенау признал, что возврата к капитализму быть не может, и утверждал, что в своих работах он выдвигает на обсуждение концепцию «конструктивного социализма» — первый научный шаг в развитие взглядов Маркса, который дал лишь «теорию разрушения». Рабочие могут разрушать, но для созидательной работы требуется руководство со стороны «аристократии духа». Пройдут долгие годы, прежде чем в Германии произойдет революция, поскольку немецкий рабочий — «филистер». Вернувшись к России, Ратенау добавил: «Вероятно, через несколько лет я к вам приеду в качестве техника, и вы... будете меня принимать... в шелковых платьях». Радек резко возразил против идеи, что большевики когда-либо будут носить шелковые платья. Но полное перспективное предложение услуг германских технических специалистов открыло новые направления мысли. Привычка смотреть на Восток быстро распространилась даже среди наиболее «прозападных» германских промышленников²⁷. Единственным вкладом Радека в беседу, согласно его собственным записям, стало зачитывание им Ратенау ленинской статьи о достижениях «субботников» в Москве, которая попала к нему «через Скандинавские страны», — смелая попытка изложить философию добровольного труда при социализме²⁸. Ратенау нанес Радеку второй визит, на этот раз уже не в тюрьме, а на квартире у Рейбница, приведя с собой Феликса Дойча, генерального управляющего АЭГ. Но Дойч был женат на дочери американского банкира и представлял те германские финансовые круги, которые были наиболее тесно связаны с Западом; на следующий год Дойч обеспечил для АЭГ один из первых американских займов Германии после подписания Версальского мирного договора. Во время этой второй встречи обсуждение проблемы неминуемого конца капитализма и необходимости выработки для Германии восточной политики, казалось, отошло на второй план. Но даже Дойч был готов признать, что и русские могут иметь такой строй, какой им нравится, «если только» «будут торговать со Всеобщей Электрической Компанией», и выразил желание посетить Советскую Россию²⁹.

В записках Радека наверняка не отражен весь список немцев, посетивших его в Берлине. Он, как представляется, виделся с Отто Гётцем, профессором русской истории, впоследствии депутатом рейхстага и экспертом Немецкой национальной партии по русским делам³⁰. Что произошло между ним и Радеком, остается неизвестным. Гётц впоследствии стал последовательным сторонником германо-русского союза, основанного исключительно на соображениях политики силы и не зависящего от идеологических мотивов; если он беседовал с Радеком в этом ключе осенью 1919 г., то он опередил большинство своих современников. Сам Радек упоминает о визите Максимилиана Гардена, журналиста-радикала, который завоевал славу, как до 1914 г., так и в годы войны, выступив противником имперской системы Вильгельма II; для жур-

нала Гардена «Цукунфт» Радек обещал написать статью³¹. Колоссальное разнообразие профессиональной и политической направленности посетителей Радека свидетельствует о доходящем до отчаяния стремлении, существовавшем в Германии, найти какой-нибудь канал связи с восходящей державой на Востоке. Но в этот период было бы преждевременно делать какие-либо выводы о переменах в германской политике в ближайшем будущем. Версальский договор еще не был ратифицирован, и Веймарская республика вряд ли еще могла позволить себе проводить собственную внешнюю политику. Однако к концу пребывания Радека в Берлине произошло два примечательных события. В ноябре 1919 г. приблизительно в то же время, когда Литвинов направился в Копенгаген, чтобы в качестве советского представителя вступить в контакт с Великобританией для ведения переговоров об обмене военнопленными, германское правительство согласилось принять в том же качестве Виктора Коппа, бывшего меньшевика и соратника Троцкого по работе в Вене до 1914 г., который прибыл в Берлин, чтобы находиться на положении, по словам Радека, «полулегального полпреда»³². В том же месяце Сект был назначен начальником ведомства, расплывчато названного Управлением сухопутных сил в германском военном министерстве, под вывеской которого скрывался генеральный штаб, иметь который Германии было воспрещено согласно Версальскому договору. В течение последующих четырех лет политика Германии в отношении Советской России стала политикой Секта.

В январе 1920 г., после некоторой задержки с организацией транзитного проезда Радека через Польшу, он был с почестями препровожден до границы. Переезд через Польшу затянулся, и лишь к концу января ему удалось добраться до Москвы³³. В декабре 1918 г. Радек приехал в Берлин, будучи, как и все другие большевики, твердо убежденным в неизбежности революции в Германии. На Учредительном съезде КПГ в декабре 1918 г. он развернул перед своей немецкой аудиторией перспективу освобождения от последствий поражения в войне через пролетарскую революцию:

«Иного пути сделать Германию обороноспособной и уберечь ее от ярма, которое Антанта стремится надеть на нее, чем путем превращения немецких рабочих в хозяев Германии, нет... Властители Антанты больше всего боятся позволить своим армиям вступить в контакт с рабочими, которые знают, чего хотят»³⁴.

Однако это было лишь простым повторением старых иллюзий Брест-Литовска. В первые недели 1919 г. Германия была такой же беззащитной перед войсками Фоша, как Советская Россия годом раньше перед войсками Гофмана. Радек вскоре пришел, как уже говорилось³⁵, к пессимистической оценке ближайшего будущего германской революции: должны были быть найдены какие-то новые средства как для спасения Советской России, так и ос-

вобождения Германии от Антанты. Рассуждая таким образом, Радек, опередив всех других лидеров большевиков, пришел к убеждению, что необходим скорее период лавирования и компромиссов, чем любых преждевременных революционных достижений. Взгляды на советскую внешнюю политику, с которыми он вернулся из Берлина, могут быть суммированы на основании нескольких статей, написанных там в последние три месяца 1919 г. Наиболее ранней из них является открытое письмо к Гейдельбергскому съезду КПГ в октябре 1919 г., написанное в момент, когда удача в наименьшей степени сопутствовала делам Советов.

«Проблема внешней политики Советской России, — писал он, выделив данный абзац курсивом, — и — *покуда мировая революция не заявит о себе более быстрыми, чем до сих пор, темпами — всех других стран, в которых рабочий класс победил, состоит в том, чтобы прийти к *modus vivendi* * с капиталистическими странами...* Возможность мира между капиталистическими и пролетарскими государствами — не утопия»³⁶. Эта политика выглядела как прямая антитеза стратегии «национального большевизма» (хотя она еще и не была известна под этим названием) Лауфенберга и Вольфгейма, которую Радек разоблачил как дающую возможность возбудить вражду между Германией, а следовательно, и Россией, и капиталистическими странами Запада³⁷.

Дело было успешно доведено до конца в трех последующих статьях, написанных перед самым его отъездом из Берлина. Первая из них наносила прямой удар по стратегии «национального большевизма», на этот раз уже поименованной таким образом. «Проблема внешней политики Советской России, — повторил Радек, — ... состоит в достижении *modus vivendi* с капиталистическими государствами»³⁸. Во второй статье, опубликованной практически одновременно в немецком издании официального журнала Коминтерна, Радек разработал этот же самый тезис с точки зрения революционной борьбы. «Распад капитализма, — писал Радек, — неизбежен». Однако это будет «длительный процесс», и Советская Россия в данный промежуток времени неизбежно будет вынуждена «искать и находить *modus vivendi* с капиталистическими государствами». Другая линия рассуждений вела к тому же выводу. «Если Советской России придется продолжать сражаться, она не сможет восстановить свою национальную экономику». Таким образом, перед ней стоит следующая альтернатива: «социалистическое строительство в рамках временного компромисса или война в отсутствие какого бы то ни было экономического строительства». К чему Радек стремился, на практике выглядело «компромиссом с всемирным капиталом», который не затронул бы диктатуру пролетариата, — поразительное предвосхищение внешнеполитической стороны НЭПа. Однако Радек не зря провел три месяца в напря-

* *Modus vivendi* (лат.) — букв. способ существования; здесь — временное соглашение. — *Прим. ред.*

женных беседах с германскими политиками, военными и промышленниками, и отсюда рассуждение перекидывалось на Германию:

«Германия потерпела поражение, но, несмотря на это, ее промышленная машина и промышленные возможности все еще велики. Англосаксонские страны — победители, но, несмотря на это, расстройство их экономики зашло так далеко, что они не в состоянии оказывать достаточную помощь Франции и Италии... В Германии, по причине нарушения ее внешних связей и краха ее экономики, существуют тысячи безработных и голодных технических специалистов, которые могли бы оказать России величайшую услугу в восстановлении ее национальной экономики».

Радек предпринял попытку защитить себя от обвинений в стремлении «помочь немцам восстановить мощь германского капитализма на русской почве» и перешел к своему главному выводу:

«Не товарный обмен и не трудоустройство германского капитала в России, но рабочая помощь — вот *новый фундамент германо-российских экономических отношений*».

И последней стрелой стало предупреждение в адрес Германии о том, что ее ждет изоляция, если она упустит эти возможности³⁹. Третья статья, предназначенная для читателя-буржуа (она была адресована «благонамеренным буржуа»), была написана в более осторожных выражениях. Однако она была основана на том же самом доводе, согласно которому «Германия и Россия нуждаются в экономических отношениях друг с другом, поскольку ни одна из них не может рассчитывать получить только от Антанты то, в чем она нуждается, и поскольку они могут помочь друг другу разнообразными путями»; в качестве «практических выводов» в ней предлагалось возобновить дипломатические отношения между двумя странами и направить в Россию немецких экспертов-экономистов для организации товарного обмена, а в случае, если этого сделать не удастся, направить в Россию представителей германских экономических концернов в целях расчистки путей для такого обмена, «а также организации объективной службы информации по России для Германии»⁴⁰. Таким образом, призывы к советско-германской дружбе прозвучали как с советской, так и с германской стороны. Однако в то время, как Германия с самого начала руководствовалась своими преимущественно политическими и военными интересами, со стороны России заинтересованность на этом этапе была исключительно экономической⁴¹.

В обстановке хаоса 1919 г. беседы с Радеком никого ни к чему не обязывали: без сомнения, с германской точки зрения, в этом заключалась их привлекательная сторона. С советской стороны Радек действовал на свой страх и риск; если и можно было говорить о какой-либо официальной советской внешней политике в этот период, то он явно не был уполномочен проводить ее. Однако его влияние навряд ли может быть исключено из числа тех многих факторов, которые привели к перемене курса в начале 1920 г. Решающим доводом в пользу компромисса в советской политике в

отношении капиталистического мира была перспектива продолжительной задержки в процессе вызревания европейской революции; и этому Радек был эмоциональным непосредственным свидетелем⁴². Однако хотя общий взгляд на советскую внешнюю политику, усвоенный Радеком в Берлине, и вписывался в это направление и подкреплял его весомыми аргументами, не существует свидетельств тому, что даже Радек к этому времени серьезно вынашивал какой-либо конкретный план сотрудничества между Советской Россией и теми силами в Германии, которые бунтовали против Версальского договора⁴³, и даже если он у него и был, то он не нашел отклика в Москве. В своей брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», написанной в апреле 1920 г. в порядке подготовки ко II конгрессу Коминтерна, Ленин, как и Радек, сурово обошелся с немецким сползанием к «национальному большевизму», который был равносителен блоку «с немецкой буржуазией для войны против Антанты». Коммунисты не были «обязаны непременно отвергать» Версальский мир, «и притом немедленно». Такова была позиция относительно подлинных целей большевистской политики.

«Свержение буржуазии в любой из крупных европейских стран, в том числе и в Германии, есть такой плюс международной революции, что ради него можно и должно пойти — если это будет нужно — на более продолжительное существование Версальского мира. Если Россия одна могла, с пользой для революции, вынести несколько месяцев Брестского мира, то нет ничего невозможного в том, что Советская Германия, в союзе с Советской Россией, вынесет с пользой для революции более долгое существование Версальского мира»⁴⁴.

Таким образом, союз между делом Советов и германским националистическим бунтом против Версальского договора был энергично отвергнут, и если Радек во время своего вынужденного пребывания в Берлине все же заигрывал с этой идеей, то теперь от нее незамедлительно отказались. Хотя принцип временного компромисса с капиталистическим миром и получал все большую поддержку в Москве в первые месяцы 1920 г., никто еще не мыслил категориями урегулирования связей с Германией путем установления особых отношений между двумя странами. Тем не менее трудно отрицать, что скептицизм Радека относительно перспектив революции, соединенный с его знанием Германии, позволял ему в тот период интуитивно видеть некоторые из действующих сил более ясно, чем Ленину.

Силы, которые вопреки всем препятствиям работали на сближение между большевистской Россией и националистической Германией, крепили медленно. «Капповский путч» в марте 1920 г. был важным событием в истории Веймарской республики и в итоге оказал решающее воздействие на ее отношение к своему восточному соседу. Организаторы путча принадлежали к милитаристским

кругам старой армии, к людендорфам и фон дер гольцам; многие из частей, выступивших на Берлин, предыдущей осенью и зимой сражались в Прибалтике. Они были непримиримо настроены против большевиков и все еще верили в реставрацию монархии в России в качестве необходимой предпосылки восстановления германо-русского союза. Подход нового рейхсвера был совершенно другим. Его умные вожди не только приняли Веймарскую республику в качестве подходящего фасада, под прикрытием которого они могли трудиться над возрождением германской военной мощи, но и были также готовы принять большевизм в России в качестве потенциального партнера, способствующего достижению этой цели. «Капповский путч» завершился вытеснением на дальние задворки германской политики тех, кто все еще верил в крестовый поход против большевизма, и появлением военных руководителей, которые были готовы иметь дело с Советской Россией как с равноправной державой. Однако официальные отношения развивались медленно. В апреле 1920 г. в Берлине было подписано соглашение об обмене военнопленных с советским представителем Коппом, официальные функции которого по наблюдению за репатриацией военнопленных, вероятно, не воспрещали ему некоторой политической деятельности; другое соглашение по этому же самому вопросу последовало через три месяца⁴⁵. В июне 1920 г. Густав Хиллгер, один из членов консульского аппарата Германии, покинувших Москву последними в ноябре 1918 г., возвратился в Москву в качестве германского представителя, равнозначного по статусу Коппу в Берлине, и получил от Чичерина заверения в том, что подход Советской России к Германии «определяется единственным желанием установить более тесные экономические, политические и культурные отношения»⁴⁶.

Советско-польская война летом 1920 г. способствовала всходу посеянных семян и запустила механизм новых и жизненно важных сил. С советской стороны поразительное возрождение русского патриотизма оказалось связанным воедино с большевизмом, привнеся в советскую внешнюю политику новый элемент национализма⁴⁷. С германской стороны первоначальное польское наступление в мае 1920 г. не возбудило какого-либо оживленного интереса к этой войне. Однако когда Красная Армия неожиданно нанесла ответный удар и в июле начала свой триумфальный марш по Польше, волна возбуждения охватила Германию. Тревога перемежалась с восторгом. Большевизм угрожал прорваться в Центральную Европу. Но вследствие того же самого удара главный противник Германии на Востоке находился в смертельной опасности, а восточный оплот Версаля закачался. Позиция Германии в этой чрезвычайной ситуации была в общих чертах намечена дальновидным Сектом шестью месяцами ранее:

«Я отказываюсь поддержать Польшу даже перед лицом опасности, что она может быть проглочена. Напротив, я рассчитываю

на это; и даже если мы не сможем в этот момент помочь России восстановить прежние границы ее империи, нам определенно не следует препятствовать ей в этом»⁴⁸.

Мальцан, начальник Русского отдела германского министерства иностранных дел, вступил в конфиденциальные переговоры с Коппом, чье влияние в Берлине повышалось с каждым продвижением Красной Армии. Требование гарантий того, что Красная Армия не перейдет существующую границу Германии, было незамедлительно удовлетворено. Однако когда Мальцан осторожно поднял вопрос о «пересмотре противоестественных германских границ, установленных согласно Версальскому договору», Копп увильнул от ответа и выдвинул признание РСФСР де-юре и возобновление с ней дипломатических отношений в полном объеме в качестве необходимой предпосылки любых переговоров⁴⁹. Ясно, что освобождение Польши от ее капиталистических правителей, как оно замышлялось в Москве в это время, охватывало и бывшую немецкую Польшу и не могло быть приостановлено на старой границе 1914 г. Но намек Коппа не прошел незамеченным в Берлине. 22 июля 1920 г. германский министр иностранных дел Симонс вручил Коппу письмо для передачи Чичерину, в котором предлагалось провести обсуждение вопроса о возобновлении нормальных дипломатических отношений между Германией и Советской Россией. В качестве единственного условия выставлялось требование торжественного подъема германского флага на здании посольства Германии в Москве в присутствии роты красноармейцев в знак искреннего раскаяния в связи с убийством Мирбаха. Нота завершалась выражением надежды на возобновление торговли между двумя странами и просьбой, когда советские войска в ходе наступления подойдут к «старой германской границе», изыскать возможность прикрепить к указанной армейской группировке германского военного представителя с целью избежать «нежелательных инцидентов»⁵⁰. К этому времени западные союзники, также опасавшиеся краха Польши, организовали помощь в виде посылки военных советников и боеприпасов. Германия ответила декларацией о нейтралитете, предусматривавшей запрет на транзит боеприпасов для Польши через Германию. Объявляя об этом решении в рейхстаге 26 июля 1920 г., Симонс сделал существенное добавление, заявив о том, что официальное признание Германией Советского правительства, содержащееся в Брест-Литовском договоре, аннулировано не было, но избежал, однако, конкретных упоминаний о дипломатических отношениях⁵¹. Неделий позже, 2 августа 1920 г., Чичерин ответил на предложение Симонса обсудить вопрос о возобновлении дипломатических отношений нотой, в которой рассыпался в комплиментах и выражал надежды на дружественное сотрудничество, но твердо отверг требование о церемонии раскаяния в связи с убийством Мирбаха как ненужное и неуместное⁵². В момент, когда надежды на военную победу и распространение революции на Запад достигли наивысшего подъ-

ема, любой компромисс с германским буржуазным правительством вполне мог казаться излишним.

Эти осторожные официальные обмены, однако, отнюдь не исчерпывали влияния наступления Красной Армии на советско-германские отношения. Волна горячей поддержки Советской России со стороны населения охватила Германию. В вольном городе Данциге, ранее принадлежавшем Германии, а теперь находившемся под управлением союзников, немецкие докеры вышли на забастовку и отказались грузить боеприпасы, направлявшиеся в Польшу через этот порт⁵³. Немецкая коммунистическая газета «Роте фане» заняла столь воинствующую позицию в поддержку лозунга партии «Союз с Советской Россией», что это повлекло за собой обвинения со стороны других левых партий в попытке вовлечь немецких рабочих в войну с Францией⁵⁴. Немецкие добровольцы (командующий Красной Армией Тухачевский назвал их «спартаковцами и беспартийными рабочими» и говорил о том, что их были «сотни и тысячи»⁵⁵) стекались, чтобы вступить в Красную Армию, — любопытная ситуация, обратная той, что сложилась предыдущей осенью, когда немецкие добровольцы в массовом порядке отправлялись в Прибалтику, чтобы сражаться с большевиками. Горячая поддержка дела Советов отнюдь не была привилегией коммунистов или рабочих. Впервые под воздействием угрозы Польше и ненавистного Версальского договора страстное желание правых вступить в союз с Россией вырвалось наружу в форме симпатий по отношению к делу Советов. Связь между германским национализмом и русским большевизмом уже не казалась пугающим парадоксом⁵⁶. Обращаясь к этим событиям двумя-тремя месяцами позже, Ленин говорил о том, что в Германии существует «противоестественный блок черносотенцев с большевиками», и вспоминал, что «в Германии все, даже черносотенцы и монархисты, говорили, что большевики нас спасут, когда увидели, что Версальский мир трещит по всем швам»⁵⁷. Даже профессиональные военные начали проникаться чувством уважения и восхищения доблестью Красной Армии и размышлять о ценности советско-германского союза с военной точки зрения. Макс Бауэр впоследствии отдал должное Троцкому, назвав его «прирожденным военным организатором и вождем», и добавил:

«То, как ему удалось воссоздать новую армию в разгар жестоких сражений, а затем организовать и обучить эту армию, достойно лишь Наполеона»⁵⁸.

А Гофман вынес то же суждение:

«Даже с чисто военной точки зрения удивляет, что вновь набранные красные войска оказались способными сокрушить силы, временами еще мощные, белых генералов и уничтожить их полностью»⁵⁹.

Согласно другому источнику, Лебедев, советский начальник штаба РККА, «оценивался чрезвычайно высоко в германских военных кругах»⁶⁰. С другой стороны, никто не хотел играть с опас-

ностью заражения большевизмом. Биограф Секта повествует, что, когда после отступления Красной Армии 45 тыс. русских были интернированы в Восточной Пруссии, политические комиссары были тщательно изолированы от войск, хотя это и не помешало им создать «центр коммунистической агитации внутри рейха»⁶¹.

Смешанные чувства и колеблющиеся позиции, характерные для германского лагеря, присутствовали и на советской стороне. Существует выглядящий подлинным рассказ о встрече в Зольдау, близ границы Восточной Пруссии с немецкой стороны, между командирами и комиссарами Красной Армии и «немецкими националистами», в ходе которой русские похвалялись, что Красная Армия освободит Западную Пруссию, отошедшую к Польше по Версальскому договору, и воссоединит ее с германской родиной — о серьезности этого намерения говорило то, что они воздержались от создания местных Советов, как сделали это на оккупированной польской территории⁶². Наиболее непосредственное свидетельство того, какие мнения циркулировали в некоторых советских кругах в разгар польской войны, содержится в письме, написанном на малограмотном немецком языке 26 августа 1920 г. Энвер-пашой, тогда находившимся в Москве, Секту в Берлин. Энвер-паша сообщил, что он только что встретился с «действительно важным помощником Троцкого» (наилучшим образом под это описание подходит Склянский, заместитель народного комиссара по военным делам), и продолжил:

«Здесь существует партия, которая обладает действительной властью, и Троцкий также принадлежит к этой партии, стоящей за соглашение с Германией. Эта партия была бы готова признать старую германскую границу 1914 года. И они видят только один выход из нынешнего всемирного хаоса, а именно: сотрудничество с Германией и Турцией. С целью усилить позиции этой партии и завоевать на свою сторону Советское правительство в целом не представляется ли возможным оказать неофициальную помощь и, если возможно, продать оружие?.. Я считаю важным, чтобы вы пришли к взаимопониманию с их представителями, с тем чтобы позиция Германии была бы такой же ясной и определенной. Помочь русским можно, через коридор или в другом подходящем месте, посредством создания добровольческой армии или движения повстанцев»⁶³.

Хотя эти рекомендации и не могли быть реализованы на практике, можно догадаться, что дух, в котором они были изложены, и сообщение Энвер-паши о взглядах, бытовавших среди влиятельных кругов в Москве, способствовали укреплению замыслов, которые уже обретали форму в голове Секта. В обстановке революционных настроений 1920 г. дипломатическая сделка, предусматривающая «признание старой германской границы 1914 года», то есть оказание поддержки в возвращении Германии германской территории, уступленной Польше по условиям Версальского договора, могла все еще выглядеть слишком циничным шагом, чтобы

его серьезно обдумывали в Москве. Время еще не было созрело для заключения сделки между русским большевизмом и германским национализмом. Однако с самого начала в этой ситуации была заложена возможность того, что такая сделка может быть заключена, и может быть заключена только в ущерб Польше.

В том, что касается Германии, катастрофическое окончание советской военной кампании в Польше положило конец маячившей перспективе германо-советского сближения за счет Польши. Осенью 1920 г. многие немцы все еще надеялись на возможность примирения с Западом; плебисциты в Восточной и Западной Пруссии завершились благоприятно для Германии; плебисцит в Верхней Силезии все еще не был проведен; окончательные репатриационные требования еще не были предъявлены, а инфляция была на время приостановлена. Преждевременная и преувеличенная вера в военное спасение, идущее с Востока, бытовавшая предыдущим летом, сменилась реакцией, в условиях которой даже выживание советского режима, казалось, вновь находилось под серьезным вопросом. Официальные отношения между двумя странами становились все более прохладными. Когда министр иностранных дел Симонс в октябре 1920 г. в рейхстаге обосновывал отказ правительства продлить срок действия разрешений на въезд Зиновьеву и Лозовскому⁶⁴, было отмечено, что он завершил свое выступление выражением чувства дружбы к русскому народу, но не к Советскому правительству, а другой депутат центра, будущий канцлер Ференбах, возблагодарил себя за то, что Германия не «пошла по неверному пути вмешательства в русско-польскую войну»⁶⁵. Приблизительно в это же время Мальцан, который летом 1920 г. рьяно выступал за признание Советского правительства, был переведен из министерства иностранных дел на работу за рубежом. Даже торговые отношения получили лишь незначительную поддержку в скупом по тону заявлении Симонса в рейхстаге в январе 1921 г., когда он сказал, что дипломатические отношения с Советской Россией не могут быть восстановлены, «пока не будет дано удовлетворение в связи с убийством представителя рейха», но что «коммунизм как таковой не является причиной, из-за которой республиканскому и буржуазному правительству не следует торговать с Советским правительством»⁶⁶. Копп, по-прежнему не исполнявший официальных функций и не получивший никакого признания, кроме как представитель по вопросам, связанным с обменом военнопленных, предпринимал попытки установить с германскими фирмами такие же торговые отношения, какие Красин расширял с фирмами Великобритании, и власти закрывали глаза на эту деятельность, «поскольку интересы и безопасность рейха при этом не затрагивались»⁶⁷. Копп, который приехал в Москву в отпуск в январе 1921 г., даже сообщил «Известиям», что существует перспектива открытия торговых представительств соответственно в Берлине и Москве в близком будущем⁶⁸. Однако такие

надежды были преждевременными. Предельная осторожность все еще господствовала в германской официальной политике, и лишь после того, как с заключением англо-советского торгового соглашения лед был сломан, германское правительство решило последовать этому примеру. Официальная прохладность, однако, не довершала всей полноты картины. В течение того же самого периода по военным каналам осуществлялся тайный зондаж, хотя этот факт в то время остался совершенно неизвестным, и даже сейчас он не может быть в полной мере подтвержден документами⁶⁹.

Так совпало, что в то время, когда германские военные и политические круги проводили идущую в разных и даже противоположных направлениях политику в отношении Советской России, советская внешняя политика характеризовалась обычной двойственностью, которая в отношении Германии приобрела особо острую форму. Поражение в Польше привело к резкому прекращению всех пробных шагов по установлению советско-германского сотрудничества. События августа 1920 г. выглядели в ретроспективе как вспышка молнии, на мгновение высветившая виды на будущее, которые теперь вновь были окутаны мраком. Однако силы, которые сумрачной зимой 1920/21 г. подталкивали советских вождей в направлении примирения с капиталистическим миром, начали давать о себе знать в советской политике по отношению к Германии. Примерно через месяц после издания в ноябре 1920 г. декрета о концессиях⁷⁰ Ленин, выступая на VIII Всероссийском съезде Советов и делая обзор чрезвычайных событий прошедшего лета, впервые публично поставил вопрос о советско-германских отношениях в контексте, отличном от контекста мировой революции. Назвав Германию «самой передовой страной, за исключением Америки», он продолжил:

«...Эта страна, связанная Версальским договором, находится в условиях, невозможных для существования. И при таком положении Германия, естественно, толкается на союз с Россией. Когда русские войска подходили к Варшаве, вся Германия кипела. Союз с Россией этой страны, которая задущена, которая имеет возможность пустить в ход гигантские производительные силы, — это положение привело к тому, что в Германии получилось политическое смещение: германские черносотенцы шли в сочувствии к русским большевикам со спартаковцами...

Наша внешняя политика, пока мы одиноки и капиталистический мир силен,.. состоит в том, что мы должны использовать разногласия... Существование наше зависит от того, что существует коренное расхождение империалистических держав, с одной стороны, а, с другой стороны, что победа Антанты и Версальский мир отбросили в положение невозможности жить гигантское большинство немецкой нации... Немецкое буржуазное правительство бешено ненавидит большевиков, но интересы международного поло-

жения толкают его к миру с Советской Россией против его собственного желания»⁷¹.

Таким образом, за три месяца до введения НЭПа и заключения англо-советского торгового соглашения Ленин в недвусмысленных выражениях намекнул на желание Советского правительства откликнуться на зондаж со стороны Германии, если таковой будет предпринят.

Сомнительно, чтобы те, кто теперь осторожно обсуждал преимущества сотрудничества с германским правительством, задавались вопросом о пройденном историческом пути, в рамках которого спасение советского режима считалось зависящим либо от скорейшей революции в Германии, либо от степени изменений в мышлении, которых требовала новая политика. В любом случае Зиновьев и другие вожди Коминтерна, полностью находясь под влиянием успехов II конгресса и побед, одержанных с тех пор в Германии и во Франции, были отнюдь не настроены оставить лучезарную мечту о всемирной революции, а в этой мечте Германия с необходимостью занимала центральное место. Таким образом, в решающую зиму 1920/21 г. два противоположных и непримиримых стремления в том, что касалось Германии, столкнулись друг с другом в Москве. Если столкновение между ними не было явным, то это только потому, что повседневная работа Коминтерна и повседневная работа Советского правительства (и даже различных комиссариатов) все еще по большей части осуществлялись вне всякой связи друг с другом; и, как правило, только тогда, когда складывалась чрезвычайная, критическая ситуация, вожди принимали решения, обязательные для всех заинтересованных лиц, в рамках Центрального Комитета партии или его Политбюро. В течение зимы 1920/21 г. внимание вождей было поглощено угрожающим ростом оппозиции внутри партии, разногласиями по вопросу о профсоюзах и прежде всего затруднительным экономическим положением страны. Какая бы другая интерпретация ни давалась последовавшим событиям, достаточно ясно, что в целом всестороннего анализа политики в отношении Германии на протяжении всего этого периода предпринято не было.

События внутри КППГ привели к новому кризису. Массовый приток новых членов в значительно расширившуюся КППГ вследствие присоединения к ней большинства НСДПГ на съезде в Галле был, по всей видимости, одной из основных побед Коминтерна и КППГ. Однако он породил новые проблемы. КППГ больше не могла удовлетворять роль небольшой секты, революционной элиты, прямого потомка «Союза Спартака». Она стала массовой партией, состоящей преимущественно из рабочих, которых не заботили проблемы усовершенствования теории. Как ее члены, так и другие слои населения ожидали от нее проведения активной политики и усиления влияния на германской политической арене. Русские, сообщил КППГ один из ее вождей в ноябре 1920 г., обвиняют ее в «слишком неразвитых связях с массами рабочих», отсутствии

«опыта ведения агитации» и даже «антипутчистской психологии», хотя существует надежда, что ей удастся излечиться от этих недугов благодаря присоединению большинства НСДПГ, а затем и КРПГ⁷². Это чувство, явившееся наследием триумфа Зиновьева в Галле, выражалось внутри партии в ее левом движении, которое, следуя скорее традиции Либкнехта, нежели Розы Люксембург, ставило революционное действие превыше революционной пропаганды и призывало проводить активистскую политику. Это движение зародилось в берлинском отделении партии, где оно быстро завоевало на свою сторону большинство; его наиболее известным вождем была Рут Фишер, исполнявшая роль посланца Радека к Леви в октябре 1919 г. На партийное руководство все это впечатление не произвело. Леви унаследовал от Розы Люксембург скептицизм в отношении революционной зрелости немецких масс, и он так и не изжил до конца сектантской психологии прежнего «Союза Спартака». Брандлер, наиболее яркий выразитель интересов рабочих в Центральном комитете КПГ, был глубоко привержен тред-юнионистской традиции, хорошо понимая роль массовой организации и массовых демонстраций, но инстинктивно отмежевывался от идеи вооруженного восстания. Леви решил удовлетворить призыв к действию путем эксперимента с тактикой «единого фронта», которую Брандлер опробовал в Саксонии во время «Капповского путча»⁷³. 8 января 1921 г. партийная газета «Роте фане» опубликовала открытое письмо Центрального комитета КПГ, адресованное поименно целому ряду левых профсоюзных и политических организаций, включая СДПГ, остатки НСДПГ и КРПГ. В письме, исходя из «невыносимого положения» германских рабочих в послевоенном кризисе, были предложены совместная кампания за повышение заработной платы и пособий по безработице, снижение стоимости жизни, установление рабочего контроля над производством предметов первой необходимости, роспуск и разоружение «буржуазных организаций обороны», создание «организаций пролетарской самообороны» и установление торговых и дипломатических отношений с Советской Россией. КПГ признавала, что «эти мероприятия не могут коренным образом улучшить бедственное положение пролетариата», и поэтому она не «отказывалась ни на минуту от борьбы за диктатуру»; но после церемониального коленопреклонения перед партийной идеологией она вновь повторила свой призыв повести совместную борьбу «за изложенные выше требования»⁷⁴. В рейхстаге Леви, один из горстки депутатов-коммунистов, так обрисовал международные последствия доктрины «единого фронта»:

«Это поворотный пункт во всемирной истории. Угнетаемые всего мира выступили против угнетателей всего мира; и вождем угнетаемых всего мира, державой, которая собирает вместе и возглавляет угнетаемых всего мира, является Советская Россия»⁷⁵. Мораль была ясна: так же как коммунисты защищают угнетаемых рабочих, к какой бы партии они ни принадлежали, так и Совет-

ская Россия является защитницей угнетаемых стран, какой бы политической ориентации они ни придерживались. Ни один немец в 1921 г. не сомневался, что Германия является угнетаемой страной.

Радек со времени своего пребывания в Берлине в 1919 г. разделял с Леви пессимистическую оценку революционного потенциала КППГ и был горячим сторонником новой линии, если не ее изначальным вдохновителем: говорят, что проект «Открытого письма» был составлен совместно Леви и Радеком. Зиновьев, с другой стороны, все еще лелеял мечты о всемирной революции, осуществление которой казалось столь близким всего лишь шестью месяцами ранее. Как герой съезда в Галле, он считал себя автором победы, которая превратила КППГ из секты интеллектуалов в массовую партию, готовую для революционных действий, и его взгляды соответствовали взглядам группы левых в КППГ. Когда в результате Радек впервые выдвинул в ИККИ на обсуждение идею «Открытого письма», Зиновьев энергично выступил против нее вместе с примкнувшим к нему Бухариным, все еще выступавшим в качестве самозваного хранителя революционной ортодоксии. Ленин, который незадолго до этого перешел в лагерь сторонников политики временного примирения с капиталистическим миром, вмешался на стороне Радека, и «Открытое письмо» было одобрено⁷⁶. Выстрел оказался холостым: оно не нашло отклика ни у одной влиятельной организации левых. Его энергично отвергли СДПГ и остатки НСДПГ, которые не хотели вступать в отношения с КППГ, а также КРППГ, которая разоблачила его как проявление полнейшего оппортунизма. В Москве, где вожди стояли перед более серьезными проблемами у себя дома, эта неожиданная неудача прошла едва замеченной. В КППГ она имела своим результатом подрыв авторитета Леви и усиление роли группы левых в партии.

Когда через месяц после инцидента с «Открытым письмом» Леви выехал в Ливорно в качестве представителя КППГ на имевший решающее значение съезд Итальянской социалистической партии⁷⁷, он вполне мог полагать, что только что пришедшее из Москвы одобрение подразумевало новый настрой в пользу терпимости в отношении других левых партий и групп, которые не были готовы воспринять строгость коммунистической идеологии в полном объеме. Справедливым было то, что между сотрудничеством с другими партиями левых в осуществлении конкретных совместных целей и сотрудничеством с еретиками в рядах партии, открыто заявившей о себе как о коммунистической, можно было провести различие. Но это различие в начале 1921 г. было не столь привычным, каким оно стало впоследствии. В Ливорно политику Коминтерна проводили не Радек, а Ракоши и Кабакчиев, ставленники Зиновьева, которые осознавали разницу между временным тактическим сотрудничеством с другими партиями и терпимостью в отношении неортодоксальных взглядов внутри самой партии. Когда «21 условие» со всей их строгостью было обрушено на Сerratи,

Леви поспешил ему на помощь и выступил в поддержку его сопротивления. Открытая оппозиция Леви по отношению к политике, проводимой полномочными представителями Коминтерна, создала явно нетерпимое положение и дала козыри его противникам в КПГ. Когда на обратном пути в Москву Ракоши и Кабакчиев захвали в Берлин и потребовали от Центрального комитета голосования решения, осуждающего действия Леви, они нашли много сторонников, и соответствующее решение было проведено относительно небольшим большинством голосов⁷⁸. Леви, Клара Цеткин и трое других членов Центрального комитета подали в отставку. Смещение Леви рассматривалось в партии как победа сторонников прогрессивной политики. Люди, которые пришли им на смену в руководстве партии — Эрнст Мейер, Брандлер, Тальгеймер и Фрелих, — хотя и не принадлежали к левому крылу партии, исповедовали так называемую «теорию наступления» и сходились в том, что пришло время переходить от революционной пропаганды к революционным действиям.

Именно в этот момент Бела Кун вместе с другим венгром Погани и поляком Гуральским прибыли из Москвы в Берлин в качестве эмиссаров Коминтерна⁷⁹. Годом раньше Бела Кун был в первых рядах наиболее активных критиков пассивности КПГ в период «Капповского путча». Входя в число ближайших последователей Зиновьева в Коминтерне, он, вероятно, выступал против «Открытого письма» и полагал, что удаление Леви из руководства партии даст возможность проводить более активную политику. Вероятно, он имел соответствующие инструкции от Зиновьева. Члены нового Центрального комитета впоследствии провели отдельное заседание по этому вопросу. Однако Бела Кун беседовал также с Леви и Кларой Цеткин, которые, хотя и не входили больше в состав Центрального комитета, все еще оставались ведущими членами партии. По словам Леви, Бела Кун в разговоре с Кларой Цеткин 10 марта и с ним самим четыре дня спустя настаивал на том, что КПГ должна действовать и, если необходимо, создать повод для действия; таким образом, «первый импульс к этому действию в той форме, которую он принял, исходил не от германской стороны»⁸⁰. Цеткин, оставшаяся членом партии, на III конгрессе Коминтерна высказалась более осторожно в том плане, что «представители Исполкома (т. е. ИККИ. — *Авт.*) в любом случае несут большую часть вины за то, что оно [*«Мартовское выступление»*. — *Ред.*] было проведено именно так, как было проведено, а также за то, что неправильная политическая постановка вопроса привела к неправильному решению»⁸¹. Это был период всеобщих беспорядков в Германии. Разгоралась борьба между правительствами Баварии и рейха по вопросу о существовании отдельных вооруженных формирований правых кругов под покровительством баварских властей; Франция только что в качестве ответной меры оккупировала Дюссельдорф; все еще не проведенный плебисцит в Верхней Силезии вызвал массовые беспорядки в этом районе. На

шахтах в Мансфельде в Средней Германии — известной цитадели коммунистов — с прямой подачи Берлина или без нее вспыхнули мятежи, и 16 марта 1921 г. полиция и рейхсвер решили занять этот район и разоружить рабочих. Это вызвало вооруженное сопротивление, которое распространилось на другие центры Средней Германии. На следующий день Центральный комитет КППГ призвал рабочих к оружию и открыто провозгласил начало восстания против правительства; один из депутатов-коммунистов в рейхстаге вызывающе заявил, что германский пролетариат «выполнит свою историческую миссию и пронесет пролетарскую революцию с Востока на Запад»⁸². В ряде мест произошли беспорядочные столкновения. Сражения отличались ожесточенностью только в районах Средней Германии, где было положено начало беспорядкам. Неделий позже, когда восстание начало выдыхаться, Центральный комитет объявил всеобщую забастовку. Однако это лишь усугубило катастрофу, вызвав столкновения забастовщиков-коммунистов не только с полицией, но и с массой рабочих, предпочитавших продолжать работу. 31 марта, когда коммунисты потерпели окончательное поражение, обернувшееся многими жертвами и тысячами арестованных, Центральный комитет объявил о полном прекращении выступлений.

«Мартовское выступление» само по себе не было ни столь широким, ни столь значительным, как «Капповский путч». Однако момент, когда оно произошло, и его явная неудача сделали его поворотным пунктом в истории как коммунистического движения в Германии, так и советской политики. В том, что касалось КППГ, по имеющимся сведениям, оно привело к уменьшению численного состава партии в течение трех месяцев с 450 тыс. (вероятно, эта цифра была завышенной) до 180 тыс. человек⁸³ и породило волну взаимных обвинений, продолжавшихся многие годы и расколовших партию на правую и левую фракции. Центральный комитет опубликовал тезисы, в которых, приписывая причину выступления полицейским провокациям против рабочих Мансфельда, поздравил себя с попыткой «захватить революционную инициативу» и предпринять «революционное наступление», молчаливо отказался от задачи создания «единого фронта» и осудил «пассивную и активную оппозицию некоторых товарищей в период выступления»⁸⁴. Леви, отбросив все правила партийной дисциплины, опубликовал брошюру под названием «Наш путь», в которой разоблачил «Мартовское выступление» как «величайший бакунинский путч во всей истории»⁸⁵. За это проявление неповиновения он был исключен из партии, хотя ему и дали произнести продолжительную негодующую речь перед Центральным комитетом, которая также была опубликована отдельной брошюрой и породила еще один ответ со стороны Центрального комитета⁸⁶. В Москве ИККИ торопливо утвердил исключение Леви⁸⁷, но внутренняя перепалка в германской партии была три месяца спустя представлена на рассмотре-

ние III конгресса Коминтерна, которому предстояло решить деликатную задачу: вынести по этому поводу свое суждение⁸⁸.

С точки зрения советской политики крах «Мартовского выступления» представлял собой германский угол более широкого изменения фронта наступления, о котором дали знать еще два главных события марта 1921 г. — введение НЭПа и заключение англо-советского торгового соглашения. Вопрос о том, кто в Москве нес персональную ответственность за «Мартовское выступление», так до конца прояснен и не был. Можно с уверенностью утверждать, что подстрекательство Бела Куна стало отнюдь не единственным (еще не пришло то время, когда КППГ автоматически и покорно следовала указаниям Москвы), но одним из факторов, побудивших Центральный комитет предпринять попытку злополучного «наступления». Можно предположить, что Бела Кун действовал согласно открытым или подразумевавшимся указаниям Зиновьева. Однако сомнительно, чтобы эти указания рассматривались или были одобрены Политбюро или что их существо было известно или осознавалось за пределами зиновьевского окружения. Ленин, Троцкий и другие главные лица в партии были поглощены вопросами экономического кризиса, разногласиями в профсоюзах и в партии, подготовкой к введению НЭПа и не имели времени для германских дел. Радек, который был хорошо осведомлен в германских делах, казалось, не знал о том, что намечалось⁸⁹; то же самое почти наверняка было справедливым и в отношении Чичерина и аппарата Наркоминдела. Когда выступление обернулось провалом, очевидный урок едва ли можно было опровергнуть. Попытка КППГ взять верх путем лобовой атаки на буржуазное правительство Германии окончилась бесславной катастрофой. Однако там, где сравнительно крупная и сильная партия в высокоразвитой промышленной стране потерпела неудачу, ни одна коммунистическая партия ни в какой другой стране не могла рассчитывать на успех в течение некоторого времени в будущем. Новый и хорошо обоснованный пессимизм относительно перспектив европейской революции укрепил позиции тех, кто стремился к временному миру с капиталистическим миром.

ГЛАВА 29

К ГЕНУЕ И РАПАЛЛО

Если Советское правительство предполагало, что заключение англо-советского торгового соглашения 16 марта 1921 г., дополненное договорами, которые почти одновременно были заключены с тремя восточными странами — Персией, Афганистаном и Турцией, — и последовавшим через два дня окончательным мирным договором с Польшей, незамедлительно взломает льды и приведет к установлению нормальных отношений с внешним миром, то эти ожидания в очень незначительной степени учитывали живучесть враждебных настроений в капиталистических странах. Пример, поданный Великобританией, не смог немедленно вдохновить существенное число подражателей. Среди европейских стран лишь Германия, как и Россия — изгой европейского сообщества, поторопилась заключить с РСФСР временное торговое соглашение¹. Оно было подписано 6 мая 1921 г.; и, вероятно, отнюдь не случайным совпадением явилось то, что его подписание последовало на следующий день после того, как союзники предъявили Германии ультиматум, угрожая дальнейшими санкциями (три города в Руре были уже оккупированы в марте 1921 г.) в случае, если не будут удовлетворены требования, касающиеся репараций и разоружения. Торговое соглашение урегулировало некоторые из практических трудностей, порожденных тем, что торговля велась между частными фирмами и установившим торговую монополию государством. Однако его наиболее важные положения не имели ничего общего с торговлей. Обе страны согласились предоставить дипломатический статус аккредитованным представителям другой стороны, а германское правительство обязалось признавать советскую миссию в качестве единственного представителя России на германской территории. Это означало отказ от неофициального признания, распространявшегося до этого времени и на «белые» русские организации в Берлине, и знаменовало собой официальные похороны крестового похода против большевизма. Впредь, какой бы ни была политика германского правительства в отношении России, она была направлена на поддержание отношений с Советским правительством, а не на его свержение. Тем не менее на живучесть недружественной атмосферы указывают сетования Красина на то, что германское правительство не только не вы-

полнило взятое по соглашению свое обязательство предоставить в распоряжение торговой делегации подходящие помещения, но и «не оказало торговому представительству должного содействия по передаче в его пользование тех нескольких домов, которые торгпредством были приобретены в марте 1921 г. в собственность для этой цели»². Среди других европейских стран Италия согласилась принять советскую торговую миссию. Однако это приглашение было прохладным, и лишь к концу года затянувшиеся переговоры привели к подписанию торгового соглашения³. К этому времени аналогичные соглашения заключили Норвегия и Австрия⁴. Соглашение со Швецией было подписано в начале 1922 г.⁵, но не было ратифицировано шведским правительством. Соглашение с Чехословакией последовало несколько позже⁶; все они были построены по британскому образцу. Список стран, в которых к концу 1921 г. были учреждены советские торговые представительства, включал Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Швецию, Норвегию, Германию, Чехословакию, Австрию, Италию, Великобританию, Турцию (в Анкаре и Константинополе) и Персию⁷.

Если говорить о другой стороне политики, то две великие державы оставались непримиримо враждебными. Победа республиканцев в Соединенных Штатах и приход Гардинга вместо Вильсона породили пустые надежды на изменение американской позиции. Неутомимый Раймонд Робинс в течение некоторого времени вел в Соединенных Штатах кампанию за признание Советской России и явно убедил себя в том, что ему удалось добиться от Гардинга предвыборного обещания его готовности вновь рассмотреть русский вопрос⁸. Это могло стать известным в Москве, и Вандерлип, проезжая через Москву на обратном пути в марте 1921 г., говорил о «благоприятном мнении» Гардинга в отношении торговли с Россией⁹. Нота, отправленная вновь избранному составу американского конгресса от имени ВЦИК 20 марта 1921 г., которая содержала предложение о переговорах с целью выработки торгового соглашения между двумя странами, была, однако, встречена ледяным ответом, согласно которому любые попытки восстановления торговых отношений будут тщетными до тех пор, пока Советская Россия не заложит «прочный хозяйственный фундамент», предполагающий «личную безопасность, признание твердых гарантий частной собственности, святость договоров и право на свободный труд»¹⁰. Неофициальные попытки Дальневосточной республики вступить с Вашингтоном в осторожный контакт оказались, однако, более успешными, и американские наблюдатели посетили Читу в мае 1921 г.¹¹ Франция оставалась другой великой державой, настроенной непримиримо враждебно. В феврале 1921 г. она заключила договор о союзе с Польшей и в течение года была занята сплачиванием под своей эгидой Малой Антанты¹². Эти политические и военные сложности, равно как и претензии держателей русских ценных бумаг во Франции, делали неизбежной по-

зицию отказа от всякого компромисса со стороны, не выполняющей свои обязательства. Желчная позиция Франции в связи с англо-советским торговым соглашением, нашедшая явное отражение летом 1921 г. в ряде официальных нот¹³, а также во французской прессе, способствовала в этот период ухудшению англо-французских отношений.

Не прошло и четырех месяцев со времени подписания англо-советского соглашения, как ситуация в России была омрачена надвигавшимся катастрофическим голодом. Запасы были истощены, транспорт пребывал в состоянии хаоса, а засуха нанесла серьезный ущерб новому урожаю. Через несколько дней после учреждения 21 июля 1921 г. Всероссийского комитета помощи голодающим¹⁴ последовало воззвание ИККИ к рабочим всех стран¹⁵. На него быстро откликнулся Герберт Гувер, находившийся тогда на вершине своей известности как организатор и распределитель американской помощи; и 20 августа 1921 г. в Риге Литвинов и представитель Американской администрации помощи (АРА) подписали соглашение¹⁶. Недели позже в Москве было подписано аналогичное соглашение с Нансеном, выступавшим от имени конференции Красного Креста, только что состоявшейся в Женеве¹⁷. Условия этих соглашений, включавшие допуск в Россию значительного числа иностранных представителей для распределения поставок, были унижительными. Однако нужда была жестокой, и тот факт, что они были заключены не с правительствами, а с частными организациями, выглядел как смягчающее обстоятельство. Предложение Верховного совета союзников направить комиссию для «изучения и изыскания способов оказания помощи русскому народу» было сразу же после этого отвергнуто в весьма жестких выражениях, тем более что на пост председателя этой комиссии намечался бывший посол Франции в России Нуланс, отличавшийся крайней враждебностью высказываний в начальный период революции¹⁸.

На протяжении всей зимы 1921/22 г. миссии помощи Соединенных Штатов и Красного Креста действовали в Поволжье, где голод и болезни достигли катастрофических масштабов¹⁹. Несмотря на то что помощь была щедрой, к АРА все еще относились с большим подозрением, по крайней мере в руководстве партии. Не нравилось ее стремление закрепить за собой монополию на оказание помощи, проявившееся в попытке отстранить другие американские организации от деятельности в этой области и в бойкотировании миссии Нансена²⁰; многие члены ее аппарата подозревались в худшем случае в прямом шпионаже, в лучшем — в попытках добиться коммерческой выгоды для себя или для своей страны²¹. К деятельности АРА чаще всего относились как к утонченной форме иностранного вмешательства. Мало кто из тех, что участвовал в ней, испытывал что-либо, кроме безоговорочной враждебности к советским властям, но Гувер и другие западные руководители часто подчеркивали ту роль, которую ока-

зание помощи играло в борьбе с большевизмом в Европе в 1919 г. Громадное значение конкретной помощи, оказанной АРА, тем не менее полностью признавалось; и Каменев, и Чичерин горячо утверждали, что она намного превосходила помощь, полученную из всех других источников²². IX Всероссийский съезд Советов, собравшийся в декабре 1921 г., посвятил проблеме голода пространное постановление. В нем он выразил «горячую благодарность» рабочим всех стран, пришедшим на помощь их страдающим товарищам (имелась в виду организация «Международная помощь рабочим»²³), и было добавлено, что трудящееся население России «особенно ценит братскую поддержку мозолистых рук европейских и американских рабочих». В нем отмечалось, что часть буржуазного мира относится к голоду как «к удобному случаю для новой попытки свержения Советской власти», а другая часть усматривает в нем «благоприятный случай для завоевания в ней [России] для себя экономически господствующего положения»; тем не менее съезд выразил благодарность Нансену, АРА и «всем странам, оказавшим помощь голодающим в какой-либо форме». Помимо указанной резолюции, съезд проголосовал за особое обращение с выражением «глубочайшей благодарности» от имени «миллионов трудящегося населения РСФСР» в адрес «великого ученого-исследователя и гражданина Ф. Нансена, который героически прокладывал свой путь через вечные льды застывшего севера, но оказался бессилем преодолеть безграничную жестокость, жадность и бессердечие правящих классов капиталистических стран»²⁴.

Бедствия, связанные с голодом, враждебность капиталистического мира по отношению к советскому строю, продолжающийся скептицизм относительно его способности выжить, подозрительность и обостренное восприятие окружающего, возникшие в результате этого в умах советских руководителей, — все эти факторы сделали вторую половину 1921 г. беспокойным периодом в международных отношениях Советской России. Плоды новой внешней политики, как и плоды НЭПа внутри страны, стали созревать только в следующем году. На протяжении длительного времени англо-советское торговое соглашение, казалось, давало немного для уменьшения трений, присущих отношениям между двумя странами. Постоянная британская торговая миссия, как это было предусмотрено соглашением, открылась в Москве 31 июля 1921 г., однако в скором времени ее деятельность оказалась окрашенной политическими разногласиями. Если в руководящих органах в Москве существовали различные точки зрения по вопросу об относительной важности соглашений между правительствами и пропаганды всемирной революции, то британская политика по отношению к Советской России равным образом была полем битвы враждующих фракций. Англо-советское соглашение представляло собой победу премьер-министра и министерства торговли; письмо, отосланное одновременно Красину по вопросу о советской

деятельности в Афганистане, явно несло печать совместного труда министерства иностранных дел, военного министерства и министерства по делам Индии²⁵. Факторы, определяющие ситуацию в Великобритании, с подписанием соглашения, казалось, изменились мало. Ллойд Джордж делал все по-своему в тех вопросах, где он предпочитал или находил время показать свою власть. Однако в те моменты, когда он был занят чем-либо еще, повседневное течение англо-советских отношений продолжало предопределяться указанными тремя влиятельными учреждениями; и особенно пока Керзон правил в министерстве иностранных дел, они осуществлялись в атмосфере глубокого недоверия к советским действиям и намерениям.

Первая крупная дипломатическая стычка случилась менее чем через шесть недель после прибытия британской миссии в Москву, в момент, когда Советам, казалось, не везло как никогда. 7 сентября 1921 г. Керзон направил Советскому правительству пространный меморандум, содержащий протест против ряда высказываний и действий Советского правительства и Коминтерна, которые объявлялись противоречащими взятому по англо-советскому соглашению обязательству воздерживаться от пропаганды «против учреждений Британской империи». Общее обвинение в том, что антибританская деятельность в Азии не была прекращена, определено соответствовало истине; приводились примеры такой деятельности в Индии, Персии, Турции и Афганистане. Однако данная нота выглядела так, как будто она была несколько беспечно составлена из донесений секретных агентов, которые не были внимательно проанализированы и легко опровергались в том, что касалось деталей²⁶. 27 сентября Советское правительство ответило нотой, подписанной Литвиновым, мастерской и изворотливой по исполнению; контрответ британского правительства 12 ноября на время завершил переписку²⁷. Эта переписка дает ценные сведения о позиции и образе мысли обеих сторон — участниц соглашения. Советские руководители, которые чуть ли не с самого начала революции выражали желание взять обязательство воздерживаться от враждебной пропаганды, направленной против других государств, трактовали это обязательство в чисто формальном плане. В том, что касалось их самих, оно распространялось только на непосредственно и открыто провозглашенную политику правительства и не охватывало действий лиц, получающих тайные инструкции. Таким образом, советские руководители считали себя обязанными отрицать перед лицом хорошо известных фактов, что существует пропагандистская школа в Ташкенте, предназначенная для индийских революционеров, или что Джемаль-паша получал от Советского правительства поддержку в осуществлении своей миссии в Кабуле; в целом отказ от ответственности за действия Коминтерна и его агентов покоился не более чем на формальном признаке. Они бы заняли более сильную позицию, если бы ограничились аргументом, что британская сто-

рона не более, чем и они сами, позволила себе рассматривать заключение соглашения как средство нанесения ущерба недружественной деятельности их агентов. Фактически обе стороны, не обращая внимания на соглашение, продолжали рассматривать активность своих собственных агентов как законное возмездие или законную самооборону, а такие же действия другой стороны — как неспровоцированную агрессию. Существенным различием между ними было то, что, в то время как британские учреждения, ответственные за осуществление англо-советских отношений в этот период, охотно согласились бы на разрыв соглашения, соответствующие советские власти просто хотели посмотреть, как далеко они могут зайти, не доводя дело до разрыва.

Равным образом не было никаких признаков улучшения отношений между Советской Россией и ее ближайшими соседями на Западе. Заключение весной 1921 г. союзного договора между Румынией и Польшей при явном поощрении со стороны Франции было рассчитано на то, чтобы замкнуть антисоветский треугольник (Франция — Малая Антанта — Польша), и подтвердило опасения советской стороны о том, что Румыния, как и Польша, стала пешкой в дипломатической и военной игре Франции. 13 сентября 1921 г. Наркоминдел выпустил сообщение, цитирующее якобы существующую ноту, адресованную польскому и румынскому правительствам, в которой французское правительство предлагало, чтобы все три страны одновременно предъявили Советскому правительству ультиматум, за которым — в случае неподчинения ему — должно было бы последовать совместное объявление войны, и выдвигало предложение оказать в этом случае своим партнерам существенную военную помощь²⁸. В отношениях с Румынией присутствовали трения с того времени, когда она аннексировала Бессарабию в 1918 г. В октябре 1920 г. союзные правительства заключили договор, закрепляющий признание суверенитета Румынии над Бессарабией²⁹; и в этот момент Фрунзе и Ворошилов, как представляется, упоенные радостью легкой победы над Врангелем, выступили с предложением осуществить военными силами новое завоевание Бессарабии, которое было отклонено Лениным, последовавшим совету Раковского. После нового поворота событий в марте 1921 г. противоположное предложение — покончить с этим затруднительным вопросом, признав аннексию Бессарабии Румынией, — говорят, было выдвинуто, как это ни удивительно, Троцким, которого поддержал Литвинов. Но Чичерин и Раковский выступили против этого акта умиротворения, и на его осуществление также было наложено вето³⁰. Летом и осенью 1921 г. хлынул поток совместных протестов в адрес румынского правительства, подписанных от имени РСФСР и Украинской ССР Чичериным и Раковским, против якобы имевших место пограничных инцидентов, поощрения белогвардейцев и петлюровских банд и неспособности выдворить анархиста Махно, который с остатками своих сил некоторое время укрывался на румынской территории;

в совместной ноте от 11 ноября 1921 г. было вновь кратко изложено существо спора из-за Бессарабии и вновь подтвержден отказ признать Бессарабию румынской территорией³¹. Среди пограничных стран Румыния оставалась единственной, которая все еще отказывалась поддерживать какие бы то ни было отношения, будь то дипломатические или торговые, с Советским правительством, но и советско-польские отношения, хотя и осуществлявшиеся с использованием всевозможных форм дипломатического обмена, были, по существу, не лучше. Мирный договор с Польшей, подписанный в Риге 18 марта 1921 г., хотя и отвечал польским устремлениям, не устранял постоянного наследия в форме трений и недоверия. В период между апрелем и сентябрем в ход длительной и желчной переписки были возобновлены советские требования о том, чтобы польское правительство прекратило мириться с организациями «белых» на польской территории и поощрять их — в особенности это относилось к организациям эсеровского заговорщика Савинкова и бывшего украинского диктатора Петлюры, — а также польские требования вернуть военнопленных и польских граждан, все еще находившихся на советской территории³². Только в августе 1921 г. были установлены дипломатические отношения, и Карахан прибыл в качестве советского представителя в Варшаву, а Филиппович — в качестве польского поверенного в делах в Москву³³.

Даже в Прибалтике, где Советское правительство осуществило свой первый дипломатический прорыв в 1920 г., заключив договоры с Эстонией и Латвией³⁴, события второй половины 1921 г., казалось, вновь обернулись против Москвы. Еще в октябре 1919 г. Советское правительство вновь подтвердило традиционную заинтересованность России в судьбе Аландских островов и выразило протест против любых попыток урегулировать этот вопрос без его участия³⁵. Протест этот был повторен, когда «группа держав, называемая Лигой Наций», включила вопрос об Аландских островах в свою повестку дня в июне 1920 г.; вновь это было сделано в отдельной ноте Финляндии и Швеции в следующем году³⁶. Указанные протесты были оставлены без внимания, и 20 октября 1921 г., не дав Советскому правительству ни малейшей информации, основные союзные державы, Финляндия и Швеция, подписали в Женеве конвенцию, признававшую суверенитет Финляндии над упомянутыми островами и устанавливавшую их демилитаризованный статус. В советской ноте от 13 ноября 1921 г., направленной всем заинтересованным правительствам, эта конвенция объявлялась «безусловно несуществующей для России» и вновь выражался протест против нарушения «существенных и элементарных прав» России³⁷; оскорбление явно было нанесено не содержанием данного соглашения, но постоянным намерением западных держав, несмотря на события марта 1921 г., отлучить Советскую Россию от взаимного признания прав и обычаев. В том же месяце до предела обострился служивший давним источником неприят-

ностей в отношениях с Финляндией вопрос о Карельской трудовой коммуне, имевшей статус автономной республики в рамках РСФСР. Происходившие в прошлом на протяжении нескольких месяцев пограничные инциденты были причиной частных взаимных претензий. Летом 1921 г. в Советской Карелии случились серьезные беспорядки. Согласно Москве, «бандитские отряды под командой финских офицеров» проникли на эту территорию; согласно Гельсингфорсу, народное восстание против плохого правления советской стороны было подавлено с большой жестокостью по отношению к местному финскому населению. 27 ноября 1921 г. Финляндия обратилась в Лигу Наций и предложила ей направить следственную комиссию для изучения положения дел на месте. Это обращение было разоблачено Чичериным как попытка «вовлечь посторонние державы во внутренние дела РСФСР и притом попыткой разрешения касающихся русско-финляндского договора вопросов путем вмешательства посторонних держав»; в результате в отношениях между Советской Россией и Финляндией появились новые подозрения³⁸. В декабре 1921 г. министры иностранных дел Финляндии, Польши, Латвии и Эстонии собрались на конференцию в Гельсингфорсе и решили провести переговоры о заключении пакта о взаимопомощи. Польша была движущей силой в этом союзе, а за польской инициативой отчетливо просматривалась рука Франции, находившейся в этот период на вершине своей послевоенной вооруженной мощи и престижа. Практически не предпринималось попыток скрыть, что Советская Россия является потенциальным врагом, от которого следует искать защиты посредством совместных действий³⁹. Отнюдь не преуспев в деле открытия окна на Запад, Советское правительство встало перед призраком возрождения «санитарного кордона».

Пессимистический настрой, порожденный в Москве дипломатической ситуацией второй половины 1921 г., хорошо иллюстрирует один из редких тогда еще экскурсов Сталина в область международной жизни. В статье, опубликованной в «Правде» в декабре 1921 г., он отметил, что «период открытой войны сменился периодом мирной борьбы». Его обзор событий открывался примечательным диагнозом:

«...прошел, улетучился тот „испуг“ или „ужас“ мировой буржуазии перед пролетарской революцией, который охватил ее, например, в дни наступления Красной Армии на Варшаву. Вместе с ним проходит и тот безграничный энтузиазм, с которым воспринимали рабочие Европы чуть ли не каждую весточку о Советской России.

Наступил период трезвого учета сил, период молекулярной работы по подготовке и накоплению сил для будущих боев». Подозрения относительно намерений иностранных государств занимали в оценках Сталина заметное место. Торговые и другие соглашения были по-своему хороши. «Но, — продолжал он, — не следует забывать, что торговые и всякие иные миссии и общества,

наводняющие Россию, торгующие с нею и помогающие ей, являются вместе с тем лучшими разведчиками мировой буржуазии, что теперь она, мировая буржуазия, знает ввиду этого Советскую Россию, ее слабые и сильные стороны, лучше, чем когда бы то ни было, — обстоятельства, чреватые серьезными опасностями в случае новых интервенционистских выступлений».

Турция, Персия, Афганистан и Дальний Восток «наводняются агентами империализма, золотом и прочими «благами» для того, чтобы создать вокруг Советской России хозяйственное (и не только хозяйственное) кольцо». В этом процессе Польша, Румыния и Финляндия также играли свою роль, вооружаясь «за счет Антанты» и выбрасывая «на территорию России (для разведки?) белогвардейские отряды савинковцев и петлюровцев». Все это представляло собой «отдельные звенья в общей работе по подготовке нового наступления на Россию»⁴⁰. Статья, которая была отмечена печатью давней неприязни Сталина к Чичерину, была примечательна, но не потому, что Сталин в этот период занимался формулированием советской внешней политики, а потому, что она вызвала к предубеждениям и обескураженности, бытовавших в партийных кругах в связи с политикой «сближения» с капиталистическим миром, проведение которой в жизнь началось в марте 1921 г. и наиболее активными проводниками которой при поддержке Ленина были Чичерин и Красин.

Когда неделей позже Ленин выступил перед IX Всероссийским съездом Советов с докладом о работе ВЦИК и Совнаркома за прошедший год, он тоже предупредил «представителей военных партий и завоевательных клик Финляндии, Польши и Румынии» о том, что советская политика «уступок и жертв» во имя мира не была неограниченной по своим масштабам⁴¹. Но Ленин был в большей степени заинтересован подробно остановиться на положительных достижениях прошедших девяти месяцев. Отметив, что существует «до известной степени неустойчивое равновесие» в международном положении, он тем не менее нарисовал в целом успокаивающую картину.

«Но мыслима ли.. такая вещь вообще, — спрашивал он, — чтобы социалистическая республика существовала в капиталистическом окружении? Это казалось немыслимым ни в политическом, ни в военном отношении. Что это возможно в политическом и военном отношении, это доказано, это уже факт».

Прошедший год положил начало и доказательству того, что это было возможно также и с экономической точки зрения: капиталистический мир нуждался в Советской России в той же мере, в какой и Советская Россия нуждалась в нем. Ленин приводил цифры, показывающие, что советский импорт за 1921 г. был в три раза больше, чем за три предыдущих года, вместе взятые, а экспорт за 1921 г. (хотя в целом он не превышал 25% от импорта) был в четыре раза больше, чем весь экспорт за три предыдущих года. Цифры мизерные, но начало было положено. Среди

наиболее ценных импортированных товаров были 13 паровозов из Швеции и 37 — из Германии⁴².

Кризисные размеры безработицы, охватившие Западную Европу, делали необходимость поиска экспортных рынков особенно острой, и Красин, а также другие лица, ведущие переговоры, быстро извлекли выгоду из этого удачного обстоятельства — особенно удачного для страны, которая жаждала импортировать практически все и практически ничего не могла предложить на экспорт. Признание Советского правительства де-факто со стороны Великобритании придало законную силу советским декретам о национализации в глазах британских судебных органов, так что теперь советские власти могли больше не опасаться действий лиц, объявляющих себя прошлыми владельцами грузов, вывозимых ими в Великобританию, или золота, используемого для оплаты импорта; а британский пример был принят за основу большинством других стран, участвующих в международной торговле. Иногда частные торговцы или торгующие организации предпринимали попытки бойкотировать советские товары. Но после 1921 г. прямое вмешательство в торговлю с Советами со стороны правительств, как правило, больше не практиковалось. Формы торговли были более трудным для решения вопросом, особенно потому, что торговцы в капиталистических странах не отказывались от своих возражений против государственной монополии. Прецеденту с «АРКОС» — компанией, являвшейся советской собственностью, но зарегистрированной в Великобритании в соответствии с британскими законами⁴³, — последовали и в других местах, в частности в случае с Амторгом — соответствующей организацией, учрежденной в Нью-Йорке. Год 1921-й стал свидетелем рождения плодотворного опыта в виде «смешанных компаний». Такие компании образовывались совместно зарубежным капиталистическим объединением и советским государственным учреждением и обладали двойным преимуществом, способствуя маскировке государственного характера концерна и обеспечивая вложение иностранного капитала в предприятие, действующее частично в Советской России⁴⁴. На XI съезде партии в марте 1922 г. Ленин сообщил о наличии 17 смешанных компаний «с многомиллионным капиталом»: девяти, утвержденных Внешторгом, шести — вновь созданных комитетом под председательством Сокольникова, прикрепленным к СТО, и двух — Северолесом (Северным лесным трестом); восемь месяцев спустя на IV конгрессе Коминтерна Ленин несколько апологетически защищал систему смешанных компаний на том двойном основании, что «мы таким путем учимся торговать» и что для советской стороны всегда существует возможность распустить компанию, если она станет опасной⁴⁵.

Какие бы шаги, однако, ни предпринимались, чтобы возродить нормальные торговые отношения между Советской Россией и капиталистическим миром, главное препятствие оставалось неизменным. Советская Россия как импортер испытывала практически

неограниченные потребности в станках, оборудовании всякого рода и даже (как временный результат голода 1921 г.) в продовольственных товарах; Советская Россия как экспортер мало что могла незамедлительно предложить в обмен, за исключением леса, кож и ограниченного количества льна; ее потенциально богатые ресурсы были неразработанными и, следовательно, недоступными. Если бы помощь со стороны иностранного капитала и иностранного технического опыта, которая уже сыграла столь значительную роль в индустриализации России до революции, можно было привлечь еще раз, эти неиспользуемые ресурсы могли бы приумножить богатства страны и прямо, и косвенно: прямым путем — за счет развития новых производственных мощностей, а косвенным — за счет расширения возможностей экспорта сырьевых материалов в обмен на зарубежные товары. Эта концепция лежала в основе всего советского мышления в области внешней торговли со времени ее открытия в 1918 г., и она предопределила жизнеспособность идеи иностранных концессий. Цель концессий, как это предполагалось в декрете от 23 ноября 1920 г., состояла в том, чтобы обеспечить разработку неиспользуемых естественных ресурсов с целью сделать их доступными для промышленности и экспорта. Излагая суть концессионной политики на X съезде партии в марте 1921 г., Ленин обосновывал ее тем, что «своими силами восстановить разрушенное хозяйство без оборудования и технической помощи из-за границы мы не сможем» и что «простой привоз этого оборудования недостаточен». С целью получения необходимого содействия он был готов предоставить обширные концессии «крупнейшим империалистическим синдикатам», например «четверть Баку, четверть Грозного, четверть наших лучших лесных запасов»; позднее он назвал лес и железную руду типичными концессионными товарами⁴⁶. Это был действительно единственный тип концессии, который вписывался в схему «военного коммунизма», в рамках которой основные промышленные предприятия были собственностью государственных органов и управлялись ими. Введение НЭПа, казалось, подтолкнуло и расширило всю эту концепцию частично потому, что теперь можно было устанавливать сравнительно свободно и без помех контакты с капиталистическим миром, а частично потому, что признание за частным капиталом его роли в самой Советской России и проистекающие отсюда последствия устраняли многие из препятствий, практических и психологических, которые стояли на пути использования иностранного капитала в эпоху «военного коммунизма». Если промышленные предприятия могли сдаваться в аренду предпринимателям, которые управляли бы ими с целью извлечения прибыли, то в принципе не могло быть возражений и против того, чтобы предоставить аналогичные права аренды подходящим иностранным капиталистам, которые, таким образом, играли бы свою роль в производстве потребительских товаров для обмена с крестьянством. В апреле 1921 г. Ленин уже полагал, что не

будет представлять опасности, «если мы отдаем концессионерам несколько заводов»; на III конгрессе Коминтерна, два месяца спустя, он объяснил двойную цель концессионной политики — «ускорить восстановление нашей крупной промышленности и серьезное улучшение положения рабочих и крестьян»⁴⁷.

Тем не менее достижения первого года НЭПа в области иностранных концессий сводились скорее к обсуждению (в ходе которого первоначальная идея получила развитие вширь по нескольким направлениям), чем к претворению в жизнь. Как представляется, первая концессия была предоставлена Дальневосточной республикой 14 мая 1921 г. «Америкэн синклэр эксплорейшн компани» на эксплуатацию нефтяных месторождений Северного Сахалина⁴⁸; поскольку весь остров находился под японской оккупацией, это был больше политический жест, чем экономическое предложение. Приблизительно в это же время в Москве заявляли, что продвигаются переговоры с англо-канадской фирмой о концессии на разработку лесных ресурсов, с немецкой фирмой — о предоставлении в концессию шахт и со шведской фирмой — о концессии на строительство турбинного завода⁴⁹. Осенью 1921 г. был предпринят эксперимент другого рода, когда концессия на разработку угольных шахт в Кузнецком бассейне в Западной Сибири была предоставлена группе американских технических специалистов и рабочих, которые приехали в Советскую Россию не как вкладчики американского капитала, но как энтузиасты, горящие желанием принять участие в строительстве государства рабочих. Это концессионное соглашение было заключено с Рутгерсом, голландским инженером-коммунистом, присутствовавшим на Учредительном конгрессе Коминтерна, и 26 ноября 1921 г. с Биллом Хейвудом из американских ИРМ⁵⁰. Изобретательный Красин в Лондоне запустил в ход два многообещающих проекта. В начале июня 1921 г. к нему обратился Лесли Уркарт, горный инженер, много лет живший в России и ставший теперь председателем «Руссо-эйшиетик консолидейтед» — компании, обладавшей правами собственности и производившей работы в крупном горнодобывающем районе на Урале, источнике, помимо прочего, 60% производимого в России свинца. Красин разъяснил Уркарту советскую концессионную политику, и предварительные обсуждения оказались столь успешными, что в августе 1921 г. Уркарт приехал в Москву на разведку, чтобы обсудить условия сделки⁵¹. Этот проект поставил дело на новую основу, введя в оборот элемент компенсации, когда концессия предоставлялась бывшему владельцу соответствующей собственности в порядке удовлетворения претензий, возникших в связи с ее экспроприацией. Был выработан проект соглашения, включавший 27 положений, и перспективы выглядели благоприятными. Однако в октябре Уркарт, проконсультировавшись с советом управляющих, отказался от сделки. Поводами, из-за которых переговоры были прерваны — хотя их прекращение ни одна из сторон не рассматривала как оконча-

тельное, — были советский отказ уступить по вопросу об основном принципе компенсации и установить столь длительный срок аренды, как 99 лет, и советское упорство в том, чтобы наем рабочих осуществлялся в соответствии с советским законодательством о труде, и в частности чтобы прием рабочих на работу и их увольнение производились исключительно через соответствующий профсоюз и с его согласия⁵². Приблизительно в это же время представитель нефтяного объединения «Ройял датч шелл» полковник Бойль обратился к Красину при соответствующей поддержке министерства иностранных дел⁵³ с просьбой предоставить в концессию нефтеносные районы, ранее принадлежавшие этому объединению, на юге России и на Кавказе; Бойль также совершил паломничество в Москву. Эти переговоры, казалось, начались успешно, но завершились только на следующий год исключительно по причине вмешательства других нефтяных компаний. Лед, казалось, таял быстро.

Тем временем советская сторона выступила с новой инициативой. Вопрос об ответственности в связи с финансовыми обязательствами бывших российских правительств определенно оставался основным психологическим барьером на пути торговых отношений с капиталистическим миром. 28 октября 1921 г. Чичерин направил очередную ноту западным державам. Провозгласив принцип, согласно которому «никакой народ не обязан оплачивать стоимость цепей, которые он носил в продолжение веков», Советское правительство тем не менее объявило о том, что оно «открывает возможность частной инициативе и капиталу сотрудничать с властью рабочих и крестьян в разработке естественных богатств России»; что, с тем чтобы пойти навстречу желаниям держав, и в частности удовлетворить мелких держателей займов, оно выражает готовность признать за собой обязательства по займам, полученным царским правительством до 1914 г.; что оно ставит осуществление этой уступки в зависимость от прекращения враждебных действий со стороны держав и от их готовности признать Советское правительство, что оно предлагает созвать международную конференцию, которая урегулировала бы указанные вопросы и выработала бы «окончательный мирный договор» между Советской Россией и державами⁵⁴. Идея созыва «новой мировой конференции, на которой будут представлены все народы и державы», была подхвачена советской прессой⁵⁵, и Красин упорно старался внушить ее отнюдь не глухим к ней Ллойд Джорджу и его ближайшим советникам⁵⁶.

Эта инициатива почти случайно слилась воедино с совершенно иным проектом, начавшим реализовываться с другой стороны. Деятельность Красина в Лондоне и британская реакция на нее несколько взбудоражили другие страны, в частности Францию и Соединенные Штаты, которые опасались, что Великобритания может незаметно опередить их на столь доходном рынке. Таким образом, соперничество между капиталистическими странами, ко-

торое в январе 1921 г. привело к официальному снятию блокады, теперь стимулировало активную кампанию за установление отношений с РСФСР. Когда завершился 1921 г., вопрос состоял уже не в том, могут ли капиталистические страны иметь дело с Советской Россией или следует ли им делать это, но о том, в какую форму должен вылиться этот процесс. Соединенные Штаты были единственной страной, где стремление торговать с Советской Россией все еще сдерживалось неодобрительным отношением властей⁵⁷. Франция находилась в более уязвимом положении. Зная о своей слабости в случае, если державы-союзницы вступят в борьбу за русский рынок, она пыталась закрепить принцип коллективных действий. Лушёр, изобретательный и находчивый министр финансов, успешно содействовал заключению соглашений между французскими и германскими промышленниками, целью которых было получение Францией весьма необходимых ей репараций через участие в прибылях расширяющейся германской промышленности; октябрьские Висбаденские соглашения 1921 г. явились первым шагом на этом пути. Потом он задумал еще более честолюбивый план. В декабре 1921 г. группа промышленников и финансистов из союзных стран (хотя Соединенные Штаты и не входили в их число) собралась в Париже и выдвинула предложение о создании «международной корпорации» по восстановлению Европы. Было ясно, что крупномасштабные капиталовложения в Советской России станут одной из основных задач, стоящих перед этой корпорацией, поскольку эксплуатация ресурсов России рассматривалась теперь как одно из условий восстановления Европы. Германская промышленность, участвуя в развитии России, позволила бы Германии уплатить репарации Западу. Присутствие в составе британской делегации военного министра Вортингтона-Эванса, хотя и было теоретически объяснимо с учетом его опыта в делах и связей, со всей очевидностью указывало на официальную поддержку этой группы со стороны правительства. Германский министр хозяйственного восстановления Ратенау, который был посвящен в план самим Ллойд Джорджем во время его визита в Лондон в декабре 1921 г.⁵⁸, также присутствовал в Париже в период этих обсуждений, хотя и не принимал в них открытого участия.

Таковы были истоки знаменитой Генуэзской конференции — производного, с одной стороны, от советского плана всеобщей конференции по урегулированию отношений между Советской Россией и капиталистическим миром и, с другой — от проекта союзников относительно международного участия в развитии России как побочного продукта репарационного плана. Требовалась лишь изобретательность Ллойд Джорджа, чтобы совместить два этих проекта. По его предложению Верховный совет на своем заседании в Каннах 6 января 1922 г. решил создать «экономическую и финансовую конференцию», на которую были бы приглашены все европейские страны, включая Советскую Россию и бывшие вра-

жеские государства. «Совместные усилия более мощных держав, — провозглашалось в принятой резолюции, — необходимы для восстановления парализованной европейской системы». Были, однако, установлены и определенные принципы. С одной стороны, «нации не могут присваивать себе права диктовать другим принципы, на основе которых они должны организовать свою систему собственности, внутренней экономической жизни и образа правления»; возможность мирного сосуществования социалистических и капиталистических стран была признана. С другой стороны, правительства должны были признать все публичные долги и обязательства и компенсировать иностранным собственникам конфискованную собственность⁵⁹; особо оговаривалось, что это требование выдвигается как условие «официального признания» «Российского правительства» союзными державами. Однако другой проект также не был забыт. 10 января 1922 г. Верховный совет одобрил «учреждение международной корпорации с дочерними национальными корпорациями для целей экономического восстановления Европы» и решил учредить организационный комитет, предоставив в его распоряжение 10 тыс. фунтов стерлингов для разработки соответствующего плана⁶⁰. Два дня спустя Ратенау, вызванный в Канны, чтобы подвергнуться новым вопросам о германской репарационной политике, завершил свое выступление тщательно заготовленным пассажем на тему «восстановления Европы». Германия, хотя она и не обладала капиталом для осуществления вложений, была изображена как пригодная для участия в этом процессе на том основании, что ей хорошо знакомы «промышленные и экономические условия и практика на Востоке». Ни Россия, ни большевизм не упоминались. Однако Ратенау отметил, что Германия, даже находясь в эпицентре «поражения, краха и революции», «тем не менее оказала сопротивление процессу распада государства и общества»⁶¹. Вероятно, не впервые из уст официального германского представителя прозвучал намек на роль Германии как оплота Запада против большевизма.

Ратенау еще не закончил говорить, как из Парижа поступили новости о падении правительства Бриана, французского премьер-министра и главного представителя в Каннах. Это привело к завершению встречи в Каннах в обстановке некоторого замешательства. Бриана сменил Пуанкаре, который выступал в прессе с ожесточенными нападкамии в адрес планируемой конференции, и это оказало серьезное воздействие на перспективы ее проведения. Пуанкаре настаивал на том, что необходимо воздержаться от какого бы то ни было обсуждения вопроса о германских репарациях, так чтобы вопрос о Советской России остался главным, если не единственным, пунктом повестки дня. Кроме того, смена правительства во Франции нанесла смертельный удар концепции международной корпорации, поскольку ее реализация требовала не только тесного англо-французского сотрудничества, которое стало отныне недостижимым, но и политики экономического со-

трудничества с Германией, которую Пуанкаре был преисполнен решимости отвергнуть, заменив ее политикой принуждения. Это последствие происшедших политических перемен было, однако, осознано не сразу. Эксперты в Лондоне продолжали вырабатывать условия для возобновления торговли с Советской Россией, которые относились к области чистой фантазии. Не только Советское правительство должно было официально признать обязательства бывших русских правительств, но и должна была быть составлена схема платежей, увязанная с германским репарационным планом, и установлен контроль над русскими активами. Предусматривалась система капитуляций, согласно которой суды в Советской России должны были применять иностранные законы при рассмотрении дел, затрагивающих интересы иностранцев; ни один иностранец, постоянно проживающий там, не мог быть арестован «без оказания помощи со стороны своего консула или без его согласия», и никакое судебное решение в отношении такого лица не могло быть приведено в исполнение без «согласия со стороны заинтересованного консула»⁶².

В Москве неполное знание происходящих событий способствовало, вероятно, чрезмерно розовому взгляду на перспективы будущего. На сессии ВЦИК 27 января 1922 г., которая была посвящена подготовке к конференции, Чичерин говорил с необычной терпимостью о Ллойд Джордже, «с его гибкостью, с его чутьем по отношению ко всем окружающим политическим и общественным силам, с его умением компромисса». Даз понять, что Советское правительство не согласится ни с какой формой сотрудничества, которое было бы использовано «для укрепления своего (то есть капиталистических стран. — *Ред.*) экономического положения в России», он продолжил:

«Прогноз Ллойд Джорджа и наш прогноз исторического развития являются диаметрально противоположностями, но наша практическая политика совпадает в стремлении к налаживанию вполне мирных отношений, к развитию экономических связей и к совместному экономическому сотрудничеству»⁶³.

В завершение сессии было объявлено о назначении необычайно многочисленной и влиятельной делегации на конференцию с Лениным в качестве ее главы (серьезно никогда не предполагалось, что он лично примет участие), Чичериным в качестве его заместителя и рядом членов, включая Красина, Литвинова, Иоффе, Воровского и Раковского⁶⁴. Отсрочки, обусловленные позицией союзников, отодвинули созыв конференции на апрель. Ленин в выступлении 6 марта 1922 г., приветствуя конференцию, объявил, что «мы... идем на нее как купцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами (пока они еще не совсем развалились) безусловно необходима», но добавил, что любые расчеты навязать Советской России условия как побежденной стране есть «пустой вздор, на который не стоит отвечать»⁶⁵. Несколько дней спустя Чичерин направил союзным правительствам, которые, как

предполагалось, участвовали в секретном обсуждении подобных планов, предупреждение:

«Если правда, как о том заявляет их пресса, что этот блок правительств имеет намерение представить проекты, несовместимые с суверенными правами Российского Правительства и с независимостью Русского государства, то в таком случае придется констатировать, что изъятие принципа равенства и свободного обмена мнениями между всеми участниками конференции неизбежным своим последствием будет иметь ее неудачу».

В ноте, далее, объяснялось, что «главным фактором этой (т. е. Советского правительства. — *Авт.*) политики является желание создать в России благоприятные условия для развития частной инициативы в области промышленности, земледелия, транспорта и торговли»; в заключение было сделано несколько чрезвычайно обнадеживающих, хотя и не внушающих доверия, заявлений относительно правовых гарантий, предоставляемых иностранцам, ведущим торговлю на советской территории:

«Отчуждение в пользу государства может быть произведено только по причинам, одинаковым с теми, на которые указано во всех гражданских уложениях... Специальными декретами гарантируется свобода внутренней... торговли при сохранении за государством монополии внешней торговли, причем даже на этом поприще, в силу специальных договоров, разрешается участие частного капитала»⁶⁶. Эта нота представляла собой, всего через год после введения НЭПа, наивысшую точку в применении на практике принципов НЭПа для решения задач привлечения иностранного капитала и внешней торговли.

В этой точке дорога, ведущая в Геную, — нелегкая дорога сближения с западными державами, по которой советская политика шла со времени заключения в марте 1921 г. англо-советского торгового соглашения, — слилась с другой дорогой, по которой советская политика шла одновременно дорогой, ведущей в Рапалло. Путь в Геную со всеми его взлетами и падениями на всем своем протяжении проходил в поле зрения общественности. Дорога в Рапалло была потайной тропой, тщательно оберегаемой обеими сторонами от какой бы то ни было рекламы. В апреле 1922 г. эта дорога внезапно вышла на поверхность, и оба пути слились, образовав единую последовательную внешнюю политику, в которой сближение с Германией брало верх над сближением с западными державами. Однако более ранние этапы пути, ведущего в Рапалло, не были полностью раскрыты, и значительная часть его даже сейчас остается окутанной мраком.

Возможность тайной торговли с Россией военным снаряжением, производство которого в Германии было запрещено Версальским договором, возможно, озарила немецкие умы весьма скоро после заключения самого договора. Полет, или попытку совершить полет, в Москву еще в октябре 1919 г. самолета «Юнкерс» с

представителем этой фирмы на борту⁶⁷ едва ли можно объяснить любой другой гипотезой. Но на протяжении длительного времени эти идеи оставались повисшими в воздухе и не вызвали сколько-нибудь заметного отклика в Москве. Имеются сведения, что зимой 1920/21 г. было создано секретное управление германского военного министерства, известное как «Зондергруппа Р»⁶⁸, которое могло быть неприметным ростком, свидетельствовавшим о германской заинтересованности в советско-польской войне. Впервые, насколько это известно, указанные вопросы серьезно рассматривались в Москве в январе или феврале 1921 г., когда Копп, приехавший тогда из Берлина в отпуск, обсуждал их с Троцким, народным комиссаром по военным делам и председателем Военно-революционного совета; Копп возвратился в Берлин, очевидно имея инструкции продолжать беседы. Момент был благоприятным, чтобы преодолеть любые колебания, которые еще ощущались в германских военных или промышленных кругах. Астрономические требования западных держав (окончательный репарационный счет был предъявлен в марте 1921 г.) и их все более угрожающий подход (первые санкции за невыполнение репарационных требований были применены в том же месяце) продолжали подталкивать Германию на Восток; и этого было вполне достаточно, чтобы нейтрализовать любое впечатление противоположного свойства, которое могло создаться в связи с «Мартовским выступлением» КППГ. Рейхсвер действительно мог, воспользовавшись стремительным крахом восстания, вновь обрести уверенность в своей способности справиться с коммунизмом внутри страны. В любом случае в момент, когда КППГ более или менее прямым образом подталкивалась Зиновьевым к свержению германского правительства, германское военное руководство и германские промышленники вели с Коппом секретные переговоры о перестройке русской промышленности вооружений под германским управлением и контролем. 7 апреля 1921 г. Копп сообщил Троцкому, направив копии своей докладной Ленину и Чичерину, что разработан план, в соответствии с которым аэропланы в России будет производить компания «Альбатросверке», подводные лодки — «Блом и Восс», а пушки и снаряды — заводы Круппа, и выдвинул предложение, чтобы миссия в составе пяти или шести германских технических специалистов, возглавляемая «Нойманом, который вам известен», проследовала в Москву для обсуждения деталей: обязательным условием была строгая секретность⁶⁹. В мае 1921 г. британский посол в Берлине зафиксировал без особых комментариев, что Берлин посетил Красин, который «встречался и имел завтраки и обеды с различными германскими промышленниками»⁷⁰. В начале лета 1921 г. предложенная миссия немецких экспертов посетила Советскую Россию. Ее возглавлял полковник Оскар фон Нидермайер («Нойман» из доклада Коппа), чьи подвиги в Азии в период первой мировой войны принесли ему прозвище «германского Лоуренса»⁷¹; другими членами миссии были полковник Шуберт,

бывший в 1918 г. германским военным атташе в Москве⁷², и майор Чунке, офицер из аппарата Секта. В числе проектов, изучавшихся данной миссией, было восстановление под германским руководством бесхозных оружейных заводов в Петрограде и вблизи него. Миссия в сопровождении Карахана, бывшего тогда заместителем наркома по иностранным делам, и Коппа осмотрела фабрики; однако доклад о технических возможностях был неблагоприятным, и от проекта отказались⁷³. Результаты первого визита немцев не позволили прийти к каким-либо определенным выводам. Но за ним последовало основание в Берлине компании с бессмысленным названием «ГЕФУ» («Общество по развитию ремесленного предпринимательства»), которое впоследствии служило крышей для рейхсвера и германских фирм при совершении незаконных сделок с Советской Россией, касающихся оружия⁷⁴. Тем временем 10 сентября 1921 г. на заседании Политбюро было зачитано сообщение от «одного из немцев, ведущих переговоры», личность которого до сих пор не установлена, но который был явно настроен благосклонно по отношению к делу Советов. Он сообщил о колебаниях в германских деловых кругах в связи с новыми шагами в Западной Европе в направлении военного вмешательства в русские дела⁷⁵ и намеками со стороны Лушёра Ратенау на возможность уступок при принятии решения о плебисците в Верхней Силезии в случае, если Германия воздержится от сепаратного соглашения с Россией. Информатор полагал необходимым укрепить чувство уверенности в германских деловых кругах в стабильности Советов и советовал тем, кто вел переговоры с советской стороны, «разыграть польскую карту»⁷⁶, то есть сыграть на страхах Польши. Военные уже пришли к «конкретным положительным выводам», однако со стороны политиков все еще можно было ожидать трудностей. Ленин заметил, что «мысль объединить военные и экономические переговоры является правильной»; создание в России германских оружейных заводов должно было маскироваться вывеской «концессий». Любопытная, доподлинно известная историческая деталь состоит в том, что Красин в этот период закупал боеприпасы в Соединенных Штатах⁷⁷. В тот же месяц биограф Секта отмечает начало переговоров в Берлине. Они проходили большей частью на частных квартирах, в основном на квартире у майора фон Шлейхера. С советской стороны руководителем на этой стадии переговоров был Красин. С германской стороны главными лицами, ведущими переговоры, были генерал фон Гассе, который стал преемником Секта на посту начальника управления вооруженных сил, когда Сект стал главнокомандующим рейхсвера, генерал фон Томсен, эксперт в области авиации, и Нидермайер; Сект по привычке оставался за кулисами⁷⁸. Во второй половине 1921 г. Гассе лично посетил Москву во главе миссии, включавшей адмирала, представителя германского министерства иностранных дел и директора компании «Юнкерс», которая, как сообщалось, вела переговоры с советским начальни-

ком штаба РККА Лебедевым относительно действий «в случае войны с Польшей»⁷⁹.

Осенью 1921 г. действия союзников устранили последние серьезные колебания с германской стороны и, облегчив лицам, ведущим переговоры с советской стороны, задачу «разыгрывания польской карты», выровняли дорогу во всех сферах советско-германских отношений. Решение о разделе Верхней Силезии, следовавшее за плебисцитом, было более неблагоприятным для Германии, чем это предполагало, или имело основания предполагать, большинство немцев; волна негодования против западных держав прокатилась по всей стране. Это особенно отразилось на тех дипломатических кругах, где все еще сохранялись враждебность к Советской России и надежды на умиротворение западных союзников. Решение по вопросу о Верхней Силезии обернулось и важными перестановками в министерстве иностранных дел. Берендт, бывший бизнесмен, возглавлявший с 1919 г. Восточный отдел⁸⁰ и являвшийся ярым противником Советов, подал в отставку; Мальцан же был возвращен из-за границы, чтобы стать его преемником⁸¹. Другой существенный шаг был предпринят приблизительно в это же время. Для отношений между рейхсвером и германским правительством было характерно, что последнее оставалось в полном неведении о деликатных переговорах рейхсвера с Советской Россией. Теперь Сект решил проинформировать канцлера Вирта, который был также министром финансов, о том, что происходит; могла возникнуть необходимость поддержки со стороны гражданских властей и понадобится большие средства, чем можно было без затруднений получить из секретных военных фондов⁸². Примерно в это же время в тайну был посвящен небольшой круг лиц в министерстве иностранных дел, возможно первоначально только Мальцан⁸³. С этой поры германская политика в отношении Советской России могла быть полностью скоординированной и осуществляться одновременно по трем сливающимся воедино каналам — военному, экономическому и политическому. В экономических отношениях начало ощущаться оживление, которое торговое соглашение от 6 мая 1921 г. на первых порах никак не могло им дать. Политические переговоры, казалось, стали естественным образом вырастать из экономических переговоров⁸⁴ и имели активного организатора в министерстве иностранных дел в лице Мальцана. Отношения между двумя странами были теперь поставлены на официальную, хотя еще и не полностью дипломатическую основу. В сентябре Виденфильд прибыл в Москву в качестве германского торгового представителя, а в конце октября Крестинский был принят в Берлине как советский представитель, чье положение, казалось, так и не было точно определено⁸⁵. О его статусе говорил тот факт, что он вручил свои верительные грамоты Вирту как канцлеру, а не как президенту рейха⁸⁶. Стомоняков, сотрудник аппарата Красина в торговом представительстве в Лондоне, был переведен в Берлин в

качестве главы торгового представительства, подчиненного Крестинскому, но, как представляется, продолжал напрямую докладывать Красину⁸⁷.

Давние традиции, основанные на прочном фундаменте общих интересов, способствовали стремительному развитию торговых отношений между двумя странами. Германия занимала господствующее положение во внешней торговле России до первой мировой войны, поглощая в 1913 г. 29,8% русского экспорта и обеспечивая 47,5% русского импорта; Германия была единственной страной (за исключением Соединенных Штатов Америки, объем торговли которых с Россией был невелик), с которой торговый баланс России отличался особенно крупным пассивом. В 1922 г. Красин в одной из своих статей описывал эти взаимоотношения в выражениях, которые скорее подчеркивали, чем скрывали, их «полуколонизальный» характер:

«Россия и Германия по своим прежним экономическим отношениям как бы созданы друг для друга. С одной стороны, необозримая страна с неисчерпаемыми естественными богатствами, заключенными в ее почве, лесах, недрах, с многомиллионным трудовым населением, доказавшим свою способность в любой отрасли производительной деятельности подниматься до высот, достигнутых старыми культурными странами Запада; с другой стороны, промышленная страна с наиболее передовой техникой, с избыточным населением, для прокормления которого развитие экспортной торговли и транспорта является необходимым условием. Ни одна из западноевропейских стран не имеет такого опыта в отношении работы с Россией и такого глубокого и точного знания всех условий нашей страны, как Германия. Сотни тысяч немцев жилали в России до войны, многие из них вполне владеют русским языком и обладают обширнейшими личными связями на всем пространстве России. Наконец, вся наша культура и в особенности техника, промышленность, торговля за последние десятилетия базировались, главным образом, на совместной работе с Германией, и русскому промышленнику, торговцу, даже рабочему легче говорить с немцем, нежели с каким-либо иным иностранцем»⁸⁸.

Столь прочные и столь выгодные для обеих сторон связи разорвать было нелегко. Отказ от участия в блокаде России осенью 1919 г. был первым независимым актом германской политики после войны. Начиная с 1920 г., с открытием вновь балтийских портов, русско-германская торговля вновь обрела форму непрерывного и все возрастающего потока; временное торговое соглашение от 6 мая 1921 г. было официальным признанием ее существования и попыткой стимулировать ее расширение. В начале 1921 г. русский инженер-железнодорожник Ломоносов приехал в Берлин, чтобы разместить обширные заказы на парогоры⁸⁹. С другой стороны, Германия была не в состоянии осуществить в России капиталовложения в таком объеме, которые

Советское правительство горело желанием привлечь прежде всего и которые были главным предметом концессий. В течение некоторого времени после заключения англо-советского торгового соглашения от 16 марта 1921 г. надежды Советов были все еще устремлены на Великобританию, и Великобритания оставалась для Советской России крупнейшим поставщиком и наиболее выгодным рынком на протяжении большей части этого года. Лишь осенью 1921 г., когда англо-советские политические отношения не смогли откликнуться на стимул, данный торговым соглашением, и когда те группы в Германии, которые все еще ориентировались на Запад, были разочарованы решением вопроса о Верхней Силезии, обе страны начали уделять серьезное внимание улучшению торговых отношений между ними.

Нехватка капитала в Германии делала более легкой задачу заинтересовать германские концерны в создании торговых компаний, которые могли функционировать с небольшим оборотным капиталом, нежели в промышленных концессиях, требующих крупномасштабных долгосрочных инвестиций. Осень 1921 г. стала свидетелем первых шагов системы смешанных компаний, которые затем на протяжении многих лет служили излюбленным инструментом советской внешней торговли. Как представляется, первой из них была судсходная компания, образованная Советским правительством и «Гамбург — Америка лайн» под названием «Дерутра» для перевозки грузов между Германией и Советской Россией. За ней последовала «Дерулюфт» — аналогичная компания по осуществлению воздушного сообщения между двумя странами, и «Деруметалл» — компания по торговле металлоломом⁹⁰. Позднее был основан «Русгерторг» — советско-германский торговый концерн широкого профиля, половина капитала которого принадлежала Внешторгу, а половина — германской группе, возглавляемой магнатом в области черной металлургии Отто Вольфом. Сообщалось, что продвигаются переговоры о концессиях с несколькими германскими фирмами⁹¹; в январе 1922 г. было подписано соглашение с Крупном о предоставлении концессии на строительство тракторного завода и создание экспериментальной машинно-тракторной станции, которая охватывала обширный район на юге России по реке Маныч, притоку Дона. Ленин особенно тепло отозвался об этой концессии и обратил внимание на важность заключения таких соглашений «именно теперь, перед Генуэзской конференцией», и «именно с немецкими фирмами»⁹².

Выбор между Западом и Востоком, который теперь вновь встал перед германскими государственными деятелями, должен был быть сделан нерешительным и занимавшим двойственную позицию Ратенау, который занял пост министра иностранных дел в правительстве Вирта 31 января 1922 г. Дискутировавший в конце 1921 г. среди западных союзников план создания международного консорциума по разработке и эксплуатации ресурсов России поделил германских крупных предпринимателей на две

фракции — предпринимателей, группирующихся в основном, но не исключительно, вокруг легкой промышленности, которые имели тесные коммерческие и финансовые связи с Западом, и предпринимателей, защищающих интересы тяжелой промышленности, которые зависели в первую очередь от связей и рынков на Востоке. Основные экономические интересы Ратенау, равно как и его культурные и психологические склонности, ставили его в ряды «западников», хотя он, как сб этом свидетельствует сам факт и содержание его бесед с Радеком в 1919 г., так же ясно осознавал возможности, открывающиеся перед германской промышленностью на Востоке. Однако в то время, как Ратенау поигрывал в Лондоне, Париже и Каннах идеей сотрудничества посредством западного консорциума по совместному ведению дел в России, провосточная ориентация германской тяжелой промышленности получала в Берлике сильное подкрепление в виде тайных военных переговоров, которые сулили оружейной промышленности (главному столпу черной металлургии) плодородное поле для восставления и экспансии в Советской России. В рамках этого направления главным представителем промышленников был Стиннес, ставший к тому времени новым королем немецкой тяжелой промышленности⁹³, а выразителем его интересов среди политиков — Штреземан, вождь Немецкой народной партии, партии крупных промышленников⁹⁴; на его сторону перешел канцлер Вирт, придерживавшийся центристских взглядов, а Мальцан был влиятельным поборником его интересов в министерстве иностранных дел. В начале 1922 г., когда вопрос, казалось, все еще находился в подвешенном состоянии, Мальцан заявил британскому послу, что, по его мнению, задачу организации торговли с Россией каждой из великих держав следовало бы решать в индивидуальном порядке, а не через создание консорциума⁹⁵, и вскоре после этого Вирт, как эхо вторя самому языку советских протестов против создания консорциума, разъяснил рейхстагу, что он возражает против «любсой политики, ксторая стремится рассматривать Россию как колонию и обращаться с ней как с таковой»⁹⁶. Публично этот вопрос впервые дебатировался в рейхстаге 29 марта 1922 г., накануне прибытия советской делегации, направлявшейся на Генуэзскую конференцию. Штреземан подверг критике обращение к Россией «как с колонией, предназначенной для эксплуатации международным капиталом», и заявил о том, что он не желает, чтобы Германия становилась «членом международного консорциума, настроенного враждебно по отношению к ней в экономическом плане», а Ратенау выступил с речью, в которой, по существу, признал свою неспособность решить эту дилемму: «Путь создания синдикатов не является решающим. Синдикаты могут быть полезными, и нам не следует бесповоротно отказываться от возможности участия в таких синдикатах. С другой стороны, существенную часть работы по восстановлению нам предстоит обсудить с самой Россией. Такие обсуждения имели

и имеют место, и я буду способствовать им всеми средствами»⁹⁷.

Экономические переговоры с Советской Россией продолжались открыто. Политические и военные переговоры, проходившие в это же время, были окутаны завесой полной секретности, и даже теперь невозможно дать о них полный отчет. Кульминационный период и тех, и других приходится на первые месяцы 1922 г.⁹⁸, когда направленное обеим странам приглашение на предстоящую Генуэзскую конференцию осложнило расчеты обеих. Согласно дневнику Гассе, первая встреча между Сектом и «русскими» (предположительно военными экспертами) состоялась 8 декабря 1921 г. 17 января 1922 г. Радек прибыл в Берлин из Москвы вместе с Нидермайером⁹⁹ и, по наблюдению британского посла, «проводил одну беседу за другой с германскими министрами, чиновниками и партийными политическими деятелями»; Раковский и Красин присоединились к нему в феврале¹⁰⁰. С учетом того, что имя Ратенау было тесно связано с предложением о создании консорциума, его назначение на пост министра иностранных дел вызвало некоторое беспокойство в Москве, но не повлияло на военные переговоры. 10 февраля Радек по его настоятельной просьбе имел личную встречу с Сектом, как представляется, первую. Он поставил вопрос о германском содействии в восстановлении оружейной промышленности России и обучении советских офицеров и выразил недовольство близкими отношениями Германии с Западом, особенно с Великобританией, на что Сект ответил, что Германия нуждается в заигрывании с Великобританией в качестве противовеса Франции¹⁰¹. Как говорят, Радек во время этих переговоров выдвинул предложение о том, что Советская Россия, если она будет оснащена с германской помощью, присоединилась бы к Германии в нападении на Польшу ближайшей весной. Даже если это было так, это предложение едва ли отражало серьезное намерение Советского правительства; Радек с присущей ему безответственностью следовал предписанию «разыграть польскую карту»¹⁰². Новым элементом переговоров на этот раз, как представляется, стало предложение, чтобы немцы не только создали и взяли на себя руководство заводами по производству запрещенных для них вооружений в Советской России, но и обучали офицеров Красной Армии владению этими вооружениями и одновременно создавали учебные центры для будущих германских офицеров. Весь этот план расширился до масштабов проекта по созданию значительного германского военного присутствия на советской земле, в котором Красная Армия получала бы ей причитающееся как в форме военного снабжения, так и обучения¹⁰³.

Политические переговоры тем временем отставали. Необходимость политического соглашения, которое принесло бы с собой полномасштабное возобновление дипломатических отношений, всерьез не отрицалась, но определенные круги как в германском министерстве иностранных дел, так и в социал-демократической

партии, которые определенно не были осведомлены в военных переговорах, все еще чинили препятствия. В феврале 1922 г. Радек имел беседу с Ратенау. Однако о масштабах достигнутого прогресса не существовало данных до тех пор, пока в первые дни апреля 1922 г. советская делегация на Генуэзской конференции на пути в Геную не сделала остановку в Берлине. То, что затем произошло, установлено достаточно хорошо. В Москве не были уверены, что от Генуэзской конференции можно ждать скольконибудь серьезных результатов; западные державы предпринимали попытки навязать неприемлемые условия по вопросу об установлении экономических отношений с РСФСР; секретное соглашение с Берлином, которое удержало бы Германию от принятия обязательства об участии в предполагаемой международной корпорации и облегчило независимый торговый обмен между Германией и РСФСР, усилило бы советскую позицию и ликвидировало угрозу мертвой хватки со стороны западных союзников. Советская делегация поэтому настаивала в Берлине на немедленном заключении договора. Стычка между «восточниками» и «западниками» в германском министерстве иностранных дел носила острый характер, причем сам Ратенау склонялся теперь на сторону Запада. «Восточники» были достаточно сильны, чтобы обеспечить принятие решения о немедленном проведении переговоров; и в течение всего лишь нескольких следующих дней было достигнуто соглашение относительно текста договора, и лишь два второстепенных пункта остались временно не согласованными. Когда, однако, советская делегация стала настаивать на его немедленном подписании, Ратенау пошел на попятный, все еще цепляясь за надежду на соглашение с западными державами и ощущая, вероятно, более отчетливо, чем русские, что конференция может окончиться провалом в первый же день своей работы, если она будет поставлена перед свершившимся фактом советско-германского договора. Обе делегации поэтому проследовали в Геную, имея при себе неподписанный договор, проект которого был еще не завершен и о самом существовании которого не подозревал никто, за исключением посвященных в германском министерстве иностранных дел и советской делегации¹⁰⁴. Маловероятно, чтобы те, кто вел политические переговоры, поднимали вопросы военного сотрудничества, которые решались по другим каналам. Однако зафиксировано, что «Чичерин вполне открыто поставил перед канцлером вопрос о присутствии германских офицеров в России»¹⁰⁵.

При открытии Генуэзской конференции 10 апреля 1922 г.¹⁰⁶ советская делегация произвела куда большее впечатление, чем можно было бы ожидать еще за несколько недель до этого. Пуанкаре, отказавшись принять личное участие в конференции, прислал Барту с инструкциями быть неуступчивым; Ллойд Джордж отчаянно нуждался в соглашении с Россией, с тем чтобы вновь

поднять свой падающий престиж; англо-французские трения и позиция Пуанкаре по отношению к Германии практически ликвидировали угрозу, создаваемую проектом международной корпорации, и у Советской России имелась перспектива сепаратного соглашения с Германией, которое усилило бы ее позиции перед лицом западных держав. С другой стороны, Советская Россия отчаянно нуждалась в капиталовложениях, которые могли поступить только с Запада. Первое выступление Чичерина на конференции, сделанное на французском языке и раздутое благодаря любопытству журналистов до размеров события международного масштаба, было очень далеко идущим. Он рисовал картины громадного потенциального вклада нетронутых ресурсов России, разрабатываемых и становящихся доступными благодаря содействию западных капиталистов, в дело всемирного экономического восстановления. Он заметил, что меры, введенные при НЭПе, «идут навстречу содержащимся в каннской резолюции пожеланиям в отношении, касающемся юридических гарантий, необходимых для экономического сотрудничества с Советской Россией государств, базирующихся на частной собственности». Отметив, что восстановление мирового хозяйства окажется невозможным до тех пор, пока не будет устранена угроза войн, он объявил, что советская делегация намерена на более позднем этапе конференции «предложить всеобщее сокращение вооружений и поддержать всякие предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма». Наконец, по его мнению, пришло время созвать всемирный конгресс на основе равенства всех народов для установления «всеобщего мира». Российское правительство со своей стороны было готово принять существующие международные соглашения за исходную точку, правда, «введя в эти соглашения необходимые изменения», и даже принять участие в пересмотре статута Лиги Наций «с целью превращения ее в настоящий союз народов без господства одних над другими, с уничтожением существующего ныне деления на победителей и побежденных»¹⁰⁷. Кажущаяся наивность этих предложений таила изрядное количество тонких расчетов. Выступление в пользу всеобщего сокращения вооружений, упор на равенство победителей и побежденных и откровенный намек на «необходимые исправки» к Версальскому договору были адресованы благодарному слуху германской делегации, с тем чтобы напомнить ей, где можно найти подлинных друзей Германии. Постановка вопроса о разоружении могла быть также рассчитана на то, чтобы углубить разногласия между Великобританией и Францией, которые в течение некоторого времени вели спор по этому вопросу в Женеве. Когда Барту возмущенно возразил, что вопрос о сокращении вооружений не стоит в повестке дня конференции, как она была согласована в Каннах, и заявил, что французская делегация не будет участвовать в такого рода дискуссиях, Ллойд Джордж, дав понять, что он отнюдь не симпатизирует Барту, начал вкрадчиво уговаривать Чичерина не

топить корабль, перегружая его. Чичерин великодушно отказался от дальнейшего обсуждения вопроса. На следующий день было достигнуто согласие — против выступила только Франция — о том, что германская и советская делегации, как и делегации трех главных союзников, будут автоматически участвовать в работе всех комиссий, образованных конференцией. Это означало официальное возведение их в ранг великих держав. Принцип равенства был признан и утвержден.

По завершении церемонии открытия были назначены комиссии для рассмотрения политических, финансовых, экономических и транспортных вопросов; и пока они тонули в пучине бессмысленных заявлений общего характера, главы делегаций союзников, собравшись на вилле Ллойд Джорджа, вступили в серьезное обсуждение с советской делегацией подлинной проблемы, стоящей перед конференцией, — отношений с Советской Россией. Претензии союзников распадалась на три категории — русские военные долги, русские довоенные государственные и частные долги и национализация иностранных предприятий Советским правительством. Что касалось первых, то на обсуждение было поставлено предложение о взаимном аннулировании этих претензий и советских претензий в связи с ущербом, причиненным вмешательством союзников в гражданскую войну¹⁰⁸; и хотя это предложение было отвергнуто обеими сторонами, было ясно: в этом направлении может быть достигнут компромисс, если окажется возможным урегулировать другие вопросы¹⁰⁹. В отношении вторых — Советское правительство официально признало эти претензии начиная минимум с января 1919 г., но заявило, что оно фактически неспособно удовлетворить их в настоящее время, если только союзные правительства не выразят готовность предоставить или гарантировать заем для этой цели¹¹⁰: это был вопрос упорного торга, но уже не вопрос принципа. Вопрос о национализации оказался особенно твердым орешком. Советская делегация подтвердила готовность советской стороны предоставить долгосрочные концессии на национализированную собственность бывшим иностранным владельцам, однако, хотя британская делегация и проявила определенное желание пойти навстречу этому предложению, французская и бельгийская делегации настаивали на возвращении этой собственности или компенсации за нее¹¹¹.

Германия, отказавшаяся по Версальскому договору от всех претензий к Советской России, не участвовала в этих переговорах, и Ллойд Джордж опрометчиво предположил, что не будет большой опасности, если германская делегация немного подождет, пока он не закончит дел с русскими. Это была роковая ошибка. До уединившейся германской делегации дошли слухи, что союзники собираются заключить сделку с Советским правительством на условиях, которые включают возобновление репарационных требований России к Германии: их циркуляции постоянно способствовала 116-я статья Версальского договора, аннулирувавшая

Брест-Литовский договор. Подозрение было ложным. Как представляется, никакая схема такого рода не рассматривалась. Однако Радек задолго до того приложил все усилия, чтобы посеять страх перед таким развитием событий в умах германских чиновников¹¹², и Мальцан — независимо от того, разделял он эти страхи или нет, — сыграл на них в интересах своей восточной политики, подчеркнув важность подписания договора с советской делегацией до того, как последняя подвергается дальнейшему искушению прийти к договоренности с союзниками в ущерб Германии. Германские представители находились в подавленном состоянии, когда в час ночи пасхального воскресенья, 16 апреля 1922 г., им позвонил Иоффе, чтобы предложить встретиться позже в этот день в находившемся по соседству курортном местечке Рапалло, с тем чтобы завершить оставшийся несогласованным договор, о котором велись переговоры в Берлине. Биограф Ратенау описывает, как руководители делегации, одетые в пижамы, собирались в спальне у Ратенау и обсуждали вопрос, ехать или не ехать в Рапалло. Гассе, представитель Секта на секретных военных переговорах, присутствовал в Генуе в составе германской делегации, но о том, принял ли он участие в этой знаменитой сцене в спальне, сведений нет. Сопротивление Ратенау было наконец преодолено усилиями Вирта и Мальцана¹¹³. Советское приглашение было принято. День прошел в уточнении деталей проекта, и в пять часов дня Рапалльский договор был подписан.

Сам факт его подписания был более важен, чем собственно содержание договора. Он предусматривал взаимный отказ от всех финансовых претензий, включая германские претензии, протекающие из советских декретов о национализации, «при условии, что Правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств». Возобновлялись дипломатические и консульские отношения, а наиболее важная статья договора была посвящена экономическим отношениям:

«Оба Правительства будут в доброжелательном духе взаимно идти навстречу хозяйственным потребностям обеих стран. В случае принципиального урегулирования этого вопроса на международном базисе, они вступят между собой в предварительный обмен мнениями».

Это положение должно было иметь своим результатом исключение Германии из любого международного плана эксплуатации ресурсов России и создание двумя странами совместного экономического фронта; в этом состояло его главное непосредственное достоинство для Советской России. Другое положение той же статьи обязывало германское правительство поддерживать создание смешанных компаний, через которые предлагалось вести советско-германскую торговлю¹¹⁴.

Это крупное дипломатическое событие потрясло до основания уже скрепшее здание Генуэзской конференции. Союзные державы предприняли попытку договориться с Советской Россией за

спиной Германии — Советская Россия договорилась с Германией за их спиной. Их гнев был обращен прежде всего против германской делегации и нашел свое выражение в раздраженной совместной ноте: «Едва лишь неделю тому назад германский канцлер заявил на первом заседании, что германская делегация будет сотрудничать с другими державами в деле разрешения этих вопросов в духе абсолютной честности и солидарности»¹¹⁵. Формально работа конференции не была затронута. Но результатом Рапалло было то, что стал более жестким подход советской делегации, поскольку позиции, с которых она вела торг, укрепились, а также французской делегации, которая в любом случае получила более убедительный предлог для выражения своей неуступчивости. Слабая надежда на то, что изобретательность Ллойд Джорджа позволит достичь успеха в наведении мостов между ними, теперь исчезла окончательно. Повторное изложение позиции союзников в меморандуме, направленном советской делегации 2 мая 1922 г., хотя уже и недостаточно твердое, чтобы обеспечить поддержку ее французами или бельгийцами, представляло собой, с советской точки зрения, большой шаг назад по сравнению с компромиссными положениями, обсуждавшимися на вилле Ллойд Джорджа до Рапалло¹¹⁶. Следующую неделю заняли бесплодные и неофициальные переговоры между британской и советской делегациями¹¹⁷. Затем, 11 мая 1922 г., советская делегация направила пространный и аргументированный ответ, который был явно нацелен на то, чтобы подвести бесплодную конференцию к ее завершению. Он изобиловал историческими прецедентами:

«...революционная Франция не только разорвала политические договоры старого режима с заграницей, но отказалась также от уплаты своих государственных долгов. Лишь из побуждений политического оппортунизма она согласилась на уплату трети этих долгов».

Точно так же Соединенные Штаты «отвергли договоры своих предшественников, Англии и Испании». Союзные правительства в 1919 г. конфисковали без компенсации собственность граждан побежденных государств. Что касалось советских претензий в связи с гражданской войной, то британское правительство уплатило 15½ млн. долларов Соединенным Штатам в качестве компенсации за ущерб, причиненный крейсером «Алабама» во время американской гражданской войны. Предложение союзников о том, чтобы требования о компенсации были рассмотрены смешанным арбитражным судом, возглавляемым председателем из нейтральной страны, послужило причиной важного заявления принципиального характера:

«...при расследовании подобных спорных вопросов отдельные разногласия могут роковым образом повести к противопоставлению двух форм собственности, столкновению которых в настоящий момент впервые в истории приобретает реальный и практический характер».

При таких условиях не может быть и речи о беспристрастном суперарбитраже».

Меморандум завершался очередным указанием на то, что Советское правительство готово пойти на «серьезные уступки», но только в обмен на соответствующие уступки с другой стороны. Если державы все же хотят заняться разрешением «существующих между ними и Россией спорных финансовых вопросов», то «смешанная экспертная комиссия» могла бы быть созвана в другом месте и в другое время¹¹⁸.

Закулисная жизнь Генуэзской конференции представляла собой новый этап борьбы между британскими и американскими нефтяными компаниями. Переговоры между картелем «Ройял датч шелл» и Советским правительством подошли к точке, когда первый рассчитывал на получение исключительных прав на концессию, охватывающую целиком нефтеносный район Юго-Востока России и Кавказа; как говорят, проект соглашения по этому вопросу был уже составлен. Это соглашение, несомненно, побудило британскую делегацию в отличие от других делегаций союзников благосклонно отнестись к советскому предложению, согласно которому национализированная собственность возвращалась ее прежним владельцам, но не в виде собственности, а в виде концессий на эксплуатацию. Американская «Стандард ойл компани» также обрела интересы к нефтяным предприятиям на Кавказе, но сделала это посредством покупки их у русского владельца после декрета о национализации 1918 г.; такие случаи советско-британская формула не предусматривала. Контрнаступление американцев началось через два дня после открытия конференции с заявления директора «Стандард ойл» газете «Таймс» в Лондоне: в нем говорилось о том, что американская сторона выступает решительно против любых исключительных прав на концессию¹¹⁹. В ходе конференции условия проекта соглашения между картелем «Ройял датч шелл» и Советским правительством были опубликованы американской печатью, причем так, будто указанное соглашение было уже фактически заключено¹²⁰. Это породило поток опровержений, включая опровержение, с которым в палате общин выступил Остин Чемберлен¹²¹. Борьба тем не менее не потеряла накала, и противодействие британской позиции со стороны Франции и Бельгии, как полагали многие, было инспирировано из Вашингтона. На заключительных этапах конференции, 11 мая 1922 г., американский государственный департамент сам выступил с бескомпромиссным заявлением, распространенным в Генуе американским послом в Риме.

«Соединенные Штаты, — гласило центральное положение, — никогда не согласятся с тем, чтобы какой бы то ни было план, будь то национальный или международный, осуществлялся на практике, до тех пор пока он не будет принимать во внимание принцип открытых дверей для всех и признавать равные права для всех»¹²².

Это заявление, которое окончательно развеяло мечты об исключительно британской или британско-голландской нефтяной концессии в Советской России, случайно совпало по времени с советским меморандумом. Оба они возвестили об окончании конференции. Союзники, скорее для того, чтобы завершить конференцию согласованным результатом, нежели ради какой-либо более практичной цели, ухватились за советское предложение о создании комиссии экспертов, чтобы продолжить изучение остающихся разногласий. Было решено, что указанные эксперты соберутся в Гааге в конце июня 1922 г.¹²³ Вслед за этим делегаты конференции разъехались.

Генуэзская конференция окончилась неудачей. Она не принесла конкретных результатов, к которым стремилось Советское правительство: признание де-юре, иностранные капиталовложения, кредиты и урегулирование вопроса о претензиях. Тем не менее она кое-что принесла с собой и в большей степени — Советской России, чем какой-либо другой стране. Советское правительство, хотя еще и не признанное официально, было принято за стол переговоров в качестве равной суверенной державы. Хотя ничто не было урегулировано, основа для такого урегулирования явно стала просматриваться: с претензиями, связанными с военными долгами и гражданской войной, будет покончено на взаимной основе; что-то будет уплачено в погашение довоенных долгов при условии, что кредиторы предоставят займы для такого погашения; экспроприированные иностранные собственники получают назад свое имущество в виде концессий при условии, что они проявят готовность делать дальнейшие капиталовложения. Но самое главное, Генуэзская конференция сделала возможным Рапалльский договор. Особое значение, которое Советское правительство придавало этому достижению, было продемонстрировано беспрецедентно теплыми и выразительными формулировками резолюции, посредством которой месяц спустя ВЦИК зафиксировал свое одобрение. В соответствии с этой резолюцией ВЦИК:

«...приветствует русско-германский договор, заключенный в Рапалло, как единственный правильный выход из затруднений, хаоса и опасностей войн, признает нормальным для отношений РСФСР с капиталистическими государствами лишь такого рода договоры, поручает Совету Народных Комиссаров и Народному Комиссариату по Иностранным Делах вести политику в вышеуказанном духе и предписывает Народному Комиссариату по Иностранным Делах и Совету Народных Комиссаров допускать отступления от типа Рапалльского договора лишь в тех исключительных случаях, когда эти отступления будут компенсироваться совершенно особыми выгодами для трудящихся масс РСФСР и союзных с нею республик»¹²⁴.

Для Советского, как и для германского правительства Рапалльский договор стал редким и вдохновляющим примером рав-

ноправной сделки; он был первым крупным дипломатическим документом, о котором и Советская Россия, и Веймарская республика вели переговоры на равных. Две страны, отлученные от европейского сообщества, преодолев барьер идеологических разногласий, взялись за руки и, сделав это, вновь обрели статус и самоуважение как независимые члены общества. Уверенность в способности Советского правительства успешно участвовать в дипломатической игре в роли европейской державы берет свое начало с Рапалльского договора.

Далеко идущие последствия перемен в советской политике и взглядах на мир, выражением которых стал Рапалльский договор, были еще не в полной мере осознаны. Общим убеждением советских вождей было то, что РСФСР смогла выжить в критические первые два года благодаря противоречиям и зависти внутри капиталистического мира. В 1918 г. предпринимались неуклюжие попытки натравить немцев на западных союзников и западных союзников на немцев. Ленин однажды сказал, что вся внешняя политика Советской власти в течение первых трех лет ее существования состояла в том, чтобы «использовать рознь империалистических держав»¹²⁵; и в период Вашингтонской конференции американская поддержка была неоценимым козырем в деле ускорения эвакуации Японии из Сибири. Но именно Рапалльский договор стал первым, превратившим баланс сил в жизненно важный, хотя и не провозглашаемый открыто принцип советской политики в Европе. Генуэзская конференция поставила Советскую Россию лицом к лицу с угрозой — преувеличиваемой страхами Советов, но отнюдь не лишенной смысла — объединенной Европы, собирающейся эксплуатировать ресурсы России и навязывать Советской России свои условия как экономически зависимой, «отсталой» стране. Эту угрозу удалось отразить, уговорив одного из главных партнеров отказаться от подобных замыслов. Рапалльский договор не был, строго говоря, договором о союзе. Он не налагал ни на одну из сторон каких-либо исключительных обязательств по отношению к другой. Советская Россия оставалась поглощенной улучшением своих отношений с другой европейской группировкой, особенно с Великобританией, или своих отношений с Соединенными Штатами — все еще достаточно отдаленной и чувствовавшей себя в безопасности страной, чтобы не примыкать ни к одной из европейских группировок. Но в Рапалло был установлен принцип, согласно которому следовало любой ценой предотвращать объединение капиталистического мира против Советской власти, а это могло быть достигнуто только путем протягивания руки дружбы одному из лагерей, на которые был разделен мир; и поскольку Германия на протяжении всего периода Веймарской республики представляла из себя более слабую из двух группировок, это создавало особые отношения между Советской Россией и Германией. Несколько месяцев спустя Радек, который должен считаться одним из основных

архитекторов рапалльской политики, дал определение этому взаимоотношению на языке неизменных интересов России и традиционных доводов старой дипломатии:

«Политика удушения Германии подразумевала фактически гибель России как великой державы, поскольку, вне зависимости от того, каким образом осуществляется власть в России, ее интересам всегда отвечало, чтобы Германия продолжала существовать... Россия, ослабленная до крайности войной, не могла ни оставаться великой державой, ни приобрести экономические и технические средства для восстановления своей промышленности, кроме как в том случае, когда в лице Германии она имела бы противовес превосходству союзников».

Вероятно, казалось странным, что для такого заявления был избран доклад, подготовленный к IV конгрессу Коминтерна¹²⁶. Однако вопрос об изменениях, происшедших в политике этой организации под влиянием НЭПа, Генуи и Рапалло, будет рассмотрен в следующей главе.

ГЛАВА 30

ОТСТУПЛЕНИЕ В КОМИНТЕРНЕ

Очевидная причина отступления в марте 1921 г. как на внутреннем, так и на дипломатическом фронтах заключалась в неожиданной задержке в распространении революции по Европе. Экономические трудности затянувшегося на неопределенное время переходного периода вынуждали Советскую Россию вступать в дружеские торговые отношения с капиталистическим миром; политические трудности толкали к дружеским политическим отношениям с некоторыми капиталистическими государствами в качестве гарантии против враждебности других, то есть к проведению политики раскола капиталистического мира. Причина, которая привела к этим событиям — затянувшаяся отсрочка революции в Европе, — неизбежно и даже более непосредственно затрагивала общие цели и политику Коминтерна и требовала соответствующих изменений в его деятельности. После «Мартовского выступления» 1921 г. в Германии этого вывода невозможно было избежать. Эти изменения были должным образом произведены весной и летом 1921 г. и нашли свое отражение в протоколах III конгресса Коминтерна, состоявшегося в июне и июле этого года. Он явился естественным продолжением перемен в советской политике, как внутренней, так и внешней, что привело к НЭПу и к англо-советскому торговому соглашению. Однако изменения политики Коминтерна едва ли можно было добиться без сопротивления, даже без борьбы внутри РКП(б); отчеты Троцкого о дискуссиях в Политбюро и в Центральном Комитете перед конгрессом, когда Ленин, Троцкий и Каменев выступали за отступление и компромисс, а Зиновьев, Бухарин, Радек и Бела Кун продолжали восхвалять революционное наступление, можно признать как в общем правильные¹. Во всяком случае, твердость Ленина одержала победу. На конгрессе русские делегаты выступали единым фронтом, хотя в их позиции имелись различные акценты.

Подготовка и организация III конгресса Коминтерна, который открылся 22 июня 1927 г., были как никогда грандиозными; большее число делегатов представляло большее число партий и членов партий как в Европе, так и за ее пределами. Между II и III конгрессами Коминтерн начал превращаться в весьма представительную организацию, переехав из двух или трех комнат в

Кремле, где он начинал работать в 1919 г., во внушительное здание бывшего германского посольства. Ему также предоставили гостиницу для размещения делегатов-коммунистов из других стран, хотя это здание, как отмечал его посетитель из Англии, «было в плачевном состоянии и наводнено крысами»². В течение того же периода, как об этом с гордостью заявил III конгрессу Зиновьев, ИККИ провел 31 заседание; для более оперативного ведения дел он создал недавно «малое бюро» из семи членов, которое специально занималось секретной и нелегальной работой³. Но несмотря на эти внешние признаки прогресса, печать умеренности и сдержанности удивительно контрастировала с революционным оптимизмом 1920 г. В статье, озаглавленной «Перед третьим конгрессом Коммунистического Интернационала», написанной Зиновьевым за три месяца до созыва конгресса, отмечалось, что «темп развития международной пролетарской революции, в силу целого ряда обстоятельств, несколько замедляется»⁴. Троцкий, сделавший вступительный доклад на конгрессе на тему «Мировой хозяйственный кризис и новые задачи Коминтерна»⁵, говорил о восстановлении самоуверенности буржуазии после угрожающих дней 1919 г. и об отступлении революционной волны. Правда, однако, состоит в том, отметил Троцкий, что видимая стабилизация капитализма является иллюзорной. Памятуя о старом вопросе «1847 г. или 1849 г.?', Троцкий был осторожен в проведении действительной параллели с положением после 1848 г., когда буржуазный капитализм вступил в новый период экспансии. Капитализм получил смертельный удар в войне 1914—1918 гг.; конфликты между капиталистическими державами возрастают; успех революции очевиден. Тем не менее рабочие столкнулись с задержкой в ее развитии и были отброшены на оборонительные позиции. Троцкий в заключение сказал:

«...сейчас, к моменту III конгресса Коммунистического Интернационала, положение не таково, как во время I и II конгрессов. Тогда мы рисовали себе широкие перспективы, намечали нашу основную линию и говорили себе: пойдем по этому пути, ибо под этим знаменем мы сумеем охватить пролетариат и победить мир... В общем и целом, наша линия и теперь осталась верной. Мы лишь не предвидели ее отклонений и колебаний, а теперь мы их замечаем. Мы замечаем их, видя наши поражения и разочарования, наши неисчислимые жертвы, а также наши ошибочные выступления во всех странах. В особенно широком объеме это происходило у нас в России. Мы только сейчас видим и чувствуем, что не стоим непосредственно близко к конечной цели, к завоеванию власти в мировом масштабе, к мировой революции. Тогда, в 1919 г., мы говорили себе — это вопрос месяцев, теперь же мы скажем, что вопрос, может быть, нескольких лет»⁶.

На заключительной стадии этого конгресса Ленин сделал свой «окончательный вывод»:

«... развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед. Но это поступательное движение не такое прямолинейное, как мы ожидали. С первого взгляда ясно, что в других капиталистических странах после заключения мира, как бы плох он ни был, вызвать революцию не удалось, хотя революционные симптомы, как мы знаем, были очень значительны и многочисленны... Сейчас необходимы основательная подготовка революции и глубокое изучение конкретного ее развития в передовых капиталистических странах»⁷. А резолюция конгресса сделала это лучше всего, так как ей удалось получить зерно оптимизма, несмотря на печальный диагноз:

«Только буржуазное тупоумие может видеть крушение программы Коммунистического Интернационала в том факте, что европейский пролетариат не опрокинул буржуазию в течение войны или немедленно после ее окончания. Курс Коммунистического Интернационала на пролетарскую революцию вовсе не означает догматического приурочения революции к определенным календарным датам или обязательства произвести революцию в определенный срок. Революция была и остается борьбой живых сил на данных исторических основах. Нарушение войной капиталистического равновесия в мировом масштабе создает благоприятные условия для основной силы революции — пролетариата. Все усилия Коммунистического Интернационала были и остаются направлены на то, чтобы это положение использовать до конца»⁸.

Фиаско «Мартовского выступления» в Германии сыграло важную роль в постановке нового диагноза, и его обсуждение заняло значительную часть времени и внимания конгресса. Оно доминировало как в прениях по докладу ИККИ, так и в прениях по докладу «О тактике Коммунистического Интернационала». Основными ораторами от русской делегации были Радек и Троцкий⁹, но почти все немецкие делегаты (а также некоторые другие делегаты из различных стран) выступали по этому вопросу и содействовали созданию атмосферы взаимных упреков, которая обычно сопутствует политическому отступлению. Прения выявили два деликатных вопроса для лидеров Коминтерна. В первую очередь необходимо было отмежевать ИККИ от любой доли вины за «Мартовское выступление». Это оказалось сравнительно легким делом; что бы ни думали про себя немецкие делегаты, лишь Клара Цеткин упомянула мрачно о «представителях Исполнительного Комитета»¹⁰. Во-вторых, было необходимо, не против неподчинения Леви, осудить политику «революционного наступления», инициаторы которой изгнали его из партии. Это оказалось более трудным делом, так как никто, даже Клара Цеткин, которая вышла вместе с ним из Центрального комитета, не защищал дальнейшего поведение Леви или отрицал справедливость его исключения из партии; широко преобладало мнение, что политика, с которой тогда выступали лидеры Коминтерна, не отличалась от политики, проводимой в прошлом Леви в Коммуни-

стической партии Германии¹¹. Резолюция, единогласно принятая конгрессом, не оправдывала заостренной осознанности этого беспокойства. Она начиналась с категорического заявления, что «Мартовское выступление» было «навязано объединенной коммунистической партии нападением правительства на среднегерманский пролетариат». Это отвергало как неуместное все то, что могло произойти между Бела Куном и Центральным комитетом до 17 марта. Далее в ней упоминалось о «целом ряде ошибок», совершенных партией, из которых важнейшая заключалась в том, что «оборонительный характер борьбы не был достаточно ясно подчеркнут и что призыв к наступлению дал повод бессовестным врагам пролетариата ... обвинить перед лицом пролетариата объединенную Коммунистическую партию Германии в подстрекательстве к „путчу”». «Мартовское выступление» явилось «шагом вперед» — довольно неискренне звучащий комплимент. Но в будущем КППГ должна «внимательно прислушиваться к голосам фактов и мнений, указывающим на трудность выступления, и старательно проверять основательность доводов против выступления», прежде чем связать себя с каким-либо действием¹².

Отступление, провозглашенное III конгрессом, было также явно очевидным и на примере того, что ранее было известно как «национальный и колониальный вопрос», а теперь стало более конкретно называться «восточным вопросом». Народы Востока проявляли небольшой интерес к возникновению коммунистических партий в Центральной и Западной Европе; к английской и до известной степени к французской партиям их отношение, откровенно говоря, было для международного коммунистического движения источником затруднений. Поэтому неудивительно, что, несмотря на усилия Ленина на II конгрессе, политика Коминтерна в их отношении продолжала носить некоторый характер искусственности и прямого практицизма. Цель I съезда народов Востока в Баку в сентябре 1920 г. заключалась в организации кампании против английского империализма, а не против империализма в целом; эпизод с Энвером-пашой показал, насколько реальными были эти различия, по крайней мере по мнению Зиновьева. Только девять месяцев прошло между Бакинским съездом и III конгрессом Коминтерна. Но за этот промежуток подписание англо-советского торгового соглашения сделало открытую пропаганду против английского империализма невозможной, а договоры с Персией и Турцией равным образом препятствовали коммунистической пропаганде в этих странах, которая могла бы угрожать или нанести оскорбление персидскому и турецкому правительствам. Нигде на Востоке коммунизм не добился каких-либо заметных успехов. В большом докладе Зиновьева о работе ИККИ в течение года, в котором содержалось около 30 печатных страниц, нашлось не более трех важных фраз по этому вопросу:

«На Ближнем Востоке работает Совет Пропagанды, образованный на Бакинском съезде. Там еще осталось много организационной работы. Это относится и к Дальнему Востоку»¹³.

Вопрос, который обсуждался с такой страстью в прошлом году, был передан на поспешно созванное заседание в последний день конгресса, когда поочередно ораторы из азиатских стран выступали с краткими речами, ограниченными до пяти минут, излагая свои устремления. Делегаты трех внозь созданных закавказских республик поздравили самих себя с определением своей исторической судьбы, при этом косвенно сославшись на угрозу турецкого империализма, а Кемаль был открыто подвергнут критике со стороны турецкого делегата. Делегаты Китая, Кореи и Японии посвятили свои выступления главным образом обвинению в адрес японского империализма. Британский империализм из-за ослабления своих позиций, занимаемых в 1920 г., был темой выступлений лишь делегатов Персии и Туркестана. Ни один из признанных лидеров Коминтерна, и даже никто из русских делегатов, не содействовал этой дискуссии. Только один Рой из Индии, помня об оживленных и долгих прениях в прошлом году, имел смелость охарактеризовать это поверхностное отношение к британскому империализму как «чисто оппортунистическое, которое гораздо больше подходит для программы 2-го Интернационала», и выразил протест против явного отсутствия интереса к этой теме со стороны европейских и американских делегатов¹⁴. Стало ясно, что революция среди народов Азии, по всей видимости, никогда не рассматривалась Коминтерном как самоцель. III конгресс заглушил эту свою страсть и обуздал ее.

Изменение стратегии на III конгрессе, очевидно, потребовало и изменений в тактике. Со времени II конгресса политика Коминтерна состояла в том, чтобы беспощадно раскалывать партии там, где идейная или партийная дисциплина была поставлена на карту; это было, по существу, смыслом «21 условия». Так, Ракоши, быстро расколовший итальянскую партию на съезде в Ливорно, настоятельно требовал голову Леви в Берлине; согласно Цеткин, он заявил, что для «Коммунистического Интернационала важен не массовый характер партии, а ее чистота» и что немецкая партия «слишком разрослась»¹⁵. Даже Ленин повторил на III конгрессе свое любимое замечание о том, что большевистская партия была небольшой партией во время февральской революции¹⁶. Но к этому времени приливная волна круто повернула вспять. Конгресс в Галле имел огромный успех, так как на нем произошел идеологический раскол в Независимой социал-демократической партии Германии и одновременно возникла массовая коммунистическая партия. Но этот успех больше никогда и нигде не повторился. Во Франции новая коммунистическая партия оказалась малочисленной по сравнению с ее социалистической предшественницей; в Италии она являлась лишь ее слабым подобием. В Германии новый раскол в руководстве партии ослабил ее еще на

пороге «Мартовского выступления». Если II конгресс вынужден был отдать предпочтение качеству, а не количеству, то это произошло потому, что было признано: если будет обеспечено качество, то количество за ним последует автоматически; когда партии раскалываются из-за ненадежных реформистских лидеров, массы сплываются вокруг нового, очищенного руководства. Это ожидание так и не оправдалось. Впервые поэтому III конгресс выразил признаки озабоченности перспективами раскола. Даже Зиновьев, по-видимому, теперь изменил свои взгляды.

«...ни в коем случае, — воскликнул он драматически, — нельзя допускать новый раскол в рядах Германской Коммунистической Партии. Я, право, не знаю, может ли наша партия перенести еще один раскол»¹⁷.

Британская и американская партии были предупреждены, что для них «вопрос жизни и смерти — не оставаться в положении секты». Британская партия, в частности, была подвергнута резкой критике за неэффективность ее политики во время забастовки шахтеров, и ей было указано, что не следует гордиться тем, что она является небольшой партией¹⁸. «Первой из главных задач Английской коммунистической партии, — говорится в резолюции конгресса по этому вопросу, — является задача стать массовой партией»¹⁹. Только Коммунистическая рабочая партия Германии все еще открыто отвергала массовые коммунистические партии как «гигантский блеф»; такие партии «пригодны только для того, чтобы в праздничные и воскресные дни устраивать по приказу манифестации в пользу Советской России, но они совершенно непригодны для революционной борьбы»²⁰. Резолюция конгресса о тактике категорически провозгласила новую точку зрения в выражениях, которые, хотя и были в теоретическом отношении не новыми, обнаружили заметные изменения в акцентах после II конгресса:

«Завоевание исключительного влияния на большинство рабочего класса, вовлечение наиболее активной части его в непосредственную борьбу является в настоящий момент важнейшей задачей Коммунистического Интернационала... С первого дня своего образования Коммунистический Интернационал поставил своей задачей ясно и недвусмысленно не создание небольших коммунистических сект, которые будут стремиться установить свое влияние на рабочие массы только посредством агитации и пропаганды, но *непосредственное участие в борьбе рабочих масс, коммунистическое руководство этой борьбой и создание в процессе борьбы крупных революционных, коммунистических массовых партий*».

Именно «все социал-демократические и центристские партии» стремились отныне раздробить пролетариат:

«...коммунистические партии стали носителями процесса объ-

единения пролетариата на почве борьбы за свои интересы, и в сознании этой своей роли они почерпнут новые силы»²¹.

Теоретически сдвиг от политики раскола к политике объединения явился применением принципа, провозглашенного Лениным за двадцать лет до этого при создании «Искры»: «Прежде, чем объединяться и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться»²². На практике, поскольку раскол не приводил к объединению, этот сдвиг явился переходом от тактики наступления к тактике обороны, временным отступлением в мир компромиссов и рациональности, которые также характеризовали и советскую внутреннюю политику при НЭПе.

Однако поскольку вовлечение рабочих масс в коммунистические партии оставалось почти везде отдаленным идеалом, необходимо было прибегнуть к менее непосредственным путям укрепления влияния коммунистов. Если надежда на немедленную революцию оставлялась и основная функция коммунистических партий постепенно начинала смещаться в сторону создания прочной обороны против «наступления капитала», то требовалось сотрудничество с другими рабочими партиями. Хотя потребность в строгой дисциплине внутри коммунистических партий не уменьшалась, терпимость к некоммунистическим или реформистским партиям сохранялась и расширялась. Не только делегаты Коммунистической рабочей партии Германии были еще раз допущены на конгресс (хотя и без права голоса) вопреки протестам КППГ²³, но и Итальянская социалистическая партия также послала делегатов, несмотря на тот факт, что, как заметил с горечью делегат Итальянской коммунистической партии, «в составе Итальянской социалистической партии есть социал-патриоты, не намного лучшие, чем Тома[с] или Шейдеман[н]»²⁴. Но такие уступки в рамках Коминтерна оказались недостаточными и на практике ни к чему не привели. Массы рабочих в большинстве важных промышленных стран были организованы в партии, которые все еще отказывались иметь что-либо общее с Коминтерном; чтобы охватить их и сотрудничать с ними в отражении «наступления капитала», необходимы были более широкие компромиссы. Радек, соавтор написанного Леви за полгода до конгресса «Открытого письма» КППГ, в котором предлагались совместные выступления со всеми немецкими левыми партиями, включая СПГ и НСПГ, теперь провозгласил лозунг: «В первую очередь всеми средствами — ближе к массам»²⁵. Это не было новым предписанием. II конгресс провозгласил годом раньше лозунги: «Глубже в массы» и «Теснее связь с массами»²⁶. Но теперь новый лозунг приветствовался как основной результат работы конгресса. По-видимому, лишь позор Леви и невозможность принять слишком быстро политику, связанную с его дискредитированным к тому времени именем, помешали открыто провозгласить на III конгрессе политику единого фронта. Это случилось через полгода.

То, что лидеры Коминтерна на III конгрессе искренне желали видоизменить свою тактику, таким путем, чтобы завоевать поддержку масс, не вызывает никакого сомнения. Но они не понимали условий, которые были бы необходимы, чтобы их политика стала успешной; возможно, что они не были готовы считаться с этими условиями. Любая серьезная попытка создать массовые коммунистические партии в Западной Европе и в странах, говорящих на английском языке, и использовать эти партии в качестве ударной силы для проникновения в другие левые партии потребовала бы от руководящих органов Коминтерна не только ослабления идеологической и дисциплинарной жесткости, но и предоставления национальным партиям и их лидерам гораздо большей свободы действий в разработке политики и тактики, подходящих для местных условий, что никогда не могло быть достаточно хорошо или соответствующим образом оценено в Москве. Однако в тот момент, когда конгресс рекомендовал политику призыва к массам, которая незамедлительно вела к большей децентрализации власти, он также укреплял узы организации и дисциплины, что неизбежно приводило к большей централизации. В обширной резолюции III конгресса по «Организационному строительству коммунистических партий, методам и содержанию их работы», сопровождаемой короткой резолюцией по «Организации Коммунистического Интернационала»²⁷, делалась попытка определить в мельчайших деталях функции и обязанности Коминтерна и партий, входящих в него. В основной резолюции от членов национальных партий и их прессы настойчиво требовалась дисциплинарная подчиненность центральному партийным органам; членам партии вменялось также в обязанность занятие активной партийной работой. Члены партии должны «в общественных местах *всегда вести себя как члены борющейся организации*». Новый акцент был сделан на важности нелегальной работы партий; именно этот аргумент главным образом был использован, к нему прибегал еще Ленин в ранние годы его партийной борьбы для оправдания дисциплинарной централизации власти²⁸. Национальные комитеты партий были ответственны не только перед национальными съездами партий, но также и перед ИККИ — здесь нашел применение принцип «двойного подчинения», на котором строилась вся организация советской системы²⁹, и в этом потенциальном конфликте преданности власть тесно сплоченного центрального органа, располагающего достаточными финансовыми ресурсами, по-видимому, должна была в конечном счете возобладать над распыленной и непостоянной властью ежегодного национального съезда. Именно на эту резолюцию напал Ленин на IV конгрессе спустя более года, говоря, что она «почти насквозь русская, то есть все взято из русских условий»; она фактически осталась «мертвой буквой», поскольку нельзя было ожидать от иностранцев, чтобы они поняли или выполнили ее³⁰. Тем не менее резолюция в целом была принята

единогласно на III конгрессе; она странным образом контрастировала с желанием создать в западном мире массовые коммунистические партии.

Детали организационных вопросов рассматривались в дополнительной резолюции. Членский состав ИККИ был расширен; русская партия по-прежнему имела пять делегатов, другие крупные партии — двух делегатов каждая, более мелкие партии имели по одному делегату. Это количественное расширение основного органа, естественно, повысило важность «малого бюро», состоящего из семи членов, которое впервые получило официальный статус. Острый спор возник по вопросу о том, может ли ИККИ назначать какого-либо внешнего члена партии в «малое бюро» или он может делать выбор лишь из своих членов. Значительное большинство проголосовало за неограниченное право; власть правящей группы в ИККИ, таким образом, еще более укрепилась³¹. С целью реализации политики более активного подхода к массам было решено, что официальный журнал Коминтерна «Коммунистический Интернационал», появляющийся нерегулярно на четырех языках, станет выходить ежемесячно — эта задумка фактически не была осуществлена до 1925 г. — и что более популярный еженедельник под названием «International Presse-Korrespondenz» (сокращенно — «Inpre-Korr») будет выходить на немецком, английском и французском языках³². В феврале 1922 г. была использована «новинка», принявшая форму «расширенного» пленума ИККИ, на который были приглашены дополнительные делегаты от ведущих партий. Этот эксперимент был повторен в июне 1922 г., и спустя два месяца Зиновьев объявил, что эти «расширенные» заседания, которые почти соответствовали «маленьким конгрессам», будут созываться дважды в год³³. Это изменение привело к двум, возможно непреднамеренным, последствиям. Ежегодные конгрессы Коминтерна перестали проводиться и после 1922 г. созывались нерегулярно, а обычные пленумы ИККИ, по-видимому, больше не стали созываться. Двумя активными органами Коминтерна теперь стали Президиум и расширенный ИККИ.

Однако влияние последствий отступления на идеологические воззрения Коминтерна и особенно его русских лидеров вышло далеко за рамки вопросов его структуры и организации. Оно принесло облегчение затруднительному положению, появившемуся с самого начала проведения двойной политики, которая стремилась в одно и то же время стимулировать и поддерживать враждебность рабочих мира ко всем капиталистическим правительствам и использовать разногласия и соперничество капиталистических правительств между собой. Оба этих фактора — враждебность рабочих к капитализму и внутренние разногласия в капиталистическом мире — способствовали выживанию советского режима в гражданской войне. Советская политика не могла себе позволить пренебрегать каким-либо из этих факторов. Однако ход полити-

ческих действий, который они задали, возможно, в критические моменты приводил к тому, что оказывалось трудным примирить один фактор с другим. Первый фактор предполагал требование безоговорочной поддержки выступлений рабочих против капиталистов, второй — поддержку одной капиталистической державы против другой. Но любой план влияния на позицию или действия капиталистических правительств путем, исключая попытку свергнуть эти правительства, вступал в потенциальное противоречие с большевистской идеологией. На съезде в Галле Мартов коснулся этого затруднительного положения кратко и убедительно.

«Большевики, которые видят в сохранении своей власти единственную гарантию успеха мировой революции, вынуждены таким образом использовать все средства, даже самые сомнительные и двусмысленные, чтобы сохранить ее, не обращая внимания на то, какое влияние эти средства окажут на развитие международной революции»³⁴.

Дважды в течение III конгресса Коминтерна прозвучало опасное предположение, которое было поспешно отклонено, о скрытом противоречии между непосредственными интересами РСФСР и интересами Коминтерна или некоторых партий, входящих в него. В статье Серрати в итальянской социалистической прессе, процитированной Зиновьевым как доказательство его враждебности к Коминтерну, выражалось сожаление, что Коминтерн должен проводить заседания под эгидой «великого революционного правительства», которое «было вынуждено, как и теперь, вести оборонительно-наступательную политику против интернационального капитала». Далее Серрати продолжал:

«...политику, которая, помогая Советской Республике, бесспорно, оказывает вместе с тем существенную услугу и вслед пролетариату, но одновременно может не соответствовать тактическим потребностям государства, находящегося в критическом периоде еще только назревающей собственной революции»³⁵.

Коммунистическая рабочая партия Германии, чьи делегаты на конгрессе играли роль презируемой и признанной оппозиции, пошла еще дальше, потребовав «политической и организационной эмансипации 3-его Интернационала от системы русской государственной политики» и сделав официальное заявление по этому вопросу:

«Мы ни одной секунды не упускаем из виду, в какое затруднительное положение попала русская Советская власть благодаря задержке в ходе мировой революции. Но мы в то же время предвидели опасность, заключающуюся в том, что из-за этих трудностей может вырасти действительное или мнимое противоречие между интересами революционного мирового пролетариата и временными интересами Советской России»³⁶.

Никакого серьезного ответа на эти обвинения на конгрессе не прозвучало; у многих оставалось впечатление, как признал

один дружески настроенный голландский делегат, что «Россия несколько тормозит развитие революции»³⁷.

Настойчивая критика, естественно, потребовала опровержения, и именно Троцкий, в то время самый активный защитник официальной политики, сделал его. Представившимся случаем стал конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи, который сразу же последовал за конгрессом Коминтерна³⁸; Троцкому выпало защищать перед критическим и нетерпеливым форумом то, что он откровенно назвал временной «стратегией отступления», предусмотренной Коминтерном. Он отметил, что «некоторые весьма остроумные товарищи выставили гипотезу, по которой главными виновниками нынешнего «поправления» являются русские, потому что русские вступили теперь в торговые сношения с западными государствами и крайне заинтересованы в том, чтобы эти сношения не были нарушены европейской революцией». Он иронически продолжал, что такие «теоретики исторического развития» даже изобразили себя последователями духа Маркса, поскольку они «для русского поправления ищут экономических оснований». Изложив, таким образом, аргументы оппозиции в их самой крайней форме, Троцкому не пришлось много трудиться, чтобы разрушить их. Они могли быть противопоставлены параллельному и, по-видимому, противоречивому обвинению в том, что русская партия по причинам русской национальной политики «настаивала в марте на том, чтобы в Германии искусственно была вызвана революция», имея в виду «Мартовское выступление». По-прежнему оставалось неизменным положение о том, что «победоносная социалистическая диктатура» не могла быть укреплена в России без «интернациональной мировой революции пролетариата». Но Россия могла быть по этой самой причине заинтересована лишь во «внутреннем логическом развитии» революции, не ускоряя ее искусственно и не задерживая ее³⁹. Этот логический ответ мог быть подкреплён лишь ссылкой на текущую реальность. Осторожная и сдержанная поправка, введенная в политику Коминтерна на III конгрессе, хотя и без сомнения соответствующая непосредственным интересам Советской России, которая требовала отсрочки в бесконечной и неослабной борьбе с капиталистическим окружением, была равным образом оправдана с точки зрения окончательных интересов мировой революции, которая не могла, как доказали события, быть совершена в результате поспешной кавалерийской тактики, разработанной на II конгрессе. Взаимозависимость дела мировой революции и дела Советской державы могла быть еще раз правдоподобно продемонстрирована. Задержка мировой революции, которая привела к отступлению в политике Советского правительства, обусловила соответствующее отступление и в Коминтерне. Когда наступит подходящий момент, оба этих направления могут возобновить свое совместное наступление. Но аргумент, теоретически неуязвимый, по-видимому, был отмечен печатью эгоизма, когда он представ-

лялся русскими лидерами Коминтерна иностранным коммунистическим партиям, от которых требовалось подчинить свою тактику общей и единой политической линии, выработанной в Москве.

Тем временем необходимо было браться за реализацию нового лозунга: «К массам!». Попытка начать временное сотрудничество с другими левыми партиями не была оставлена; в действительности ее необходимо было усилить в наступившем 1922 г. Но теперь появилась новая, и, очевидно, более обещающая цель: использовать специализированные международные агентства, обладавшие потенциальной привлекательностью для масс; некоторые, уже существующие, могли перейти под общее руководство Коминтерна, другие — быть созданы под его эгидой. Концепция в обоих этих случаях оставалась одной и той же. Массы, которые не в состоянии в данный момент вступить в коммунистические партии или принимать все строгости коммунистической доктрины и дисциплины, могли быть вовлечены во вспомогательные организации сочувствующих и таким образом внести косвенный вклад в дело пролетарской революции.

Самой претенциозной и важной из вспомогательных организаций, созданной в то время под эгидой Коминтерна, был Красный Интернационал профсоюзов, обычно называемый Профинтерном⁴⁰. Со времени II конгресса Межсовпроф⁴¹ деятельно закладывал основы нового Интернационала. Его первая задача заключалась в том, чтобы отговорить национальные профсоюзные организации от проявления лояльности к МФП и подготовить их к вступлению в создаваемый Красный Интернационал. Для этой цели он создал «бюро пропаганды» в различных странах. В общем, они, по-видимому, оказались не очень эффективными органами. Британское бюро⁴² было достаточно активным, чтобы навлечь на себя злобу со стороны самых могущественных профсоюзных лидеров. Неизбежно к органу, созданному с единственной целью выступать за связи с Москвой, а не с Амстердамом, обычно привлекалось внимание со стороны бунтующих и инакомыслящих элементов в профсоюзах, а это само по себе вызывало обвинение в попытках внести раскол в движение. В Германии на съезде в Галле с большой резкостью в адрес Зиновьева и Лозовского прозвучали обвинения в расколе профсоюзов. Однако эти обвинения не произвели большого впечатления на Москву, где все еще предполагалось, что овладение мировым профсоюзным движением является лишь вопросом времени. 9 января 1921 г. ИККИ решил созвать 1 мая международную конференцию с целью основания Красного Интернационала профсоюзов. Приглашение было адресовано всем союзам, выступавшим против Амстердама (как и приглашение на учредительный конгресс Коминтерна было направлено всем партиям и группам, выступавшим против Второго Интернационала); оно было послано совместно от имени ИККИ и Межсовпрофа⁴³. Позже ее созыв был отложен до июля 1921 г. с целью

совмещения ее с работой III конгресса Коминтерна. Тем временем Лозовский воспользовался созывом IV Всероссийского съезда профсоюзов в мае 1921 г., чтобы произнести длинную речь в поддержку планируемого Интернационала профсоюзов, в ходе которой он утверждал, что союзы, представляющие свыше 14 млн. рабочих, верны Межсовпрофу, и съезд принял по этому поводу соответствующую резолюцию. Основной темой как выступления, так и резолюции был исход борьбы за господство в международном профсоюзном движении, исходя из лозунга: «Москва или Амстердам»⁴⁴. На этом съезде высшей точки, вероятно, достигла уверенность в осуществимости проекта привязывания мирового профсоюзного движения к новому центру в Москве. Во время съезда среди общего энтузиазма было объявлено, что один делегат передал золотое кольцо «для бастующих английских рабочих» (это был период первой крупной послевоенной забастовки британских горняков), и съезд прогласовал передать «бастующим углекопам Англии» 20 тыс. фунтов стерлингов из фондов Всероссийского Центрального Совета профсоюзов⁴⁵. На III конгрессе Коминтерна месяцем позже Зиновьев вновь обрушился с нападками на МФП как «последнюю баррикаду международной буржуазии» и перечислил задачи предстоящего I конгресса Профинтерна: лучшим образом разоблачить «истинный характер Амстердамского Интернационала», определить практическим путем отношения между революционными профсоюзами и партиями в каждой стране и точно определить «отношение Коммунистического Интернационала к Красному Интернационалу профсоюзов»⁴⁶.

Конгресс, основавший Профинтерн, который открылся 3 июля 1921 г., собрал 380 делегатов (из них 336 с правом решающего голоса) из 41 страны, которые, как утверждалось, представляли 17 млн. из общего числа 40 млн. членов профсоюзов всего мира⁴⁷. Но в ходе конгресса вскрылась дилемма, заключающаяся в том, что те, кто наиболее рьяно выступал за создание нового Интернационала, оказались синдикалистами, хотевшими порвать с существующими союзами и требовавшими, чтобы новый Интернационал был полностью независим от Коминтерна — политического органа; эти взгляды были выражены на конгрессе Билли Хейвудом от имени организации «Промышленные рабочие мира», а также французскими и испанскими делегатами. Однако выступления Зиновьева и Лозовского привели конгресс к порядку, и Профинтерн был должным образом создан в соответствии с директивами Межсовпрофа. Его провозглашенная функция заключалась в том, чтобы противодействовать «интернационалу бессилия, путаницы и прислужничества перед буржуазией, каковым является желтый Амстердамский интернационал»; первым условием членства была «пропаганда и агитация идей революционно-классовой борьбы». Вообще говоря, было утверждено правило о том, что профсоюзы должны порвать с МФП, прежде чем присоединиться к Профинтерну. Но в некоторых странах, где основные профсоюзные ор-

ганизации оставались верными МФП, для них было разрешено присоединение к Профинтерну, не порывая при этом своей связи со старой организацией⁴⁸. Это разрешение, по-видимому, широко использовалось, и Лозовский гордо заявил через два года, несомненно значительно преувеличив, что треть рабочих, связанных с МФП, также связана и с Профинтерном⁴⁹.

Самые противоречивые споры на конгрессе возникли, как оказалось, по вопросу отношений Профинтерна с Коминтерном, причем синдикалисты стойко отстаивали принцип независимости профсоюзов от любой политической организации. Но здесь также решающую роль сыграла расстановка политических сил. Резолюция, предложенная Розмером и Томасом Манном, предусматривала «возможно более тесные связи с III Коммунистическим Интернационалом», которые должны были обеспечиваться путем обмена делегатами между Советом Профинтерна и ИККИ и проведением совместных заседаний двух органов с целью достижения «действительно тесного революционного единства» между красными профсоюзами и коммунистическими партиями всех стран⁵⁰. Устав, принятый конгрессом, предусматривал создание Центрального совета, состоящего из четырех русских делегатов, двух от каждой других основных стран и одного от каждой небольшой страны, и исполнительного бюро в составе семи человек, два члена которого должны были избираться от «стран, где находится местопребывание Красного Интернационала профсоюзов»⁵¹. На конгрессе были делегаты из Японии, Китая, Кореи и Индонезии, и он принял резолюцию, настойчиво предлагающую «рабочим Ближнего и Дальнего Востока» вступать «в ряды Красного Интернационала профсоюзов»⁵². Различие между Амстердамским интернационалом, в котором были представлены почти исключительно европейские рабочие, и Профинтерном, который широко распахнул свои двери для рабочих из «колониальных» стран, приобрело важное значение позже.

Другой организацией, судьба которой явилась примером трудного выбора — между международной поддержкой масс и централизованным контролем из Москвы, — с которым столкнулся III конгресс Коминтерна, стал Коммунистический Интернационал Молодежи. Эта организация не была, подобно Профинтерну, непосредственным детищем Коминтерна, а имела свою собственную историю. Социалистический Интернационал Молодежи существовал до 1914 г. и на конференции в Берне в апреле 1915 г. занял пацифистскую и антивоенную позицию. Одиннадцать номеров его журнала нерегулярно выходили в свет в Цюрихе между сентябрем 1915 г. и маем 1918 г., причем среди его авторов были Ленин, Зиновьев, Троцкий, Коллонтай, Радек, Анжелика Балабанова, Либкнехт и другие последователи Циммервальдского движения⁵³. После войны организация переехала в Германию и на конгрессе в Берлине в ноябре 1919 г. благодаря энергичным усилиям ее президента Вилли Мюнценберга объявила себя Коммунистиче-

ским Интернационалом Молодежи⁵⁴. В его программе утверждалась независимость этой организации, но в то же время ее политическая активность должна была согласовываться с программой Коминтерна или соответствующих национальных партий, входивших в Коминтерн⁵⁵. Мюнценберг присутствовал на II конгрессе Коминтерна, но ему не удалось вызвать в нем дискуссию по молодежному движению⁵⁶. Несмотря на эту неудачу, Коммунистический Интернационал Молодежи продолжал функционировать и процветать; согласно утверждениям Мюнценберга, в первый год своего существования он представлял 45 национальных молодежных организаций и 800 тыс. членов⁵⁷, а когда он созвал II конгресс в Иене 7 апреля 1921 г., ИККИ неожиданно осознал важность этой квазинезависимой коммунистической организации. Официальный журнал Коминтерна начал характеризовать этот конгресс как событие «громадного значения» и «могучей демонстрацией коммунистического движения»⁵⁸. Но 1 апреля 1921 г. ИККИ направил секретариату Коммунистического Интернационала Молодежи письмо, в котором безапелляционно приказывал ему рассматривать предстоящие прения в Иене как «не носящие обязательного характера» и перевести конгресс в Москву, где он мог проводить заседания одновременно с III конгрессом в июне⁵⁹.

Секретариат этому решению подчинился. Мюнценберг удостоился места в ИККИ и присутствовал на III конгрессе в качестве его члена. Пренебрежение, проявленное на II конгрессе, не повторилось. Признание важности Коммунистического Интернационала Молодежи было сделано Зиновьевым в его общем докладе, а половина одного заседания была посвящена обсуждению дел в этой организации, в ходе которого Мюнценберг выступил со страстным заявлением о преданности коммунистической партии, Коминтерну и Москве⁶⁰; резолюция о статусе Коммунистического Интернационала Молодежи была категоричной по этому вопросу: «Политическое влияние и руководство в интернациональном масштабе может принадлежать только Коммунистическому Интернационалу, а в отдельных странах — секции его в данной стране.

Долг коммунистической организации молодежи подчиниться этому политическому руководству (программа, тактика и политические директивы) и влиться в общереволюционный фронт...

Коммунистический Интернационал Молодежи является частью Коммунистического Интернационала и как таковой подчиняется всем постановлениям конгресса Коммунистического Интернационала и его Исполнительному комитету»⁶¹.

II конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи собрался сразу же после конгресса Коминтерна. То, что сопротивление и критика имели место, подтверждается тем фактом, что Ленин лично вмешался, чтобы примирить противоречивые мнения⁶², и что Троцкий появился на конгрессе с тем, чтобы защитить Коминтерн от обвинений в подчинении интересов мировой

революции интересам Советской России⁶³. Но трудности были преодолены, согласие достигнуто, а штаб-квартира Коммунистического Интернационала Молодежи переведена в Москву⁶⁴. Последующие конгрессы Коммунистического Интернационала Молодежи проводились в Москве одновременно с конгрессами Коминтерна. Еще раз был сделан шаг, который поддержал централизованную дисциплину Коминтерна за счет потери независимости в такой степени, которая была существенно необходима для поощрения массовых движений. Возможно, что это было лишь чисто случайным совпадением, но после конгресса Мюнценберг был переведен на другую работу⁶⁵.

Как Профинтерн, так и Коммунистический Интернационал Молодежи являлись особыми коммунистическими организациями, и кампания вовлечения их в рамки всеобъемлющей власти дисциплины Коминтерна оказалась непреодолимым искушением. Это требование сводило в основном к нулю цель создания канала подхода к некоммунистическим сторонникам, которую эти организации вначале намеревались осуществить. Но какой-то подход все же был необходим, и после завершения работы III конгресса была предпринята попытка наладить его через ряд организаций, в принципе связанных с коммунистическим движением общими целями, но свободных в то же время от строгих требований доктрины и дисциплины. Статус «попутчиков», который вошел в обиход в советской литературе после введения НЭПа, был, таким образом, перенесен и на область международного коммунизма. Первый толчок к этому, по-видимому, произошел почти случайно по причине чрезвычайного положения, вызванного голодом в России. Под руководством изобретательного и неутомимого Мюнценберга в Берлине 12 сентября 1921 г. было создано общество Международной рабочей помощи (МРП). Его первоначальной функцией было создание противовеса со стороны левых сил и щедрой помощи, оказываемой Советской Россией АРА и другими буржуазными учреждениями для уменьшения ужасных последствий голода. Немецкие рабочие стали работать сверхурочно и посылать дополнительные количества промышленных и потребительских товаров в Советскую Россию; позже был проведен сбор денежных средств для советских рабочих и размещен заем, а МРП начало распространение популярной и пропагандистской литературы в Советской России⁶⁶. В своем докладе на ИККИ в марте 1922 г. Мюнценберг назвал МРП «первой практической попыткой создания объединенного фронта». Он утверждал, что к концу января 1922 г. было собрано 200 млн. марок от рабочих или коммунистических партий, главным образом в Германии, Швейцарии и Голландии, и что за 70 тыс. голодающих в России был организован уход на станциях МРП по оказанию помощи голодающим в России. Помощь в узком смысле дополнялась содействием в общей экономической реконструкции посредством поставок машин и оборудования, посылки иностранных рабочих. «То, что мы должны

предоставить русским сегодня, сводится к интенсивной производительности труда и формам организации труда западноевропейских и американских рабочих»⁶⁷. Позже под руководством МРП действовали тракторные станции и даже совхозы, работавшие с привлечением иностранных машин и иностранных рабочих. Эта организация имела двойную цель, как это уже указывалось в резолюции IV конгресса Коминтерна, содействуя росту солидарности с Советской Россией среди рабочих и достижению «реальных экономических результатов»⁶⁸. МРП по-прежнему имела свою штаб-квартиру в Германии, но пользовалась также успехом в других европейских странах, включая Великобританию, где она процветала в течение многих лет под названием «Международная рабочая помощь». В Соединенных Штатах осенью 1921 г. появилась организация «Друзья Советской России», целью деятельности которой являлось предоставление помощи голодающему населению. Примерно в то же время образование группы «Кларте» во Франции рядом известных литературных деятелей, включая Анатоля Франса, Ромена Роллана и Анри Барбюса, служило примером для создания групп «интеллектуальных попутчиков» и в других странах. Другим образованием этого периода явилась «Международная ассоциация помощи революционерам», которая в основном занималась сбором средств в пользу жертв «белого террора». Она также получила одобрение IV конгресса Коминтерна⁶⁹.

В Великобритании была предпринята попытка осуществить уникальный и многообещающий эксперимент под эгидой КПВ. Безработица в ходе кризиса 1921 г. привела к созданию местных комитетов, которые объединились в «Национальное движение безработных рабочих» (НДБР), организатором и духовным лидером которого стал известный коммунист Вал Ганнингтон. Отмечая день окончания первой мировой войны в 1921 г., около 40 тыс. безработных промаршировали к Уайтхоллу, неся венок с эмблемой серпа и молота, имевший надпись: «Жертвам капитализма, отдавшим свои жизни во имя Ренты, Процентов и Прибыли, от оставшихся в живых в мирное время, которые несут большие лишения, чем мертвые от дьявольской тройцы»⁷⁰.

На следующий год в рамках профсоюзов появилось «Национальное движение меньшинства», которое выполняло среди рабочих те же функции, что и возглавляемые и инспирируемые коммунистами группы «Джингер», действовавшие среди безработных НДБР⁷¹. Эти организации оказались лишь первыми среди нескольких других организаций, с помощью которых малочисленная Коммунистическая партия Великобритании вначале пыталась с успехом, который вскоре был сведен к нулю из-за политических затруднений, достигнуть влияния на массы английских рабочих.

Эти меры сотрудничества и проникновения, принятые во исполнение лозунга III конгресса Коминтерна «К массам!», были достаточно обещающими, чтобы способствовать появлению более четких контуров новой доктрины. Изменение установок ста-

до ясным в декабре 1921 г., когда ИККИ опубликовал 25 тезисов о «едином рабочем фронте»⁷². Эти тезисы свидетельствовали о наличии сдвига влево и о растущем доверии к коммунистам среди рабочих масс, которые «в целом питают небывалую еще тягу к единству». Таким образом, существует возможность «более широкого и полного единства *практического действия*»; коммунистические партии и Коминтерн в целом призывались к «*поддержке лозунга единого рабочего фронта* и взятию в этом вопросе инициативы в свои руки». Однако при этом были сделаны некоторые оговорки. Коммунистические партии должны были сохранять не только свою полную организационную и идеологическую независимость, но также всегда «высказывать свое мнение о политике всех без исключения организаций рабочего класса». Было упомянуто, что большевики в их борьбе с меньшевиками, а о таких прецедентах всегда помнили большевики, однажды взяли на вооружение лозунг «*единства снизу*». Это открывало путь для нападков на лидеров других рабочих и социал-демократических партий; и тут же было отмечено, что «*вожди II, II 1/2 и Амстердамского Интернационалов своим поведением до сих пор доказали, что, когда вопрос идет о *практических действиях*, они на деле отказываются от своего лозунга единства*». Поэтому провозглашение «единого рабочего фронта» таило в себе с самого начала элемент двусмысленности. Другие партии призывались присоединиться к «единому фронту». Но рассматриваемое единство ограничивалось практическими действиями в достижении определенных общих целей. Оно не означало отказ от тех коммунистических целей, которые не разделялись некоммунистическими партиями, или от псыток натравить эти партии на своих лидеров. Что касается лидеров, то поддержка их в соответствии с политикой Ленина по принципу «как веревка поддерживает повешенного» еще считалась хорошей.

Осуществление тактики «единого фронта» приводило Коминтерн к уникальному и неутешительному эксперименту, который являлся не чем иным, как попыткой образовать «единый фронт» со Вторым Интернационалом. Еще в апреле Британская независимая лейбористская партия (НЛП) обратилась к Швейцарской социалистической партии с планами возрождения нового, широко доступного для всех Интернационала⁷³. Год консультаций привел не к реализации этой цели, а к созданию на конференции, состоявшейся в Вене в феврале 1921 г.⁷⁴, еще одного Интернационала, который бойкотировался двумя другими Интернационалами. Это было Международное рабочее объединение социалистических партий, широко известное как «Венский союз», которое его противники окрестили как 2 1/2 Интернационал; это название прочно пристало к нему, 2 1/2 Интернационал явился попыткой возродить в международном движении группу «Центр», которая выступала против войны, но отказывалась принимать все послед-

ствия национального пораженчества и социальной революции и которая, как и Циммервальдское большинство, была объектом яростных нападок Ленина⁷⁵. Окончание войны оставило его без всякой платформы, за исключением добродушного пацифизма и желания найти свое место между двумя воюющими Интернационалами; он так никогда и не обрел независимой политики или своей собственной позиции. Но когда в начале 1922 г. он предложил созвать общую конференцию организаций рабочих всего мира, Коминтерн, первоначально испытывая состояние энтузиазма после выработки своей политики «единого фронта», страстно принял это предложение. Расширенный пленум ИККИ в феврале 1922 г. приветствовал этот проект от имени всех коммунистических партий и предложил пригласить на эту конференцию профсоюзы независимо от того, входят ли они в Амстердамский интернационал или в Профинтерн, а также неприсоединившиеся синдикалистские союзы; он торжественно заявил, что обеспечение «единства выступления рабочих масс» могло быть тотчас же создано, «несмотря на принципиальные политические различия во мнениях»⁷⁶. Второй Интернационал оказался гораздо более осторожным, и соглашение могло быть достигнуто только на предварительном заседании делегатов трех Интернационалов.

2 апреля 1922 г. это странное собрание начало свою работу в здании рейхстага в Берлине. В делегации Второго Интернационала преобладала группа из Великобритании, состоявшая из шести человек, возглавляемая Рамсеем Макдональдом; второй по значению шла бельгийская группа во главе с Вандервельде. Делегацию 2 1/2 Интернационала возглавляли австрийцы Адлер и Бауэр, и она состояла из лиц разных национальностей, включая Лонгэ из Франции, двух русских меньшевиков, Мартова и Абрамовича, и Воллхеда из британской НЛП⁷⁷. В делегацию Третьего Интернационала входили Бухарин и Радек из Советской России, Клара Цеткин из Германии и несколько других менее заметных фигур. Германия была единственной страной, которая имела представителей во всех трех делегациях. На конференции был также допущен Серрати — делегат Итальянской социалистической партии, которая не примыкала ни к одному из трех Интернационалов.

Мало кто мог ожидать каких-либо значительных результатов от этого так неудачно подобранного собрания. То, что было достигнуто, а фактически — очень мало, явилось почти полным результатом страстного желания делегации Коминтерна обрести некоторое единство взглядов и позиций, уплатив за него почти любую цену. Заседание открылось тщательно составленным заявлением Клары Цеткин, в котором предлагалось созвать конференцию представителей всех трех Интернационалов и всех профсоюзов. В повестку дня должны были входить вопросы «помощи в реконструкции Российской Советской Республики» и проблемы, связанные с «Версальским договором и реконструкцией разорен-

ных районов». Ответное выступление Вандервельде было весьма провокационным. Возражая против вынесения на обсуждение предложенной конференции вопросов о репарациях или о Версальском договоре, он указал на три вопроса, по которым Второй Интернационал потребовал гарантий, прежде чем соглашаться на созыв какой-либо конференции: образование коммунистических ячеек в рабочих организациях, свержение меньшевистского правительства в Грузии «большевистским империализмом» (Церетели, грузинский меньшевик, был членом делегации Второго Интернационала) и предстоящий суд над эсерами в Москве. Вандервельде, как бывший социалистический сторонник войны и как социалистический министр в буржуазном коалиционном правительстве, был в высшей степени уязвим, и Радек вставил в свою речь против него, а также против Рамсея Макдональда, который выступил позже в более мягкой форме, несколько острых и эффективных реплик. Но если оставить их в стороне, «образование ячеек» (обязанное изобретению специального французского слова — «pouaутage») было действительным предметом спора. Старый вопрос о временном сотрудничестве в достижении определенных целей между закоренелыми врагами вновь повис в воздухе, и более близкого подхода к взаимопониманию не прослеживалось. Рамсей Макдональд выразил недовольство, что Третий Интернационал пытается «использовать привлекательные слова для сближения нас с ним, с тем чтобы его удары по нам могли бы быть более смертельными». Серрати, который, к удивлению всех, встал на защиту Коминтерна, искусно указал, что Второй Интернационал без затруднений во время войны вошел во временное сотрудничество с Клемансо, а что касается «pouaутage», то он полагал, что сильное, «здоровое движение не должно бояться отравы». Более прямой подход Радека снял эту проблему совсем:

«Мы не доверяем партиям Второго Интернационала; мы не можем выдумать это доверие. Но, несмотря на это, мы говорим: вопрос не состоит в том, доверяем ли мы друг другу; рабочие требуют общей борьбы, и мы говорим: «давайте начнем ее!»⁷⁸

В этой атмосфере бескомпромиссности ничто не могло спасти это собрание от крушения, кроме непоколебимой решимости Радека избежать окончательного разрыва. После вступительного заявления Клары Цеткин ни один из делегатов Коминтерна не взял слова, за исключением Радека, который выступал с длинными речами дважды. Но его публичная полемика сочеталась с чрезвычайно примирительным поведением за кулисами. Возможно, Радек был единственным присутствующим на этом собрании, знавшим о продвинувшихся далеко вперед переговорах между советским и немецким правительствами, которые привели спустя десять дней после берлинской встречи к Рапалльскому договору, и он настойчиво требовал совместного осуждения Версальского договора. Но Вандервельде упрямо защищал интересы своей стра-

ны в вопросе о договоре и репарациях, и по этой проблеме, как почти и по любой другой, Радек вынужден был уступить, чтобы предотвратить неизбежный разрыв. Поздно вечером 5 апреля 1922 г. была принята совместная резолюция. Она учредила объединенный организационный комитет из девяти членов (по три от каждого из трех Интернационалов) для подготовки «дальнейших конференций» и проведения переговоров между Амстердамским интернационалом профессиональных союзов и Красным Интернационалом профессиональных союзов. Конференция отметила заявление, сделанное Коминтерном о том, что эсерам на суде в Москве позволят выбирать своих защитников, что суд будет публичным, представителям всех трех Интернационалов будет разрешено присутствовать на нем и что не будет вынесено смертных приговоров. Она поручила организационному комитету получить от трех исполнительных органов «материал... по вопросу о Грузии» и сообщить о нем на будущей конференции. Наконец, согласившись в принципе с желательностью быстрее созыва «общей конференции» левых организаций, она отметила возражение Второго Интернационала относительно созыва такой конференции «в апреле, то есть во время проведения Генуэзской конференции». Тем временем она призвала «рабочих всех стран» организовать немедленные демонстрации для достижения некоторых конкретных целей:

«Восьмичасового рабочего дня»;

«Борьбы против безработицы, которая неизмеримо возросла из-за репарационной политики капиталистических держав»;

«Единого выступления пролетариата против капиталистического наступления»;

«Возобновления всеми странами политических и экономических отношений с Россией во имя русской революции, во имя голодающей России»;

«Восстановления пролетарского единого фронта в каждой стране и Интернационале».

В заключительном выступлении от имени делегатов Коминтерна Радек заявил, что совместная резолюция была принята ими «после больших колебаний» и что их «колебания касались в основном того факта, что Второй Интернационал отказался принять призыв к организации демонстраций рабочих с целью аннулирования Версальского договора»⁷⁹.

Принятие делегацией Коминтерна этой резолюции вызвало немедленную реакцию в Москве. По получении ее текста Ленин опубликовал статью в «Правде» 11 апреля 1922 г. под названием «Мы заплатили слишком дорого». Обязательства допуска представителей всех трех Интернационалов на суд над эсерами и невынесения смертных приговоров были неприемлемы; кроме того, другая сторона не сделала никаких уступок. Однако вывод состоял не в том, что тактика «единого фронта» провалилась, а лишь в том, что «буржуазия оказалась в лице своих дипломатов

еще раз искуснее, чем представители Коммунистического Интернационала». С целью поддержания пролетариата «перед натиском наступающего на него капитала», писал в заключение Ленин, «мы тактику единого фронта приняли и проведем ее до конца»⁸⁰. Десятью днями позже «Правда» все еще требовала организации объединенных демонстраций во всех странах союзом «рабочих — коммунистов, анархистов, беспартийных, независимых или рабочих христианских социалистов — против буржуазии»⁸¹. 1 мая 1922 г. впервые в обычных первомайских лозунгах, составляемых Российской коммунистической партией, не было упоминания о мировой революции. Но Ленин был прав, говоря, что уступки Радека ни к чему не привели. Через шесть недель после совещания в Берлине французская, английская и бельгийская партии выразили согласие созвать конференцию для подготовки воссоединения 2 и 2 1/2 Интернационалов без Третьего Интернационала. Когда берлинский организационный комитет собрался впервые 23 мая 1922 г., делегаты Коминтерна объявили о своем выходе из него. Таким образом, этот странный эксперимент в тактике «единого фронта» был прекращен. Позже в этом году остаток Независимой социал-демократической партии Германии воссоединился с Социал-демократической партией Германии, а летом 1923 г. как естественное следствие этого шага 2 1/2 Интернационал был мирно поглощен Вторым Интернационалом.

Применение политики «единого фронта» к конкретным странам натолкнулось на трудности не только вследствие слабости и противоречивости этой политики как таковой, но и вследствие того, что универсальную, как предсказывалось, политику пришлось использовать в чрезвычайно различных национальных условиях. Период после III конгресса был периодом общего замешательства и неопределенности в национальных коммунистических партиях, который являлся показателем упадка престижа и влияния самого Коминтерна. То, что оставалось среди национальных партий единообразным — большая терпимость, проявленная Коминтерном при разборе их дел, — явилось своего рода бархатной перчаткой, надетой ИККИ после III конгресса, контрастировавшей с голой железной руководящей рукой предыдущего периода.

Резолюция по «единому рабочему фронту» и многое другое в политике Коминтерна непосредственно порождались немецкими условиями и немецкими прецедентами. Тактика «единого фронта» была впервые с успехом применена Брандлером в Саксонии во время «капповского путча» и была обобщена в «Открытом письме» в январе 1921 г. Но эта тактика была политикой, более привлекательной для правых, чем для левых элементов в партии. Исключение Леви и «Мартовское выступление» вызвали раскол между правыми и левыми. III конгресс, подтвердив исключение Леви, фактически принял решение в пользу правых: Эрнст Мейер, новый лидер, был старым членом «Союза Спартака» и придержи-

вался традиций Леви. Левая оппозиция в КППГ, которая начала формировываться на III конгрессе, имела своих лидеров в лице Маслова, берлинского члена Центрального Комитета, русского по происхождению, и Рут Фишер, его непосредственной помощницы, которая была самым острым критиком Леви до его исключения⁸². Теперь Коминтерн прежде всего должен был быть озабочен тем, чтобы предупредить дальнейший раскол. Накануне съезда КППГ, который должен был состояться в Йене в августе 1921 г., Ленин написал письмо партии, в котором он предложил, чтобы «Маслова и двух-трех его единомышленников и соратников» послали в Москву «годика на два» с тем, чтобы он был «переварен» русской партией и был вне немецких споров; любой ценой необходимо было поддержать мирный договор между правым и левым крылом КППГ и избегать дальнейших расколов⁸³. Но когда партия не приняла этого намека, в Москве к этому вопросу больше не возвращались. Однако съезд партии в Йене в августе 1921 г. характеризовался сильным сдвигом вправо. Он не только одобрил решения III конгресса Коминтерна, но опубликовал манифест, содержащий требования, едва отличающиеся от требований Социал-демократической партии Германии по таким вопросам внутренней политики, как конфискация собственности бывших правящих семей, возложение груза репараций на богатых и контроль над производством со стороны фабричных советов. Все это составляло радикальную, но не революционную программу. Съезд пошел еще дальше по направлениям, определенным III конгрессом Коминтерна, открыто выступил за политику «единого рабочего фронта»⁸⁴. Это было победой правых, и особенно Брандлера, а Рут Фишер от имени небольшого меньшинства левых напрасно нападала на правых как на ответственных за неудачу «Мартовского выступления» и требовала возврата к «наступлению»⁸⁵. Поэтому, когда ИККИ провозгласил политику «единого фронта» в 1921 г., он лишь обобщил решение, уже ранее принятое КППГ; эта же резолюция также одобрила политику «единого рабочего правительства» для Германии (о других странах в ней не упоминалось)⁸⁶.

Последствия этих решений начали медленно проявлять себя. Сотрудничество с Социал-демократической партией Германии и с остатками Независимой социал-демократической партии и даже образование коалиции органов управления возможно было практически осуществить на уровне местного самоуправления и даже в некоторых немецких землях, а именно в Саксонии, но на уровне общенациональной политики эти решения не могли рассматриваться всерьез. Однако за этим вопросом стояла более широкая проблема отношений КППГ с самим общегерманским государством и с буржуазными правительствами, которые в то время руководили им. После съезда в Йене «Роте фане» заявила, что «рабочие имеют право и обязанность защищать республику против реакции» (явный возврат к позиции, занятой во время «капповско-

го путча») и что правительство Вирта должно решить, «хочет ли оно править с рабочими или против рабочих»⁸⁷. Вывод о том, что рабочие и КППГ, выступающая от их имени, не были безоговорочно враждебными буржуазному немецкому правительству, был поразительным новшеством по сравнению с предшествующей доктриной.

Однако весь спектр последствий обнаружился лишь после подписания Рапалльского договора весной 1922 г. Это явилось для КППГ настоящим сюрпризом, хотя союз с Советской Россией до тех пор был лозунгом, принятым безоговорочно всеми секциями партии, и оппозиция ему была немыслимой. Долгое молчание КППГ по этому вопросу и нейтральный характер нескольких заявлений указывали на возникшие затруднения. «Роте фане», приветствуя Рапалльский договор спустя два дня после его подписания как договор, давший возможность перехитрить французов и англичан в Генуе, больше не комментировала его в течение шести недель. 29 мая 1922 г., когда договор был представлен в рейхстаг, Фролих, представитель КППГ, поддержал его, сделав при этом довольно недоброжелательные замечания о том, что «действительное содержание этого договора представляет собой не что иное, как простое перечисление фактов, уже существовавших в течение долгого времени», и что те положения, которые «включены в этот Рапалльский договор, являются до настоящего времени не чем иным, как утонченными фразами»⁸⁸. На следующий день «Роте фане» пошла настолько далеко, что оценила этот договор как «первый независимый акт внешней политики немецкой буржуазии с 1918 г.». Однако это едва ли являлось намеком на реальную проблему, поставленную подписанием этого договора. Представление о том, что национальные коммунистические партии не могут при всех обстоятельствах ожидать безоговорочной поддержки Москвы и что краткосрочные интересы местной партии должны иногда быть принесены в жертву долгосрочным выгодам движения в целом, которое связано с защитой и укреплением Советской республики, стало уже хорошо знакомым, особенно на Среднем Востоке. Но принцип баланса сил в Европе, сознательно или несознательно перенесенный на советскую политику Рапалльским договором, означал, что среди наиболее передовых коммунистических партий мира позиции и политика будут различными в зависимости от того, будут ли правительства соответствующих стран находиться во враждебных или дружеских отношениях с Советским правительством, и их политика должна будет время от времени изменяться, чтобы учесть перемены в этих отношениях. Потребовалось много времени, чтобы эти последствия полностью проявились, и, конечно, они не были осознаны теми, кто участвовал в разработке Рапалльского договора весной 1922 г.⁸⁹

Тем временем основной узел противоречий с КППГ летом 1922 г. заключался не в Рапалльском договоре, а в так называе-

мой «кампании Ратенау». Убийство Ратенау 24 июня 1922 г. членом националистической организации, последовавшее за подобным же убийством Эрцбергера в августе 1921 г., по-видимому, явилось соответствующим моментом для применения тактики «единого фронта» с другими левыми партиями под знаменем защиты республики от реакции. Но Социал-демократическая партия Германии не проявила большого желания к совместному выступлению; ее кампания ограничилась лишь несколькими довольно неэффективными уличными демонстрациями, оставив для истории лишь взаимные обвинения правого и левого крыла КППГ и вызвав упрек партии со стороны ИККИ за то, что она не осознала, что «единый фронт никогда, никогда, никогда не должен устранять независимость нашей агитации», — еще одно проявление двусмысленности этой формы тактики⁹⁰. Примерно в то же самое время соглашение, подписанное КППГ с СДПГ и профсоюзами, в рамках которого были взяты обязательства оказывать поддержку профсоюзам в их борьбе с предпринимателями, было горячо одобрено правым крылом партии как средство подхода к массам и завоевания их поддержки и подвергнуто нападкам со стороны левых как дальнейший отход от революционного пути. Личная вражда усугубила горечь разногласий, которые особенно усилились с конца 1921 г. и продолжались вплоть до IV конгресса Коминтерна в Москве⁹¹.

Положение во Французской коммунистической партии было более сложным, при том что степень ее независимости была большей. Но как бы сильно ни испытывалось терпение Коминтерна, новая политика, направленная на преодоление раскола, осуществлялась в Москве с твердой решимостью. На недостатки французской партии не было обращено большого внимания на самом III конгрессе, но они стали предметом длинного письма, адресованного ИККИ Исполнительному комитету французской партии после завершения конгресса. Слабость парламентской работы партии, ее неспособность проникнуть в профсоюзы, отсутствие дисциплины, проявленное ее прессой, и слабость центральной организации — все это было подвергнуто критике; прежде всего было заявлено как «безоговорочно необходимое осуществление связи между ИККИ и комитетом на более регулярной основе и в течение более коротких промежутков времени»⁹². Это было плохо воспринято.

Инициатором этих нападок был, по всей видимости, Суварин, член Исполнительного комитета французской партии, который, однако, проживал в Москве с 1920 г. в качестве члена ИККИ от Франции и которого, как полагали, легко склонили к точке зрения, принятой ИККИ; его русское происхождение придавало этой критике резкость и остроту⁹³. Накануне созыва съезда французской партии, который состоялся в Марселе в конце декабря 1921 г., пришло новое письмо ИККИ, содержащее предостережение и инструкции, на этот раз написанное язвительным пером

Троцкого. В нем содержалось приветствие Коминтерна его «французской секции» и одновременно выражалось недовольство, что «французская партия всегда стояла далеко в стороне от жизни Интернационала»; также был выражен протест против равнодушия, проявляющегося в грубых нарушениях дисциплины со стороны партийной прессы⁹⁴. Это письмо почти не изменило господствующую точку зрения партии, которая возмущалась по поводу вмешательства Москвы. Съезд в Марселе проходил достаточно тихо, когда он обсуждал абстрактные вопросы идеологии. Но когда он приступил к выборам Исполнительного комитета, страсти разгорелись, и непопулярный Суварин не прошел в его состав. Это событие было правильно истолковано как демонстрация против ИККИ и всей его работы. Четыре преданных члена комитета, которые были переизбраны, подали в отставку в знак протеста, и съезд завершил свою работу шумно и беспорядочно⁹⁵. Положение не улучшилось, когда после завершения съезда Исполнительный комитет получил резолюцию ИККИ, призывающую партию принять политику «единого фронта». Во Франции, где коммунисты в то время представляли самую большую партию левых, призыв к «единому фронту», какова бы ни была его полезность в других странах, не имел никакого смысла, и любой намек на единое рабочее правительство напоминал о прошлом скандале, всегда вызывавшем глубокое возмущение у французских левых, с социалистами, чьи честолюбивые замыслы привели их к министерским постам в коалиционных правительствах. Поэтому новый Исполнительный комитет под руководством Фроссара получил популярность, когда, не прельщаясь перспективой сотрудничества с теми коммунистами, которые потерпели поражение и были исключены лишь год тому назад в Туре, он выразил точку зрения, что новая тактика неприменима для Франции. В спешном порядке была созвана специальная конференция партийных делегатов, и 22 января 1922 г. она значительным большинством одобрила позицию комитета⁹⁶.

Положение было напряженным, когда в Москве в феврале 1922 г. состоялся расширенный пленум ИККИ. От французской партии прибыло четыре делегата (хотя и не сам Фроссар), и они проголосовали против тактики «фронта». Троцкий в осуждающем выступлении выразил недовольство в связи с тем, что старое обвинение, сделанное в адрес Коминтерна на III конгрессе, в том, что он тормозит мировую революцию, чтобы «заключить сделку с буржуазией Запада», «вновь выдвигается в связи с единым фронтом»⁹⁷. Но ни одна из сторон не была готова к тому, чтобы довести этот вопрос до открытого разрыва. Французские делегаты, будучи забаллотированы (только итальянцы⁹⁸ и испанцы разделили их точку зрения), заявили, что они примут волю большинства, и ИККИ не настаивал на ответных мерах или санкциях. 4 марта 1922 г. в искусно составленной резолюции ИККИ были еще раз перечислены шесть основных недостатков, которые рас-

смагивались как «пережитки прошлого в некоторых группах партии». Было принято во внимание заявление французской делегации о ее намерениях навести порядок в партийной печати и восстановить четырех членов, которые подали в отставку из Исполнительного комитета после марсельского съезда, и ничего не было сказано о Суварине⁹⁹. В качестве назидания для партийной прессы Анри Фабр, редактор непокорной «Народной газеты», был исключен из партии¹⁰⁰. Но кроме этой единственной санкции, решения, принятые в Москве, не оказали никакого влияния на развитие событий во Франции. Так называемая партийная пресса оставалась по своему характеру и высказываемым оценкам, как и прежде, эклектической, и политика «единого фронта» все еще подвергалась яростным нападкам в рамках партии по той еретической причине, что она не могла рассматриваться как обязательная до тех пор, пока она не будет одобрена на следующем конгрессе Коминтерна. В мае 1922 г. Париж был предан еще одной анафеме ИККИ¹⁰¹, и еще одна сессия расширенного пленума состоялась в июне в Москве. На этот раз Фроссар сам был вынужден приехать в Москву. Первоначальные угрозы Троцкого на сессии оказались более жесткими, поскольку этого требовали нехватка времени и личное присутствие главного преступника. Но это лишь подчеркнуло элемент комедии в «dénouement»*, которая явилась лишь повторением предостережений, обещаний и взаимных комплиментов февральской резолюции¹⁰². Единственным новым пунктом, который возник в ходе московской дискуссии, стало решение о созыве съезда французской партии в октябре до проведения конгресса Коминтерна в ноябре.

Съезд Французской коммунистической партии, состоявшийся в Париже в октябре 1922 г., явился отличной иллюстрацией методов работы Коминтерна с национальными партиями и политики примирения и компромисса, проводившейся в тот период. 13 сентября в период подготовки съезда ИККИ послал Центральному комитету Французской коммунистической партии письмо, содержащее предостережения и призывы¹⁰³. Два делегата Коминтерна — Эмбер-Дро и Мануильский — прибыли в Париж задолго до начала работы съезда для проведения переговоров с воюющими фракциями, а на самом съезде также появились делегаты из Коммунистических партий Германии и Великобритании с целью поддержания авторитета Коминтерна. Два представителя Москвы, и особенно находчивый Мануильский, сунулись в проекты компромисса между правыми и левыми фракциями и, несомненно, были больше заинтересованы в достижении соглашения, чем в одержании победы левых. Окончательно принятое предложение, сделанное в ходе самого съезда, когда все другие потерпели неудачу, состояло в том, чтобы устранить паритет между правыми и ле-

* Dénouement (фр.) — развязка. — *Прим. ред.*

выми во всех партийных органах с решающим голосом делегата ИККИ в случае возникновения спора. Это, естественно, устраивало левых, но было отклонено правыми в пользу предложения решить вопрос о составе партийных органов простым голосованием на съезде. Таким образом, этот вопрос превратился в вопрос выбора между автономией французской партии и принятием арбитража со стороны ИККИ в случае споров. Решающее голосование принесло небольшой перевес правым. Однако даже в этот момент инструкции ИККИ, направленные на примирение любой ценой, не теряли своей силы. Левые получили указание Мануильского примириться с этим решением и занять любые посты, которые большинство предложило им. Но это указание не учло характера правых. Одержав победу благодаря искусному ведению съезда, Фроссар задумал полностью использовать его. Все посты во всех партийных органах заняли кандидаты правых. В конце съезда левые оказались лишенными всех постов, оставшись рядовыми членами партии. Когда IV конгресс Коминтерна собрался в Москве в ноябре 1922 г., разрыв между ними и французской партией казался неизбежным и немедленным. Но угроза пришла не от непримиримости ИККИ, а от очень незначительного большинства в самой партии¹⁰⁴, и вся проблема свелась к желанию Коминтерна занять менее твердую позицию по сравнению с позицией, одобренной национальной партией.

В Великобритании положение казалось особенно благоприятным для тактики «единого фронта». Нигде в Европе марксизм не терпел такие очевидные неудачи в вопросе проникновения в рабочее движение; и одновременно нигде больше не проявлялось такое большое сочувствие к Советской России — сочувствие, которое вылилось не только в движение протеста в масштабе всей страны против помощи врагам советского режима, но и в постоянное стремление британских профсоюзов к заключению соглашений с русскими профсоюзами и Профинтерном. Результатом явилось сосуществование небольшой коммунистической партии и огромной армии сторонников Советской России, чья поддержка по определенным вопросам не означала какого-либо намерения принять партийную идеологию или дисциплину. Сотрудничая со сторонниками, КПВ, по-видимому, смогла осуществлять влияние на политику Великобритании, совершенно не пропорциональное незначительному числу ее членов. К сожалению, ее рождение повлекло за собой другую ориентацию.

Отклонение ее требования о присоединении к лейбористской партии вызвало большое озлобление против лейбористских лидеров, и, когда в марте 1921 г. Рамсей Макдональд, чья пацифистская деятельность не позволяла ему баллотироваться в палату общин с 1918 г., выставил свою кандидатуру на дополнительных выборах в Вулвиче, КПВ, полностью уверовав, что Макдональд является британским Каутским или британским Шейдеманном, послала своих лучших ораторов в этот избирательный округ для

нападок на него. В нем не было коммунистического кандидата. Но КПВ после доверительно утверждала, что кампания стоила Макдональду его места, которое досталось консерватору, победившему с небольшим перевесом в голосах.

На других дополнительных выборах в Керфилде в августе 1921 г. КПВ впервые выдвинула своего кандидата, и, хотя в результате он очутился в конце избирательного списка, оскорбления коммунистическими ораторами лейбористских лидеров вылились в еще большую враждебность. Поэтому, когда на III конгрессе Коминтерна летом 1921 г.¹⁰⁵ была выработана новая линия на примирение, которая в дальнейшем была подтверждена в декабре в резолюции ИККИ о «едином фронте», необходимо было восстановить многие утраченные позиции и вернуть назад много высказанных слов. Осенью 1921 г. в двух подряд вышедших номерах официального журнала Коминтерна были помещены статьи, написанные Михаилом Бородиным, русско-американским коммунистом, ставшим сотрудником аппарата Коминтерна¹⁰⁶. В них он критиковал КПВ за ее неугачи в распространении своего влияния на массы или на профсоюзы¹⁰⁷. В течение 1922 г. КПВ в качестве жеста примирения сняла всех коммунистических кандидатов в выборных округах, в которых также баллотировались кандидаты лейбористской партии, даже там, где коммунисты занимали ведущие позиции¹⁰⁸. Но это имело небольшое значение; лейбористская партия на своем ежегодном съезде в Эдинбурге летом 1922 г. еще раз отклонила подавляющим большинством просьбу коммунистов о присоединении. Тем временем была назначена комиссия, состоящая из трех членов — Поллита, профсоюзного деятеля, Палма Датта, молодого интеллектуала индийского происхождения, и Гарри Инкпина, брата секретаря партии, — для подготовки доклада о положении в партии, а Бородин был послан из Москвы для консультаций по работе, связанной с ее реорганизацией¹⁰⁹. Основная проблема КПВ была не такой, как в Германии, где одна часть партии боролась против другой, и не такой, как во Франции, где партия была почти единственной в оппозиции политике, требуемой ИККИ. Проблема заключалась в самой партии, не разделенной серьезными разногласиями и выполнявшей директивы из Москвы, но не имевшей серьезного влияния на политическую жизнь страны, в которой она действует. План реорганизации, разработанный комиссией, направляемой Бородиным, предлагал упразднение свободной «федеральной» структуры партии и реорганизации ее по направлениям, которые в настоящее время считаются ортодоксальными коммунистическими формами централизации и строгой дисциплины. В конце августа 1922 г. Бородин был арестован в Глазго, приговорен к шести месяцам тюремного заключения за незаконный въезд в страну и депортирован¹¹⁰. Этот план был осуществлен на партийном съезде в Баттерси в октябре 1922 г. без дополнительной дискуссии и раскола¹¹¹. Но силы, которые широко выступали в Великобрита-

нии за коммунизм и за Советскую Россию, можно было обнаружить в организациях, не являющихся открыто или специально коммунистическими, в таких, как «Национальное движение безработных рабочих», «Движение национальных меньшинств» в профсоюзах, и даже в таких квазифилантропических организациях, как «Международная рабочая помощь»¹¹², а не в КПВ. Именно эти организации, если вообще какие-либо, могли провести в Великобритании тактику «единого фронта».

Принятие тактики «единого фронта» способствовало уменьшению трудностей, заложенных в концепцию Коминтерна как организации, требующей единой политики и идентичных направлений действия для коммунистических партий всего мира. Один из выводов тактики «единого фронта» заключался в том, что большее значение стало придаваться не подпольной, а легальной деятельности; партии должны были действовать открыто и добиваться союза с другими партиями в достижении ограниченных задач, в то же время прямо провозглашая свои собственные более широкие цели. Но такая политика не могла применяться в тех странах, где коммунистические партии находились по закону под запретом и существовали лишь как конспиративные организации; в течение семи лет, когда тактика «единого фронта» официально пропагандировалась, число этих стран постоянно росло. Практически Германия, Чехословакия и Великобритания явились единственными странами, где были сделаны серьезные попытки применить тактику «единого фронта». В Соединенных Штатах возникло чрезвычайно ненормальное положение. В мае 1921 г. наконец было покончено со скандальным положением с соперничающими коммунистическими партиями и была основана единая Коммунистическая партия Северной Америки при поддержке Коминтерна. Но съезд, основавший эту партию, проходил секретно, и вся деятельность партии была «совершенно нелегальной»¹¹³. Однако, когда было провозглашено решение о «едином фронте», стало необходимым образовать легальную Рабочую партию Америки, членами которой стали американские коммунисты; она вначале дополняла деятельность нелегальной партии, но в конце концов поглотила ее, получив название «„Рабочая” (коммунистическая) партия»¹¹⁴. Но ни легальная, ни нелегальная партии не оказали никакого влияния на американскую политическую жизнь; к ним, по-видимому, не было проявлено никакого серьезного внимания со стороны Москвы, и поэтому роль американской партии в международном коммунистическом движении осталась незначительной и малозаметной.

Через более чем два года Зиновьев, бросив взгляд на историю, с достаточной откровенностью изложил мотивы, которые привели к принятию тактики «единого фронта» зимой 1921/22 г.:

«Тактика единого фронта, в сущности, вначале (т. е. в 1921/22 гг.) явилась выражением нашего сознания того, что, во-

первых, мы все еще не имеем большинства в рабочем классе, во-вторых, что социал-демократия еще очень сильна, в-третьих, что мы занимаем оборонительные позиции, а враг наступает..., в-четвертых, что решающие бои еще не стоят непосредственно в порядке дня. Отсюда мы пришли к лозунгу: к массам. И далее — к тактике единого фронта»¹¹⁵.

Это обеспечивало разумную защиту тактике, принятой Коминтерном ради расширения перспектив мировой революции. Отступление в Коминтерне может быть оправдано подобными же аргументами, которые использовались и при переходе к НЭПу. Настаивание на строгом бескомпромиссном достижении коммунистическими партиями непосредственных революционных целей оказалось столь же гибельным, как и советская политика «военного коммунизма». Конечно, этот аргумент в поддержку тактики «единого фронта» Коминтерна возник независимо от тогдашнего аргумента в поддержку НЭПа. Как сообщает один английский делегат конгресса, «никто из нас не извлек важных выводов относительно будущей политики, вытекающей из введения НЭПа, о котором Ленин упомянул в своем выступлении»¹¹⁶. Но эти два аргумента были выдвинуты одновременно теми же людьми, и причина, в конечном счете ответственная за оба этих отступления, была одна и та же — задержка в победоносном завершении европейской революции. Следовательно, на практике становилось все труднее сохранять теоретическое различие между этими двумя направлениями в политике и двумя наборами аргументов в их поддержку. Зиновьев, таким образом, провел разграничительную линию в своей речи на расширенном пленуме ИККИ в феврале 1922 г.:

«Если бы в 1920 г. Красная Армия Советской России взяла Варшаву, тактика Коммунистического Интернационала теперь отличалась бы от существующей. Но этого не произошло. За стратегической задержкой последовала политическая задержка всего рабочего движения. Российская коммунистическая партия пролетариата вынуждена была сделать значительные уступки крестьянству и частично также буржуазии. Это снизило темпы пролетарской революции, но здесь видна также и обратная сторона: задержка, которую испытал пролетариат западноевропейских стран с 1919 по 1921 гг., повлияла на политику первого пролетарского государства и снизила темпы в России. Поэтому это является двусторонним процессом»¹¹⁷.

С этого времени стало модным ссылаться на тактику «единого фронта» Коминтерна как на неотъемлемую часть НЭПа, и среди иностранных коммунистических партий, которые были непосредственно связаны лишь с первой из этих двух политик, впечатление о том, что действия Коминтерна превратились в образец, частично или главным образом определяемый потребностями Российской Советской республики, получило новое подтверждение. До тех пор пока мировая революция казалась неизбежной, этот

вопрос не вставал. Но когда началось отступление и компромисс и маневрирование встали в повестку дня, постоянно и безрезультатно возникали споры между теми, кто проводил четкое различие между целями и интересами Коминтерна и целями и интересами Советской России, и теми, кто рассматривал такое различие не только как несостоятельное, но и как непостижимое.

ГЛАВА 31

УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ В ЕВРОПЕ

Генуэзская конференция и подписанный в ходе нее Рапалльский договор обеспечили Советской России впервые после 1917 г. надежный статус европейской державы. После приглашения в Геную западные державы могли с ней ссориться, но уже более не могли ее игнорировать. После Рапалло она стала равным партнером другой великой державы — державы, которая также временно переживала упадок и рассматривала договор как путь избавления от изоляции и презрения. Советская дипломатия приобрела более широкие возможности для маневра. Ранее Советское правительство в основном стояло перед выбором между политикой временного умиротворения капиталистических правительств с помощью дипломатических процедур и политикой, характеризовавшейся стремлением к их подрыву и свержению путем революционной пропаганды. В 1922 г. у него появилась новая возможность — в рамках первой политики — обхаживать то одну, то другую капиталистическую группировку, на которые была разделена Европа. Это был курс, который Советское правительство тщетно пыталось проводить в 1918 г. в дни своей крайней слабости. Вторая половина 1922 г. ознаменовалась во внутренней политике кульминацией первого периода НЭПа. Голод 1921 г. был пережит, урожай 1922 г. оказался превосходным, а влияние, оказывавшееся НЭПом, стало ощущаться во всей экономике. В этих условиях сама собой возникла ситуация, при которой компромисс с капитализмом нашел свое выражение как во внешних, так и во внутренних делах. Настала пора консолидации, а не новых авантур. Другим фактором, способствовавшим таким настроениям, явилась болезнь Ленина, с которым в момент завершения Генуэзской конференции случился первый удар, и он на четыре месяца был полностью выведен из строя. Немногие знали о серьезности состояния его здоровья или подозревали, что активный период его жизни фактически закончился (ему шел тогда только 52-й год). Но то, что тогда рассматривалось как временный уход со сцены человека, который столь долго имел последнее слово во всех главных политических вопросах, побуждало следовать устойчивому и безопасному курсу, вырисовывавшемуся, как представляется, весной 1922 г., и избегать радикальных решений. Этот год остался в памяти как на-

именее авантюрный период в международных сношениях Советской России.

В результате Генуэзской конференции в отношениях Советской России с западными державами произошел в некотором роде регресс. Обструкционистская позиция Франции и Бельгии, которую так впервые открыто поощрили Соединенные Штаты, одержала верх над примирительными намерениями британского премьер-министра, положение которого в своей собственной стране соответственно пошатнулось. Во Франции бескомпромиссная политика Пуанкаре находилась на подъеме. В Англии антисоветское крыло коалиции восстанавливало свое влияние. Что касается Советской России, Рапалльский договор позволил ей занять более независимую позицию в отношении западных держав. Однако получение западного капитала по-прежнему являлось главным предметом заинтересованности Советского правительства. Для того чтобы сосредоточить все решения по вопросам концессии в одних руках, был создан соответствующий аппарат — «Главный комитет по делам о концессиях и акционерных обществах» при Совете труда и обороны (СТО)¹. Весной 1922 г. две концессии были предоставлены американцам — на алапаевские асбестовые разработки на Урале и на кемеровские каменноугольные шахты в Кузнецком бассейне; были созданы советско-британская и советско-голландская смешанные компании — «Руссанглолес» и «Руссголландлес» для совместной эксплуатации лесозаготовок². Но капитал, быть может, уже и не являлся столь насущной и абсолютной необходимостью, какой он представлялся в 1920—1921 гг., что позволяло торговаться с большей свободой. Поэтому лето 1922 г. было периодом неясности. Процесс повторного сближения с Великобританией зашел в тупик и было неизвестно, будет ли он возобновлен или опять начнется спад. Этот вопрос был отчасти связан с положением Ллойд Джорджа в британской политике. Если бы он восстановил свои пошатнувшиеся власть и престиж, то политика повторного сближения могла бы быть возобновлена, а если бы он пал, то ухудшение англо-советских отношений стало бы почти неминуемым³. В ходе лета 1922 г. самой важной вехой в этих отношениях явилась Гаагская конференция.

Предложение о Гаагской конференции было сделано и принято в Генуе только лишь в качестве средства спасения лица и выигрыша во времени. Ко дню начала ее работы, 26 июня 1922 г., никаких существенных перемен не произошло, и перспективы соглашения были не лучше, чем шесть недель до этого, когда разъезжались делегаты Генуэзской конференции. В действительности же обстановка даже ухудшилась в связи с тем, что делегации в Гааге возглавлялись второстепенными политическими фигурами. Место Чичерина занял Литвинов, которому помогали Красин и Крестинский. Старшим британским представителем стал глава министерства внешней торговли Ллойд Гримм, олицетворявший интересы большого бизнеса и консервативной партии.

Всякие серьезные попытки достижения результата на конференции были оставлены, когда нерусские делегации решили создать свою собственную отдельную комиссию с тремя подкомиссиями — по частной собственности, по долгам и по кредитам. Литвинов изменил позицию советской делегации в Генуе в двух вопросах: он готов был допустить принцип компенсации за национализированную собственность, но лишь при условии предоставления кредитов, и согласиться с тем, что эти кредиты могли предоставляться не правительствами, а промышленниками или финансистами при условии их правительственной гарантии. Но в каждом случае оговорки, казалось, лишали предполагавшуюся уступку какого-либо реального содержания. В центре внимания опять оказался вопрос о национализированной собственности, по поводу которой французская и бельгийская делегации вновь категорически требовали безусловной реституции или компенсации, в то время как английская и итальянская делегации поигрывали щедрым советским предложением о концессиях. Литвинов выложил перед участниками конференции длинный список статей, по которым могли быть предоставлены концессии иностранным капиталистам⁴. Сопоставление со списком, приложенным к первоначальному декрету о концессиях от 23 ноября 1920 г.⁵, обнаруживает значительные изменения в советских позициях. Теперь концессии предназначались исключительно или главным образом для разработки до тех пор не использовавшихся природных ресурсов. В дополнение к концессиям на лесозаготовки и добычу полезных ископаемых предлагались концессии на большое количество существующих фабрик и сооружений для сахарной, нефтяной и энергетической отраслей промышленности. Список включал в себя много предприятий, тоже являвшихся иностранной собственностью, и отвечал, таким образом, политике использования концессий в качестве средства компенсации потерь бывших иностранных владельцев и кредиторов, начало которой было положено в проекте Уркорта⁶.

Битва за русскую нефть вновь возобновилась за кулисами. Здесь попытки англо-голландской группы получить концессии потерпели полное и окончательное поражение со стороны группы, выражавшей совместные американские, французские и бельгийские нефтяные интересы, которая решила не принимать каких-либо предложений, не предусматривавших полной реституции, и одновременно устроить бойкот советской нефти на всех контролировавшихся ее участниками рынках⁷. Быть может, именно это поражение в конце концов и побудило английскую делегацию оставить свое упорное заигрывание с концессионной политикой и согласиться на включение в итоговую резолюцию конференции франко-бельгийского тезиса о безусловной реституции наряду с рекомендацией правительствам не поддерживать своих подданных в деле приобретения национализированной собственности в Советской России, помимо той, которой они сами ранее владели. Резолюцией также устанавливалось, что любое решение относительно иностранной

собственности, в Советской России могло было быть принято только совместно с правительствами, не представленными на конференции⁸. Бельгийский делегат, внесший эту резолюцию на рассмотрение, многозначительно добавил, что уполномочен заявить о том, что она получила одобрение правительства Соединенных Штатов. Таким образом, скрытая рука Америки, осторожно появлявшаяся на последних стадиях Генуэзской конференции, открыто возникла в Гааге, с тем чтобы одержать верх над политикой примирения с Советской Россией на основе концессий. На предпринятую в последнюю минуту попытку Литвинова спасти конференцию путем выдвижения новых предложений не было обращено никакого внимания. Конференция закончилась 20 июля 1922 г. в атмосфере полного раздора. Литвинов с унылым настроением вернулся в Москву⁹.

Проявление сильной американской озабоченности в отношении нефти на Генуэзской и Гаагской конференциях, казалось, предвещало начало более активной, хотя еще подспудной заинтересованности в советских делах. В июле 1922 г. американский министр торговли Гувер выдвинул предложение о направлении в Россию «технической миссии» в целях изучения имеющихся у нее экономических возможностей, а 1 августа американский посол в Берлине Хоутон обсудил этот проект с Чичериным и Красиным, каждый из которых лично одобрил его¹⁰. Но в Москве преобладали более осторожные намерения. Чичерин в своем официальном ответе от 28 августа 1922 г. выразил готовность «в целях ведения переговоров относительно концессий, торговли или иных экономических вопросов» принять любых американских бизнесменов индивидуально или группами, но вместе с тем ясно указал на то, что «особая экспертная или анкетная комиссия» может работать только на основе взаимности, после чего данный вопрос отпал¹¹. Летом 1922 г. американское правительство наконец признало независимость Эстонии, Латвии и Литвы (что было сделано западными союзниками за 18 месяцев до этого) и свернуло деятельность старого русского посольства в Вашингтоне¹². Но появившиеся во всем мире надежды на то, что эти шаги станут прелюдией к примирению в той или иной форме с Советским правительством, не сбылись. Советско-американские отношения вошли в долгий период безразличия, лишенный каких-либо событий.

Гаагский срыв убедил Советское правительство, что «система конференций пока потерпела провал»¹³. Долгожданное падение Ллойд Джорджа, происшедшее наконец в октябре 1922 г., и продолжавшееся влияние Пуанкаре во Франции были симптомами, предвещавшими более прохладное отношение со стороны западных держав, и исключали вероятность принятия в ближайшем будущем каких-либо важных решений, затрагивающих Советскую Россию. Интересы советской дипломатии переместились в основном на Средний и Дальний Восток, где важными вехами явились Лозаннская конференция и миссия Иоффе¹⁴. Изменчивость советской по-

литики после срыва Гаагской конференции отразилась в подходе к концессии Уркарта. Уркарт присутствовал и в Генуе, и в Гааге и, как представлялось, ожидал, что провал попыток достичь урегулирования на договорной основе заставит Советское правительство тем более стремиться к тому, чтобы его концессионная политика показала себя успешной в конкретном, получившем широкую огласку деле. Его расчеты почти оправдались. Два немецких концерна — крупновский и берлинский Банк Мендельсона — в то время получили долю в Русско-азиатском объединенном обществе¹⁵, и в этих условиях Уркарт наконец 9 сентября 1922 г. подписал в Берлине соглашение с Красиным. Условия соглашения¹⁶ показывали, как много введение и углубление НЭПа сделало для устранения главного препятствия — по новым условиям труда, которые в скором времени должны были быть воплощены в пересмотренном кодексе о труде¹⁷, работодатель имел полную свободу в вопросах найма и увольнения рабочей силы при условии, что его действия не противоречат обычным положениям законодательства об охране труда. Процентное распределение продукции предприятия определялось Советским правительством. Право компенсации за потерю собственности формально не признавалось, но Советское правительство по данному соглашению должно было выплатить компании в качестве «аванса» 150 тыс. фунтов стерлингов наличными и 20 млн. рублей государственными облигациями. Это являлось формой слегка замаскированной компенсации. Ленин рассматривал ее именно как таковую, возвратившись к принципу, что право иностранных кредиторов на компенсацию могло признаваться только в обмен на новые иностранные кредиты. Когда еще шли соответствующие переговоры, он писал, что концессия может быть утверждена «только при условии предоставления нам большого займа»¹⁸.

Соглашение было благоприятно воспринято за границей. Лидер британских лейбористов Клинс написал якобы кому-то в Москву письмо с выражением надежды на его скорое утверждение, которое улучшило бы шансы лейбористской партии на приближавшихся всеобщих выборах¹⁹. В Москве оно получило мощную поддержку, особенно со стороны тех, кто хотел довести НЭП до его логического завершения. Соглашение с Уркартом было подписано в то время, когда Ленин заболел в первый раз. Решение по вопросу об его утверждении явилось почти последним крупным политическим решением в жизни Ленина. Выступив против ратификации, он оказался в Политбюро в одиночестве и якобы трижды менял точку зрения, прежде чем прийти к окончательному решению о необходимости налсжения своего вето, с ксторым, само собой разумеется, согласились его коллеги²⁰. О решении было объявлено в советской печати 7 октября 1922 г.

Отклонено оно было, как представляется, прежде всего по политическим мотивам. Если первоначальным побуждением Ленина было поставить вопрос об утверждении в зависимость от предо-

ставления иностранного займа, то теперь, как он заявил иностранным журналистам, решение об отклонении было вызвано недружественной позицией Великобритании в турецком вопросе и могло быть пересмотрено, если бы эта позиция изменилась²¹. Красин заявил, что отклонение соглашения вызвано «недавними действиями английского правительства в отношении России», «несмотря на всю важность, которую оно имело для экономического развития России»²². С другой стороны, Литвинов довольно низко оценил экономические выгоды соглашения и считал, что его не следовало подписывать, даже «исходя только лишь из экономических выгод». Он объяснял отказ Советского правительства утвердить соглашение изменениями в расстановке политических сил в Великобритании, где «преобладающее влияние» теперь осуществляли те круги, которые «не симпатизировали попыткам Ллойд Джорджа установить нормальные отношения с Россией»²³. Наконец, Ленин в своем последнем публичном выступлении в ноябре 1922 г. высказался в том духе, что главной причиной концессионной политики была политическая и ее целью являлось «дать капиталистам такие выгоды, которые заставят любое государство, как бы оно враждебно ни было по отношению к нам, пойти на сделки и сношения с нами»²⁴.

Однако дело было не только в этом. Отклонение концессии Уркарту, хотя и могло иметь непосредственные и конкретные политические причины, тем не менее свидетельствовало об отсутствии успехов концессионной политики в целом. Эта политика первоначально была задумана в 1918 г. как часть того, что Ленин назвал «государственным капитализмом», то есть системы, при которой частный капитал действовал бы под всеобъемлющим государственным контролем. Такая система прекрасно подходила для НЭПа, а привлечение иностранного капитала, в частности, представлялось жизненно важным элементом любой попытки восстановления международного платежного баланса. Отклонение концессии Уркарту осенью 1922 г. явилось симптомом неспособности достичь этого результата на каких-либо приемлемых для Москвы условиях. На IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. Троцкий справедливо заметил, что до сих пор «было много дискуссий о концессиях, но мало самих концессий», а когда через несколько месяцев Зиновьев на XII съезде партии сделал — в целом оптимистический — обзор ситуаций в данной области, то он смог заявить лишь о существовании восьми смешанных компаний с общим капиталом в 300 тыс. фунтов стерлингов и 17,5 млн. немецких марок и 26 соглашений о концессиях с общим капиталом в 30 млн. золотых рублей²⁵. Эти цифры, даже если они отражали свершения, а не только проекты, были незначительными, и знаменательно, что зарубежной страной, занимавшей первое место в списках как смешанных компаний, так и концессий, была обедневшая Германия. Провал концессионной политики, ставший очевидным зимой 1922/23 г.²⁶, совпал с провалом попыток установления дружест-

венных политических отношений с англоговорящими странами²⁷, поскольку они одни имели значительные резервы капиталов для инвестиций. Последствия этого провала имели два аспекта. С экономической точки зрения он ограничил Советскую Россию ее собственными ресурсами и поставил перед необходимостью решения проблем НЭПа в одиночку точно так же, как она преодолевала проблемы «военного коммунизма»; в этом смысле он явился предлюдией к «социализму в одной стране». С политической точки зрения он был эпизодом в ухудшении отношений между Советской Россией и западными странами, начавшимся в Генуе и Рапалло; в этом смысле в нем отразилась новая политика маневрирования, состоявшая в натравливании Германии на главные капиталистические державы.

Холод в отношениях между Советской Россией и западными державами во второй половине 1922 г., ощущавшийся одновременно с возрастающей теплотой в ее отношениях с Германией, явился первым симптомом привычного для двух последующих десятилетий процесса, в ходе которого ухудшение отношений с одним из двух главных блоков капиталистических держав приводило к соответствующему улучшению отношений с другим. Для советско-германской дружбы месяцы, последовавшие за Рапалло, стали медовыми. Убийство Ратенау в июне 1922 г. было проявлением скорее антисемитизма, чем антисоветизма. Сторонники антисоветской ориентации к тому времени были фактически устранены, и немецкие промышленники рьяно принялись за дело, чтобы воспользоваться возможностями расширявшегося советского рынка. Теперь советская внешняя торговля быстро развивалась — в 1921—1922 гг. импорт возрос с 922,9 до 1181,7 млн. рублей в 1922 г., а экспорт — с 88,5 до 357,4 млн.²⁸ Однако возрастал не только объем советской внешней торговли, но и доля Германии в ней. В 1921 г., являвшемся годом англо-советского торгового соглашения, Советская Россия получила 29% своего импорта из Великобритании и только 25% — из Германии (поставки из которой до 1914 г. составляли почти половину всего российского импорта); в 1922 г. 32,7% советского импорта было получено из Германии и лишь 18,8% — из Великобритании. В том же году интерес немецких фирм к концессиям в Советской России достиг кульминации. На заседании комитета по иностранным делам рейхстага 9 декабря 1922 г. Мальцан доложил, что около 20 немецких фирм подписали соглашения о концессиях с советскими властями²⁹.

Параллельно с этими экономическими соглашениями и отчасти под их прикрытием была приведена в действие секретная военная договоренность, достигнутая еще даже до заключения Рапалльского договора. То, что осуществлялись какие-то мероприятия в области военного сотрудничества, знали или подозревали многие. В рейхстаге, несмотря на настойчивые утверждения рейхсканцлера Вирта о том, что «Рапалльский договор не содержит в себе ни-

какого секретного политического или военного соглашения», депутат от социал-демократов Мюллер продолжал ссылаться на ходившие слухи о таком соглашении³⁰. Английского посла «официально и преднамеренно заверили в том, что вопрос о военных приготовлениях никогда не упоминался между немцами и русскими», и, хотя он знал о существовании «ряда предполагаемых документов, в которых могли затрагиваться подобные вопросы... включая конвенции, контракты на продажу Германией оружия России и т. д., и т. п.», он убедил себя в том, что «большинство из них являлись подделками»³¹. 25 мая 1922 г. между Гаазе и Крестинским начались переговоры об участии рурских промышленников в этих сделках; некоторые промышленники были также готовы предоставить средства для их финансирования. Первое общее соглашение, насколько известно, было подписано в обстановке большой секретности 29 июля 1922 г. в Берлине. Его текст еще не обнаружен³². Отправка немецких офицеров-летчиков на подготовку в Россию, как представляется, началась еще до строительства авиационных предприятий. Уже в сентябре 1922 г. Красин, проезжая через Смоленск, отметил, что на аэродроме было «полно немецких авиаторов»³³. Главой московского отделения «Зондеркоманды Р», курировавшей деятельность всех немецких военных учебных центров и их личного состава в России, стал Нидермайер³⁴. До конца года в Берлине активно продолжались советско-германские переговоры. Вторая встреча между Сектом и Радеком состоялась 19 декабря 1922 г. на квартире у германского военного министра Шлейхера³⁵.

Сферы, на которые распространялось действие договоренностей, достигнутых во второй половине 1922 г. и в следующем году, известны лишь в общих чертах. По контракту, заключенному между Советским правительством и концерном «Юнкерс», предусматривалось производство самолетов и авиационных моторов на подмосковном заводе в Филях³⁶; там же, как, впрочем, и в других местах, открылись авиашколы для обучения немецкого и советского летного составов. В Златоусте на Урале, в Туле, на бывших Путиловских заводах в Петрограде и Шлиссельбурге под руководством инженерно-технического персонала заводов Круппа производились артиллерийские снаряды, часть которых предназначалась для Красной Армии, а часть шла в Германию для рейхсвера. В Казани, очевидно также Круппом, был построен танковый завод с полигонами для подготовки немцев и русских к танковым сражениям. Смешанная германо-советская компания под названием «Берсоль» была создана для налаживания работы на заводе, расположенном примерно в 50 км от Самары, по производству отравляющего газа. Строительство завода началось еще во время войны, но так и не было завершено. Однако настойчивые усилия, предпринимавшиеся с 1923 г., ввести этот завод в действие успехом не увенчались из-за недостатков технологического процесса, разработанного немецкой фирмой «Штольценберг» из Гамбурга.

В конце концов от этого проекта пришлось отказаться³⁷. Из планов, намеченных в меморандуме Коппа в апреле 1921 г.³⁸, сразу же отпал только один: министерство военно-морского флота Германии нашло более эффективные возможности для строительства подводных лодок, которое вначале предполагалось осуществлять на заброшенных российских судоверфях. Оно основало в Гааге подставную компанию, которая размещала заказы на строительство подводных лодок в Голландии, Швеции, Финляндии и Испании. Эти лодки строились под наблюдением немецких военно-морских офицеров и, вероятно, испытывались небольшими немецкими командами. Некоторые из них, как представляется, были поставлены или обещаны Советской России³⁹.

Достигнутое в результате заключения Рапалльского договора укрепление советско-германских отношений, двумя главными аспектами которого явилось двустороннее сотрудничество в экономической и в военной областях, символизировалось прибытием в Москву в ноябре 1922 г. первого, более чем за четыре года, германского посла. Рапалльским договором предусматривалось восстановление полных дипломатических отношений, и в августе 1922 г. Крестинский вручил Эрберту свои верительные грамоты в качестве первого советского посла в Берлине после Иоффе. Соответственное назначение в Москву задержалось в связи с трудностями выбора кандидатуры на этот пост⁴⁰. В конечном счете он пал на Брокдорф-Ранцау, который с декабря 1918 г. по май 1919 г. был министром иностранных дел. В ту пору он был явным врагом не только немецких рабочих и солдатских советов, но и русского большевизма, который он осудил в речи в Веймарской национальной ассамблее 14 февраля 1919 г., особенно отстаивая ту мысль, что, пока Германия была слаба, ей следовало оставаться нейтральной по всем международным вопросам и не пытаться проводить «политику союзов»⁴¹. Он возглавлял немецкую делегацию в Версале, где 7 мая 1919 г. выступил со знаменитой речью протеста в связи с условиями, выдвинутыми государствами Антанты. Затем он подал в отставку, повел кампанию против принятых условий Версальского мира и, потерпев провал, отошел от общественных дел.

Когда три года спустя Брокдорф-Ранцау было предложено назначение на пост посла Германии в Москве, его взгляды оказались до удивительного мало изменившимися с 1919 г. Предложение о направлении в Москву побудило его составить меморандум в адрес президента и канцлера, в котором он изложил свою позицию. «Крайняя невыгодность Рапалльского договора, — писал он, — заключается в тесно связанных с ним опасениях военного характера». Союз Германии с Россией вызвал бы подозрения у англичан и толкнул бы Англию в объятия Франции. «Германская политика, направленная лишь исключительно на Восток, в настоящий момент была бы не только преждевременной и опасной, но также бесперспективной и поэтому обреченной на провал». Участие на стороне Советской России в войне с Польшей подвергло бы

Германию французским ответным мерам и вновь превратило бы ее в поле битвы. Меморандум заканчивался предупреждением, что «еще не наступило время связывать себя военными узами с русскими». Не удивительно, что человек, придерживавшийся подобных взглядов, был сочтен германскими военными кругами, и в частности самим Сектом, неподходящим кандидатом на кресло германского посла в Москве в тот момент. Сект, очевидно получивший экземпляр меморандума Брокдорф-Ранцау только 9 сентября 1922 г., через два дня контратаковал, написав на него длинный ответ. Начав с утверждения о том, что «Германия должна проводить активную политику», он твердо выступил в защиту ее восточной ориентации: «Связи Германии с Россией являются первым и до сих пор единственным путем к восстановлению силы, который мы открыли с момента заключения мира. То, что эти связи начались в экономической области, является естественным для всей ситуации, но сила исходит из того факта, что экономическое сближение готовит *возможность* политических, а затем и военных связей».

Он осторожно выступил в защиту секретных военных договоренностей, целью которых было «помочь созданию промышленности вооружений в России, которая могла бы в случае необходимости быть нам полезной», в связи с чем пожелания русских относительно дальнейшего технического содействия «в плане оборудования и персонала» следовало удовлетворить. Кроме того, «существование Польши являлось нетерпимым», и любое направление в политике должно было учитывать возможность войны⁴². За дальнейшим ходом этого спора проследить не удалось. О назначении Брокдорф-Ранцау было объявлено в конце сентября, через месяц он выехал из Берлина и 6 ноября 1922 г. вручил свои верительные грамоты в Москве. Опасения Секта оказались безосновательными. В Москве ничего не было известно о взглядах нового посла, помимо его враждебности к западным державам; и Чичерин якобы приветствовал его как «героя Версаля»⁴³. Между ними возникла крепкая дружба, основывающаяся, как и дружба между их двумя странами, на общем недоверии к Западу. Брокдорф-Ранцау быстро превратился в сторонника восточной ориентации в немецкой политике, и, хотя личная неприязнь между ним и Сектом продолжала существовать, их взгляды по основным вопросам германской политики стали неотличимы. В течение последующих пяти лет вопреки мимолетным тревогам и отклонениям с обеих сторон сотрудничество с Германией оставалось стабилизирующим фактором советской политики в Европе.

Симптомом нараставших силы и уверенности в советской политике того времени явилась попытка взять на себя роль лидера меньших европейских государств. 30 марта 1922 г. в столице Латвии Риге по инициативе Советского правительства собрались делегаты Эстонии, Латвии, Польши и РСФСР, чтобы выработать

общую линию поведения на Генуэзской конференции, на которую все они были приглашены. Договорившись о некоторых общих и бесспорных принципах экономической политики, делегаты обратились к вопросам мира и разоружения и под влиянием работы Лиги Наций в Женеве зафиксировали свою поддержку «принципа ограничения вооружений во всех государствах»⁴⁴. Рижская конференция не принесла конкретных результатов, которые бы имели значение в Генуе или где-либо еще. Но она, как это и было задумано, способствовала созданию прецедента. 12 июня 1922 г. Советское правительство, выражая свое недовольство тем, что Генуэзская конференция почти все свое внимание «уделила отстаиванию материальных интересов сравнительно незначительной группы людей» и пренебрегла как причинами «испытываемого во всей Европе и за ее пределами экономического кризиса», так и «опасностью новых войн», направило тем же державам ноту с предложением о проведении конференции в целях обсуждения вопроса о «пропорциональном сокращении вооруженных сил представляемых ими стран». На этот раз приглашена была и Финляндия. Через румынского делегата на Гаагской конференции Литвинов также направил приглашение румынскому правительству, а в последний момент в число приглашенных была включена Литва. Первой датой начала конференции, предложенной Советским правительством, было 5 сентября 1922 г., и это, без сомнения, не случайно совпадало с днем, назначенным для открытия Ассамблеи Лиги Наций. После многих споров конференция в конце концов открылась в Москве 2 декабря 1922 г. Из всех приглашенных стран делегатов не прислала лишь Румыния, обусловив свое согласие на участие в конференции признанием аннексии Бессарабии советской стороной⁴⁵.

Сама по себе эта конференция оказалась совершенно непродуктивной. Ее работа явилась зеркальным отражением переговоров по разоружению, проходивших в то время в Женеве. Литвинов, подражая роли, которую исполняли в тот период британские делегаты, предложил конкретные сокращения сухопутных сил. Советское правительство обязалось в течение двух последующих лет сократить Красную Армию до одной четверти ее тогдашней численности (с 800 — до 200 тыс. человек) при условии, что соседние страны поступили бы подобным же образом; а поскольку Красная Армия была единой, РСФСР могла выступать в этом вопросе от имени всех советских республик⁴⁶. Польский делегат возглавил скрытую оппозицию советской линии, следуя при этом женевской тактике французов. Он поставил под вопрос достоверность исходных данных об общей численности войск каждой страны, на которых основывалось предложение о процентном сокращении, и выступил за то, что, прежде чем сокращать вооружения, следовало бы создать атмосферу доверия посредством соглашений о ненападении и третейском разбирательстве споров. Советский представитель в свою очередь не отверг подобных предложений при

условии, что решение вопроса о разоружении не будет из-за них откладываться. Делегации меньших стран с некоторым смущением маневрировали между позициями двух главных участников конференции. 12 декабря 1922 г. Литвинов признал тот факт, что предложение Советской России не было готово принять ни одно другое государство-участник, и свернул работу конференции⁴⁷. Итогом конференции явилось то, что она вновь заявила о передовой позиции Советского правительства в вопросах мира и разоружения и предложила меньшим соседям Советской России альтернативное лидерство, которое могло помочь им противостоять иногда чрезмерным претензиям Польши. Дух этой конференции заметно и существенно отличался от атмосферы состоявшейся ровно год тому назад Гельсингфорсской конференции, когда Советская Россия еще не приглашалась, а преобладающее влияние Польши было неоспоримо⁴⁸. Знаменателен был и выход Литвинова по этому случаю на международную арену (Чичерин в то время находился на Лозаннской конференции). Это явилось его первой значительной попыткой завоевать Советской России позиции в европейской дипломатии путем призыва к передовым представителям буржуазии западных стран и стремления перешагнуть правительства этих стран в их собственной игре.

Через две недели после закрытия конференции X Всероссийский Съезд Советов выступил с еще одним обращением «ко всем народам мира», подтверждая в нем «волю к миру и мирному труду». В нем вновь выдвигалось предложение о разоружении, которое было отклонено в Женеве, а теперь вновь потерпело неудачу в связи с «нежеланием соседей России идти на действительное сокращение своих армий». Несмотря на эти неудачи, в призыве объявлялось, что для решения этого вопроса личный состав Красной Армии в короткий срок будет сокращен с 800 тыс. до 600 тыс. человек⁴⁹.

Состоявшийся в ноябре 1922 г. IV конгресс Коминтерна — последний, проведенный при жизни Ленина, — явился важным событием в деле преобразования и укрепления советской политики. Он стал концом драматического периода в истории Коммунистического Интернационала — все, бывшее после него, явилось долгим и иногда приводящим в замешательство эпилогом. Его первые четыре конгресса символизировали важные вехи в истории этой организации. Первый в марте 1919 г. основал данное учреждение и утвердил программу его будущей деятельности. Второй, состоявшийся в июле 1920 г., когда Красная Армия наступала на Варшаву, совпал с апогеем могущества и самоуверенности его лидеров, веры в то, что Коминтерн был близок к выполнению своей функции штаба руководства победоносной мировой революцией; за этим конгрессом последовали съезд народов Востока в сентябре в Баку и создание коммунистических партий, подчиненных дисциплине центральной организации, в Западной Европе. Затем в

марте 1921 г. пришел НЭП, за которым последовал катастрофический спад коммунистического движения в Германии, и в работе III конгресса Коминтерна в июне — июле 1921 г., хотя и организованного с более грандиозным размахом, чем предыдущие, прозвучали нотки, свидетельствовавшие о желании компромисса и закрепления достигнутого. IV конгресс, проведенный в ноябре — декабре 1922 г., еще более сдвинулся в сторону отступления. Успехи, одержанные советским режимом в России за прошедшие годы, казались гигантскими. Голод был преодолен, появились первые признаки процветания, порожденные НЭПом. Генуэзская конференция, Рапальский договор и приглашение участвовать в подготовке проекта договора о режиме проливов знаменовали собой возвращение Советской России в ряды европейских держав. За несколько дней до начала конгресса последний японский солдат покинул советскую территорию во Владивостоке, а торжественное объединение советских республик в великий Союз Советских Социалистических Республик находилось в стадии активной подготовки. Только Коминтерну в его делах преуспеть явно не удалось. Мировая революция, европейская революция, революция в Германии все еще медлили разразиться, и их перспективы казались более отдаленными, чем в 1921 г., не говоря уже о великих днях 1920 г. Такой диагноз, однако, подразумевал удивительную перемену позиций. Пока можно было предполагать — как это считалось до конца 1920 г. всеми, кто имел к этому отношение, — что русская революция была первой и сравнительно небольшой главой в истории мировой революции, престиж и влияние Коммунистического Интернационала в обязательном порядке должны были превосходить престиж и влияние любого национального правительства, не исключая и самого Советского правительства, главной задачей которого с точки зрения как его собственных интересов, так и интересов других государств было служение делу революции. Но когда Советская Россия вопреки всем ожиданиям без всякой внешней помощи разбила всех своих врагов и только в силу продолжавшейся отсрочки в распространении мировой революции была вынуждена пойти на компромиссы и соглашения НЭПа, все соотношение престижа и влияния между Коминтерном и Советским правительством радикально изменилось. Коминтерну ничего не оставалось делать, как перейти к обороне, пока снова не назреет время для наступления, а это означало укрепление Советской России как единственного отныне оплота и будущей надежды пролетарской революции. Следовавшие один за другим провалы погасили огонь революционного энтузиазма. Укрепление Советской власти стало основным лейтмотивом работы IV конгресса.

Нотки осторожности, приглушенно прозвучавшие на III конгрессе, теперь стали доминирующими. Вступительная речь Зиновьева была выдержана в минорном ключе: «Само собой понятно, полная победа Коммунистического Интернационала в историческом смысле безусловно обеспечена. Если бы даже наше поколение бор-

цов было сметено огнем реакции, как это было сделано с парижскими коммунарами и I Интернационалом, то и тогда Коммунистический Интернационал все равно возродился бы и, в конце концов, привел бы международный пролетариат к победе. Но вопрос шел о том, удастся ли Коммунистическому Интернационалу, как он сложился сейчас, удастся ли нашему поколению борцов выполнить ту историческую миссию, которую взял на себя III Коммунистический Интернационал. ...мы имеем полное право, несколько не преувеличивая, сказать, что Коминтерн трудные времена пережил, что он вырос и окреп настолько, что ему не страшно сейчас никакое нападение всемирной реакции»⁵⁰.

Политика, примером которой могло служить «Мартовское выступление» прошлого года, теперь полностью и безоговорочно осуждалась: «Коминтерн против незрелых выступлений и малоподготовленных восстаний, которые могли бы быть потоплены в крови рабочих и которые могли бы раздавить драгоценнейшее достояние пролетариата — организованную международную Коммунистическую партию»⁵¹.

В своем отчете о работе ИККИ Зиновьев почти бесстрастно повторил тот же диагноз: «Вам известно — ведь об этом говорилось неоднократно, — что Коммунистический Интернационал должен быть Интернационалом активным, Интернационалом действия, централизованной мировой Коммунистической Партией и т. д. В принципе все это совершенно верно, и мы должны на этом настаивать. Но для того, чтобы провести это в жизнь, нам еще предстоит много лет работы. Довольно легко принять резолюцию, в которой говорится, что мы должны организовывать международные выступления, — гораздо труднее осуществить ее на практике»⁵².

Конгресс посвятил три заседания обсуждению проблемы «наступления капитала» — растущей безработице, снижению уровня жизни рабочих, сдвигов вправо в парламентах и правительствах буржуазных стран, фашистской революции в Италии, случившейся за три недели до начала конгресса и охарактеризованной как «последняя карта в игре буржуазии»⁵³. Радек, являвшийся докладчиком по этому вопросу, выразил свой пессимизм более конкретно, чем Зиновьев: «...для ныне переживаемого периода, несмотря на то, что кризис мирового капитала продолжается, характерна потеря массами пролетариата веры в возможность завоевания в ближайшее время власти. ...Если положение таково, если в широких рабочих массах идея борьбы за захват власти не только не жива, но отодвинута на задний план создавшимся положением, если огромное большинство рабочего класса сознает свое бессилие, то завоевание власти не стоит в порядке дня в качестве ближайшей актуальной задачи».

А позднее, отвечая на туманный оптимизм некоторых из выступавших, он добавил с вновь обретенной твердостью, что «отступление пролетариата еще не остановилось»⁵⁴. На конгрессе яв-

но не хватало простора для пламенной риторики Зиновьева. Он стал трибуной предпоследнего публичного выступления Ленина⁵⁵. Он выступил с одной-единственной речью, в начале которой извинился за свою болезнь и которую посвятил главным образом толкованию и защите НЭПа.

В революционные времена часто бывает необходимо быть готовым к отступлению, чтобы впоследствии наступать. НЭП проиллюстрировал и подтвердил этот лозунг. Из этого можно было извлечь, хотя и не очень четко просматривавшуюся (поскольку это была речь усталого и больного человека⁵⁶), мораль, что меры по подготовке отступления в Коминтерне были в равной степени необходимы и оказались бы в равной степени благотворны. Затем, покритиковав прошлогоднюю резолюцию по организационному вопросу как насквозь русскую⁵⁷, Ленин в заключение сказал: «Я полагаю, что самое важное для нас всех как для русских, так и для иностранных товарищей, то, что мы после пяти лет российской революции должны учиться. Мы теперь только получили возможность учиться... Я убежден в том, что мы должны в этом отношении сказать не только русским, но и иностранным товарищам, что важнейшее в наступающий теперь период, это — учеба. Мы учимся в общем смысле. Они же должны учиться в специальном смысле, чтобы действительно постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы. Если это совершится, тогда, я убежден, перспективы мировой революции будут не только хорошими, но и превосходными»⁵⁸.

Необычно прозвучал этот последний наказ от человека, всего лишь три с половиной года назад основавшего Коминтерн в качестве великой боевой организации. Повсеместный пессимизм по поводу дел в Коминтерне подготовил почву для распространения соответственно оптимистических настроений уверенности в прочности Советской власти и панегириков ее достижениям. Советская Россия блестяще послужила делу пролетарской революции, выполнила перед ней свои последние обязательства. Уже на III конгрессе Коминтерна Радек с жесткой откровенностью выразил эту мысль: «Если мы сейчас являемся великим Коммунистическим Интернационалом, то не потому, что мы, Интернационал, хорошо агитировали, но потому, что русский пролетариат и русская Красная Армия хорошо агитировали своею кровью и своим голодом, потому что русская революция сыграла роль великого колокола Коммунистического Интернационала»⁵⁹.

На IV конгрессе данный довод получил дальнейшее развитие. Советская Россия благородно выполнила свою задачу — отступить ее заставили рабочие мира, которые не смогли быстро довести до конца дело мировой революции. Компромисс НЭПа никогда не стал бы необходимым, объясняла Клара Цеткин в своей пламенной речи, последовавшей сразу же за трезвым выступлением Ленина, «если бы пролетариат новых советских государств с высшим уровнем экономического развития... был способен в братской со-

лидарности расширить и укрепить тот узкий фундамент, на котором стояла Советская Россия». Но этого не случилось. Ни одного братского советского государства не появилось, и Советская Россия оказалась поставлена перед «modus vivendi с крестьянством, modus vivendi с иностранными и русскими капиталистами»⁶⁰. Конгресс искренне выразил эти чувства в резолюции «О русской революции». Она начиналась словами лести: «Четвертый конгресс Коммунистического Интернационала выражает свою глубокую благодарность созидавшей Советской России и свое бесконечное преклонение перед силой, сумевшей в революционной борьбе не только захватить государственную власть и установить диктатуру пролетариата, но и победоносно отстаивать и поныне достижения революции против всех врагов в стране и за рубежом».

Но ее практическое значение заключалось в предпоследнем абзаце: «Четвертый всемирный конгресс напоминает пролетариям всех стран, что пролетарская революция никогда не сумеет восторжествовать в пределах одной только страны, — что она может восторжествовать только в международном масштабе, вылившись в мировую революцию. Вся деятельность Советской России, ее борьба за свое существование и за достижение революции, является борьбой за освобождение притесняемых и эксплуатируемых пролетариев всего мира от цепей рабства. Русские пролетарии полностью выполнили перед мировым пролетариатом свой долг передовых борцов за революцию. Мировой пролетариат должен наконец, в свою очередь, выполнить свой долг. Во всех странах рабочие, обездоленные и поработанные, должны активно проявлять свою моральную, экономическую и политическую солидарность с Советской Россией»⁶¹.

Некоторые последствия этого указания рабочим мира были ясны и недвусмысленны. Конгресс, заслушав доклад Мюнценберга о достижениях Межрабпома, без обсуждения принял составленную в сильных выражениях резолюцию об обязанности рабочих всех стран «оказывать Советской России всемерную, действительную и практическую помощь, в том числе и экономическую». Рабочие должны были оказывать давление на свои правительства, сопровождаемое «требованием признания Советского правительства и установления благоприятных торговых сношений с Советской Россией». Далее указывалось, что «следует, однако, помимо политической мощи, мобилизовать также и всю хозяйственную мощь мирового пролетариата для поддержки Советской России» и что должны были быть собраны средства для приобретения «машин, сырья, инструментов», которые были столь необходимы Советской России для «восстановления ее хозяйства»⁶². О других последствиях приведенного выше указания столь конкретно не объявлялось. Лишь Бухарин в своем выступлении о программе Коминтерна (разработка которой была отложена до следующего конгресса), носившем весьма теоретический характер, высказал то, что некоторым показалось ужасающим отступлением. Подчеркнув, что

появление пролетарского государства коренным образом изменило отношение коммунистов к вопросу о национальной обороне и что пролетарское государство должно защищать не только свой собственный пролетариат, но и пролетариат всех наций, он, далее, задал вопрос: «Могут ли пролетарские государства, исходя из стратегической целесообразности для всего пролетариата, заключать военные союзы с буржуазными государствами?», и сам ответил на него следующим образом: «...я утверждаю, что мы уже настолько выросли, что можем заключать военный союз с буржуазией одной страны, чтобы с ее помощью раздавить буржуазию другой страны... При такой форме обороны и военного союза с буржуазными государствами обязанность товарищей в каждой стране — содействовать победе подобного блока»⁶³.

Слово «Рапалло» на конгрессе не произносилось, и старых обвинений в том, что Коминтерн используется в качестве орудия советской национальной политики, на нем уже не выдвигалось⁶⁴. Очевидная и неизбежная зависимость перспектив мировой революции от процветания и мощи Советской власти придала этой дилемме иллюзорный и нереальный вид. «Какие бы бури... ни разразились, — говорил Троцкий вскоре после завершения работы конгресса, — советская граница — это тот окэп, дальше которого контрреволюция не пойдет и в котором мы останемся на своем посту до тех пор, пока не подойдут резервы...»⁶⁵ В этой новой ситуации престиж и влияние Советской России стали первоочередным политическим приоритетом. В вопросах внешней политики за счет Коминтерна возрастал удельный вес Наркоминдела. В других странах поддержка Советской России стала главной обязанностью истинных революционеров. После IV конгресса об этом можно было заявлять открыто. В области соотношения обязательств произошли коренные изменения, имевшие необратимый характер.

Новое положение Советской власти и ее создателя, Российской коммунистической партии, обусловленное ростом их престижа и влияния, было отражено в резолюции конгресса «Реорганизация ИККИ и его дальнейшая работа». В своей речи Ленин подверг критике этот орган, учрежденный III конгрессом, как истинно русский по своему характеру. Но он оказался не в ладу с суровой действительностью, и его точка зрения была молчаливо проигнорирована. IV конгресс не только подтвердил решение III-го, но и затянул несколько еще недостаточно туго закрученных гаек. Общим следствием «21 условия» было навязывание взглядов на Коминтерн, которых с самого начала придерживалась Российская коммунистическая партия, как на единую организацию, всемирную партию, в которой национальные коммунистические партии являлись на деле лишь ее агентствами и филиалами на местах. Вызывает, однако, сомнение, разделялись ли эти взгляды, даже после принятия этих условий, какой-либо еще партией, помимо Российской. На IV конгрессе Бухарин все еще жаловался, что, вместо

того чтобы рассматривать международную ситуацию в целом, «почти все без исключения ораторы говорили только лишь о положении в своих партиях»⁶⁶. Весьма примечательно, что Германская коммунистическая партия, наиболее противившаяся преобладающему русскому контролю, в наибольшей степени согласилась с концепцией централизованной единой всемирной партии. Именно Эберлейн, немецкий докладчик по вопросу реорганизации, настаивал на необходимости «устранить федеральный дух, все еще, быть может, присутствующий в организации», и сделать ИККИ руководящим органом «действительно централизованной мировой партии». Уроки последнего года показали, что резолюции всемирных конгрессов не всегда пунктуально выполнялись национальными партиями и даже не публиковались в партийной печати и что вожди национальных партий скорее подавали в отставку или уходили со своих постов, чем выполняли решения, с которыми не были согласны. «Нам нужна интернациональная дисциплина, — продолжал Эберлейн, — если мы действительно хотим быть сплоченной всемирной партией, боевой организацией пролетариата, и в этой боевой организации каждый отдельный товарищ должен в любых обстоятельствах подчинять свои личные желания общим интересам Интернационала»⁶⁷.

Этот урок был основательно усвоен. Вопрос формирования ИККИ должен был быть тщательно пересмотрен и поставлен на новую основу. До сих пор его членами были делегаты, назначаемые национальными коммунистическими партиями, чтобы представлять последние в центральном органе⁶⁸. Впредь его 25 членов (и 10 кандидатов в члены) должны были избираться не входившими в Коминтерн партиями, а всемирным конгрессом. В остальном новшества, принятые предыдущим конгрессом⁶⁹, были одобрены. Президиум, состоящий из 9—11 членов, должен был действовать, по словам докладчика, как «своего рода политбюро». Президиумом должно было назначаться организационное бюро из семи членов, двое из которых также были бы членами Президиума. Предусматривалось, что ответственным за работу Президиума будет Генеральный секретарь и два помощника. Таким образом, вопреки предупреждению Ленина в Коммунистическом Интернационале воплотились организационные принципы Российской коммунистической партии. В числе функций организационного бюро были надзор за методами назначения на важные посты в национальных партиях (спонтанные подачи в отставку с партийных должностей с тех пор запрещались и влекли за собой исключение из партии) и контроль за подпольной работой (необходимость которой полностью проявилась в ходе происшедших незадолго до этого событий в Италии и Германии). «Расширенный Исполком» с участием членов ИККИ и представителей от входящих в Коминтерн партий — по одному или по несколько от каждой партии, в зависимости от ее численности, — должен был собираться дважды в год в интервалы между конгрессами, играя роль, соответствующую

«партийной конференции» в работе Российской коммунистической партии. И наконец, было объявлено желательным, чтобы национальные партии проводили бы свои съезды, как правило, после, а не до всемирных конгрессов Коминтерна, с тем чтобы избежать ситуаций, когда в Москву направлялись делегаты с обязывающими инструкциями, носившими спорный характер, утвержденными их национальными партийными съездами. Эта установка, соответствовавшая линии на ликвидацию «федерального» характера ИККИ, свидетельствовала о том, что Коминтерн должен был рассматриваться не как форум, на котором делегаты, представляющие мнения, выработанные на национальных съездах партии, приходили бы в процессе споров и компромиссов к коллективным решениям, а как орган единоначалия, решения которого спускались национальным съездам для их толкования и применения⁷⁰.

Откровенность речи, в которой предлагались эти далеко идущие новшества, предполагала, что первостепенная необходимость в централизованной организации и дисциплине воспринималась как само собой разумеющееся дело, по крайней мере немецкими и русскими делегатами. В ходе последовавшего за ней поверхностного обсуждения (работа конгресса находилась в своей завершающей стадии) серьезно оспаривалось лишь требование, чтобы национальные партийные съезды следовали, а не предшествовали всемирным конгрессам Коминтерна, но соответствующая резолюция была принята без поправок⁷¹. Если лишь недавно даже видные деятели Российской коммунистической партии проявляли мало понимания в отношении политических последствий партийных решений по вопросам организации и контроля за назначениями⁷², то теперь жизненно важное решение по тем же вопросам было принято IV конгрессом единодушно, почти без обсуждения и, очевидно, без серьезных опасений. Выборы ИККИ, состоявшиеся в конце работы конгресса, носили следы старой системы национального представительства: «блоки из двух или более наций хотели иметь своего представителя в исполкоме, просто на национальной основе». Но, как отметил Зиновьев в своей заключительной речи, «следует надеяться, что сегодня мы видели подобный спектакль в последний раз». Впредь Коминтерну вменялось в задачу «бороться со всем федералистским и насаждать настоящую дисциплину»⁷³. Что еще, возможно, неполностью осознавалось или признавалось даже российской делегацией, так это то, что централизация коминтерновской организации, завершенная на IV конгрессе, результатом которой непременно должна была стать еще большая концентрация власти исключительно в руках господствующей русской секции, соответствовала, таким образом, возмставшему престижу и могуществу Советской России и относительному закату влияния других партий, входивших в Коминтерн. С этого момента политика Коминтерна должна была вписываться в рамки советской внешней политики вместо того, чтобы советская внешняя политика вписывалась, как это по крайней мере

формально было до сих пор, в рамки курса на мировую революцию. Следует заметить, что этот процесс, хотя его никто сознательно не планировал и которому отчасти сознательно противился один Ленин, усмотревший в нем некоторые опасности, был на деле завершен еще до того, как Ленин ушел с политической сцены, и до того, как возвысился Сталин, который стал играть важную роль в делах Коминтерна лишь спустя некоторое время после IV конгресса.

Дела отдельных коммунистических партий, которым на IV конгрессе была посвящена значительная часть дебатов, радовали мало. На конгрессе были приведены данные о численности всех партий, принявших в нем участие. Только Российская коммунистическая партия, насчитывавшая 324 522 члена (состав партий Украины, Белоруссии и других еще официально самостоятельных Советских республик подсчитывался отдельно, но они были немногочисленны), Германская коммунистическая партия, в которой состояло 226 тыс. членов, и чехословацкая коммунистическая партия со своими 170 тыс. членов могли рассматриваться как массовые коммунистические партии, в которые входила существенная часть рабочих их стран. Другие партии были еще либо меньшими, либо сомнительной идеологической направленности⁷⁴. Хотя IV конгресс не принял специальной резолюции по немецкому вопросу, Германская коммунистическая партия все еще являлась нервным центром Коминтерна и очагом всех его противоречий. «Если события не вводят нас в заблуждение, — повторял Зиновьев в своем докладе о деятельности Исполкома Коминтерна, — то дорога Российской пролетарской революции проходит через Германию»⁷⁵, а теперь, когда Рапалльский договор обеспечил Германии признанное особое положение в советской внешней политике, немецкие дела заняли еще более весомое и деликатное место в заботах Коминтерна. Симптомом их важности было то, что, когда между большевистскими вождями возникали разногласия в отношении политики Коминтерна, они всегда вертелись вокруг германского вопроса. Так, их мнения разделились в связи с политикой «Открытого письма» в январе 1921 г., а затем после марта 1921 г. по вопросу уроков, которые следовало извлечь из «Мартовского выступления»⁷⁶; летом 1922 г., когда Ленин был болен, между Зиновьевым и Радеком произошел спор по вопросу интерпретации политики «единого фронта» и «рабочего правительства», отражавший разногласия между левыми и правыми в Германской коммунистической партии⁷⁷. IV конгресс столкнулся с этой проблемой в ходе серьезных дебатов о тактике, начатых Зиновьевым.

От правого крыла Германской коммунистической партии на конгрессе были Мейер и Тальгеймер (Брандлер не присутствовал), от левого — Рут Фишер, представлявшая берлинскую группу, и Урбанс, представлявший гамбургскую группу. Именно между ними и произошло основное столкновение на конгрессе. И те и дру-

гие в принципе принимали политику «единого фронта». Но если Мейер доказывал, что «единый фронт» означал в первую очередь достижение соглашений с лидерами социалистических партий, то Рут Фишер говорила о «преувеличенном значении, придаваемом переговорам с лидерами, и восторге от них» и выступала за так называемый «единый фронт снизу», а Урбанс резко настаивал на том, что послужные списки СПГ и НСПГ делают сотрудничество с ними невозможным для коммунистов. Мейер выступил против попытки Зиновьева отождествить «рабочее правительство», о котором говорилось в резолюции ИККИ, принятой в декабре 1921 г., с диктатурой пролетариата или с Советским правительством, считая, что оно явно имело более широкое значение; Рут Фишер подвергла критике как слишком туманную и беспринципную фразу Радека о том, что коммунисты и социалисты могут сотрудничать в политике, направленной на обеспечение рабочим «куска хлеба»⁷⁸.

За этими стиливыми нюансами лежали фундаментальные политические разногласия по вопросу позиции, которую следовало занять в отношении других левых партий. Но вожди Коминтерна были все еще в меньшей степени озабочены (особенно когда они сами не были едины) решением принципиальных вопросов, чем урегулированием споров в национальных партиях, что устраняло опасность дальнейших расколов. Ленин, председательствовавший на заседаниях конгресса, рассматривавших положение дел в Германии, хотя он сам и не выступал на них, использовал свою слабеющую силу для смягчения разногласий⁷⁹.

Резолюция, появившаяся в результате этой дискуссии, была компромиссной, она повторяла лозунги обеих сторон и ничего не улаживала. В целях достижения «единого фронта» коммунисты были «готовы даже вести переговоры с предательскими вождями социал-демократов и амстердамцев»; с другой стороны, в ней говорилось, что «истинное осуществление тактики единого фронта может исходить только „снизу“», путем прихода к руководству в фабрично-заводских комитетах, комитетах действия и в других подобных органах, в которых члены других партий и беспартийные объединились бы с коммунистами. В документе различалось пять типов «рабочего правительства», начиная от «либерального рабочего правительства», какое уже существовало ранее в Австралии и могло в скором времени возникнуть в Англии, до «подлинного пролетарского рабочего правительства» в форме диктатуры пролетариата. Но условия участия коммунистов в таких правительствах были изложены лишь в самых туманных и общих словах. Единственным новшеством было признание в качестве законного варианта «рабоче-крестьянского правительства»; этот шаг обрел значение позднее⁸⁰. Что касается германской партии, то эта резолюция сохранила верх за правыми, но позволила левым буквально на следующий день начать борьбу вновь по тем же вопросам. Что касается российской партии, то эта резолюция укрепила

позиции Радека, находившегося после Рапалло на вершине успеха, против нападков Зиновьева, чье отождествление «рабочего правительства» с диктатурой пролетариата было отклонено, но не настолько четко, чтобы предотвратить возобновление подобных нападков впредь⁸¹.

Резолюция «Версальский мирный договор» не носила противоречивого характера и была в равной степени принята как немецкими правыми, так и немецкими левыми. Тем не менее она являлась качественно новым и значительным документом. Время от времени большевики осуждали Версальский договор как типичный пример империалистического грабежа. Ленин охарактеризовал его «в сто раз больше грабительским», чем Брест-Литовский мир⁸². Но до сих пор он играл эпизодическую роль в большевистском анализе противоречий послевоенного мира. В главной резолюции III конгресса Коминтерна — «Мировое положение и наши задачи» — подробно излагались вопросы перемещения центра тяжести мирового хозяйства из Европы в Америку, подъема Японии и зарождавшегося конфликта между континентами; и хотя в ней, между прочим, отмечалось, что «немецкие рабочие становятся кули Европы», Версальскому договору внимания почти не было уделено. В резолюции того же конгресса о тактике, содержащей подробные инструкции немецким коммунистам относительно «униорной и беспощадной борьбы против германского правительства», о нем даже не удосужились упомянуть⁸³.

Но год спустя картина изменилась. Теперь уже легкомысленно не считали, что ничего нельзя достичь без свержения германского правительства. В пространной резолюции «Борьба против войны и военной опасности», принятой расширенным пленумом ИККИ в марте 1922 г., содержалось требование отмены «всех договоров, заключенных по окончании империалистической войны 1914—1918 годов»⁸⁴. На состоявшемся через восемь месяцев IV конгрессе, под влиянием как Рапалльского договора, так и требований политики завоевания народных масс Германии, Версальский договор стал одной из главных тем. Участники конгресса, заслушав осуждение этого договора ораторами из почти всех европейских стран, приняли специальную резолюцию, тактично внесенную французским делегатом Кашеном, в которой Версаль стал основой всего анализа международного положения⁸⁵. Этот договор, говорилось в ней, превратил Центральную Европу, и в особенности Германию, в «новую колонию империалистических разбойников». Германская буржуазия стремилась втереться в милость буржуазии победивших держав и переложить бремя репараций на плечи пролетариата. Но сколь глубока ни была нищета, в которую погрузился германский пролетариат, размеры репарационных требований делали эту политику неосуществимой, и Германия превращалась «в игрушку в руках Англии и Франции». После этого неприкрытого намека на общие интересы германской буржуазии и германского пролетариата в деле сопротивления англо-

французскому давлению резолюция обращалась к задачам коммунистических партий, которые следовало скоординировать в рамках общей кампании борьбы против договора.

Германская компартия должна была подчеркнуть готовность германского пролетариата оказать помощь в восстановлении Северной Франции, но противиться сделке между французскими и немецкими промышленниками, направленной на выполнение репарационных обязательств за счет германского пролетариата путем «превращения Германии в колонию французской буржуазии». Французской компартии следовало выступать против «попытки путем дальнейшей усиленной эксплуатации германского пролетариата обогатить французскую буржуазию», требовать вывода французских войск с левого берега Рейна и бороться против предполагавшейся оккупации Рурской области. Чехословацкая и польская компартии должны были «соединить борьбу против собственной буржуазии с борьбой против французского империализма». Эта резолюция была, наверно, первым европейским примером (в Баку, возможно, имел место азиатский прецедент) сознательной и расчетливой попытки скоординировать деятельность Коминтерна с внешней политикой Советского правительства. Она также позволила составить представления о затруднениях, которые могли возникнуть в области примирения национальных коммунистических партий по болезненным спорным двусторонним вопросам⁸⁶.

Весьма парадоксально, что Италия, где всего шесть недель назад произошел фашистский переворот, оказалась почти единственной страной, где конгрессом было зафиксировано позитивное развитие. Терпение, столь долго проявлявшееся в отношении Итальянской социалистической партии (и даже в отношении Итальянской коммунистической партии, отклонившей решение ИККИ о «едином фронте»⁸⁷), наконец оправдалось. На своем съезде в Риме в начале октября 1922 г. Итальянская социалистическая партия изгнала из своих рядов реформистов и решила принять «21 условие» и вступить в Коминтерн, что должно было повлечь за собой вскоре слияние с Итальянской коммунистической партией. В большой резолюции ретроспективного характера по итальянскому вопросу, принятой IV конгрессом Коминтерна, напоминалось, что «объективные предпосылки победоносной революции» в Италии были налицо осенью 1920 г., когда рабочие захватывали фабрики; недоставало лишь «подлинно коммунистической партии». Она была создана в результате раскола в Ливорно в феврале 1921 г., хотя и оставалась малочисленной, а ее вожди, на бумаге отказавшись от заблуждений синдикализма, все еще были заражены его духом. Резолюция IV конгресса, бодро приводя «победу фашистской реакции» в качестве побудительной причины «скорейшего объединения всех революционных сил пролетариата», предусматривала создание комитета, состоявшего из двух членов Итальянской коммунистической партии (Бордиги и Таски), из Серрати и Маффи как представителей Итальянской социалистиче-

ской партии и Зиновьева в качестве председателя и арбитра для выработки условий объединения; аналогичные органы должны были быть образованы на местах⁸⁸. В течение зимы в Москве велись переговоры. Но подозрительность в отношениях между коммунистами и социалистами на них тормозила достижение прогресса, и в начале 1923 г. Муссолини внезапно обрушился в Италии на обе партии и посадил под арест большинство их вождей. Почти единственный луч надежды, который брезжил на IV конгрессе Коминтерна, был погашен.

Дела Коммунистической партии Великобритании, пребывавшей в то время в муках реорганизации, на конгрессе не обсуждались. Но Зиновьев отметил ее успехи непривычно откровенными пессимистическими словами: «В Англии... развитие нашей партии идет крайне медленно. Быть может, ни в одной другой стране коммунистическое движение не развивается так медленно, как в Англии... Нам нужно заняться изучением Англии. Мы еще не знаем, каковы там причины медленного развития... Достопримечательно, что, несмотря на крупную безработицу и великие бедствия, переживаемые английским пролетариатом, коммунизм развивается там поразительно медленно»⁸⁹.

С другой стороны, кризис во Французской компартии привлек необыкновенное внимание на расширенном пленуме ИККИ, предшествовавшем конгрессу, в комиссии под председательством Троцкого, назначенной конгрессом, и на самом конгрессе, на котором присутствовало ни много ни мало 24 французских делегата от всех французских партий и где из заметных ее деятелей не было только Фроссара⁹⁰. Упрямо отрицая очевидные факты, конгресс отверг «самую мысль о расколе, который ни в какой мере не вызывается положением дел в партии»⁹¹, и продолжал попытки принудить правое и левое крыло не только выступать сообща, но и согласиться с презираемой ими политикой «единого фронта». В результате с помощью обходного маневра победителями оказались левые. В европейских странах с романской языковой основой франкмасонство в течение долгого времени было форменной одеждой антиклерикального радикализма как буржуазного, так и социалистического толка. В Италии уже в 1914 г. социалистическая партия исключила франкмасонов из своих рядов. Во Франции франкмасонство продолжало являться связующим звеном между левой буржуазией и социалистами, и несколько французских правых коммунистических вождей, включая самого Фроссара, были франкмасонами. Этот факт впервые дошел до сведения комиссии IV конгресса, как впоследствии заявил Троцкий, и к ее «немалому изумлению»⁹². Это явилось слишком хорошим оружием для левых, чтобы им не воспользоваться. Конгресс издал указ, по которому все члены Французской коммунистической партии, принадлежавшие к франкмасонам, должны были под страхом исключения из партии открыто заявить до 1 января 1923 г. о своем разрыве с франкмасонами, а затем не могли в течение двух лет занимать

«ответственные посты в партии»⁹³. Фроссар сразу же ушел из партии, другие порвали свои связи с франкмасонством. Двухлетний запрет на занятие ответственных постов, как представляется, строго не соблюдался.

Дела Норвежской рабочей партии в равной степени вызвали разочарование. Она с самого начала являлась партией сомнительной идеологической направленности⁹⁴. Она приняла «21 условие» с единственной оговоркой, что партия должна была строиться на основе коллективного членства профессиональных союзов, что затрудняло применение предписывавшейся проверки индивидуального соответствия предъявлявшимся требованиям. Но на практике эта партия шла своим собственным путем, отказываясь даже сменить свое старое название на Норвежскую коммунистическую партию, а из-за противодействия тактике «раскола», практикуемого после марта 1921 г., Коминтерн не рискнул предпринять против нее санкции. Наконец в июне 1922 г. вождь этой партии Транмель был вынужден присутствовать на расширенном пленуме ИККИ, но результатом этого явилась резолюция, в которой речь шла об ошибках партии лишь в отдельных конкретных областях, а принципиальный вопрос был обойден стороной⁹⁵. Но в период между расширенным пленумом и IV конгрессом Коминтерна, начавшимся в ноябре, раскол в норвежской партии, как и во французской, стал свершившимся фактом, и Транмель с большинством членов Центрального комитета, как и Фроссар со своими сподвижниками, послушался настойчивых призывов ИККИ участвовать в работе конгресса. Столкнувшись с этим вызовом, конгресс учредил комиссию под председательством тактичного Бухарина, мандат которой явно предусматривал укрепить дисциплину, не доводя дело до разрыва. В резолюции по этому вопросу вновь содержались требования об изменении названия партии и об изгнании из нее групп уклонистов; предлагалось «в целях лучшей связи между норвежской партией и ИККИ» направить на ближайший съезд партии делегатов ИККИ⁹⁶. Но эти примирительные фразы ничего не значили. Было ясно, что массовая норвежская партия уже потеряна для Коминтерна. Путем тактики отсрочек формального раскола удавалось избежать до осени 1923 г., когда партия вышла из Коминтерна, а отколовшееся от нее незначительное меньшинство членов создало Норвежскую коммунистическую партию.

Одновременно с IV конгрессом Коминтерна состоялся II конгресс Профинтерна. Применение тактики «единого фронта» к Профинтерну было непосредственным и явным, поскольку эта организация была прямо создана как канал для развития контактов с рабочими массами. В декабре 1921 г., даже еще до объявления ИККИ нового лозунга. Амстердамскому интернационалу было сделано предложение о совместных действиях в целях предотвращения угрозы разрыва между синдикалистами и социа-

листами во французском профсоюзном движении⁹⁷. В феврале 1922 г. предложение норвежских профессиональных союзов о проведении совместной конференции двух профсоюзных интернационалов «для разработки совместных форм и методов борьбы против наступающего капитала» было горячего поддержано советом Профинтерна⁹⁸. Оба этих проекта в Амстердаме были проигнорированы. Не остановленный этими неудачами, Профинтерн воспользовался Берлинской конференцией II, III и II¹/₂ Интернационалов в апреле 1922 г., с тем чтобы обратиться к рабочим всех стран с еще одним призывом «организации противодействия наступающему капиталу», а Лозовский вновь предложил созвать конференцию Профинтерна, Амстердамского интернационала и всех независимых профессиональных союзов⁹⁹. Эти шаги не служили никакой другой цели, кроме подведения ложных оснований под довод о том, что не Москва, а Амстердам раскалывает профсоюзное движение и противится поискам путей к единству. 1922 г. явился кульминацией успехов Профинтерна в Западной и Центральной Европе. Во Франции попытка руководства ВКТ наказать и изгнать своих синдикалистов привела к их отделению и созданию Унитарной всеобщей конфедерации труда (УВКТ), которая присоединилась к Профинтерну и какое-то время представляла большинство членов французских профсоюзов. Большая часть профсоюзов Чехословакии также присоединилась к московскому центру. Но остальные крупные формирования западного профсоюзного движения остались на стороне Амстердама. На съезде профсоюзов Германии, состоявшемся в Лейпциге в июне 1922 г., из 700 делегатов лишь 90 были коммунистами; на последующих съездах сторонникам Москвы не удалось сохранить даже такое соотношение¹⁰⁰. В Великобритании Профинтерну никогда не удавалось завоевать преданность более чем горстки профсоюзов. При таких обстоятельствах обвинение в адрес Амстердамского интернационала в том, что он несет ответственность за раскол в профсоюзном движении, было лишено убедительности и, во всяком случае, в отношении профсоюзов Германии и Великобритании падало на головы его авторов.

II конгресс Профинтерна, собравшийся в ноябре 1922 г., привлёк к себе мало внимания и был отмечен теми же настроениями сдержанности и отступления, что и форум Коминтерна. Отчет Исполнительного бюро конгрессу был выдержан в непреклонных выражениях и вновь содержал констатацию того факта, что «мы видим... попытки Профинтерна создать единый фронт с Амстердамским Интернационалом и упорный саботаж со стороны Амстердамского Интернационала»¹⁰¹. Это делало тем более необходимой договоренность Профинтерна со своим собственным левым крылом. Уже в июле 1922 г. официальный орган Коминтерна опубликовал статью, озаглавленную «Анархо-синдикалисты и Профинтерн», содержащую яростные нападки на французские и итальянские профсоюзы и на «Промышленные рабочие мира» за

их требования независимости Профинтерна от Коминтерна¹⁰². Но теперь на повестке дня стояло примирение. Делегация только что созданной французской УВКТ прибыла на конгресс с категорическим требованием отмены принятой на I конгрессе резолюции о подчинении Профинтерна Коминтерну, и — почти единственный раз в истории обеих организаций — центральная власть уступила.

Пространная резолюция заканчивалась констатацией готовности Профинтерна «пойти навстречу революционным рабочим Франции и принять предложение Унитарной конфедерации труда для того, чтобы закрепить на этом съезде блок между всеми искренними революционными элементами международного профессионального движения, выступающими под флагом низвержения капитализма и установления диктатуры пролетариата»; резолюция I конгресса была отменена, и вместо нее не было принято никакого нового определения характера отношений между двумя организациями¹⁰³. Это отступление на бумаге, как Зиновьев ясно дал понять в своей речи на конгрессе, являлось только тактическим маневром: «Что сейчас происходит здесь, означает не что иное, как то [что] мы идем навстречу некоторым предрассудкам революционных элементов в романских странах»¹⁰⁴. Сомнительно, что это изменило бы что-либо на практике.

Две дилеммы, с которыми сталкивался Профинтерн с момента своего основания, все еще не были разрешены. Единственными массовыми профсоюзами Западной Европы, желавшими порвать с Амстердамом, были синдикалисты, выступавшие за независимость и неполитический характер профсоюзов, а в отношении других ведение кампании Амстердамского интернационала представлялось несоместимым с политикой мирного проникновения в профсоюзы. В крайне оптимистическом заявлении, которое Лозовский представил в президиум XII съезда партии в апреле 1923 г., говорилось о том, что в Профинтерне насчитывается 13 млн. членов против 14 или самое большее 15 млн. сторонников Амстердама. Но он признал, что в Германии за Профинтерном идут лишь 35% организованных рабочих, в Англии — 15, а в Бельгии — 10%, и даже эти цифры были, вероятно, преувеличенными¹⁰⁵.

Вожди большевиков никогда не соглашались с ролью победенных и публично не признавали, что создание Профинтерна было тактическим просчетом. Время от времени он продолжал служить инструментом пропаганды, и его затруднения в Европе, вероятно, уравнивались его полезностью в Азии, где многочисленные силы его сторонников, о которых заявил Лозовский, в принципе действительно существовали. II конгресс подправил результаты I-го, приняв длинную резолюцию «Профсоюзы на Востоке и в колониальных и полуколониальных странах». В ней говорилось о том, что в этих странах появился «многочисленный туземный промышленный пролетариат, работающий в предприятиях европейского и американского типа и большими массами сосредоточенный в крупных индустриальных центрах»; выража-

лось стремление к созыву конференции «революционных профорганизаций», представляющих местных рабочих, и в то же время в ней содержалось решение об учреждении пропагандистских бюро в портах, где вероятны скопления моряков¹⁰⁶. Развернутая, таким образом, деятельность должна была служить доказательством некоторой силы Профинтерна на Дальнем Востоке и постоянным укором МФП и основным входящим в нее профсоюзам за их географическую и расовую ограниченность.

Другим событием, сопутствующим IV конгрессу Коминтерна, было присутствие советской профсоюзной делегации, состоявшей из Радека, Лозовского и только что вернувшегося с поста советского представителя в Тегеране Ротштейна на конгрессе мира, созванном МФП и проведенном в декабре 1922 г. в Гааге под председательством британского профсоюзного лидера Дж. Х. Томаса. Их присутствие имело двойную цель — показать страстное стремление большевиков к «единому фронту» с другими рабочими партиями и организациями и заявить о советской заинтересованности в борьбе за мир.

Опыт апрельской встречи трех Интернационалов в Берлине повторился почти без вариаций, если не считать того, что советская делегация, учтя упреки Ленина, на этот раз была полна решимости не делать никаких уступок. Ротштейн зачитал конгрессу проект из четырнадцати пунктов, главной особенностью которого было создание международного и национального комитетов действий в борьбе за мир. Оно не нашло поддержки среди участников, а доводы Лозовского в пользу «единого фронта» были встречены ругательствами и насмешками. Не очень впечатляющие резолюции в пользу мира, предложенные бюро конгресса, были в конечном счете приняты при единственном голосе против со стороны советской делегации. Лишь в одном случае Радек пустился в риторику, которая, казалось, диссонировала с примирительным тоном, которого в других случаях упорно придерживалась его делегация: «У нас есть армия. Мы не будем демобилизовывать нашу армию. Видите ли, мы проявляем тревогу не о России. Но мы проявляем беспокойство в связи с опасностью, которой подвергается пролетариат Западной Европы. Для того чтобы предотвратить эту опасность, мы сейчас искренне и безбоязненно предлагаем вам руку дружбы и сотрудничества. Отклоните это предложение — и протянутая рука дружбы повернется против вас»¹⁰⁷.

Последним эпизодом 1922 г. и важным подспорьем советской внешней политики было проведенное — вопреки жесткой критике в партии — закрепление режима монополий внешней торговли. С возрождением внешней торговли, особенно после подписания англо-советского торгового соглашения, авторитет и влияние Внешторга, осуществившего монополию, и его наркома Красина автоматически возросли. С другой стороны, режим монополий, казалось, в большей степени соответствовал экономической структуре «военного коммунизма», в условиях которой он начал при-

меняться, чем атмосфере НЭПа. Неудивительно, что стали раздвигаться требования видоизменить режим монополии и допустить частные предприятия в ревностно охраняемую заповедную зону внешней торговли. Как представляется, эти взгляды впервые были открыто выражены на конференции по финансовой политике в Госбанке в ноябре 1921 г.¹⁰⁸ и стали ассоциироваться в первую очередь с наркомом финансов Сокольниковым¹⁰⁹. Декрет от 13 марта 1922 г. сохранил незыблемость принципа монополии внешней торговли, но вместе с тем он явно был попыткой успокоить тех, кто осуждал ее излишние строгости.

Устанавливая прерогативу Внешторга на приобретение товаров для экспорта у государственных учреждений и предприятий или кооперативов на коммерческой основе, он также позволял последним заключать напрямую контракты с зарубежными торговцами, которые, однако, должны были всегда утверждаться комиссариатом. Аналогичные гибкие процедуры предусматривались и для импорта¹¹⁰. После этого огонь критики был перенесен на бюрократические методы Внешторга, и можно было думать, что руководящее положение Красина в советской экономике вызывало зависть тех многих лиц, партийная биография которых была менее пестрой, а преданность ортодоксальным партийным взглядам менее сомнительной. На межведомственном совещании по вопросам внешней торговли Богданов и Ногин от имени ВСНХ подвергли комиссариат критике, а Красин выступил в его защиту.

В принятой совещанием резолюции говорилось о поддержке режима монополии внешней торговли, но в то же время содержалось требование сделать механизм ее функционирования менее бюрократическим¹¹¹. Спустя два месяца Красин все еще находился в обороне, объясняя, что монополия была необходимой, «пока восстановление страны, истощенной в результате долгих лет войны, блокады и интервенции, не позволит ей оправиться и окрепнуть экономически»¹¹². Двумя декретами от 16 октября 1922 г. всем государственным хозяйственным учреждениям и организациям предоставлялось право вести экспортно-импортные операции через своих собственных зарубежных представителей, не нарушая при этом монополии внешней торговли, и под наблюдением Внешторга¹¹³. В том же месяце Красин повторил в ходе интервью для печати, что монополия внешней торговли «не означает, что все коммерческие операции выполняются органами Народного Комиссариата внешней торговли» и что государственные предприятия, кооперативы, частные концерны, смешанные общества — все играют в них свою роль, хотя и под руководством и наблюдением комиссариата¹¹⁴.

Между тем данный вопрос был вынесен на рассмотрение ЦК партии, где 12 октября 1922 г. Сокольников выдвинул резолюцию с требованием ослабления монополии внешней торговли в отношении определенных категорий товаров и при осуществлении товарообмена через определенные границы. Бухарин, который в свое

время стремился довести «военный коммунизм» до его логического завершения и выступал с крайне левых позиций, теперь проявил ту же жажду логической последовательности в отношении НЭПа, перейдя на крайне правые позиции, и поддержал Сокольников. В отсутствие Ленина (который только что вернулся к работе после первого приступа болезни) и Троцкого резолюция была принята. Она, конечно, не могла быть официально приведена в действие до тех пор, пока не были составлены соответствующие инструкции для разных звеньев государственного аппарата, и каждый член ЦК мог опротестовать ее в своем выступлении на съезде партии.

Ленин сразу же заявил протест и потребовал, чтобы данный вопрос был вновь рассмотрен пленумом ЦК в декабре. На следующий день Красин от имени Внешторга внес тезисы, в которых решение, принятое Центральным Комитетом, оспаривалось, а Бухарин в письме в ЦК от 15 октября 1922 г. поддержал это решение, выступив против Ленина и Красина¹¹⁵. Обсуждение данного вопроса на этом застопорилось до середины декабря 1922 г., когда Ленин, здоровье которого вновь ухудшилось, осознав, что он будет не в состоянии присутствовать на пленуме ЦК, проявил беспокойство в связи с предстоящим обсуждением. 13 декабря, узнав, что Троцкий также выступал против октябрьской резолюции, Ленин обратился к нему с письменной просьбой «взять на себя на предстоящем пленуме защиту нашей общей точки зрения о безусловной необходимости сохранения и укрепления монополии внешней торговли»¹¹⁶. На следующий день он продиктовал длинный меморандум Центральному Комитету, избрав эту форму для опровержения положений, содержащихся в письме Бухарина, и защиты тезиса Красина: «На практике Бухарин становится на защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны ее никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли. Всякий иной протекционизм в условиях современной России есть совершенно фиктивный, бумажный протекционизм, который ничего пролетариату не дает». Меморандум заканчивался словами в поддержку системы смешанных обществ как наилучшего средства «действительно улучшить плохой аппарат НКВТ»¹¹⁷. Через два дня Ленин вновь пишет Троцкому, выражая надежду на победу, поскольку «часть голосовавших против в октябре теперь переходят частью или вполне на нашу сторону»¹¹⁸.

О том, что происходило 18 декабря 1922 г. в ЦК, ничего не известно, кроме того, что октябрьская резолюция была полностью отменена. Ленин мог поздравить себя и Троцкого с тем, что «удалось взять позицию без единого выстрела», и предложил, чтобы данный вопрос был окончательно закреплён решением следующего съезда партии¹¹⁹. Это предложение было осуществлено месяц спустя после того, как Ленин окончательно потерял работоспособ-

ность, — в апреле 1923 г., воплотившись в необыкновенно выразительной резолюции XII съезда партии: «Съезд категорически подтверждает незыблемость монополии внешней торговли и недопустимость какого-либо ее обхода или колебаний при ее проведении и поручает новому ЦК принять систематические меры к укреплению и развитию режима монополии внешней торговли»¹²⁰. За несколько дней до открытия съезда ВЦИК вновь подтвердил полномочия Внeshторга и его торговых представительств за границей, строго ограничив права других государственных органов в области внешней торговли¹²¹. С тех пор монополия внешней торговли оставалась нерушимой.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

Отход от постоянного и активного содействия мировой революции, который характеризовал советскую внешнюю политику после марта 1921 г. и к концу 1922 г. привел к заметному повышению советских ставок в Европе, в равной степени прослеживается и в азиатских делах. Поворот в восточной политике был во многих отношениях менее резким и трудным. В то время как начиная с 1920 г. советский интерес к Азии прогрессивно возрастал, не было ни одной неевропейской страны, где перспективы пролетарской революции были бы вероятны или где местная коммунистическая партия представляла бы собой нечто большее, чем рабское подражание советской модели или прямое следствие советского влияния. В таких обстоятельствах вопрос, столь долго смущавший советскую дипломатию в Европе, о том, была ли Москва в большей степени заинтересована в том, чтобы способствовать краху капиталистических правительств, или в том, чтобы прийти с ними к взаимопониманию, вряд ли возникал в Азии, а если и возникал, то только в незначительных и малозаметных эпизодах, подобных случаю с Кучек-ханом в Персии. Такие независимые или полунезависимые государства, какие существовали в Азии, постоянно оказывались ввиду природы своих амбиций и чаяний на позициях активной или потенциальной враждебности к западным державам. Советская Россия имела все материальные и моральные мотивы к поощрению их чаяний и к раздуванию пламени их вражды к Западу. Общая позиция, занимаемая Советской Россией и азиатскими странами в отношении империалистических держав, являлась неиссякаемой темой для советских авторов и политических деятелей. Если в период после марта 1921 г. в проведении этой политики и появилась некоторая сдержанность, она была вызвана не каким-либо уходом от поддержки местных коммунистических элементов, восстававших против правительств своих стран, а созданными англо-советским торговым соглашением своеобразными обязательствами, в соответствии с которыми было выгодно какое-то время избегать открытой демонстрации поддержки антибританских элементов в Азии. Сущностью советской политики в период после 1921 г. было стремление к сотрудниче-

ству с национальными правительствами азиатских стран и распространение через эти правительства советского влияния. Проводить такую политику следовало, однако, постепенно и ненавязчиво, то есть так, чтобы не закрыть возможностей для выгодных экономических связей с капиталистическим миром и не повредить им. Деятельность Советской России в Азии, вписываясь в каждом конкретном случае в контекст ее общей политики, чутко реагировала на показания барометра, определявшего состояние этих связей.

Сравнительно сдержанный и дипломатический по форме характер советской внешней политики в период после марта 1921 г. проявился в отношениях с Афганистаном. Главное действующее лицо отделения Энзели и изгнания англичан из северной Персии Раскольников сменил там Сурица на посту советского представителя, и английские агенты стали непрерывно слать мрачные сообщения о его деятельности в Кабуле. Но большевистская пропаганда в Индии, где, похоже, была для нее благоприятная почва, оказалась, как ни странно, безуспешной. Перспективы революции в этой стране, которые, возможно, никогда слишком серьезно в Москве и не рассматривались, поблекли, а с подписанием англо-советского торгового соглашения советский интерес к ним соответственно угас. Афганистан проводил удобную линию на равновесие между соперничавшими Великобританией и Советской Россией. 22 ноября 1921 г. был подписан новый англо-афганский договор, аналог советско-афганского договора от 28 февраля того же года. Его положения предусматривали постоянное дипломатическое и консульское представительство и отмену запрета на транзит оружия и боеприпасов в Афганистан через Индию¹. Но чтобы это не выглядело как окончательный и безоговорочный поворот афганского правительства в сторону англичан, его появление сопровождалось декларацией, осуждавшей недружественную политику британского правительства в отношении Турции². Говорят, что последняя кампания Энвера против советского правления в Восточном Туркестане летом 1922 г. вызвала симпатии афганцев и привела к очередному этапу охлаждения в советско-афганских отношениях³. В целом, однако, как Советская Россия, так и Великобритания в то время, хотя и довольно медленно, с остановками, но тем не менее двигались к признанию того, что независимый Афганистан мог бы служить барьером и буфером, а не яблоком раздора между ними. Опасения серьезной советской угрозы Индии стали личной прерогативой Керзона, и в связи с этим легкие нотки снисхождения присутствовали в выражениях, в которых Чичерин обратился к нему в декабре 1922 г. на Лозаннской конференции:

«Вы обеспокоены потому, что наши всадники вновь появились на вершинах Памира, и потому, что вы более не имеете дела с полоумным царем, уступившим вам в 1895 г. хребет Гиндукуш. Но мы вам предлагаем не войну, а мир, основанный на принципе того, что между нами лежит пропасть»⁴.

Лейтмотивом советской политики в Центральной Азии стало не наступление, а закрепление позиций.

После подписания советско-персидского договора от 26 февраля 1921 г. и прибытия в Тегеран через два месяца после этого в качестве советского представителя Ротштейна борьба между Советской Россией и Великобританией за влияние в Персии стала еще более активной и упорной. Но и здесь советская политика вскоре лишилась какого-либо революционного содержания. Советское правительство поддерживало с правительством Персии корректные отношения и благоволило к восходящей звезде Реза-хана, обладавшего военной силой, обеспечившей государственный переворот в феврале 1921 г. Могущественный Реза, подобно Кемалю в Турции, представлялся советским наблюдателям воплощением сил персидского национализма, который открывал наилучшие перспективы независимой Персии, способной противостоять британскому господству.

«...Ее (Советской России. — Э. К.) прямые интересы, — писал в то время советский комментатор, — требуют, чтобы Персия была сильным централизованным государством, могущим оградить себя от всякого вмешательства в ее дела третьих стран, и прежде всего, конечно, Англии. Такое положение гарантировало бы Советскую Россию от всякого использования персидской территории английскими войсками для нападения на Россию. В сильной центральной государственной власти, опирающейся на единую национальную армию, заключается также залог торгово-промышленного и культурного развития Персии и перехода ее от феодального к новым формам экономического и политического бытия»⁵.

Достоинством советской политики в Азии тогда было то, что рост сильных национальных государств продолжал рассматриваться как отвечающий советским интересам, пока английская политика все еще не могла смочь с себя обвинений в благосклонности к слабым правителям и полусамостоятельным местным вождям, зависимым от английской помощи и покровительства.

Однако до того, как эта новая политика окончательно утвердилась, в советских инстанциях возник серьезный кризис, явивший собой поразительный пример отсутствия координации, которое в то время еще делало возможным проведение различными советскими властями независимых одна от другой и несовместимых политических линий. Безотлагательной честолюбивой целью персидского правительства был вывод иностранных войск из Персии, а Советское правительство обусловило вывод своих вооруженных сил выводом английских. В мае 1921 г. последние британские части покинули персидскую землю. В этот момент советские сторонники Кучек-хана, образовавшего независимую Гилянскую республику и решительно выступавшего против политики умиротворения национального персидского правительства, предприняли свою попытку нанести последний удар. Летом 1921 г. Кучек-хан начал поход на Тегеран, получив для этой авантюры поддержку

не только в лице своих советских советников, но и в виде подкреплений, направленных через Каспийское море из Азербайджанской ССР. Попытка закончилась провалом и была дезавуирована Чичериным в Москве и Ротштейном в Тегеране, который, как говорят, лично направил Ленину протест⁶. В этих условиях от политики поддержки Кучек-хана отказались окончательно. Вывод советских войск завершился в соответствии с планом в сентябре 1921 г. Это предопределило окончательный крах Гилянской республики, который произошел в октябре 1921 г., когда персидские вооруженные силы с советского согласия вновь заняли Гилян и повесили Кучек-хана как мятежника⁷. Вскоре после этого были подавлены другие движения, возглавлявшиеся полусамостоятельными вождями в других пограничных районах.

Период, в который происходили эти события, был отмечен рядом споров по вопросу применения советско-персидского договора, ратификация которого откладывалась меджлисом до 15 декабря 1921 г.⁸ Незадолго до этого вновь обострился тянувшийся долгие годы нефтяной вопрос. В соответствии с договором Советская Россия подтвердила свой отказ от всех концессий в Персии, предоставленных ранее Российскому правительству или русским подданным, но на условиях, что персидское правительство не передаст эти концессии любой другой иностранной державе или ее гражданам. В ноябре 1921 г. вопреки этому положению персидское правительство предоставило компании «Стандард ойл» концессию в Северной Персии, ранее находившуюся в руках грузина русского подданства, а необходимые полномочия для этого были предоставлены меджлисом после голосования, проведенного в удивительно спешном порядке. Последовали решительные протесты Советского правительства⁹. Появление американского капитала в персидской нефтяной промышленности не понравилось и «Англо-персидской нефтяной компании», которой тем не менее удалось добиться от компании «Стандард ойл» соглашения о совместной эксплуатации только что полученной концессии и еще более усилить свои позиции за счет оттока капитала, в результате которого у британского правительства оказалась бо́льшая часть акций. Эта комбинация, однако, пришлась не по вкусу персидскому правительству, и в июне 1922 г. оно разорвало соглашение с компанией «Стандард ойл» и начало переговоры с нефтяной корпорацией «Синклер консолидэйтед»¹⁰. Но в конце концов советский протест возымел действие по причине, разъясненной в бескомпромиссной заметке в «Правде»:

«...Концессии неосуществимы без русского транзита: русское же правительство вряд ли допустит на свою русско-персидскую границу иностранную организацию капитала, могущую в любой момент превратить район концессий в новую военную базу, угрожающую безопасности Кавказа»¹¹.

В ноябре 1922 г. Ротштейн возвратился в Москву, а на посту советского представителя в Тегеране его сменил Шумяцкий. Рот-

штейн проявил себя столь ярким защитником традиционных русских интересов, что иногда, как можно предполагать, советские действия могли рассматриваться как ущемляющие персидскую гордость, подобно британскому или русскому вмешательству в прошлом. Его отъезд был вызван, как говорили, протестами в связи с его своевольной акцией, заключающейся в предоставлении убежища в советском представительстве издателям трех персидских газет, обвиненных в нарушении персидского закона о печати за ведение антибританской и просоветской пропаганды¹².

Самой важной целью советской политики в Персии в период более сдержанной дипломатии, последовавшей за отъездом Ротштейна, было заключение торгового соглашения. Персидское правительство, опасаясь в силу опыта прошлого, что тесные экономические связи с сильной державой влекут за собой политическую зависимость, сначала, казалось, занимало обструкционистскую позицию в этом вопросе. Уже в августе 1921 г. в Тегеран прибыл представитель Внешторга, а в сентябре и октябре Чичерин давил на персидское правительство с тем, чтобы оно направило в Москву делегацию для ведения торговых переговоров¹³. Но переговоры начались лишь в июне 1922 г. и даже тогда не характеризовались значительным прогрессом ввиду возражений персидской стороны против системы монополии внешней торговли. 9 ноября 1922 г. советская делегация пошла на существенную уступку. В то время в советских кругах монополия подвергалась серьезной критике и уже давно, если не в принципе, то на практике, допускались известные вольности в деле приграничной торговли с азиатскими странами¹⁴. Тогда было объявлено, что Советское правительство было готово составить список товаров, которые могли ввозиться в Персию из Советской России и вывозиться из Персии в Советскую Россию посредством частной торговли, минуя Внешторг. Эта уступка, однако, делалась при условии изменений в составе персидского правительства, которое обвинялось (отчасти, несомненно, из-за трений с Ротштейном) в «феодалных» и англофильских пристрастиях. В феврале 1923 г. возник правительственный кризис, и новый кабинет ввел более благоприятный для советских товаров тариф, а 27 февраля Советским правительством был утвержден список товаров, свободная торговля которыми с Персией впредь разрешалась¹⁵. Эта важная уступка, очевидно, должна была служить прецедентом.

Общими правилами торговли с восточными странами, утвержденными на совещании представителей Внешторга в том же году, был установлен принцип, согласно которому торговля с восточными странами должна была вестись на более гибкой основе и на более благоприятных условиях для стран-партнеров по сравнению с капиталистическими странами. Система льготного «лицензионного режима», разрешавшая свободную торговлю «персидскими товарами, не конкурировавшими с советскими товарами», была расхвалена и распространена на торговлю с Турцией, Афганиста-

ном и Внешней Монголией¹⁶. Но, по-видимому, это явилось кульминацией НЭПа в области внешней торговли; впоследствии проявлялась тенденция к ограничению, а не к распространению этих мелких нарушений монополии. Эта уступка также не оказала желаемого эффекта на ход советско-персидских торговых переговоров. Торговый договор был подписан 3 июля 1924 г., но добиться его ратификации меджлисом не удалось.

Однако в этот период центральное место в советской политике на Ближнем и Среднем Востоке продолжала занимать Турция. За подписанием советско-турецкого договора от 16 марта 1921 г. и одновременным с ним провалом попыток турецкого правительства договориться с западными союзниками последовало продвижение греческой армии в Анатолию, поддерживаемое и субсидируемое английским правительством. Оказавшись в тяжелом положении, Турция обратилась за помощью к Москве и поставила Советское правительство перед трудным решением. Для большевиков помощь малой стране, отстаивающей свою свободу в борьбе против вопиющей империалистической агрессии, являлась делом принципа, и об этом принципе часто говорилось именно применительно к Турции. С другой стороны, главное желание Советского правительства в то время — стремиться к безопасности и избегать опрометчивых авантур — было подкреплено опасением поставить под угрозу столь недавно установившиеся торговые отношения с Великобританией и обоснованными подозрениями в отношении постоянства политики турок. Видимо, мнения в советском руководстве разделились¹⁷, и это вызвало отсрочку решения.

Все лето 1921 г., когда греки продолжали наступать, а англо-советское торговое соглашение все еще находилось в стадии своего медового месяца, Москва держалась с подчеркнутой отчужденностью¹⁸. Только осенью, когда с Великобританией началась желчная переписка, а греческое наступление в Анатолии было приостановлено, Советское правительство начало осторожно оказывать Турции поддержку. 25 октября 1921 г. в «Известиях» появился протест в связи с якобы имевшими место зверствами греков. Вскоре после этого было принято решение об оказании Турции содействия боеприпасами и военными советниками, в результате чего в декабре 1921 г. под видом полномочного представителя Украинской ССР в Анкару был направлен советский военный эксперт Фрунзе. Подписание 2 января 1922 г. официального договора между Турцией и Украиной, последовавшее вскоре за заключением советско-турецкого договора в марте предыдущего года, явилось просто прикрытием для решения военных вопросов¹⁹.

Чуть позже Советское правительство продемонстрировало свои дружественные чувства к Турции, поддержав ее требования о приглашении на Генуэзскую конференцию²⁰. В свою очередь Турция ответила на это неожиданной уступкой. Был снят запрет с турецкой коммунистической партии, пережившей с марта по ок-

тябрь 1922 г. после пятнадцати месяцев интенсивных преследований «второй активный период»²¹.

Получив материальную и моральную поддержку Москвы в мае 1922 г., Кемаль начал наступление против греческих захватчиков. Оно завершилось блестящим успехом. За три месяца греки были изгнаны, а в сентябре 1922 г. их остатки были сброшены в море, и опьяненные победой армии Кемалья стали делать угрожающие жесты в отношении слабого британского гарнизона, все еще занимавшего Константинополь. Но здесь уже осторожность взяла верх. Резкие заявления Лондона свидетельствовали о готовности на силу ответить силой. Кемаль воздержался от прямого вызова британской мощи, а Великобритания, перейдя на точку зрения, которой давно придерживались другие западные державы, признала необходимость вывода оккупационных сил из Константинополя и достижения соглашения с Кемалем. Переговоры о мирном договоре с Турцией и о новом режиме проливов теперь должны были проводиться в условиях равноправия.

Такой полный поворот колеса фортуны привел к далеко идущим последствиям.

Непосредственным результатом поражения греков явилась отставка Ллойд Джорджа²². Но начавшееся примирение Кемалья с западными державами имело и другой важный итог. Когда победа была достигнута, Кемаль не только перестал нуждаться в советской поддержке, но и стал проявлять беспокойство в связи с тем, что слишком тесные связи с Советским правительством могли даже нанести ущерб благоприятному урегулированию отношений с Западом, особенно когда в политической жизни Великобритании стал присходить сдвиг вправо. Первым симптомом этого стремления Кемалья показать свою идеологическую независимость стало возобновление с октября месяца преследований турецких коммунистов. Коммунистические группы, к деятельности которых в Анкаре и Константинополе еще недавно проявлялась терпимость, были подавлены, и широкомасштабные аресты коммунистов прокатились по всей стране²³.

Еще до того, как эти сигналы стали слишком явными и были поняты в Москве, Советское правительство уже проявило озабоченность будущим режимом проливов. Одним из его первых актов был отказ от царских претензий на Константинополь. Но в том, что касается прав на вход и выход, Черное море являлось предметом внимания любого российского правительства; и советско-турецкий договор от 16 марта 1921 г. содержал важное положение, провозглашавшее свободу проливов в условиях международного режима, который должен быть установлен путем соглашения между черноморскими державами²⁴. Во время греко-турецкой войны Москва постоянно протестовала в связи с беспрепятственным доступом в Черное море греческих боевых кораблей под прикрытием союзных сил, дислоцированных в Константинополе²⁵. 13 сентября 1922 г., когда война была уже почти закончена, Советское

правительство поспешило сообщить британскому правительству, что «Россия, Турция, Украина и Грузия, охватывающие почти все побережье Черного моря, не могут ни за кем признать права вмешиваться в разрешение вопроса о проливах»²⁶. 24 сентября 1922 г., после того как в английском полуофициальном заявлении в качестве стран, в наибольшей степени заинтересованных в вопросе проливов, были названы Великобритания, Франция и Италия, Чичерин обратился к правительствам Великобритании, Франции, Италии, Югославии, Румынии, Болгарии, Греции и Египта с нотой. В ней, напомнив о вышеназванном положении советско-турецкого договора, Чичерин осудил «узурпацию» западными державами «прав России и союзных с ней республик» и в нескольких фразах изложил суть советских доводов:

«Никакое решение о проливах, принятое без России, не будет окончательным и продолжительным. Оно создаст лишь почву для новых конфликтов.

Та свобода проливов, которую имеет в виду Великобритания, означает лишь желание сильной морской державы контролировать жизненно необходимый для других государств путь с тем, чтобы держать постоянно их под своей угрозой. В первую очередь эта угроза направлена против России и Турции».

В заключение выдвигалось предложение: «немедленный созыв конференции всех заинтересованных держав, и в первую очередь — черноморских государств». Бескомпромиссное по форме, это предложение являлось на деле отходом от отстаивания исключительных прав Советских республик и Турции и указывало на готовность к переговорам²⁷.

В течение октября 1922 г. турецкий вопрос занимал на московской дипломатической арене центральное место. Западные державы продвигались по пути подготовки к Лозаннской конференции, имевшей целью заключение мира с Турцией, на участие в которой Советская Россия, не являвшаяся всююющей стороной, претендовать не могла. Публично объявленной причиной отказа Уркарту в концессии, который был задуман и осуществлен Лениным, было то, что Великобритания выступила против советского участия в конференции²⁸.

В середине октября была направлена еще одна нота протеста в связи с исключением Советской России из состава участников конференции, на этот раз только Великобритании и Италии²⁹. Керзон неохотно уступил, и компромисс был найден. Советская Россия не могла присутствовать на переговорах о мирном договоре, но ее делегаты могли быть допущены на Лозаннскую конференцию «для участия в обсуждении вопроса о проливах». На таких условиях Советскому правительству 27 октября 1922 г. было сделано официальное приглашение. 2 ноября Чичерин заявил протест как против отстранения Советской России от участия в основной конференции, так и в связи с тем, что приглашение не распространялось на Украину и Грузию. По этому второму пункту

он получил ответ, что украинские и грузинские представители могли быть включены в состав советской делегации³⁰. В действительности же Москва была вполне удовлетворена тем, что одержала частичную победу, и делегация в полном составе во главе с Чичериным направилась в Лозанну.

В период между получением приглашения в Лозанну и началом дебатов по вопросу о проливах в Москве прошел IV конгресс Коминтерна³¹. На III конгрессе, состоявшемся летом 1921 г., когда было только что заключено англо-советское торговое соглашение, расценивавшееся как значительное достижение, об обидах азиатских народов, страдавших под империалистическим игом, долгих речей не велось³². На IV конгрессе такой причины — гасить антиимпериалистические или антианглийские страсти — более не существовало, и, хотя и на этот раз все еще раздавались жалобы на сгущение времени, отведенного выступавшим, и на малочисленность аудитории при обсуждении данного вопроса³³, бросавшееся в глаза пренебрежение к нему, допущенное на предыдущем конгрессе, не повторилось. Теперь здесь были представлены коммунистические партии большинства восточных стран. Среди них легальных партий было немного; присутствовавшие организации в основном работали в подполье либо большей частью или целиком состояли из проживающих в Москве беженцев. Едва ли какая-либо из этих партий могла похвастать, что в ее рядах состояло более нескольких сотен человек. На IV конгрессе впервые появился египетский делегат, но представленный им счет о деятельности Египетской социалистической партии был сомнительным, а сам этот представитель был допущен к работе конгресса только с консультативным статусом³⁴. Справедливости ради следует отметить, что если капитализм в Европе, казалось, залечил свои раны, то Азия все еще была охвачена волнениями, что вызвало у Зиновьева рецидив поверхностного оптимизма ранних лет, выразившегося в пророчестве того, что к десятой годовщине Октябрьской революции (конгресс только что собирался праздновать пятую) «мы увидим мир, сотрясающийся от бесчисленных восстаний, когда сотни миллионов поправленных человеческих существ поднимутся против империализма». Число коммунистов Востока, быть может, было невелико. Но Зиновьев, а за ним Сафаров повторяли в этой связи классический утешительный аргумент, что российская «Группа освобождения труда», являвшаяся предтечей Российской коммунистической партии, насчитывала всего пять членов в момент ее основания в 1883 г.³⁵

Надвигавшееся открытие Лозаннской конференции сфокусировало внимание конгресса и Советского правительства на Турции. На заседании 20 ноября 1920 г. глава турецкой делегации, претендовавший на представительство анкарской и константинопольской секций турецкой коммунистической партии³⁶, жаловался,

что, несмотря на то что компартия в соответствии с резолюцией II конгресса поддержала правительство в его борьбе против империализма, последнее начало кампанию репрессий против коммунистов. В этой связи он поставил на голосование протест, который был одобрен единогласно³⁷. На следующий день «Известия» обратились к этой теме, обвинив турецкое правительство в том, что, преследуя коммунистов, оно «подрубает сук, на котором сидит», а затем опубликовали целую серию статей о том, что «единственная страна, которая на Лозаннской конференции способна была бы поддержать турок, — это Советская Россия»³⁸. Представляется сомнительным, было ли уже тогда в Москве осознано, сколь мало эти увещевания и неумеренные обещания поддержки приходились по вкусу турецкой делегации в Лозанне. Через несколько дней IV конгресс принялся за «восточный вопрос». Его обсуждению были посвящены два заседания, и он явился темой самой длинной и подробной резолюции конгресса. Голландский докладчик выступил с далеко идущим заявлением:

«Самый могущественный враг как пролетариата, так и восточных, особенно мусульманских, народов — это Британская империя, чей охватывающий весь мир империализм поконится на господстве в Индии, в Средиземном море и в Индийском океане. Во власти мусульманских народов уничтожить опору, на которой поконится британский империализм. Если рухнет эта опора — рухнет вместе с ней и британский империализм, и его падение вызовет столь могучий отклик во всем мире Ислама и Востока, что и французское владычество не переживет этого краха»³⁹.

Но эта целеустремленность не облегчала определения единой линии поведения. Опыт двух прошлых лет не упростил нахождения точного ответа на вопрос, по которому на II конгрессе шел упорный спор между Лениным и Роем, — отношение национальных коммунистических партий «колониальных и полуколониальных стран» к буржуазным и капиталистическим национально-освободительным движениям. Рой, выступая с позиций индуистской Индии и приводя аргументацию, использованную им на II конгрессе, высказал мнение, что политика сотрудничества с буржуазными националистами зашла слишком далеко. Опыт двух лет «координирования нашей деятельности с деятельностью буржуазных националистических партий в этих странах» доказал, что этот союз не всегда был действенным. Руководство «противоимпериалистическим фронтом» не могло оставаться в руках «робких и колеблющихся буржуазных элементов», а в основании всего движения должны были находиться его «наиболее революционные элементы»⁴⁰.

Индонезийский делегат Малака подошел к этому аргументу с противоположной стороны, считая, что такое сотрудничество продвинулось недостаточно далеко. Индонезийская коммунистическая партия пыталась работать с мусульманской националистической организацией «Сарекат Ислам» и склонилась на свою сто-

рону некоторых ее последователей. Но ущерб был уже причинен тогда, когда на II конгрессе Коминтерна был осужден панисламизм, что было использовано на местах для дискредитации коммунизма. Разве политика объединенного антиимпериалистического фронта не подразумевала поддержки «освободительной войны очень агрессивных, очень активных 250 миллионов мусульман, находившихся под гнетом империалистических держав», другими словами, «панисламизма в том значении»⁴¹? На этот вопрос не дали прямого ответа ни Зиновьев, ни Радек, к которым он был обращен, ни кто-либо из руководства конгресса. Турецкий делегат, раздраженный этими тонкостями, вернул работу в прежнее русло, призвав к созданию «антиимпериалистического фронта» европейских наций, и потребовал, чтобы Лейбористская партия Великобритании оказала давление на правительство Англии, с тем чтобы побудить его заключить мирный договор на основе турецкого «Национального пакта», эвакуироваться из Константинополя и Фракии и решить вопрос о проливах «в духе русско-турецкого договора»⁴². В конце концов Радек, применяя к Востоку тактику, расхваливанием которой он занимался у германских коммунистов, твердо повторил приказ, отданный турецкой коммунистической компартии при ее создании: «Вашей первой задачей, как только вы организовались как отдельная партия, является поддержка движения за национальную свободу в Турции»⁴³.

Принятая конгрессом резолюция по восточному вопросу являлась попыткой примирить все течения зрения. Она по-новому трактовала коминтерновскую доктрину нацисализма. В некоторых отсталых колониальных и полуколониальных странах, где «феодально-патриархальные отношения» еще не разложились и все еще была туземная феодальная аристократия, существовала еще одна, до того времени не признаваемая возможность, а именно: «представители этих верхов могут выступать как активные руководители борьбы с империалистическим насилием». С тех пор стало допустимым, что политика антиимпериалистического фронта могла предусматривать временное сотрудничество не только с национальной буржуазией, как было провозглашено на II конгрессе, но даже и с национальной феодальной аристократией. Это относилось и к вопросу, поставленному индонезийским делегатом:

«В мусульманских странах национальное движение, на первых порах, находит свою идеологию в религиозно-политических лозунгах панисламизма, и это дает возможность великодержавным чиновникам и дипломатам эксплуатировать предрассудки и невежество широких народных масс для борьбы с этим движением... Однако, по мере расширения внутреннего роста национально-освободительных движений, религиозно-политические лозунги панисламизма вытесняются конкретными политическими требованиями. Происходившая недавно в Турции борьба за отделение светской власти от халифата это подтверждает.

Основная задача, общая для всех национально-революцион-

ных движений, заключается в осуществлении национального объединения и достижении государственной независимости»⁴⁴.

Стремление к достижению национального единства путем временной поддержки панисламизма получило, таким образом, одобрение ввиду утешительного предположения, что религиозный аспект национального движения отомрет с нарастанием классовой борьбы. «Единый антиимпериалистический фронт», предписанный теперь восточным странам, сравнивался в резолюции с «единым рабочим фронтом», пропагандировавшимся в Европе в течение прошлых лет, поскольку и тот и другой представляли собой политику, подразумевающую «перспективу длительной и затяжной борьбы», требовавшей «мобилизации всех революционных элементов». Но антиимпериалистический фронт должен был вписываться в панораму всемирного масштаба:

«Разъяснение широким трудящимся массам необходимости союза с международным пролетариатом и Советскими республиками является одной из важнейших задач тактики единого антиимпериалистического фронта. Колониальная революция может победить и отстоять свои завоевания только вместе с пролетарской революцией в передовых странах. . . Требование тесного союза с пролетарской республикой Советов является знаменем единого антиимпериалистического фронта»⁴⁵.

Соответствующие поправки были внесены и в резолюцию по аграрному вопросу. Варга объяснил, что предположение II конгресса о тождественности национального и аграрного движений основывалось на опыте таких стран, как Индия⁴⁶, но могли быть и другие страны, как, например, Турция, где землевладельцы сами были руководителями национального движения, и к ним следовало применять иные мерки. В резолюции в форме «Наброска аграрной программы» суть дела была изложена с почти приводящей в смущение ясностью:

«В колониальных странах с поработанным туземным крестьянским населением национально-освободительная борьба ведется либо всем населением сообща, как, напр., в Турции; в этом случае борьба поработанного крестьянства против землевладельцев начинается немедленно же после победы освободительного движения. Либо же феодальные землевладельцы находятся в союзе с капиталистическими разбойниками; в таких странах (напр., в Индии) социальная борьба поработанных крестьян совпадает с национально-освободительной борьбой»⁴⁷.

Далекая от своего разрешения теоретическая дилемма отношения коммунистических партий и угнетенных рабочих и крестьян к национально-освободительным движениям в их собственных странах была еще больше усугублена выводами IV конгресса. От пролетариата и крестьян требовалось подчинить их социальную программу неотложным потребностям совместной национальной борьбы против иностранного империализма. Предполагалось, что националистически настроенная буржуазия или даже национали-

стически настроенная феодальная аристократия будут готовы возглавить борьбу за национальное освобождение от ига иностранного империализма в союзе с потенциально революционными пролетариями и крестьянами, ждущими лишь момента победы, чтобы затем повернуться против них и сбросить их.

Однако практический урок, который можно было извлечь из дебатов и резолюций конгресса, был более ясным. Как и «единый фронт» в европейских странах, единый антиимпериалистический фронт в Азии придал максимум гибкости линии Коминтерна и сделал ее легко приспособляемой к меняющимся потребностям советской политики. Он означал еще один шаг к отождествлению конечных интересов мировой революции с непосредственными национальными интересами страны, которая одна была в состоянии играть роль знаменосца революции. Применение данного принципа к Турции на том поворотном этапе ее судьбы также не оставляло неясностей. После обсуждения восточного и аграрного вопросов конгресс принял резолюцию с осуждением Версальского договора ⁴⁸, и в этой резолюции уже проводилась подразумевавшаяся параллель между ролями турецкой и германской партий. В ней Турция приветствовалась как «аванпост революционирующегося Востока», поскольку она «успешно с оружием в руках воспротивилась осуществлению мирного договора» ⁴⁹.

Радеку, игравшему особо видную роль на конгрессе, было уместно припомнить свои беседы с Энвером, состоявшиеся в тюрьме Моабит более чем три года назад, когда он впервые выдвинул тогда еще новаторскую идею союза между русским большевизмом и турецким или германским национализмом, с тем чтобы восстать против условий мира, навязанных западными империалистическими державами. Эта идея пустила ростки и принесла плоды в турецкой и германской политике. В Германии она увенчалась Рапалльским договором, а шесть месяцев спустя в Москве создавалось впечатление, будто бы Лозаннская конференция была предназначена для того, чтобы уложить последний камень в столь же прочное здание советско-турецкой дружбы. Преследования турецких коммунистов уже больше не казались значительнее репрессивных мер, предпринимаемых время от времени против немецких коммунистов тайной полицией и рейхсвером. Как примирительно заметил Бухарин на XII съезде партии в апреле 1923 г., Турция «при всех преследованиях коммунистов, играет революционную роль, потому что является инструментом, разрушительным по отношению ко всей империалистической системе в ее целом» ⁵⁰.

Лозаннская мирная конференция зимой 1922/23 г. ознаменовала собой первое появление представителей Советского правительства на важном международном форуме в качестве защитников не интересов революции 1917 г., а того, что было, по общему признанию, просто русскими государственными и геополитическими интересами. Неоднократно цитируемая статья под наз-

ванием «Россия возвращается», появившаяся 7 декабря 1922 г. в «Известиях» за подписью их редактора Стеклова, показывала, что Москва не пренебрегала такой преемственностью.

«В результате внешней и гражданской войны Россия, как решающая величина, временно исчезла с горизонта международной политики. . . Новая Россия, которая рождалась в муках революции. . ., была еще слишком слабая для того, чтобы сказать свое слово в вопросах международной политики. . .

Но с каждым днем. . . Советская республика крепла изнутри, она крепла и вовне. . . не менее умело, чем старая Россия, используя разногласия между империалистическими государствами. . . От одной международной конференции до другой сила и влияние России. . . неизбежно будут возрастать. . . В твердой уверенности в своей правоте и в растущем сочувствии пробуждающихся народов Советская Россия может спокойно взирать на временные дипломатические неудачи, зная, что в конечном счете победа останется не за империалистическими хищниками.

Россия возвращается на международную арену. . . Будем надеяться, что недалек тот день, когда возвращение скажется с силой, не допускающей возражений».

Характер этого процесса подчеркивался появлением в качестве основного противника Чичерина на Лозаннской конференции последнего настоящего представителя антирусской традиции в британской внешней политике конца XIX века. Керзона заботила не защита капиталистической системы, а защита и распространение британской власти, которую он трактовал в всенно-феодалных выражениях. Чичерин, человек более тонкого интеллектуального восприятия, скептик во всем, за исключением, быть может, глубокого убеждения в банкротстве западного империализма и его традиционной дипломатии, увязывал интересы русской государственной политики с обращением к национальным чаяниям более слабых стран, которое было с самого начала воплощено в революционной программе России. В Лозанне, казалось, это ему легко удалось путем замены традиционного национального подхода к вопросу о проливах его противоположностью.

В XIX веке Великобритания, желая запретить русский флот в Черном море, всегда стремилась установить самые строгие ограничения на проход военных кораблей через турецкие воды проливов и поддерживать неограниченный турецкий суверенитет над ними; с другой стороны, Россия хотела связать Турцию обязательством разрешать свободный проход при любых условиях. А теперь Великобритания, не испытывая более тревоги в связи с русским флотом и желая получить свободный доступ в Черное море для своих собственных военных кораблей, взяла на себя бывшую русскую роль сторонника ограничения турецкого суверенитета над проливами в интересах беспрепятственного входа и выхода военных кораблей всех государств. Россия же, испытав на себе последствия неограничиваемого доступа иностранных воен-

ных кораблей в Черное море во время гражданской войны, перешла на бывшую английскую позицию отстаивания турецкого суверенитета над проливами. Двусмысленным аспектом данной ситуации была позиция Турции, теперь до некоторой степени оправившейся после недавнего избиения западными державами и опасавшейся слишком тесной дружбы со своим могущественным соседом и односторонней ориентации на него. Даже принятый в январе 1920 г. «Национальный пакт», содержавший требование обеспечения безопасности Константинополя, предполагал, что режим проливов будет полностью международным. Таким образом, вопрос о проливах стал второстепенным фактором в турецких расчетах и рассматривался в свете более широкой проблемы отношений с Западом и Востоком.

Когда вопрос о проливах 4 декабря 1922 г. был впервые поднят на Лозаннской конференции, глава турецкой делегации Исмет отклонил настойчивое приглашение Керзона, председательствовавшего на конференции, взять слово первым, и вступительное заявление по данному вопросу выпало на долю только что прибывшей советской делегации. Чичерин, выступавший в качестве главы делегации, представлявшей «Россию, Украину и Грузию»⁵¹, показал пример изысканной дипломатии:

«Сохранение мира на Черном море и безопасность его берегов, равно как и сохранение мира на Ближнем Востоке и безопасность Константинополя, должны быть прочно гарантированы, а это означает, что Дарданеллы и Босфор как в мирное время, так и в военное должны быть постоянно закрыты для военных и вооруженных судов, а также для военных летательных аппаратов всех стран, за исключением Турции... Основываясь на том факте, что Дарданеллы и Босфор принадлежат Турции, Рос. правительство и его союзники, уважая суверенитет каждого народа, настаивают на восстановлении и на сохранении во всей их полноте прав турецкого народа на свою территорию и на свои воды... Закрытие проливов для военных судов соответствует также принципу равенства между всеми государствами, тогда как открытие их для военных судов создает преимущественное положение для наиболее сильной морской державы... Сов. Россия, аннулируя без какой бы то ни было компенсации все соглашения, касающиеся передачи Константинополя России, давая тем самым возможность Турции победоносно защищать свое существование и освобождая все государства бассейна Средиземного моря от старой угрозы вековых вожделений царизма, никоим образом не имела намерения позволить, чтобы вопросу о проливах было бы дано разрешение, непосредственно направленное против ее собственной безопасности»⁵².

За Чичериным выступили делегаты двух черноморских стран — Румынии и Болгарии — и Греции, имевшей прямые интересы в данном районе; все они высказались в пользу западной точки зрения. Тогда Керзон задал явно смущенному Исмету прямой

вопрос: «Считает ли он русский подход тождественным подходу турецкого правительства?» Исмет ответил, что, хотя «среди различных предложений, внесенных на конференции, предложение русско-украинско-грузинской делегации представлялось ему соответствовавшим точке зрения турецкой делегации», последняя была «обязана рассмотреть» любые другие предложения, которые могли быть сделаны⁵³. Узкий клин, умело вбитый таким образом между советской и турецкой делегациями, по ходу конференции становился все толще.

Этот намек на отповедь не изменил тактики Чичерина. Два дня спустя, лично обращаясь к Керзону, он высказал мнение, что «британское продвижение в Европе» пришло «на смену русскому продвижению в Азии»:

«Русская революция превратила русский народ в нацию, вся энергия которой сосредоточена в ее правительстве до неведомой до сих пор в истории степени; если этой нации будет навязана война, она не капитулирует... Но мы вам предлагаем не войну, а мир, основанный на принципе того, что между нами лежит пропасть, и на принципе свободы и суверенитета Турции»⁵⁴.

Права и интересы Турции отстаивались с показным пафосом. Проект конвенции, представленный западными державами, был охарактеризован как «равноценный лишению турецкого народа контроля над транзитом и действительного суверенитета на проливы» и как «грубое нарушение суверенитета и независимости Турции»⁵⁵. Неустрашенная своим формальным исключением из числа участников переговоров по мирному договору, советская делегация представила длинный меморандум, в котором пускалась в подробности относительно несправедливости условий, предложенных Турции западными союзниками⁵⁶. Однако в скором времени стало ясно, что турецкая делегация была более смущена, нежели польщена ревностным заступничеством Чичерина.

Вопрос о проливах представлял больший интерес для России, чем для Турции. Турции в особенности не улыбалась перспектива оказаться лицом к лицу с советской мощью на Черном море, в то время как военных кораблей других наций там бы не было, и ее делегация в Лозанне, обнаружив, что она может получить другие выгоды, отказавшись от союза с Советами, подготовилась это сделать, невзирая на чувства и интересы советской делегации. Таким образом, на последней стадии конференции Чичерин оказался изолированным и лишенным главного аргумента, на который он решил опираться. Проект конвенции о проливах, одобренный конференцией 1 февраля 1923 г., в целом был победой британской политики. Единственным существенным ограничением свободы доступа иностранных военных судов в Черное море было то, что ни одна держава не могла одновременно направить в него военно-морские силы более крупные, чем наибольший флот какой-либо черноморской страны. В связи с согласием на эти условия других участников конференции советская делегация сде-

лала заявление, что, «если определенные державы подпишут эту конвенцию без России, Украины, Грузии, вопрос о проливах останется и будет оставаться открытым»⁵⁷.

Компромиссный подход турецкой делегации к вопросу о проливах хотя и способствовал ее примирению с английской делегацией, не спас ее от непреклонности французов и итальянцев в отношении некоторых условий мира. Через несколько дней, после того как соглашение в вопросе о проливах было достигнуто, не считая несогласия с ним Советов, Керзон от имени союзных делегаций предъявил Исмету ультиматум по вопросу юридического статуса иностранцев в Турции, и после его отклонения, произошедшего, очевидно, при поощрении Чичериным⁵⁸, конференция прервала свою работу.

Она была возобновлена в конце апреля 1923 г. На этот раз, поскольку вопрос о проливах был урегулирован, советских делегатов не пригласили, а Воровский, являвшийся уже советским представителем в Риме и направленный Советским правительством в Лозанну в качестве наблюдателя, был убит «белым» фанатиком. Конвенция о проливах была в конце концов подписана 24 июля 1923 г. в Лозанне вместе с мирным договором⁵⁹. Через три недели, заявив при этом соответствующий протест, ее был вынужден подписать преемник Воровского, но она никогда не была ратифицирована Советским Союзом. Для Советского правительства это было явным поражением.

Хотя Лозаннская конференция явилась еще одним шагом к возвращению Советской России на международную арену, она вместе с тем показала, что Россия была еще недостаточно сильна, чтобы играть там ведущую роль или привлекать на свою сторону более слабые страны, пока она стояла одна среди великих держав. Европейского партнера, чей голос впредь делал бы все более и более трудным игнорирование Советской России в европейских делах, в Азии не было. Лозанна прежде всего показала ценность Рапалло.

ГЛАВА 33

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК I — ПЕРИОД ЗАКАТА

Дальний Восток по-настоящему вошел в сферу действия советской внешней политики позже, чем страны Среднего Востока и Европы. Вообще говоря, и Япония и Китай были среди тех воюющих стран, к которым были обращены Декрет о мире и другие широковещательные призывы первых дней советского режима. Но эти страны едва ли входили в поле зрения тех лиц, которые готовили и обнародовали эти документы. Обращение от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» распространялось на Индию¹, но не далее. Происходившие в тот период контакты со странами Дальнего Востока носили преимущественно враждебный характер. Принадлежавшая России и управляемая ею Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), которая была проложена по китайской территории на основании протокола к русско-китайскому договору 1896 г., давала прямой повод к раздорам. Через несколько дней после революции в Петрограде Совет рабочих, самообразовавшийся в Харбине, где находилось правление железной дороги, попытался отобрать руководство КВЖД у его русского председателя — генерала Хорвата. Этой попытке было оказано сопротивление, и по просьбе союзных правительств «для поддержания порядка» в Харбин было направлено 10 тыс. китайских солдат². 20 декабря 1917 г. (2 января 1918 г.) китайское правительство фактически захватило железную дорогу, назначив в нарушение договора 1896 г. китайского председателя правления КВЖД³; в то время, однако, ликвидация русского белогвардейского контроля над железной дорогой вряд ли могла вызвать какое-либо недовольство в Москве. Два месяца спустя китайские войска оккупировали всю железную дорогу вплоть до пограничной станции Хайлар и перерезали беспрепятственное сообщение через нее в Сибирь и обратно⁴.

В Петрограде японский посол, последовав примеру других союзных представителей, укрылся вместе с ними в феврале 1918 г.

в Вологде и уклонялся от каких-либо отношений с новым режимом. Поначалу Советское правительство возлагало большие надежды на китайского посланника. Оно явно специально для Китая указывало на полную отмену всех договоров царского режима и предлагало китайскому правительству провести переговоры о прекращении действия и замене старых договоров, ущемлявших интересы Китая. Но в марте 1918 г. союзники, словами последовавшего советского заявления, «схватили пекинское правительство за горло» и вынудили его «прекратить все отношения с Российским рабоче-крестьянским правительством»⁵. 5 апреля 1918 г. высадка японских отрядов во Владивостоке, оказавшаяся первым шагом в широкомасштабной союзнической вооруженной интервенции, вызвала решительные советские протесты в печати и представителям союзников в Москве и Вологде⁶. Через несколько дней Янсон, советский полномочный представитель НКВД на Дальнем Востоке с неопределенным статусом, встретился с китайским представителем на маньчжурской границе и выразил ему протест в связи с вторжением на советскую территорию со стороны Китая белоказахского генерала Семенова, пользовавшегося поддержкой союзников⁷. Все эти протесты оказались полностью безрезультатными. В отношении интервенции китайское правительство официально встало на сторону союзников и даже направило во Владивосток символический контингент. С лета 1918 г. до первых месяцев 1920 г. Сибирь являлась главным театром военных действий против Советского правительства. Разгром Колчака привел к созданию буферной Дальневосточной Республики и к постепенному выводу оставшихся японских войск в пределы Приморья. Но последние японские части покинули Владивосток лишь в ноябре 1922 г., то есть спустя четыре с половиной года после их высадки⁸. Стена, отделявшая Советскую Россию от внешнего мира в 1919 г. со стороны Дальнего Востока, была более неприступной, чем где бы то ни было, и в дальнейшем потребовалось больше времени на ее сокрушение. Но при этом можно найти и некоторые параллели.

1920 г. принес на Дальний Восток, как и в Европу, первые признаки того, что период заката и насильственной изоляции стал приближаться к концу. 1921 г., когда советская дипломатия впервые начала укреплять свои позиции в Европе и на Среднем Востоке, был также годом ее первых успехов на Дальнем Востоке.

В течение всего периода с 1917 по 1921 г. между Москвой и Токио не было никаких прямых отношений. Но с самого начала скорее Япония, а не Китай была главной причиной озабоченности Советов и находилась в центре внимания советской политики на Дальнем Востоке, поскольку Япония являлась не только главным врагом и основной империалистической державой на Дальнем Востоке, но и потому, что она как крупная индустриаль-

ная страна с растущим и угнетенным пролетариатом была потенциально созревшей для революции и представляла собой благодатную почву для революционной пропаганды. Поэтому, с советской точки зрения, Япония соединяла в одном лице и Англию, и Германию Дальнего Востока. За индустриализацией Японии по западному образцу в последние два десятилетия XIX века последовало постепенное проникновение в эту страну западных политических идей. В 1901 г. Катаяма, впоследствии ведущий японский коммунистический деятель, и Котоку, впоследствии анархосиндикалист, основали социал-демократическую партию, которая, однако, вскоре была распущена властями. Во время русско-японской войны в одном радикальном журнале был впервые опубликован «Манифест Коммунистической партии» в переводе на японский язык. В августе 1904 г. Катаяма присутствовал на Амстердамском конгрессе Второго Интернационала, и его публичное рукопожатие с Плехановым явилось одним из главных событий конгресса. Затем в Японии наступил период, когда все движение и любая деятельность левого толка систематически преследовались и подавлялись. В 1911 г. Котоку и другие ведущие анархисты были казнены по обвинению в заговоре с целью убийства императора, а спустя два года Катаяма эмигрировал в Соединенные Штаты⁹.

Первая мировая война вызвала в Японии период инфляционных прибылей и цен, что взвалило новые тяготы на слишком низко оплачивавшегося и недоедавшего рабочего. Так называемые «рисовые бунты» августа и сентября 1918 г. явились первым открытым проявлением в Японии чего-то похожего на организованное рабочее движение, вызванное недовольством пролетариата. Но в то время у большевиков России было мало средств на что-либо отдаленное от их собственных, находившихся под угрозой жизненных центров, как Дальний Восток, и мало опытных экспертов по дальневосточным делам. Несомненно, что поле для революционной деятельности в Японии было гораздо более ограничено и куда менее доступно, чем в Западной Европе. В Отделе международной пропаганды среди народов Востока, учрежденном на I съезде коммунистических организаций Востока в ноябре 1918 г., одна из его двенадцати проектированных секций отводилась Японии¹⁰. Но неизвестно, было ли какое-нибудь японское подразделение когда-либо на деле создано. В повестке из Москвы с вызовом на Учредительный конгресс Коминтерна, разосланной в январе 1919 г., содержалась ссылка на «социалистические группы в Токио и Иокогаме»¹¹. Но ни один японец на конгрессе не появился, и тот факт, что на конгрессе была зачитана декларация токийской группы двухлетней давности во славу февральской революции, случайно привезенная в Москву голландским коммунистом¹², предполагал как сильное стремление к установлению контактов с Японией, так и скудость средств для этого. Под воздействием отчасти западного радикализма, а отчасти

большевистской революции японская интеллигенция начала образовывать левые группы, у которых на той стадии, как представляется, почти не было контактов с массами и совсем не было практической программы. Говорят, что японская Социалистическая лига сформировалась в Токио в декабре 1920 г. из коалиции анархо-синдикалистской и радикально-социалистической групп¹³. В апреле 1920 г. «Японская социалистическая группа в Соединенных Штатах», душой которой был Катаяма, выступила с протестом в связи с репрессиями японских войск во Владивостоке в ответ на николаевскую резню *¹⁴, и представляется, что вдохновителями основания Социалистической лиги также явились японцы в Соединенных Штатах¹⁵.

Первые шаги Коминтерна в данной области продемонстрировали лишь трудность задачи. «Япония, раздираемая капиталистическими противоречиями в феодальной оболочке, — заявлялось в Манифесте II конгресса Коминтерна, проходившего в августе 1920 г., — стоит накануне глубочайшего революционного кризиса»¹⁶. Но этот диагноз ставился скорее на основе марксистской теории, чем эмпирических доказательств. Осенью 1920 г. Войтинский, прибывший в Китай в качестве представителя Коминтерна¹⁷, пошел на прямой контакт с видным японским лидером левого направления анархистом Осуги, пригласив его к себе в Шанхай. В результате этого визита Осуги получил средства для ведения работы в Японии, в том числе для издания левого журнала, в котором должны были сотрудничать коммунисты. Этот журнал под названием «Родо ундо» («Рабочее движение») действительно был основан в январе 1921 г. и имел двух коммунистов в составе своей редакционной коллегии, но вскоре был закрыт полицией. Весной 1921 г. один из этих двух коммунистов, Кондо, поехал в Шанхай. Комитет из двенадцати китайцев и корейцев, где председательствовал Пак Дин Шун в качестве делегата Коминтерна, опросил его, выдал ему 6,3 тыс. иен на работу в Японии и пригласил приехать летом того же года в Москву на III конгресс Коминтерна в качестве японского делегата. Однако по возвращении в Японию он был арестован, хотя, кажется, вскоре выпущен на свободу за отсутствием особых улик¹⁸. Несмотря на этот провал, японский представитель прибыл в Москву на III конгресс, привезя с собой «революционное приветствие только что организованной в Японии коммунистической партии»¹⁹. Но у него не было полномочий, и все это предприятие было явно

* В январе 1920 г. японский гарнизон в Николаевске-на-Амуре сдался партизанскому отряду под командованием анархиста Тряпицына и заключил договор, по которому город передавался партизанам. Через две недели японцы, нарушив договор, напали на партизан. В результате боя, окончившегося победой партизан, было захвачено в плен около 100 японцев. В дальнейшем при наступлении японских войск на город Тряпицын расстрелял пленных. За это самоуправство и жестокость он был осужден и расстрелян партизанами. Николаевский инцидент использовался японцами в качестве оправдания продолжения интервенции и оккупации советской территории. — *Прим. ред.*

мертворожденным, поскольку на следующую зиму к задаче создания японской компартии пришлось приступать заново.

Недоступностью Японии как для советской политики, так и для большевистской пропаганды объяснялось проявление значительного интереса к Корее, бывшей явно самым больным местом японского империализма. После русско-японской войны большое количество корейских беженцев осело в Сибири, а отдельные представители корейской интеллигенции добрались до Петербурга²⁰. Другая горстка корейских изгнанников обосновалась в Соединенных Штатах. Первая мировая война, апогеем которой явились Февральская и Октябрьская революции, естественно, вызвала определенное брожение среди этих корейских групп. Корейский делегат выступал в декабре 1918 г. на интернациональном митинге в Петербурге, предшествовавшем образованию Коммунистического Интернационала²¹, а другой кореец, хотя и без полномочий, появился на Учредительном конгрессе Интернационала в марте 1919 г.

К этому времени образовались два отдельных корейских национальных движения, каждое из которых выдвигало требование освобождения страны от японского владычества. Одно из них оформилось в Корейский национальный совет, разработавший программу достижения Кореей независимости на основе национального самоопределения и вызывавший к сочувствию союзников, а точнее, Америки. Его руководителем являлся бывший ученик президента Вильсона, кореец американского происхождения Ли Сын Ман. Эта группа, попытавшаяся поднять национальное восстание в Корее в марте 1919 г.²², как представляется, утратила влияние и исчезла после того, как восстание было легко подавлено японцами, а Парижская мирная конференция отказалась рассматривать корейский вопрос. Другая группа стремилась к сотрудничеству с большевиками на основе программы, сочетавшей в себе националистические и революционные установки²³. В апреле 1919 г. эта группа под названием Корейской социалистической партии провела во Владивостоке «съезд» и направила Пак Дин Шуна и еще двух делегатов в Москву для отчета об ее деятельности перед ИККИ²⁴. Официальное образование Коммунистической партии Кореи состоялось в 1920 г.²⁵ Пак Дин Шун был ее делегатом на II и III конгрессах Коминтерна и на какое-то время стал в Москве признанным знатоком корейских дел. Но корейское движение, как бы усердно оно ни выпестовывалось Коминтерном, являлось не более чем мельчайшим булавочным уколom в казавшуюся непроницаемой броню японского империализма.

С самого начала положение в Китае, как оно представлялось творцом советской внешней политики, было гораздо более сложным, чем в Японии, и на первый взгляд в равной степени неутешительным. Однако между этими двумя странами было два жизненно важных для советской политики различия, которые в дол-

госрочном плане обеспечивали ей в Китае перспективы уверенных и успешных акций, которых для нее в Японии не существовало.

Во-первых, хотя китайский пролетариат был куда малочисленнее японского и поэтому вероятность пролетарской революции здесь казалась гораздо меньшей, китайский национализм являлся таким источником революционного брожения, которого в Японии не было совсем. Ленин давно отнес Китай вместе с Персией и Турцией к «полуколониальным странам», эксплуатируемым и угнетаемым империалистическими державами. Китайская революция 1911 г. дала мощный импульс национальному возмущению, направленному против «неравноправных» договоров, навязанных в XIX веке Китаю европейскими державами и Японией. Отказ Советского правительства от заключенных Россией договоров и от вытекавших из них привилегий дал сильный козырь советской политике и пропаганде. Нарастающий разлад между Советской Россией и западным миром почти автоматически скрепил союз большевистской революции и китайского национализма. Тот факт, что Япония выступала на стороне западных держав, как в том, что касалось подхода к Китаю, так и в плане поддержки «белых» в гражданской войне в России, давал Советской России и националистическому Китаю основание для совместной враждебности в отношении Японии. Кроме того, китайский национализм вызвал раскол в самом Китае.

В тот момент, когда в советской политике впервые проявилась озабоченность китайскими делами, китайское правительство в Пекине, более или менее тесно сотрудничая с западными державами и Японией, осуществляло непрочную и почти номинальную власть над военными губернаторами, господствовавшими в нескольких наиболее важных провинциях; и ему активно противостояло более или менее организованное националистическое правительство в Кантоне, душой которого был «отец» революции 1911 г. Сунь Ятсен. В 1912 г. Ленин сравнивал китайскую революцию с русской, и, осуждая «мечту» Сунь Ятсена о возможности перехода Китая к социализму, минуя капитализм, как «реакционную», он в то же время назвал самого Сунь Ятсена «революционным демократом, полным благородства и героизма»²⁶. Сунь Ятсен не был марксистом и определенно отвергал классовую войну. Но его концепция демократии, как и у Руссо, была непосредственной и тоталитарной, и это делало существовавшие тогда формы западной демократии более чуждыми ему, чем большевизм. Говорят, что он приветствовал большевистскую революцию как «точную копию ее китайской предшественницы»²⁷; существуют также доказательства того, что он перенимал от Ленина концепцию дисциплинированной и организованной революционной партии²⁸. Таким образом, между творцами китайской и русской революции существовали определенные естественные симпатии еще задолго до того, как они начали принимать полити-

ческие формы, и даже еще до того, как между ними была налажена связь. В этих условиях советская дипломатия, продолжая формально признавать пекинское правительство, тем не менее сохраняла за собой большую свободу маневра, не столь существенно отличаясь в этом плане от дипломатии других держав, за исключением того, что она располагала более широкими возможностями.

Во-вторых, если прямое соприкосновение территории России и Японии ограничивалось небольшим районом, то между Россией и Китаем пролегла самая протяженная сухопутная граница в мире. В советско-китайских отношениях продолжали преобладать, как в течение долгого времени и в русско-китайских отношениях, вопросы, возникавшие вследствие традиционного российского давления на те окраины Китайской империи, население которых всегда было более или менее непокорно власти центрального китайского правительства. Вдоль границы между азиатской Россией и Китаем простиралось три таких района — Синьцзян (так называемый Китайский Туркестан), Внешняя Монголия и Маньчжурия. В первых двух крайне разбросанно проживало этнически некитайское население, относившееся соответственно к тюркской и монгольской языковым группам²⁹. Один лишь третий район — Маньчжурия — обладал большими природными богатствами и плотным китайским населением, был единственным районом русско-китайской границы, где русские и китайцы имели непосредственный территориальный контакт, и преподносил крупное яблоко раздора в виде КВЖД. Ситуация осложнялась тем интересом, который ко всем этим районам проявляла Япония. В 20-е годы ее интерес был в отношении Синьцзяна пассивным, Внешней Монголии³⁰ — непостоянным, Маньчжурии — неизменным и активным.

Среди этих трех районов Синьцзян был в тот период слишком изолирован от политических центров, чтобы играть важную роль. С китайской стороны могущественный и способный губернатор Ян Цзэнсин правил этой провинцией с 1912 г. в условиях фактически полной независимости от Пекина. С советской стороны в результате большевистской революции почти на два года прервалось сообщение между Москвой и Ташкентом, в котором центральная власть стала ощущаться лишь весной 1920 г., а на весь Туркестан распространилась гораздо позже³¹. В беспокойных условиях на советской стороне границы даже отношения между приграничными районами двух стран налаживались с трудом и сводились к вопросам местного значения. Основной заботой Яна в тот период было обеспечение возвращения на советскую территорию многих тысяч «белых» беженцев, наводнивших Синьцзян после революции³² и представлявших собой угрозу безопасности и порядку.

Власти Советского Туркестана пожелали срочно восстановить приграничную торговлю, поскольку импорт домашнего скота, кож

и чая из Синьцзяна играл существенную роль в экономике Российской Средней Азии, хотя экспорт тканей и потребительских товаров, уравновешивавший этот импорт, теперь был едва ли возможен. 27 мая 1920 г. между губернатором Синьцзяна и Ташкентским правительством было заключено соглашение, в соответствии с которым каждая сторона могла иметь «агентство для решения дипломатических и торговых вопросов» на территории другой. Советское агентство должно было находиться на северной границе Синьцзяна в Кульдже, а китайское — в г. Верном (ныне г. Алмата. — *Ред.*). Торговые сообщения между Советским Туркестаном и Синьцзяном могли вестись лишь по единственному пути, ведущему в северную область Синьцзяна — Или. Ташкентские власти пообещали «амнистию, являющуюся законом» для всех русских гражданских и военных беженцев, находившихся на китайской территории, которые могли быть высланы назад китайскими властями. Требования относительно китайской собственности в Советском Туркестане были в туманных выражениях оставлены для «комиссии по возмещению убытков иностранных подданных» в Ташкенте ³³.

Это соглашение представляло собой победу властей Синьцзяна почти по всем пунктам. Если русско-китайским договором 1881 г. России предоставлялось право на открытие в Синьцзяне семи консульств, имевших экстерриториальный статус, то теперь ей позволялось иметь лишь два приграничных агентства, а торговля ограничивалась лишь одним путем и подпадала исключительно под местные законы. Ташкентские власти согласились принять обратно нежелательное бремя «белых» беженцев. Права российских граждан на торговлю в Синьцзяне, предоставлявшиеся соглашением, распространялись только на его северную область, вследствие чего советские влияние и проникновение были строго исключены в Южном Синьцзяне, где все еще преобладало британское господство ³⁴. Соглашение от 27 мая 1920 г. фиксировало самую нижнюю отметку уровня советского могущества и влияния в Средней Азии. Затем возобновление регулярных отношений с Москвой и восстановление порядка в Туркестане, увенчавшиеся образованием автономной Туркестанской ССР в 1921 г. ³⁵, позволило Советской власти вновь заявить о себе в ее отношениях как с Синьцзяном, так и с другими соседями. Беспорядки, вызванные китайской гражданской войной и ослаблением власти и престижа Великобритании в Индии и на Среднем Востоке, усилили прочно установившуюся в последний период царского режима существенную зависимость Синьцзяна от торговли с Россией. Ни Китай, ни Британская Индия не смогли бы предложить Синьцзяну столь легкого доступа ни к рынкам сбыта, ни к источникам снабжения, который мог дать Советский Туркестан; и как только Советская власть была там твердо установлена, она стала для Синьцзяна силой, с которой он оказался более всего связанным. В этих условиях история следующего десяти-

летия оказалась историей постепенного восстановления русского влияния. Вначале этот процесс шел крайне медленно. Но уже в 1921 г. при посредничестве советского представительства в Семипалатинске была организована крупномасштабная торговля домашним скотом. Секретарь китайского консульства в этом городе якобы заявил, что, поскольку Синьцзян оказался отрезанным от китайских рынков гражданской войной, у него не было другого выбора, кроме поисков рынков в Советской России. На следующий год, согласно советской информации, произошел спад в торговле, вызванный переменами в отвечавшем за нее руководстве и просрочкой платежей за поставленные партии товаров³⁶.

В то время ограничивающим фактором в советской торговле с Синьцзяном была явная неспособность советской стороны поставлять в достаточном количестве потребительские товары, которые запрашивал контрагент. До 1924 г. условия торговли и другие отношения между Советской Россией и Синьцзяном сохранились в неизменных формах.

Внешняя Монголия, второй из этих приграничных районов, являлась большей, но и более редко населенной частью тех двух областей, на которые традиционно подразделялась монгольская территория; она оставалась даже после присоединения Амурской области к России в 1858 г. удаленным и слабо удерживаемым бастионом Китайской империи, граничившей с русской территорией на протяжении около 2,5 тыс. км. Постепенно русской дипломатии удалось сделать из Внешней Монголии ничейную землю между двумя империями, а затем с помощью трехстороннего Кяхтинского договора 1915 г. превратить ее в автономную область, формально находившуюся под китайским сюзеренитетом, но на условиях, которые фактически делали ее русским протекторатом — их можно было сравнить лишь с положением Тибета в отношении Великобритании³⁷. Монголы были в тот период отсталым и не слишком многочисленным народом, зажатым между двумя могущественными странами. Но, поскольку русская эмиграция во Внешнюю Монголию (не считая бурят-монголов с российской территории) была и, по всей видимости, должна была оставаться незначительной, в то время как китайская эмиграция, уже шедшая широким потоком во Внутреннюю Монголию, представляла собой серьезную угрозу, русское вмешательство поначалу могло показаться некоторым политически сознательным монголам актом национального освобождения от китайского господства. Симптомы возрождающегося национального сознания стали здесь очень быстро появляться после 1911 г., когда в результате китайской революции Внешняя Монголия смогла отстоять свой автономный статус и впервые получить некоторые зачаточные элементы современного государственного устройства.

За Февральской революцией 1917 г. в России последовал бы-

стрый закат престижа и могущества русских во Внешней Монголии и на всем Дальнем Востоке, который вскоре нашел отражение в действиях как Японии, так и Китая, направленных на ликвидацию режима, установленного Кяхтинским договором. Зимой 1918/19 г. японские власти в Сибири как непосредственно, так и через своего протеже, белогвардейского генерала Семенова, активно способствовали развитию панмонгольского движения, которое должно было охватить как Внутреннюю и Внешнюю Монголию, так и Бурятию в Сибири. Собравшийся в Чите 28 февраля 1919 г. под японским покровительством панмонгольский съезд провозгласил временное правительство обширного Монгольского государства, включавшего все эти районы и простиравшегося до пределов Тибета. Этот грандиозный план, однако, пришелся еще больше не по вкусу Китаю, чем Советской России. Пекинское правительство, сформированное из прояпонской группировки «клуба Аньфу», выразило Токио действенный протест, в результате которого была обуздана панмонгольская деятельность японских агентов³⁸. Советское правительство, ознаменовавшее свой приход к власти денонсацией всех договоров прежнего царского правительства, не имело формального основания для протеста, а также не обладало в Азии какой-либо силой, чтобы заставить считаться с таким протестом. В августе 1919 г. оно, следуя своим заявлениям, в специальном обращении к монгольскому народу отказалось от прежних русских концессий в Китае. В нем Монголия провозглашалась «свободной страной»; указывалось также, что «русские советники, царские консулы, банкиры и богачи» должны были быть изгнаны из нее, что ни один иностранец не вправе вмешиваться во внутренние дела Монголии и что Советское правительство предлагает вступить с Монголией в дипломатические отношения³⁹. Последнее из этих предложений могло быть сделано с намерением напомнить о традиционной русской поддержке независимости Монголии от Китая. Но в разгар гражданской войны эти чувства имели мало практического значения, и, как только Япония умерила свои амбиции, путь к восстановлению китайской власти над этой территорией был открыт.

В октябре 1919 г. китайское правительство, полное решимости быстро покончить с этим вопросом, направило в столицу Внешней Монголии Ургу (ныне Улан-Батор. — *Ред.*) члена правящей группировки «клуба Аньфу» генерала Сюй Шучжэна⁴⁰. Через несколько недель подкупа и запугивания ряд монгольских министров и других видных представителей подписали петицию в адрес китайского правительства с просьбой о ликвидации автономии страны, и на этом основании 22 ноября 1919 г. в Пекине вышел декрет об отмене автономного статуса Внешней Монголии и о денонсации Кяхтинского договора⁴¹. Уместно предположить, что эти акции были проведены при молчаливой поддержке и поощрении Японии, укрепившей в то время свои позиции в Сиби-

ри к востоку от озера Байкал. В разгар гражданской войны Советская власть и советская дипломатия, как представляется, оказались полностью вытесненными из этой некогда русской сферы влияния.

Поскольку через третий пограничный район, Маньчжурию, пролегла стратегически важная Китайско-Восточная железная дорога, он более заметно фигурировал в первых советских политических заявлениях, но эти заявления в еще меньшей степени воздействовали на ход событий. Кратковременная власть, установленная китайским правительством в Маньчжурии в первые месяцы 1918 г., быстро пала. Во время гражданской войны реальный контроль над ней осуществлялся вооруженными силами союзников или «белыми» генералами, действовавшими под их покровительством. В конце апреля 1918 г. Русско-Азиатский банк, которому официально принадлежала КВЖД, во избежание недоразумений зарегистрировался в качестве французской компании и перевел свое местопребывание в Париж⁴²; начиная с января 1919 г. железной дорогой с целью повышения ее эффективности для военных нужд управлял союзнический орган. Советское правительство, удаленное от арены этих событий и лишенное всякого влияния на их ход, оказалось вынужденным ограничиваться лишь жестами пропагандистского характера. В докладе Наркоминдела V Всероссийскому съезду Советов от 5 июля 1918 г. указывалось, что в ходе переговоров с китайским посланником в этом году «мы уведомили Китай, что отказываемся от захватов царского правительства в Маньчжурии и восстанавливаем суверенные права Китая на той территории, по которой протекает важнейшая торговая артерия — восточно-китайская железная дорога, собственность китайского и русского народа». Далее следовало такое конкретное заявление относительно политики в вопросе КВЖД и других российских прав в Китае:

«...мы полагаем, что, если часть вложенных на постройку этой дороги денег русского народа будет ему возмещена Китаем, Китай может ее выкупить, не дожидаясь сроков, обусловленных навязанным ему силой контрактом... Мы согласны отказаться от права внеземельности наших граждан в Китае... Мы готовы отказаться от ...контрибуций»⁴³.

1 августа 1918 г. Чичерин направил китайскому националистическому лидеру, главе раскольнического кантонского националистического правительства Сунь Ятсену письмо, в котором он, хотя и не говоря конкретно об отказе от российских претензий, осудил пекинское правительство как «ставленника иностранных банкиров», закончив его словами: «Да здравствует союз русского и китайского пролетариата!» Таким образом, лейтмотив национального освобождения от империалистического угнетения оказался искусно смешанным с призывом к международной солидарности пролетариата. Но это послание не попало к адресату⁴⁴. Создание в Москве в январе 1919 г. «Союза китайских рабочих» в качест-

ве центра ведения пропагандистской работы в Китае было, очевидно, частью той же кампании, имевшей целью добиться китайской поддержки⁴⁵.

Летом 1919 г. политика союзников на мирной конференции сыграла на руку Советам. Китайская делегация в Париже тщательно протестовала против положений Версальского договора, санкционировавших продолжение японской оккупации провинции Шаньдун. 4 мая 1919 г. по Китаю, особенно среди студенчества, прошли демонстрации протеста в связи с этим договором, а китайская делегация в Париже получила инструкции его не подписывать⁴⁶. Этот инцидент дал толчок к обострению националистических настроений в Китае и предоставил большевикам первую реальную возможность противопоставить советское сочувствие китайским национальным чаяниям и советскую готовность относиться к Китаю как к равному политике принижения и угнетения, проводившейся другими великими державами. В июле 1919 г. успешное наступление на Колчака впервые привело Красную Армию через Урал в Сибирь. По этому случаю 25 июля 1919 г. «китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая» было направлено обращение, подписанное заместителем Народного комиссара по иностранным делам Караханом.

Заявив о том, что Красная Армия несет «народам освобождение от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота», Советское правительство отказывалось от всех территориальных и иных приобретений царского правительства на китайской земле, включая «Маньчжурию и другие области», от права экстерриториальности и других привилегий для российских подданных и от причитавшейся ему доли «боксерской» контрибуции; объявляло принципиально утратившими юридическую силу все неравноправные договоры и их статьи, в которых речь шла о Советской России. Одно предложение включало в акт отказа конкретно КВЖД: «Советское правительство возвращает китайскому народу без компенсации Китайско-Восточную железную дорогу, концессии в области горной промышленности и лесного хозяйства и другие привилегии, захваченные царским правительством, правительством Керенского, Семеновым, Колчаком, бывшими российскими генералами, законниками и богачами»⁴⁷.

При существовавших тогда в Азии условиях это обращение, по какому бы каналу оно ни было послано, смогло дойти до китайского правительства только 26 марта 1920 г.⁴⁸, когда его передал в Пекин по телеграфу Янсон, подписавшийся как «комиссар по иностранным делам Совета Народных Комиссаров Сибири и Дальнего Востока», что, очевидно, указывало на скорое появление Дальневосточной Республики, которая спустя две недели была официально провозглашена⁴⁹. Обращение было с энтузиазмом встречено общественностью Китая и еще больше усилило нараставшую с прошлого лета после Версальского договора нега-

тивную реакцию, направленную против западных держав и Японии⁵⁰. Теперь, когда гражданская война была закончена, а все союзные войска, кроме японских, были выведены, китайское правительство издало декрет о восстановлении своего полного контроля над КВЖД⁵¹. Но этот контроль оказался почти полностью фиктивным. После окончания гражданской войны реальная власть в Маньчжурии находилась в руках могущественного военного правителя Чжан Цзолина, который, формально не отрицая верховенства центрального китайского правительства, в то же время признавал практическую важность поддержания хороших отношений со все еще проявлявшими в Сибири активность японскими военными властями, и скорее последовал бы указаниям из Токио, чем из Пекина.

Весной и летом 1920 г. позиции Советской России на Дальнем Востоке были очень слабыми. Над Колчаком была одержана победа. Но только что созданная Дальневосточная Республика еще должна была доказать свою дипломатическую полезность, а отношения с Японией еще более ожесточились в связи с резней в Николаевске и японскими репрессиями во Владивостоке⁵². Именно в этот момент руководство Коминтерна решило вмешаться и направило Войтинского своим представителем в Китай.

В Китае, как и в Японии, результатом большевистской революции стал впервые широко распространившийся интерес к марксизму в интеллектуальных кругах, следствием которого стало основание весной 1918 г. общества по изучению марксизма в Пекинском университете. Ведущими фигурами этого движения были два университетских профессора — Чень Дусю, профессор литературы и редактор передового политического журнала, и Ли Дачжао, профессор истории, проявлявший наибольший интерес к философии истории⁵³. Деятельность этой группы, не связывавшей себя постулатами ортодоксального марксизма, носила чисто академический характер, пока она не была вовлечена в «Движение 4 мая», направленное против Версальского договора. В зарождении и развитии этого движения значительную роль сыграли студенты и преподаватели университета. Хотя русская революция и не являлась его вдохновителем, оно, будучи формой возмущения против западного империализма, по природе своей было близко ей. Оно не находило источника особого воодушевления или опоры в марксистской идеологии, и поэтому появление китайского марксизма было эмпирическим и случайным. Но сопротивление Западу, сочувствие русской революции и изучение Маркса — все это в Китае 1919 г. рассматривалось как проявление «передовых» политических взглядов. Условия для политического брожения, сосредоточенного вокруг этого возмущения и оказавшегося каким-то до сих пор не выявленным образом слева от платформы национальной и «демократической» революции 1911 г.,

были созданы, но им не хватало ясности форм и конкретной программы. Серьезного рабочего движения в Китае еще не было, а недовольство деревни, этот постоянно существовавший феномен, оставалось неярко выраженным и неорганизованным.

Именно с таким положением столкнулся Войтинский в июне 1920 г., когда он приехал в Пекин в качестве представителя Коминтерна. После беседы с Ли Дачжао он отправился в Шанхай, где в то время находился Чень Дусю. Здесь Войтинским были осторожно предприняты первые шаги к организации Коммунистической партии Китая. На первой стадии, в августе месяце, была создана социалистическая молодежная группа, которую Войтинский якобы снабдил денежными средствами. Но устав этой группы допускал широкое разнообразие взглядов, и когда в следующем месяце в Шанхае была созвана конференция, чтобы обсудить вопрос о создании ортодоксальной коммунистической партии, эта задача оказалась слишком трудной⁵⁴. Благословение, данное в тезисах II конгресса Коминтерна сотрудничеству коммунистов с национально-освободительным движением в «колониальных» странах⁵⁵, точно подходило к китайской ситуации. Нигде еще возможности союза между коммунизмом и национализмом не были столь многообещающими, и нигде еще они столь полно не были использованы впоследствии. Но упомянутые решения II конгресса принимались безотносительно к Китаю, и, видимо, они не были известны или их смысл не был понят во время поездки Войтинского, которая, хотя и подготовила почву путем образования коммунистических групп в различных частях Китая⁵⁶, дала мало конкретных результатов.

Примерно в это же время международное положение Советской России стало улучшаться. В результате победы над Колчаком и все более явной изоляции японских войск в Сибири изменилось и соотношение сил на Дальнем Востоке, в результате чего Советская Россия могла приступить к возвращению утраченных позиций. В Китае нарастала анархия, провинциальные военные губернаторы сражались между собой и строили друг другу козни, обращая все меньше и меньше внимания на номинально существовавшую центральную власть. В конце лета 1920 г. вооруженные силы, поддерживавшие пекинское правительство, были побеждены военным губернатором провинции Чжили, У Пейфу, и правительство в Пекине пало. Новое правительство приняло к сведению, что интервенцию в Россию прекратили все прежние союзники, за исключением Японии. Оно не могло больше позволить себе в отношении Советской России проведения политики, которая откровенно играла на руку южным националистам. Первым актом нового правительства была выдача разрешения на въезд в Пекин представителю Дальневосточной Республики Юрину, несколько недель до этого ожидавшему его в Калгане (ныне Чжанцзякоу. — *Ред.*)⁵⁷. После этого оно ратифицировало согла-

шение, заключенное в мае предыдущего года между советскими властями Ташкента и китайским губернатором Синьцзяна, которое, таким образом, стало первым признанным официально советско-китайским соглашением⁵⁸. Затем, 23 сентября 1920 г. была также официально прекращена деятельность бывших русских посланника и консулов⁵⁹, и примерно в это же время в Москву прибыла китайская миссия во главе с генералом Чжан Сылинем. Карахан, который от имени Наркоминдела вел с ней переговоры, передал 27 сентября ноту, адресованную министерству иностранных дел Китайской Республики и содержавшую положения предлагавшегося соглашения между РСФСР и Китайской Республикой, по которому РСФСР подтверждала свой отказ как от всех аннексий и контрибуций, так и от получения «боксерской» контрибуции; должны были быть установлены в полном объеме дипломатические, консульские и торговые отношения; китайское правительство обязывалось не оказывать никакой поддержки и не предоставлять никакого убежища русским контрреволюционным организациям; статус КВЖД должен был быть урегулирован последующим договором между РСФСР, Дальневосточной Республикой и Китаем⁶⁰.

В то же время в советском подходе к Китаю проявлялась та же смесь тщательно составленных призывов к революции и твердолобой силовой дипломатии, которая была характерна для советской внешней политики и на других направлениях. В статье, опубликованной 9 октября в «Известиях», Виленский отмечал, что «под флагом У Пейфу» политика Китая стала более дружественной по отношению к Советской России. Тем не менее Китай «должен выбрать в качестве союзника» Японию или Советскую Россию, хотя «добрососедские отношения Китая с Советской Россией могут быть не по вкусу не только для Японии, но и для других хищников Антанты». Автор в заключение указывал, что «...для самого Китая, который начал борьбу за свое освобождение из хищных лап японского империализма... вопрос добрососедских отношений с Советской Россией стоит как практическая возможность доведения своей борьбы до успешного конца».

Поначалу казалось, что это обращение стало приносить плоды, так как через три дня Чжан Сылинь заявил Наркоминделу, что «Китай должен назначить в Россию постоянных представителей». Но в Пекине явно победило более мощное давление с противоположной стороны. Пекинское правительство избрало момент пребывания миссии Чжан Сылиня в Москве для того, чтобы получить срочную помощь финансовых кругов Запада, и 2 октября 1920 г. заключило новое соглашение с Русско-Азиатским банком в его фиктивном качестве законного владельца КВЖД⁶¹. По этому соглашению некоторые китайские чиновники получили престижное и в материальном отношении выгодное положение в управлении железной дороги. В других отношениях оно почти не дало результатов, поскольку контролировавший Маньчжурию Чжан

Цзолин теперь был еще менее, чем когда-либо прежде, склонен слушаться указаний из Пекина.

Этот шаг являлся демонстрацией намерений отстранить Советскую Россию от любого участия в контроле над жизненно важной транспортной артерией, связывавшей Россию с Тихим океаном. Затем, 18 октября китайский посланник в Лондоне просил Красина проинформировать Москву об отзыве полномочий Чжан Сылиня и о предстоящем назначении генерального консула для защиты китайских интересов в РСФСР⁶². Через месяц китайское правительство в ответ на очередное советское представление направило вежливый, но уклончивый ответ, в котором лишь выражалась надежда на будущие переговоры и содержался протест в связи с обращением с китайскими гражданами в РСФСР⁶³. Поэтому казалось, что слабый луч надежды, забрезживший осенью 1920 г., когда пало китайское правительство «клуба Аньфу» и бывшие царские представители лишились признания, вновь угас.

Быть может, именно эти неожиданные неудачи заставили Советское правительство в тот момент вспомнить, что к луку ее дипломатии в Китае тоже имелись две тетивы. 31 октября 1920 г. Чичерин написал в Кантон личное письмо Сунь Ятсену, в котором предложил провести торговые переговоры; поскольку между Россией и Южным Китаем едва ли существовали возможности для торговли, письмо, несомненно, было продиктовано желанием попытаться начать политические отношения. Но оно было доверено неизвестному эмиссару и дошло до Сунь Ятсена лишь в июле следующего года⁶⁴. В течение зимы 1920/21 г. Юрин оставался в Пекине в качестве представителя Дальневосточной Республики, где провел несколько раундов переговоров о заключении торгового соглашения. Но его переговоры с китайским министерством иностранных дел, несмотря на ряд успокоительных заявлений последнего, результатов не дали. Провал этих переговоров обычно приписывается давлению на китайское правительство, исходившее от западных представителей, в частности со стороны французского посланника в Пекине⁶⁵. Успех также не сопровождал и советскому делегату, направленному в Мукден для переговоров с Чжан Цзолином⁶⁶. Какой бы путь подхода к Китаю ни использовался, он все еще, казалось, оставался хорошо запечатанным объектом для любых форм советского проникновения.

Тем временем во Внешней Монголии происходили поразительные события. Правление «маленького Сюя» характеризовалось достаточным произволом, чтобы вызвать широкое недовольство. В начале 1920 г.⁶⁷ в Урге появились по меньшей мере две революционные группы, из которых одна возглавлялась Сухэ-Батором, а другая, якобы находившаяся под контролем двух со-

ветских агентов, — Чойбалсаном. Весной 1920 г. делегат Коминтерна посетил Ургу, где осуществил объединение двух групп под началом Сухэ-Батора и стал практически реализовывать план борьбы с «маленьким Сюем», в соответствии с которым необходимо было призвать на помощь Советы. Богдо-гэгэн, «живой Будда» Урги, и высшие религиозные и политические власти страны, которые уже зондировали почву относительно американской или японской помощи, не возражали против подобного обращения к России. Одно обращение, свидетельствовавшее о полном отсутствии реализма, даже, кажется, уже было направлено бывшему генеральному консулу Временного правительства Орлову, все еще находившемуся в Урге. Но потом были налажены прямые контакты.

15 июля 1920 г. Сухэ-Батор с группой из пяти своих товарищей, к которой позже присоединился Чойбалсан, тайно выехал из Урги в Иркутск, где вручил петицию с просьбой о помощи в Департамент по дальневосточным делам Дальневосточной Республики, в то время как некоторые члены его делегации направились дальше в Москву. Ответ Иркутска был явно уклончивым, и в нем выдвигались два условия, представлявшие собой изящный компромисс между традицией и прогрессом, в соответствии с которым, с одной стороны, петиция должна была иметь печать богдо-гэгэна, а с другой — должна была быть создана народная партия для оказания поддержки просоветской политике. Оба условия были выполнены. Богдо-гэгэн в Урге скрепил своей печатью документы с просьбой о помощи, а Сухэ-Батор в Иркутске набросал первый манифест Монгольской народной партии (МНП) *. 2 ноября 1920 г. была передана новая петиция, на этот раз Дальневосточной секции Коминтерна и Пятой советской армии ⁶⁸.

Пока Сухэ-Батор и Чойбалсан в Иркутске вели переговоры, в Пекине пало правительство «клуба Аньфу» и правлению «маленького Сюя» в Урге пришел бесславный конец. В течение осени и зимы 1920/21 г. во Внешней Монголии царилла ситуация, приближенная к анархии. По окончании гражданской войны армия Семёнова была распущена и разбежалась, а один из семеновских офицеров, Унгерн фон Штернберг, создал из ее остатков небольшое войско смешанного состава, пользовавшееся японским покровительством, офицеры которого частично были явно японцы ⁶⁹. Осенью 1920 г. это войско попыталось пробиться во Внешнюю Монголию. Воспользовавшись этим обстоятельством, Советское правительство впервые открыто вмешалось в ход разворачивающихся событий. Нотой от 11 ноября 1920 г. оно предложило пекинскому правительству советские войска, которые должны были разобраться с незванным гостем; при этом нота, справедливо или

* С 1925 г. Монгольская народно-революционная партия. — *Прим. ред.*

нет, ссылаясь на то, что просьба об этом была получена от китайских властей Урги, столицы Внешней Монголии. Но пекинское правительство проявило естественное нежелание призвать на помощь Советское правительство, чье покровительство могло стать постоянным, и советское предложение было отклонено⁷⁰.

В тот момент китайских войск, оставленных в Урге, оказалось достаточно, чтобы отбить атаку Унгерна, закончившуюся крахом. Но в течение зимы ситуация продолжала ухудшаться, богдо-гэгэн и многие видные монгольские деятели были арестованы китайскими солдатами⁷¹, и поэтому, когда Унгерн фон Штернберг в феврале 1921 г. вернулся, он был встречен как освободитель. Войдя в Ургу во главе своего войска, он объявил о своем намерении уничтожить всех тех монголов, которые сотрудничали либо с Китаем, либо с Советской Россией. Богдо-гэгэн провозгласил себя императором независимой Монголии (которая явно включала в себя как Внешнюю, так и Внутреннюю Монголию) и образовал так называемое монгольское правительство с Унгерном фон Штернбергом в качестве «военного советника»⁷². Юрин сразу же предложил пекинскому правительству содействие советских войск, чтобы отразить вторжение, но это предложение было отклонено⁷³.

С этого момента берет свое начало наступательная политика Советского правительства во Внешней Монголии. После первого сорвавшегося вторжения Унгерна фон Штернберга в ноябре 1920 г. Сухэ-Батор и его группа, несомненно сопровождаемые своими русскими советниками, покинули Иркутск и обосновались на границе вблизи Кяхты. Здесь в течение зимы проходил процесс организации Монгольской народной партии⁷⁴, и, когда Унгерн фон Штернберг в феврале 1921 г. совершил свой успешный переворот, все было уже подготовлено. 1 марта 1921 г. в Кяхте под руководством Сухэ-Батора состоялось собрание, названное впоследствии I съездом МНП. Этот съезд принял решение о формировании монгольского Народного правительства и национальной армии для освобождения от китайского и русского белогвардейского правлений. 19 марта был объявлен состав нового Временного революционного правительства, в котором Сухэ-Батор стал премьер-министром и военным министром; в качестве первого шага оно призвало советскую помощь⁷⁵.

Унгерн фон Штернберг был не тот человек, чтобы ждать, пока на него нападут. В мае 1921 г. он начал наступление всеми своими силами на советскую территорию⁷⁶, которое, однако, было быстро отражено отрядами Красной Армии, собранными у границы. Унгерн фон Штернберг, покинутый большей частью своей армии, был схвачен и расстрелян, а 28 июня от имени Монгольской народной партии и монгольского Народного правительства было принято решение совершить поход на Ургу. Город был захвачен 6 июля, а через два дня было учреждено постоянное Монгольское правительство. Богдо-гэгэн остался во главе государства, хотя сфера

его полномочий была ограничена религиозными вопросами. Новым премьер-министром стал Бодо, лама, ранее якобы служивший в бывшем русском генеральном консульстве; Сухэ-Батор стал военным министром этого правительства. Такая расстановка фигур предполагала стремление к компромиссу между старым и новым порядком, которое было отчасти продиктовано почти полным отсутствием образованных монголов вне класса лам. Непреложным фактом являлось присутствие за кулисами режима Красной Армии и советских советников. В начале августа 1921 г., когда формирование Народного революционного правительства Монголии было завершено, оно обратилось к РСФСР с краткой просьбой, «чтобы советские части не были выведены из монгольских пределов до окончательного разгрома общего врага»; Чичерин тотчас же дал на это согласие в форме длинного и в чем-то неискреннего ответа, содержащего обязательство, что войска будут выведены, «как только будет устранена угроза свободному развитию монгольского народа и безопасности Российской Республики и Дальневосточной Республики»⁷⁷.

Появление в Урге Красной Армии и установление там монгольского Народного правительства под прямым советским покровительством означало восстановление международного статуса Внешней Монголии, существовавшего до 1917 г. и зафиксированного в Кяхтинском договоре. Легко достигнутый успех советского оружия и советской политики свидетельствовал и об изменении позиции Японии, которая больше не могла позволить себе тайной поддержки «белых» сил. В течение лета 1921 г. на Японию оказывалось мощное американское давление, с тем чтобы она вывела оставшиеся войска из Сибири, в результате чего была достигнута договоренность о проведении в августе в Дайрене конференции представителей Японии и Дальневосточной Республики⁷⁸. Это означало, что продолжавшийся четыре года процесс вытеснения России с Дальнего Востока стал развиваться в обратном направлении, а период ее заката подошел к концу. Отзвуки этого процесса стали доходить и до Пекина.

Чичерин 15 июня 1921 г. обратился к китайскому правительству с нотой, выдержанной в мягком и просительном тоне, в которой он объяснял, что введение советских войск во Внешнюю Монголию было продиктовано нуждами безопасности и что они будут выведены, как только Унгерн фон Штернберг будет ликвидирован. На нее был дан короткий ответ, что Чжан Цзолин уже получил распоряжение дать отпор Унгерну фон Штернбергу и что он располагает достаточными для этой цели силами⁷⁹. Ответ явился признанием китайской беспомощности. Было крайне непохоже, что Чжан Цзолин, который сам зависел от расположения к нему Японии, мог бы двинуться против Унгерна фон Штернберга, также являвшегося японским протее. Но это ни в коей мере не смягчало китайского негодования в связи с советским вторжением. Представитель Дальневосточной Республики Юрин, находившийся в отпу-

ске во время похода Красной Армии на Ургу, 25 июля 1921 г. вновь появился в Пекине, но через неделю снова уехал под предлогом поручения к Чжан Цзолину, с тем чтобы более никогда не возвращаться⁸⁰.

Весной или летом 1921 г., пока развивались эти события, был предпринят новый шаг, предвещавший усиление интереса Москвы к дальневосточным делам. С миссией в Китай был направлен энергичный голландский делегат из Индонезии Маринг, принимавший активное участие в обсуждении национального вопроса на II конгрессе Коминтерна⁸¹. Его миссия, в отличие от порученной Войтинскому в 1921 г., явно не ограничивалась вопросами создания и поощрения местных коммунистических групп или партий. Он искал ответ на вопрос общего характера — что делать с Китаем. Вопрос, поставленный таким образом, вскрывал всю призрачность различия между распространением коммунизма и наращиванием советской мощи и влияния на Дальнем Востоке. Пройгнорировав Пекин, где Юрин представлял мнимые интересы Дальневосточной Республики, Маринг посетил двух человек, обладавших, по-видимому, наибольшей реальной властью в Китае, — военного правителя У Пэйфу, господствовавшего в Центральном Китае, и Сунь Ятсена, который 7 мая 1921 г. в Кантоне был провозглашен полными энтузиазма националистами президентом все еще лишенной единства Китайской Республики.

Возвышение У Пэйфу в конце лета 1920 г. произошло в результате изгнания правительства «клуба Аньфу» и было расценено в Москве как начало поворота китайской политики в более благоприятном или, во всяком случае, в менее неблагоприятном для Советской России направлении⁸². Что бы в общем ни представляла из себя политика У Пэйфу — а она еще не была до конца понята, — он враждебно относился к Японии и к японскому протектору в Маньчжурии Чжан Цзолину, и естественно, что Советская Россия рассматривала его в то время как своего потенциального союзника. С другой стороны, Сунь Ятсен как вождь китайской демократической революции и признанный представитель китайского радикализма был, с точки зрения коммунистов, на первый взгляд более симпатичной фигурой; а Маринг на II конгрессе Коминтерна был одним из тех, кто помог выработать политику союза между коммунизмом и национальными буржуазно-демократическими движениями. О том, что происходило на беседах Маринга с У Пэйфу и с Сунь Ятсеном, а также о характере его доклада в Москву, известно мало. В ходе разговора с Сунь Ятсеном, несомненно, были брошены в почву семена будущего сотрудничества с Гоминьданом. Но ясно, что в то время Москва еще не делала решающего выбора⁸³.

Событием, случившимся после прибытия Маринга в Китай, но, очевидно, прошедшего без его участия, явилось создание Коммунистической партии Китая. В июле 1921 г. делегаты различных

коммунистических групп собрались на тайную встречу в Шанхае. Состав участников не предполагал какого-либо единства мнений, и поэтому так называемый I съезд КПК не оставил после себя ни политического заявления, ни какого-либо документа в письменном виде⁸⁴. Он сыграл в истории китайской коммунистической партии ту же роль, что и в истории РСДРП ее I съезд в 1898 г. в Минске.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК II — ВОЗРОЖДЕНИЕ

Зима 1921/22 г. была периодом величайшей активности советской политики на Дальнем Востоке и возрождения советского влияния в бассейне Тихого океана. С поражением Унгерна фон Штернберга было уничтожено последнее организованное белогвардейское войско в Сибири; японская оккупация под американским давлением постепенно свертывалась, и Советское правительство успешно восстановило господствующую роль российских интересов и влияния во Внешней Монголии. С другой стороны, никаких дипломатических отношений с Китаем или Японией еще не было установлено, а попытка насаждения коммунистического движения в этих странах почти провалилась. В ходе этой роковой зимы Вашингтонская конференция еще более ослабила Японию и поставила ее в очень изолированное положение среди великих держав, тем самым ускорив последнюю стадию вывода ее войск с советской территории. Советские позиции во Внешней Монголии укрепились в ущерб советским отношениям с пекинским правительством, не вызывая возражений со стороны ни одной из великих держав, а конференция «трудящихся Востока» в Москве явилась сигналом к началу интенсивной кампании по установлению коммунистического влияния и организации коммунистических партий в странах Дальнего Востока. Летом 1922 г., когда Генуэзская конференция и Рапалльский договор уже знаменовали собой успехи советской дипломатии в Европе, Россия снова стала державой, с которой следовало считаться и на Дальнем Востоке.

Самым важным, хотя и наименее рекламируемым достижением советской политики на Дальнем Востоке зимой 1921/22 г. явилось упрочение власти Советской России над Внешней Монголией. Представители нового монгольского Народного правительства, созданного в Урге усилиями Красной Армии, отправились в Москву, где отношения между двумя странами были быстро упорядочены подписанием 5 ноября 1921 г. на условиях строгого формального равенства договора между РСФСР и Монгольской Народной Республикой. В соответствии с этим документом каждая сторона признавала другую в качестве единственной правомочной власти на их соответствующих территориях (китайский суверенитет над Внешней Монголией, который ранее всегда формально

допускался, теперь, таким образом, безоговорочно отменялся); дипломатические отношения между ними должны были поддерживаться посредством полномочных дипломатических представителей равного статуса с обеих сторон; Россия отказывалась от права экстерриториальности и других прав и привилегий, зарезервированных за ней по царским соглашениям; каждая сторона обязывалась предотвращать создание на своей территории любых организаций, групп или «правительств», враждебных другой стороне¹.

В одном вопросе монгольские чаяния остались неудовлетворенными. Обширная, но малонаселенная область к западу от Внешней Монголии, известная как Урянхайский край, с двусмысленным статусом и подчиненным положением, восходившими к давним временам, была предметом упорных споров между Россией и Китаем, равно как и сама Внешняя Монголия, между которыми, однако, русская дипломатия никогда не забывала провести различие². Ее населяли люди, говорившие на тюркском языке (хотя на юге имело место и некоторое монгольское проникновение), часть которых кочевала по пастбищам, как их монгольские соседи, а другая являлась охотниками и гуртовщиками северных оленей. Советские власти, следуя прецеденту царских времен, предприняли меры, чтобы предотвратить включение этой области в состав Монгольской Народной Республики. В начале 1922 г., якобы по местной инициативе, она была реорганизована в независимую республику под названием Народная Республика Танну-Тува, которая вступила в дружественные отношения с РСФСР³.

Процессы, в ходе которых советское влияние постепенно восстанавливалось во Внешней Монголии, можно проследить в общих чертах, но не в деталях. До марта 1921 г. Советская Россия воспринималась большинством политически сознательных монголов как союзница и освободительница от китайцев и русских белогвардейцев, совершавших вторжения на монгольскую территорию. Но когда после 1921 г. китайская угроза отступила на задний план, а власть Советской России во Внешней Монголии начала укрепляться, положение коренным образом изменилось, и между монгольскими и советскими властями возникли трения. Они, как представляется, приняли различные формы, поскольку в борьбе, столкнувшей как монголов между собой, так и монголов с русскими, переплелись общественные, религиозные и национальные мотивы.

Режим, установленный летом 1921 г. в Урге, был чисто националистическим и не имел ясной социальной программы — он находился, по большевистской терминологии, на стадии буржуазной революции. Но после заключения советско-монгольского договора 5 ноября 1921 г. Советское правительство, используя методы политики, к которым оно прибегало в сельских районах России, попыталось укрепить свои позиции путем проведения далеко идущих общественно-политических реформ. Согласно одному из источников, оно выдвинуло набор требований, в том числе национа-

лизации земель, лесов, разработок полезных ископаемых и других природных ресурсов, распределения земли среди бедных рабочих, отмены титулов и привилегий «живого Будды» и знати, проведения демократических выборов, привлечения советских инженеров на шахты и рудники и советских военных специалистов в армию, создания системы образования и здравоохранения под советским контролем. Эти требования были якобы негативно встречены монгольским Народным правительством и Монгольской народной партией, но поддержаны Революционным союзом молодежи, и в январе 1922 г. под давлением приняты в том или ином объеме⁴.

Поскольку реформы были явно направлены на секуляризацию монгольской жизни и подрыв власти лам, то под угрозой также оказались религиозные свободы. При проведении этой политики русские, очевидно, рассчитывали на помощь значительного числа бурят-монголов, проживавших на их стороне границы, которые в течение долгого времени подвергались влиянию светской русской цивилизации и теперь направлялась во Внешнюю Монголию, с тем чтобы поднять культурный и политический уровень своих соплеменников, до того времени находившихся под властью духовенства и фактически не знавших светского образования. Это тоже явно вызвало новые горечь и обиду в кругах, приверженных традиционализму⁵.

В этих условиях консервативные элементы вполне могли вспоминать о днях китайского господства с известным сожалением, сочетавшимся, возможно, со страхом, вследствие слишком большого влияния державы, столь глубоко преданной делу революционного обновления. В Москву была направлена просьба о помощи в вопросе улучшения отношений с Китаем; 14 сентября 1921 г. на нее был отправлен осторожный ответ, где говорилось, что Советское правительство всецело одобряло эту цель «при одновременном осуществлении права монгольского народа на самоопределение»⁶.

Через несколько недель после этого премьер-министр Бодо сделал заявление о необходимости дружественных отношений с Китаем⁷. Было ясно, что в среде консервативной прокитайской группы выходцев из класса лам выкристаллизовывалась оппозиция советской политике. В марте 1922 г. был предпринят важный шаг — было учреждено «управление внутренней безопасности», о котором известен лишь один зафиксированный факт, что оно возглавлялось монголами⁸. На следующий месяц Бодо и десять других монгольских руководителей были арестованы и казнены по обвинению в тайном сговоре с Китаем предположительно с целью восстановления китайских суверенных прав на Внешнюю Монголию⁹. Казнь Бодо и его сообщников явилась началом чего-то похожего на разгул революционного террора, продолжавшегося восемнадцать месяцев, в течение которых, как указывается в одном китайском источнике, в жизни Монголии «ни дня не проходило без столкновений между новой и старой группировками»¹⁰.

Эти события сопровождались дальнейшим упорядочением свя-

зей Внешней Монголии с Советской Россией. 28 мая 1922 г., как сообщила газета «Известия», в Москву прибыл постоянный монгольский представитель¹¹. Пять дней спустя в Урге был подписан очередной советско-монгольский договор, который в еще большей степени выявил факт восстановления первостепенной роли Советского правительства в жизни Внешней Монголии, которую до этого успешно исполняло последнее царское правительство. Вся ответственность прежних российских правительств или государственных учреждений во Внешней Монголии должна была быть возвращена РСФСР; что же касается судьбы бывшей собственности российских фирм и частных лиц, то она подлежала более детальному рассмотрению¹². Бразды правления Внешней Монголии прочно находились теперь в руках тех монголов, которые симпатизировали целям и политике Советской России и их советских советников. И если уже в августе 1922 г. силы Красной Армии во Внешней Монголии были сокращены до одного-единственного батальона, находившегося «под контролем Монгольского военного управления»¹³, то это явилось симптомом не ослабления влияния Советской России, а легкости и результативности установления этого влияния, а также отсутствия какой-либо организованной монгольской оппозиции.

В течение зимы 1921/22 г., когда советская политика была направлена на активное укрепление своего влияния во Внешней Монголии, внимание мировой дипломатии было сосредоточено на объявленном в июле 1921 г. решении великих держав о проведении в конце года в Вашингтоне конференции по вопросам разоружения на Тихом океане*. По этому случаю в советских пропаганде и внешней политике произошло некоторое замешательство. Любое соглашение между капиталистическими державами, и особенно между двумя гигантами — Соединенными Штатами и Великобританией, — шло не только вразрез с устоявшимся марксистским тезисом о возрастающих и неизбежных противоречиях в капиталистическом мире, но и вело к усилению позиций главных врагов РСФСР. С другой стороны, одной из конкретных целей американской политики, которую, по всей видимости, предполагалось преследовать на конференции, было изгнание Японии из Сибири и ослабление ее влияния в Китае. Первой реакцией Москвы явился официальный протест приглашающим державам и Китаю, в котором заявлялось, что Советское правительство не будет считать себя связанным никакими решениями, принятыми на конференции, в работе которой оно не было приглашено участвовать¹⁴.

* Вашингтонская конференция по ограничению морских вооружений, тихоокеанским и дальневосточным вопросам, проходившая с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. — *Прим. ред.*

В принятых через месяц тезисах ИККИ предметом договоренности между Соединенными Штатами и Великобританией объявлялось «создание англосаксонского капиталистического треста, центр тяжести которого будет в Америке»; планировавшаяся Вашингтонская конференция представляла собой попытку **«Соединенных Штатов вырвать у Японии дипломатическим путем плоды ее победы»**. Эти тезисы заканчивались обычным обличением империализма и предсказанием, что конференция не ослабит его противоречий¹⁵. Но вскоре такой непримиримый подход был смягчен элементом расчета. Поворот направленности работы форума против Японии, представители которой в тот самый момент проявляли неподатливость на переговорах с Дальневосточной Республикой в Дайрене¹⁶, отвечал бы потребностям советской дипломатии. Эта встреча, как объяснялось в статье в «Известиях» за 30 сентября 1921 г., должна была «разоблачить замыслы японского империализма, главного угнетателя народов Восточной Азии, и противопоставить ему организованную волю трудящихся Восточной Азии». Поскольку все попытки получить официальное приглашение Советскому правительству либо Дальневосточной Республике потерпели неудачу, в Вашингтон с молчаливого согласия американского правительства была направлена неофициальная делегация Дальневосточной Республики, которая привлекла к себе внимание, появившись в кулуарах конференции¹⁷; не должна была быть упущена ни одна возможность использования тех перспектив, которые могли возникнуть вследствие американской враждебности к Японии. Здесь, как и в других случаях, целям осуществления мировой революции служили любые средства, которые могли понадобиться для того, чтобы столкнуть одну капиталистическую державу с другой. Вскоре после открытия Вашингтонской конференции «Известия» поместили передовую статью, озаглавленную «Гегемон мира», в которой Соединенные Штаты представлялись как «главная мировая сила» и говорилось о том, что «необходимо принять все меры к тому, чтобы так или иначе столкнуться с Соединенными Штатами»¹⁸.

Исключение из числа участников крупной конференции тихоокеанских держав было, однако, ударом по советским интересам и престижу на Дальнем Востоке, и если на него нельзя было ответить дипломатическими средствами, следовало испробовать другие. За год до этого, сразу же после съезда народов Востока в Баку, ИККИ принял решение созвать аналогичный съезд народов Дальнего Востока «в одном из городов Сибири»¹⁹. В принятии этого решения якобы участвовали японские, китайские и корейские товарищи, а его важность подчеркивалась претензией на то, что в Японии к тому времени было уже 8 млн. промышленных рабочих. Практическая трудность созыва необходимого числа делегатов до тех пор препятствовала осуществлению этого проекта. Последовательные попытки создания Коммунистической партии Японии пока срывались, а основанная в июне 1921 г. Коммуни-

стическая партия Китая представляла собой не более чем разношерстную группу левых интеллигентов.

Решение о созыве «съезда трудящихся Дальнего Востока» в ноябре 1921 г.²⁰ было принято на той же сессии ИККИ, которая одобрила тезисы о Вашингтонской конференции, и оно явно было задумано как встречный удар на инициативу западных держав. Первоначально съезд предполагалось провести на территории Дальневосточной Республики в Иркутске. Ориентировочно его открытие было назначено на 11 ноября 1921 г.²¹ В течение осени проходила активная подготовка, направленная на то, чтобы набрать внушительный состав участников. Распространять приглашения в Японию поехал хорошо снабженный средствами китайский делегат на III конгрессе Коминтерна Чжан Тайлэй²². Оттуда на съезд прибыли делегаты от «Общества среды», группы интеллигентов-марксистов, в которую входил и Токуда, который двадцать пять лет спустя стал Генеральным секретарем Коммунистической партии Японии, и от студенческой организации, называвшей себя «Коммунистической партией пробуждения народа»; Катаяма прибыл в числе японцев, приглашенных из Соединенных Штатов²³. Неизвестно, каким образом набирались на съезд китайские делегаты. Большинство из них не были коммунистами и в их число не входили избранные летом руководители Коммунистической партии Китая.

О причинах смены места проведения съезда можно лишь гадать²⁴. Но после подготовительной сессии в Иркутске в декабре 1921 г.²⁵ основная работа съезда началась 21 января 1922 г. в Москве. Она продолжалась порядка десяти дней. Но времена изменились, и этот съезд не мог сравниться с состоявшимся шестнадцать месяцев до него бакинским съездом народов Востока ни по масштабам, ни по энтузиазму. На нем присутствовали 52 делегата из Кореи, 42 — из Китая, 16 японских представителей. Горстка участников представляла Индию, Монголию и Индонезию. Были также якуты, буряты и калмыки, представлявшие РСФСР. Лишь около половины делегатов являлись коммунистами. Гоминьдан фигурировал в числе «национально-революционных» организаций, представленных на съезде. Собравшиеся преимущественно являлись «интеллигентами и студентами». Но были среди них и крестьяне Кореи, промышленные рабочие Японии, рабочие и крестьяне Китая.

Судя по неполным отчетам, опубликованным Коминтерном²⁶, дальневосточные делегаты ограничились традиционными речами, выражавшими их надежды на революцию и ее перспективы в странах, которые они представляли. Как и в Баку, Зиновьеву было поручено выступить с главной речью. Она характеризовалась довольно прохладным отношением к китайским националистам. Докладчик сетовал, что некоторые члены Гоминьдана «не без благоволения смотрят в сторону Америки, т. е. в сторону американского капитализма, рассчитывая, что именно оттуда на рево-

люционный Китай будет изливаться благодать демократизма и прогресса», что среди них даже возникали доктринеры, требовавшие «в данный момент возвращения Монголии Китаю»²⁷. Но главный довод Зиновьева все-таки был связан с Японией. Он заявил, что «ключ к решению дальневосточного вопроса лежит в руках Японии», что Маркс однажды сказал о том, что революция в Европе без Англии была бы бурей в стакане воды и что это справедливо можно сказать и в отношении Японии на Дальнем Востоке с ее 3 млн. промышленных рабочих и 5 млн. неимущих крестьян. Хотя классово «сознательные коммунисты» [в Японии.— *Ред.*], быть может, «насчитываются там только сотнями», Зиновьев уверенно предсказывал, что ничто не могло бы предотвратить войну на Дальнем Востоке, кроме пролетарской революции в Японии и Соединенных Штатах²⁸.

Ход съезда показал, что российские коммунистические вожди в то время полагались на марксистскую догму в большей степени, чем на прецедент русской революции, все еще веря в то, что промышленная и вставшая на путь колониальной экспансии Япония была более созревшей для революции, чем аграрный и полуколониальный Китай. Следующий по значению после Зиновьева русский докладчик, Сафаров, сделал осторожную оценку видов на будущее в Китае:

«Нужно пробудить... многомиллионную массу [китайских крестьян.— *Ред.*]... Китайское рабочее движение пока еще находится в пеленках, и мы отлично понимаем, что в ближайшем будущем китайский рабочий класс не может занять того командующего положения, на какое может рассчитывать японский пролетариат»²⁹.

На съезде указывалось, что «мы поддерживаем всякое национально-революционное движение, но лишь постольку, поскольку оно не направлено против пролетарского движения»³⁰. Главная резолюция съезда, в которой «многомиллионные массы рабочих и крестьян Дальнего Востока» назывались «последними резервами человечества», характеризовалась, как представляется, меньшей терпимостью к политике поддержки буржуазно-национальных движений, поскольку она призывала к «союзу трудящихся масс дальневосточных народов с пролетариатом передовых стран, и только с ним, против всех империалистов»³¹. Но главная направленность прозвучавших на съезде выступлений — как и можно было ожидать от такого разношерстного собрания — была скорее антиимпериалистической, чем специфически коммунистической. В заключительном манифесте, обращенном к народам Дальнего Востока, в лучшем риторическом стиле, присущем Зиновьеву, осуждался «лицемерно-блудливый американский империализм и жадные британские захватчики»³².

Японским делегатам было уделено особое внимание; по сведениям, почерпнутым из одного японского источника, их принял Сталин³³, предположительно в своем качестве народного комисса-

ра по делам национальностей, поскольку иначе он не мог иметь чего-либо общего со съездом или с деятельностью Коминтерна. Катаяма в качестве члена ИККИ остался работать в Коминтерне в последующие несколько лет в качестве ведущим экспертом по делам Дальнего Востока. Другие члены японской делегации поступили в только что основанный Коммунистический университет трудящихся Востока. Семь японских делегатов, снабженные средствами и инструкциями, вернулись в Японию для организации Коммунистической партии Японии. Она была создана на одном собрании в Токио 5 июля 1922 г. Эта дата стала официальным днем рождения партии, а ее I съезд был проведен в условиях строгой секретности в сельской гостинице неделю спустя. В момент создания она насчитывала около сорока членов, которые все являлись представителями интеллигенции; съездом был образован исполнительный комитет в составе семи человек³⁴. Партия получила официальное признание на IV конгрессе Коминтерна, состоявшемся в ноябре 1922 г., на котором было объявлено, что в ней состояло 250 членов, а также 800 кандидатов, которые до приема в партию должны были выдержать испытательный срок³⁵. Любая партийная деятельность в Японии была в высшей степени противозаконной.

В момент основания Коммунистической партии Японии в Европе работа Коминтерна уже строилась на основе лозунга «единого фронта». Были предприняты попытки применить его и в Японии. Японские коммунисты претендовали на то, что в то время они объединили «несколько тысяч» рабочих и членов организаций левого толка в «Лигу против интервенции в России», возглавили «Рабочую Ассоциацию Сочувствия Голодающим России» (предположительно — японскую секцию Международной рабочей помощи) и организовали массовое выступление протеста против антирабочего законодательства³⁶.

В ноябре 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна Катаяма, выступавший в качестве делегата Коммунистической партии Японии, заявил, что японская, китайская и корейская коммунистические партии образовали «единый фронт против японского империализма», и выдвинул от имени японской и китайской делегаций совместный проект резолюции с осуждением японской оккупации «русского острова Сахалин»³⁷. В резолюции конгресса по восточному вопросу оптимистически определялись «быстрое нарастание элементов буржуазно-демократической революции» в Японии и «переход... японского пролетариата к самостоятельной классовой борьбе»³⁸. С другой стороны, корейское движение в это время пришло, как представляется, в полный упадок. На конгрессе объявились четыре корейских делегата. Но мандатная комиссия конгресса сообщила, что «внутренние разногласия в корейской партии, однако, настолько сильны, что не удалось установить, кто, собственно, является представителем и каких именно коммунистических партий и групп. Ввиду этого 2 товарища были допущены в качестве гостей, а 2 товарища вовсе не были допущены»³⁹.

Положение в Китае, в новом, 1922 г. виделось советским наблюдателям почти безнадежно усложнившимся. Успехи советской наступательной политики во Внешней Монголии по-прежнему очень сильно отражались на отношениях со все еще официально признававшимся китайским правительством. Юрин, поспешный отъезд которого из Пекина в конце июля 1921 г.⁴⁰ был явно вызван этой причиной, номинально являлся представителем Дальневосточной Республики. После прерванной миссии Чжан Сылиня в Москву осенью 1920 г. между Советским и китайским правительствами не существовало никаких прямых отношений⁴¹. Китайский консул, назначение которого знаменовало их начало, прибыл 3 февраля 1921 г. в Москву и, очевидно, выразил готовность китайского правительства «в принципе» принять советского представителя.

Летом на основе прецедента, созданного, бесспорно, англо-советским торговым соглашением, было решено, что советская миссия будет направлена в виде торговой делегации⁴², и 24 октября 1921 г. Александр Пайкес, неизвестная до этого фигура в советской дипломатии, наконец отправился в сопровождении своего аппарата из Москвы в Пекин⁴³. 10 декабря в Харбине он дал свое первое интервью представителям китайской печати. Советско-монгольский договор от 5 ноября еще не был известен миру, и Пайкес повторил успокоительные заверения Чичерина относительно советских намерений вывести войска из Внешней Монголии, как только будет преодолен кризис, вызванный интервенцией «белых». Он также говорил о возвращении КВЖД Китаю «без какой-либо компенсации», однако без ущерба экономическим интересам РСФСР и Дальневосточной Республики⁴⁴.

Краткое пребывание Пайкеса в Пекине было совершенно бесплодным. По времени оно совпало с Вашингтонской конференцией, а поскольку пекинское правительство все еще рассматривало ее оптимистически, надеясь получить от нее избавление от финансового банкротства и общей политической дискредитации, которые угрожали ему, то принятие какого-либо решения о политике в отношении Советской России до завершения работы конференции представлялось маловероятным. Речи Пайкеса изобиловали туманными заверениями, которые мало кого убеждали в бескорыстности советских намерений, а объявленные «неофициальные» переговоры о будущем КВЖД и вопрос о восстановлении дипломатических отношений не сходили с мертвой точки⁴⁵.

Публикация в апреле 1922 г. советско-монгольского договора от 5 ноября 1921 г., как мина, вконец подорвала миссию Пайкеса. Китайское возмущение документом, по которому суверенные права Китая на Внешнюю Монголию отвергались и последняя вновь превращалась в постоянную и исключительную сферу влияния России, было усугублено тем, что советский представитель на протяжении предыдущих четырех месяцев занимался очевидным обманом. 1 мая 1922 г. Пайкес получил сердитую ноту, в которой

китайское правительство заявило, что «Монголия является частью китайской территории», что, «заключив тайный договор с Монголией, Советское правительство не только вероломно нарушило свои предыдущие заявления, но и попало все принципы справедливости» и что эта советская акция «напоминает политику, проводившуюся бывшим русским императорским правительством в отношении Китая»⁴⁶. Пайкесу дали понять, что его присутствие в Пекине более нежелательно, и он бесславно вернулся в Москву.

Этот удар мог еще более серьезно расстроить советские планы, если бы пекинское правительство само к этому времени не отказалось от последних реальных притязаний на роль общенационального правительства. Но события, последовавшие одно за другим в течение 1922 г., стали все больше привлекать внимание советских руководителей к южным националистам, и они, казалось, опровергали весьма презрительные взгляды на Гоминьдан, выраженные Зиновьевым на съезде трудящихся Дальнего Востока. В первые месяцы 1922 г. произошла первая успешная массовая забастовка в истории Китая — забастовка китайских матросов и рабочих в Гонконге, которая парализовала работу порта и нанесла тяжелый урон британским коммерсантам и всей колонии в целом. Гоминьдан из своей кантонской штаб-квартиры сыграл определенную роль в организации этой забастовки, и это принесло ему новую славу — впервые националисты показали склонность и способность к тому, чтобы стать во главе зарождающегося движения.

Эти события произвели большое впечатление на Коммунистическую партию Китая, а Москва начала проявлять сочувствие идейным устремлениям Гоминьдана. Возможность подключить местный революционный национализм к борьбе против британского империализма, использовавшаяся ранее лишь на Среднем Востоке, теперь представилась также и на Дальнем Востоке. В этой ситуации, однако, появился новый элемент сумятицы, когда в мае 1922 г. командующий националистической Квантунской армией (ходили слухи, что он был подкуплен англичанами, с тем чтобы подавить забастовку в Гонконге) восстал против Сунь Ятсена и вынудил этого националистического лидера покинуть Кантон. Сунь Ятсен нашел убежище в Шанхае.

Именно в этот момент зарождавшаяся Коммунистическая партия Китая стала подавать признаки жизни. К этому времени она уже полностью усвоила тезисы II конгресса Коминтерна по национальному вопросу, а принятая в декабре 1921 г. ИККИ резолюция о «едином фронте» явно подходила к ситуации в Китае. Первое предложение о «тактическом соглашении» между китайскими коммунистами и Гоминьданом, видимо, было сделано на съезде профсоюзов в Кантоне в начале мая 1922 г., предположительно до изгнания Сунь Ятсена⁴⁷. На следующий месяц Коммунистическая партия Китая выпустила свою первую «Декларацию о современном политическом положении в Китае», в которой вы-

двигалась программа практических реформ радикально-демократического характера и содержалось конкретное предложение о проведении конференции с другими левыми партиями и группами в целях совместных действий⁴⁸. Эта линия получила закрепление в резолюции II съезда партии, созванного в июле 1922 г.

«Коммунистическая партия Китая является партией пролетариата. Ее целями являются организация пролетариата, борьба за диктатуру рабочих и крестьян, отмена частной собственности и постепенный приход к коммунистическому обществу. В настоящий момент Коммунистическая партия Китая должна, в интересах рабочих и беднейших крестьян, руководить действиями рабочих в поддержку демократической революции и возглавить единый демократический фронт рабочих, крестьян и мелкой буржуазии»⁴⁹.

На этом съезде явно не было никаких представителей Коминтерна. Кроме того, хотя впоследствии и утверждалось, что ко времени съезда в рядах китайской коммунистической партии существовала оппозиция любому компромиссу с системой буржуазной демократии⁵⁰, его документы не носили следов конкретных директив Москвы. Их отсутствие подтверждается еще и тем, что в резолюции съезда нет никаких ссылок на Советскую Россию и содержится решительное требование «освобождения Монголии, Тибета и Синьцзяна». Однако толчок к проведению в жизнь решения о «едином фронте» был, видимо, дан представителем Коммунистического Интернационала Молодежи Далиным, передавшим Сунь Ятсену соответствующее предложение в ходе их беседы в Шанхае, состоявшейся после съезда⁵¹. Ясно, что союз между Гоминьданом и микроскопической и исключительно интеллигентской Коммунистической партией Китая был для коммунистов привлекателен, поскольку давал им возможность подхода к рабочим, которой им в то время недоставало; он также полностью соответствовал политике «единого фронта» и поддержки демократической революции.

Неудивительно, что Сунь Ятсен нашел его для себя менее привлекательным. Но, по-видимому, он со своей стороны предложил членам Коммунистической партии Китая, если они желают, вступать в Гоминьдан. Таким образом, компартия сохранила бы свою организационную структуру, но ее члены также влились бы в состав более крупной организации. Сразу после этих событий, а быть может, и вследствие них, на сцене вновь появился Маринг⁵². Политика, которую он теперь стремился проводить, рекомендовалась в статье, появившейся в журнале Коминтерна в сентябре 1922 г.⁵³, и представляла собой поворот на сто восемьдесят градусов по сравнению с политикой примирения с пекинским правительством и поддержки У Пейфу⁵⁴. Теперь, когда пекинское правительство стало одновременно и бессильным и недружественным, а У Пейфу недвусмысленно перешел в англо-американский лагерь, речь о заигрывании с Севером больше не

велась. Гонконгская забастовка показала силу рабочего движения на Юге. Путь был ясно указан в тезисах II съезда китайской компартии: «Если мы, коммунисты, желаем успешно работать в профсоюзах Южного Китая..., мы должны поддерживать самые дружественные отношения с националистами Южного Китая».

Этот курс предусматривал «поддержку революционно-националистических элементов Юга» и «подталкивание всего движения влево». Это было тем более необходимо ввиду слабости партии, так как молодые интеллигенты, «даже те из них, которые называли себя марксистами», были слишком склонны к тому, чтобы стоять в стороне от рабочего движения. После того как Маринг в Шанхае во второй раз встретился с Сунь Ятсеном, он пришел к выводу о том, что предложение последнего об отдельном членстве китайских коммунистов в Гоминьдане стоило принять. В этом вопросе он, несомненно, учел опыт Индонезийской социал-демократической партии, члены которой успешно действовали в рядах мусульманской организации «Сарекат Ислам»⁵⁵. Это предложение было передано Марингом Центральному комитету Коммунистической партии Китая на специальном заседании, состоявшемся в августе 1922 г. в Ханчжоу, и, более или менее неохотно, принято⁵⁶. Об этом решении якобы Ли Дачжао официально известил Сунь Ятсена, который его одобрил⁵⁷.

На состоявшемся в ноябре IV конгрессе Коминтерна китайский делегат объявил, что его партия решила создать с Гоминьданом «единый фронт» путем вступления в него в форме отдельного членства. Он также добавил, что целью этого мероприятия было «сплочение масс вокруг нас и раскол партии Гоминьдан»⁵⁸, что вряд ли было бы с благодарностью воспринято в Кантоне, если бы эти слова стали там известны. Радек вновь обвинил членов китайской компартии в том, что они «заперлись в комнатах и изучают Маркса и Ленина так, как когда-то изучали Конфуция», и сообщил им, что «сейчас на повестке дня не стоят ни социализм, ни Советская республика» и что задачей партии являлось «отрегулировать свои отношения с революционными буржуазными элементами для того, чтобы организовать борьбу против европейского и азиатского империализма»⁵⁹. Это было то же предписание, которое одновременно давалось турецкой и, с соответствующими поправками, Германской коммунистическим партиям. Резолюция данного конгресса благословляла «единый фронт» «борьбы за национальное освобождение»⁶⁰. Ни в выступлении Радека, ни в этой резолюции не содержалось упоминания о специфическом механизме отдельного членства в Гоминьдане, обеспечивавшем достижение в Китае «единого фронта». Это замалчивание вряд ли было случайным и наводит на мысль об отсутствии единства взглядов в руководстве Коминтерна относительно тактической или идеологической правильности намеченного курса⁶¹.

Усиление и упрочение советского влияния на Дальнем Востоке летом и осенью 1922 г. может объясняться несколькими причинами. Отчасти оно отражало более уверенную позицию в мировых делах в целом, на которую Советское правительство могло претендовать после Генуэзской конференции и Рапалльского договора. Отчасти оно явилось следствием распада всякой центральной власти в Китае, освободившего Советское правительство от любого беспокойства по поводу его наступательной политики во Внешней Монголии и существенно ослабившего напряженность в Маньчжурии. Но главным образом оно представляло собой косвенный и не закрепленный в договорных актах результат состоявшейся зимой Вашингтонской конференции. Во многих отношениях в наибольшем выигрыше от Вашингтонской конференции по Дальнему Востоку оказалась Советская Россия. Давление, оказанное на Японию на конференции, заставило ее завершить вывод войск из Сибири, покинуть свои последние боевые позиции на Шаньдунском полуострове и отказаться от англо-японского союза. Все эти акции серьезно ударили по престижу и влиянию Японии на Дальнем Востоке. Престиж Соединенных Штатов в результате этого соответственным образом вырос, но они заведомо не желали использовать свое влияние на Азиатском материке. Американская политика оставалась, по существу, сдерживающей.

В наибольшем выигрыше от обуздания японского влияния на Вашингтонской конференции мог бы оказаться Китай, но он стал жертвой постоянно нараставших внутренних конфликтов, приведших страну к анархии и бессилию. Поэтому Советская республика, в течение лета и осени 1921 г. распространившая свое влияние на Внешнюю Монголию, чуть больше чем за год после окончания эвакуации японцев из Владивостока смогла продвинуться к Тихому океану, вновь включив Дальневосточную Республику в состав РСФСР (которая сама вскоре была поглощена более крупным образованием — СССР), и полностью вернуть себе позиции царской империи как одной из главных держав на Дальнем Востоке.

Этот процесс уже шел полным ходом, когда в конце лета 1922 г., примерно в то же время, когда в Шанхае заключалась сделка Маринга с Сунь Ятсеном, Советское правительство предприняло свою первую крупную и многоплановую дипломатическую акцию на Дальнем Востоке — миссию Иоффе. Впоследствии можно было предполагать, что у Иоффе не было ни предубеждений, ни жестких инструкций. Перед советским эмиссаром стояли три цели, которые могли быть достигнуты таким образом, чтобы сделать их взаимодополняющими друг друга, а не взаимоисключающими. Во-первых, он мог вести переговоры со слабым и дезориентированным пекинским правительством в более жестком и властном тоне, чем тот, который до этого могла себе позволить советская дипломатия. Эта перемена символизировалась назначением Иоффе, первоклассного дипломата, для выполнения той задачи, которая ранее доверялась Юрину и Пайкесу. Во-вторых, он

мог поддержать и стимулировать движение революционных националистов, влияние которых лишь только начало проникать на Север Китая; оно было направлено против пекинского правительства и иностранных империалистов; этой цели соответствовала деятельность Маринга в Шанхае и Ханчжоу. В-третьих, он мог работать в направлении установления нормальных отношений с Японией, и наиболее конкретной целью его миссии на Дальнем Востоке было участие в конференции в Чанчуне для обсуждения с японскими делегатами вопроса о завершении японской эвакуации и вытекающих из этого спорных проблем⁶².

Когда 12 августа 1922 г. Иоффе прибыл в Пекин, то он нашел китайское правительство пребывающим в муках теперь уже почти постоянного кризиса. После завершения Вашингтонской конференции его положение еще более ухудшилось. Неоспоримой в Пекине являлась только власть самого сильного военного правителя в центральном Китае У Пейфу. У него, однако, не было конструктивной политики, что делало беспомощность центрального правительства еще более явной. Незадолго до прибытия Иоффе в Пекин там произошло изменение состава китайского правительства; в новом правительстве министром иностранных дел стал Веллингтон Ку, один из китайских делегатов на Вашингтонской конференции. Поскольку его власть вряд ли распространялась дальше пекинских стен, у Ку не могло быть ни реальной политики, ни полномочий на ведение переговоров. Целью нового правительства, общей для всех социальных групп в Китае, было побудить державы, которые участвовали в Вашингтонской конференции, как можно быстрее выполнить обещания финансового и иного порядка, данные на конференции Китаю. В его подходе к своему все более усиливающемуся континентальному соседу ощущалось мало чувства реальности или осознания собственного рискованного положения. Не желая поступаться своим достоинством, идеологически не приемля большевизм, испытывая жгучую обиду в связи с советским произволом во Внешней Монголии и не доверяя советским замыслам в Маньчжурии после ухода оттуда японцев, оно не проявляло рвения начать переговоры с советским посланцем.

Первые победы Иоффе были одержаны среди преподавателей и студентов Пекинского университета. По словам китайского очевидца, он «был встречен шумными приветствиями китайских интеллигентов»⁶³. Большое внимание привлек один абзац в речи президента Пекинского университета на банкете в честь советского эмиссара: «Китайская революция была политической. Теперь она идет в направлении социальной революции. Россия подала хороший пример Китаю, который считает целесообразным поучиться на уроках русской революции, также начавшейся как политическое движение, а позже приобретшей характер социальной революции. Примите, пожалуйста, сердечное приветствие ученика своим учителям»⁶⁴.

Сам Иоффе не сказал ничего компрометирующего. Но в Пекине не забыли о его репутации посла, который в 1918 г. в Берлине успешно подстрекал к революции против правительства, при котором он был аккредитован; и бюро печати, которое он поспешил открыть, конечно, не бездействовало. Даже определение Иоффе его функций как «установление добрых, дружественных отношений между русским и китайским народами» звучало для чувствительных официальных ушей зловеще⁶⁵. Сдержанность китайского правительства, по-видимому, вынудила Иоффе наконец взять инициативу на себя. В интервью представителям печати он подчеркнул, что признание по всей форме и установление нормальных отношений является непременным условием переговоров с Советским правительством, которое более не «удовлетворено компромиссными договорами вместо обычно и повсеместно признаваемых»⁶⁶. 2 сентября 1922 г. он обратился к китайскому министру иностранных дел Веллингтону Ку с официальной нотой, в которой, ссылаясь на «личные переговоры», имевшие место трижды за предшествующие десять дней, предлагал проведение русско-китайской конференции для выработки соглашения на основе советского обращения 1919 г. и ноты Карахана от 27 сентября 1920 г. В китайском ответе от 7 сентября содержалось согласие на проведение предлагавшейся конференции⁶⁷. На этом этапе переговоры были прерваны из-за визита Иоффе в Чанчунь, где 4 сентября 1922 г. открылась советско-японская конференция. Она полностью провалилась⁶⁸, предоставив Иоффе возможность не спеша вернуться в Пекин.

3 октября 1922 г. Иоффе приехал в китайскую столицу, где приступил к трехмесячной игре в дипломатию взаимных обструкций. Споры шли вокруг трех решающих вопросов: установления официальных дипломатических отношений, положения во Внешней Монголии и судьбы КВЖД. Первым контрударом Веллингтона Ку явилась попытка выдвинуть в качестве предварительного условия любых переговоров эвакуацию советских войск из Внешней Монголии. В меморандуме от 14 октября 1922 г. Иоффе ответил, что данный вопрос не может рассматриваться изолированно от остальных и что немедленный вывод войск из Внешней Монголии ни в китайских, ни в советских интересах⁶⁹. В то же время сам Иоффе в ноте из Чанчуна от 21 сентября 1922 г. напомнил китайскому правительству о советских правах на КВЖД⁷⁰. Это вызвало язвительную переписку, тон которой с советской стороны заметно ужесточился после окончательного ухода японцев из Владивостока в конце октября.

3 ноября 1922 г. Иоффе заявил, что КВЖД была «сооружена на деньги русского народа» и останется «русской собственностью до тех пор, пока Россия добровольно не решит передать ее во владение кому-нибудь иному»; он выразил протест в связи с предпринятыми на Вашингтонской конференции попытками вмешательства в дело, затрагивающее только Россию и Китай, и, нако-

нец, он потребовал ареста назначенного Русско-Азиатским банком тогдашнего управляющего железной дорогой по обвинению в финансовых злоупотреблениях. Три дня спустя он добавил, что если китайское правительство не откажется от своей привычки игнорировать русские интересы, то Россия, может быть, в конце концов сочтет себя свободной от добровольно данных ею обещаний — обещаний, обусловленных обязательством китайского правительства, которое заведомо не было выполнено, не позволять находиться на китайской территории каким-либо организациям, ведущим враждебную деятельность в отношении РСФСР⁷¹. Позднее, в речи на праздновании пятой годовщины Октябрьской революции, зачитанной одним из советских сотрудников от имени Иоффе в связи с его отсутствием по болезни, было многозначительно отмечено, что, поскольку у Советского правительства в то время не было средств для строительства другой железной дороги, оно должно было по необходимости сохранять за собой это «наследие царского режима» и надеялось, что его интересы будут «поняты и удовлетворены Китаем»⁷². Еще позднее Иоффе специально опроверг подлинность приписывавшегося декларации 1919 г. обязательства «безоговорочно вернуть Китаю без всякого вознаграждения» КВЖД⁷³. Между тем пекинское правительство снова вспомнило про свои обиды по поводу Внешней Монголии. Нерешенность двух этих жгучих вопросов и отсутствие с обеих сторон каких-либо намерений пойти на уступки завели переговоры к концу года в полный тупик. В заключительной ноте от 9 января 1923 г. Иоффе высказался о «явной и непримиримой враждебности» китайского правительства к Советской России и высказал надежду, что оно «выберет наконец между „красными и белыми“»⁷⁴. Что касается Советского правительства, то для него самой лучшей политикой был курс на выжидание.

Ввиду ли непреклонности Пекина или в соответствии с ранее существовавшими намерениями, но после этого Иоффе повел свою деятельность в направлении, на которое нацеливалась советская политика со второй половины 1922 г. Объявив о своем намерении перебраться на Юг для поправки здоровья, он остановился в Шанхае, где провел ряд бесед с Сунь Ятсеном. Это явилось первым официальным контактом между лидером китайского национализма и эмиссаром Советского правительства. Он был важен для обеих сторон. Сунь Ятсен переживал горечь поражения после своего изгнания из Кантона, вызванного, на его взгляд, отчасти наличием реакционеров в Гоминьдане, а отчасти происками английского империализма, желавшего расплатиться за гонконгскую забастовку. Поэтому он уже был хорошо подготовлен как к сдвигу влево в своей собственной партии, так и к союзу против иностранного империализма. С другой стороны, советская дипломатия, как об этом свидетельствовало не одно сообщение Наркоминдела, всегда была готова флиртовать с Сунь Ятсеном как с потенциальным претендентом на власть в Китае. Такая политика

теперь становилась все более привлекательной ввиду явного банкротства и упадка пекинского правительства. Представляется, что Иоффе тонко рассчитал или счастливо догадался, что Сунь Ятсен, несмотря на временный закат его ореола, все еще являлся силой, с которой следовало считаться. Летом 1922 г. в ходе беседы Сунь Ятсена с Марингом был скреплен союз между зарождавшейся Коммунистической партией Китая и Гоминьданом. Иоффе оставалось перевести эту договоренность в дипломатическую плоскость и предложить Сунь Ятсену преимущества союза, но уже не с ничтожной китайской компартией, а с весьма значительной силой Советского государства против общего империалистического врага. Это означало, что Москва временно отказалась от достижения целей коммунизма в Китае или отсрочила их осуществление. Иоффе был готов пойти на эту жертву. Переговоры на такой основе быстро принесли результаты, и, когда 26 января 1923 г. Иоффе и Сунь Ятсен расстались, в печати появилось их совместное заявление, самый главный раздел которого звучал следующим образом:

«Доктор Сунь Ят-сен считает, что ни коммунистический порядок, ни советская система в настоящее время не могут быть введены в Китае, поскольку здесь не существует условий, необходимых как для коммунизма, так и для советского строя. Эта точка зрения полностью разделяется г-ном Иоффе, который также придерживается мнения, что главной и самой неотложной проблемой Китая является объединение страны и достижение полной национальной независимости, и в связи с этой великой задачей он заверил д-ра Сунь Ят-сена, что Китай пользуется горячей симпатией русского народа и может рассчитывать на поддержку России».

Далее в заявлении подтверждались принципы, сформулированные в ноте Карахана от 27 сентября 1920 г.; обе стороны были согласны в том, что вопрос КВЖД мог быть решен только на русско-китайской конференции; и в то время как Иоффе «категорически заявил», что Советское правительство не имело намерений вызвать «отделение от Китая» Внешней Монголии, Сунь Ятсен не «рассматривал немедленную эвакуацию русских войск из Внешней Монголии ни как императив, ни как соответствующую действительным интересам Китая»⁷⁵.

Сформулированные таким образом принципы требовали практического применения, и, когда через несколько дней Иоффе отправился из Шанхая в Японию, его сопровождал для продолжения переговоров член окружения Сунь Ятсена Ляо Чжункай. В это время весь этот эпизод вдруг приобрел новую и повышенную значимость. Через две недели после переговоров Иоффе с Сунь Ятсеном поворот колеса фортуны в Кантоне вновь призвал националистического лидера к власти, и сделка, заключенная с изгнанником, имевшим в Шанхае неопределенный статус, стала соглашением с главой законного правительства значительной час-

ти Южного Китая. Переговоры, проходившие между Иоффе и Ляо Чжункаем, записаны не были, но позднее были изложены в форме символической беседы между китайским и советским представителями: «Ляо спросил его, может ли коммунизм быть осуществлен в России за десять лет. Иоффе сказал: «Нет». — «А за двадцать лет?» «Нет», — вновь прозвучало в ответ. «За сто лет?» «Может быть», — сказал Иоффе. «Ну... — сказал Ляо, — что пользы мечтать об утопии, которая может быть или может не быть осуществлена, когда мы все умрем? Давайте все будем революционерами сегодня и давайте работать над совершением национальной революции на основе „Трех народных принципов“». — «Это можно осуществить за срок нашей жизни»⁷⁶.

Тот же самый фактор, которым было обосновано введение НЭПа, появившейся на свет в результате задержки в распространении революции и как следствие этого повлекшей отсрочку полной победы социализма, привел как на Дальнем Востоке, так и в других местах в силу неумолимой логики к компромиссам и союзам с революционными националистическими движениями. Когда в марте 1923 г. Ляо Чжункай вернулся в Кантон к Сунь Ятсену, путь сотрудничества казался ровным и ясным. Сделке, заключенной между русским коммунизмом и Гоминьданом, предстояло стать плодотворной и важной для обеих сторон.

Визит Иоффе в Японию, начавшийся в первых числах февраля 1923 г., был осуществлен по «частному» приглашению виконта Гото, являвшегося мэром Токио и председателем «Русско-японского общества»⁷⁷. Советский представитель провел в Японии шесть месяцев. Здесь его деятельность в отличие от Китая носила дипломатическую окраску. Об этом неудачном эпизоде советской внешней политики даже не было обнародовано никакой официальной информации.

Основанная летом предыдущего года малочисленная, но полная энтузиазма Коммунистическая партия Японии в течение зимы явно стремилась наладить контакты с массами. По словам Бухарина, выступившего с докладом на XII съезде РКП(б), съезд мелких фермеров-арендаторов Японии в начале 1923 г. одобрил резолюцию в поддержку сотрудничества между крестьянством и городским рабочим классом, а съезд профсоюзов в то же самое время проголосовал за политические действия. Эти две резолюции приняты были под влиянием коммунистов. В этих заявлениях можно усмотреть некоторое преувеличение роли Коммунистической партии Японии⁷⁸. Однако можно с большой уверенностью утверждать, что в правящих классах Японии коммунизм вызвал ненависть и страх, окрашенные сильными эмоциями, и что возращения влиятельных кругов против признания Советского правительства и любых сделок с советским посланцем в связи с этим едва ли были слабее по своему накалу. За сообщением о приглашении Иоффе в печати последовали враждебные комментарии, и,

по некоторым предположениям, демонстрация на токийском вокзале, в ходе которой якобы распространялись подстрекательские листовки и было арестовано несколько человек, подозреваемых в принадлежности к социалистам, была подстроена полицией в целях дискредитации Иоффе⁷⁹. В конце месяца член «Лиги противников Иоффе» совершил нападение на Гото, а в апреле по подозрению в заговоре против Иоффе было арестовано шесть человек⁸⁰.

Какой бы ни была личная реакция Иоффе на эти инциденты, они не сыграли заметной роли в его неторопливых пробных переговорах с японскими государственными деятелями. Эти переговоры прошли три стадии. В течение первых трех месяцев они, как представляется, ограничивались совершенно неофициальными и ни к чему не обязывавшими беседами с Гото. Болезнь Иоффе не была чисто дипломатической. В начале апреля 1923 г. было объявлено, что он с момента своего прибытия не вставал с постели⁸¹, и поэтому, когда Иоффе сказал в 1923 г. обеспокоенному китайскому корреспонденту в Токио, что он «не вел никаких переговоров с японским правительством и приехал лишь на лечение»⁸², он, может быть, был и ближе к истине, чем это предположило большинство наблюдателей. Вторая стадия началась 24 апреля 1923 г., когда Гото сообщил, что японское правительство готово к продолжению японско-русской конференции при условии, что на ней в первую очередь должны были решаться вопросы Сахалина и компенсации за инцидент в Николаевске-на-Амуре. Позднее японская сторона потребовала также признания обязательств и долгов бывших российских правительств⁸³. Некоторое время переговоры между Иоффе и Гото проходили на этой основе. 3 мая 1923 г. было объявлено, что здоровье Иоффе пошло на поправку и он получил разрешение пользоваться кодом для связи с Москвой⁸⁴. Через неделю Иоффе сообщил ответ Советского правительства, которое отказывалось признавать долги и обязательства бывших русских правительств, но было готово за большую цену продать Северный Сахалин Японии, а также выразить свое сожаление по поводу инцидента в Николаевске-на-Амуре, но лишь в том случае, если бы Япония выразила свое сожаление в связи с аналогичными злодеяниями, совершенными японскими войсками. Были также предложены некоторые уступки в спорном вопросе о правах японских рыбаков в русских водах⁸⁵.

На этой стадии возник вопрос о целесообразности перевода частных бесед с Гото на более официальную основу, но на соответствующее решение, видимо, повлияли события в Коммунистической партии Японии. В феврале 1923 г. состоялся ее II съезд, а в мае была проведена чрезвычайная конференция, выработавшая проект программы партии. Последний включал в себя требования ликвидации монархии, армии и тайной полиции, конфискации поместий крупных землевладельцев, религиозных организаций и императора и перераспределения конфискованных земель среди

крестьян; вывода японских войск с территории Китая, Сахалина, Кореи и Формозы и дипломатического признания Советской России⁸⁶. Трудно поверить, что Иоффе с его опытом дипломатического агента революции в Германии и с его недавними успехами среди китайской интеллигенции не был заранее информирован об этих событиях. Независимо от того, было ли это на самом деле так, с обеих сторон в течение визита сохранялись внешние приличия. Иоффе не проявлял явного интереса к судьбам японской коммунистической партии, а со стороны японских официальных лиц не было выдвинуто никаких обвинений в том, что он имел к этим судьбам отношение. С другой стороны, можно подозревать, что японские полицейские власти в то время в своих действиях руководствовались желанием не только подавить японский коммунизм в зародыше, но и косвенно дискредитировать Иоффе и вызвать в народе предубеждение против установления отношений с Советской Россией. В середине мая полиция объявила о конфискации 100 экземпляров «Азбуки коммунизма» Бухарина и Преображенского, ввезенных в страну на английском корабле⁸⁷. 5 июня 1923 г. была организована широкомасштабная облава на коммунистов и сочувствующих им, а на следующий день появилось сообщение о раскрытии коммунистического заговора с целью убийства всех членов кабинета и установления коммунистического правительства⁸⁸. Многие свидетельствуют в пользу того, что данный заговор являлся выдумкой властей.

В середине июня было объявлено, что ответственному сотруднику МИД Японии Каваками, являвшемуся первым японским посланником в Варшаве, поручено вести переговоры с Иоффе, получившим к тому времени из Москвы соответствующие полномочия⁸⁹. В этот момент у Иоффе произошел очередной сердечный приступ, вызвавший еще одну задержку переговоров. Но 28 июня 1923 г. они начались и продолжались свыше месяца. В общей сложности состоялось двенадцать заседаний. Главным вопросом повестки дня была судьба Северного Сахалина. Иоффе требовал безоговорочной эвакуации с острова, а японское правительство предложило раз и навсегда выкупить его за 150 млн. иен. Между этими двумя крайними точками зрения появился ряд компромиссных предложений, самым многообещающим из которых был план передачи в долгосрочную аренду какой-либо японской компании или нескольким компаниям лесных ресурсов, нефтяных и угольных месторождений этой части острова.

Время от времени на переговорах обсуждались японские требования компенсации за резню 1920 г. в Николаевске-на-Амуре. Но дебатирование этого вопроса в основном показывало уровень напряженности, возникавшей вокруг проблемы Сахалина. В конце концов переговоры были прекращены, как представляется, не в связи с каким-либо конкретным препятствием, возникшим в их ходе, а из-за сопротивления наиболее влиятельных сил в японском правительстве, выступавших против восстановления отношений с

Советской Россией. 24 июля Каваками сообщил Иоффе, что кабинет отклонил условия, на которых Советское правительство предлагало покончить с инцидентом в Николаевске-на-Амуре. 31 июля Иоффе объявил, что им получены указания прекратить неофициальные переговоры и что он уполномочен возобновить их только в том случае, если Япония предварительно взяла бы на себя обязательство эвакуировать Северный Сахалин⁹⁰. 10 августа Иоффе отправился из Японии в Москву⁹¹. На обратном пути он не стал вновь останавливаться в Китае, где летом 1923 г. беспорядок и смятение достигли наибольшего за многие годы размаха, а дискредитированное пекинское правительство, похоже, утратило последние остатки своей власти.

Когда Иоффе после десятимесячного пребывания покинул Дальний Восток, многое было сделано для придания четкой ориентации и прочной основы советской политики в отношении этого региона. Хотя Япония все еще оккупировала Северный Сахалин и воздерживалась от официального признания Советского правительства, в отношениях между двумя странами стал в осторожной форме присутствовать принцип прямых переговоров. В Японии, как и в Турции, преследования местных коммунистов не превратились в преграду для дружественных отношений с существующим правительством. В сентябре 1923 г., через шесть недель после отъезда Иоффе, паника, последовавшая за катастрофическим землетрясением, разрушившим Токио и Иокогаму, повлекла за собой массовые аресты известных коммунистов, в связи с чем большинство членов Центрального комитета японской компартии, впоследствии осужденных как «мелкобуржуазные элементы» и «типичные оппортунисты», проголосовали за роспуск партии⁹². Но Советскому правительству постигшее Японию бедствие принесло явную выгоду, так как, по словам датированного несколькими месяцами позже доклада ИККИ, «Япония перестала быть великой державой, и ее давление на дальневосточную часть нашей республики существенно ослабло»⁹³.

Обстановка в Китае являлась куда более сложной. Но и здесь были достигнуты успехи. Примерно в то время, когда Иоффе вернулся в Москву, было объявлено о назначении нового советского представителя при китайском правительстве в лице Карахана, который некоторое время ведал восточными вопросами в Наркоминделе. Карахан выехал из Москвы в начале августа 1923 г. Его миссия открыла новую фазу в отношениях с китайским правительством. Но Советское правительство не намеревалось связывать себя с доживавшими последние дни центральными пекинскими властями. Его отношения с Сунь Ятсеном, который теперь прочно обосновался в Кантоне, стали сердечными и перспективными и, как представляется, впервые обеспечивавшими солидную базу для советской политики в Китае. В том же августе 1923 г. способный и честлюбивый заместитель Сунь Ятсена, Чан Кайши, известный как сторонник просоветской ориентации в Гоминьда-

не⁹⁴, отправился с миссией в Москву, для получения оружия и изучения вопроса военной организации⁹⁵.

В сентябре 1923 г. по приглашению Сунь Ятсена в Кантон прибыл говоривший по-английски коммунист Михаил Бородин, который и ранее активно использовался в делах Коминтерна⁹⁶. Хотя он и привез с собой рекомендательное письмо Карахана, он, видимо, получил назначение не от Советского правительства или Коминтерна, а от Российской коммунистической партии. Он стал политическим советником Сунь Ятсена⁹⁷. За шесть лет большевистской революции Советская Россия восстала из мрака внутренних неурядиц и беспомощности и начала решительно вмешиваться в политику крупнейшей азиатской страны.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

ОТНОШЕНИЕ МАРКСИСТОВ К ВОЙНЕ

Французские революционеры установили четкое различие между освободительными войнами, призванными избавить народы от правления монархов-угнетателей, и захватническими войнами, направленными на подчинение народов монархическому правлению. Они настолько же горячо поддерживали первые, насколько осуждали последние. Они никак не выступали против войны как таковой или даже против «агрессии» в общепринятом значении развязывания войны первым. Мерилом выступало то, велась ли война от имени «народов» или «наций» либо от имени самодержцев¹. Европейские демократические движения периода 1815—1848 гг. унаследовали эту традицию. В то время почти любая война против Австрии Меттерниха, являвшейся тогда средоточием автократии и реакции в Европе, рассматривалась бы как заслуживавшая сочувствия и поддержки демократов. Такой подход был усвоен и искренне разделялся Марксом и Энгельсом на раннем этапе их деятельности. После 1848 г. в эту доктрину необходимо было внести две второстепенные поправки. Поскольку социал-демократия или социалисты стали отличаться от либеральной демократии или просто демократии, заслуживающими поддержки войнами стали те, которые были способны приблизить победу социализма, а не демократии, а Россия заняла место Австрии в качестве главного врага. Многочисленные абзацы в работах Маркса и Энгельса свидетельствуют о том, что основным критерием желательности войны, который применялся ими после 1848 г., была способность данной войны ослабить или сокрушить русское самодержавие².

В социалистических учениях, однако, традиционно существовала и другая, совершенно иная точка зрения. Первые социалисты, верные своей утопической философии, выступали за всеобщее братство людей и рассматривали войну как чудовищное и противоестественное явление. Ими были унаследованы традиции философов XVIII века от Сен-Пьера и Лейбница до Руссо и Канта, лелеявших мечты о «вечном мире», преемниками которых стали либеральные «пацифисты»³ XIX века; их антивоенные взгляды произрастали скорее на почве гуманизма, чем политики. Но когда классовая борьба породила классовое сознание, а социализм стал

пролетарским, антивоенная оппозиция тоже приняла пролетарскую окраску и была усилена тем аргументом, что война являлась обязательным следствием капитализма. Войны между народами велись по велению капиталистов и к их выгоде.

Приход социализма устранил бы основную причину войны и ее единственный побудительный мотив. Рабочие, несущие основные тяготы боевых действий и не извлекающие из них выгод, заинтересованы только в мире. Социалистическая традиция всегда воплощала в себе мощный антивоенный элемент, основанный на присущей рабочим заинтересованности в поддержании мира; таким образом, она шла параллельно либеральной традиции конца XIX века, приверженцы которой рассматривали войну как атрибут автократического правления и считали демократию гарантией мира. Все эти взгляды были потенциально «пацифистскими»; они осуждали войну как таковую независимо от ее повода и цели. Маркс и Энгельс сами последовательно осуждали все формы пацифизма, как подразумевавшие веру в естественную общность классовых интересов; Маркс был особенно рассержен оппозицией Кобдена и Брайта Крымской войне⁴. В общем, Маркс и Энгельс слишком хорошо осознавали революционный потенциал войны, чтобы рассматривать ее как безусловное зло; в конце 1848 г., обрисовав Англию как «скалу, о которую разбиваются революционные волны», Маркс сделал заключение, что «старая Англия будет сокрушена только мировой войной»⁵. В 1859 г. Энгельс приветствовал франко-русский союз в связи с тем, что он должен был заставить Пруссию вступить в итальянскую войну на стороне Австрии:

«Мы, немцы, должны оказаться на краю гибели, прежде чем всей массой придем в тевтонское бешенство, и на этот раз опасность погибнуть надвинулась как будто достаточно близко. Тем лучше. ...В такой борьбе должен наступить момент, когда только самая решительная, ни перед чем не останавливающаяся партия окажется в состоянии спасти нацию...»⁶ Непросто было свести эти различные направления мысли в связную военную доктрину.

Сравнительно немногочисленные документы, с которыми Первый Интернационал выступал по вопросам войны и внешней политики, отражали эту противоречивость и неопределенность. В разработанном Марксом торжественном манифесте в связи с учреждением Интернационала в 1864 г. читателю искусно напоминалось о заинтересованности рабочих в предупреждении войны, которая «проливает кровь и расточает богатство народа», о «преступном безумии» правящих классов, стремящихся к «увечкованию и распространению рабства», и о зле уступок «варварской державе» С.-Петербурга. Но его аргументация была в большей степени красноречивой, чем ясной, а автор был, быть может, озабочен в большей степени завоеванием симпатии твердолобых английских профсоюзов, чем изложением доктрины марксизма. Он также не предлагал каких-либо действий, кроме наблюдения за дипломати-

ей правительств и в случае необходимости протестов против нее. Конкретные проявления военных действий вызвали в Первом Интернационале замешательство и разобщенность. Накануне австро-прусской войны 1866 г. в Париже началась антивоенная агитация. По словам Маркса, «прудоновская клика среди парижских студентов (*Coungier français*) проповедует мир, объявляет войну устаревшей, национальности — бессмыслицей, нападает на Бисмарка и Гарибальди». Допускалось, что эта тактика «как полемика против шовинизма» была полезной и объяснимой. Но тем не менее эти воспитанники Прудона были «смешны»⁷, и, когда Генеральный Совет одобрил подготовленный Лафаргом сентиментальный призыв против войны, обращенный к «студентам и молодежи всех стран», Маркс, в чье отсутствие он принимался, назвал его «неправильным»⁸.

За началом самой войны последовала серия неубедительных дебатов в Генеральном Совете, члены которого в конце концов пришли к соглашению, выразившемуся в ни в чем не обязывающей резолюции:

«Центральный Совет Международного Товарищества рабочих считает, что возникший на континенте конфликт является конфликтом между правительствами, и рекомендует рабочим оставаться нейтральными и объединиться, чтобы в единстве почерпнуть силы, необходимые для их социального и политического освобождения»⁹.

Поскольку молниеносная кампания окончилась под Садовой еще до того, как эта резолюция была опубликована, данный совет рабочим не имел практического значения. Но прусская победа и возникшая весной следующего года паника, вызванная страхом войны между Пруссией и Францией, имели знаменательные последствия. Летом 1867 г. комитет, состоявший из буржуазных демократов и прогрессивных деятелей основных западноевропейских стран, созвал конгресс сторонников мира, открывшийся в Женеве 9 сентября того же года.

Этот шаг вызвал значительные симпатии в группах рабочего класса, представленных в Первом Интернационале, и Маркс считал необходимым посвятить получасовую речь в Генеральном Совете 13 августа 1867 г. нападкам на «болтовню о мире». Он не протестовал против присутствия на конгрессе отдельных делегатов Интернационала, но выступил против любого официального участия самой организации. Интернационал уже сам по себе был конгрессом мира, работавшим во имя достижения единства между рабочими разных стран, и, если бы организаторы Женевского конгресса разобрались в том, что им нужно, они бы вступили в Интернационал. Люди, которые не содействовали изменению отношений между трудом и капиталом, не понимали действительных условий, необходимых для достижения всеобщего мира. Существовавшие армии в основном предназначались для того, чтобы держать рабочий класс в повиновении, а международные кон-

фликты время от времени устраивались, «дабы солдаты не теряли боевой сноровки». И наконец, партия, выступавшая за мир любой ценой, сделала бы безоружную Европу добычей России, а сохранение армий было необходимо для защиты от России¹⁰.

В Генеральном Совете предложения Маркса одержали верх. Но на Лозаннском конгрессе Интернационала, который предшествовал Женевскому конгрессу и на котором Маркс не присутствовал, в рядах участников вновь возникли разногласия. Учрежденная конгрессом комиссия с энтузиазмом высказалась в пользу «энергичной поддержки» женевского проекта и за «участие во всех его начинаниях». После бурных дебатов на пленарном заседании конгресса французский делегат Толен, являвшийся прудонистом, предложил компромиссную резолюцию, которая была принята. В ней заявлялось, что, «для того чтобы устранить войну, недостаточно распустить армии, но также необходимо изменить организацию общества в направлении все более справедливого распределения производимого продукта», и участие в Женевском конгрессе обуславливалось поддержкой ею этого принципа¹¹. Это позволило представителю Генерального Совета появиться в Женеве и сделать под громогласные протесты заявление о том, что «социалистическая революция является необходимым предварительным условием прочного мира»¹².

Маркс был раздражен, когда полный энтузиазма делегат Боркхейм произнес на конгрессе речь, в которой выступал за превентивную войну с Россией, изложив таким образом в юмористическом виде собственные идеи Маркса¹³.

Следующий шаг был сделан на очередном ежегодном конгрессе Интернационала, состоявшемся летом 1868 г. в Брюсселе, на котором Маркс и Энгельс также отсутствовали. В тот период международная напряженность постоянно нарастала, и обсуждение вопроса о войне больше нельзя было откладывать. Немецко-швейцарская секция Интернационала выдвинула на конгрессе проект резолюции, призывавший рабочих всех стран «отказаться от службы убийства и разрушения, как и от работы по снабжению воюющих армий». Резолюция, которая в конце концов была принята конгрессом, лишь рекомендовала «прекратить работы» в случае войны — «антивоенную забастовку народов»¹⁴. Лозунг «антивоенной забастовки» был взят на вооружение отколовшейся бакунинской секцией Интернационала на ее съезде, состоявшемся в 1873 г. в Женеве, и позднее стал одним из важнейших догматов французских и прочих синдикалистов, принявших его как альтернативу политическим действиям. Но непосредственно в то время брюссельская резолюция не принесла никаких результатов и была быстро забыта. Она никогда не одобрялась Марксом и Энгельсом, которые последовательно выступали против любой формулировки, запрещающей войну как таковую, или неизбирательно направленной против любых войн.

Франко-прусская война подвергла эти противоборствующие взгляды суровому испытанию. Мобилизация в обеих странах и начало военных действий произошли без какого-либо представительного заявления от имени либо рабочих, либо социалистических партий или групп обеих сторон. Таким образом, вопрос о каких-нибудь практических антивоенных действиях не возник, а судьба кампании была столь быстро решена, что почти не осталось шансов на то, чтобы в той или иной стране достаточно быстро сформировалось общественное мнение, способное воздействовать на ее ход. Политические декларации социалистов, которые делались в то время, оказали воздействие не на ход событий тех дней, а на формирование позиции социалистов в отношении будущих войн.

Разногласия, возникшие в Германии в 1914 г., уже ощущались в 1870 г. Если Бебель и Либкнехт 21 июля 1870 г. заявили в рейхстаге протест против войны (которая к тому моменту шла уже целую неделю), то комитет Социал-демократической партии Германии, собравшись на заседание в Брауншвейге, сделал заявление, в котором осуждалась «преступная агрессия» Наполеона III и тем самым выражалась поддержка целей Пруссии в войне. Маркс и Энгельс заняли сложную позицию. Они осудили войну как со стороны Наполеона, так и Бисмарка как захватническую. Они последовательно выступили против аннексионистских замыслов обеих сторон, включая планы захвата Эльзаса и Лотарингии. Но по мере разворачивания военных действий победа Пруссии показалась им по ряду причин меньшим из двух зол. Падение Наполеона прежде всего отвечало чаяниям рабочих, и они должны были рассматривать свои перспективы с этой точки зрения. Когда эта цель была бы достигнута, ситуация изменилась бы; «как только в Париже окажется у власти республиканское, нешовинистическое правительство, — писал Энгельс Марксу 15 августа 1870 г., — задача должна состоять в том, чтобы добиваться почетного мира с ним»¹⁵.

Во-вторых, они выступили за единство Германии, точно так же как они выступали за единство Италии, как форму законного удовлетворения националистических чаяний, и шаг вперед от реакционной *Kleinstaaterei* (раздробленности страны на мелкие государства. — *Ред.*). Это положило начало тому, что в ретроспективе стало представляться как несколько преувеличенное разграничение целей «Пруссии» и целей «Германии». Бисмарк, как считал Энгельс, уже 22 июля 1870 г. приступил к осуществлению прусских аннексионистских планов, но «ему теперь уже не справиться с событиями. Этим господам, очевидно, удалось вызвать в Германии настоящую национальную войну»¹⁶. Маркс, правда, спровоцированный сентиментальным профранцузски настроенным соотечественником, дошел до того, что заговорил об «оборонительном характере войны со стороны *немцев* (я не говорю со стороны *Пруссии*)»¹⁷, а Энгельс, резюмируя эту позицию

с партийной точки зрения, считал важным «подчеркивать при этом различие между национально-германскими и династическо-пруссскими интересами»¹⁸.

В-третьих, они поверили в то, что в случае достижения германского единства «германские рабочие смогут организовать в совершенно ином национальном масштабе, чем до сих пор», а это имело бы своим благоприятным последствием пересечение «центра тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию»¹⁹.

И наконец, новый удар был бы нанесен по традиционному врагу — России. Маркс оптимистически предположил, что «дело дойдет до потасовки *между Пруссией и Россией*. Это отнюдь не невероятно»; но что «вновь усилившееся национальное чувство» в Германии вряд ли позволит использовать ее в интересах России²⁰.

В это время Первый Интернационал уже приближался к своему распаду и новых заявлений по вопросу войны от него не требовалось. Но сам Маркс, когда он писал свою знаменитую «Критику Готской программы» Социал-демократической партии Германии, позволил себе в последний раз пройтись на счет опасности проникновения пацифистских иллюзий в партию:

«К чему же сводит германская рабочая партия свой интернационализм? К сознанию, что результатом ее стремлений будет *«международное братство народов»*. Эта фраза, заимствованная у буржуазной Лиги мира и свободы, должна сойти за эквивалент международного братства рабочих классов разных стран в их совместной борьбе против господствующих классов и их правительств. Итак, *о международных функциях* германского рабочего класса — ни слова!»²¹

Как показали последующие события, рабочее движение в вопросе войны осталось безнадежно расколотым. Марксу и Энгельсу, которые сами были не вполне последовательны на этот счет, не удалось склонить рабочих к единой и четкой международной позиции.

Второй Интернационал столкнулся с еще большими трудностями в этом вопросе. Мелкие войны, следовавшие одна за другой в течение двух десятилетий, предшествовавших 1914 г., не вызвали большого беспокойства, поскольку это были колониальные войны, к которым марксисты не проявляли пока большого интереса. Но вскоре на горизонте стали мрачно маячить перспективы неминуемой войны между европейскими державами. В статье, написанной в 1891 г., Энгельс прямо поднял этот вопрос:

«Что означает в наше время война, знает каждый. Это означает: Франция и Россия — с одной стороны, Германия, Австрия и, возможно, Италия — с другой. Социалисты всех этих стран, призванные против воли в армию, должны были бы сражаться

друг против друга; что стала бы делать в таком случае Социал-демократическая партия Германии?»

К несчастью, ответ Энгельса, основывавшийся на марксистских традициях предыдущих сорока лет, был таким, что мог быть и был эффективно использован в 1914 г. Он возложил вину за сложившуюся ситуацию на Германию, вызванную аннексией ею Эльзаса и Лотарингии в 1871 г., и гордо процитировал предсказание Генерального Совета Первого Интернационала, содержавшееся в его воззвании от 9 сентября 1870 г., согласно которому прусская жадность лишь принудит «Францию броситься в объятия России». Хотя по сравнению с Германией Франция все еще представляла собой революцию — «правда, лишь буржуазную революцию, но все же революцию». Но, вступив в союз с Россией, Франции «пришлось бы отречься от своей революционной роли», в то время как «за официальной Германией стоит германская Социал-демократическая партия, партия, которой принадлежит будущее, близкое будущее страны». Ни Франция, ни Германия не должны были начать войну. Первый шаг должна была сделать Россия, а затем Франция — выдвинуться к Рейну, а «тогда Германия будет бороться уже просто за свое существование»²². И заканчивалась статья предсказанием общего плана, которое, несмотря на все свои достоинства, мало помогло Второму Интернационалу разобраться в том, что должны были делать социалисты упомянутых стран в случае войны:

«Ни один социалист, к какой бы национальности он ни принадлежал, не может желать ни военной победы нынешнего германского правительства, ни победы французской буржуазной революции и уже меньше всего — победы царя, которая была бы равносильна порабощению Европы. И поэтому социалисты всех стран стоят за мир. И если война все-таки разразится, тогда несомненно лишь одно: эта война, в которой от пятнадцати до двадцати миллионов вооруженных людей стали бы истреблять друг друга и опустошили бы Европу так, как она еще никогда не была опустошена, — эта война должна либо привести к немедленной победе социализма, либо настолько потрясти старый порядок вещей и оставить после себя такую груду развалин, что существование старого капиталистического общества стало бы еще более невозможным, чем прежде, и социальная революция, хотя и отодвинутая на десять или на пятнадцать лет, должна была бы затем одержать более быструю и основательную победу»²³.

Статья Энгельса была симптомом той дилеммы, перед которой стоял Второй Интернационал на протяжении двух последующих десятилетий. С одной стороны, растущее осознание того, что если бы война между европейскими державами разразилась, то она принесла бы опустошения и бедствия беспрецедентных масштабов, делало все более грудным игнорировать этот вопрос или укрываться за туманными заявлениями протеста. С другой стороны, государственное признание профсоюзов и постепенное вовле-

чение рабочих в общенациональную жизнь делали все более сомнительным утверждение о том, что рабочие могут остаться безразличными к вопросу победы или поражения своей страны. Именно Энгельс поставил немецких социал-демократов вышеприведенной статьей в весьма неудобное положение, подсчитав, что к 1900 г. социалисты могли бы составлять большинство германской армии²⁴. Но Второй Интернационал не имел даже руководства того уровня, до которого выдающаяся фигура Маркса подняла его предшественника. То, что война является результатом экономических противоречий капитализма и исчезнет лишь только тогда, когда социализм сменит капитализм как форма общественного строя, являлось общепризнанной доктриной, отражавшейся в резолюциях каждого конгресса. Но из этого не делалось никаких обобщенных выводов. Во Втором Интернационале были представлены левые взгляды многих оттенков — от пацифистов (по большей части английских) всех известных разновидностей и сторонников (в основном французских) «всеобщей антивоенной забастовки»²⁵ до тех, чья политика ограничивалась мировой агитацией, и тех (главным образом немцев), которые хотели в той или иной форме защищать право рабочих на участие в обороне своей страны в случае нападения на нее.

Дальнейшее развитие этого направления мысли выпало на долю русских социал-демократов, как большевиков, так и меньшевиков. Русско-японская война и падение Порт-Артура в начале 1905 г. вызвали появление из-под пера Ленина следующего недвусмысленного заявления:

«Пролетариату есть чему радоваться. Катастрофа нашего злейшего врага означает не только приближение русской свободы. Она предвещает также новый революционный подъем европейского пролетариата... Прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе»²⁶.

Этот диагноз, которого придерживались как большевики и меньшевики, так и большая часть эсеров, как представляется, полностью подтвердился чуть больше чем через неделю, когда Кровавое воскресенье послужило сигналом к началу русской революции. Социал-демократы остальной части Европы не имели оснований оспаривать ту точку зрения, что национальное поражение могло быть ценным вкладом в дело революции, пока речь шла о поражении России. Но особого желания распространить тот же самый принцип на другие страны они не проявляли. Действительно, сделать всеобщей обязанностью социалистических партий выступления против правительств своих стран во время войны и, таким образом, стремиться к поражению своих наций означало бы введение совершенно нового принципа, поскольку как Маркс и Энгельс, так и другие марксисты после них всегда предполагали, что в случае войны одна из воюющих сторон в большей степени заслуживает поддержки социалистов, чем другая. Даже если правильные критерии выбора были иногда не-

ясны, всегда принималось как должное, что выбор мог и должен был быть сделан.

Вот такие взгляды существовали в момент, когда Второй Интернационал на своем съезде в Штутгарте, состоявшемся в 1907 г., счел необходимым сделать политическое заявление установочного характера по вопросу о войне. От Российской социал-демократической рабочей партии на этом конгрессе присутствовали Ленин, Мартов и Роза Люксембург²⁷. Он стал важным событием. Факт приближения Европы к войне начал проникать в сознание масс и вызывать распространение пацифистских настроений. Все большее число людей стало смотреть на войну как на что-то враждебное интересам рабочих; раздавались и призывы к действиям Интернационала по ее осуждению и предотвращению. В своей резолюции по «милитаризму и международным конфликтам» конгресс признал, что ввиду широко распространенных различий во взглядах «Интернационал не в состоянии заключить в неподвижные рамки в различных странах естественно различные, соответствующие времени и месту, действия рабочего класса, направленные против милитаризма». Но тем не менее на конгрессе были сделаны заявления, поражавшие своей четкостью. В резолюции провозглашалось, что долгом рабочего класса и его представителей в парламентах было «всеми силами бороться с сухопутными и морскими вооружениями и отказывать в требуемых на это средствах»; это было знаменитым обязательством голосовать против военных кредитов. Но наиболее сенсационное заявление содержалось в конце резолюции — ему было отведено два последних абзаца, которые первоначально предлагались российской делегацией в качестве поправки к проекту, выдвинутому комиссией, и которые были приняты после некоторой борьбы с Бебелем и немецкой делегацией. Здесь, впервые в данном контексте, были конкретно подняты вопросы классовой борьбы и социальной революции:

«В случае угрожающего объявления войны рабочие заинтересованных стран и их представители в парламенте, поддерживаемые объединяющей деятельностью международного бюро, обязаны приложить все усилия к тому, чтобы мерами, представляющимися им наиболее действительными и естественно изменяющимися вместе с обострением классовой борьбы и общего политического положения, помешать возникновению войны.

В случае, если вспыхнет война, социалисты обязаны вмешаться в целях ее скорейшего прекращения и использовать всеми средствами вызванный войною экономический и политический кризис, чтобы поднять массы и ускорить падение господства капитализма»²⁸.

Эти абзацы, хотя, как представляется, никто и не обратил внимания на их суть, являлись отходом от постоянного тезиса Маркса и Энгельса о том, что в случае войны социал-демократы должны будут сделать выбор между двумя противостоящими

воюющими сторонами и смогут его сделать в свете основных интересов социализма. Два года спустя Каутский, издавна признанный в качестве ведущего партийного теоретика, не только принял и разработал этот новый тезис в своей книге «Путь к власти», но и придал ему теоретическое обоснование. Война между народами теперь свидетельствовала о кризисе капиталистической системы, предоставляя рабочим, таким образом, наилучшую возможность свержения капитализма. Эта формулировка, с таким трудом достигнутая в Штутгарте, была повторена и поддержана Копенгагенским конгрессом Второго Интернационала в 1910 г. и специальной конференцией, проведенной в ноябре 1912 г. в Базеле с целью рассмотрения вопросов, возникших в результате войны на Балканах. Такое повторение, по-видимому, придавало новой доктрине некую торжественность. Социалисты и социал-демократы всех стран стали регулярно демонстративно голосовать против всенных бюджетов, хотя, поскольку они повсеместно оставались в своих парламентах в сравнительно незначительном меньшинстве, эти демонстрации не имели практических результатов.

В действительности же представление о том, что международная социал-демократия, организованная во Второй Интернационал, выступала от имени объединенных рабочих всего мира, оставалось абстракцией. В мире, где уровни экономического развития были бы равны, а возможности одинаковы, национальные различия могли бы, как это предсказано в «Манифесте Коммунистической партии», постепенно исчезнуть. Но в мире, где уровни экономического развития значительно отличались один от другого, во взглядах рабочих разных стран неизбежно возникали серьезные расхождения. В передовых странах, особенно в Великобритании и в Германии, где рабочие достигли относительно высоких стандартов жизненного уровня и признанного места в национальной политике, в первом десятилетии XX века национальное сознание было достаточно сильно, чтобы успешно противостоять сознанию классовому. Во всех западноевропейских странах в высказываниях рабочих лидеров против милитаризма и войны явно или исподволь огласивалось право на национальную самооборону, а это означало не возвращение к марксистским критериям поддержки той воюющей стороны, чья победа будет способствовать делу социализма, а молчаливое одобрение буржуазно-либерального подхода (который Маркс всегда осмеивал как иллюзорный), различавшего агрессивные и оборонительные войны.

Только в отсталой России, где рабочие находились в наименее благоприятном положении, социал-демократия в массе своей не поддавалась тенденциям к переходу на позиции лояльности правительству страны. В 1915 г. Ленин справедливо объяснял иммунитет российских рабочих к «шовинизму» и «оппортунизму» тем фактом, что «слой привилегированных рабочих и служащих у нас очень слаб»²⁹.

Это, однако, заставляло по-иному рассматривать фундаментальную дилемму русской революции. В соответствии с марксистской схемой революции различие между Россией и Западной Европой в уровнях экономического развития выражалось в различии между достигнутыми ими стадиями революционного процесса. Наказ Штутгартского конгресса использовать войну для того, чтобы «ускорить падение господства капитализма», имел смысл, строго говоря, только в тех странах, где буржуазная революция была завершена, а капитализм достиг зрелости. Этот тезис с еще большей очевидностью вытекал из данного Каутским толкования войны в современную эпоху как кризиса капитализма. В России, по всеобщему мнению, буржуазная революция еще не была завершена, а капитализм еще не достиг своей зрелости, и поэтому штутгартская резолюция имела смысл для России лишь в том случае, если бы завершение буржуазной революции, направленной на достижение капитализмом зрелости, и начало социалистической революции, призванной «ускорить уничтожение» капитализма, были сведены в единый процесс. Никто, кроме Троцкого (которого в Штутгарте не было), еще не был готов открыто признать это непредвиденное обстоятельство. Но и человеку, не знакомому с идеологической утонченностью теории «перманентной революции», представлялось с практической точки зрения достаточно ясным, особенно после 1905 г., что отсталая Россия, предоставленная самой себе, еще далеко не созрела для пролетарской революции. Если социал-демократы западноевропейских стран могли обоснованно надеяться на конечную победу социализма в своих странах и работать во имя ее достижения, особенно не принимая в расчет происходящее за рубежом, русские социал-демократы могли надеяться на скорую победу социализма в России лишь в том случае, если бы он также победил в одной или нескольких передовых европейских странах. Слабый собрат с практической точки зрения был в большей степени, чем сильный, заинтересован в сохранении единства международного пролетариата. Русская социал-демократия упорно и искренне сохраняла верность интернационализму в том смысле, который уже больше не являлся истинным для западноевропейской социал-демократии.

Начало войны в 1914 г. превратило это подспудное противоречие в открытое. Все западные социал-демократы после некоторых первоначальных разногласий и колебаний, за небольшим исключением, примкнули к правительствам своих стран, а штутгартская резолюция была молчаливо нарушена и забыта. Переломным моментом в этом процессе явилось решение многочисленной немецкой социал-демократической группы в рейхстаге проголосовать 4 августа 1914 г. за утверждение предложенного военного бюджета. Каутский в ряде статей, которые впоследствии были изданы в сборнике под общим заголовком «Интернационализм и война», вернулся к точке зрения Маркса и Энгельса, в со-

ответствии с которой социал-демократам следует поддерживать ту сторону, чья победа с большей вероятностью послужила бы делу социализма. Из этого тезиса без всякой аргументации делался вывод, что победа Германии над Россией была предпочтительнее, чем обратный результат.

Первоначальным побуждением русских социал-демократов было воспрепятствовать войне любыми средствами. В Думе как большевики, так и меньшевики выступили и проголосовали единоголосно против военных кредитов³⁰. Но Плеханов и некоторые зарубежные меньшевистские лидеры последовали примеру западных социал-демократов и выступили за национальную оборону, а «патриотические» позиции не были чужды и небольшой группе организованных и сравнительно привилегированных рабочих в самой России, особенно тем из них, кто ориентировался преимущественно на меньшевиков³¹. Когда антивоенные силы стали подвергаться давлению и преследованиям, многие большевики, действовавшие в России, особенно Каменев, начали проявлять колебания³², и даже среди находившихся за границей большевиков в вопросе об отношении к войне не было единодушия. Вскоре из этого сумбура возникли три направления русской социал-демократии.

На правом фланге меньшевики провозгласили национальную оборону патриотическим долгом. На левом фланге Ленин, поддерживаемый небольшой группой находившихся в Швейцарии большевиков — сначала почти только одним Зиновьевым, а затем, с некоторыми оговорками, Бухариным, Сокольниковым, Пятаковым, Сафаровым и другими, — выступал за национальное поражение и гражданскую войну. Между этими двумя крайними позициями находилась большая смешанная группа, состоявшая как из меньшевиков, так и из большевиков, которая, занимая «центристскую» позицию, осуждала войну и требовала «демократического» мира без аннексий и контрибуций, но воздерживалась от проповеди национального пораженчества и гражданской войны. Эта группа, скорее с пацифистскими, нежели революционными настроениями, базировалась в Париже. Ее представлял печатный орган, называвшийся сначала «Голос», а затем (в связи с периодическими запрещениями цензурой) «Наше слово» и «Начало», ведущими сотрудниками которого были Мартов и Троцкий. В общих чертах она соответствовала аналогичным «центристским» группам, которые начали возникать и в других левых партиях, особенно возглавляемой Каутским фракции Социал-демократической партии Германии и руководимой Рамсеем Макдональдом секции английской Независимой рабочей партии.

В такой обстановке Ленин, не теряя времени, определил свою позицию. В тезисах, зачитанных в начале сентября 1914 г. в Берлине перед небольшой группой большевиков, он осудил измену «социализму большинства вождей II (1889—1914) Интернационала», утверждая, что «с точки зрения рабочего класса и

трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск», и потребовал расширения пропаганды «социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран»³³ во всех воюющих армиях. Эти тезисы воплотились в выпущенном от имени Центрального Комитета партии двумя месяцами спустя манифесте, в котором Лениным был провозглашен лозунг «превращения современной империалистической войны в гражданскую войну»³⁴. Он становился все более нетерпим к «центристам», которые, хотя и отвергали национальную оборону, тем не менее отказывались принять логически вытекавший из такой позиции лозунг пораженчества и гражданской войны, стоя, таким образом, одной ногой в лагере сторонников «демократических» военных целей и буржуазного пацифизма. В феврале — марте 1915 г. в Берне была проведена конференция заграничных большевистских организаций. На ней Ленин на время урегулировал свои разногласия с группой, образовавшейся вокруг Бухарина³⁵, и выступил с программным заявлением о политике большевиков. В нем война определялась как империалистическая, как война за передел колоний Англии, Франции и Германии и за приобретение аналогичных им территорий (Персии, Монголии, Турции и т. д.) со стороны России; подчеркивалось, что она являлась характерной для эпохи, «когда капитализм достиг высшей стадии развития» и «когда вполне созрели объективные условия осуществления социализма». Таким образом, она отличалась от «национальных» войн периода 1789—1871 гг., а национальный элемент борьбы Сербии против Австрии являлся исключением, которое не влияло на общий характер войны. Поэтому превращение империалистической войны в войну гражданскую было «единственно правильным пролетарским лозунгом». Пропаганда мира, не сопровождавшаяся этим лозунгом, являлась иллюзией: «В частности, глубоко ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций»³⁶.

В том же году, спустя некоторое время, Ленин впервые рассмотрел практическую ситуацию, которая могла возникнуть, если бы пролетарская революция произошла во время войны первоначально в России. В партийной газете «Социал-демократ» он опубликовал краткое заявление, скромно озаглавленное «Несколько тезисов», последний из которых можно было заранее охарактеризовать как первое внешнеполитическое заявление будущего революционного правительства:

«На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли

бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т. е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам. Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии и в Европе»³⁷.

Линия была ясна. Пролетариат, завоевав власть в России, оставался бы первоначально в границах буржуазной революции и использовал демократические лозунги: в Европе — для того, чтобы дискредитировать буржуазные правительства, которые благодаря тому, что наступил период наибольшего развития противоречий капитализма, оказались более неспособны обеспечить даже буржуазно-демократический мир, а в Азии — для того, чтобы поднять флаг буржуазной революции среди народов, которые еще находились на докапиталистической стадии, и повести их на борьбу за свержение гнета европейских империалистических держав. Разворачивая свои действия в этих двух направлениях и подкрепляя их в случае необходимости революционной войной, российский пролетариат проложил бы путь к победе социалистической революции в Европе и, таким образом, в самой России.

Между тем к тому времени социалисты, выступавшие против войны, предприняли несколько попыток проведения международных конференций на швейцарской земле. В марте 1915 г. Клара Цеткин организовала женскую социалистическую конференцию в Берне, а на следующий месяц секретарь Социалистического Интернационала Молодежи Вилли Мюнценберг, также в Берне, созвал конференцию социалистической молодежи. Большевики из группы Ленина присутствовали на обеих конференциях, но выдвигавшийся ими лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую» поддержки так и не получил³⁸. В 1915 г. в Циммервальде собралась общая конференция социалистов, выступавших против войны. В многочисленную, но сильно разобленную русскую делегацию входили Ленин и Зиновьев, Мартов и Аксельрод, Троцкий и эсеровский вождь Чернов. Раковский представлял румынских социал-демократов, а Коларов — болгарских. Большинство немецких делегатов были левыми социал-демократами, которые были готовы воздержаться при голосовании по военным кредитам, но не голосовать — в нарушение партийной дисциплины — против них. Остальные участники представляли Францию, Италию, Швейцарию, Голландию, Скандинавию, Латвию и Польшу (среди делегатов последней был Радек)³⁹.

Из тридцати или более присутствовавших делегатов около двадцати составляли правое крыло конференции; политику «гражданской войны», отстаиваемую Лениным, более или менее поддерживали шесть или восемь человек, а остальные, среди которых наиболее заметной фигурой был Троцкий, заняли промежуточную позицию и пытались посредничать между двумя полюсами. Единодушно принятый конференцией манифест, который разработал Троцкий, ограничивался общим осуждением войны. Шесть делегатов — Ленин, Зиновьев и Радек совместно с представителями Швеции, Норвегии и Латвии — подписали декларацию протеста, в которой заявлялось о недостаточности манифеста. Из этой группы сформировалось то, что получило известность как Циммервальдская левая⁴⁰.

Конференция приняла решение учредить в Берне постоянную Интернациональную социалистическую комиссию и секретариат. Эти органы созвали вторую Циммервальдскую конференцию, которая была проведена в апреле 1916 г. в Кинтале с участием большего числа делегатов, чем первая. Наиболее заметные перемены по сравнению с осенью 1915 г. произошли в немецком движении. Дело было не только в том, что левое крыло Социал-демократической партии Германии набрало силу (и позднее, в том же году, откололось от нее, создав Независимую социал-демократическую партию Германии), но и в появлении в его рядах группы, так называемого «Союза Спартака», взгляды которой приближались к взглядам Ленина. Манифест, разработанный и принятый Кинтальской конференцией, знаменовал собой известный сдвиг влево по сравнению с Циммервальдом, но был все еще далек от большевистской программ⁴¹. В тот период сторонники Ленина представляли собой в антивоенном крыле международного социалистического движения ничтожное меньшинство и по такой важнейшей проблеме, как вопрос о гражданской войне и поражении своей нации в войне, не могли рассчитывать на единодушную поддержку даже со стороны большевиков в России или других большевистских групп за границей.

В период между Кинтальской конференцией и Февральской революцией в России дальнейших попыток проведения международных социалистических конференций не предпринималось. Главные усилия Ленина в этот промежуток времени были сосредоточены на преодолении противоречий в большевистских рядах по вопросу о праве наций на самоопределение⁴², на бесплодных попытках увести Швейцарскую социалистическую партию от позиций поддержки национальной обороны и на написании работы «Империализм, как высшая стадия капитализма», в которой давалось теоретическое обоснование перехода от первоначальных марксистских воззрений о том, что рабочим в случае войны следовало поддерживать ту сторону, победа которой с наибольшей вероятностью послужила бы делу социализма, к сложившейся к тому времени позиции Ленина. В соответствии с ленинским

анализом капитализм в то время достиг своей последней, или империалистической, стадии, в которой войны между великими европейскими державами стали просто борьбой за колониальные территории и рынки. В таких обстоятельствах ни одна из воюющих сторон не могла рассматриваться как заслуживающая поддержки рабочих, а тот факт, что капитализм уже находился в своей конечной фазе развития, свидетельствовал о том, что наступил момент для перехода к социализму и для действий рабочих всех стран, направленных на его ускорение. Таким образом, именно предполагавшаяся неизбежность пролетарской революции оправдывала отказ от «оппортунистического» подхода Маркса к войнам между капиталистическими державами и переход на позицию, с которой поражение всех капиталистических держав в принципе рассматривалось в равной мере желательным. Несмотря на отливы и приливы в ходе войны волн оптимизма и пессимизма в своем настроении, Ленин никогда не терял этой путеводной нити. Когда произошла Февральская революция, то в его «Прощальном письме к швейцарским рабочим», написанном накануне отъезда в Россию, прозвучали нотки торжества:

«Объективные условия империалистической войны служат по-рукой в том, что революция не ограничится *первым этапом* русской революции, что революция *не* ограничится Россией.

Немецкий пролетариат есть вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции.

...Превращение империалистической войны в войну гражданскую становится фактом.

Да здравствует *начинающаяся* пролетарская революция в Европе!»⁴³.

Это двойное пророчество быстрого перехода русской революции из буржуазно-демократической в пролетарско-социалистическую фазу и распространение революции на другие воюющие страны свидетельствовало о предвидении Лениным скорого осуществления своего лозунга превращения империалистической войны в гражданскую войну пролетариата против буржуазии.

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

ПРЕДЫСТОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Когда политические партии, составившие основу Второго Интернационала, поддержали с начала войны в 1914 г. свои национальные правительства, предав таким образом дело международного социализма, то Ленину показалось, что они подписали смертный приговор Интернационалу, и в тезисах, написанных в Берне в сентябре 1914 г., он объявил об их «идейно-политическом крахе»¹. Для тех, кто воспринял эту точку зрения, был ясен естественный выход из данной ситуации — необходимость создания нового Интернационала. Неудивительно, что эта идея пришла одновременно нескольким революционным мыслителям. 31 октября 1914 г. Троцкий подписал предисловие к брошюре «Война и Интернационал», которая на следующий месяц была опубликована в Мюнхене. «Вся брошюра с первой страницы до последней, — писал он, — написана с мыслью о новом Интернационале, который должен возникнуть из нынешнего мирового катаклизма, Интернационале последних битв и окончательной победы»².

На следующий день, 1 ноября 1914 г., в «Социал-демократе» был опубликован манифест Центрального Комитета, заканчивавшийся той же мыслью:

«Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал...

Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран!

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма!»³

За манифестом, автором которого был Ленин, последовала статья, в которой он развил тему банкротства Второго Интернационала и разъяснил, что новый Интернационал в том виде, в котором он был им задуман, являлся не соперником, а преемником Второго, так же как и Второй был преемником Первого Интернационала, представляя собой поступательную стадию исторического процесса:

«II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую «мирную» эпоху самого жестокого капиталистиче-

ского рабства и самого быстрого капиталистического прогресса последней трети XIX и начала XX века. III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма!»⁴

В последующие три года эти идеи являлись постоянной темой ленинских мыслей и трудов. Вопрос Второго или Третьего Интернационала стал тесно увязываться с отношением социалистов к войне; здесь выявилось то же разделение на три группировки с теми же руководящими деятелями во главе каждой из них. Правые, поддерживавшие политику национальной войны, оставались верными Второму Интернационалу и стремились к его возрождению после войны. Крайне левые, в число которых вначале в основном входили ближайшие сторонники Ленина, полностью отвергали Второй Интернационал и страстно призывали к образованию нового Интернационала, который после войны должен был заменить Второй. «Центристы» беспомощно метались между двумя крайностями и мечтали скорее о реформе или перестройке Второго Интернационала, чем о совершенно новой организации. Это была та группа, которая в итоге в соответствии с этой логикой и создала II 1/2 Интернационал. В этом вопросе, как и в вопросе войны, Ленин одинаково резко осуждал как «социал-патриотов», так и «центристов». Но вопрос о создании нового Интернационала оставался академическим, и он мало им занимался. В появившемся в сентябре 1915 г. Циммервальдском манифесте, свидетельствовавшем о преобладании «центристских» элементов на Циммервальдской конференции, данный вопрос был обобщен; проект манифеста, подготовленный Циммервальдской левой, заканчивался призывом к созданию «могучего Интернационала, который положит конец войнам и капитализму»⁵. На состоявшейся в апреле 1916 г. Кинтальской конференции Циммервальдская левая была усилена появлением представителей только что созданной немецкой группы «Союз Спартака». Резолюция, представленная конференции этой группой, провозглашала, что «новый Интернационал, который должен подняться вновь после того, как старый потерпел крах 4 августа 1914 г.⁶, может быть рожден только из революционной борьбы пролетарских масс в важнейших капиталистических странах», но и содержала намек на возможное расхождение в будущем с позицией Ленина, заключавшийся в последующих словах о том, что это не вопрос организации, «не вопрос соглашения между небольшой группой лиц, выступающих как представители оппозиционного слоя рабочих», а «вопрос массового движения пролетариата во всех странах»⁷.

Мнение Ленина в этом вопросе, однако, навсегда осталось непоколебимым. По словам Крупской, во второй половине 1916 г. он считал, что назрел «раскол в международном масштабе, что

надо порвать со II Интернационалом, с Международным социалистическим бюро, надо навсегда порвать с Каутским и К^о, начать силами Циммервальдской левой строить III Интернационал»⁸.

Февральская революция и возвращение всех ведущих большевиков в Петроград вызвали возобновление дебатов в партии о новом Интернационале. Десятый «Апрельский тезис» Ленина гласил:

«10. Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против *социал-шовинистов* и против „центра”»⁹.

В брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции» он разработал данную тему и обрушил главный удар на «центр»; «все циммервальдское большинство (состоявшее в основном из «центристов». — Э. К.) скатилось к социал-пацифизму»¹⁰. Между тем учрежденная в Циммервальде постоянная Интернациональная социалистическая комиссия (I. S. K.) переехала из Берна в Стокгольм, и в течение лета 1917 г. Ленин в одиночку вел борьбу против общего мнения партии о том, что ей следовало оставаться в Циммервальдском объединении и направить делегатов в Стокгольм на намечавшуюся III Циммервальдскую конференцию¹¹.

На Апрельской партийной конференции была принята странная резолюция, содержавшая как осуждение «центристов» и требование образования Третьего Интернационала, так и вопреки мнению Ленина решение оставаться пока в Циммервальдском объединении¹². В конце мая 1917 г. Ленин с раздражением пишет Радеку в Стокгольм, что «надо скорее рвать» с Циммервальдом:

«Так или иначе надо похоронить поганый... Циммервальд и основать *настоящий* III Интернационал, *только* из левых... Если бы поскорее международное совещание левых, то третий Интернационал был бы основан»¹³.

Но на VI съезде партии, состоявшемся в Петрограде в августе 1917 г., когда Ленин скрывался в Финляндии, было еще раз продемонстрировано отсутствие интереса партии к этим проблемам; на нем вопрос о разрыве с Циммервальдом вообще не поднимался, и поэтому Ленин в длинном письме Центральному Комитету был вынужден вновь изложить свои воззрения¹⁴.

Наконец в начале сентября 1917 г. в Стокгольме собралась III Циммервальдская конференция, на которой делегатами большевиков были Воровский и Семашко. Единственным ее свершением была подготовка проекта манифеста по вопросу войны, который должен был быть передан на утверждение партиям-участникам до его публикации; наиболее примечательный раздел этого документа содержал призыв к «массовой борьбе международного пролетариата за мир», который «в то же время означал бы спасение русской революции»¹⁵. Накануне конференции Ленин напи-

сал сердитую записку, в которой жаловался, что «мы участвуем в комедии», и высказывал требование, что «надо уйти из Циммервальда *тотчас*»¹⁶. Но очень скоро его внимание поглотили события, происходившие ближе к дому, и Октябрьская революция погрузила Циммервальд в Лету. Большевики никогда формально с ним не порывали. Интернациональная социалистическая комиссия продолжала время от времени выступать с заявлениями, которые проходили почти незамеченными, в том числе заявление, в котором приветствовалась большевистская революция. В марте 1919 г. Коммунистический Интернационал на своем Учредительном съезде заслушал доклад секретаря Циммервальдской интернациональной социалистической комиссии Анжелики Балабановой, в связи с чем Раковский, Ленин, Зиновьев, Троцкий и Платтен, как бывшие члены этого объединения, подписали заявление, в котором выражалось мнение, что оно «изжило» себя. В силу этого документа конгресс официально распустил Циммервальдское объединение, объявив себя, таким образом, наследником всего хорошего, что еще оставалось от Циммервальда¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 21. От Октября к Брест-Литовску

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 24.
2. И. В. Сталин. Соч., т. 2, с. 362.
3. Более подробно об этом принципе см.: «Большевистская революция, 1917—1923», т. 1, Приложение Б.
4. Взгляды К. Маркса на войну и их последующее развитие В. И. Лениным рассматриваются в Приложении Е «Отношение марксистов к войне».
5. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 4.
6. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 113—114.
7. Там же, т. 31, с. 260—265 (об октябрьской декларации 1915 г. см. Приложение Д данного тома).
8. Там же, т. 31, с. 364—367; Ленин цитирует предполагаемые германские условия из меньшевистского журнала «Рабочая газета». Резолюция, отвергавшая предложения Боргбьерга, была принята 140 голосами при 8 воздержавшихся («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 1. М., 1983, с. 501).
9. Там же, с. 494—495.
10. Там же, с. 563. Еще в августе 1917 г. Каменев выступал на заседании ВЦИК в пользу участия в Стокгольмской конференции, за что был подвергнут Лениным суровой критике. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 70—72).
11. Там же, т. 34, с. 233.
12. Реакция Великобритании была описана осторожным американским критиком в следующих выражениях: «Затишье на Западном фронте и отсутствие успехов на других направлениях бесконечно отодвигали всякую надежду на победу, в то время как недавние контакты между государственными деятелями, хотя и не давшие немедленных результатов, привели к установлению атмосферы, благоприятствовавшей мирным переговорам. При таком подспорье русская революция, признаваемая в то время как событие первостепенной исторической важности, стимулировала все формы левой деятельности и действительно в конечном счете способствовала переходу профсоюзных деятелей на позиции, которые до этого являлись монополией социалистических кругов. Революция была встречена столь благоприятно в первую очередь благодаря ее лозунгу немедленного мира на основе отказа от аннексий и контрибуций и признания права каждого народа распоряжаться собственной судьбой» (Carl F. Brand. *British Labor's Rise to Power*. Stanford, 1941, p. 90).
13. Лансинг считал, что оно «устранило последнее препятствие, не позволявшее рассматривать эту войну как войну за демократию против абсолютизма» (S. F. Bemis. *American Secretaries of State*. New York, 1928, p. 97), а Ноттер в своей работе цитирует многие высказывания конгрессменов, выдержанные в том же духе (H. Notter. *The Origins of the Foreign Policy of Woodrow Wilson*. Baltimore, 1937, p. 639).
14. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 616; протокол этого заседания, состоявшегося 10 октября 1917 г., опубликован в «Протоколах Центрального Комитета РСДРП(б)». М., 1958, с. 83—92.

15. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 395; И. В. Сталин. Соч., т. 3, с. 381; запись всей дискуссии содержится в «Протоколах Центрального Комитета РСДРП(б)», с. 93—105.

16. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 123.

17. По словам Хауса, именно «потому, что американской миссии не удалось добиться от межсоюзнической конференции принятия манифеста о целях войны, который мог бы помочь удержать Россию в войне», 18 декабря 1917 г. Вильсон начал думать о «всеобъемлющем призыве от своего собственного имени» (С. Seymour. The Intimate Papers of Col. House, III, 1928, p. 324—325). 3 января Вильсон получил телеграмму от американского посла в Петрограде, который настоятельно просил сделать новое заявление о целях войны, рассматривая его как возможное средство сохранения России в качестве воюющей стороны. Предложение облечь его в форму «14 пунктов» предложил в своей телеграмме от 3 января 1918 г. представитель Американского комитета по связям с общественностью в Петрограде Сиссон, который посоветовал Вильсону «вновь заявить об антиимпериалистических целях войны и требованиях Америки, 1000 слов или менее, короткие, почти плакатные абзацы» (E. Sisson. One Hundred Red Days. Gale, 1931, p. 205; G. Creel. Rebel at Large. New York, 1947, p. 168).

18. Л. Троцкий. Соч., т. III, ч. II, с. 204; проект резолюции предположительно подготовлен Троцким, поскольку включен в его собрание сочинений. Спустя несколько дней ВЦИК обнародовал еще одно воззвание «к трудящимся массам всех стран», содержавшее призыв «к миру народов, миру демократии, справедливому миру». В нем, однако, также указывалось, что «такого мира мы достигнем лишь тогда, если народы всех стран продиктуют условия его своей революционной борьбой» («Протоколы заседаний ВЦИК II-го созыва». М., 1919, с. 133).

19. M. Philips Price. My Reminiscences of the Russian Revolution, 1921, p. 183.

20. «За пять лет». М., 1922, с. 60; это издание — сборник статей, выпущенный Центральным Комитетом партии к пятой годовщине революции.

21. Как Троцкий объяснил ВЦИКу, в действительности это были «не договоры, написанные на пергаменте», а речь шла о «дипломатической переписке, шифрованных телеграммах, которыми обменивались правительства» («Протоколы заседаний ВЦИК II-го созыва». М., 1919, с. 42). Первым и наиболее сенсационным из опубликованных соглашений был состоявшийся в марте 1915 г. обмен телеграммами между Англией, Францией и Россией, в соответствии с которым России был обещан Константинополь, Великобритании — бывшая нейтральная зона в Персии, а Франции — российская поддержка ее территориальным притязаниям в Западной Европе.

22. «Если боссы становились у него на пути, ему ничего не оставалось, как призывать к народу... Народ хотел высоких, правильных, правдивых вещей» (R. S. Baker. Woodrow Wilson: Life and Letters, v. III, 1932, p. 173); этот вопрос подробно рассматривается в работе автора «Кризис продолжительностью в 20 лет» (E. H. Carr. The Twenty Years' Crisis, 2nd ed., 1946, p. 31—36).

• 23. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 389.

24. Л. Троцкий. Соч., т. III, ч. II, с. 164—165.

25. «Протоколы заседаний ВЦИК II-го созыва», с. 154.

26. Прочитировано в работе: Bunyan and Fisher. The Bolshevik Revolution, 1917—1918. Stanford, 1934, p. 43.

27. P. Vesinier. History of the Commune of Paris (Engl. transl.), 1872, p. 178.

28. Г. С. Гурвич в «Истории советской конституции» (М., 1923, с. 91) указывает, что эта статья была включена в последний момент по указанию ЦК партии.

29. A. Rhys Williams. Through the Russian Revolution, 1923, p. 185—187.

30. Прочитировано в работе: E. Drahn and S. Leonhard. Unterirdische Literatur in Revolutionären Deutschland, 1919, S. 150.

31. Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. II, с. 64. Это подтверждается Пестковским, который приводит следующие слова Троцкого: «Я ведь сам взял

эту работу только потому, чтобы иметь больше времени для партийных дел. Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку» («Пролетарская революция», № 10, 1922, с. 99). Заявление, содержащееся в работе М. Истмэна (*Max Eastman*. Since Lenin Died, 1925, p. 16), о том, что Троцкий «был назначен в комиссариат по иностранным делам, потому что общепринято, что это — второй пост в любом правительстве, и потому, что в тот конкретный момент международной революции это был пост, требовавший наибольшей смелости и способностей к самому всестороннему планированию», необоснованно.

32. *Л. Троцкий*. Соч., т. III, ч. II, с. 97—99.

33. *Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин*. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. II. М., 1926, с. 93.

34. «Известия», 16 декабря 1917 г.

35. *Л. Троцкий*. Соч., т. III, ч. II, с. 123.

36. «Второй Всероссийский съезд Советов». М., 1928, с. 86—87.

37. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 8, ст. 112. Включение данного документа в Сочинения Троцкого (т. III, ч. II, с. 151—152) указывает на то, что ему принадлежит авторство.

38. В соответствии с одним из докладов на VIII съезде партии («Восьмой съезд РКП(б). Протоколы». М., 1959, с. 499) отдел был укомплектован немцами и австрийскими военнопленными.

39. Джон Рид в издании «*The Liberator*» (New York, January 1919, p. 17—23) воспроизвел изображения титульных страниц «*Die Fackel*» и «*Der Völkerfriede*»; см. также вышедшую под редакцией И. Н. Любимова «Революцию 1917 года», т. VI. 1930, с. 256; до 10/23 января было выпущено тринадцать номеров «*Der Völkerfriede*» (экземпляр последнего из которых имеется в Британском музее). Конец этому изданию был положен Брест-Литовским договором.

40. *Л. Троцкий*. Соч., т. III, ч. II, с. 150—151.

41. «Правда», 22 декабря 1917 г./4 января 1918 г.

42. «Третий Всероссийский съезд Советов». Петербург, 1918, с. 9. Представитель Социалистической партии Великобритании Петров, освобожденный вместе с Чичериным, выступил вслед за ним в более сдержанных и общих выражениях.

43. *Л. Троцкий*. Соч., т. III, ч. II, с. 133, 152—153.

44. «*The Call*», January 10, 1918.

45. Эта речь не была включена в стенограмму конференции; о ней лишь было помещено краткое сообщение в «*Labour Leader*» (January 24, 1918). Речь заканчивалась словами: «Ускорьте ваш мир».

46. «Коммунистический Интернационал», № 9—10 (187—188), 1929, с. 189. Английское правительство информировало американское об этих нелегальных поставках в январе 1918 г. («*Foreign Relations of the United States, 1918: Russia*», v. I, 1931, p. 723); с другой стороны, Литвинов впоследствии утверждал, что «все, что мной распространялось (в Англии. — Е. К.), было напечатано в Англии», добавляя при этом, что «это может подтвердить МИД Великобритании, захвативший все мои бумаги» («*Foreign Relations of the United States, 1919: Russia*», 1937, p. 16). В 1919 г. английский журналист назвал Рейнштейна «главой совершенно бесполезного департамента, издающего центнеры пропагандистской литературы, которая не имеет ни малейшего шанса достичь берегов Великобритании» (*A. Ransome. 6 Weeks in Russia in 1919. 1919, p. 24*).

47. См. Приложение Д данного тома.

48. *J. Sadoul. Notes sur la Révolution Bolchevique. 1919, p. 125—126*.

49. Эта встреча была устроена с помощью американца русского происхождения Алекса Гамберга, который познакомился с Троцким еще в Нью-Йорке, а в то время был секретарем и переводчиком Робинса; сведения, содержащиеся в неопубликованных бумагах Робинса и Гамберга, были сообщены мне В. А. Вильямсом и появляются в его книге о русско-американских отношениях.

50. Информация из неопубликованных записок Вильямса В. Джайсона, хранящихся в Чикаго, в Библиотеке Ньюберри, сообщена В. А. Вильямсом; краткие записи этой беседы содержатся в: «*Foreign Relations of the United States. 1918: Russia*», v. I, 1931, p. 379) и в «Сочинениях» Троцкого (т. III, ч. II, с. 185).

51. Эти инструкции были выполнены. Впоследствии Каменев разъяснял, что советские делегаты не ставили вопрос об обмене пленными, потому что они рисковали «снабдить германский империализм миллионами солдат», добавляя при этом, что, «если бы в Германии правил Либкнехт, мы бы отпустили плен-ных» («Протоколы заседаний ВЦИК II-го созыва», с. 91). Садуль утверждал, что он первым предложил условия относительно переброски германских войск (*J. Sadoul. Notes sur la Révolution Bolchevique*, p. 120).

52. Представляется, что Лансинг под влиянием чиновников из государственного департамента был главным виновником такого хода событий; см. его меморандум от 4 декабря 1917 г., содержащийся в: «*War Memoirs of Robert Lansing*». New York, 1935, p. 339—345), и письмо Вильсону, опубликованное в: «*Foreign Relations of the United States: The Lansing Papers (1914—1920)*», v. II, 1940, p. 343—345.

53. «*Foreign Relations of the United States. 1918: Russia*», v. I, 1931, p. 289.

54. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 3.; по-настоящему его звали Хельфанд, или в русском варианте Гельфанд.

55. *P. Scheidemann. Memoirs of a Social-Democrat* (Engl. transl.), 1929, v. II, p. 431—433, 435, 442—443.

56. Путанный рассказ об этой аванюре содержится в работе Филиппа Прайса (*M. Philips Price. My Reminiscences of the Russian Revolution*, 1921, p. 176—177); должно быть, он был сообщен автору советскими властями.

57. Точка зрения Ленина на этот счет зафиксирована у Садуля (*J. Sadoul. Notes sur la Révolution Bolchevique*, p. 191). На III Всероссийском съезде Советов Троцкий заявил, что германская политика в Брест-Литовске, «по нашему глубокому убеждению, молчаливо одобрена в Лондоне» и что «английский империализм ясно осознал, что победить Германию он не в состоянии, и вот за счет России представляется та компенсация, которую германскому империализму нужно дать для того, чтобы он стал сговорчивее в своих переговорах со своими великобританскими и американскими собратьями... ибо и Вильсон, и Кьюлман, и Ллойд Джордж, и Клемансо имеют одинаковые цели» («Третий Всероссийский съезд Советов», с. 54). Веру в то, что Германия и Антанта придут к соглашению за счет России, отчасти питал априорный аргумент, что для капиталистических держав было бы естественно пойти на такой шаг, столкнувшись с пролетарской революцией. Но эту веру значительно подкреплял и опыт, складывавшийся из определенных фактов, которые в то время были прекрасно известны, а затем, когда события стали принимать иной оборот, забыты. Зимой 1917/18 г. внутреннее положение в Германии осложнилось, в то время как вести о потерях Франции на фронтах и Англии на море глубоко потрясли общественное мнение этих стран, а американская помощь, о масштабах и действительности которой можно было только строить догадки, ожидалась не ранее июля 1918 г. Руководители всех европейских стран начали рассматривать вопрос о заключении мира на условиях компромисса. В то же время с лета 1917 г. становилось все более ясным, что Россия перестала быть эффективным союзником, а Октябрьская революция и Брест-Литовский договор нанесли последний удар Восточному фронту. Назначенный в августе 1917 г. министром иностранных дел Германии Кьюлман на следующий месяц через бельгийских посредников установил контакт с Брианом (который в тот момент не занимал поста в правительстве), и Бриан в личном плане благоприятно отнесся к предлагавшимся условиям, удовлетворявшим французским притязаниям в Западной Европе.

В это время МИД Великобритании давал опровержения слухам о якобы имевшей место встрече банкиров стран Антанты в Швейцарии, планировавших заключение мира с Германией за счет России («*The Times*», September 15, 1917). Редактор отдела международной жизни «Таймс» Виггэм Стид, знавший о попытках контакта с Брианом и бывший в курсе настроений многих слоев европейской общественности, в частном письме от 28 октября 1917 г. указывал: «Самая серьезная опасность заключается во Франции; здесь политики и общественность могут так глубоко запускать зубы в Эльзас, Лотарингию и Бельгию. А это то, чего хочет Кьюлман, поскольку он придерживается «восточного» направления в германской политике и охотно пожертвовал бы многим на Западе

для того, чтобы обеспечить себе свободу рук в отношении России и Востока» («The History of the Times», IV vols, 1952, vol. I, p. 335). Ллойд Джордж рассказал об этих переговорах, слоивших непреклонность Германии по вопросу Эльзаса и Лотарингии в своих военных мемуарах (*D. Lloyd George. War Memoirs*, vol. IV, 1934, p. 2081—2107). 29 ноября 1917 г., когда большевистской революции исполнилось три недели, «Дейли телеграф» опубликовала знаменитое письмо Лансдоуна, выступавшего за мир на условиях компромисса, которое, несмотря на критику в «Таймс» и «Морнинг пост», получило широкую поддержку. 28 декабря 1917 г. Ллойд Джордж сообщил редактору «Манчестер гардиан» Скотту, что пребывает в «весьма пацифистском настроении» и что «в военном кабинете существует значительный настрой к заключению мира», чем вызвал у Скотта впечатление, что он «склонялся к плану компенсирования Германии на востоке за счет ее уступки на западе» (*J. L. Hammond. C. P. Scott of the Manchester Guardian*, 1934, p. 219—220, 232). 5 января 1918 г. он сделал заявление о целях войны на конгрессе профсоюзов, в котором довольно таинственный абзац после ссылки на «сепаратные переговоры с общим врагом», которые вели большевики, заканчивался выводом, что «Россия может быть спасена только собственным народом». Через три дня появились «14 пунктов» Вильсона и на какое-то время привлекли все внимание к себе. Но в начале апреля 1918 г., после мартовского наступления немцев, было зафиксировано продолжение обсуждения вопроса о «проведении переговоров с Германией в целях заключения мира за счет России» между Мелнером, Холденом, Ллойд Джорджем и супругами Веббсами («The History of the Times», IV vols, 1952, vol. I, p. 360; эти сведения поступили от Клиффорда Шарпа, получившего их от Веббсов, которые ранее сообщили об этом бельгийскому социалисту Гюисмансу. Тот, однако, осудил такую постановку вопроса как «слишком постыдную даже для Шейдемана»). Коренное изменение обстановки на Западном фронте в конце концов заставило забыть об этих проектах. Но о некоторых из них советские руководители наверняка знали, а о других догадывались. Жена Литвинова, бывшего в то время советским представителем в Лондоне, являлась племянницей публициста Сиднея Лоу, тесно связанного с Милнером, который был самым активным сторонником компромиссного мира в военном кабинете. Уже в марте 1917 г. Лоу зафиксировал у Милнера такие взгляды, а 12 ноября 1917 г. сообщил о проникнутой крайним пессимизмом беседе, в ходе которой Милнер предсказывал, что Германия запросит «свободы рук в Польше и России», а также «возвращения ее африканских колоний» (*D. Chapman-Houston. The Lost History*, 1936, p. 268—269, 278). Однако свидетельств о том, что информация по этому каналу просачивалась в Петроград, нет.

58. Так, когда немцы в своих пропагандистских листовках, предназначенных для русских войск, сравнили британский империализм с империализмом царей, Троцкий в статье под названием «Полправды», ответил, что, хотя это сравнение справедливо, «германский империализм ничем от них не отличается», и, когда были опубликованы секретные договоры с союзниками, он не преминул подчеркнуть, что, когда пролетариат Германии совершит свою революцию, в немецких архивах он обнаружит документы, вызывающие не меньшее осуждение (*Л. Троцкий. Соч.*, т. III, ч. II, с. 148—149, 164—165).

59. *Bunyan and Rischer. The Bolshevic Revolution, 1917—1918. Stanford, 1934, p. 233.*

60. *Л. Троцкий. Соч.*, т. III, ч. II, с. 157.

61. *Bunyan and Fisher. The Bolshevic Revolution, 1917—1918. Stanford, 1934, p. 236.*

62. *Ibid.*, p. 255—258.

63. *Л. Троцкий. Соч.*, т. III, ч. II, с. 175—176.

64. *Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени...*, ч. II, с. 92—94.

65. *Л. Троцкий. Соч.*, т. III, ч. II, с. 179.

66. «The Times», December 7, 1917.

67. Полный и более или менее объективный рассказ о переговорах о перемирии и о мире с немецкой стороны опубликован в книге «Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann» (1929, v. II, S. 197—218), которая включает

в себя и работу М. Гофмана «Der Krieg der Versäumten Gelegenheiten», первоначально изданную в 1923 г. Воспоминания одного из советских военных экспертов Фокке, помещенные в «Архиве Русской революции» (Берлин, 1930, т. XX, с. 5—207), содержат много красочных подробностей.

68. «Протоколы заседаний ВЦИК II-го созыва», с. 82.

69. Л. Троцкий. Соч., т. III, ч. II, с. 192—194.

70. Гофман («Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann», 1929, v. II, S. 192) рассматривал эту статью как особенно абсурдную, отмечая, что исключение, сделанное в отношении войск, которые уже получили приказ о переброске, сводило на нет ее действие, и он был явно озадачен тем, что большевики настаивали на ней. Это положение было скопировано в соглашении о перемирии, заключенном 5 (18) декабря 1917 г. на русско-турецком фронте, по которому стороны обязывались не перебрасывать войска с Кавказа на Месопотамский фронт («Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии». Тифлис, 1919, с. 11—12, 18—23).

71. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 113—114. О происхождении этой идеи см. сноску 1 Приложения Д данного тома.

72. «Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffman», 1929, v. II, S. 192.

73. Русский текст условий перемирия содержится в «Протоколах заседаний ВЦИК II созыва», с. 171—173; их значительно сокращенный вариант содержится у Ю. В. Ключникова и А. В. Сабанина («Международная политика новейшего времени...», ч. II, с. 97—98); английский перевод условий опубликован в изданиях: «United States State Department, 1918: Texts of the Russian „Peace“», p. 1—10; J. W. Wheeler-Bennett. Brest-Litovsk: The Forgotten Peace, 1939, p. 379—384.

74. Л. Троцкий. Соч., т. III, ч. II, с. 199.

75. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 100—102; Л. Троцкий. Соч., т. III, ч. II, с. 206—209.

76. Стенографический отчет данной конференции опубликован Наркоминделом под названием «Мирные переговоры в Брест-Литовске» (т. I, М., 1920).

77. «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, с. 55.

78. См. с. 29 данного тома.

79. «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, с. 126—127, 130—131.

80. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 88.

81. «Протоколы заседаний ВЦИК II-го созыва», с. 128.

82. Там же, с. 83.

83. Там же, с. 164.

84. «Съезды Советов в документах. 1917—1936», т. I, М., 1959, с. 26.

85. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 243—252. Впервые эти тезисы были опубликованы в «Правде» 24 февраля 1918 г., на следующий день после того, как взгляды Ленина были в конце концов приняты Центральным Комитетом партии — с коротким предисловием Ленина, объясняющим причину их появления (там же, т. 35, с. 243).

86. Никакого протокола этого собрания не сохранилось. Наиболее подробно о нем рассказывается в неоконченном меморандуме Ленина, написанном в то время, но опубликованном лишь после его смерти (Полн. собр. соч., т. 35, с. 253—254, 478) и в его пометках, сделанных от руки в ходе заседания («Ленинский сборник», т. XI, М., 1929, с. 42—44).

87. Собрание было создано по требованию группы московских делегатов (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 253—254; «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», с. 283).

88. В соответствии с пометками Ленина Троцкий считал германское наступление возможным на 25% («Ленинский сборник», т. XI, с. 43).

89. Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. II, с. 111. На заседании ЦК Ленин заметил, что план Троцкого означал бы сдачу Эстонии немцам («Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», с. 169).

90. Там же, с. 167—173.

91. «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, с. 347—348. Через три дня представители союзников в Бухаресте сделали заявление, в котором оккупация Бессарабии Румынией изображалась как «чисто военная операция без какого-либо политического характера, предпринятая в полном согласии с союзниками» («L'Ukraine Soviétiste». Berlin, 1922, p. 51); об аннексии Бессарабии Румынией было объявлено в апреле 1918 г. (советский протест в этой связи опубликован у Ю. В. Ключникова и А. В. Сабанина в «Международной политике новейшего времени...», ч. II, с. 138—139); позже она была официально признана союзниками (см. с. 258 данного тома).

92. О волнениях в Австрии в январе 1918 г. см.: O. Czernin. Im Weltkriege, 1919, S. 322—323.

93. Комитет рейхстага, исследовавший несколько лет спустя причины краха Германии, собрал оценки «великой забастовки января 1918 г.». Многие усматривали связь между ней и русской революцией вообще, и в частности брест-литовскими переговорами (R. H. Lutz. The Causes of the German Collapse in 1918. Stanford, 1934, p. 99—135). Радек в марте 1918 г. на VII съезде Российской коммунистической партии утверждал, что «демонстративная политика в Бресте вызвала всеобщую забастовку в Германии, стачки в Австрии, которые были первым пробуждением европейского пролетариата за все время войны...» («Седьмой экстренный съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1962, с. 59).

94. Официальным названием левой «Польской социалистической партии», противостоявшей патриотической «Польской социалистической партии», было «Социал-демократия королевства Польши и Литвы».

95. «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, с. 173—175.

96. Там же, с. 208.

97. Макс Гофман («Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann», v. II. S. 214—215) отмечает, что он вопреки настояниям Кюльмана отказывался принять формулировку Троцкого. Фон Кюльман (R. von Kühlmann. Erinnerungen. Heidelberg, 1948, S. 545) подтверждает, что он был за принятие формулировки Троцкого и вывод всех противостоящих России войск на запад. Он руководствовался нежеланием Австрии «вновь начинать войну на востоке», однако канцлеру не удалось оказать ему поддержку (ibid., S. 549). Очевидно, жест Троцкого имел больше шансов на успех, чем было в то время известно.

98. Таблица голосования приведена в «Протоколах Центрального Комитета РСДРП(б)», с. 194—195. Протокола заседания ЦК 17 февраля 1918 г. не найдено. В своей работе Баньян и Фишер (Bunyan and Fisher. The Bolshevik Revolution, 1917—1918. Stanford, 1934, p. 519) отмечают, что в приложении к изданию 1928 г. протоколов VII съезда партии указывается на то, что при голосовании по упомянутому последнему пункту Троцкий воздержался; но подлинность официальной таблицы голосования, повторно опубликованной в 3-м издании Сочинений В. И. Ленина (т. XXII, с. 579), вне сомнений. Рассказ об этих событиях, содержащийся в книге Л. Троцкого «Моя жизнь» (Берлин, 1930, т. II, с. 110—116), насколько это можно проверить из других источников, скрупулезно точен.

99. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», с. 198—199.

100. Там же, с. 200—205.

101. J. Steinberg. Als ich Volkskommissar war. München, 1929, S. 211—212.

102. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 369. Ультиматум был повторен в тех же выражениях в вышедшем в тот день номере «Правды» (там же, т. 35, с. 366—368).

103. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», с. 211—215.

104. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 490—491; официальный протокол данной сессии ВЦИК никогда не публиковался, текст выступления Ленина помещен в: Полн. собр. соч., т. 35, с. 376—380; короткий отчет о ее работе содержится у Филиппа Прайса (M. Philips Price. My Reminiscences of the Russian Revolution, 1921, p. 247—249).

105. «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, с. 208.

106. В брошюре Сокольников «Брестский мир» (М., 1920) содержатся красочные подробности этого богатого событиями путешествия.

107. Решение о созыве съезда партии было принято ввиду отсутствия единства взглядов в ЦК 19 января (1 февраля) 1918 г. («Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», с. 179); официальное сообщение о созыве его 5 марта появилось в «Правде» 5 (18) февраля 1918 г.

108. *K. Radek. Die Auswärtige Politik Sowjet-Russlands. Hamburg, 1921, S. 80—81.*

109. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 250.*

110. *J. Sadoul. Notes sur la Révolution Bolchevique. 1919.* В этой книге приводится документальное подтверждение деятельности Садуля в то время, поскольку в нее включен ряд почти ежедневных писем Альберу Тома. Личные бумаги Робинса сохранились и в скором времени станут доступны. Книга Харда (*W. Hard. Raymond Robins' Own Story. New York, 1920*) разочаровывает неопределенностью фактов и дат и почти ничего не добавляет к тому, что известно из других источников.

111. *J. Sadoul. Notes sur la Révolution Bolchevique, p. 158.*

112. *C. K. Cummings and W. Pettit (ed.). Russian-American Relations. New York, 1920, p. 66—67.*

113. *J. Sadoul. Notes sur la Révolution Bolchevique, 1919, p. 204; «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918: Russia», v. I, 1931, p. 358.* Отчет о беседе Садуля был представлен 11 (24) января 1918 г.; в тот же день состоялась и беседа с Робинсом; именно в этот день, несомненно после данных бесед, формулировка «ни мира, ни войны» получила поддержку ЦК.

114. Этот эпизод описан, отчасти на основе информации, полученной из устных источников, в работе: *J. W. Wheeler-Bennett. Brest-Litovsk: The Forgotten Peace. 1939, p. 284—286;* эта тема дважды поднималась Рамсеем Макдональдом в палате общин (*House of Commons: 5th Series, CII, 1478, p. 1494; 1606—1607, 1626*).

115. *R. H. Bruce Lockhart. Memoirs of a British Agent, 1932, p. 228.*

116. *J. Noulens. Mon Ambassade en Russie Soviétique, v. I, 1933, p. 223.* Садуль в своих записках от 20 февраля 1918 г. приписывает данную инициативу себе («Notes sur la Révolution Bolchevique», p. 241); инструкции МИД Франции Нулансу подтверждают в: «Foreign Relations of the United States, 1918: Russia», v. I, 1931, p. 383.

117. *Ibid., v. I, p. 386.*

118. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», с. 206—208; *Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. II, с. 118.*

119. *R. H. Bruce Lockhart. Memoirs of a British Agent. 1932, p. 239.*

120. Заявление Троцкого Робинсу и запись беседы Локкарта с Троцким опубликованы в: *C. K. Cumming and W. Pettit (ed.). Russian-American Relations. New York, 1920, p. 81—84.* В настоящей работе цитируется вариант заявления Троцкого, приведенный в протоколах конгресса США; это заявление в ином переводе хранится в Национальном архиве Соединенных Штатов (*Record Group 84: United States Embassy. Moscow, 1918, Correspondence*). Его оригинал на русском языке не обнаружен.

121. Свидетельство Робинса зафиксировано в документах подкомитета сената Соединенных Штатов по судебным, пивоваренным и вино-водочным интересам и немецкой и большевистской пропаганде (*United States Senate: Subcommittee on the Judiciary, Brewing and Liquor Interests and German and Bolchevik Propaganda*).

122. Робинс передал его американскому послу Фрэнсису, находившемуся в Вологде, 8 марта (*W. Hard. Raymond Robins' Own Story, p. 142—143*). 9 марта Фрэнсис упомянул о беседе с Троцким в телеграмме в государственный департамент, где отметил лишь то, что Троцкий выразил протест в связи с «угрозой японского вторжения в Сибирь». Только 12 марта, получив послание Вильсона, датированное предыдущим днем, Фрэнсис по телеграфу изложил заявление Троцкого, сделанное Робинсу 5 марта (*National Archives of the United States, Record Group 59: 861.00/1262, 1302*).

123. «Foreign Relations of the United States, 1918: Russia», v. I, 1931, p. 395—396. (Цит. по: *Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 135.*)

124. W. Hard. Raymond Robins' Own Story, p. 151—152.
125. J. Sadoul. Notes sur la Révolution Bolchevique, p. 274.
126. Письмо Троцкого хранится в Национальном архиве Соединенных Штатов (Record Group 84: United States Embassy. Moscow, 1918, Correspondence).
127. J. Sadoul. Notes sur la Révolution Bolchevique, p. 386. Позже Садуль сделал вывод, что «после Бреста Троцкий и Ленин умножили усилия по привлечению держав Антанты к тесному и лояльному сотрудничеству в деле экономической и военной перестройки России» (ibid., p. 22).
128. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 393.
129. «Седьмой экстренный съезд РКП(б)», с. 26, 31, 32.
130. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 274—275.
131. Там же, т. 35, с. 256.
132. «Седьмой экстренный съезд РКП(б)», с. 52.
133. Там же, с. 73.
134. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 244.
135. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», с. 171—172; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 257—258.
136. Там же, т. 36, с. 11.
137. Там же, т. 36, с. 254.
138. Там же, т. 37, с. 54.
139. Там же, т. 37, с. 98. Через несколько недель он еще более ясно выразил эту мысль в другом выступлении: «Нам пришлось в эпоху Брестского мира идти против патриотизма. Мы говорили: если ты социалист, так ты должен все свои патриотические чувства принести в жертву во имя международной революции, которая придет, которой еще нет, но в которую ты должен верить, если ты интернационалист» (там же, т. 37, с. 213).
140. «Протоколы заседаний ВЦИК II-го созыва», с. 40.
141. Л. Троцкий. Соч., т. III, ч. II, с. 180.
142. И. Майский. Внешняя политика РСФСР. 1917—1922. М., 1923, с. 24.
143. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», с. 214.
144. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 31.
145. «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, с. 210.
146. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», с. 198.
147. Там же, с. 212.
148. Там же, с. 169.
149. Там же, с. 213. Выступления Сталина, за одним исключением, в этих прениях в ЦК не включены в его Собрание сочинений (см.: И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 27).
150. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», с. 214—215.
151. Там же, с. 231.
152. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 341—342.
153. Там же, т. 37, с. 191.

Глава 22. Двойственная политика

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, с. 172; Ленин в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский», написанной осенью 1918 г., заявил, что «первой заповедью всякой победоносной революции», как это подчеркнуто Марксом и Энгельсом, «было: разбить старую армию, распустить ее и заменить ее новой» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 295), но ни Маркс, ни сам Ленин до 1917 г., как представляется, никогда не ссылались на будущее всеобщее ополчение как на «армию». Слово «армия», как «бюрократия» и как само «государство», имело чуждый подтекст.
2. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 40—43.
3. Там же, т. 33, с. 29.
4. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», с. 53.
5. Большая Советская Энциклопедия, 1937, т. XXXIV, с. 579, ст. «Красная Гвардия». Троцкий приводит оценку того времени — 40 тыс. человек, — считая, что она «скорее преувеличена» (Л. Троцкий. История русской революции. Берлин, 1933, т. II, ч. II, с. 207).

6. *Л. Троцкий*. Соч., т. II, ч. I, с. 62.
7. «КПСС в резолюциях...», т. I, с. 572.
8. Неопубликованные материалы из архива Красной Армии приведены в № 2 «Вопросов истории» за 1948 г., с. 50, в которых указывается, что на совещании присутствовали Ленин, Сталин и Подвойский (старшие члены коллегии по военным делам); но стандартное для статьи, опубликованной в 1948 г., упоминание Сталина и замалчивание имени Троцкого не обязательно отражали действительное положение.
9. «Собрание узаконений, 1917—1918». М., 1919, № 15, ст. 215.
10. Там же, № 17, ст. 245; № 23, ст. 325.
11. *Г. С. Пухов*. Как вооружался Петроград. М., 1933, с. 13.
12. По словам Троцкого, определение «социалистическое отечество» было предложено им, и, когда левые эсеры выступили против, Ленин ответил, что это «сразу показывает перемену нашего отношения к защите отечества на 180 градусов. Так именно и надо!» (*Л. Троцкий*. О Ленине. М., 1924, с. 104).
13. Трудно определить, как 23 февраля стало считаться Днем Красной Армии. Первый День Красной Армии был провозглашен 28 января (10 февраля) 1918 г. для поощрения к вступлению в ее ряды («Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», № 10 (55) от того же числа). Очередной День Красной Армии был объявлен в тех же целях 22 марта 1918 г. и послужил поводом для речи Троцкого (см. с. 58). В течение некоторого времени авторитетные советские авторы в том числе: *Антонов-Овсеенко*. За пять лет. М., 1922, с. 155) имели обыкновение объяснять, что декрет от 15 (28) января 1918 г. о создании Красной Армии был впервые обнародован 23 февраля, но это, однако, неверно. Официальное широко распространенное издание по истории партии, впервые вышедшее в 1938 г., содержит ссылку на отпср германским захватчикам, данный «новой армией» под Нарвой и Псковом, а также указание на то, что «день отпора войскам германского империализма — 23 февраля — стал днем рождения молодой Красной Армии» (История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1946, с. 207).
14. *Л. Троцкий*. Как вооружалась революция, т. I, М., 1923, с. 14.
15. *Г. С. Пухов*. Как вооружался Петроград, с. 13.
16. *R. H. Bruce Lockhart*. Memoirs of a British Agent. 1932, p. 242. В Совнаркоме первого состава руководство военными делами было вверено комитету из трех комиссаров — Антонова-Овсеенко, Крыленко и Дыбенко; вскоре он был преобразован во «Всероссийскую коллегия», члном которой являлся также Троцкий (*Л. Троцкий*. Как вооружалась революция, т. I, с. 101—102). Высший военный совет явился новым органом.
17. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 10—11, 19.
18. Слово «социалистическая» было добавлено к знакомому обороту «отечественная война», традиционно употреблявшемуся русскими историками в отношении войны 1812 г.; созвучность явилась умышленной, и ни один русский не смог бы ее не заметить.
19. «КПСС в резолюциях...», т. 2, с. 26—27.
20. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 123.
21. *Л. Троцкий*. Как вооружалась революция, т. I, с. 25—30, 99—100.
22. Это назначение было утверждено ВЦИК 8 апреля 1918 г. («Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва». М., 1920, с. 73). По совпадению на этом же заседании бурным одобрением было встречено решение сделать красный флаг национальным флагом РСФСР (там же, с. 74).
23. Цит. по: *E. Wollenberg*. The Red Army, 2nd ed., 1940, p. 63.
24. *D. F. White*. The Growth of the Red Army. Princeton, 1944, p. 28.
25. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 33, ст. 443; принцип, согласно которому «почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся», было подтверждено в статье 19 Конституции РСФСР. «Левые коммунисты» этого периода («Большевистская революция...», т. I, гл. 8) выступили с протестом против как привлечения буржуазии, так и использования специалистов (см. их манифест в «Коммунисте» № 1 за 20 апреля 1918 г., приведенный в приложении к т. XXII 3-го издания Сочинений Ленина, с. 561—

- 571; Радек развил аргументацию против этого в «Коммунисте» № 2 за 27 апреля 1918 г., с. 14—16).
26. «Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва», с. 176—177; «Собрание узаконений, 1917—1918», № 33, ст. 443.
27. Там же, № 44, ст. 518; № 43, ст. 528; № 44, ст. 534.
28. «Большевистская революция...», т. I, гл. 7.
29. Случай в Нижнем Новгороде, вероятно, типичен для данного периода. Нижегородский совет ничего не делал для организации Красной Армии до появления в нем в конце февраля членов солдатского комитета старой Третьей армии. С их помощью 14 марта 1918 г. была основана провинциальная «военная секция». Но в период, последовавший за этим, до 23 апреля, в добровольцы записалось всего 1680 человек, из которых многие представляли собой нежелательные элементы; 23 апреля в их среде возник мятеж. После этого набор и подготовка новобранцев были поставлены под серьезный контроль. Но декрет о всеобщей мобилизации не применялся до конца августа («Год пролетарской диктатуры. Юбилейный сборник». Нижний Новгород, 1918, с. 55—56).
30. «Пятый Всероссийский съезд Советов». М., 1918, с. 167—174; «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях». М., 1939, с. 88—91.
31. «Десять лет советской дипломатии». М., 1927, с. 7—10.
32. Этот процесс был действительно медленным; германский очевидец писал, что еще в июне 1918 г. «Чичерин сам занимался выписыванием пропусков, резервированием купе для наших курьеров и другими подобными мелочами» (*K. von Bothmer. Mit Graf Mirbach in Moskau, Tübingen, 1922, S. 59*).
33. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 39, ст. 505.
34. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. II, ст. 135.
35. D. F. Francis. Russia from the American Embassy. New York, 1929, p. 230.
36. Г. В. Чичерин. Внешняя политика Советской России за два года. М., 1920, с. 7.
37. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 323—324.
38. «Четвертый чрезвычайный съезд Советов». М., 1920, с. 32.
39. Это обвинение было сделано Радеком в статье, подписанной «Viator» в «Коммунисте» № 2 за 27 апреля 1918 г.
40. O. Czernin. Im Weltkrieg, 1919, S. 305.
41. «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, с. 231.
42. «Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета». М., 1919, с. 90.
43. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 22.
44. «Седьмой экстренный съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1962, с. 171.
45. См. гл. 21 данного тома.
46. «Восьмой съезд РКП(б). Протоколы», с. 500; Джон Рид в: «The Liberator» (New York), January 1919, p. 24; согласно последнему источнику, новая «неофициальная организация получила субсидию в 20 млн. рублей».
47. «Восьмой съезд РКП(б)», с. 502. Чехословакам позволили создать в мае 1918 г. свою собственную независимую коммунистическую партию, которая насчитывала около тысячи членов (там же, с. 503). Съезд, на котором она была образована, состоявшийся 25—28 мая в Москве, описан в: P. Reimann. Geschichte der Kommunistischen Partei der Tschechoslowakei, 1931, S. 68—77. Она не смогла выжить, и пришедшая ей на смену Чехословацкая коммунистическая партия начинала с нуля. Существуют ссылки на «венгерскую партийную школу», работавшую в Москве в ноябре 1918 г. («Красная новь», № 10, 1926, с. 140).
48. «Пролетарская революция», № 7 (90), 1929, с. 97. Согласно одному из источников, эта работа имела гораздо больший успех среди австрийцев, чем среди немцев, которые, «даже будучи социал-демократами, проявляли разочарывающую враждебность» (*J. Sadoul. Notes sur la Révolution Bolchevique, p. 325*).
49. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 147.
50. «Sowjet-Russland und die Völker der Welt». Petrograd, 1920, S. 33.

51. «Foreign Relations of the United States, 1919: Russia», 1937, p. 190—194; в начале 1919 г. правительство Соединенных Штатов выступило с возражением против британского предложения об их репатриации на том основании, что было бы нежелательно возвращать в Китай «рабочих и кули, находившихся под влиянием большевистского режима России».

52. «Известия», 17 апреля 1918 г.

53. Там же, 19, 21 апреля 1918 г.; «Пролетарская революция», № 7 (90), 1929, с. 102—103; J. Sadoul. Notes sur la Révolution Bolchevique, p. 313—314. Скупные и неброские сообщения о съезде в «Известиях» предполагают наличие известной озабоченности в связи с последствиями придания ему слишком большой огласки. Съезды военнопленных были примерно в то же время проведены и в других центрах.

54. «Пролетарская революция», № 7 (90), 1929, с. 108—110.

55. «Известия», 16 апреля 1918 г.; «Пролетарская революция», № 7 (90), 1929, с. 107.

56. «Известия», 21, 23 апреля 1918 г., «Пролетарская революция», № 7 (90), 1929, с. 107—108; «Собрание узаконений, 1917—1918», № 34, ст. 451.

57. W. Hard. Raymond Robins' Own Story, p. 182. «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918: Russia», v. II, 1932, p. 131. Вооружение немецких и австрийских военнопленных вызывало беспокойство также и у союзников и явилось одним из предлогов для интервенции. Мысль о том, что эти пленные будут вновь сражаться на стороне держав Центральной Европы против союзников, была, конечно, надуманной, но некоторые из них участвовали в боевых действиях против чешского легиона в Сибири.

58. По словам Радека, протест австрийского посла, сидевшего в своем кабинете в посольстве, был добродушным; с другой стороны, «немецкие чиновники держались неслыханно трусливо» («Красная новь», № 10, 1926, с. 143).

59. «Восьмой съезд РКП(б)», с. 502. Два делегата Петроградского немецкого совета рабочих и солдатских депутатов не были допущены на II Всегерманский съезд в Берлине в апреле 1919 г. (2-й Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов». М., 1935, с. 325—326).

60. Джон Рид писал об этом в «The Liberator» (New York, January 1919, p. 24); в том же источнике приводится такая красочная деталь: Иоффе направил десять «изошренных пропагандистов» в турне по Германии на велосипедах.

61. L. Fischer. Men and Politics. 1941, p. 31.

62. Иоффе в ответ на заявление немцев о том, что он истратил 105 тыс. марок на оружие для революционеров, возразил, что он дал «не 105 000 марок, а несколько сотен тысяч марок» на эти цели независимому социал-демократическому лидеру Барту («Известия», 6 декабря 1918 г.). Чичерин, который ранее утверждал, что Советское правительство полностью соблюдает Брест-Литовский договор, признал в ноте германскому правительству, что Иоффе получил фонды для пропаганды (там же, 26 декабря 1918 г.). С германской стороны Гофман ссылался на сообщение о том, что Иоффе имел на балансе в одном из берлинских банков 22 млн. марок («Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann», 1929, v. I, S. 223).

63. «Союз Спартака» — широко принятое название антивоенной группы, состоявшей преимущественно из интеллигенции, которая образовалась в 1916 г. из членов Социал-демократической партии Германии, придерживавшихся крайне левых позиций; ее выдающимся представителем была Роза Люксембург. Это наименование произошло от «Писем Спартака», название, под которым имела хождение ее легальная литература. В апреле 1917 г. в Социал-демократической партии Германии (СДПГ) произошел раскол, и ее левое крыло основало Независимую социал-демократическую партию (НСДПГ) с преимущественно антивоенной платформой. Спартаковцы вступили в НСДПГ, сохранив в ее рядах самостоятельность своей группы, оставаясь и в новой партии на положении крайне левой революционной фракции.

64. В соответствии с опубликованным 17 декабря 1918 г. в «Известиях» заявлением Иоффе Кон получил от него 10 млн. рублей «в интересах германской революции»; кроме того, накануне выдворения Иоффе Кону было пере-

дано еще 500 тыс. марок и 150 тыс. рублей, из которых 350 тыс. марок и 50 тыс. рублей были выделены «на нужды оставшихся в Германии российских граждан». Сведения немецкой стороны по этому вопросу приводятся в работе: *R. H. Lutz. The Causes of the German Collapse in 1918*. Stanford, 1934, p. 108, 152, где указывается, что Кон, в декабре 1918 г. похваставшийся, что он «с радостью принял фонды, которые друзья нашей партии через товарища Иоффе предоставили в его распоряжение на цели германской революции», позже пытался представить дело так, что большая часть денег была предназначена для облегчения участи русских военнопленных в Германии.

65. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.

66. В этих операциях как партизанский руководитель снискал себе славу Ворошилов, позже ставший народным комиссаром по военным делам; в высшей степени идеализированный рассказ о них приведен в книге, выпущенной во время второй мировой войны: «Разгром немецких захватчиков на Украине в 1918 году». М., 1943.

67. «Известия», 23 апреля 1918 г.

68. «Foreign Relations of the United States: Russia», v. I, 1931, p. 506.

69. Ibid., v. I, p. 512—513.

70. Официальные документы по этому вопросу содержатся в «Архиве русской революции» (Берлин), т. XIV, 1924, с. 153—221; см. также: *R. H. Bruce Lockhart. Memoirs of a British Agent*. 1932, p. 279.

71. *C. K. Cummings and W. W. Pettit (ed.). Russian-American Relations*. New York, 1920, p. 202—203.

72. Японские войска высадились во Владивостоке 5 апреля 1918 г. якобы в ответ на убийство двух японцев днем раньше. 6 апреля Чичерин направил союзным представителям ноту с просьбой проинформировать об отношении союзных держав «к событиям, имевшим место во Владивостоке» («Correspondance Diplomatique». Moscou, 1918, p. 3); ни одного ответа на этот запрос получено не было.

73. С начала марта в Мурманске находилась небольшая английская воинская часть, официальной задачей которой была защита складов и железных дорог от возможного нападения немцев; ее высадка состоялась с молчаливого согласия советских властей.

74. См. гл. 22 данного тома.

75. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 328, 344.

76. «Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва», с. 277—278, 281—282, 290—291.

77. Много подробностей на этот счет содержится в публикации: *K. von Bothmer. Mit Graf Mirbach in Moskau*. Tübingen, 1922; ее автор, сотрудник аппарата Мирбаха, курировал работу этой комиссии. Немцы явно не спешили завершить данные переговоры, поскольку они не хотели терять рабочую силу в лице находившихся у них 1,5 млн. русских военнопленных.

78. Заявление главы советской торговой делегации в Берлине Бронского, опубликованное в газете «Известия» за 4 июля 1918 г.

79. Они названы в интервью Иоффе газете «Известия», опубликованном 16 августа 1918 г. Красин, игравший роль в ранней истории партии («Большевистская революция...», т. I, гл. 3), покинул ее примерно в 1908 г. и посвятил себя исключительно профессиональной деятельности инженера; он стал петроградским управляющим немецкой фирмы «Сименс-Шуккерт». В ноябре 1917 г. он был в Петрограде, но не принял никакого участия в революции и в начале 1918 г. уехал в Швецию. В мае 1918 г. он по приглашению Иоффе прибыл в Берлин для содействия проведению советско-германских переговоров. В августе 1918 г. он вернулся в Москву, стал членом Высшего Совета Народного Хозяйства и принял руководство внешней торговлей.

80. Криге, начальник юридического департамента, характеризовался как Гофманом («Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann», 1929, v. II, S. 218), так и Людендорфом («My War Memoirs» (Engl. transl.), v. II, p. 657) в качестве злого гения, навязывавшего прорусскую политику германскому правительству. То же мнение было выражено К. фон Ботмером («Mit Graf Mirbach in Moskau». Tübingen, 1921, S. 91, 105), отражавшее также точку зрения воен-

ных кругов. На мысль о том, что антисоветские взгляды имели своих сторонников в миссии Мирбаха, наводит фон Блюхер в своей книге (*W. von Blücher. Deutschlands Weg nach Rapallo*. Wiesbaden, 1951, S. 15), в которой он говорит о тайных связях миссии с «опозицией» и добавляет, что «о них никогда, насколько он знал, не становилось известно большевикам».

81. *H. Kessler. Walter Rathenau: His Life and Work* (Engl. transl.), 1929, p. 231—292; согласно этому источнику, «переговоры были продолжены из-за фантастических требований Людендорфа и его штаба», которые потребовали создания «казахской республики на Дону под германским протекторатом».

82. *J. Sadoul. Notes sur la Révolution Bolchevique*, p. 354; письмо, в котором сообщалось об этом, явилось хорошо продуманным описанием политики и мнений, бытовавших в тот период в Москве. Слухи о приближавшемся образовании «русско-немецкого союза» были настолько распространены в Германии летом 1918 г., что достигли находившейся в тюрьме Розы Люксембург (*P. Fröhlich. Rosa Luxemburg: Her Life and Work*. 1940, p. 268—269).

83. К несчастью, единственными источниками, свидетельствующими о пребывании Красина в Германии, являются его письма неполитического содержания жене, отрывки из которых опубликованы в английском переводе в издании: *L. Krasin. Leonid Krasin: His Life and Work*. 1929, p. 79—95. В них нет почти ничего, что представляло бы политический интерес, например запись беседы с Брокдорфом-Ранцау представлена следующим образом: «Мы говорили о всевозможных вещах, и он предложил свою помощь в случае, если я решу поехать жить в Данию».

84. «Большевистская революция...», т. I, гл. 7; красноречивый рассказ очевидца об убийстве приведен в: *K. von Bothmer. Mit Graf Mirbach in Moskau*. Tübingen, 1922, S. 71—79.

85. «Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета», с. 89; *Г. В. Чичерин. Внешняя политика Советской России за два года*. М., 1920, с. 14—15.

86. См. гл. 22 и 28 данного тома.

87. По соображениям безопасности Гельферих за все свои десять дней, проведенные в Москве, не покидал здания посольства, за исключением одного раза, когда он совершил короткую прогулку (*K. von Bothmer. Mit Graf Mirbach in Moskau*, S. 120—121). Командующий немецкими войсками на Украине Эйхорн был убит в результате покушения через два дня после прибытия Гельфериха.

88. *K. Helfferich. Der Weltkrieg*, 1919, v. III, S. 466. Чичерин упомянул о той же беседе в статье, написанной в память о Ленине после его смерти: «Когда в августе Антанта уже фактически вела против нас войну, заняв Архангельск и продвигаясь от него к югу, действуя на востоке при помощи чехословаков и на юге, толкая вперед «добровольческую армию» Алексева, Владимир Ильич сделал попытку использования антагонизма двух воюющих империалистических коалиций для ослабления натиска шедшей вперед Антанты. После долгого совещания с Владимиром Ильичом я лично поехал к новому германскому послу Гельфериху, чтобы предложить ему условиться о совместных действиях против Алексева на юге и о возможности отправки германского отряда по соглашению с нами для нападения на антантовские войска у Белого моря. Дальнейшее развитие этого плана было прервано внезапным отъездом Гельфериха» («Известия», 30 января 1924 г.). Заявление, содержащееся в книге: *L. Fischer. The Soviets in World Affairs*, 1930, v. I, p. 129), о том, что Гельферих «в своей крайней ненависти к Москве даже никогда не передавал предложение Чичерина своему правительству», является наглядным примером советской подозрительности и, конечно, несправедливо. В книге: *K. von Bothmer. Mit Graf Mirbach in Moskau*, S. 117, определенно указывается на то, что «вопрос о заключении союза с Россией для того, чтобы двинуться на Мурманск с нашими финскими и балтийскими войсками, рассматривался серьезно».

89. *Г. В. Чичерин. Внешняя политика Советской России за два года*, с. 15.

90. По словам Чичерина (там же, с. 15), лишь в августе 1918 г. у Советского правительства появилось некоторое подозрение относительно слабости

немцев: «Еще летом мы опасались, что время урожая будет тем моментом, когда германские войска двинутся в глубь России, чтобы забрать ее хлеб. Но когда время урожая настало, выяснилось, что у германского империалистического чудовища аппетиты становятся менее разнузданными». В частном письме от 7 сентября 1918 г. Красин все еще выражал опасения, что, «если чехословаки захватят Нижний, немцы займут Петроград и Москву» (*L. Krasin. Leonid Krasin: His Life and Work. 1929, p. 90*).

91. «Известия», 16 августа 1918 г.

92. Оба соглашения даны в сокращенном виде в сборнике Ю. В. Ключникова и А. В. Сабанина «Международная политика новейшего времени...», ч. II, с. 163—166; договоренность, закрепленная секретным обменом нотами, воспроизведена по материалам немецких архивов в: «*Europäische Gespräche*», v. IV, 1926, S. 148—153; ее русский текст никогда официально не публиковался. Перевод всех этих документов помещен в издании: *J. Wheeler-Bennett. Brest-Litovsk: the Forgotten Peace. 1939, p. 427—446*.

93. «Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета», с. 95—96.

94. «Большевистская революция...», т. I, гл. 7; данное заявление появилось в «Известиях» 3 сентября.

95. *Л. Троцкий*. Соч., т. III, ч. II, с. 179—180.

96. Ленин в своей речи 14 мая 1918 г. поставил американско-японский конфликт рядом с англо-германским конфликтом в качестве двух главных противоречий между империалистическими державами (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 330).

97. См. гл. 27 данного тома; в книге: *L. Fischer. The Soviets in World Affairs. 1930, v. I, p. 300*, указывается, что собственность американской корпорации «Интернэшнл Харверстэр» и компаний «Вестингауз Брэйк» и «Зингер съюинг машин» была исключена из списка национализируемых благодаря вмешательству Робинса.

98. *Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин*. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 162—163.

99. «Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета», с. 95.

100. «Известия», 4 октября 1918 г.

101. *Г. В. Чичерин*. Внешняя политика Советской России за два года, с. 31.

102. *Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин*. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 161.

103. Там же, с. 163; заключительная фраза заимствована из армейского лозунга французской революции: «Мир хижинам! Война дворцам!»

104. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, с. 48, 64.

105. *M. Fainsod. International Socialism and the World War. Harvard, 1935, p. 184*; названия нескольких других брошюр перечислены в издании: *A. L. P. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia, 1924, p. 488*. Тексты подобных брошюр, распространявшихся среди французских войск на юге России, приведены в работе: *A. Marty. La Révolte de la Mer Noire, v. I, 1927, p. 149—166*. Ленин (Сочинения, т. XXV, с. 600, прим. 49) указывал на две газеты, «*The Call*» и «*La Lanterne*», издававшиеся для английских и соответственно для французских войск.

106. «Коммунистический Интернационал», № 9—10 (187—188), 1929, с. 189.

107. См., например, гл. 25 данного тома.

108. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 50, с. 186.

109. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, с. 98—99.

110. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 50, с. 194—195.

111. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 50, с. 196, 198—199.

112. «Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета», с. 252.

113. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, с. 114.

114. См. гл. 21 данного тома.

115. *Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин*. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 181—188.

116. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 298.

117. Данная нота опубликована не была.

118. В изданиях: «The Memoirs of Prince Max of Baden» (Engl. transl.). 1928, v. II, p. 289; P. Scheidemann. Memoirs of a Social-Democrat (Engl. transl.). 1929, v. II, p. 534—536, — допускается, что инцидент был преднамеренным; согласно книге: W. von Blücher. Deutschlands Weg nach Rapallo. Wiesbaden, 1951, S. 34, его идея исходила от Надольного. Такая деталь, что сами документы были подброшены полицией, содержится в гораздо более поздних сообщениях австрийской печати (приведенных в работе: J. W. Wheeler-Bennett. Brest-Litovsk: The Forgotten Peace. 1939, p. 359).

119. Это заявление опубликовано не было. В тот же день германское консульство в Москве вручило в Наркоминделе ноту, выдержанную в подобных же выражениях, но более длинную и не содержавшую заключительного положения относительно официального разрыва отношений; она была целиком зачитана Лениным VI Всероссийскому съезду Советов 6 ноября 1918 г. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 148—150).

120. Состоявшийся через два дня рассказ Радека об этом происшествии VI Всероссийскому съезду Советов сопровождался протестующими возгласами («Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов». М., 1919, с. 52—53); обстоятельства и дальнейшие события укрепили выраженные в то время Лениным подозрения большевиков в том, что Иоффе был выдворен в надежде умиловить победоносные западные державы (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 150).

121. «Красная новь», № 10, 1926, с. 140; в работе: M. Philips Price. My Reminiscences of the Russian Revolution. 1921, p. 349—350, приводится рассказ очевидца о кремлевском празднестве и говорится о проявленной Лениным осторожности, наблюдавшейся в его тоне даже в то время: «Я боюсь, что социальная революция в Центральной Европе развивается слишком медленно, чтобы к нам пришло какое-либо содействие с этой стороны» (Ibid., p. 345). По словам Радека («Красная новь», № 10, 1926, с. 139), Свердлов заметил по этому поводу: «Будьте на страже. Осенние мухи больно кусаются». На следующее утро, отметил Радек, лицо у Ленина было «взволнованное и очень серьезно озабоченное».

122. «Собрание узаконений, 1917—1918», № 95, ст. 947; Брест-Литовский договор в том, что касалось Турции, уже был денонсирован Советским правительством 20 сентября 1918 г. (Г. В. Чичерин. Внешняя политика Советской России за два года, с. 21).

123. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». Петроград, 1921, с. 210.

124. Впоследствии в докладе комитета рейхстага, исследовавшего причины краха Германии, привлекалось внимание к «тесной связи между революцией и вопросом мира в сознании немецких социалистов» (R. H. Lutz. The Causes of the German Collapse in 1918. Stanford, 1934, p. 118).

125. Этот ответ был передан в ходе переговоров по буквопечатающему телеграфу между Гааге и Чичериным, и, как представляется, его официального текста не существует; его содержание было зафиксировано Радеком («Красная новь», № 10, 1926, с. 142) и изложено коллегой Гааге Дитманом на II конгрессе Коминтерна («2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 267—269).

126. «Красная новь», № 10, 1926, с. 142.

127. Еще более поздний отзвук этого события можно найти в докладе Сталина, сделанном в октябре 1920 г., в котором он предложил создать «продовольственный фонд для революции на Западе». Он говорил: «Дело в том, что западные государства (Германия, Италия и пр.) находятся в полной зависимости от Америки, снабжающей Европу хлебом. Победа революции в этих странах поставила бы пролетариат перед продовольственным кризисом на другой же день после революции, если бы буржуазная Америка отказалась снабжать их хлебом, что вполне вероятно» (И. В. Сталин, Соч., т. 4, с. 380).

128. «2-й Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 298.

129. «Собрание узаконений...», № 95, ст. 947.
130. «Красная новь», № 10, 1926, с. 142—143.
131. «2-й Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 269—270.
132. Там же, с. 211, 298.
133. Пребывание в Борисове описано сотрудником Иоффе в книге: *M. K. Larsens. An Expert in the Service of the Soviet*, 1929, p. 30—33.
134. «Известия», 3 декабря 1918 г.; в «Дипломатическом словаре» (т. II, М., 1950, с. 107) в ст. «Мархлевский» указывается, что уже в октябре 1918 г. германское правительство отказалось дать Мархлевскому разрешение на проезд в Вену через Берлин в качестве советского представителя.
135. «Отчет Народного Комиссариата по Иностранным Делах Седьмому съезду Советов». М., 1919, с. 18.
136. «2-й Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 270; согласно другой, более сомнительной версии, Радек также предложил советскую помощь для оказания сопротивления армиям союзников на Рейне (там же, с. 272).
137. Г. В. Чичерин. Внешняя политика Советской России за два года, с. 23; собственная версия Радека была менее драматична, он говорил лишь о «нескольких солдатах с винтовками» («Красная новь», № 10, 1926, с. 145).
138. «Красная новь», № 10, 1926, с. 146.
139. Шейдеман (*P. Scheidemann. Memoirs of a Social-Democrat. (Engl. transl.)*, 1929, v. II, p. 533) противопоставляет «Германию, страну многовековой образованности», «России, земле миллионов неграмотных».
140. *Brockdorff-Rantzau. Documente*, 1920, S. 11.
141. «Красная новь», № 10, 1926, с. 149.
142. *K. Radek. Die Russische und Deutsche Revolution and die Weltlage*, 1919, S. 15, 29—30.
143. «Bericht über den Gründungsparteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)», S. 13, 17—18. Этот нелегально изданный (вероятно, в 1919 г.) официальный отчет о работе съезда содержит выступления в изложении (только речь Розы Люксембург приведена, видимо, полностью) и программу; речь Радека не была в него включена в связи с тем, что была опубликована отдельной брошюрой (см. предыдущее примечание).
144. «Большевистская революция...», т. I, гл. 2.
145. Она впервые была опубликована с некоторыми сокращениями в брошюре, изданной Паулем Леви (*R. Luxemburg. Die Russische Revolution*, 1922); опущенные места были опубликованы в: «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Leipzig, XIII, 1928, S. 285—298.
146. Это мнение, хотя оно открыто не выражалось, было в то время широко известно в партийных кругах; ссылки на него содержались в заявлении, зачитанном от имени Клары Цеткин на III конгрессе Коминтерна («Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». Петроград, 1922, с. 316—317).
147. Программа опубликована в не имеющем даты (вероятно, за 1919 г.) издании: «Bericht über den Gründungsparteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)», S. 49—56.
148. «2-й Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов», с. 324.
149. Там же.
150. «Отчет Народного Комиссариата по Иностранным Делах Седьмому съезду Советов», с. 22; один из заложников впоследствии написал мемуары (*Heinz Stratz. Drei Monate als Geisel für Radek*, 1920).
151. «Съезд», — писал Радек через несколько лет, — демонстрирует очень ярко молодость, неопытность партии. Связь с массами очень слаба. ...Я не чувствовал, что здесь уже передо мной партия» («Красная новь», № 10, 1926, с. 152).
152. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 455. В редакторском приложении (там же, с. 725) письмо датируется 21 января, что должно быть опечаткой вместо 12 января, так как оно не могло быть написано после смерти Люксембург.

Глава 23. Год изоляции

1. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях», с. 116.
2. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. *Международная политика новейшего времени...*, ч. II, с. 210—212.
3. «Foreign Relations of the United States, 1919: Russia». Washington, 1937, p. 15—17.
4. «Foreign Relations of the United States: The Paris Peace Conference, 1919». 3 Vols., Washington, 1943, p. 581—584. Эти тома включают наиболее полное и удобное для пользования собрание протоколов конференции, хотя многие документы и материалы были ранее опубликованы в других изданиях.
5. Ibid., p. 643—646.
6. Текст обращения опубликован в: «Foreign Relations of the United States, 1919: Russia», p. 30—31.
7. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. *Международная политика новейшего времени...*, ч. II, с. 219—223.
8. «Известия», 30 января 1924 г.
9. Д. Ллойд Джордж. *Правда о мирных договорах*. М., 1957, т. I, с. 281.
10. «Foreign Relations of the United States: The Paris Peace Conference, 1919». Vol. 3, p. 1043—1044; vol. 4, p. 13—21.
11. «Foreign Relations of the United States, 1919: Russia», p. 73.
12. Доклад Буллита см. в: «Foreign Relations of the United States, 1919: Russia», p. 76—77; Меморандум, сообщенный по телеграфу, см.: Ibid., p. 78—79; полный текст меморандума впервые опубликован в: *Hearings before the Senate Committee on Foreign Relations, 66th Congress, 1st Session*, p. 1248—1250, опубликован также в: «Documents on British Foreign Policy: First Series», vol. 3. London, 1949, p. 426—429. Меморандум был составлен на английском языке, обратный перевод на русский язык (помещенный в: Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. *Международная политика новейшего времени...*, ч. II, с. 235—237) имеет незначительные разночтения.
13. В конце июня 1919 г. британское министерство иностранных дел, заметив в прессе упоминание о миссии Буллита, запросило у своей делегации в Париже информацию о якобы сделанных предложениях; в ответ секретарь Ллойд Джорджа Филипп Керр передал текст предложений вместе с кратким отчетом о состоявшихся событиях, к которым имел непосредственное отношение сам Керр («Documents on British Foreign Policy: First Series», vol. 3, p. 425—426).
14. Опровержения Ллойд Джорджа в этой связи опубликованы в: *House of Commons: 5th Series*, vol. 114, col. 2945—2946 (April 16, 1919), vol. 121, col. 719 (November 17, 1919).
15. Какое-либо официальное решение на этот счет не объявлялось, равным образом оно не прослеживается в документах, опубликованных с того времени. Наиболее полное публичное изложение этого политического курса содержится в речи Ллойд Джорджа в палате общин в апреле 1919 г., в которой он обосновывал посылку снаряжения, но не войск и взял обязательство поддерживать «генерала Деникина, адмирала Колчака и генерала Харькова», равно как и «союзные страны, граничащие с большевистской территорией от Балтийского до Черного моря, — Польшу, Чехословакию и Румынию» (*House of Commons: 5th Series*, vol. 114, col. 2943). Впоследствии Ллойд Джордж называл это «апрельской политикой» (Ibid., vol. 121, col. 720). Его собственный переход на эти позиции был, очевидно, обусловлен тремя факторами: все более громкой оппозицией в кабинете министров и в палате общин политике умиротворения советского режима; его желанием уговорить Клемансо пойти на «умеренный» мир с Германией за счет принятия бескомпромиссного французского подхода к России; первыми военными успехами Колчака. Последний из этих факторов, порождавший надежды, что советский режим может быть свергнут без использования войск союзников, был, вероятно, наиболее важным. Буллит в своих показаниях перед сенатским комитетом по иностранным делам описывал настрой, преобладавший на Парижской конференции в апреле 1919 г., следующим образом: «Колчак продвинулся вперед на 60 км, и тут же вся парижская прес-

са взорвалась и возопила по этому поводу, объявляя, что Колчак будет в Москве в ближайшие две недели; в результате все в Париже, включая меня, не говоря уже о членах американской делегации, начали все прохладнее относиться к миру в России, поскольку все полагали, что Колчак вступит в Москву и сметет Советское правительство» («The Bullitt Mission to Russia». New York, 1919, p. 90).

16. Берзин, советский представитель в Швейцарии, был выслан в октябре 1918 г.; Воронский был лишен признания в качестве советского представителя в Швеции в декабре 1918 г. и выехал в следующем месяце («Отчет Народного Комиссариата по Иностранным Делах Седьмому съезду Советов», с. 14—16).

17. «Красная книга. Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях. 1918—1920 г.». М., 1920, с. 32, 35—36; примерно через год шесть человек были обвинены в совершении этого преступления и предстали перед польским судом; трое были приговорены к краткосрочному тюремному заключению, а трое — оправданы (там же, с. 94).

18. «Отчет Народного Комиссариата по Иностранным Делах Седьмому съезду Советов», с. 13. В состав делегации входили Мануильский, Давтян и Инесса Арманд; отчет о происшедшем с ними был дан Мануильским в «Правде» от 20 мая 1919 г.

19. «Foreign Relations of the United States, 1919: Russia», p. 133—134, 140—141; «Soviet Russia». New York, January 31, 1920, p. 110. «Foreign Relations of the United States, 1920». Vol. 3. Washington, 1936, p. 456.

20. «Отчет Народного Комиссариата по Иностранным Делах Седьмому съезду Советов», с. 15.

21. Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли, 2-е изд. М., 1970, с. 254.

22. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 139.

23. «Протоколы заседаний ВЦИК II созыва», с. 179.

24. По вопросам, связанным с Циммервальдским объединением и отношением к нему большевиков, см. Примечание Е «Предыстория Коммунистического Интернационала».

25. Петров был репатрирован вместе с Чичериным в конце 1917 г. и, как представляется, не имел каких-либо полномочий от Британской социалистической партии. Рейнштейн, который возглавлял сектор международной пропаганды Наркоминдела (см. с. 25 выше) приехал в Европу в начале лета 1917 г. с мандатом от Американской социалистической рабочей партии в качестве представителя на безрезультатной Стокгольмской конференции («Коммунистический Интернационал», № 9—10 (187—188, 1929, с. 186); однако позже его партия отреклась от него, и его появление в качестве ее делегата на данной конференции, равно как и на I конгрессе Коминтерна, было несанкционированным.

26. «Правда», 30 января (12 февраля) 1918 г.

27. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», с. 284; Коллонтай была назначена Центральным Комитетом партии (там же, с. 180).

28. Протоколы совещания были опубликованы на немецком («Sowjet-Russland und die Völker der Welt». Petrograd, 1920) и на французском языках («La Russie des Soviets et les Peuples du Monde. Petrograd, 1920»), а также предположительно на русском и английском языках; отчет о более раннем «международном совещании», проведенном в Москве под председательством Каменева, был опубликован в «Известиях» от 7 декабря 1918 г.

29. «Известия», 25 декабря 1918 г.

30. Согласно Большой Советской Энциклопедии (т. 33, М., 1938; статья «Коммунистический Интернационал», с. 737), окончательное решение о созыве конгресса было принято «в начале января 1919 г. на совещании под руководством Ленина». Единственный опубликованный отчет об этом совещании, вероятно, принадлежит Файнбергу, который, описывая это событие десятью годами позже, смог вспомнить только четырех присутствующих — Ленина, Чичерина, Сиролу и себя («Коммунистический Интернационал», № 9—10 (187—188), 1929, с. 201—202); он вспоминает, что Ленин представил совещанию проекты обращения и «Манифеста к рабочим всего мира», которые были одобрены. Проект обращения был составлен Троцким (см. примечание 33 ниже); если упомянутый манифест был тем самым, который впоследствии был принят конгрессом, то он также вышел из-под пера Троцкого (см. ниже, с. 98). Однако, даже если

Троцкий и присутствовал на совещании в Кремле, припомнить этот факт десять лет спустя было бы затруднительно.

31. Конференция, которую первоначально предполагалось созвать 27 января, собралась 3 февраля 1919 г.

32. См. гл. 33 данного тома.

33. Приглашение было первоначально опубликовано в «Правде» от 24 января 1919 г. Его включение в т. XIII «Сочинений» Л. Троцкого (с. 33—37), опубликованный в 1926 г., является достаточным доказательством авторства Троцкого; редакционное примечание в «Сочинениях» Ленина (т. XXIV, с. 724), опубликованное в 1935 г., приписывает авторство Ленину и Бухарину.

34. Из них Сталин был единственным, кто, как об этом свидетельствуют официальные протоколы, не сыграл никакой роли в работе конгресса; это неудивительно, поскольку он не понимал немецкого языка и не говорил на нем. Его нельзя различить на фотографии делегатов, опубликованной в «Коммунистическом Интернационале» № 2 (июнь 1919 г.). Он не был делегатом II, III или IV конгрессов, но являлся «кандидатом в члены» Исполнительного Комитета, избранного II конгрессом.

35. Единственным коммунистом, присутствовавшим в качестве наблюдателя на I конгрессе, как представляется, был Артур Рэнсом, чье свидетельство («Six Weeks in Russia in 1919», р. 140—147) добавляет разочаровывающе мало к официальным протоколам.

36. Работа конгресса была отражена в обобщенном виде в протоколах, составленных на немецком языке, и первая публикация была на нем же («Der I. Kongress der Kommunistischen Internationale». Hamburg, 1921); русское издание («Первый Конгресс Коммунистического Интернационала. Протоколы заседаний». Петроград, 1921) было переводом с немецкого (В. И. Ленин. Сочинения, 3-е изд., т. 24, с. 729—730; Полн. собр. соч., т. 37, с. 626). С языковой точки зрения II конгресс был более разнообразным: английский, французский и различные делегаты от стран Востока выступали на своих языках (некоторые из делегатов от стран Востока — на английском). Делегаты от России продолжали выступать на немецком: Зиновьев и Бухарин принесли извинения за свое владение немецким (см.: «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», 1921, с. 54, 332), которое, хотя и менее совершенное, чем у Ленина и Троцкого, было достаточно свободным для всех практических целей. Неадекватность переводов являлась время от времени предметом жалоб со стороны англоговорящих делегатов. На III конгрессе основные выступления произносились на немецком языке, на что указывают некоторые данные — «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 46 (доклад Троцкого, с. 468 — выступление Зиновьева), однако было объявлено, что не будет никаких переводов, кроме как на русский язык (там же, с. 17). Положение, как представляется, осталось таким же и на IV конгрессе в ноябре 1922 г. — последнем, на котором присутствовал Ленин; начиная с V конгресса в июне 1924 г., русский язык начал соперничать с немецким и в конечном итоге вытеснил его в качестве основного рабочего языка.

37. Согласно свидетельству Эберлейна, написанному десятью годами позднее, Роза Люксембург, услышавшая за несколько дней до своей смерти о намерении созвать конгресс (официальное обращение не могло ей быть вручено), предложила Эберлейну ехать в Москву в качестве делегата от КПП с наказом отложить (хотя только на несколько месяцев) образование нового Интернационала. Этот мандат был официально подтвержден после ее смерти Иогихесом, Леви, Пиком и другими руководителями партии («Коммунистический Интернационал», № 9—10 (187—188), 1929, с. 194). Согласно Эрнсту Мейеру, Эберлейн получил инструкции от Иогихеса покинуть конгресс, если будет принято решение, ведущее к созданию нового Интернационала («Bericht über den 5. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)», 1921, S. 27).

38. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 625; «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932». М., 1933, с. 52.

39. «Восьмой съезд РКП(б)», с. 142. Балабанова была секретарем Международного социалистического комитета, учрежденного в Циммервальде.

40. «Первый Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 72, 73.

41. Там же, с. 80—90; позиция большевистской делегации подтверждается Зиновьевым в: «Восьмой съезд РКП(б)», с. 135.

42. *Angelica Balabanov. Erinnerungen und Erlebnisse*, 1927, S. 225—226; Рейнштейн в «Коммунистическом Интернационале» (1929, № 9—10 (187—188), с. 191—192) также приписывает перемену настроения риторике Штейнгардта. Выступление опубликовано в кратком изложении (стенографической записи выступления на этом конгрессе не производилось) в: «Первый Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 94—100.

43. Там же, с. 126, 127. Описывая события десятию годами позднее, Эберлейн жаловался, что его позиция была искажена в итоговых протоколах конгресса, и объяснил, что, не будь он связан, он голосовал бы за его предложение и что причины, по которым он выступал против, были чисто тактическими («Коммунистический Интернационал», № 9—10 (187—188), 1929, с. 195—196), однако к этому времени Эберлейн горел желанием отмыть свою репутацию как единственного человека, который в 1919 г. выступил против образования Коминтерна.

44. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 85. На следующий день, 5 марта, первое упоминание о конгрессе появилось в «Правде»; на протяжении следующей недели «Правда» стала помещать пространные отчеты о его работе.

45. «Восьмой съезд РКП(б)», с. 136; его проект был написан Троцким и опубликован в: *Л. Троцкий. Соч.*, т. XIII, с. 38—49.

46. Основные резолюции конгресса см. в: «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 53—88.

47. «Первый Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 190. Резолюция устанавливала, что в период до прибытия в Москву других членов ИККИ его функции будет исполнять российская делегация.

48. *Angelica Balabanov. Erinnerungen und Erlebnisse*, 1927, S. 228—229, 239—241.

49. Это заверение не появилось в протоколах конгресса, однако было общено Зиновьевым на VIII съезде партии несколькими днями позже («Восьмой съезд РКП(б)», с. 137). Этого мнения придерживались все большевистские вожди. «Если сегодня, — писал Троцкий в «Известиях» от 1 мая 1919 г., — центром Третьего Интернационала является Москва, то — мы в этом глубоко убеждены — завтра этот центр передвинется на запад: в Берлин, Париж, Лондон. Как ни радостно приветствовал русский пролетариат представителей мирового рабочего класса в стенах Кремля, но с еще большей радостью пошлет он своих представителей на Второй съезд Коммунистического Интернационала в один из западноевропейских центров. Ибо международный коммунистический конгресс в Берлине или Париже будет означать полное торжество пролетарской революции в Европе, а стало быть, и во всем мире» (*Л. Троцкий. Соч.*, т. XIII, с. 28).

50. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 37, с. 514.

51. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 38, с. 42.

52. Таким было официальное наименование Первого Интернационала, основанного в Лондоне в 1864 г.

53. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 38, с. 303.

54. «Foreign Relations of the United States: The Paris Peace Conference, 1919», Vol. 3, p. 590—591.

55. «The Evacuation of North Russia, 1919», Cmd. 818. London, 1920, p. 25.

56. «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1919: Russia», p. 620—623; Дж. Кьюдахи (*J. Cudahy. Archangel, the American War with Russia*, 1924, p. 99, 126—127) и К. Мэйнард (*C. Maynard. The Murmansk Venture*. London, 1928, p. 190) приводят многочисленные случаи неподчинения и мелких волнений в войсках союзников на Севере России под влиянием советской пропаганды.

57. «Foreign Relations of the United States, 1918: Russia». Vol. 1. Washington, 1931, p. 727—728.

58. «Первый Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 67. В Соединенных Штатах, согласно чрезвычайно красочному официальному докладу

разведки от июня 1919 г., бюро Мартенса, непризнанного советского представителя в Нью-Йорке, было «крупнейшим и наиболее опасным пропагандистским предприятием, организованным партией Ленина внутри любой страны за пределами России» («Foreign Relations of the United States, 1919: Russia», p. 147). Требования комитета «Руки прочь от России!» включали вывод британских войск, прекращение поддержки «белых» и блокады и установление дипломатических отношений с Советским правительством (W. P. and Z. K. Coates. A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1943, p. 141).

59. A. Ransome. Six Weeks in Russia in 1919. 1919, p. 149.

60. C. Seymour (ed.). The Intimate Papers of Colonel House. Vol. 4. London, 1928, p. 405.

61. «Papers Respecting Negotiations for an Anglo-French Pact», Cmd. 2169, London, 1924, p. 78.

62. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 279, 324.

63. «Коммунистический Интернационал», № 1 (май 1919 г.), кол. 42.

64. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 88, 89.

65. «Известия», 10 апреля 1919 г.

66. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 237—238.

67. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 238—242.

68. «Коммунистический Интернационал», № 2 (июнь 1919 г.), кол. 149—154; она была также опубликована на немецком языке в: «Die Internationale». Bd. I, No. 11—12 (August 18, 1919), S. 244—248.

69. G. Chicherin. An den Deutschen Arbeiter. Moskau, 1919.

70. «Коммунистический Интернационал», № 6 (октябрь 1919 г.), кол. 817—828.

71. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 515—517; т. 38, с. 5, 389—390; т. 39, с. 212—213.

72. Мнение Анжелики Балабановой о первых месяцах деятельности Коминтерна окрашено чрезвычайной враждебностью по отношению к Зиновьеву, однако общая картина его работы, как протекавшая в обстановке полной неразберихи и интриг, представляется правдоподобной. Она упирает на доминирующую роль русских в ИККИ; этого вряд ли можно было избежать, поскольку комитет был составлен, с одной стороны, из «наиболее испытанных членов Российской коммунистической партии» и, с другой — из «практически неизвестных и ничего не стоящих людей... которые никогда прежде не имели ничего общего с Интернационалом или даже с движением в целом, неучей, которые трепетали перед авторитетами» (Angelica Balabanov. Erinnerungen und Erlebnisse, 1927, S. 239—240).

73. «Историк-марксист», № 2—3, 1935, с. 90—91.

74. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 213.

75. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 389—392.

76. Двадцатью годами позже баварский коммунист Томас заявил на съезде партии, что «свержение опередившей время Баварской Советской республики означало также крах германской революции» («Bericht über den 5. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)», 1921, S. 77).

77. «Die Internationale», No. 2—3 (Mai 30, 1919), S. 28—32.

78. Цит. по: O. K. Flechtheim. Die KPD in der Weimarer Republik. Offenbach, 1948, S. 56.

79. Воспоминания Радека об этом периоде своей жизни, написанные в довольно беззаботном ключе, появились семью годами позже в журнале «Красная новь» (№ 10, 1926, с. 163—172). Его первым каналом связи с внешним миром был ветеран швейцарских социал-демократов австрийского происхождения, упоминаемый под именем Карл Моор, который «начал устраивать свидания со мной тем, которые без его содействия ко мне не попали бы»; единственным указанием на точную дату его перевода со строгого режима в камеру с привилегированными условиями содержания служит то, что это произошло, когда «героическая венгерская революция была уже добита», то есть после 1 августа 1919 г. (там же, с. 168). Рут Фишер, которая постоянно посещала его в тюрьме, указывает, что необходимое разрешение было получено от военного министер-

ства («Stalin and German Communism». Harvard, 1948, p. 206—207); о причинах вмешательства военного министерства в дела Радека будет рассказано ниже.

80. «Красная новь», № 10, 1926, с. 166—167, 171; суждение о руководителях КПП может быть обусловлено их последующими неудачами. Пессимизм Радека в отношении революции в Германии привел его также к пессимизму в отношении выживания революции в России, поскольку обе революции тесно связывались между собой большевиками. Рут Фишер («Stalin and German Communism». Harvard, 1948, p. 93) описывает, как Радек мерил шагами свою тюремную камеру в период наступления Юденича и ежечасно ожидал известий о катастрофе.

81. См. гл. 28 данного тома.

82. Радек узнал о своем назначении в качестве украинского представителя в Берлине из газеты «Таймс» («Красная новь», № 10, 1926, с. 162), а документы VIII съезда партии, состоявшегося в Москве в марте 1919 г., он получил только тогда, когда Копп привез их в Берлин восемью месяцами позже (там же, с. 169).

83. «Красная новь», № 10, 1926, с. 167—168; Бронский был согласен с Радеком в том, что «первая волна революции схлынула, что задача состоит в организации масс для следующей волны» (там же, с. 167). Когда Леви и Цеткин посетили Радека на его берлинской квартире в ноябре 1919 г., он помог им подготовить проект «тезисов» по вопросу о западноевропейском секретариате (там же, с. 171).

84. «Коммунистический Интернационал», № 7—8 (ноябрь — декабрь 1919 г.), кол. 1099—1102; это один из тех немногих случаев, когда западноевропейский секретариат был упомянут в официальном журнале Коминтерна. Странной чертой другого воззвания ГКП, опубликованного там же, кол. 1101—1104, было то, что в нем о Коммунистическом Интернационале говорилось как будто о еще не существующей организации: «Интернационал всемирной реакции снова встал на ноги. Он идет приступом на колыбель революции, на Советскую Россию. Поэтому необходимо создать Интернационал всемирной революции».

85. R. Fischer. Stalin and German Communism. Harvard, 1948, p. 134—135; «Bericht über den 3. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)», S. 77. Замечания Клары Цеткин в этой связи цитируются ниже, см. с. 456, прим. 9.

86. «2-й Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 483.

87. См. гл. 22 данного тома.

88. O. K. Flechtheim. Die Kommunistische Partei Deutschlands in der Weimarer Republik. Offenbach, 1948, S. 59.

89. Семью годами позже Радек писал, что его вмешательство было спровоцировано письмом Леви, свидетельствовавшим о переходе последнего на позиции гамбургской группы («Красная новь», № 10, 1926, с. 166—167); однако этот факт, как представляется, не находит подтверждения в источниках современного периода.

90. K. Radek. Zur Taktik des Kommunismus: Ein Schreiben an den Oktober-Parteitag der KPD. Hamburg, 1919. Радек сравнивал точку зрения гамбургской группы с прудонизмом, анархизмом и синдикализмом в духе американских «Промышленных рабочих мира» и назвал ее «новой гамбургско-американской линией» (ibid., S. 10—11).

91. Согласно его собственному свидетельству, Радек в этот период не только хотел продолжать поддерживать связи с левым крылом НСДПГ с целью способствовать расколу этой партии (который произошел годом позже на съезде в Галле), но и предложил Штампферу, редактору «Форвертс» и одному из своих немногих посетителей, принадлежавших к СДПГ, «временный блок» между КПП и СДПГ, чтобы противостоять возможному контрреволюционному перевороту, при условии возрождения Советов — условию, отвергнутом Штампфером («Красная новь», № 10, 1926, с. 167, 170). Ему, как представляется, нанесли визит также Лауфенберг и Вольфгейм (R. Fischer. Stalin and German Communism. Harvard, 1948, p. 92); в своих записях семью годами позже, когда ортодоксальные взгляды стали более распространенными, он упомянул об этом контакте с руководителями взбунтовавшейся группы. На описание Радеком сво-

их собственных взглядов могло повлиять и знание последующих событий; возможно, он и не предчувствовал ничего столь отчетливо, как он пытается изобразить в отношении тактики «объединенного фронта». Однако его записи довольно хорошо совпадают с тем, что может быть установлено по другим источникам.

92. «Красная новь», № 10, 1926, с. 168; R. Fischer. Stalin and German Communism. Harvard, 1948, p. 207. Предшествующее упоминание этого съезда (ibid., p. 118—119) вводит в заблуждение: причина того, что оппозиция не была уведомлена о заключительном заседании съезда, состояла в том, что она уже была исключена.

93. Согласно П. Леви («Was ist das Verbrechen? Die März-Aktion oder die Kritik daran?», 1921, S. 29), письмо Радека было получено «за полчаса до открытия съезда». Радек это отрицает («Красная новь», № 10, 1926, с. 168), но его утверждение о том, что письмо было написано «одновременно» с его обращением к съезду, не является убедительным.

94. «Bericht über den 2. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)», 1919, S. 4—6.

95. Ibid., S. 42. Протоколы съезда свидетельствуют о присутствии на нем неназванного «представителя Третьего Интернационала», который вмешался, чтобы опровергнуть точку зрения Вольфгейма о том, что федералистская структура партии оправдана, поскольку существует прецедент РСФСР (ibid., S. 35), однако, очевидно, иной роли в работе съезда он не сыграл. Его личность не установлена, и, как представляется, он не имел связи с Москвой.

96. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 253—254. Ленин не осознавал, что вопрос о германских советах, жизненно важный в первые недели революции, уже потерял свою актуальность.

97. K. Radek. Zur Taktik des Kommunismus: Ein Schreiben an den Oktober-Parteitag der KPD, 1919, S. 5.

98. «Bericht über den 2. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)», 1919, S. 61.

99. «Красная новь», № 10, 1926, с. 171—172.

100. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 212, 257.

101. Письмо Сильвии Панкхерст было опубликовано без подписи вместе с ответом Ленина в: «Коммунистический Интернационал», № 5, (сентябрь 1919 г.), кол. 681—684; ответ Ленина см. в: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 160—166.

102. «Коммунистический Интернационал», № 5 (сентябрь 1919 г.), кол. 703—798.

103. Там же, № 7—8 (ноябрь — декабрь 1919 г.), кол. 1114.

104. G. Walter. Histoire du Parti Communiste Français, 1948, p. 23—24. (В советской литературе — «Комитет III Интернационала». — *Ред.*)

105. Л. Троцкий. Соч., т. XIII, с. 123—126.

106. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 251. Лонге в это время занимал «центристские» позиции.

107. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 201—202, 387—389.

108. Там же, т. 31, с. 174. После Октябрьской революции Ленин прочел некоторые работы де Леона и «был поражен, увидев, как далеко и как рано де Леон следовал тому же ходу мысли, что и русские», добавив, что «его теория о том, что представительство должно осуществляться по отраслям промышленности, а не по территориальным районам, содержала уже зародыш системы Советов» (A. Ransome. Six Weeks in Russia in 1919, p. 80—81); приблизительно в то же время Ленин заявил американскому корреспонденту Роберту Майнору, что «американец Даниель де Леон первым сформулировал идею власти Советов» («The World», New York, 1919, February 8, 1919).

109. Володарский, старый большевик, который эмигрировал в Соединенные Штаты в 1913 г. и возвратился оттуда в 1917 г., едва ли мог считаться «американцем»; он был убит в Петрограде в июне 1918 г.

110. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 48—64. Это письмо уже цитировалось выше, в гл. 22; в этот период Ленин был в большей степени озабочен вопросами военных действий в гражданской войне, нежели распространением

коммунизма. Наиболее интересное соображение относительно перспектив революции встречается ближе к концу письма. «Мы ставим ставку на неизбежность международной революции, но это отнюдь не значит, что мы, как глупцы, ставим ставку на неизбежность революции в *определенный* короткий срок. Мы видели две великих революции, 1905 и 1917, в своей стране и знаем, что революции не делаются ни по заказу, ни по соглашению». Даже для марксистов революция в Соединенных Штатах всегда казалась весьма отдаленным событием. Так называемое письмо Ленина «Американским рабочим» в сентябре 1919 г. было, как представляется, интервью, данным корреспонденту «Крисчен сайенс монитор» (*В. И. Ленин*. 3-е изд., т. XXIV, с. 465—466, 803, прим. 150; *Полн. собр. соч.*, т. 39, с. 196—197) и не касалось вопросов коммунизма или революции.

111. Фрейна, итальянец по происхождению, издал избранные сочинения Ленина, а также работы и речи Троцкого в книге под названием «Пролетарская революция в России» (*The Proletarian Revolution in Russia*, New York, 1918).

112. «Коммунистический Интернационал», № 7—8 (ноябрь — декабрь 1919 г.), кол. 1113—1114.

113. Некоторые сведения об этих событиях содержатся в докладе, представленном II конгрессу Коминтерна Коммунистической рабочей партией США в июне 1920 г. (*Berichte zum Zweiten Kongress der Kommunistischen Internationale*, Hamburg, 1921, S. 367—368). Более поздние американские источники многочисленны, но противоречивы и запутанны; как представляется, сохранилось лишь малое количество подлинных документов.

114. Детальные сведения о зарождении Коммунистической партии Польши содержатся в: *E. Brand and H. Waletzky. Le Communisme en Pologne*, 1922.

115. *Г. В. Чичерин*. Внешняя политика Советской России за два года. М., 1920, с. 29, 32.

116. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях», с. 141—142.

Глава 24. Щупальца дипломатии

1. Первый проект этих нот рассматривался Верховным Советом Антанты 21 августа 1919 г., но был возвращен на доработку в «блокадный комитет», для того чтобы снять американские возражения (*Documents on British Foreign Policy, 1919—1939: First Series*, v. I, 1947, p. 495, 501—502). Решение о направлении ноты нейтралом было принято 29 сентября 1919 г. (*ibid.*, v. I, p. 826; текст ноты см.: *ibid.*, v. I, p. 830). Решение о посылке ноты германскому правительству не зафиксировано, но она была направлена и опубликована в печати; ее текст приводится в: *C. K. Cummings and W. W. Pettit. Russian-American Relations*. New York, 1920, p. 349—351.

2. *Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин*. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 398—399.

3. «The Times», October 31, 1919; эта нота не была включена ни в один сборник документов. Об обсуждении данного вопроса в рейхстаге см. прим. 3 в гл. 28 данного тома.

4. *L. Krasin*. Leonid Krasin: His Life and Work, 1929, p. 111—112; оригиналы писем Красина, приведенные в переводе в настоящем томе, опубликованы не были.

5. Он употребил почти те же самые слова, выступая в палате общин 19 февраля 1919 г. (House of Commons, 5th Series CXII, p. 194), но это имело место до апрельского изменения политики.

6. *Ibid.*, CXXI, p. 474. В то время Россия заботила британское правительство в большей степени как поставщик, нежели как рынок сбыта. В конфиденциальном меморандуме министерства торговли от 6 января 1920 г. подчеркивалось, что до 1914 г. Россия являлась источником одной четвертой части всего мирового экспорта пшеницы, а Великобритания получала из России треть своего импорта льна. Меморандум заканчивался рекомендацией «окончательно покончить с блокадой и не воздвигать никаких препятствий, ведущих к ограничению

торговых отношений со всей России» («Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. First Series», v. II, 1948, p. 867—870). Вызвавшие много насмешек слова Ллойд Джорджа, что «закрома России ломаются от зерна», были сказаны в речи в палате общин 10 февраля 1920 г. (House of Commons; 5th Series, CXXV, p. 45).

7. Ibid., CXXI, p. 723.

8. Естественным следствием нового поворота в политике было решение Верховного совета Антанты, принятое по английской инициативе в январе 1920 г., признать де-факто правительства Грузии, Армении и Азербайджана, а также Латвии и Эстонии.

9. Передача Московского радио от 20 ноября 1919 г., приведенная в: A. L. P. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia, 1924, p. 380.

10. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 139.

11. «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. First Series», v. III, 1949, p. 418.

12. Ibid., v. III, p. 343—344, 360.

13. Ibid., v. III, p. 643—644, 661.

14. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 344—346, 387—388.

15. 16 сентября 1919 г. правительство Великобритании сделало срочное представление эстонскому и латвийскому правительствам, чтобы те «не предпринимали действий в направлении мира» («Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. First Series», v. III, 1949, p. 554). Через два дня эстонский министр иностранных дел информировал английского представителя в Таллине о том, что эстонский кабинет министров «решил не заключать мира без разрешения Великобритании», но «подчеркивал необходимость вступления в мирные переговоры по причинам внутреннего порядка, для отвода глаз, чтобы удовлетворить общественное мнение» (ibid., v. III, p. 558). Последующие сообщения как латвийского, так и эстонского правительства (ibid., v. III, p. 562—564), однако, свидетельствовали о крайнем беспокойстве по этому поводу, и 25 сентября 1919 г. правительство Великобритании в связи с этим официально сообщило правительствам Эстонии, Латвии и Литвы, что оно не чувствует себя «в праве оказывать какое-либо влияние на свободное волеизъявление прибалтийских государств» и что «им самим следует определить в условиях независимого выбора, надо ли им идти на какую-нибудь договоренность с советскими властями, и если надо, то какого характера» (ibid., v. III, p. 570).

16. Об этом эпизоде свидетельствуют документы из архива Троцкого за период с 17 по 27 октября 1919 г.

17. Речь Красина при открытии переговоров и сделанные им предложения были опубликованы в «Правде» за 8 и 9 декабря 1919 г. и затем в книге Л. Б. Красина «Вопросы внешней торговли» (М., 1928, с. 267—273).

18. Эти документы включены в: «Красная книга. Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях. 1918—1920 г.», с. 70—80.

19. К. Радек в работе: «Die auswärtige Politik Sowjet-Russlands». Hamburg, 1921, S. 56 — говорит о «секретном договоре с Пилсудским, на основе которого Красная Армия отступила за определенную линию». Архив Троцкого содержит протокол решения Политбюро от 14 ноября 1919 г., когда кампания против Деникина еще была в критической фазе; в соответствии с ним следовало принять все польские требования, кроме прекращения операций на Украине против Петлюры, который в тот момент стремился получить помощь от Польши (см.: «Большевистская революция, 1917—1923», т. I, гл. 11).

20. Переговоры описаны в книге Ю. Мархлевского «Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией» (пер. с польского). М., 1921, с. 12—15, 38; в работе К. Радека: «Die auswärtige Politik Sowjet-Russlands». Hamburg, 1921, S. 56, в которой некоторые моменты рассмотрены более детально, указывается, что предложение Пилсудского включало в себя уступку «всей Белоруссии до Березины, Волыни и Подола»; это совпадает с заявлением Мархлевского о том, что в результате перемирия в октябре 1920 г. Польша приобрела «гораздо меньше, чем ей предлагалось осенью 1919 г.». 3 ноября 1919 г. английский посланник в Варшаве узнал, что «комиссар большевистской Крас-

ного Креста» сделал «очень привлекательное предложение полякам», распротранявшееся «на всю Белоруссию, включая восточные районы, еще не оккупированные польскими вооруженными силами». Это было оценено как типичная попытка «впутать Польшу во второй Брест-Литовский договор» («Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. First Series», v. III, 1949, p. 630).

21. 15 декабря 1919 г. Пилсудский заявил английскому представителю в Варшаве, что «в то время как большевики, вероятно, подготовлены к заключению мира, они никогда не придерживаются никаких соглашений, которые подписали, и он, конечно, никогда не вступит с ними в переговоры» (ibid., v. III, 1949, p. 787).

22. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 423—424; английский представитель в Варшаве сообщил, что польское правительство нашло это предложение «ставящим в довольно затруднительное положение» («Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. First Series», v. III, 1949, p. 745).

23. Ibid., v. II, 1948, p. 868—874.

24. Ibid., v. II, 1948, p. 912.

25. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.

26. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I. М., 1928, с. 2—3.

27. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.

28. «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. First Series», v. III, 1949, p. 803—805.

29. «Foreign Relations of the United States, 1920», v. III, 1936, p. 647.

30. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами». Вып. I. Петроград, 1921, № 20, с. 120—124. «Agreement Between His Majesty's Government and the Soviet Government of Russia for the Exchange of Prisoners», Cmd., 587 (1920).

31. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 99, 126; Красин назвал Эстонию «первым окном, которое нам удалось пробить» («Вопросы внешней торговли», с. 265).

32. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 391.

33. Там же, ч. III, вып. I, с. 11—12.

34. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

35. Говорят, что это письмо было опубликовано в партийном журнале («Robotnik»); его перевод появился в: «Soviet Russia», New York, May 1, 1920, p. 448—449.

36. «Красная книга. Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях. 1918—1920 г.», с. 84—85.

37. Там же, с. 88.

38. Ссылки на эти интервью содержатся в: J. Degras (ed.). Calendar of Soviet Documents on Foreign Policy, 1948, p. 50.

39. «Foreign Relations of the United States, 1920», v. III, 1936, p. 447.

40. Передача Московского радио за 3 марта 1920 г. процитирована в: A. L. P. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia, 1924, p. 358—359.

41. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 248.

42. Приведено в: A. L. P. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia, p. 384.

43. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I, с. 4.

44. L. Krasin. Leonid Krasin. His Life and Work. 1929, p. 122.

45. Эта переписка была опубликована после начала боевых действий в: «Красная книга. Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях. 1918—1920 г.», с. 92—98.

46. Там же, с. 104—107.

47. Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли, 2-е изд. М., 1970, с. 266—267.

48. «Собрание узаконений...», 1920, № 53, ст. 235; несоблюдение этого указа со стороны некоторых «центральных ведомств РСФСР» и «правительственных органов автономных республик» привело к очередному подтверждению власти

Внешторга в декрете от 17 февраля 1921 г. («Собрание узаконений...», 1921, № 14, ст. 89).

49. Лучшим общим источником сведений об этих переговорах являются статьи, написанные Красиным в начале 1921 г. в: «Народное хозяйство», № 1—II, 1921, с. 3—12, и «Экономическая жизнь» за 6 февраля 1921 г. (последняя воспроизведена в книге Л. Б. Красина «Вопросы внешней торговли» (с. 269—277). Указанные три ноты — от 30 июня, 1 и 7 июля 1920 г. — были опубликованы в: «Soviet Russia», New York, August 14, 1920, p. 149—151. Английские документы об этих переговорах все еще не опубликованы.

50. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I, с. 34—35.

Глава 25. Революция над Европой

1. «Красная новь», № 10, 1926, с. 172.

2. «Коммунистический Интернационал», № 7—8 (ноябрь — декабрь 1919 г.), кол. 1113.

3. «Коммунистический Интернационал», № 9 (22 марта 1920 г.), кол. 1381—1392.

4. Это письмо, как представляется, не было опубликовано в «Коммунистическом Интернационале», однако оно упоминалось на III съезде КПГ («Bericht über den 3. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)». O. J., S. 14).

5. «Parti Socialiste: 17e Congrès National tenu à Strasbourg les», 25, 26, 28 et 29 Février 1920. S. a.

6 «Историк-марксист», № 2—3, 1935, с. 91—92.

7. Официальных материалов конференции не существует; она в доброжелательном духе описывается в: J. T. Murphy. New Horizons. London, 1941, p. 87—89; в недоброжелательном — Кларой Цеткин в: «Bericht über den 3. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)». O. J., S. 79—84.

8. КПГ, без сомнения, была вдохновителем заявления западноевропейского секретариата от 15 января 1920 г. в связи с просьбой НСДПГ о вступлении в Интернационал (перепечатано в: «Коммунистический Интернационал», № 10 (11 мая 1920 г.), кол. 1605—1610); в нем указывалось, что «речь идет вовсе не об объединении различных партий в новый революционный Интернационал, а попросту о том, желает ли Нез. С. Д. П. вступить в III Интернационал или нет».

9. «Bericht über den 3. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)». O. J., S. 84—85. Согласно, вероятно, преувеличенному заявлению Клары Цеткин на съезде, западноевропейский секретариат «вышел за рамки возложенных на него информационных задач» и превратился в «центральный пункт связи и место встреч коммунистов Западной Европы». Установились линии связи с Австрией и Швейцарией, завязывались контакты с «революционно настроенной частью французских социалистов» и с «серьезными организациями коммунистической направленности в Англии», зондировалась почва в отношении «революционных социалистов на Балканах» (ibid., S. 77). Если бы это соответствовало истине, то в Москве оно было бы неизбежно воспринято как узурпация прерогатив центральной организации.

10. Ibid., S. 14.

11. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 170.

12. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 209.

13. Там же, с. 130.

14. «Центр» был создан в соответствии с уставом КПГ как руководящая группа в составе семи членов Центрального комитета с постоянным местопребыванием в Берлине: его положение соответствовало статусу более позднего Политбюро («Bericht über den 2. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)». O. J., 1919?, S. 68).

15. Листовка цит. по: M. J. Braun. Die Lehren des Kapp — Putsches, 1920, S. 8; эта брошюра представляет собой немецкий вариант статьи в защиту

- позиции «центра», подписанной «Спартак», которая была опубликована в «Коммунистическом Интернационале», № 10 (11 мая 1920 г.), кол. 1581—1604.
16. Инструкции от 14 марта 1920 г. цит. по: *M. J. Braun. Die Lehren des Kapp-Putsches*, 1920, S. 28—29.
17. Данные переговоры описываются, а заявление от 21 марта 1921 г. опубликовано в: *ibid.*, S. 19—21.
18. Это письмо было опубликовано и появилось в «Коммунистическом Интернационале», № 12 (20 июля 1920 г.), кол. 2077—2080.
19. «Bericht über den 4. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)». О. J., S. 39, 53.
20. Один из берлинских членов КПГ пишет об этом периоде: «Курьеры могли перемещаться, лишь преодолевая трудности. Важные вопросы решались посредством писем или, от случая к случаю, телеграфом; между берлинской группой и центром в Москве прямой телефонной связи не было. В этот начальный период такие технические трудности приводили к тому, что мнение русских о событиях в Германии в целом становилось известным лишь тогда, когда критический момент уже миновал» (*R. Fischer. Stalin and German Communism. Harvard, 1948, p. 235*).
21. «Девятый съезд РКП(б). Протоколы». М., 1960, с. 10.
22. «Kommunismus» (Vienna), No. 11 (März 27, 1920), S. 316, 322.
23. *Ibid.*, No. 14 (April 17, 1920), S. 403—411.
24. «Коммунистический Интернационал», № 12 (20 июля 1920 г.), кол. 2087—2098; годом позже он расценил эту политику как «кастрацию коммунизма» («Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала», с. 215).
25. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 95.
26. Это сравнение Сталин повторял даже в январе 1933 г. (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 13, с. 226).
27. В апреле 1919 г. об этих параллелях подробно писал Троцкий в одной из статей (*Л. Троцкий. Соч.*, т. XIII, с. 97—98).
28. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 40, с. 246.
29. Там же, с. 71.
30. Там же, т. 41, с. 283, 327.
31. Такие же революционные аналогии проводились и нерусскими коммунистами. Сравнение «Капповского путча» с корниловским мятежом пространно разрабатывается в: *M. J. Braun. Die Lehren des Kapp-Putsches*, 1920, S. 14—19; на съезде КПГ в апреле 1920 г. как Пик, так и Леви задним числом защищали свои позиции, ссылаясь на русские прецеденты («Bericht über den 4. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)». О. J., S. 40, 50).
32. Это могло быть справедливым для Германии, где революционные настроения и потенциальная революционная ситуация все еще существовали в 1920 г.; здесь крайние левые могли завоевать поддержку масс в ущерб официальной партии. В большинстве других стран, где революционные программы были теоретическими построениями, крайние левые оставались небольшой доктринерской сектой, а массы находились далеко на правом фланге.
33. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 50, 54, 65, 69—73.
34. «Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва», с. 231; *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 269.
35. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, с. 409.
36. Там же, т. 41, с. 24.
37. Второй конгресс определил «массы» как «всю совокупность трудящихся и эксплуатируемых капиталом, особенно наименее организованных и просвещенных, наиболее угнетенных и наименее доступных организаций» («Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 95).
38. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2-е, т. 29, с. 293.
39. Там же, т. 35, с. 296—298.
40. Там же, т. 21, с. 204—205; этот отрывок был полностью процитирован Энгельсом в новом предисловии к работе «Положение рабочего класса в Англии» издания 1892 г. (*Соч.*, изд. 2-е, т. 22, с. 284).

41. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 405—406; фраза «руководить собой людям, купленным буржуазией или по крайней мере оплачиваемым ею» была заимствована Лениным из письма Энгельса Марксу от 11 августа 1881 г., где говорится (на английском языке) о «худших» из тред-юнионов (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2-е, т. 35, с. 13—15).
42. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 305.
43. Там же, т. 39, с. 97, 98.
44. «Коммунистический Интернационал», № 10 (11 мая 1920 г.), кол. 1659—1660; «Историк-марксист», № 2—3, 1935, с. 92.
45. «Independent Labour Party: Report of the Twenty Eighth Annual Conference», 1920.
46. См. гл. 25 данного тома.
47. Запись состоявшейся беседы была сделана самим Лениным в форме «Письма к английским рабочим», опубликованного несколько дней спустя в «Правде» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 124—128).
48. Сообщения членов делегации см. в: «Independent Labour Party: Report of 29th Annual Conference», 1921, p. 49—61; поставленные вопросы и ответ ИККИ см. в: «The ILP and the 3rd International», 1920; русский перевод ответа ИККИ был опубликован в «Коммунистическом Интернационале», № 12 (20 июля 1920 г.), кол. 2231—2258.
49. «Kommunismus» (Vienna), No. 24 (June 26, 1920), S. 833—834.
50. «Коммунистический Интернационал», № 11 (14 июня 1920 г.), кол. 1730.
51. Директивы делегации, датированные 23 апреля 1920 г., см. в: *L. O. Frossard. De Jaurès à Lénine*, 1930, p. 235—244.
52. Сообщение Фроссара и Кашена об этом заседании см. в: *Ibid.*, p. 245—269; несколько личных комментариев Фроссара — *Ibid.*, p. 64—66; едкие замечания ИККИ были изложены в письме от 26 июля 1920 г., адресованном «всем членам французской социалистической партии и всем сознательным французским пролетариям» (*Ibid.*, p. 281—303).
53. *Ibid.*, p. 105—110; на протяжении всей книги Фроссар изображает себя слабым человеком, влекомым вопреки своим лучшим намерениям более порывистым и восторженным коллегой.
54. «Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1963, с. 500.
55. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 15—16.
56. Леви от имени делегации КПГ, как представляется, угрожал уйти с конгресса, если представители КРПГ будут допущены к его работе как делегаты с правом решающего голоса («Bericht über den 5. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)». 1921, S. 27—29); согласно более позднему заявлению Зиновьева, Радек поддержал Леви («Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», часть I. М., 1925, с. 449).
57. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 492—494; согласно официальным американским источникам, 12 января 1920 г. в Москве было выработано решение, призванное объединить две партии (Russian Propaganda: Hearings before a Sub-Committee of the Committee on Foreign Relations, United States Senate. 66th Congress, 2nd Session. Washington, 1920, p. 415—416), которое было доставлено «большевистским курьером» («Foreign Relations of the United States, 1920», vol. 3, p. 449—450), однако оно не смогло примирить их.
58. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 52. В тексте на немецком языке призыв заканчивается следующим предложением: «Вот действие, к которому мы призываем пролетариев всего мира» и «Россия ждет, что каждый выполнит свой долг» (последние слова были на английском языке). Это предложение отсутствует в издании на русском языке: как представляется, оно принадлежит не тексту самого призыва, а выступлению Леви, который любил украшать свои декламации литературными иносказаниями.
59. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 152.
60. «2-й Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 193—194.
61. Там же, с. 102.
62. Там же, с. 15, 194, 195.

63. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 238, 260.
64. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 469; Кабакчиев мог бы сказать то же самое и о Первом Интернационале, хотя фактически и не по вине самого Маркса.
65. Там же, с. 42, 197. Преамбула к «21 условию» (см. с. 149—151 ниже) также содержала упоминание об «уроках» поражения в Венгрии: «Объединение венгерских коммунистов с... социал-демократами дорого стоило венгерскому пролетариату».
66. «Большевистская революция, 1917—1923 гг.», т. 1, гл. 2.
67. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 240.
68. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 199.
69. Там же, с. 103.
70. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 250, 251.
71. Ленинский первоначальный проект «19 условий», опубликованный в «Коммунистическом Интернационале» накануне конгресса, см. в: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 204—211.
72. В 1919 г. СДПГ по числу последователей превосходила НСДПГ в отношении пять к одному; КПГ не принимала участия в выборах 1919 г. На выборах, проведенных в июне 1920 г., НСДПГ набрала почти 5 млн. голосов против 5,6 млн. у СДПГ; КПГ набрала 440 тыс. голосов.
73. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 305—306; Зиновьев впоследствии обыграл на съезде в Галле (см. ниже, с. 168—171) тот факт, что наиболее жесткое из всех условий было предложено не русским, а итальянским делегатом («USPD: Protokoll über die Verhandlungen des Ausserordentlichen Parteitags zu Halle». O. J., S. 175). Представляется очевидным, что русские не предложили или не потребовали бы принятия такого условия. На деле же оно делало ненужным ленинское положение о большинстве в две трети членов центральных комитетов и центральных учреждений (которое, однако, осталось в перечне условий); согласно заявлению Зиновьева того времени («2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 192), российская делегация не могла настаивать на этом как на «условии» и была бы удовлетворена, если бы конгресс высказал общее пожелание в этом смысле.
74. Там же, с. 535; условия в окончательно утвержденном виде на русском языке см. в: там же, с. 560—567, и «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 100—104, и В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 204—212, 520.
75. Много позже Зиновьев назвал 21 условие «оплотом против центризма» («Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», часть I, с. 47).
76. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 99; Радек на конгрессе обосновывал «постановление о допущении синдикалистских организаций в Интернационал» тем, что «мы видим в синдикализме лишь болезнь переходного времени у революционных рабочих» («2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 402).
77. Там же, с. 531.
78. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 17.
79. Их число сразу же после конгресса было увеличено до 21.
80. Соответствующие части обсуждения см. в: «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 473—474, 477—480; текст Устава см. в: там же, с. 619—625; голосование по вопросу об избрании России в качестве местопребывания ИККИ было единогласным (там же, с. 535).
81. «Independent Labour Party: Report of the 29th Annual Conference», 1921, p. 53—54; похожее впечатление, оставшееся у Гортера, голландского левого коммуниста, посетившего Ленина в этот период, приводится в: F. Borkenau. The Communist International. London, 1938, p. 191.
82. В результате Гильфердинг, вождь правых в НСДПГ, получил возможность подвергнуть действенным нападкам на съезде в Галле организационную структуру Коминтерна, лишь процитировав строгую критику Розы Люксембург 1904 г. в адрес ленинской организационной структуры большевистской группы

(«USPD: Protokoll über die Verhandlungen des Ausserordentlichen Parteitags zu Halle», S. 194—196).

83. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 283.

84. Там же, с. 199—208.

85. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 274.

86. Конкретно это обвинение было брошено в адрес Зиновьева Анжеликой Балабановой, весьма пристрастным свидетелем, в: «Erinnerungen und Erlebnisse», 1927, S. 257; Мартов сформулировал его в более общем виде на съезде в Галле, заявив, что цель политики внесения раскола состоит в том, чтобы «воздвигнуть прочную стену на пути вторжения элементов, способных потребовать долю в процессе принятия решений для себя и для своих собственных партий» («USPD: Protokoll über die Verhandlungen des Ausserordentlichen Parteitags zu Halle». O. J., S. 210—211).

87. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 115.

88. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 38.

89. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 404, 405.

90. «Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов». М., 1918, с. 365. Это решение отнюдь не означало проявления враждебности по отношению к западным профсоюзам, чья готовность к сотрудничеству наивно предполагалась. Предисловие к официальным протоколам Первого Всероссийского съезда профессиональных союзов, написанное Томским и датированное сентябрем 1918 г., полно похвалы в адрес западноевропейского профсоюзного движения (там же, с. i—xi). Много лет спустя Лозовский констатировал, что, «однако, идеи создания профессионального революционного Интернационала не было еще даже непосредственно после Октябрьской революции» (А. Лозовский. Мировое профессиональное движение до и после войны. М.—Л., 1925, с. 94).

91. «Коммунистический Интернационал», № 7—8 (ноябрь—декабрь 1919 г.), кол. 983—988.

92. Отсрочка в создании Интернационала профсоюзов после успешного основания Коминтерна отчасти объясняется тем фактом, что до 1920 г. большевистский контроль над российским профсоюзным движением все еще носил слабый характер.

93. Г. Зиновьев. Соч., т. 6. М., 1929, с. 345.

94. А. Лозовский. Мировое профессиональное движение до и после войны, с. 95.

95. «Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов», ч. I (пленумы). М., 1921, с. 14—15.

96. Там же, с. 145.

97. Б. Виноградов. Мировой пролетариат и СССР. М., 1928, с. 72; Ленин в разговоре с Мерфи упомянул о поддержке этого проекта Вильямсом и Пёрселлом (J. T. Murphy. New Horizons. London, 1941, p. 157).

98. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 120—126.

99. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 415—429, 498—517; Радек признал в своем выступлении, что по вопросу о профсоюзах существует «глубокое расхождение мнений» и что «многие члены коммунистических партий» выступают за создание новых профессиональных союзов (там же, с. 505).

100. Там же, с. 504, 515.

101. «Наш главный противник в Амстердаме (т. е. МФП. — Авт.), а не в Брюсселе (т. е. Второй Интернационал. — Авт.)», — восклицал Зиновьев на конгрессе (там же, с. 516). «Политически Второй Интернационал разгромлен, — повторил он в Галле три месяца спустя, — ...однако так называемый профсоюзный Интернационал, к сожалению, еще кое-что из себя представляет, он — оплот международной буржуазии» («USPD: Protokoll über die Verhandlungen des Ausserordentlichen Parteitags zu Halle». O. J., S. 151); это и объясняет чрезвычайную остроту нападок на МФП.

102. Лозовский отмечает «серьезные разногласия» во взглядах между ним и д'Арагоном, представителем итальянской делегации: «Мы с ним несколько дней дискуссировали, причем я предлагал одну основу для создания междуна-

родного профсоюзного центра, а он другую. Среднюю формулировку предложил Серрати, но она была недостаточно определенная. С этой формулировкой Серрати и отправился к Ильичу. Ленин прочитал ее и говорит: «Да, действительно, тут немножко неясно, но это неважно. Вы создайте центр, а ясность потом придет» (А. Лозовский. Ленин и профессиональное движение. Л., 1925, с. 40).

103. J. T. Murphy. New Horizons, p. 158.

104. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 515, 517.

105. См. главу 24 данного тома.

106. Обе ноты см. в: Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I, с. 34—38.

107. K. Zetkin. Erinnerungen an Lenin. Vienna, 1929, S. 20—21.

108. И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 323—324, 333.

109. Троцкий дважды упоминает о поддержке со стороны Рыкова (Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. II, с. 192; L. Trotsky. Stalin. New York, 1946, p. 328); в первом случае он не говорит о Сталине, во втором — называет его среди тех, кто поддержал Ленина. В соответствии с биографической хроникой, приложенной к собранию сочинений Сталина (И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 474—475), Сталин отсутствовал в Москве и находился на фронте с 12 июля до середины августа 1920 г.

110. «Первый Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 48.

111. М. Тухачевский. Война классов. М., 1921, с. 139—140.

112. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 39—42.

113. См. гл. 24 данного тома.

114. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I, с. 43.

115. Ю. Мархлевский. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией (пер. с польского). М., 1921, с. 22.

116. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 282.

117. Там же, т. 41, с. 276.

118. 10 августа 1920 г. делегация центрального «совета действия» была принята Ллойд Джорджем; ее представителем был Эрнст Бёвин, который среди прочего сказал: «Мы не колеблясь выложили карты на стол и сказали, что если война будет продолжена напрямую, в поддержку Польши, или косвенно, в поддержку генерала Врангеля, то к взрывчатке будет поднесена спичка, а результат этого никто из нас предвидеть не может» («The Times», August 11, 1920). 12 августа Врангель, собравший в Крыму остатки денкинских сил и начавший наступление на юг России, был де-факто признан французским, но не британским правительством.

119. Полный текст представленных условий см. в: Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I, с. 47—49; краткое изложение их, сообщенное Каменевым Ллойд Джорджу, см. в: «The Times», August 11, 1920. Согласно Л. Фишеру (L. Fischer. The Soviets in World Affairs, 1930, vol. 1, p. 269), положение о гражданской милиции было преднамеренно опущено Каменевым.

120. См. гл. 22 данного тома.

121. Объективное краткое изложение данной кампании, сопровождаемое ссылками на некоторые военные авторитеты, см. в: W. H. Chamberlin. The Russian Revolution, 1917—1921. London, 1935, vol. 2, p. 311—314; мнение Тухачевского, совпадающее в основном с мнением Троцкого, было изложено в лекциях по итогам кампании, прочитанных в штабном училище в 1923 г. и воспроизведенных дословно в: J. Pilsudski. L'Année 1920 (франц. пер. с польского), 1929, p. 203—255.

122. В соответствии с тем, как изображает дело Троцкий в: Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. II, с. 192—193, и как он делает это в больших подробностях и с большой горечью в: L. Trotsky. Stalin. New York, 1946, p. 328—332, Сталин, как представитель Реввоенсовета при Южном фронте, склонил Егорова и Буденного продолжать наступление на Львов, чтобы подписать Смилгу, представителя РВС при Центральном фронте, который должен был разделить с Тухачевским славу взятия Варшавы.

123. Ю. Мархлевский. Война и мир между буржуазной Польшей и проле-

тарской Россией, с. 25. Эта грубая ошибка и другие, ей подобные, объяснялись, возможно, не столько оплошностью или шовинизмом, сколько присущей положению сложностью. Во всех городах Восточной Польши польское население было в основном представлено земледельцами и правящими классами; евреи составляли большинство или значительное меньшинство в городском населении и большинство среди местных коммунистов.

124. «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 275.

125. Имеются свидетельства, что появление польских рабочих-добровольцев в противостоящих польских войсках оказало обескураживающее воздействие на боевой дух Красной Армии (*В. Путь*. К Висле и обратно. М., 1927, с. 137—138); наблюдатель, находившийся в Минске в период кампании, рассказывает о массовом дезертирстве (*Ф. Дан*. Два года скитаний. Берлин, 1922, с. 73—74). Тухачевский, с другой стороны, категорически отказался принять такую точку зрения: «Все разговоры о возрождении национальных чувств у польского рабочего класса в связи с нашим наступлением являются просто следствием нашего поражения» (*J. Pilsudski*. L'Année 1920 (франц. пер. с польского), 1929, р. 231).

126. *Ф. Дан*. Два года скитаний, с. 74.

127. См. гл. 24 данного тома.

128. *K. Zetkin*. Erinnerungen an Lenin. Vienna, 1929, S. 21; довольно преувеличенное сравнение с Брест-Литовском было сделано самим Лениным. Еще 22 сентября Ленин считал, что вероятно «зимняя кампания» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 285).

129. «РСФСР. Сборник действующих договоров», вып. 1. М., 1921, с. 63—73. Док. № 14.

130. Там же, вып. 2. М., 1921, с. 43—71. Док. № 51.

131. «Коммунистический Интернационал», № 14 (6 ноября 1920 г.), кол. 2901—2922.

132. Согласно заявлению, сделанному германским министром иностранных дел в рейхстаге, Лозовский прибыл 15 сентября 1920 г. в составе крупной советской профсоюзной делегации, с тем чтобы присутствовать на съезде фабричных комитетов (речи, произнесенные Лозовским по этому случаю, см. в: *А. Лозовский*. Десять лет борьбы за Профинтерн. М., 1930, с. 102—123); только семь человек, которым ранее были даны разрешения на въезд, были допущены в страну. 4 октября Копп запросил разрешения на въезд Зиновьева и Бухарина для участия в работе съезда в Галле; на следующий день они были даны после консультаций с НСДПГ («Verhandlungen des Reichstags». Bd. 345. Berlin, 1921, S. 759—760), Бухарин не поехал.

133. См. гл. 26 данного тома.

134. «USPD: Protokoll über die Verhandlungen des Ausserordentlichen Parteitags zu Halle», S. 156; этот стенографический отчет был издан оставшими членами НСДПГ после того, как большинство вышло из партии, чтобы вступить в КПП.

135. Данный «мотив» пронизывает речь Зиновьева: Макдональд и Гендерсон были известны меньшевиками (*ibid.*, S. 154).

136. Имелся в виду известный отрывок из введения Энгельса к брошюре Маркса «Классовая борьба во Франции», в котором в кратком виде излагаются выводы Маркса: «а именно, что мировой торговый кризис 1847 г. собственно и породил февральскую и мартовскую революции и что промышленное процветание, постепенно снова наступившее с середины 1848 г. и достигшее полного расцвета в 1849 и 1850 г., было живительной силой вновь окрепшей европейской реакции» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., 2-е изд., т. 22, с. 531).

137. «USPD: Protokoll über die Verhandlungen des Ausserordentlichen Parteitags zu Halle», S. 147—148, 153—154.

138. *Ibid.*, S. 184.

139. «Большевистская революция...», т. I, гл. 1.

140. «USPD: Protokoll über die Verhandlungen des Ausserordentlichen Parteitags zu Halle», S. 188.

141. *Ibid.*, S. 148—149.

142. «Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов. Стенографический отчет», ч. I (пленумы). М., 1921, с. 61—62.
143. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 90.
144. А. Штурмталь (A. Sturmthal. The Tragedy of European Labour, 1918—1939. London, 1944) дает доброжелательный критический анализ политического банкротства европейских социал-демократических партий в период между двумя мировыми войнами; причины этому он видит в большей степени в устойчивой психологии «группы давления», чем в политически ответственном подходе, бытовавшем в этих партиях, которые не стремились взять на себя бремя власти, поскольку были неспособными разрешить вопрос об основополагающем подходе к капиталистическому государству. Это совпадает со знаменитым афоризмом вождя социал-демократов Тарнова, произнесенным в 1931 г.: «Мы стоим подле больничной постели капитализма не только как диагност, но и — как бы это выразить — как врач, который ищет способы лечения, или как радостный наследник, который едва может дождаться конца и больше всего хотел бы чуточку ускорить события с помощью яда. Такая картина истощает нашу ситуацию» («Sozial-Demokratischer Parteitag in Leipzig, 1931», S. 45).
145. «USPD: Protokoll über die Verhandlungen des Ausserordentlichen Parteitags zu Halle», S. 154.
146. G. Zinoviev. Zwölf Tage in Deutschland. Hamburg, 1921, S. 59—60. Согласно министру иностранных дел Германии, были отданы приказы содержать Зиновьева и Лозовского по их возвращении из Галле в Берлин под домашним арестом, поскольку срок их виз на пребывание в стране истек в воскресенье 15 октября. Зиновьев тем не менее присутствовал на состоявшейся в тот день в Берлине демонстрации, хотя он был слишком охрипшим, чтобы выступать. Оба делегата затем получили предписание покинуть страну в течение недели — в разрешении остаться до 1 ноября им было отказано; Лозовскому (но, как представляется, не Зиновьеву) было предъявлено обвинение в нарушении условий, содержащихся в его визе, запрещавших произнесение политических речей («Verhandlungen des Reichstags». Bd. 345. Berlin, 1921, S. 759—760).
147. G. Zinoviev. Zwölf Tage in Deutschland. Hamburg, 1921, S. 78—80; письмо Зиновьева в адрес предстоящего съезда КПГ, в котором он умолял «отнестись к КПГ с большей терпимостью, чем до сих пор». см. в: «Bericht über den 5. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)», 1921, S. 62—63. Месяцем позже ИККИ предъявил КПГ ультиматум, предлагавший ей присоединиться к расширенной КПГ («Коммунистический Интернационал», № 15 (20 декабря 1920 г.), кол. 3367—3370), но его исполнения вновь не удалось добиться.
148. «Bericht über die Verhandlungen des Vereinigungsparteitages der USPD (Linke) und der KPD (Spartakusbund)», 1921.
149. Саркастическое описание того, с каким отвращением рабочие НСДПГ восприняли отшлифованное выступление Леви на съезде, данное Рут Фишер (R. Fischer. Stalin and German Communism. Harvard, 1948, p. 147), безусловно, преувеличено, но содержит долю истины.
150. Леви (P. Levi. Unser Weg (2 Aufl.). 1921, S. 3) говорил о 500 тыс. членов в феврале 1921 г. накануне «Мартовского выступления». Радек на III конгрессе Коминтерна утверждал, что в КПГ «никогда не было больше 350 тыс. человек» и что претензия на членство в 500 тыс. человек «не была проверена» («Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 215); из 350 тыс. человек около 300 тыс. составляли бывшие члены НСДПГ. Сочувствующих было значительно больше: более 1 млн. голосов было подано за кандидатов от коммунистической партии на выборах в Пруссии в феврале 1921 г.
151. G. Zinoviev. Zwölf Tage in Deutschland. Hamburg, 1921, S. 90.
152. См. гл. 25 данного тома.
153. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 215—223.
154. Там же, с. 199—201, 255.
155. Фроссар, как представляется, сперва изложил доктрину Коминтерна в несколько разбавленном виде. «Рабочие, — сказал он, как говорят на массовом митинге в Париже 13 августа 1920 г., — вопрос состоит не в том, чтобы по-

просить вас совершить революцию завтра, и не в том, если вы ее совершите, чтобы рабски копировать русские Советы. Что действительно поставлено на карту, так это подтверждение не только на словах нашей солидарности с пролетариатом России» (цит. по: *G. Walter. Histoire du Parti Communiste Français, 1948, p. 31*).

156. Полные протоколы работы съезда см. в: «*Parti Socialiste: 18e Congrès National*», 1921.

157. Получение этой телеграммы описывается в: *L. O. Frossard. De Jaurès à Lénin, 1930, p. 176*.

158. Сразу же после съезда в Туре Всеобщая конфедерация труда издала предписание своим членам остерегаться «новой коммунистической партии» (*G. Walter. Histoire du Parti Communiste Français, 1948, p. 44—45*).

159. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 205—206.

160. Как представляется, официальные протоколы съезда опубликованы не были. Основные документы, связанные с расколом, опубликованы на русском языке в: «Доклад Исполкома Коминтерна о расколе в Итальянской социалистической партии». М., 1921, и в: «Итальянская социалистическая партия и Коммунистический Интернационал. Сборник документов», М., 1921. Зиновьев и Бухарин должны были присутствовать на съезде в Ливорно как представители российской партии, но не получили разрешений на въезд от итальянского правительства («Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 80).

161. «CPGB: Communist Unity Convention», 1920, p. 29, 57. Описание переговоров, завершившихся образованием КПВ, в: *T. Bell. The British Communist Party, 1937, p. 52—57*, подверглось критике («*Labour Monthly*», vol. 19, No. 6 (June 1937), p. 382) как преувеличивающее роль Социалистической рабочей партии, членом которой состоял Белл; более чем половина делегатов на учредительном съезде являлись членами Британской социалистической партии.

162. Соответствующую переписку см. в: *T. Bell. The British Communist Party, 1937, p. 63—67*.

163. *T. Bell. Pioneering Days. London, 1941, p. 194—195*; автор признает, что число 10 тыс. человек, заявленное на III конгрессе Коминтерна («Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 13), было вымышленным.

164. Ее работа запротоколирована в: «*Independent Labour Party: Report of the 29th Annual Conference*», 1921.

165. «Коммунистический Интернационал», № 14 (6 ноября 1920 г.), кол. 2944, № 17 (7 июня 1921 г.), кол. 4295—4296.

166. Деннис в: *A. L. P. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia. New York, 1924, p. 363—365*, приводит ссылки на некоторые из этих фальшивок, которые были предметом интереса журналистов и разведывательных служб многих стран на протяжении некоторого времени; их главным поставщиком была, как представляется, организация под названием «Ост-Информацион» в Берлине.

Глава 26. Революция охватывает Азию

1. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, 2-е изд., т. 35, с. 297—298.

2. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 17, с. 179.

3. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 21, с. 402.

4. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 1. М., 1983, с. 503.

5. Такие славянофилы, как, например, Данилевский, приписывали России духовное родство с Востоком и миссию осуществлять с ним посредничество в том, что было приемлемо для западной культуры. Экономическое проникновение России на Восток с материальными ресурсами, полученными от Запада, являлось практической базой этих романтических воззрений. Троцкий писал о русской экономике как о включавшей в себя характеристики колониальной

державы и колонии в одно и то же время. «Мы имели, таким образом, у себя одновременно и Лондон и Индию» (*Л. Троцкий. Соч.*, т. XIII, с. 104).

6. Бухарин пространно говорил на эту тему на XII партийном съезде в 1923 г., приписывая анализ Ленину: «*Советская Россия и географически и политически лежит между двумя гигантскими мирами: еще сильным, к сожалению, капиталистическим империалистическим миром Запада и колоссальным количеством населения Востока, которое сейчас находится в процессе возрастающего революционного брожения. И Советская республика балансирует между этими двумя огромными силами, которые в значительной степени уравновешивают друг друга*» («Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1968, с. 264).

7. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 27, с. 377. Ленин применил такое же определение к этим трем странам в своей речи на II конгрессе Коминтерна (там же, т. 41, с. 242).

8. «Исходя из принципов свободы, независимости и территориальной неприкосновенности нейтральной Персии», предусматривалась эвакуация из Персии как русских, так и турецких войск в соответствии с Брест-Литовским перемирием от 2 (15) декабря 1917 г. Обращение Троцкого к народу Персии от 14 (27) января 1918 г., опубликованное в «Известиях» 16 января, содержало явное отречение от «англо-русского соглашения 1907 г.», а также от договоров и соглашений, «которые в каком бы то ни было отношении ограничивают или стесняют права персидского народа на свободное и независимое существование», а по Брест-Литовскому договору от 3 марта 1918 г. Советское правительство обязалось не сохранять «в Персии зоны влияния и исключительных интересов».

9. В соответствии с Б. А. Борьяном («Армения, международная дипломатия и СССР», ч. II. М., 1929, с. 260) эти слова были включены в текст декларации армянскими большевиками, в частности Шаумяном.

10. «Декреты Советской Власти», т. I. М., 1957, с. 114—115; «Большевистская революция, 1917—1923», т. I, гл. 11.

11. Статья в «Известиях» от 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.), которую А. Л. П. Деннис цитирует в своей книге «Foreign Policies of Soviet Russia», 1924, р. 237, указывала, что советский отказ от царских прав был лучшим способом уничтожения британского влияния в Персии.

12. *И. В. Сталин*. Соч., т. 4, с. 164—166.

13. Там же, т. 4, с. 171—173, 177—182.

14. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.

15. «Sowjet-Russland und die Völker der Welt». Petrograd, 1920, р. 32.

16. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 57; *Л. Троцкий*. Соч., т. XIII, с. 43—44.

17. «Восьмой съезд РКП(б)», с. 47—48. На том же съезде Зиновьев, сообщая о недавнем визите двух индусов, выступивших с речами в Москве и Петрограде, добавил, что индийское движение — «не чисто коммунистическое, а национальное, которое только чуть-чуть окрашивается местами в коммунистический цвет» (там же, с. 143).

18. «КПСС в резолюциях...», т. 2. М., 1983, с. 74, 79.

19. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 39, с. 327, 330.

20. «Жизнь национальностей», № 47 (55), 14 декабря 1919 г.

21. А. Гуревич (*А. М. Гуревич*. Афганистан. 2-е изд. М., 1930, с. 43—44) называет режим Амануиллы-хана «просвещенным абсолютизмом» и пытается дать довольно поверхностный обзор общественных сил, стоящих за и против него. Согласно статье «Правды» от 26 января 1929 г. (цитируемой там же, с. 54), его реформы «отличались сугубо верхушечным характером и не давали ничего реального афганскому крестьянству».

22. Индийский армейский офицер, служивший в Центральной Азии, предполагал, что «именно Советы организовали третью афганскую войну» (*L. V. S. Blacker. On Secret Patrol in High Asia, 1922, р. 186*). Это высказывание, возможно, отражало взгляды индийского правительства. Однако в то время подобные сообщения с готовностью подхватывались общественным мнением без каких-либо серьезных доказательств.

23. Дипломатический словарь, ч. II. М., 1950, с. 694, статья «Советско-афганские договоры и соглашения». «Документы внешней политики СССР», т. II. М., 1958, с. 174—175.

24. Английский офицер разведывательной службы, следивший за пребыванием Баркатуллы весной 1919 г. в Ташкенте, так описывает его карьеру, данные о которой, возможно, взяты из служебных досье. «Он был уроженцем штата Бхопал в Центральной Индии и работал преподавателем языка хинди в Токио до высылки его японцами из страны, после чего он переехал в Америку, где он не упускал случая очернить наше правление в Индии. По его утверждениям, он был германским подданным и даже заявлял, что являлся германским дипломатическим агентом в Кабуле. У него был германский паспорт, выданный в Дар-эс-Саламе в Восточной Африке... Во время войны в Берлине была образована организация, называвшая себя временным правительством Индии. Президентом являлся Махендра Пратап... а этот Баркатулла был министром иностранных дел» (*F. M. Bailey. Mission to Tashkent, 1946, p. 143*).

25. «Документы внешней политики СССР», т. II, с. 174—175.

26. Документы, относящиеся к этой «войне», и заключенные соглашения опубликованы в: «Papers Regarding Hostilities with Afganistan 1919», Cmd. 324 (1919).

27. Ф. М. Бейли (*F. M. Bailey. Mission to Tashkent, p. 174—176*) описывает одновременный отъезд из Ташкента 14 июня Мохамеда Вали и Бравина и трудности, которые они испытали до прибытия к своим соответствующим пунктам назначения. В соответствии с тем же источником Бравин сообщал о неблагоприятном к нему отношении Амануллы-хана и афганского правительства. Вскоре после этого он был убит в Кабуле.

28. Цитируется по архивам Наркоминдела в: *L. Fischer. The Soviets in World Affairs, 1930, v. I, p. 286*. Нет никакого сомнения в подлинности этого документа, хотя, возможно, автором проекта и не был лично Ленин.

29. В «*Asie Française*», November 1921, p. 420, приводится письмо матери Амануллы-хана эмиру бухарскому, написанное в феврале 1920 г., в котором, между прочим, говорилось, что Аманулла-хан «ставит независимость Бухары, где живут наши братья и единоверцы, первым условием своей дружбы с Русской советской республикой». Письмо преисполнено религиозного жара, и автор, вероятно, был оплотом исламской веры при дворе Амануллы-хана. И. Майский в книге «Внешняя политика РСФСР. 1917—1922» (М., 1923, с. 147) говорит о трениях между РСФСР и Афганистаном в то время. По словам генерала Маллесона, командующего британскими войсками в Центральной Азии, РСФСР была обеспокоена афганскими планами относительно Туркестана. Создавалось впечатление, что афганцы стремились к «громадному пан-исламскому восстанию во всей Центральной Азии» («*Journal of the Central Asian Society*», IX (1922), No. II, 103—104).

30. Дипломатический словарь, т. I. М., 1948, с. 808—809, статья «Коломийцев». О кратковременном Советском правительстве в Баку см.: «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.

31. См. выше, прим. 8.

32. Один из английских финансовых советников при персидском правительстве, назначенный по этому соглашению, отзываясь о нем как о «провокационном» действии и пишет: «Если бы мы оставались удовлетворенными нашим положением и престижем, маловероятно, чтобы большевики были побуждены к действиям. Но вместо этого мы намеренно предпочли подвергнуться очень серьезным рискам, хотя и не ожидали получения никаких соответствующих преимуществ... То, что министерство иностранных дел воспользовалось моментом, когда Россия находилась в муках революции, для того чтобы отречься от конвенции (1907 г.), и прибегло к политике, открыто направленной на вытеснение русского влияния, с большевистской точки зрения, могло рассматриваться только как акт намеренной агрессии» (*J. M. Balfour. Recent Happenings in Persia, 1922, p. 120—121*).

33. «Документы внешней политики СССР», т. II, с. 198—200.

34. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 341—344.

35. «Новый Восток», кн. 8-я—9-я. 1925, с. 151.

36. Двумя лучшими доступными источниками относительно Кучек-хана, по-видимому, являются изданная в то же время статья Марченко — бывшего «белого» русского, служавшего в Персии («Revue du Monde Musulman», XL—XLI, 1920, р. 98—116), — и более поздние воспоминания Экшануллы, одного из сподвижников Кучек-хана («Новый Восток», кн. 34-я, 1932, с. 88—107). Каждая публикация имеет свою собственную направленность, которая бросается в глаза и которую вообще можно не принимать во внимание. Марченко дает более романтический портрет Кучек-хана, которого он описывает как «бескорыстного фанатика, националистического мечтателя».

37. Согласно «Revue du Monde Musulman», XL—XLI, 1920, р. 104, после победы союзников в конце 1918 г. Кучек-хан сбежал из Гиляна в Афганистан и вернулся через год, имея поддержку большевиков. Это частично подтверждается в «Новом Востоке», кн. 29-я, 1930, с. 92, где подробно излагаются его попытки установить контакт с большевиками на Кавказе летом 1919 г.

38. Там же, кн. 29-я с. 106; И. Майский. Внешняя политика РСФСР. 1917—1922. М., 1923, с. 157.

39. «Документы внешней политики СССР», т. II, с. 535—538.

40. Там же, с. 542—543.

41. «League of Nations: Official Journal», No. 5 (July—August, 1920), p. 216—218.

42. «Коммунистический Интернационал», № 13 (28 сентября 1920 г.), кол. 2551—2552; № 14 (6 ноября 1920 г.), кол. 2889—2892. В соответствии с сообщением Султана-Заде в «Правде» от 16 июля 1920 г. (цит. в: Revue du Monde Musulman, LII, 1922, p. 147) партия в то время насчитывала 4,5 тыс. членов.

43. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. II, с. 384—387.

44. В докладе, написанном годом позже турецким министром образования, выражалось недовольство тем, что «известное письмо Чичерина подорвало дисциплину в армии и ободрило сопротивление армян» («A Speech Delivered by Ghazi Mustapha Kemal», October 1927 (Engl. transl., Leipzig, 1929), p. 414—415).

45. См. гл. 27 данного тома.

46. «Красная новь», № 10, 1926, с. 164. В соответствии с К. Okay. Enver Pascha: Der Grosse Freund Deutschlands, 1935, S. 333, Радек сказал Энверу, что «в Советской России приветствуется каждый, кто поддержит наступление на английский империализм».

47. О Костринге см. гл. 28 данного тома.

48. Соответствие самолета, в котором летел Энвер, самолету, задержанному британскими властями в Ковно 15 октября 1919 г., установлено с достаточно высокой степенью достоверности путем сравнения «Documents on British Foreign Policy: First Series», 1948, p. 44—47; К. Okay. Enver Pascha: Der Grosse Freund Deutschlands, 1935, S. 334—335. Последняя работа является журналистской по стилю, но автор явно пользовался подлинными источниками. Ф. Рабенау (F. Rabenau. Seeckt: Aus Seinem Leben, 1918—1936, 1940, S. 306) ошибочно называет дату отъезда Энвера в апреле 1919 г.

49. «Красная новь», № 10, 1926, с. 172.

50. К. Okay. Enver Pascha: Der Grosse Freund Deutschlands, 1935, S. 336.

51. В конце 1919 г. два турецких офицера — одного описывали как племянника Кемала, а другого как адъютанта Энвера — были схвачены войсками Деникина в Крыму, когда они пытались пробраться в Москву («Documents on British Foreign Policy: First Series», v. III, 1949, p. 784).

52. Нота не была опубликована, но ее содержание приводится в ответе Чичерина от 3 июня 1920 г. (см. ниже). Дата приводится в: L. Fischer. The Soviets in World Affairs, 1930, v. I, p. 390.

53. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11. По сообщению «Revue du Monde Musulman», LII, 1922, p. 194, высшие турецкие офицеры, включая Халил-пашу, дядю Энвера, помогали советизации Азербайджана. В статье Султан-Галиева в «Известиях» от 7 мая 1920 г. говорится о турецких офицерах азербайджанских войск, которые были настроены враждебно по отношению к Ан-

танте и открыто выступали за союз с Советской Россией. Эти офицеры, возможно, были бывшими военнопленными. Многочисленные сообщения о секретных соглашениях между Советской Россией и Турцией в тот период не подтверждаются.

54. Союзнический контроль над проливами в 1919—1920 гг. позволил союзникам прийти на помощь Деникину путем посылки военных кораблей и материалов в порты Черного моря.

55. Официальный журнал «*Hakimiyeti Milliye*», цитируемый «*Die Welt des Islams*», v. XVI, 1934, p. 28.

56. *Ibid.*, v. XVI, p. 28.

57. *Ibid.*, v. XX, 1938, p. 123.

58. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I. М., с. 26—27. В соответствии с Дипломатическим словарем, т. I, с. 566, статья «Дипломатические отношения», эти отношения были установлены с даты ноты Чичерина. Статья Тефика в *Dictionnaire Diplomatique*, v. II, 1933, p. 985, ссылается на соглашение от 16 мая 1920 г. как на дату установления дипломатических отношений.

59. Нота была опубликована в официальном турецком журнале «*Hakimiyeti Milliye*», July 8, 1920, и переведена в: «*Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin*», XXXVII (1934), v. ii, p. 135—136. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин («Международная политика новейшего времени...», ч. III, вып. I, с. 27—28), таким образом, не правы, считая ноту Кемала от 29 ноября 1920 г. ответом на ноту Чичерина от 2 июня. Ответ турецкого правительства на ноту Г. В. Чичерина в «Документах внешней политики СССР», т. II, с. 556.

60. И. Майский. Внешняя политика РСФСР. 1917—1922, с. 164. «*Die Welt des Islams*», 1934, S. 28.

61. О поддержке, оказываемой коммунистическим движением в Турции, см. гл. 27 данного тома.

62. История Коммунистической партии Нидерландской Индии представляет интерес, далеко выходящий за узкопартийные рамки. В 1912 г. яванскими лидерами была основана мусульманская партия («Сарекат Ислам») для защиты интересов местного населения. Партия стала довольно многочисленной и приобрела смешанный религиозно-националистический аспект. В 1914 г. группа голландцев на Яве, из которых наибольшее влияние имели Снивлиет и Баарс, образовала Социал-демократическую ассоциацию Индии («ISDV»), ставшую центром светского радикального движения среди местных рабочих, и начала выпускать журнал «*Het Vrije Woord*». Это движение набрало силу во время войны и особенно после русской революции. В 1918 г. Снивлиет был выслан голландскими властями. В мае 1920 г. Баарс преобразовал СДАИ в Коммунистическую партию Индии («PKI») под руководством двух яванцев — Семауна и Дарсоно. Снивлиет, который уехал в Москву, представлял эту партию под псевдонимом Маринг (под этим именем он с тех пор стал известен в Коминтерне) на II конгрессе Коминтерна. Коммунистическая партия Индии формально вошла в Коминтерн в декабре 1920 г. Наиболее полный источник информации о Коммунистической партии Индии — J. T. P. Blumberger. *Le Communisme aux Indes Néerlandaises* (French transl. from Dutch, 1929); публикация в: «*Revue du Monde Musulman*», lii, 1922, p. 58—83, также освещает первые годы существования КПИ, но, кажется, менее насыщена подробностями. Отчет о «Сарекат Ислам» приводится в работе: S. Dingley. *The Peasants' Movement in Indonesia*, Berlin, 1926, p. 33—37, издания организации «Farmers' and Peasants' International».

63. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 94, 115.

64. Там же, с. 126.

65. Тезисы Ленина в их первоначальной форме содержатся в: Полн. собр. соч., т. 41, с. 161—168. Тезисы Роя в: «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 122—126; это, вероятно, единственное издание, которое сохранило тезисы в их оригинальной форме.

66. Проект тезисов Роя был составлен и поправлялся на английском языке. Эта исправленная фраза была полностью воспроизведена в: «*Theses and Statutes of the Third (Communist) International*», Moscow, 1920, p. 70, но была

неправильно переведена в немецком варианте («Der Zweite Kongress der Kommunist. Internationale», Hamburg, 1921, S. 145), и этот неправильный перевод сохранился во всех русских вариантах до 1934 г., когда правильная фраза была восстановлена в книге: «Второй конгресс Коминтерна». М., 1934, с. 496—498.

67. Здесь также произошла путаница между разными вариантами протоколов: немецкий вариант («Der Zweite Kongress der Kommunist Internationale», Hamburg, 1921, S. 146—147) и все русские варианты до 1934 г. подчеркивали зависимость европейской революции от азиатской более сильно, чем в исправленном английском тексте, который был правильно переведен на русский язык только в 1934 г. (см. предыдущее примечание).

68. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 161—168.

69. См. с. 199—201 ниже.

70. Поправки к ленинским тезисам были подробно охарактеризованы в докладе Маринга конгрессу («2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 121—122). Рой просто зачитал конгрессу свои тезисы в их исправленной форме (там же, с. 122—126). Оба сборника тезисов опубликованы в «Коммунистическом Интернационале в документах. 1919—1932», с. 126—132. Оба варианта тезисов Роя содержат ошибку перевода, отмеченную на с. 468 выше.

71. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 242.

72. Там же, т. 41, с. 246.

73. Незадолго до этого в Нью-Йорке состоялись переговоры между советскими представителями и представителями «Шин Фейн», а «Проект соглашения между РСФСР и Республикой Ирландия» распространялся в июне 1920 г. в Дублине, где одна из копий попала в руки английских властей. Судя по документам, официально опубликованным британским правительством («Inter-course between Bolshevism and Sinn Fein», Cmd., 1921, 1326), обе стороны не придавали большого значения этим переговорам. В начале 1921 г. официальный журнал Коминтерна опубликовал приветственное послание от Ирландской Гражданской армии и рабочей республики, направленное Русской Красной Армии и республике рабочих («Коммунистический Интернационал», № 16 (31 марта 1921 г.), кол. 3779—3782). Союз между коммунизмом и ирландским национализмом в начале 20-х годов дал некоторые преимущества в предвыборной кампании для КПВ. Один из двух пользующихся успехом коммунистов-кандидатов на общих выборах 1922 г. был возвращен в избирательный округ Глазго, где большую роль играли голоса выходцев из Ирландии.

74. Английские делегаты в комиссии — Квелч и Рамсей — произвели неблагоприятное впечатление своим признанием, что «рядовой английский рабочий считал бы за измену помогать поработенным народам в их восстаниях против английского владычества» и что большинство английских рабочих будет аплодировать подавлению восстания в Индии. На эти замечания несколько раз ссылались на пленарных сессиях, где они были подвергнуты сомнению как слишком плохие, чтобы быть правдой («2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 135, 156—157, 163, 169).

75. Относительно Кореи см. с. 370, гл. 33 данного тома. Корейский делегат Пак Дин Шун уже изложил свои взгляды в статье в «Правде» от 27 июля 1920 г., цитируемой в: K. S. Weigh. Russo-Chinese Diplomacy. Shanghai, 1928, p. 326.

76. Показательные с этой точки зрения дебаты на двух пленарных заседаниях опубликованы в: «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 145—190.

77. Весьма характерно, что бросающаяся в глаза ошибка в переводе сразу опубликованных немецком и русском вариантах протоколов оставалась незамеченной четырнадцать лет.

78. «Большевистская революция...», т. I, гл. 10.

79. См. гл. 25 данного тома.

80. «Большевистская революция...», т. I, гл. 2.

81. Китай был самым важным исключением из всех азиатских стран, но он едва ли входил в орбиту Советов или коминтерновской политики в то время.

82. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.

83. Эти оба воззвания опубликованы в газете «Жизнь национальностей», № 34 (91), 3 ноября 1920 г.
84. «Коммунистический Интернационал», № 12 (20 июля 1920 г.), кол. 2259—2264.
85. «Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков)», № 22, 18 сентября 1920 г., с. 2.
86. «I-й съезд народов Востока». Петроград, 1920, с. 5; с другой стороны, Зиновьев в «Коммунистическом Интернационале», № 14 (6 ноября 1920 г.), кол. 2941—2944, охарактеризовал большинство делегатов как «беспартийных».
87. «I-й съезд народов Востока», с. 48. Враждебно настроенный немецкий комментатор, пользовавшийся информацией главным образом из грузинских меньшевистских источников, утверждал, что официальный отчет Бакинского съезда был «частично прямо фальсифицирован» пропусками в документах и сокращением или искажением враждебных выступлений и что это доказывается сравнением с отчетами в бакинской печати того времени («Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». Leipzig, v. I, 1922, S. 195—196). Бакинские газеты 1920 г. теперь трудно достать, и, кажется, автор едва ли сверялся с ними. Документы, им названные, возможно, были пропущены просто из-за нехватки места, как это случалось в отчетах большинства партийных съездов; некоторые из них были опубликованы позднее в «Коммунистическом Интернационале».
88. «I-й съезд народов Востока», с. 72, 92.
89. Там же, с. 99—100.
90. Там же, с. 70.
91. Там же, с. 144.
92. Группа, называвшая себя «Индусской революционной организацией в Туркестане», прислала на конгресс петицию из Ташкента, умоляя о помощи 315 млн. «угнетенного народа Индии», но с надеждой, что «эта помощь будет дана безо всякого вмешательства во внутреннюю и религиозную жизнь тех, кто ожидает освобождения от ига капитализма и империализма» (там же, с. 106). Нет никаких следов какого-либо обсуждения этого вопроса на конгрессе.
93. Там же, с. 158.
94. W. von Blücher. Deutschlands Weg nach Rapallo. Wiesbaden, 1951, S. 132. Сообщение, видимо, исходило от самого Энвера.
95. В письме Секту 26 августа 1920 г. Энвер писал: «Позавчера мы заключили Турецко-русский договор о дружбе. Согласно этому договору, русские поддержат нас золотом и всеми средствами» (F. von Rabenau. Seeckt: Aus Seinem Leben. 1918—1936, 1940, S. 307), Л. Фишер (L. Fischer. The Soviets in World Affairs. 1930, v. I, p. 386) отмечает, что Энвер «пытался действовать как посредник в русско-турецких переговорах и поставил себя в положение действительного представителя Турции». Хотя доказательства этого положения и слабые, соглашение, о котором идет речь, скорее всего, связано с деятельностью самого Энвера, чем с отношениями с Анкарой.
96. Как заявил Зиновьев, один турецкий делегат, профессор, говорил, что «им (Турции. — Ред.) от нас (России. — Ред.) нужно только оружие» («Коммунистический Интернационал», № 14 (6 ноября 1920 г.), кол. 2943).
97. «I-й съезд народов Востока», с. 108—118.
98. «USPD: Verhandlungen des Ausserordentlichen Parteitags zu Halle», S. 159—161. Карьера Энвера оставалась полной приключений до самого конца. После фиаско в Баку он вернулся в Москву и потом после заключения советско-турецкого договора от 16 марта 1921 г. поехал на Кавказ, чтобы вести антикемалистские интриги. Как сообщает Л. Фишер (L. Fischer. The Soviets in World Affairs, 1930, v. I, p. 387), Кемаль заявил протест Советскому правительству, которое положило конец действиям Энвера. Энвер получил разрешение уехать в Бухару. О его дальнейших приключениях и смерти см. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.
99. Как это предложил Лонгю на конгрессе в Type («Parti Socialiste: 18e Congrès National», 1921, p. 403).
100. Из заявления Мартова на конгрессе в Галле («USPD: Verhandlungen des Ausserordentlichen Parteitags zu Halle», S. 214). Гильфердинг же настаивал,

что Бакинский съезд не имел никакого отношения к социализму и был чистым проявлением политики силы (Ibid., S. 189). Кроме эпизода с Энвером, в Галле не имела успеха попытка Зиновьева оправдать необходимость одновременного сочетания революций на Западе и на Востоке.

101. Они были одобрены «съездом в принципе, без рассмотрения предлагаемых текстов» («I-й съезд народов Востока», с. 118—119). Их не включили в отчет съезда, но опубликовали в «Коммунистическом Интернационале», № 15 (20 декабря 1920 г.), кол. 3141—3155.

102. «I-й съезд народов Востока», с. 183—186.

103. Там же, с. 199—206.

104. Там же, с. 211—212, 219—220.

105. Там же, с. 223—224. По этому поводу см.: «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.

106. «Коммунистический Интернационал», № 15 (20 декабря 1920 г.), кол. 3367—3368.

107. Там же, кол. 3473—3474. Ни одного экземпляра этого журнала не удалось обнаружить.

108. В соответствии с примечанием в 4-м томе Сочинений И. В. Сталина Совет «просуществовал около года» (И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 439).

109. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 166.

110. Эта школа была источником постоянного беспокойства для британского правительства как гнездо возможных индийских революционеров. Кроткие уверения Советского правительства в ноябре 1921 г. о том, что «не существует никакой пропагандистской школы в Ташкенте в целях подготовки эмиссаров для Индии», были, естественно, приняты с недоверием («Англо-советские отношения со дня подписания торгового соглашения до разрыва. 1921—1927 гг.», М., 1927, с. 24). В соответствии с данными Костанье («Revue du Monde Musulman», li, 1922, p. 48) в ней числилось 300 слушателей, но не указано, в какое время.

111. «Новый Восток», кн. I-ая, 1922, с. 456.

112. «Собрание узаконений...», 1921, № 26, ст. 191.

113. «Revue du Monde Musulman», li, 1922, p. 46—48. Информация, по-видимому, получена из брошюры, написанной Бройдо по случаю 1-ой годовщины университета. Его 4-ой годовщине в 1925 г. была посвящена речь Сталина (Соч., т. 7, с. 133—152).

114. «Новый Восток», кн. I-я, 1922, с. 454—456.

115. И. В. Сталин. Соч., т. 4, с. 393.

116. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 402—404.

Глава 27. НЭП во внешней политике

1. В пробуждении патриотических настроений интервенция Японии имела большее значение, чем интервенция западных союзников, отчасти потому, что воскрешала в памяти русско-японскую войну, а отчасти и потому, что она более очевидно мотивировалась целями национальной экспансии. По этой причине против использования японских войск возражали как британский, так и американский представители в Москве.

2. «Правда», 18 мая 1920 г.; британская рабочая делегация, посещавшая в то время Россию, отметила «рождение и рост нового патриотизма» («British Labour Delegation to Russia, 1920. Report», 1920, p. 122).

3. «Большевистская революция, 1917—1923», т. 1, гл. 12. В первые годы существования режима «белые» эмигранты обычно обвиняли его в том, что он приносит русские национальные интересы в жертву коммунистическим идеалам. Типичный пример такого упрека можно найти, например, в: L. Pasvol'sky. Russia in the Far East. New York, 1922, p. 140—141. Противоположное обвинение в принесении коммунизма в жертву русским национальным интересам появилось позднее.

4. Л. Троцкий. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. II, с. 180. Ленин ссылаясь на этот разговор в своем публичном выступлении (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 55).

5. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК».

М., 1983, т. 2, с. 101; Сокольников, который ввиду отъезда Троцкого на фронт был на съезде докладчиком по военному вопросу, говорил, что в Красной Армии находятся «десятки тысяч военных специалистов» старой армии («Восьмой съезд РКП(б)», с. 146); так называемая «военная оппозиция» на съезде не возразила против использования бывших офицеров, но считала необходимым усилить контроль над ними со стороны политических комиссаров.

6. «Коммунистический Интернационал», № 9 (22 марта 1920 г.), кол. 1423—1424; Л. Троцкий. Как вооружалась революция. М., 1924, т. 2, кн. 1, с. 100; аналогичные выражения признательности содержатся там же, т. 2, кн. 1, с. 106—109.

7. Там же, т. 2, кн. 2, с. 115. Письмо Брусилова с этим предложением было опубликовано в «Правде» 7 мая 1920 г.

8. K. Radek. Die Auswärtige Politik Sowjet-Russlands. Hamburg. 1921, S. 67—68. В русском переводе, опубликованном спустя два года («Внешняя политика Советской России». М., 1923), эта фраза была опущена.

9. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 22, 24—25.

10. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 56, 60.

11. См. гл. 22 данного тома.

12. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 95.

13. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 176.

14. См. гл. 24 данного тома.

15. «СССР. Сборник действующих договоров», вып. 1—2. М., 1924, № 35, с. 130—142; «Документы внешней политики СССР», т. III. М., 1959, с. 265—280.

16. Сообщение, опубликованное правительством Норвегии, было перепечатано в: «Soviet Russia», New York, December 25, 1920, p. 642—645.

17. Ллойд Джордж принял Красина и Каменева 4 августа 1920 г. и настаивал на прекращении наступления Красной Армии.

18. Требование высылки Каменева было опубликовано в «Таймс» 11 сентября 1920 г., а обвинения в его адрес — три дня спустя; по поводу «совета действий» и инцидента с условиями, предложенными Польше, см. гл. 25 данного тома.

19. Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли. 2-е изд. М., 1970, с. 270.

20. «Foreign Relations of the United States, 1920», v. III, 1936, p. 443; ничего более об этом проекте не известно.

21. Ibid., v. III, p. 706—707.

22. Ibid., v. III, p. 455—456.

23. «Senate Foreign Relations Committee: Russian Propaganda, Hearing to investigate Status and Activities of Ludwig C. A. K. Martens», 1920; в итоге Мартенс был депортирован в январе 1921 г.

24. «Foreign Relations of the United States, 1920», v. III, 1936, p. 717—719.

25. Нота Колби и ответ Чичерина опубликованы в: «Foreign Relations of the United States, 1920», v. III, 1936, p. 463—468, 474—478; нота Колби была напечатана в «Известиях» от 8 сентября 1920 г., а ответ Чичерина первоначально появился в «Известиях» 12 сентября 1920 г.

26. Л. Троцкий. Как вооружалась революция, т. 2, кн. 2, с. 284.

27. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 16.

28. C. K. Cummings and W. W. Pettit (ed.). Russian-American Relations, 1920, p. 211. Робинс представил меморандум в госдепартамент с сопроводительным докладом, датированным 1 июля 1918 г., в котором он выступал за то, чтобы отправить в Россию экономическую комиссию (ibid., p. 212—219). Лансинг передал этот меморандум Вильсону, который написал на полях: «Моя точка зрения отличается от них (т. е. от предложений) только в практических деталях»; дальнейших шагов, однако, предпринято не было («Foreign Relations of the United States: The Lansing Papers, 1914—1920», v. II, 1940, p. 365—372).

29. Полностью доклад Ломова переведен в: R. Labry. Une Législation Communiste, 1920, p. 168—172; «Народное хозяйство», № 12, 1918, с. 27. О готовности предоставить концессии иностранцам и признать внешние долги было заявлено в ноте союзным державам от 4 февраля 1919 г., в которой также выражалось согласие с приглашением на остров Принкипо (см. гл. 23 данного тома).

30. Источником сведений об этом событии служит главным образом пресса тех лет, выдержки из которой приводятся в работе: *G. Gerschuni. Die Konzessionspolitik Sowjetrusslands*, 1927, S. 33—37; остается неясным, имел ли проект серьезную финансовую поддержку.

31. В статье в «Народном хозяйстве», № 7, 1919, с. 32, указывалось, что концессии будут предоставляться иностранцам только на строительство объектов, предназначенных для того, чтобы функционировать непосредственно под руководством государственных либо местных властей (железные дороги, каналы, электростанции и т. п.), так, чтобы полностью был обеспечен общественный контроль за их деятельностью.

32. «*Soviet Russia*», New York, September 11, 1920, p. 254—258. Первоисточник статьи не указан, и обнаружить его не удалось.

33. Описание путешествия дано в кн.: *W. B. Vanderlip and H. B. Hulbert. In Search of Siberian Klondike*. New York, 1903.

34. Согласно отчету официального лица из государственного департамента, беседовавшего с Вандерлипом перед его поездкой в Москву, последний представлял группу бизнесменов из Калифорнии, интересы которых, однако, обусловлены «обязывающим соглашением» между американским и советским правительствами («*National Archives of the United States, Record Group 861. 602*», v. 28/4).

35. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, с. 62. Л. Фишер, имевший доступ к официальным советским источникам, оценивает стоимость предложенной концессии в 3 млрд. долларов («*The Soviets in World Affairs*», 1930, v. I, p. 300).

36. Договор, устанавливающий границу, был подписан в Москве 15 декабря 1920 г. («Документы внешней политики СССР», т. III, с. 384—385).

37. С советской стороны соглашение было подписано Рыковым как председателем ВСНХ («Труды IV Всероссийского съезда Советов Народного Хозяйства». М., 1921, с. 57); текст, по-видимому, никогда не публиковался.

38. «Декреты Советской Власти», т. XI. М., 1983, с. 251—254.

39. Особенно сильной была оппозиция в профсоюзах, которая проявилась на IV Всероссийском съезде профессиональных союзов в мае 1921 г., когда в президиум было послано не менее 150 вопросов по этому поводу («Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов», ч. I (пленумы). М., 1921 г., с. 61). С самого начала была очевидна двусмысленность ситуации, возникающей из найма советских рабочих иностранными концессионерами; как отмечал Радек в мае 1918 г., «впредь в пределах России не должно быть двух сводов законов — законов для свободных рабочих, работающих на предприятиях советского правительства, и законов для рабов, работающих на заграничный капитал» («Труды I Всероссийского съезда Советов Народного Хозяйства». М., 1918, с. 22). Длительное время бывшая полуофициальная статья Степанова в защиту политики концессий, появившаяся в «*Russische Korrespondenz*», No. 1—2, Januar-Februar 1921, S. 68—87, начиналась с признания того факта, что «вопрос о предоставлении концессий иностранным капиталистам вызвал беспокойство в партийных кругах»; это положение опущено в варианте, опубликованном в «Коммунистическом Интернационале», № 16 (31 марта 1921 г.), кол. 3515—3522, где делается ссылка лишь на «тревогу» буржуазии по поводу постановления.

40. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, с. 67. Легенда о Вандерлипе как о первом миллионере, посетившем Советскую Россию, просуществовала долго: в биографическом указателе ко второму и третьему изданиям Сочинений Ленина его посетителя по-прежнему отождествляют с Ф. А. Вандерлипом, банкиром и промышленником (Соч., 3-е изд., т. XXV, с. 652); Ленин совершал ту же ошибку, ссылаясь на книгу Ф. А. Вандерлипа (Полн. собр. соч., т. 42, с. 62). (В Полном собрании сочинений В. И. Ленина данная неточность устранена.—*Ред.*) Впечатляющее описание всемогущего американского миллионера, умолявшего Ленина о концессиях и получившего резкий отпор, появилось в Собрании сочинений Л. Рейзнера (1928 г.), т. I, с. 214—218, и позднее в немецком переводе в: «*Oktober*», 1930, S. 287—293. Согласно этой версии, Вандерлип отправился из Москвы в Афганистан, где автор и встретился с ним. Он проезжал через Москву на обратном пути в начале марта 1921 г. (см. гл. 29 данного тома).

41. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 69—70. Через несколько недель Ленин развил эту идею: «У нас есть сотни тысяч превосходных земель, которые можно поднять тракторами, а у вас есть тракторы, у вас есть бензин и у вас есть обученные техники; и вот мы предлагаем всем народам, в том числе и народам капиталистических стран, сделать краеугольным камнем восстановления народного хозяйства и спасение всех народов от голода» (там же, т. 42, с. 133). Год спустя Россия была в когтях голода и получала помощь от Соединенных Штатов.

42. Там же, т. 43, с. 305.

43. См. гл. 27 данного тома.

44. Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли, 2-е изд. М., 1970, с. 271; эта и другие статьи Красина того времени (см. гл. 24 настоящего тома, прим. 47) остаются лучшим источником по данным переговорам.

45. «Russian Information and Review», No. 1, October 1921, p. 19.

46. Это обстоятельство было отмечено в годовом отчете Наркоминдела IX Всероссийскому съезду Советов и, видимо, произвело впечатление в Москве («Документы внешней политики СССР», т. IV. М., 1960, с. 630).

47. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I, с. 70—72.

48. Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли, с. 271—272. После заключения соглашения Ллойд Джордж сделал заявление в палате общин о том, что соглашение признает Советское правительством de facto правительством России, которым оно, несомненно, является («House of Commons»: 5th Series, CXXXIX, p. 2506); впоследствии судебные инстанции обеспечили необходимую защиту советской собственности.

49. Соединенные Штаты быстро последовали этому примеру, сняв 18 декабря 1920 г. все ограничения в отношении русского золота («Foreign Relations of the United States, 1920», v. III, 1936, p. 724).

50. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 100—101.

51. «Документы внешней политики СССР», т. III, с. 607—614; «Trade Agreement between His Britannic Majesty's Government and the Government of the Russian Socialist Federal Soviet Republic». Cmd., 1207, 1921; был подписан текст договора только на английском языке, но русский перевод, когда он был сделан, рассматривался как равноценный английскому тексту.

52. Письмо было приведено в «Times», March 17, 1921, но, видимо, никогда не было опубликовано официально; русский перевод приведен в: «Англо-советские отношения со дня подписания торгового соглашения до разрыва (1921—1927 гг.)», с. 8—11.

53. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 272.

54. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 187—188. И. Майский («Внешняя политика РСФСР. 1917—1922», с. 103) называет его «дверью, открытой на арену мировой политики».

55. Дипломатический словарь, т. I. М., 1948, с. 554, статья «Джемаль-паша»; Л. Фишер (L. Fischer. The Soviets in World Affairs, 1930, v. I, p. 385) утверждает, что именно «Москва обратила внимание Джемаль-паши на Кабул». Церемония его прибытия в октябре 1920 г. описана в журнале «Новый Восток», кн. 2-я, 1922, с. 292—294.

56. Утверждают, что в письме Амануиллы-хана Ленину в декабре 1920 г. содержится следующий отрывок: «Его высочество Джемаль-паша сообщил нам обо всех благородных идеях и намерениях Советской республики относительно освобождения всего восточного мира и о том, что это правительство заключило союз с турецким правительством» («Asie Française», Novembre 1921, p. 421). Согласно книге (L. Fischer. The Soviet in World Affairs, v. 1, p. 385), «конституция Афганистана в значительной мере была его работой» и «он также оказывал помощь в организации афганской армии». Автор статьи в «Новом Востоке», кн. 2-я, 1922, с. 294, отмечает, что «успеху политики РСФСР в Кабуле отчасти способствовали и дружественные отношения РСФСР и Ангоры».

57. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.

58. «Revue du Monde Musulman», LI, 1922, p. 221, 226.

59. И. Майский. Внешняя политика РСФСР. 1917—1922, с. 145; Дипломатический словарь, т. II. М., 1950, с. 694—695, статья «Советско-афганские договоры и соглашения».

60. «Документы внешней политики СССР», т. III, с. 550—553.

61. Турецко-афганский договор является любопытным документом. В нем делается ссылка на «вековую моральную общность и природный союз» между «братскими государствами и народами», а в одном месте упоминается божья воля, но по существу это пакт о взаимопомощи двух стран в случае нападения на одну из них «какого-либо империалистического государства». Турция обещает «оказывать Афганистану военную помощь и посылать учителей и офицеров». Обе стороны «признают независимость государств Хива и Бухара» («British and Foreign State Papers», CXVIII, 1926, p. 10—11).

62. Письмо Хорна Красину от 16 марта 1921 г. (см. гл. 24 данного тома); когда письмо было написано, текст договора еще не был известен в Лондоне.

63. См. гл. 26 данного тома.

64. Марченко записал осенью 1920 г., что большевики взяли «курс против Кучека» и «объявляют ему войну» («Revue du Monde Musulman», XL—XLI, 1920, p. 114—115). Диагноз в целом был правильным, хотя и несколько преждевременным (см. гл. 32 данного тома).

65. Эту резолюцию цитировал Чичерин в статье в «Известиях» от 6 ноября 1921 г.; также, без ссылки на источник, она приводится в: «Revue du Monde Musulman», LII, 1922, p. 105.

66. Ibid., LII, 1922, p. 106. Персидское правительство, очевидно, отказалось до урегулирования этого вопроса принять Ротштейна, о назначении которого советским представителем в Тегеран было объявлено в ноябре 1920 г.

67. «Документы внешней политики СССР», т. LII, с. 536—544.

68. «Revue du Mond Musulman», LII, 1922, p. 144—156. Три месяца спустя те же цели персидский делегат провозгласил на III конгрессе Коминтерна («Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 465—466).

69. «Новый Восток», кн. 2-я. 1922, с. 261; эта статья выражала точку зрения, официально принятую в 1921 г.

70. И. Майский. Внешняя политика РСФСР. 1917—1922, с. 157.

71. См. гл. 26 данного тома.

72. «Echo de l'Islam», No. 21, February 1, 1921. Выдержки приводятся в: «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin», XXXVII, 1934, No. 2, S. 137—138. Другое турецкое заявление, сделанное несколько позднее, приписывает «причину новой войны с Арменией» «жадности Британии» («Echo de l'Islam», No. 20, January 20, 1921).

73. Источником для этого эпизода являются неопубликованные советские архивы, цитируемые в «Вопросах истории», № 9, 1951, с. 144—145; приводятся выдержки из советских предложений Армении.

74. «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin», XXXVII, 1934, No. 2, S. 138—142.

75. «Вопросы истории», № 9, 1951, с. 145. Заявление было сделано, по-видимому, в Тифлисе, потому что он послужил источником для многих оперативных сообщений того времени относительно секретного советско-турецкого соглашения, направленного против дашнакской Армении и меньшевистской Грузии.

76. «Документы внешней политики СССР», т. IV, с. 658; «Известия», 6 ноября 1921 г. Согласно «Die Welt des Islams», XVI, 1934, S. 30, Мдивани добрался до Анкары лишь в феврале 1921 г.

77. Неопубликованные советские архивы, цитируемые в «Вопросах истории», № 9, 1951, с. 146.

78. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 25. Очевидное беспокойство Ленина явно свидетельствует о том, что турецкое наступление на Армению проводилось без согласования с Советской Россией.

79. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. 1, с. 27—28.

80. Декларация революционного комитета от 29 ноября 1920 г. приводится: там же, ч. III, вып. 1, с. 73—75. Текст договора между РСФСР и Армянской республикой приведен: там же, ч. III, вып. 1, с. 75—76, со значительными со-

крашениями; полный текст в: «РСФСР. Сборник действующих договоров», вып. III. М., 1922, № 79, с. 14—15; в названии договора «Договор между РСФСР и Армянской ССР» имеется неточность. Сокращенный текст договора с Турцией, подписанного в Александрополе, приведен в: Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. II, с. 71—73; он не соответствует полностью тексту, цитируемому по армянским источникам, в: F. Kazemzadeh. The Struggle for Transcaucasia (1917—1921). New York, 1951, p. 289. Другими важными источниками по этим событиям служат следующие работы: Б. А. Борьян. Армения, международная дипломатия и СССР, ч. II, с. 122—123; «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin», XXVII, 1934, No. 2, S. 142.

81. См. статью Чичерина в «Известиях» от 6 ноября 1921 г.; ссылка, сделанная на этот договор в: «Большевистская революция...», т. I, гл. 11, с. 261, не верна.

82. См. гл. 26 данного тома.

83. «Жизнь национальностей», № 15 (72), 23 мая 1920 г.

84. Издание «Иени джуня» было начато в феврале 1919 г. в Крыму до его оккупации Германией.

85. «2-й Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 158—159.

86. «1-й съезд народов Востока», с. 28.

87. Главным источником информации о деятельности Суфи являются краткая биография и собрание его статей, опубликованные в Москве на турецком языке ко второй годовщине его гибели; данный источник цитируется в «Вопросах истории», № 9, 1951, с. 60. Микрофильм брошюры имеется в Гуверовской библиотеке в Стэнфорде.

88. «Новый Восток», кн. 2-я, 1922, с. 158.

89. Через два года турецкий делегат на IV конгрессе Коминтерна напомнил о том, что когда турецкое правительство «делало первые шаги по установлению отношений с Советским правительством, то ее делегаты, присланные в Москву, заявили, что в стране существует большая коммунистическая партия, а в ряде районов даже действуют крестьянские Советы» («Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale». Hamburg, 1923, S. 527). Заявление относительно крестьянских Советов подтверждается в ноте турецкого правительства Чичерину в ноябре 1920 г., где говорится, что «малые советские правительства» в ряде районов Турции были свергнуты армянскими дашнаками («Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin», XXXVII, 1934, No. 2, S. 136).

90. *Halidé Edib*. The Turkish Ordeal, 1928, p. 171—174. В статье в «Вопросах истории», № 9, 1951, с. 65—66, приводится цитата из программы «Зеленой армии» с пояснением, что она «не была последовательной классовой организацией турецкого трудящегося крестьянства и не могла ею быть, поскольку она была лишена пролетарского руководства». Однако она «отражала интересы крестьян»; Хакки Бехик или Хикмет не упоминаются.

91. *Halidé Edib*. The Turkish Ordeal, p. 175.

92. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale». Hamburg, 1923, S. 527. «Зеленое яблоко» вполне допускало внешние проявления религиозности; его сторонники считали, что коммунизм может быть создан без «кровавых революций»; они признавали некоторые права собственности, а также полагали, что коммунистическая доктрина должна быть приспособлена к условиям конкретной страны и что коммунизм не обязательно должен победить везде одновременно или даже в разное время (М. Павлович. Революционная Турция. М., 1921, с. 110—116; документы этого движения цитируются в статье того же автора в: «Коммунистический Интернационал», № 17 (7 июня 1921 г.), кол. 4227—4232). Этому движению удалось уцелеть или существовать с перерывами, в течение трех или четырех лет. В резолюции IV конгресса Коминтерна, состоявшегося в ноябре 1922 г., «Зеленое яблоко» было охарактеризовано как партия, «перекрасившая пантуркизм в Турции в коммунистический цвет» («Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 320).

93. Его описывали как «черкеса по происхождению и почти неграмотного» (*Halidé Edib*. The Turkish Ordeal, p. 152); тем не менее он был главной опорой

националистического движения в период его крайнего ослабления; энтузиазм, с которым Кемаль принял его в Анкаре, описан в: *Ibid.*, p. 167. В Москве его сначала приняли за турецкого коммуниста, однако позднее выяснили, что он всего лишь «бандит» («Жизнь национальностей», № 5 (11), 1 апреля 1922 г.).

94. Эти факты о «Зеленой армии» взяты в основном из: «A Speech Delivered by Ghazi Mustapha Kemal», October 1927, p. 401—404, 455—456, 467; Кемаль утверждал, что «первоначальными основателями общества были хорошо известные нам товарищи, с которыми мы поддерживали тесный контакт», и нигде не упоминал о коммунистическом или советском проникновении.

95. Сведения об этом событии содержатся в: *М. Павлович. Революционная Турция*, с. 108—123; заметка того же автора в: «Коммунистический Интернационал», № 17 (7 июня 1921 г.), кол. 4427—4430; статья, подписанная буквой «W» в: «Revue de Monde Musulman», LII, 1922, p. 191—208. Авторы, несомненно, располагали основными фактами, один из советских и другой из турецких источников; их сообщения не содержат противоречий и дополняют друг друга.

96. Одним из немногих признаков расхождения во мнениях в партии по этому вопросу является интервью со Сталиным, взятое после его возвращения из поездки по Кавказу («Большевистская революция...», т. 1, гл. 11) и опубликованное в «Правде» 30 ноября 1920 г. Сталин обнаружил «симптомы, говорящие о серьезном заигрывании Антанты с кемалистами и о некотором, пожалуй, сдвиге позиции кемалистов вправо»; он также рассуждал о возможности того, что кемалисты могут изменить «делу освобождения угнетенных народов» или даже «окажутся в лагере Антанты» (*И. В. Сталин. Соч.*, т. 4, с. 411—412). Год спустя Сталин примкнул к тем, кто выступал против оказания помощи Турции (см. гл. 32 данного тома).

97. «Жизнь национальностей», № 40 (96), 15 декабря 1920 г.

98. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 42, с. 132.

99. «Восьмой Всероссийский съезд Советов». М., 1921, с. 36, 52.

100. *М. Л. Рубинштейн. Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921—1922 гг.)*, М., 1948, с. 67.

101. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 11.

102. «Документы внешней политики СССР», т. III, с. 597—604; о дополнительном соглашении, подписанном Закавказскими республиками, см. «Большевистская революция...», т. I, гл. 13.

103. «Жизнь национальностей», № 10 (108), 14 мая 1921 г.; то же самое письмо, набранное мелким шрифтом, было опубликовано в: «Коммунистический Интернационал», № 17 (7 июня 1921 г.), кол. 4427—4428.

104. *И. Майский. Внешняя политика РСФСР. 1917—1922*, с. 165; автор имел доступ к архивам Наркоминдела, которые явно послужили для него источником информации.

105. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 18.

Глава 28. Россия и Германия

1. См. гл. 22 данного тома.

2. Позднее различия выявились и внутри собственно промышленных кругов: химическая и электротехническая отрасли, а также некоторые отрасли легкой промышленности продолжали быть связанными с Западом и оказались в зависимости от западного капитала. Однако черная металлургия, которая не могла существовать без русского рынка (до тех пор, пока Гитлер не приступил к реализации программы перевооружения), продолжала оставаться решающим фактором.

3. Ситуация была квалифицированно суммирована в докладе британской военной миссии в Берлине в августе 1919 г.: «Взоры всех классов в Германии по той или иной причине обращены на Россию. Левые экстремисты рассматривают ее как воплощение в жизнь их собственных политических идеалов; пан-германисты смотрят на нее как на единственно возможную территорию для решения проблемы перенаселения и средство компенсации за утраченные колонии. Офицеры считают, что они могут найти там себе применение, что уже

не представляется возможным в их собственной стране. Промышленники полагают, что она обеспечит рынок для вложения капитала и в конечном итоге послужит средством погашения военной задолженности. Претворение в жизнь этих идей лежит, однако, в далеком будущем, и в настоящий момент связь слишком затруднена, чтобы предпринять какие бы то ни было возможные практические шаги» («Documents on British Foreign Policy, 1919—1939: First Series». Vol. 3. London, 1949, p. 511).

4. Дебаты в рейхстаге 23 октября 1919 г. по вопросу о требовании союзников относительно участия Германии в блокаде Советской России (см. гл. 24 данного тома) обнаружили полное единодушие взглядов в пользу того, чтобы отвергнуть это предложение; даже Вельс, оратор от СДПГ, который считал, что «существование Советского правительства — это несчастье для дела социализма», заявил, что «для нас возможным может быть лишь один-единственный ответ: прямое, ясное, простое „нет“» («Verhandlungen des Reichstags». Berlin, 1919, S. 3362).

5. По странной несообразности, это положение было дословно повторено в статье 433 Версальского договора, хотя ко времени подписания этого договора приказ эвакуировать войска был уже отдан.

6. В дальнейшем напомним об этом направлялись 1 и 24 августа и 16 сентября («Documents on British Foreign Policy, 1919—1939: First Series». Vol. I. London, 1947, p. 720—721; vol. 3, London, 1949, p. 40).

7. Согласно Ф. фон Рабенау (*F. von Rabenau*. Seeckt: Aus Seinem Leben, 1918—1936. 1940, S. 135), германское правительство формально приняло решение о выводе войск по получении первого же требования союзников 9 мая 1919 года.

8. По вопросу о событиях 1919 г. в Прибалтике существует обширная литература. Наиболее важными работами являются: официальный сборник документов: «Die Rückführung des Ostheeres», 1936; *R. von der Goltz*. Meine Sendung in Finland und im Baltikum. München, 1920; «Als Politischer General im Osten», 1936; *П. Авалов-Бермондт*. В борьбе с большевизмом. Глюкштадт, 1926; *A. Winnig*. Heimkehr, 1935; *J. Bisschof*. Die Letzte Front, 1935; «United States Commission of Inquiry in Finland and the Baltic States: Report», 1919; «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939: First Series». Vol. 3, ch. 1. Как представляется, с советской стороны не было опубликовано ничего, кроме краткого резюме событий в: *М. Г. Бах*. Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой за десять лет, 1917—1927 гг. М., 1928. Об этом историческом эпизоде можно было бы написать яркое повествование.

9. 2 ноября 1919 г. фон дер Гольц писал Секту: «Вся наша государственная политика выстоит или рухнет вместе с русско-германским мостом» (*F. von Rabenau*. Seeckt: Aus Seinem Leben, 1918—1936. 1940, S. 204).

10. Информация об источниках финансирования Бермондта содержится в: *R. von der Goltz*. Meine Sendung in Finland und im Baltikum, S. 299—303; «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939: First Series». Vol. 3, p. 55, 97, 211—212, 225—227, 296—279. Согласно германскому дипломатическому источнику, неназванные «английские представители» в Берлине и «английские эмиссары» в Прибалтике распространяли информацию о том, что «важные англичане, такие, как Черчилль, выступают за продолжение предприятия Бермондта в рамках общей кампании интервенции» и что «скоро будет решено, возьмет ли эта линия верх в британском правительстве» (*W. von Blücher*. Deutschlands Weg nach Rapallo. Wiesbaden, 1951, S. 82).

11. *F. von Rabenau*. Seeckt: Aus Seinem Leben, 1918—1936. 1940, S. 252; в своем меморандуме от 11 сентября 1922 г. (см. ниже, с. 327) Сект вновь высказал то же убеждение в том, что «Германия не будет большевизирована даже в случае достижения взаимопонимания с Россией по международным вопросам» (Ibid., S. 317).

12. Гофман, который, как и Людендорф, оставался фанатичным противником большевиков, отмечал, что идея сотрудничества с большевиками нашла многочисленных приверженцев, «особенно среди профессоров и в студенческих кругах, а также среди молодых офицеров» («Die Aufzeichnung des Generalmajors Max Hoffmann». Berlin, 1929, Bd. 2, S. 324—325).

13. См. гл. 23 данного тома.

14. Наиболее полное изложение этой доктрины содержится в: *H. Laufenberg, R. Wolffheim. Revolutionärer Volkskrieg oder Konterrevolutionärer Bürgerkrieg?* Hamburg, 1920; двусмысленность слова «Volk» (народ, нация) лежала в основе этой программы.

15. *K. Radek. Zur Taktik der Kommunismus: Ein Schreiben an den Oktober-Parteitag der KPD.* Hamburg, 1919, S. 11—12, 15—16.

16. *P. Eltzbacher. Der Bolschewismus und die Deutsche Zukunft.* Jena, 1919.

17. См. гл. 23 данного тома.

18. Воспоминания Радека в журнале «Красная новь», № 10, 1926 (см. предыдущее примечание) были опубликованы в период, когда советско-германское сотрудничество в военной области достигло максимума и представляло из себя тщательно оберегаемый секрет: если он в 1919 г. имел прямо и через посредников дело с каким-либо официальным представителем рейхстага, то он мог счесть неблагодарным упоминать об этом. Согласно Б. Николаевскому (см. «Новый журнал», Нью-Йорк, 1942, № 1, с. 244), воспоминания Радека были изданы в 1927 г. отдельной брошюрой, в которой его сообщение о беседах с немцами было опущено; это указывает на то, что засвидетельствованные Радеком сообщения были сочтены опрометчивыми в некоторых кругах, особенно после откровенных заявлений на этот счет в рейхстаге в декабре 1926 г. В интервью газете «Свенска Дагбладет», опубликованном 5 сентября 1949 г., генерал Кёстринг, германский военный атташе в Москве в 30-е годы, упоминал о контактах Радека с военными в 1919 г. и своей роли в их организации (в то время он был штабным офицером при Секте); к несчастью, его свидетельства туманны, и впоследствии он отрицал приписываемое ему в интервью заявление о том, что Радек имел секретную встречу с Сектом (*A. Fredborg. Storbritannien och den Ryska Frågan*, 1918—1920. 1951, S. 196, anm. 52).

19. См. гл. 26 данного тома.

20. «Красная новь», № 10, 1926, с. 164; о письме Энвер-паши Секту в августе 1920 г. см. гл. 28 данного тома.

21. Радек в одном месте транскрибирует это имя как Райвниц, в другом — как Рейница.

22. «Красная новь», № 10, 1926, с. 269—172.

23. Согласно Р. Фишер (*R. Fischer. Stalin and German Communism. Harvard*, 1948, p. 207), Бауэр «регулярно» посещал Радека в тюрьме; Радек (см.: «Красная новь», № 10, 1926, с. 169) прямо заявляет, что впервые (и, как представляется, единственный раз) он встретился с Бауэром на квартире у Рейница.

24. Там же, с. 171; сообщается, что в апреле 1920 г. Бауэр сказал, что «вначале должен прийти полный коммунизм, и лишь потом Германии, может, потребуется сильная личность» (*E. Troeltsch. Spektator — Briefe*. Tübingen, 1924, S. 139).

25. «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939: First Series». Vol. 3, p. 511.

26. *W. Rathenau. Briefe. Dresden*, 1926, Bd. 2, S. 229—230.

27. Примечательно, что, по словам Радека, единственным посетителем, отстаивавшим прозападную ориентацию, был социалист-демократ Гейльман, который утверждал, что «социалистическая революция в Германии невозможна теперь, ибо германская промышленность без сырья, страна без хлеба», и что «восстановление германского хозяйства невозможно без закабаления страны американскому капиталу» («Красная новь», № 10, 1926, с. 170).

28. *K. Радек. Портреты и памфлеты*, т. 2. М., 1934, с. 74; как представляется, это единственное упоминание о берлинских беседах, встречающееся в более поздних работах Радека. О статье Ленина см.: «Большевистская революция, 1917—1923», т. 2, гл. 17.

29. «Красная новь», № 10, 1926, с. 171.

30. *R. Fischer. Stalin and German Communism*, p. 207.

31. «Красная новь», № 10, 1926, с. 166; данная статья была напечатана в «Цукунфт» в феврале 1920 г. (см. ниже, прим. 40).

32. «Красная новь», № 10, 1926, с. 169; Копп, однако, по всей видимости, не был официально признан германским правительством до февраля 1929 г., и даже тогда — только в качестве представителя на переговорах по вопросу о военнопленных (*И. Майский*. Внешняя политика РСФСР. 1917—1922. М., 1923, с. 106).

33. «Красная новь», № 10, 1926, с. 172—175; хронологию возвращения Радека см. в: «Soviet Studies», April 1952, vol. 3, No. 4, p. 411—412.

34. *K. Radek*. Die Russische und Deutsche Revolution und die Weltlage, 1919, S. 29.

35. См. гл. 23 данного тома.

36. *K. Radek*. Zur Taktik des Kommunismus: Ein Schreiben an den Oktober-Parteitag der KPD, S. 9, 11—12.

37. См. данную главу.

38. «Gegen den National-Bolschewismus». Hamburg, 1920, S. 9; эта брошюра включает статьи Радека и Тальгеймера, из которых первая, озаглавленная: «Die Auswärtige Politik des Kommunismus und Hamburger National-Bolschewismus», была первоначально напечатана в: «Die Internationale», Dezember 20, 1919, No. 17—18, S. 332—346, под псевдонимом «Арнольд Струтан».

39. *K. Radek*. Die Auswärtige Politik Sowjet-Russlands. Hamburg, 1921, S. 37—39, 44, 46—47; эта статья была перепечатана из: «Die Kommunistische Internationale» (берлинское издание «Коммунистического Интернационала», Dezember 1919, No. 3, S. 9—27), где она также появилась под псевдонимом «Арнольд Струтан», будучи написанной «в декабре 1919 г. в берлинской тюрьме» (*K. Radek*. Wege der Russischen Revolution. Hamburg, 1922, S. 28).

40. «Deutschland und Russland: Ein in der Moabiter Schutzhaft geschriebener Artikel für richtiggehende Bourgeoisie», 1920, S. 11—12; первоначально она была опубликована в «Цукунфт» в феврале 1920 г.; английский перевод появился в: «Soviet Russia» (New York), April 17, 1920, p. 383—387.

41. О том, что Радек не полагался исключительно на дружбу с Германией, свидетельствует заявление, сделанное им 6 января 1920 г., накануне отъезда из Германии, корреспонденту газеты «Манчестер гардиан»: «Точка зрения Российского правительства состоит в том, что нормальные, хорошие отношения точно так же возможны между социалистическими и капиталистическими государствами, как они существовали между государствами капиталистическими и феодальными... Лично я убежден, что коммунизм может быть спасен только через отношения с капиталистическими государствами» («Manchester Guardian», January 8, 1920). Это заявление похоже на аналогичное заявление, сделанное в Москве двумя месяцами позже (см. гл. 24 данного тома).

42. В ходе первого же публичного собрания, на котором Радек выступил по возвращении в Москву, он сказал, что «путь к власти труднее для рабочих Европы, чем для русских, потому что на стороне... русского пролетариата была армия, желавшая мира, крестьянство, стремившееся овладеть землею, тогда как в Европе массы разоружены, а буржуазия создает белую гвардию» («Известия», 29 января 1920 г.).

43. В выступлении на IX съезде партии 1 апреля 1920 г. он утверждал, что благодаря Версальскому договору «единый фронт капиталистов невозможен» и что попытка союзников использовать Германию как оружие против Советской России потерпела неудачу. Какие выводы сделал он из этой посылки, остается неизвестным, поскольку полный текст его выступления не дошел до наших дней («Девятый съезд РКП(б)», с. 262, 606); его краткое резюме было напечатано в «Правде» 3 апреля 1920 г.

44. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 61.

45. «РСФСР. Сборник действующих договоров», вып. I, с. 128—130, док. № 22; с. 133—134, док. № 24. Слухи о том, что Копп вел обстоятельные обсуждения с Каппом до «капповского путча» (*E. Troeltsch*. Spektator-Briefe, S. 271), не могут быть опровергнуты, но этот факт является маловероятным. Все те, кто был замешан в «капповском путче», стояли на антибольшевистских позициях, а прямые контакты с немецкими националистами еще не стали составной частью советской политики. Небезынтересно было бы установить, вступал ли Копп в этот период в какой-либо контакт с КПП; даже если это было

так, последующие взаимные упреки, раздававшиеся в партиях, не содержат на это ни малейшего намека.

46. «Soviet Russia» (New York), August 14, 1920, p. 148.

47. См. гл. 27 данного тома.

48. *F. von Rabenau*. Seeckt: Aus Seinem Leben, 1918—1936. 1940, S. 252.

49. *W. von Blücher*. Deutschlands Weg nach Rapallo. Wiesbaden, 1951, S. 100—

101. Согласно неопубликованному меморандуму Рейбница, написанному около 1940 г., выдержки из которого были доведены до моего сведения г-ном Густавом Хильгером, Рейбниц вел в это время переговоры с Радеком и Коппом относительно плана, в соответствии с которым, как только Красная Армия вступала в Варшаву, немецкие отряды добровольческого корпуса должны были выдвинуться в Западной Пруссии, районе Познани и Верхней Силезии вплоть до старой германской границы; Р. Фишер (*R. Fischer*. Stalin and German Communism. Harvard, 1948) упоминает о беседах Радека, Коппа и Ревентлова. Рассказы о пребывании Радека в Берлине в критический период наступления Красной Армии в Польше могут быть, однако, поставлены под сомнение; он находился в Москве по меньшей мере до 24 июля 1920 г., когда он выступил на II конгрессе Коминтерна. Рассказы о переговорах с целью установить советско-германское сотрудничество в военной области в этот период в целом искажают картину по причине слишком большого увлечения ретроспективным анализом. Согласно «признанию» Крестинского на судебном процессе 1938 г., Сект поддерживал связь с Коппом в июле 1920 г.; Крестинский утверждал, что это был «санкционированный», а не «преступный» (то есть конкретно «троцкистский») контакт («Судебный отчет по делу антисоветского правотроцкистского блока». М., 1938, с. 243—244).

50. Эта нота не была опубликована; Радек в статье в «Правде» от 15 октября 1921 г. указывал, что германское министерство иностранных дел в этот период было готово возобновить дипломатические отношения.

51. «Verhandlungen des Reichstags». Berlin, 1921, Bd. 344, S. 263.

52. Эта нота не была опубликована. Вопрос о церемонии раскаяния в связи с убийством Мирбаха затрагивался двумя годами позже во время дебатов в рейхстаге по вопросу о Рапальском договоре, когда Гётц утверждал, что «впоследствии, как и прежде, мы требовали адекватного удовлетворения в связи с убийством графа Мирбаха» (*Ibid.*, Bd. 355. Berlin, 1922, S. 7711); с той поры это требование, как представляется, было оставлено.

53. Полное описание этого эпизода см. в: *I. F. D. Morrow*. The Peace Settlement in the German-Polish Borderlands. London, 1936, p. 67—72.

54. Это обвинение, подкрепленное цитатами из «Роте фане», повторялось несколько раз на съезде в Галле («USPD: Protokoll über die Verhandlungen des Ausserordenlichen Parteitags zu Halle», S. 178—179, 198, 213).

55. *J. Pilsudski*. L'Année 1920, 1929, p. 231 (франц. пер. с польского).

56. Р. Фишер (*R. Fischer*. Stalin and German Communism, p. 197) цитирует статью Ревентлова в «Дойче тагесцайтунг», газете Немецкой национальной партии, содержащую требование начать кампанию «против действительных врагов рабочего класса, против Антанты, которая заковала пролетариат в цепи рабства»; Ревентлов впоследствии указывал, что он в этот период безуспешно пытался внушить «ведущим германским политикам» мысль о военном сотрудничестве с Советской Россией против Польши (*K. Radek*. Schlageter: Eine Auseinandersetzung, 1923, S. 19).

57. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 282, 353; о дальнейшем высказывании Ленина см. ниже, в данной главе.

58. *M. Bauer*. Das Land der Roten Zaren. Hamburg, 1925, S. 79.

59. «Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann», 1929, Bd. 2, S. 321.

60. *W. von Blücher*. Deutschlands Weg nach Rapallo. Wiesbaden, 1951, S. 173.

61. *F. von Rabenau*. Seeckt: Aus Seinem Leben, 1918—1936. 1940, S. 253.

62. Эта история была рассказана Мартовым на съезде в Галле в октябре 1920 г. и не ставилась им под сомнение («USPD: Protokoll über die Verhandlungen des Ausserordenlichen Parteitags zu Halle», S. 212—213); с небольшими вариациями она повторяется в: *C. Smogorzewski*. La Pologne Restaurée, 1927,

р. 152. С другой стороны, сообщение газеты «Таймс» от 20 августа 1920 г. со ссылкой на ее специального корреспондента в Данциге о том, что Троцкий тайно встречался с германскими штабными офицерами в Восточной Пруссии, было, безусловно, ложным.

63. *F. von Rabenau*. Seeckt: Aus Seinem Leben, 1918—1936, 1940, S. 307; «Survey», No. 44—45, October 1962, p. 117; два месяца спустя Энвер-паша, который тем временем побывал на съезде в Баку, возвратился в Берлин, чтобы закупить оружие; от чьего имени он выступал или для каких целей оно ему понадобилось, остается неизвестным (*W. von Blücher*. Deutschlands Weg nach Rapallo. Wiesbaden, 1951, S. 133—134).

64. См. гл. 25 данного тома, прим. 146.

65. «Verhandlungen des Reichstags». Berlin, 1921, Bd. 345, S. 762—763, 786—787.

66. Ibid., Berlin, 1921, Bd. 346, S. 1990, 1994.

67. Приказ полиции на этот счет приводился Кларой Цеткин в ее речи в рейхстаге (Ibid., Berlin, 1921, Bd. 347, S. 2060).

68. «Известия», 1 февраля 1921 г.

69. О начале указанных тайных переговоров см. гл. 29 данного тома.

70. См. гл. 27 данного тома.

71. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, с. 104—105.

72. «Bericht über den 5. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)», 1921, S. 27—28.

73. См. гл. 25 данного тома.

74. Краткое изложение этого письма см. в: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, с. 531, прим. 21.

75. «Verhandlungen des Reichstags». Berlin, 1921, Bd. 347, S. 2318.

76. На эти факты указывали как Радек, так и Зиновьев на V конгрессе Коминтерна в 1924 г. («Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». М. — Л., 1925, с. 146, 450); Ленин на III конгрессе в июне 1921 г. выступил в защиту указанного «Открытого письма», назвав его «образцовым политическим шагом» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, с. 25).

77. См. гл. 25 данного тома.

78. Согласно Леви, который ссылаясь на неопубликованные партийные документы, Ракоши сказал на заседании Центрального Комитета, что КПГ, как и итальянская партия, нуждается в чистке; Ракоши впоследствии отрицал, что он употребил именно такое выражение, но, как представляется, не то, что он сделал такое замечание по существу (*P. Levi*. Unser Weg. 2. Aufl., 1921, S. 54). В том же духе он высказался в беседе с Кларой Цеткин (см. гл. 30 данного тома).

79. Точная дата их прибытия не установлена, однако они могли прибыть не позднее первых дней марта 1921 г.; едва ли они выехали из России после 1 марта, и общепринятое предположение (см., напр.: *O. K. Flechtheim*. Die KPD in der Weimarer Republik. Offenbach, 1948, S. 73), связывающее их миссию с Кронштадтским мятежом, лишено оснований. С другой стороны, они могли, будучи в Берлине, использовать факт Кронштадтского мятежа в качестве аргумента в обоснование тезиса о необходимости действий. Утверждение о том, что германские рабочие в ходе «Мартовского выступления» принесли себя в жертву во имя русских рабочих, было сделано уже в мае 1921 г. германским представителем на Всероссийском съезде профессиональных союзов Геккертом: «Эти немецкие коммунисты давали себя расстреливать, бросать в тюрьмы, ибо у них было сознание, что, поднимая восстание, они оказывают помощь русскому пролетариату» («Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов», ч. I (плenumy). М., 1921, с. 13).

80. *P. Levi*. Was ist das Verbrechen? Die Märzaktion oder die Kritik daran? 1921, S. 8—9; эта брошюра содержала выступление Леви перед Центральным Комитетом 4 мая 1921 г. в связи с исключением его из партии.

81. «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 140.

82. «Verhandlungen des Reichstags». Berlin, 1921, Bd. 348, S. 3108.

83. «Bericht über den III. (8) Parteitag der KPD», 1923, S. 63.

84. «Taktik und Organisation der Revolutionären Offensive: Die Lehren der Märzaktion», 1921, S. 139—145.

85. P. Levi. Unser Weg. 2. Aufl., 1921, S. 39.

86. P. Levi. Was ist das Verbrechen? Die Märzaktion oder die Kritik daran? 1921; «Der Weg des Dr. Levi und der Weg der UKPD», 1921.

87. «Коммунистический Интернационал», № 17 (7 июня 1921 г.), кол. 4297.

88. См. гл. 30 данного тома.

89. Радек является единственным из ведущих большевиков, относительно позиции которого имеются конкретные, хотя и неполные сведения. В сентябре 1921 г. Леви опубликовал в своем журнале «Унзер вег» (новое название прежнего журнала «Совьет», цитируемого ниже в главе 30, прим. 59) письмо, написанное Радеком 14 марта 1921 г. и направленное Центральному комитету КПГ из Москвы. Кратко затронув вопрос о введении НЭПа, Радек перешел к делам КПГ и подверг нападкам Леви: «Он своей политикой раздробляет партию, в то время как мы можем привлечь новые массы, активизируя нашу политику». Леви надо было дать уйти, но необходимо было сделать все возможное, чтобы не дать Деймигу и Цеткин уйти вместе с ним. «Никто здесь и не помышляет о механическом расколе — или, по существу, о каком бы то ни было расколе — в Германии». Радек продолжил: «Все зависит от политической ситуации в мире. Если трещина между Антантой и Германией станет шире, дело может дойти до войны с Польшей и тогда мы скажем свое слово. Именно потому, что такая вероятность существует, вы должны делать все возможное, чтобы мобилизовать партию. Никто не в состоянии начать действия пушечным выстрелом. Если вы не будете сейчас делать всё путем непрерывного давления в пользу действий со стороны коммунистических масс, чтобы создать ощущение необходимости таких действий, вы снова в исторический момент потерпите неудачу» («Unser Weg», Bd. 3, No. 8—9, August—September 1921, S. 248—249). Эти довольно загадочные фразы позволяют предположить, что Радек, порвав с Леви, переместился, с точки зрения политической жизни КПГ, влево, но не дают оснований считать, что он проводил в жизнь решение побудить КПГ к немедленным действиям. Согласно Троцкому, он выступил накануне III конгресса Коминтерна вместе с Зиновьевым и Бухариным с левых позиций (см. гл. 30 данного тома), однако взгляды Радека были хорошо известны своим непостоянством.

Глава 29. К Генуе и Рапалло

1. «РСФСР. Сборник действующих договоров», вып. 2. М., 1921, с. 24—28, док. № 46.

2. Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли. 2-е изд. М., 1970, с. 258.

3. «Известия», 27 мая 1921 г.; «РСФСР. Сборник действующих договоров», вып. 3. М., 1922, с. 39—45, док. № 86.

4. «РСФСР. Сборник действующих договоров», вып. 2, с. 32—35, док. № 48; «СССР. Сборник действующих договоров...», вып. 1—2. М., 1924, с. 4—8, док. № 2.

5. «Russian Information and Review», May 1, 1922, p. 355—356.

6. «РСФСР. Сборник действующих договоров», вып. 4. М., 1923, с. 17—21, док. № 111.

7. «За пять лет». М., 1922, с. 416.

8. По данным архива Гумберга, хранящегося в Висконсинском университете, которые были сообщены г-ном У. А. Уильямсом.

9. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, с. 96. Ленин больше не встречался с Вандерлипом, но поручил его заботам Чичерина.

10. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., часть III, вып. I. М., 1928, с. 104—105; «Foreign Relations of the United States, 1921». Vol. 3. Washington, 1936, p. 768.

11. Ibid., p. 732—744. Информированные советские лица находились в этот период под сильным впечатлением от возрастающей мощи Соединенных Штатов;

Троцкий на III конгрессе Коминтерна в июне 1921 г. назвал «элементарными фактами» то, что «Европа пала, что ее производственный аппарат значительно скуднее, чем до войны, что хозяйственный центр перенесен в Америку» («Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 38).

12. Делегация Дальневосточной Республики на Вашингтонской конференции в конце 1921 г. сообщила прессе о переписке между французским и японским правительствами, начавшейся с декабря 1920 г. и увенчавшейся якобы заключением 12 марта 1921 г. секретного соглашения о совместных действиях против Советской России (краткое изложение см. в: «Manchester Guardian», January 2, 1922; его полный текст, однако, никогда не был опубликован, и подлинность этого факта остается сомнительной).

13. «Correspondence between His Majesty's Government and the French Government respecting the Anglo-Russian Trade Agreement», Cmd. 1456. London, 1921.

14. «Большевистская революция, 1917—1923», т. 1, гл. 7.

15. «Коммунистический Интернационал», № 18 (8 октября 1921 г.), кол. 4758—4759.

16. «РСФСР. Сборник действующих договоров», вып. 2, с. 152—155, док. № 73; «Foreign Relations of the United States, 1921», vol. 3, p. 813—817.

17. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I, с. 109—112.

18. Там же, с. 114—118.

19. О сообщениях в связи с голодом см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

20. «Foreign Relations of the United States, 1921». Vol. 2. Washington, 1936, p. 821.

21. Согласно Л. Фишеру (*L. Fischer. The Soviets in World Affairs, 1930, vol. 1, p. 316—317*), «весь персонал АРА состоял из служащих армии США, и большевики догадывались, каких именно, особенно поскольку помощники ассоциации помощи из числа местного населения часто набирались среди тех элементов, которые без большой симпатии относились к режиму красных». Побудительный мотив — получить коммерческую информацию — почти что не скрывался. «Полная информация будет, таким образом, получена без риска вызвать осложнения на правительственном уровне», — писал Хьюз 2 сентября 1921 г. («National Archives of the United States: Record Group 59: 861. 48/1601»). Однако сомнительно, чтобы в это время существовало серьезное стремление получить какую-либо иную информацию.

22. Об оценке Каменевым масштабов американской помощи см.: «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19; мнение Чичерина — в: «Материалы Генуэзской конференции», с. 20.

23. См. гл. 30 данного тома.

24. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях», с. 204—206; один из делегатов съезда повторил сравнение, приписываемое британскому члену палаты общин, согласно которому средства, предоставленные союзными странами на цели помощи, были соизмеримы со средствами, потраченными на оказание поддержки Деникину и Колчаку («Девятый Всероссийский съезд Советов». М., 1922, с. 35).

25. См. гл. 27 данного тома.

26. В ноте якобы цитировались выступления, сделанные перед «центральным комитетом» Коминтерна Сталиным, «председателем восточного отдела Третьего Интернационала», Элиавой и Нуортевой, названной «заведующей отделом пропаганды при Третьем Интернационале». В советском ответе от 27 сентября указывалось, что ни одно из этих лиц никогда не исполняло каких-либо функций в Коминтерне, на что в британском контрответе от 12 ноября с приводящим в недоумение остроумием было замечено, что «никогда ни об одном из этих лиц не говорилось, что они принадлежат к Третьему Интернационалу, хотя это и не имеет значения». В британской ноте от 7 сентября 1921 г. цитировалась речь Ленина от 8 июня. Когда было указано, что Ленин не выступал с речью в этот день, то в британской ноте от 12 ноября указанная дата была изменена на 5 июля; однако официальная запись выступления Ленина в этот день на

III конгрессе Коминтерна не содержит ни одного отрывка, похожего на тот, который цитировался в британской ноте.

27. Эти три ноты были опубликованы в: «A Selection of Papers dealing with the Relations between His Majesty's Government and the Soviet Government», Cmd. 2895. London, 1927, p. 14—30.

28. «La Russie des Soviets et la Pologne». Moscou, 1921, p. 48—50; несколько дней спустя Троцкий выступил с речью на эту же тему перед Московским советом («Известия», 22 сентября 1921 г.).

29. Договор не вступил в силу из-за того, что Румыния по необъяснимой причине не смогла ратифицировать его; однако этот формальный недостаток не повлиял на сложившуюся ситуацию.

30. Оба этих предложения упоминались Раковским в беседе с Льюисом Фишером в 1928 г. и зафиксированы в: *L. Fischer. The Soviets in World Affairs*. 2nd ed., 1951, vol. I, p. XIV—XV: они не вероятны, но не подтверждены документами.

31. Эти ноты содержатся в сборнике: «L'Ukraine Soviétiste». Berlin, 1922, p. 78—106.

32. В: «La Russie des Soviets et la Pologne». Moscou, 1921, содержится подборка этих документов.

33. Ibid., p. 7.

34. См. гл. 24, 27 данного тома.

35. См. гл. 24 данного тома.

36. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I. М. 1928, с. 29—30, 108.

37. Там же, с. 146—147.

38. Там же, с. 148—154; о ходе спора — текущий архив Лиги Наций и сборники официальных документов, опубликованные обоими участниками спора: «Livre Rouge: Documents et Correspondance Diplomatique Russo-Finlandaise concernant la Carélie Orientale». Moscow, 1922; «La Question de la Carélie Orientale». Vol. 1—3, Helsinki, 1922—1924.

39. Указанный пакет был подписан в Варшаве 17 марта 1922 г. («League of Nations: Treaty Series». Vol. 11. Geneva, 1922, p. 168—171); он, однако, никогда не вступил в силу из-за того, что Финляндия впоследствии не смогла ратифицировать его; Л. Фишер (*L. Fischer. The Soviets in World Affairs*. Vol. 2, 1930, p. 517) ссылается на сборник польских документов, опубликованный в 1924 г., который-де обнажил антисоветские цели данного пакта.

40. И. В. Сталин. Соч., т. 5, с. 117—120.

41. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 297; накануне съезда Ленин дал членам Политбюро телефонограмму, в которой предложил, чтобы съезд выступил с протестом против «политики авантюры» Польши, Финляндии и Румынии, добавив, что «о Румынии лучше помолчать по ряду причин» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 287); это было сделано («Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях», с. 239—243).

42. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 300—305; согласно официальной статистике, стоимость импорта в пересчете на довоенный рубль возросла с 125,7 млн. рублей в 1920 г. до 922,9 млн. рублей в 1921 г., а экспорта — с 6,1 млн. рублей до 88,5 млн. рублей.

43. См. гл. 27 данного тома.

44. Самыми первыми из смешанных компаний по времени создания были советско-германские (см. гл. 29 данного тома).

45. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 90 (см. также: с. 519, прим. 57), 289—290.

46. Там же, т. 43, с. 22, 82. В этот период велись продолжительные споры о желательности открытия нефтяных месторождений Грозного и Баку для сдачи в концессию, что было в принципе утверждено 1 февраля 1921 г. («Ленинский сборник», вып. 20. М., 1932, с. 126—159); в это же время Ленин предложил открыть для сдачи в концессию «1/4 Донбасса (+ Кривого Рога)», то есть основные запасы угля и железной руды (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, с. 116).

47. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 160; т. 44, с. 8.

48. L. Fischer. Oil Imperialism, 1927, p. 181; The Soviets in World Affairs. Vol. 1, 1930, p. 302—303; советские власти, как представляется, были убеждены, как и в случае с Вандерлипом, в том, что предоставление концессии приведет к признанию Советского правительства Соединенными Штатами. Тремя годами позже, когда Северный Сахалин стал советским владением, Советское правительство воспользовалось представившейся возможностью и аннулировало концессию, право на которую так никогда и не было реализовано (L. Fischer. Oil Imperialism, p. 249).

49. «Труды IV Всероссийского съезда Советов Народного Хозяйства», с. 111—112.

50. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, с. 88—89, 203—205, 218, 230—231, 235, 292; т. 54, с. 44; «Историк-марксист», № 2—3, 1935, с. 94—98; «Девятый Всероссийский съезд Советов», с. 87; в последнем источнике в качестве числа занятых указывалась цифра 5 тыс.; согласно «Russian Information and Review», August 15, 1922, p. 516—517, вся продукция «автономной промышленной колонии» становилась собственностью РСФСР, но все сельскохозяйственные продукты, а также 50% ее промышленной продукции сверх минимального объема распределялись внутри указанной колонии. Полную историю этого эксперимента, который бесцельно тянулся на протяжении нескольких лет, еще предстоит написать.

51. «Russische Korrespondenz», II. 1921, No. 7—9, S. 714—715; L. Krasin. Leonid Krasin: His Life and Work, 1929, p. 184—186.

52. Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли. 2-е изд., с. 325—327; письмо Уркарта Красину с изложением причин, по которым он не принял советский проект (который, как представляется, не был опубликован), см. в: «The Russian Economist». Vol. 2, 1921, No. 5, p. 1691—1698. О том, как чутко советское общественное мнение относилось к вопросу об условиях найма советских рабочих иностранными концессионерами, см. гл. 27 данного тома.

53. Письмо министерства иностранных дел Красину в: L. Fischer. The Soviets in World Affairs. Vol. 1, 1930, p. 324—325.

54. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I, с. 140—142. Ленинские поправки к первоначальному проекту этой ноты в: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 185; она явно рассматривалась как государственный документ особой важности. Английский перевод был опубликован британским правительством в: «Anglo-Russian Negotiations», Cmd. 1546. London, 1921, вместе с ответом министерства иностранных дел, в котором спрашивалось о более точном определении условий займов и других обязательств, о которых в ней шла речь.

55. См., в частности, статью Радека в «Правде» от 30 ноября 1921 г.

56. L. Krasin. Leonid Krasin: His Life and Work, p. 171.

57. Когда в ноябре 1921 г. один из членов делегации Красина сделал американскому консулу в Лондоне предложение о встрече, последний получил указание принять его, но вновь подтвердить заявление, сделанное в марте того же года (см. выше, с. 254); просьба Красина о поездке в Соединенные Штаты была вежливо оставлена без внимания («Foreign Relations of the United States, 1921». Vol. 3. Washington, 1936, p. 784—785, 788—789). Наиболее полное изложение американской позиции этого периода содержится в неопубликованном письме Гувера Хьюзу от 6 декабря 1921 г., в котором предложение государственного департамента оказать содействие германским фирмам в доставке морем американских товаров в Россию было отклонено. Гувер был убежден в том, что «американцы несравненно более популярны в России и наше правительство пользуется более глубоким уважением даже у большевиков, чем какое-либо иное», и что «меры по оказанию помощи создадут ситуацию, которая в сочетании с другими факторами позволит американцам взять на себя руководящую роль в восстановлении России, когда наступит соответствующий момент». По этой причине, утверждал он, «надежды нашей торговли связаны с созданием американских фирм за рубежом, распределением американских товаров под американским руководством, созданием системы прямого финансирования со стороны Америки и превыше всего оснащением американской технологией русской

промышленности». Такие отношения, однако, могли быть установлены только после «фундаментальных перемен» в России («National Archives of the United States, Record Group 661: 6215/1»).

58. H. Kessler. Walter Rathenau: His Life and Work (Engl. transl.), 1929, p. 320.

59. «Resolutions Adopted by the Supreme Council at Cannes, January 1922, as the Basis of the Genoa Conference», Cmd. 1621. London, 1922, p. 2—4. На следующий день, 7 января, итальянское правительство (поскольку конференция должна была состояться в Италии) сообщило об этом решении Советскому правительству, а также дало понять, что итальянское и британское правительства надеются, что Ленин лично примет участие в конференции. На следующий день Чичерин немедленно принял приглашение (которое, строго говоря, еще не было направлено), зарезервировав позицию в отношении участия Ленина. Официальное приглашение с приложенным к нему текстом каннской резолюции было направлено и принято несколько дней спустя (Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. 1, с. 160—161).

60. «Resolutions Adopted by the Supreme Council at Cannes, January 1922, as the Basis of the Genoa Conference», Cmd. 1621. London, p. 5—6.

61. W. Rathenau. Cannes und Genua. Berlin, 1922, S. 17—18. Это сборник выступлений Ратенау; официальные протоколы Верховного Совета еще не опубликованы.

62. Впервые меморандум, содержащий эти предложения, был доведен до сведения советских представителей на Генуэзской конференции («Papers Relating to the Economic Conference, Genoa», Cmd. 1667. London, 1922, p. 5—24).

63. «I и II сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва». М., 1923, с. 8—9.

64. Там же, с. 25—26.

65. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 2, 8.

66. «Документы внешней политики СССР», т. V. М., 1961, с. 152—155.

67. См. гл. 26 данного тома.

68. Памятная записка от 13 февраля 1939 г., направленная Чунке биографу Секта Рабенау, которая была опубликована в: «Der Monat», November 1948, No. 2, S. 48—50, является важным первоисточником в отношении этих событий.

69. Оригинал докладной записки находится в архиве Троцкого, и на нем имеются рукописные пометки Ленина, одобрявшего этот план, и Менжинского, заместителя начальника ГПУ, попросившего держать его в курсе, чтобы он мог предпринять соответствующие меры безопасности. В докладе содержится ссылка на то, «что мы говорили в Москве»; о приблизительной дате поездки Коппа в Москву свидетельствует его интервью газете «Известия» 1 февраля 1921 г. (см. выше, с. 245). Ф. фон Рабенау (F. von Rabenau. Seeckt: Aus Seinem Leben, 1918—1936. 1940, S. 305) подтверждает, что переговоры состоялись в Берлине весной 1921 г., но не описывает их в деталях.

70. D'Abernon. An Ambassador of Peace. Vol. 1, 1929, p. 176.

71. Его деятельность в Индии и Персии, где он исследовал возможности нападения на Индию, описана в: W. Griesinger. German Intrigues in Persia: The Diary of a German Agent, 1918, перехваченном дневнике одного из его подчиненных, опубликованном в Лондоне в пропагандистских целях.

72. Радек выделял его среди других как единственного из германских чиновников, оставшихся в Москве в ноябре 1918 г., который «проявлял в разговорах проблески понимания того, что происходит»; он читал работу Ленина «Государство и революция» и заходил к Радеку, чтобы взять почитать «Коммунистический Манifest» и «Анти-Дюринг» Энгельса («Красная новь», № 10, 1926, с. 143).

73. Сведения, полученные от г-на Густава Хильгера, который присутствовал при этом событии.

74. «Der Monat», November 1948, No. 2, S. 49.

75. См. гл. 29 данного тома.

76. В: E. H. Carr. German-Soviet Relations between the Two World Wars. Baltimore, 1951, p. 60. Эта фраза ошибочно приписывалась Ленину; она принадлежит германскому источнику информации.

77. Этот документ находится в архиве Троцкого.
78. *F. von Rabenau*. Seeckt: Aus Seinem Leben, 1918—1936. 1940, S. 308—309.
79. «Der Monat», November 1948, No. 2, S. 49; *H. von Dirksen*. Moskau, Tokio, London. Stuttgart, 1949, S. 44—45; информация получена от г-на Густава Хильгера.
80. *W. von Blücher*. Deutschlands Weg nach Rapallo. Wiesbaden, 1951, S. 94.
81. Радек отмечал это изменение в передовой статье в «Правде» от 11 ноября 1921 г. и связал его с решением по вопросу о Верхней Силезии.
82. *F. von Rabenau*. Seeckt: Aus Seinem Leben, 1918—1936. 1940, S. 308. Рабенау не уточняет, когда Вирт вошел в число посвященных, но отмечает, что он занимал в тот момент пост министра финансов; Вирт оставил этот пост, продолжая оставаться канцлером, 26 октября 1921 г.
83. Один из младших чиновников раскрыл эту тайну, встретившись мимоходом с Нидермайером в коридорах министерства (*W. von Blücher*. Deutschlands Weg nach Rapallo. Wiesbaden, 1951, S. 152—153).
84. В сообщении из Берлина в газете «Таймс» от 13 октября 1921 г. указывалось, что германо-советские переговоры о торговле продолжаются и что «эти предварительные торговые переговоры имеют целью проложить путь к политическому взаимопониманию».
85. *И. Майский*. Внешняя политика РСФСР. 1917—1922 гг., с. 106—107; германское министерство иностранных дел отклонило кандидатуру Иоффе, на котором Москва сначала остановила свой выбор, и на протяжении нескольких недель выдвигало возражения против кандидатуры Крестинского как видного коммуниста (*W. von Blücher*. Deutschlands Weg nach Rapallo. Wiesbaden, 1951, S. 149).
86. «Известия», 27 ноября 1921 г.
87. *V. N. Ipatieff*. The Life of a Chemist. Stanford, 1946, p. 327—330.
88. *Л. Б. Красин*. Вопросы внешней торговли. 2-е изд., с. 292.
89. *W. von Blücher*. Deutschlands Weg nach Rapallo. Wiesbaden, 1951, S. 150.
90. *Л. Б. Красин*. Вопросы внешней торговли. 2-е изд., с. 336—339; *E. Fucker*. Russlands Neue Wirtschaftspolitik. Leipzig, 1922, S. 25—26.
91. *И. Майский*. Внешняя политика РСФСР. 1917—1922 гг., с. 107; автор сообщает о том, что «в течение всей зимы 1921/22 г. продолжалось постепенное расширение русско-германских торговых операций».
92. Записка в Политбюро от 23 января 1922 г. находится в архиве Троцкого (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 54, с. 135—136); соглашение с Крупном могло быть побочным результатом военных переговоров, но само по себе военного значения не имело.
93. Конференция по вопросу о репарациях в Спа в июле 1921 г. уже являлась местом публичного столкновения между бескомпромиссной враждебностью Стиннеса по отношению к Западу и склонностью Ратенау искать примирения с союзниками.
94. Надгробное слово Штреземана по случаю смерти Стиннеса в 1924 г. см. в: *G. Stresemann*. His Diaries, Letters and Papers (Engl. transl.). Vol. 1, 1935, p. 311—313.
95. *D'Abernon*. An Ambassador of Peace. Vol. 1, 1929, p. 238.
96. «Verhandlungen des Reichstags». Berlin, 1922, Bd. 352, S. 5562.
97. *Ibid.*, Berlin, 1922, Bd. 354, S. 6648, 6655—6656.
98. Германская делегация в оправдывающем ее действия коммюнике, распространенном в Женеве на следующий день после подписания Рапалльского договора, подчеркнула, что переговоры велись «в течение нескольких месяцев» и что «уже с некоторого времени можно было предвидеть дату подписания этого договора» («Материалы Генуэзской конференции», с. 305—306); официальный ответ Германии на протест союзников содержал утверждение, что проект договора был выработан «за несколько недель до того» (там же, с. 309). Целью этих утверждений было оправдать Германию перед лицом обвинений в том, что она намеренно вела дело к провалу конференции; А. Иоффе («От Генуи до Гааги». М. — Петроград, 1923, с. 30) конкретно указывает, что проект

договора был выработан в ходе переговоров в Берлине в начале апреля 1922 г.

99. «*Journal of Modern History*». Vol. 22, 1949, No. 1, p. 31.

100. *D'Abernon. An Ambassador of Peace*. Vol. 1, 1929, p. 250—252, 261; Радек виделся среди прочих с Мальцаном, который устроил ему встречу со Стиннесом (*W. von Blücher. Deutschlands Weg nach Rapallo*. Wiesbaden, 1951, S. 155).

101. «*Journal of Modern History*». Vol. 22, 1949, No. 1, p. 31; несколько более пространное описание событий, содержащееся в: *F. von Rabenau. Seeckt: Aus Seinem Leben, 1918—1936*. 1940, S. 309, во многом совпадает с этим и предположительно также имеет своим источником дневник Гассе.

102. Год спустя во время вторжения в Рурскую область Троцкий сказал Нансену, а тот передал это германскому поверенному в делах в Москве, что «Красная Армия не выступит в поход, если дело дойдет до конфликта между Германией и Польшей» (*W. von Blücher. Deutschlands Weg nach Rapallo*. Wiesbaden, 1951, S. 172—173).

103. О дальнейшем ходе этих переговоров см. гл. 31 данного тома.

104. *L. Fischer. The Soviets in World Affairs*, vol. I, 1930, p. 333. Согласно биографу Ратенау, «договор был бы подписан, если бы не колебания Ратенау в связи с тем, что союзники в канун Генуи будут поставлены перед свершившимся фактом, который может возбудить их подозрение» (*H. Kessler. Walther Rathenau: His Life and Work*, p. 329).

105. *F. von Rabenau. Seeckt: Aus Seinem Leben, 1918—1936*. 1940, S. 309—310. Согласно заявлениям, сделанным в рейхстаге в декабре 1926 г., первое соглашение с «Юнкерсом» о производстве самолетов в России было заключено 15 марта 1922 г., после чего несколько германских офицеров выехали в Россию по фальшивым паспортам («*Verhandlungen des Reichstags*». Berlin, 1926, Bd. 391, S. 8597); этот вопрос, таким образом, вероятно, обсуждался во время переговоров в Рапалло.

106. Протоколы конференции были собраны в советской и британской официальных публикациях: «Материалы Генуэзской конференции». М., 1922, и: «*Papers Relating to International Economic Conference, Genoa, April — May 1922*», Cmd. 1667. London, 1922. Единственный обобщающий неофициальный обзор работы конференции в: *Mills J. Saxon. The Genoa Conference*. New York, 1922; это избыливающая подробностями апология действий Ллойд Джорджа, которая не добавляет ничего существенно нового.

107. «Материалы Генуэзской конференции», с. 78—82; конференции был также представлен меморандум (там же, с. 42—47) по вопросу о юридических гарантиях, предоставляемых иностранным торговцам в соответствии с НЭПом, в том числе о разрабатываемых кодексах законов и о ликвидации ЧК («Большевистская революция...», т. 1, гл. 7).

108. Эти претензии были подробно изложены в томе, распространенном советской делегацией: «*Les Réclamations de la Russie aux États Responsables de l'Intervention et du Blocus*». Genoa, 1922.

109. На это прозрачно намекалось в меморандуме, врученном советской делегации 15 апреля («Материалы Генуэзской конференции», с. 167).

110. Советская делегация стремилась также «ясно указать, хотя это само собой очевидно, что русское правительство не сможет взять на себя никаких обязательств в отношении долгов своих предшественников, пока оно не будет официально признано *de jure* заинтересованными державами» (там же, с. 168).

111. Версия Чичерина о ходе этих обсуждений, которая представляется в целом точной, содержится в: *L. Fischer. The Soviets in World Affairs*. Vol. I, 1930, p. 335—337; меморандум от 20 апреля 1922 г. с изложением официальной советской позиции в: «Материалы Генуэзской конференции», с. 127—139.

112. Как говорят, Радек сказал Мальцану в конце января 1922 г., что Франция предложила Советскому правительству признание де-юре и кредиты при условии, что оно предъявит свои претензии к Германии по статье 116 (*W. von Blücher. Deutschlands Weg nach Rapallo*. Wiesbaden, 1951, S. 154—155). Это определенно не соответствовало истине. Но существуют другие, хотя и скудные сведения о том, что Радек в этот период предпринял попытку заключить сделку с Францией; согласно Л. О. Фроссару (*L. O. Frossard. De Jaurès*

à Lenine, 1930, p. 222), Кашен, выполняя его поручения, предложил Пуанкаре «союз с Советами». Любая такая попытка, даже если она имела место, не предпринималась со сколько-нибудь серьезным намерением.

113. Указанная сцена описана в: *H. Kessler. Walther Rathenau; His Life and Work* (Engl. transl.), 1929, p. 320—321.

114. «РСФСР. Сборник действующих договоров», вып. III. М., 1922, с. 36—38, док. № 58; «League of Nations: Treaty Series». Vol. 19. Geneva, 1923, p. 248—252.

115. «Материалы Генуэзской конференции», с. 306—307; побочным результатом протеста союзников стала едкая переписка между Чичеринным и польским представителем Скирмунтом, спровоцированная участием Польши в указанном протесте («Материалы Генуэзской конференции», с. 314—322).

116. Там же, с. 216—224.

117. Согласно германскому источнику, члены германской делегации, которым удалось к этому моменту восстановить расположение британской делегации, выступили в этих переговорах в качестве посредников — первые плоды Рапалло; единственным результатом стало, однако, то, что русские «осознали наконец, что средства, в которых они нуждались, от союзников получить не удастся, иначе как на условиях, на которые они пойти не могли» (*H. Kessler. Walther Rathenau: His Life and Work*, p. 355—356).

118. «Материалы Генуэзской конференции», с. 230—241; «Papers Relating to International Economic Conference, Genoa, April—May 1922», Cmd. 1667. London, 1922, p. 38—47; существуют незначительные несоответствия между русским и английским вариантом, но последний, как представляется, точно воспроизводит французский текст, официально внесенный на конференции.

119. «The Times», April 12, 1922.

120. Этот эпизод описан в: «The Autobiography of Lincoln Steffens», 1931, p. 810.

121. House of Commons 5th Series. Vol. 153, cols. 1995—1996.

122. Было отмечено, что формулировки этого заявления и интервью, данного газете «Таймс» месяцем раньше, были весьма схожими; обращение «Стандард ойл компани» к государственному департаменту с просьбой вмешаться «в целях защиты американских интересов в России» в: «Foreign Relations of the United States, 1922». Vol. 2. Washington, 1938, p. 786—788.

123. «Материалы Генуэзской конференции», с. 432.

124. «III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва», заседание № 5, 19 мая 1922 г. М., с. 17; Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I, с. 192.

125. См. гл. 27 данного текста.

126. «Die Liquidation des Versailler Friedens: Bericht an den Vierten Kongress der Kommunistischen Internationale». Hamburg, 1923, S. 22; Радек не выступал на конгрессе по этому вопросу, а доклады, распространенные на конгрессе, не были включены в протоколы его заседаний. Английский перевод был опубликован под названием: «The Winding-Up of the Versailles Treaty». Hamburg, 1922.

Глава 30. Отступление в Коминтерне

1. *L. Trotsky. Real Situation in Russia*, 1928, p. 246—249. Впоследствии Зиновьев признал, что имелись различия во мнениях относительно «Мартовского выступления» во время III конгресса «даже в нашей русской делегации» («Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale». Hamburg, 1923, S. 197).

2. *T. Bell. Pioneering Days*, 1941, p. 214.

3. «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 73, 486—487.

4. «Коммунистический Интернационал», № 16 (31 марта 1921 г.), кол. 3481.

5. Доклад существует в двух видах: в том, в котором он был сделан на конгрессе («Третий Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 26—46),

и в том виде, в каком он был после опубликован Троцким («Пять лет Коминтерна». М., 1925, с. 134—182). Второй вариант более полный, но в нем отсутствуют некоторые отрывки, включая знаменитое предсказание войны между Соединенными Штатами Америки и Великобританией «в 1923 или в 1924 году» («Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 44); еще до окончания работы конгресса Троцкий выразил сожаление по поводу этой «проклятой даты», поскольку он «привел ее только для иллюстрации» (там же, с. 64).

6. Там же, с. 45—46.

7. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 37.

8. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 178; согласно более позднему заявлению Варги («Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», ч. I. М.—Л., 1925, с. 93), первоначальный проект этой резолюции был еще более пессимистичным по своему тону, но был изменен в ответ на протест «левых» из немецкой и венгерской делегаций.

9. Зиновьев в своем общем докладе коснулся кратко этого вопроса, оставив его для полного раскрытия в докладе Радека по тактике; это было, очевидно, решением партии и наводит на мысль, что Зиновьев лично был слишком вовлечен в это дело, чтобы быть подходящим оратором. Бела Кун выступил лишь один раз по порядку ведения заседания, когда он присоединился к так называемым «левым» («Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 308).

10. См. гл. 28 настоящего тома.

11. После конгресса Ленин признал, что «Леви надо было защищать, пока наделанные им ошибки можно было попытаться объяснить реакцией на ряд ошибок, допущенных «левыми» коммунистами, особенно в марте 1921 года в Германии» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 105); на следующем конгрессе Коминтерна Рут Фишер, вероятно, выразила сожаление, что «Третий Всемирный Конгресс не выработал четкой позиции относительно взглядов Пауля Леви и не смог подвергнуть критике «Мартовское выступление», не создав при этом впечатления, что Пауль Леви был исключен из партии лишь по дисциплинарной причине» («Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale». Hamburg, 1923, S. 80).

12. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 194.

13. «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 100; единственное упоминание о «странах Ближнего и Дальнего Востока» было таким же кратким и формальным.

14. Там же, с. 472.

15. Там же, с. 137.

16. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 20.

17. «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 297.

18. Там же, с. 99, 295—296, 309—310.

19. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 184.

20. «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 106.

21. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 183, 188—189.

22. «Большевистская революция, 1917—1923», т. 1, гл. 1.

23. Протест Леви против продолжающейся терпимости, проявляемой к КРПГ, был отклонен ИККИ в январе 1921 г. («Коммунистический Интернационал», № 16 (31 марта 1921 г.), кол. 3791—3792); КРПГ была окончательно исключена из Коминтерна в сентябре 1921 г.

24. «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 167—168.

25. Там же, с. 227.

26. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 95.

27. Основная резолюция помещена там же, с. 201—225; более короткая

резолюция может быть найдена в: «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 458—459, 484.

28. Первоначальный проект части резолюции о «нелегальной» деятельности партий был некоторым образом сглажен в окончательном тексте резолюции, с тем чтобы, как объяснил представитель ИККИ конгрессу, «не давать лишнего материала в руки буржуазных правительств» («Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 483); однако сомнительно, было ли это единственной причиной для выступления против ее первоначальной формы.

29. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 9.

30. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 292.

31. «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 487. В малое бюро, образованное ИККИ после III конгресса, входили Зиновьев, Бухарин, Дженнари, Геккерт, Радек, Бела Кун и Суварин («Коммунистический Интернационал», № 18 (8 октября 1921 г.), кол. 4757); решением от 26 августа 1921 г. ИККИ переименовал его в «президиум» (там же, кол. 4758).

32. Там же, № 18 (8 октября 1921 г.), кол. 4757.

33. Там же, № 22 (13 сентября 1922 г.), кол. 5689.

34. «USPD: Protokoll über der Verhandlungen des Ausserordentlichen Parteitags zu Halle», S. 213. Отличная от этого, но похожая точка зрения была высказана одним критиком на партийном собрании в декабре 1920 г., когда Ленин поздравил своих слушателей в связи с обострением взаимной враждебности между капиталистическими державами как желанной гарантии советской безопасности; этот критик спросил, не была ли эта политика политикой подстрекательства капиталистических держав к войнам, в которых рабочие и крестьяне этих стран будут воевать и нести лишения? (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 99).

35. «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 77; Троцкий процитировал заявление Турати, лидера правого крыла Ливорнского конгресса, относительно того, что «ради своей выгоды, ради своих национальных интересов русские избрали советы и Коммунистический Интернационал» (там же, с. 186).

36. Там же, с. 106.

37. Там же, с. 387.

38. См. гл. 30 настоящего тома.

39. Л. Троцкий. Пять лет Коминтерна. М., 1925, с. 249—251.

40. На немецком языке он обычно именовался как «Die Rote Gewerkschafts-internationale», на английском — «The Red International of Labour Unions (RILU)».

41. См. гл. 25 настоящего тома.

42. Оно, очевидно, пользовалось поддержкой Национального комитета фабрично-цеховых старост; его председателем был Том Манн (*J. T. Murphy*. New Horizons, 1941, p. 167—168).

43. «Коммунистический Интернационал», № 16 (31 марта 1921 г.), кол. 3734—3740, 3787.

44. «Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов», ч. I (плenums). М., 1921, с. 80—94, 110—114.

45. Там же, с. 27, 194.

46. «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 320, 321—322, 326.

47. «Коммунистический Интернационал», № 18 (8 октября 1921 г.), кол. 4508; *J. T. Murphy*. New Horizons, p. 174—175.

48. «Резолюции и постановления Первого Международного Конгресса революционных профессиональных союзов». М., 1921, с. 55.

49. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 278.

50. «Резолюции и постановления Первого Международного Конгресса революционных профессиональных союзов», с. 14. В качестве примера осуществления этого на практике Британское бюро Профинтерна постановило, что оно «будет независимо от Британской коммунистической партии, но будет работать в согласии и сотрудничестве с ней, осуществляя на международной арене те же отношения, которые существуют между Центральным Исполнительным Со-

ветом Профинтерна и Коммунистическим Интернационалом» («Constitution of the Red International of Labour Unions», р. 12—13); это должно быть достигнуто путем взаимного обмена представителями.

51. «Резолюции и постановления Первого Международного Конгресса революционных профессиональных союзов», с. 51—58.

52. Там же, с. 66.

53. Одиннадцать номеров были позже перепечатаны Коминтерном («Jugend Internationale: Kampf — und Propaganda — Organ der Internationalen Verbindung Sozialistischer Jugendorganisationen». Moscau); одиннадцатый номер имел специальное название: «Хлеб, мир и свобода».

54. В Советской России Коммунистический союз молодежи (его более позднее название — Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи — ВЛКСМ) был образован в октябре 1918 г.; Зиновьев от имени ИККИ обратился в мае 1919 г. с призывом создания международной коммунистической молодежной организации («Коммунистический Интернационал», № 2 (1 июня 1919 г.), кол. 241—242).

55. Конгресс описан в книге *W. Münzenberg. Die Dritte Front*, 1930, S. 293—302; его программа — там же, S. 375—380. Эта книга, по-видимому, является наилучшим отчетом о первых годах существования Коммунистического Интернационала Молодежи; русские отчеты носят чисто пропагандистский характер. *R. Schüller et al. Geschichte der Kommunistischen Jugendinternationale*. 3 vols., 1930 — является наиболее полным источником по рассматриваемому вопросу. Документы о I конгрессе и отчет о его заседаниях включены в: «Коммунистический Интернационал», № 9 (22 марта 1920 г.), кол. 1411—1418; № 11 (14 июня 1920 г.), кол. 1895—1912.

56. «2-ой Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 518—519.

57. *W. Münzenberg. Die Dritte Front*, 1930, S. 331.

58. «Коммунистический Интернационал», № 16 (31 марта 1921 г.), кол. 3943—3944.

59. Письмо появилось в журнале «Sowjet», May 15, 1921, S. 49—50; это независимый левый журнал, редактором которого стал Леви после его исключения из КПГ, и публикация в нем этого письма явилась расчетливым поступком. Согласно книге В. Мюнценберга («Die Dritte Front», 1930, S. 343—344), причиной перевода конгресса в Москву явилось опасение полицейского вмешательства после «Мартовского выступления»; однако текст письма не дает такого объяснения.

60. «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 101, 119—120, 419—428.

61. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 257—259.

62. *W. Münzenberg. Die Dritte Front*, 1930, S. 346. Согласно Большой Советской Энциклопедии, т. 33, М., 1938, кол. 829, ст. «Коммунистический Интернационал Молодежи», II конгрессу предшествовала «упорная борьба» и были исправлены «ошибки, допущенные I Конгрессом по вопросу взаимоотношений с Коминтерном и коммунистическими партиями».

63. См. гл. 30 настоящего тома.

64. Отчет о работе конгресса имеется в «Коммунистическом Интернационале», № 18 (8 октября 1921 г.), кол. 4529—4532.

65. *W. Münzenberg. Die Dritte Front*, 1930, S. 348. Весной 1921 г. был создан Коммунистический Интернационал Женщин, который с апреля 1921 г. в течение нескольких лет публиковал несколько номеров ежемесячного журнала «Die Kommunistische Fraueninternationale», провел конференцию одновременно с III конгрессом Коминтерна и получил благословение от конгресса («Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 255—256); но эта организация, по-видимому, никогда не играла какой-либо заметной роли.

66. Рут Фишер кратко описывает работу этой организации в Германии в 1922 г.: «27 муниципалитетов выделили большие суммы детским домам в Советской России или стали их попечителями. Различные инструменты и одежда на сумму 8 млн. марок были собраны молодежью и детьми. Выпуск «рабочих бон» дал 2 млн. марок. Организация имела свой иллюстрированный еженедельник

«Sichel und Hammer», первое издание которого вышло в количестве 130 тыс. экземпляров. Показывались русские фильмы, и поступления от показа передавались России. Русский скрипач Соермус, сопровождаемый хоровой группой, которая давала политические концерты, совершил турне по стране» («Stalin and German Communism», Harvard, 1948, p. 220).

67. «Die Taktik der Kommunistischen Internationale gegen die Offensive des Kapitals», Hamburg, 1922, S. 126—129.

68. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 327—328; номер «Internationale Presse-Korrespondenz» (№ 95 от 6 июня 1923 г.) был посвящен отчету о достижениях МПП в Советской России.

69. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», Hamburg, 1923, S. 837; эта помощь была известна как «международная помощь военнопленным» (МПВ).

70. T. Bell. British Communist Party, 1937, p. 79; автор также добавляет, что партия «была основным вдохновителем всего этого движения безработных».

71. Делегат КПВ на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. назвал оба этих вида как «формы», которые приняло движение в Великобритании («Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», S. 132).

72. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 303—310, где они помещены в качестве приложения к резолюции IV конгресса, одобрявшей их.

73. См. гл. 25 настоящего тома.

74. Доклад о заседаниях в: «Independent Labour Party: Report of the 29th Annual Conference», 1921, p. 33—47.

75. См. Приложение Д настоящего тома.

76. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 269.

77. НЛП, хотя она вышла из Второго Интернационала, все еще являлась составной частью Британской лейбористской партии; Макдональд, член НЛП, мог, таким образом, с мандатом от лейбористской партии появиться в рядах делегации Второго Интернационала, в то время как официальный представитель НЛП был членом соперничающей делегации. Радек не преминул обратить внимание на эту сбивающую с толку запутанность британской организации («The Second and Third Internationals and the Vienna Union», p. 66).

78. «The Second and Third Internationals and the Vienna Union», p. 47, 50, 53, 72.

79. Ibid., p. 83—85, 88—89.

80. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 144.

81. «Правда», 22 апреля 1922 г.

82. См. выше, гл. 28.

83. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 95. Согласно Рут Фишер («Stalin and German Communism», p. 182), Маслов и его друзья установили контакты в Берлине с членами русской «рабочей оппозиции», осужденной на X съезде партии в марте 1921 г. («Большевистская революция, 1917—1923», т. 1, гл. 8); если это было известно, то должно было подтвердить принятую в Москве точку зрения о них как о нарушителях порядка.

84. «Bericht über die Verhandlungen des 2. Parteitags der Kommunistischen Partei Deutschlands», 1922, S. 409—415. После этого съезда слово «Vereinigte», добавленное к названию КПГ в декабре 1920 г. (см. выше, гл. 25 настоящего тома), было отброшено; немного позже была возобновлена нумерация съездов начиная с декабря 1918 г., и поэтому съезд в Иене стал седьмым, а не вторым.

85. «Bericht über die Verhandlungen des 2. Parteitags der Kommunistischen Partei Deutschlands», 1922, S. 265.

86. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 305.

87. «Die Rote Fahne», August 31, 1921.

88. «Verhandlungen des Reichstags», 1922, ccclv, 2738.

89. Согласно Рут Фишер («Stalin and German Communism», p. 193), Коммунистическая партия Германии «открыто критиковала эту политику (т. е. Рапалло) как русскую капитуляцию перед немецкой контрреволюцией, и она получила положительный отклик со стороны членов коммунистической партии». Существует мало доказательств или их просто нет относительно подобного от-

клика. Левые в партии не стали открыто критиковать рапалльскую политику.

90. Письмо ИККИ было приведено Зиновьевым на IV конгрессе («Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», S. 98—99); его точной датой, вероятно, является 18 июля (не июня) 1922 г.

91. См. гл. 28 настоящего тома.

92. «Zur Lage in der Kommunistischen Partei Frankreichs». Hamburg, 1922, S. 7—13. Этот сборник документов был опубликован ИККИ после его пленума в июне 1922 г.; большая часть документов помещена в «Коммунистическом Интернационале» и в «Bulletin Communiste», органе французской партии, но брошюра была обнаружена лишь в немецком издании.

93. 8 декабря 1921 г. ИККИ разъяснил французскому Центральному комитету свое решение о том, чтобы его переписка с национальными партиями велась подданными соответствующей страны, поручил переписку с французской партией Эмбер-Дро, швейцарцу, и просил комитет рассмотреть этот вопрос «независимо от личных соображений» (Ibid., S. 13—15), но независимый партийный орган «Народная газета» продолжал называть заявления ИККИ «указами Суварина».

94. Ibid., S. 19—23.

95. Полный отчет о работе съезда, взятый из сообщений газеты «Юманите» от 21—31 декабря 1921 г., помещен в: G. Walter. Histoire du Parti Communiste Français, 1948, p. 65—75.

96. G. Walter. Histoire du Parti Communiste Français, p. 82—83.

97. L. Trotsky. Die Fragen der Arbeiterbewegung in Frankreich und die Kommunistische Internationale. Hamburg, 1922, S. 8. Лозовский по тому же случаю отвечал на французское обвинение в том, что «русские ... хотя и пришли к соглашению с реформистами для того, чтобы спасти Советское государство» («Die Taktik der Kommunistischen Internationale gegen die Offensive des Kapitals», S. 85); в варианте выступления Троцкого в этом сокращенном протоколе заседаний (S. 78—83) не содержится вышеприведенного отрывка.

98. Итальянская коммунистическая партия, ободренная французским примером, также отклонила политику «единого фронта» на своем съезде в марте 1922 г.; практически результатом этого стало то, что до свершения заговора Муссолини Итальянская коммунистическая партия продолжала, подобно КПГ в начале «капповского путча», не делать различия между другими левыми или буржуазными партиями и фашистами.

99. Выводы Троцкого и резолюция ИККИ помещены в «Die Taktik der Kommunistischen Internationale gegen die Offensive des Kapitals», S. 136—141; резолюция и французское заявление — в: «Zur Lage in der Kommunistischen Partei Frankreichs». Hamburg, 1922, S. 29—32. Можно заметить непримиримое различие между резолюцией ИККИ и партийным заявлением: если в первой говорилось о восстановлении четырех в партийном руководстве, то в последней — лишь о взятии на себя обязательств предложить следующему партийному съезду восстановить их.

100. Ibid., S. 32—35.

101. Ibid., S. 35—43.

102. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 284—289. Официальный отчет о заседаниях этого пленума ИККИ не был опубликован; выступления Троцкого 8 и 10 июня имеются в «Коммунистическом Интернационале», № 21 (19 июля 1920 г.), кол. 5405—5456.

103. Там же, № 23 (4 ноября 1922 г.), кол. 6223—6246.

104. В отчете о съезде в Париже в: «Histoire du Parti Communiste Français», 1948, p. 101—111, преувеличивается положение и важность роли Мануильского в то время, что произошло главным образом вследствие того, что он был одним из немногих большевиков, говорящих бегло на французском языке; во всех других отношениях этот отчет является отличным.

105. В августе 1921 г. Ленин, услышав о том, что федерация горняков Южного Уэльса проголосовала большинством голосов за присоединение к Коминтерну, написал письмо Беллу, в котором предлагал основать ежедневную рабочую газету в Южном Уэльсе, но он предупредил, что «газета не должна быть вначале слишком революционной», и предлагал, чтобы из трех редакторов один был некоммунист (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 86).

106. См. гл. 25 настоящего тома.
107. «Коммунистический Интернационал», № 18 (8 октября 1921 г.), кол. 4663—4688; № 19 (21 декабря 1921 г.), кол. 4943—4966.
108. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», S. 131; «CPGB: Communist Policy in Great Britain», 1928, p. 115.
109. W. Gallacher. The Rolling of the Thunder, 1947, p. 38—39; J. T. Murphy. New Horizons, p. 183—184.
110. «The Times», August 30, 1922.
111. T. Bell. The British Communist Party, p. 83—84.
112. См. гл. 30 настоящего тома.
113. Отчет американского делегата по этому вопросу содержится в: «Die Taktik der Kommunistischen Internationale gegen die Offensive des Kapitals», S. 23.
114. Самыми надежными авторитетами по ранней истории американского коммунизма, по-видимому, являются Дж. Онил и Г. А. Вернер (J. Oneal, G. A. Werner. American Communism. New York, 1947), но необходимо провести специальное исследование, чтобы объяснить противоречивые и зачастую очень тенденциозные доказательства.
115. «Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», ч. I, с. 67—68.
116. J. T. Murphy. New Horizons, p. 175.
117. «Die Taktik der Kommunistischen Internationale gegen die Offensive des Kapitals», S. 30.

Глава 31. Укрепление позиций в Европе

1. «Собрание узаконений...», 1922, № 38, ст. 320; год спустя этот комитет перешел от СТО к Совнаркому.
2. «Пять лет власти Советов». М., 1922, с. 326; «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 385.
3. Иоффе, докладывая 17 мая 1922 г. на сессии ВЦИК о работе Генуэзской конференции, пояснил, что если бы Ллойд Джордж пал, то в результате его ухода Великобритания заняла бы в отношении Советской России менее благоприятную позицию и увлекла бы за собой слабые европейские страны («III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва», заседание № 5, 19 мая 1922 г. М., 1922, с. 14).
4. «Гаагская конференция. Полный стенографический отчет». М., 1922, с. 218—248. Список, напечатанный в этом издании, сопровождался припиской: «Этот документ сохраняет, конечно, лишь историческое значение».
5. См. гл. 27 данного тома.
6. В объявленных условиях концессий интересным новшеством было то, что концессионеры должны были нанимать на предприятия, передававшиеся в концессии, определенный процент российских рабочих и служащих («Гаагская конференция», с. 38—39): при НЭПе Советская Россия стала страной с избыточной рабочей силой и проблемой безработицы (см. «Большевистская революция, 1917—1923», т. 2, гл. 19).
7. Соглашение о бойкоте советской нефти были достигнуто на встрече представителей компаний в Париже 19 сентября 1922 г.; его текст содержится в: L. Fischer. Oil Imperialism, 1927, p. 94—95.
8. «Гаагская конференция», с. 200.
9. Последние предложения Литвинова содержатся в издании «Гаагская конференция», с. 188—192; разочарование советской делегации вылилось в целый ряд различных объяснений, которые давались провалу конференции (L. Fischer. The Soviets in World Affairs, 1930, v. I, p. 368—369).
10. «Foreign Relations of the United States, 1922», v. II, 1938, p. 825—826, 829—830; «Документы внешней политики СССР», т. V, с. 542—544.
11. «Foreign Relations of the United States, 1922», v. II, p. 830; «Документы внешней политики СССР», т. V, с. 578—580.
12. «Foreign Relations of the United States, 1922», v. II, p. 869—876.

13. Интервью Чичерина, опубликованное в: «The Observer», August 20, 1922, и приведенное в: *J. Degras (ed.). Soviet Documents on Foreign Policy, v. I, 1951, p. 328.*

14. Рассматриваемые соответственно в 32-й и 34-й главах данного тома.

15. Точный характер и масштабы этой доли германской стороны, а также обстоятельства, благодаря которым она была получена, как представляется, еще не известны; донесение немецкого управления торговой разведки цитируется в: *G. Gerschuni. Die Konzessionspolitik Sowjetrusslands, 1927, S. 112.* Филип Прайс (*M. Philips Price. Germany in Transition, 1923, p. 77*) указал на то, что Стиннес в ходе своего визита в Лондон в ноябре 1921 г. безуспешно пытался приобрести долю в Русско-азиатском объединенном обществе; Радек в статье, появившейся 11 ноября 1921 г. в «Правде», намекнул на попытки создания «англо-немецкого треста для ведения дел с Россией». Д'Абернон (*D'Abernon. An Ambassador of Peace, v. I, 1929, p. 232*) отметил, что предложения Стиннеса о «будущем сотрудничестве в России» не получили в Лондоне благоприятного отклика.

16. Это соглашение, кажется, никогда не было опубликовано, но его условия изложены в «Документах внешней политики СССР», т. V, с. 757—758, 573, 608—609.

17. См. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

18. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 205.

19. «IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 25.

20. *L. Fischer. The Soviets in World Affairs, 1930, v. I, p. 435—436, 464;* эта информация, возможно, поступила от Чичерина и была подтверждена Зиновьевым («Internationale Presse-Korrespondenz», No. 20, February 15, 1924).

21. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 242—243, 264.

22. «Russian Information and Review», November 4, 1922, p. 73. Красин («Leonid Krasin: His Life and Work», p. 204) указывает, что в связи с отклонением соглашения он подал в отставку, но Ленин ему сказал, что члены партии не имеют права подавать в отставку.

23. «Russian Information and Review», October 21, 1922, p. 43—44.

24. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 307.

25. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 22, 25, 26.

26. *G. Gerschuni. Die Konzessionspolitik Sowjetrusslands, 1927;* эта работа представляет собой общий обзор концессионной политики, охватывающей период до конца 1925 г.; автор делает вывод, применительно к тому времени, что «значимость концессий для экономики Советской России в целом в настоящее время незначительна» (S. 124). Хотя по ходу изложения часто недостает подробностей, в работе явно прослеживается преобладающая заслуга Германии в тех успехах, которые были достигнуты.

27. В отрывке из авторитетной английской работы, написанной в то время, содержится точка зрения, согласно которой «в ноябре 1922 г. Россия все еще в значительной степени была на положении парии среди наций» (*H. V. Temperley (ed.). History of the Peace Conference, v. VI, 1923, p. 334*).

28. Однако это довело внешнеторговый оборот России только до 14% от его предвоенных показателей («Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 29).

29. «The Times», December 11, 1922.

30. «Verhandlungen des Reichstags», cccv, 1922, S. 7676, 7681.

31. *D'Abernon. An Ambassador of Peace, 1929, v. I, p. 303—304, 311—312.* Несомненно, что именно на основании отчетов д'Абернона (которые все еще не опубликованы) 25 мая 1922 г. Ллойд Джордж заявил в палате общин: «Я не собираюсь подробно останавливаться на глупых подделках военных конвенций, которые никого не проведут»; тем не менее, говоря конкретно о вооружениях, он добавил, что «в одной стране есть природные ресурсы, а в другой — любой технический опыт» («House of Commons»: 5th Series, cliv, p. 1455—1456).

32. Неопубликованный дневник Гааге цитируется в: «Journal of Modern History», 1949, No. 1, XXI, p. 31—32. В соответствии с заявлением, сделанным в декабре 1926 г. в рейхстаге, это соглашение не ратифицировалось Советским правительством до февраля 1923 г. («Verhandlungen des Reichstags», cccxc, 1926, S. 8584); этот срок получил косвенное подтверждение в ходе судебного

процесса в СССР в 1938 г., когда Розенгольц дал свидетельские показания о том, что предполагаемое предательское соглашение между Троцким и рейхсвером вступило в силу в 1923 г. («Судебный отчет по делу антисоветского пратроцкистского блока», с. 235—237).

33. L. Krasin. Leonid Krasin: His Life and Work, p. 201.

34. «Der Monat», No. 2, November 1948, S. 49.

35. F. von Rabenau. Seeckt: Aus Seinen Leben, 1918—1936. 1940, S. 319.

36. Осуществление проекта производства авиационных моторов в Филях терпело провал, и эти двигатели стали ввозить из Германии (информация, полученная от г-на Густава Хильгера). Это, вероятно, явилось одним из случаев неудовлетворительной работы немецкой стороны, на которые ссылался Чунке («Der Monat», No. 2, November 1948, S. 49); другим таким случаем явилась неудача Штольценберга с производством отравляющего газа.

37. Основная информация по этому вопросу содержится у Чунке (ibid., S. 49) и в выписках из материалов военного архива Германии, опубликованных в статье Холлгартена («Journal of Modern History», 1949, No. 1, XXI, p. 30). Неудачные попытки наладить производство отравляющего газа подробно описаны в книге Ипатьева (V. N. Ipatieff. The Life of a Chemist. Stanford, 1946, p. 373, 381—386), которая является единственным русским источником информации о подобных предприятиях.

38. См. гл. 29 данного тома.

39. Эти сведения почерпнуты из секретного издания, выпущенного главным командованием военно-морского флота Германии («Der Kampf der Marine gegen Versailles, 1919—1935», 1935, S. 26—28).

40. Фон Блюхер в своей книге (W. von Blücher. Deutschlands Weg nach Rapallo. Wiesbaden, 1951, S. 166—167) отметил, что рассматривались также кандидатуры и Гинтце, и Надольного, однако первый был неприемлем для левых партий, представленных в рейхстаге, а последний был известен русским как противник Рапалло (ibid., S. 163—164).

41. Brockdorf-Rantzau. Documente, 1920, S. 55. 81—82.

42. Меморандумы Брокдорф-Ранцау и Секта опубликованы полностью в «Der Monat», November 1948, No. 2, S. 43—47; объемистые выдержки из меморандума Секта к тому времени уже были известны из книги Рабенау (F. von Rabenau. Seeckt: Aus Seinem Leben, 1918—1936. 1940, S. 315—318).

43. E. Stern-Rubarth. Graf Brockdorff-Rantzau, 1929, S. 124; за год до этого Копп передал Мальцану, что советская сторона предпочла бы в качестве будущего посла Германии в Москве профессионального дипломата, придерживающегося правых воззрений. Он якобы продемонстрировал эту точку зрения с помощью гибкой линейки: крайности можно заставить сойтись, но левый край никогда не может сомкнуться с умеренно левой частью или с центром (W. von Blücher. Deutschlands Weg nach Rapallo. Wiesbaden, 1951, S. 149). После Рапалло Радек просил, чтобы послом Германии в Москву был направлен представитель «знатного дворянства» («Journal of Modern History», 1949, No. 1, XXI, p. 32).

44. «Документы внешней политики СССР», т. V, с. 175.

45. Переписка, предшествовавшая конференции, опубликована в: «Conférence de Moscou pour la Limitation des Armements». Moscou, 1923, p. 5—32.

46. «Документы внешней политики СССР», т. VI. М., 1962, с. 58—66.

47. «Conférence de Moscou pour la Limitation des Armements», p. 233.

48. См. гл. 29 данного тома.

49. «Съезды Советов в документах. 1917—1936», т. 1, с. 236—237.

50. «IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 5—6.

51. Там же, с. 12.

52. Там же, с. 28.

53. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932, с. 297.

54. «IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 132—133, 165.

55. Ленин выступил на конгрессе 13 ноября; свою последнюю речь он произнес перед Московским Советом ровно неделю спустя.

56. Позднее Зиновьев, вспоминая об усталости Ленина после этого выступления, писал, что он «едва держался на ногах» и был весь «мокрый от пота» («Коммунистический Интернационал», № 10 (1924 г.), кол. 29).
57. См. гл. 30 данного тома.
58. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 293—294.
59. «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 226—227.
60. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», S. 247.
61. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 325—326.
62. Там же, с. 327—328.
63. «IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 195—196.
64. Зиновьев процитировал слова польского делегата, поднявшего этот вопрос на конференции польской партии, но с поразительной терпимостью отнесся к ним скорее с насмешкой, чем с возмущением (там же, с. 25).
65. «Известия», 29 декабря 1922 г.
66. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», S. 136.
67. Ibid., S. 805.
68. По первоначальному плану, разработанному в 1919 г., предполагалось последовать примеру Первого Интернационала, в котором члены централизованно назначаемого Генерального Совета разделяли между собой обязанности «корреспондентов» национальных партий (A. Balabanov. Erinnerungen und Ergebnisse, 1927, S. 251), но затем этой схеме предпочли систему, основывающуюся на принципе представительства.
69. См. гл. 30 данного тома.
70. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», S. 803—813.
71. Прения — ibid., S. 814—823; текст резолюции — ibid., S. 994—997; данная резолюция не включена в издание «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932». М., 1933.
72. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 8.
73. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», S. 803—813.
74. «IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 15—23.
75. Там же, с. 31.
76. См. гл. 28 и 30 данного тома.
77. См. гл. 30 данного тома; конфликт между Зиновьевым и Радеком до 1924 г. не носил открытого характера («Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», ч. I. М., 1925, с. 449—451).
78. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», S. 76, 81.
79. Р. Фишер впоследствии указывала (R. Fischer. Stalin and German Communism, p. 183—186), что Радек и Бухарин попытались убедить ее отказаться от своей позиции, и, было похоже, задумано изгнание из партии немецких левых; подход Ленина, спасший левых, явился неожиданностью для всех, так как в то время исключение уклонистов совершенно не соответствовало политике Коминтерна.
80. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 299—302.
81. На V конгрессе Коминтерна в 1924 г. Зиновьев пытался оправдаться за свое принятие ключевого абзаца этой резолюции («Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», ч. I, с. 76—77, 78—79).
82. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 323.
83. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 165—180, 198.
84. Там же, с. 268.
85. Там же, с. 339—343.

86. На конгрессе упоминалось соглашение, незадолго до этого достигнутое между Германской и Французской компартиями, «особенно в вопросе Версальского договора»; немецкий делегат пожаловался, что оно не полностью выполнялось («Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale», S. 76—77).

87. См. примечание 98 в гл. 30 данного тома.

88. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 356—360.

89. «IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 43—44.

90. Их работа со ссылкой на французские источники подробно описана в: G. Walter. Histoire du Parti Communiste Français, 1948, p. 115—121.

91. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 344.

92. «IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 345. Французские уклонисты могли свободно утверждать, что обнаружение франкмасонства было лишь предлогом для дисциплинарного взыскания и что о его существовании во французской партии было давно известно; этот вопрос был поднят Серрати еще на пленуме ИККИ в 1920 г. (L. O. Frossard. De Jaurès à Lénine, 1930, p. 266).

93. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 348.

94. См. гл. 23 данного тома.

95. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 289—292; по словам Зиновьева, Радек, который был в то время направлен для обсуждения этого вопроса в Осло, заключил с Транмелем «гнилой „официальный“ компромисс» («Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», ч. I, с. 450).

96. Доклад Бухарина опубликован в: «IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 388—398, резолюция — там же, с. 425—426.

97. «Десять лет Профинтерна в резолюциях, документах и цифрах». М., 1930, с. 89—90. В течение 1921 г. во Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) велась активная борьба по выдворению синдикалистов (H. Marquand etc. Labour in Four Continents, 1939, p. 14—15); поскольку синдикалисты были самыми активными сторонниками Коминтерна и Профинтерна, последний был крайне заинтересован в том, чтобы попыткам их изгнания был дан отпор.

98. «Профинтерн в резолюциях». М., 1928, с. 73.

99. «Красный Интернационал профсоюзов», № 4 (15), апрель 1922 г., с. 311—312, 313—316.

100. O. K. Flechtheim. Die KPD in der Weimarer Republik. Offenbach, 1948, S. 91.

101. «Отчет Исполнительного бюро Профинтерна II Международному Конгрессу революционных профсоюзов. Июль 1921 — ноябрь 1922». М., 1922, с. 22.

102. «Коммунистический Интернационал», № 21 (19 июля 1922 г.), кол. 5603—5628.

103. «II конгресс Красного Интернационала профсоюзов в Москве. 19 ноября — 2 декабря 1922 года». Москва — Петроград, 1923, с. 304.

104. «II конгресс Красного Интернационала профсоюзов в Москве», с. 235—236.

105. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 306—307.

106. «II конгресс Красного Интернационала профсоюзов в Москве» с. 316—320.

107. «Report of the International Peace Congress held at the Hague». Amsterdam, December 10—15, 1922, p. 102, 118, 143—145. 239-й номер «Internationale Presse-Korrespondenz» (1922, 18 Dezember) был посвящен этому конгрессу; он заканчивался краткой статьей Лозовского, в которой он описывает конгресс как «зверинец», в котором «мухи почти дохли от тоски». Следующая статья Лозовского о данном конгрессе была помещена в: «Die Internationale», VI, No. 1, Januar 6, 1923, S. 13—21.

108. См. «Большевистская революция...», т. 2, гл. 19.

109. В брошюре, опубликованной в 1922 г., Сокольников доказывал, что «слабо налаженный и плохо проверенный Советский аппарат» был не способен

вести дела с иностранными капиталистами, и высказывался в поддержку смешанных обществ, в которых Внешторгу должна была принадлежать только «регулирующая роль» (Г. Я. Сокольников. Государственный капитализм и новая финансовая политика. М., 1922, с. 7—9).

110. «Собрание узаконений...», 1922, № 24, ст. 266.
111. «Russian Information and Review», July 15, 1922, p. 470—471.
112. Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли. М., 1928, с. 306.
113. «Собрание узаконений...», 1922, № 65, ст. 846; № 66, ст. 862.
114. «Russian Information and Review», November 4, 1922, p. 72—73.
115. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 561—563, прим. 139.
116. Там же, т. 54, с. 324.
117. Там же, т. 45, с. 333—337.
118. Там же, т. 54, с. 325.
119. Там же, т. 54, с. 327—328.
120. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 3. М., 1984, с. 51.
121. «Собрание узаконений...», 1923, № 31, ст. 343.

Глава 32. Восточный вопрос

1. «Treaty between the British and Afghan Governments, November 22, 1921». Cmd. 1786, 1922.
2. A. L. P. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia, 1924, p. 258 (где, однако, договор ошибочно датирован 1922 г.).
3. L. Fischer. The Soviets in World Affairs. 1930, v. I, p. 434.
4. «The Lausanne Conference on Near Eastern Affairs, 1922—1923». Cmd. 1814, 1923, p. 149; упоминание о Памире, возможно, связано с утверждением, содержащимся в письме Хорна Красину от 16 марта 1921 г. (см. гл. 27 данного тома), что «изданный советскими властями армейский приказ, объявивший о водружении красного флага на Памире, является знаком людям Индии, что их освобождение близко».
5. «Новый Восток», кн. 4-я, 1923, с. 218—219.
6. L. Fischer. The Soviets in World Affairs. 1930, v. I, p. 288. Этот инцидент, который, по понятным причинам, «на короткий период вызвал замешательство в советско-персидских отношениях», в радужном свете истолковывается советскими авторами; по полученным впоследствии данным (ibid., 2nd ed., 1951, v. I, p. XVI), армия Кучек-хана включала в себя не только кавказских ополченцев, но и «русских крестьян из-под Тулы».
7. «Новый Восток», кн. 4-я, 1923, с. 218, замалчивает летнюю авантюру, отмечает падение Кучек-хана в октябре и объясняет его в следующих выражениях: «Революционное движение в Гиляне, питавшееся главным образом лозунгом «долой англичан», после эвакуации английских войск из Персии заметно пошло на убыль. В силу забитости и косности персидского крестьянства оно не нашло отклика среди персидского крестьянства; персидское же кулачество и вообще буржуазия связывали улучшение своего положения с открытием торговых сношений с Советской Россией и не склонны были в этот момент с оружием в руках выступать против центрального правительства феодалов».
8. Материал по этим вопросам см.: там же, кн. 4-я, с. 210—215.
9. Там же, кн. 4-я, с. 213—214; в: «Revue du Monde Musulman» (LII, 1922, p. 167—168) процитирован протест Ротштейна персидскому правительству от 15 января 1922 г.
10. Документированный, хотя и, несомненно, в некоторой степени тенденциозный рассказ об этой сделке помещен в работе: L. Fisher. Oil Imperialism, 1927, p. 210—232.
11. «Правда», 24 сентября 1922 г.
12. Победа Ротштейна в этом инциденте (издатели были, видимо, восстановлены в правах) с энтузиазмом описана в «Новом Востоке», кн. 4-я, 1923, с. 427—429.
13. Там же, с. 216—217.

14. В 1921 г. через Черное море развивалась оживленная частная торговля между Турцией и Крымом, на пути которой считалось «нежелательно ставить... какие-либо препятствия» (Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли. М., 1928, с. 338); аргумент (Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли, 2-е изд. М., 1970, с. 312, 314), что советская торговля с восточными странами не нуждалась в таких же мерах жесткой защиты, как торговля с «мощными коммерческими организациями» западных капиталистических стран, с советских позиций представляется до некоторой степени обоснованным.

15. «Новый Восток», кн. 4-я, 1923, с. 224—226.

16. «Энциклопедия советского экспорта», т. I. Берлин, 1924, с. 29; там же, т. I. Берлин, 1928, с. 34—36.

17. В соответствии с: L. Fisher. The Soviets in World Affairs. 2nd ed., 1951, v. I, p. XV, Ленин и Троцкий выступали за оказание Турции поддержки, но «Сталин, Орджоникидзе и другие грузинские и кавказские товарищи советовали от нее воздержаться», вспоминая о недружественном отношении Турции при захвате Батума в феврале 1921 г. и не желая, чтобы Турция становилась слишком сильной. Эта информация исходила якобы от Раковского и была подтверждена в интервью Сталиным в ноябре 1920 г. (см. гл. 27 данного тома). Доказательство того, что мнения разделились, можно найти в книге: Halidé Edib. The Turkish Ordeal, 1928, p. 254—255. Согласно этому источнику, Бескир Сами, который был турком с Северного Кавказа, в конце 1920 г. вернулся из Москвы в высшей степени разочарованным и стал убежденным западником. В феврале 1921 г., будучи комиссаром по иностранным делам, он отправился в Лондон во главе первой принятой там делегации кемалистского правительства и предложил Ллойд Джорджу совместные действия против Советской России. Когда об этом стало известно Чичерину, то в результате протестов с его стороны Сами был вынужден уйти в отставку. В. А. Гурко-Кряжин в работе («Ближний Восток и державы». М., 1925, с. 96) объясняет отставку Сами попыткой сговориться с Францией, однако в любом случае ясно, что ориентация последнего была западной и антисоветской.

18. В этот период Энвер, очевидно, все еще находился в Батуме, где вел антикемалистскую пропаганду. Осенью 1921 г., когда Москва окончательно решила поддержать Кемаль, Энвера убрали с дороги, направив в Центральную Азию («Revue du Monde Musulman». LII, 1922, p. 204—205).

19. Договор опубликован в: «British and Foreign State Papers». CXX, 1927, p. 953—957; Л. Фишер (L. Fisher. The Soviets in World Affairs. 1930, v. I, p. 393) категорически утверждает, что «короткий, двадцатитрехдневный, визит» Фрунзе «был использован для организации крупных поставок русских боеприпасов и для разработки подробного плана кампании против греков, в которой, в случае необходимости, участвовали бы красные офицеры». Это советская версия, так как представляется сомнительным, что Кемаль приветствовал бы «участие» офицеров Красной Армии, хотя и остро нуждался в боеприпасах. Телеграмма Кемалья с выражением благодарности за миссию Фрунзе и уверенности в «глубоких взаимных симпатиях обоих дружественных народов» и в «драгоценной солидарности обеих наших стран» была зачитана на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. («Девятый Всероссийский съезд Советов». М., 1922, с. 212—213).

20. «Материалы Генуэзской конференции». М., 1922, с. 33.

21. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale». Hamburg, 1923, S. 528; первый номер «Yeni Hayat» («Новая жизнь»), печатного органа Народно-коммунистической партии Турции, по определению «Нового Востока» (кн. 1-я, 1922, с. 358), вышел в свет 18 марта 1922 г.

22. См. гл. 31 данного тома.

23. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale». Hamburg, 1923, S. 528—530.

24. См. гл. 27 данного тома.

25. Материал по этим протестам подобран в: A. L. P. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia, 1924, p. 232, note 68.

26. «Известия», 14 сентября 1922 г.; претензия выступать от имени Турции может оправдываться статьей о проливах советско-турецкого договора от 16 мар-

- та 1921 г., но, вероятно, она не доставляла особого удовольствия турецкому правительству.
27. Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. *Международная политика новейшего времени...*, ч. III, вып. I, с. 201—202.
28. См. гл. 31 данного тома.
29. «Правда», 20 октября 1922 г.; Франция не фигурировала среди ее адресатов, вероятно, в связи с имевшейся информацией о том, что французское правительство уже благосклонно относилось к советскому участию.
30. Эта переписка содержится в: Ю. В. Ключников и А. В. Сабанин. *Международная политика новейшего времени...*, ч. III, вып. I, с. 203—205.
31. Конгресс заседал с 5 ноября по 5 декабря 1922 г., Лозаннская конференция открылась 20 ноября, но обсуждение вопроса о проливах, на которое только и была допущена советская делегация, началось лишь 4 декабря.
32. См. гл. 30 данного тома.
33. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale». Hamburg, 1923, S. 609. 612.
34. Ibid., S. 615—617.
35. Ibid., S. 11, 622.
36. В соответствии с последующими заявлениями Турецкая коммунистическая партия была впервые создана после IV конгресса, «когда были объединены все независимые коммунистические группы, ранее существовавшие в стране», как естественное следствие объединения страны при Кемале. Турецкое правительство, однако, предприняло меры и «за несколько месяцев полностью дезорганизовало деятельность партии» («From the Fourth to the Fifth World Congress: Report of the Executive Committee of the Communist International», 1924, p. 65); это подтверждается протестом, помещенным в «Известиях» 14 февраля 1923 г.
37. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale». Hamburg, 1923, S. 526—532.
38. «Известия», 21, 22 и 23 ноября 1922 г.
39. «IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Избранные доклады, речи и резолюции». М., 1923, с. 260; ссылка на французский империализм приобретала особый смысл ввиду колониальной войны, которую Франция в то время вела в Марокко.
40. Там же, с. 269—270.
41. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale». Hamburg, 1923, S. 189; в период между III и IV конгрессами один из лидеров Индонезийской коммунистической партии, Семаун, провел несколько месяцев в Москве, где присутствовал на сессиях ИККИ в декабре 1921 г. и в феврале 1922 г.; здесь, как говорят, он получил инструкции, согласно которым не следовало немедленно требовать полной независимости Индонезии от Голландии — что было вопиющим примером осторожности, преобладавшей в то время во внутренних органах Коминтерна, и нежелания озлоблять западные страны («Revue du Monde Musulman», LII, 1922, p. 75—80); статья, опубликованная в 18-м номере еженедельника «Internationale Presse-Korrespondenz», 1923, May 5, No. 18, S. 425—426, признавая, что по возвращении из Москвы Семаун доказывал, что Индонезия «все еще нуждается в настоящее время в помощи капиталистической Голландии», осудила такой подход как симптом «недовольства советским строем». Эта история получила частичное подтверждение из индонезийского источника (*Sitorus. Sedjarah Pergerakan Kebangsaan Indonesia*, 1947), в котором утверждается, что, возвратившись, он советовал партии «не предпринимать действий на горячую голову» и что несколько членов партии «были недовольны разъяснениями Семауна и разочарованы его поворотом вправо». Представляется, что Малака был одним из тех, кто выступил против него («Revue du Monde Musulman», LII, 1922, p. 80—81).
42. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale». Hamburg, 1923, S. 624.
43. Ibid., S. 630.
44. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 318.
45. Там же, с. 322—323.

46. «IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 278, 298.
47. Там же, с. 404; «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 329—330.
48. См. гл. 31 данного тома.
49. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 339.
50. «Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1968, с. 265.
51. Делегация была смешанной, но Воровский фигурировал в ее списке как делегат Украины, а Мдивани — Грузии.
52. Ю. В. Ключиков и А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени..., ч. III, вып. I, с. 209—210.
53. «Lausanne Conference on Near Eastern Affairs, 1922—1923». Cmd. 1814, 1923, p. 131—135; драматизм этой сцены описан Никольсоном (H. Nicolson. Curson: The Last Phase, 1934, p. 308—311).
54. Ibid., p. 149; примечание 4 о Памире, уже приведенное в этой главе, также относится к данному отрывку.
55. Ibid., p. 272.
56. «Известия», 11, 12 января 1923 г.; отрывки в переводе опубликованы в: S. Degras (ed.). Soviet Documents on Foreign Policy, v. I, 1951, p. 359—366.
57. «Lausanne Conference on Near Eastern Affairs, 1922—1923». Cmd. 1814, 1923, p. 456. Незначительным инцидентом на конференции явился визит Чичерина к Керзону, который стал их единственной личной встречей. Согласно версии Чичерина (до сих пор единственной, имеющейся в наличии), разговор повернулся в основном в русло вопросов о пропаганде. Чичерин, заявляя, что официальный запрет на антибританскую пропаганду строго проводится в жизнь, в то же время утверждал, что «мы не можем заставить члена коммунистической партии перестать высказываться в качестве коммуниста»; на это Керзон ответил, что «если дело идет о том, чтобы пропаганда была не на все 100%, а на 50%, то кабинет его величества на эту тему не будет разговаривать» («Третий съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик». М., 1923, с. 93).
58. L. Fisher. The Soviets in World Affairs. 1930, v. I, p. 409.
59. «Treaty of Peace with Turkey, and other Instruments signed at Lausanne on July 24, 1923». Cmd. 1929, 1923.

Глава 33. Дальний Восток I — период заката

1. См. гл. 26 данного тома.
2. «Foreign Policy of the United States, 1918: Russia», v. II, 1932, p. 3.
3. «Millard's Review». Shanghai, January 15, 1918, p. 169; «China Year Book», 1921. Shanghai, 1922, p. 624.
4. «Millard's Review». Shanghai, March 16, 1918, p. 83.
5. Относительно этих событий не было опубликовано ни одного документа; наши познания о них ограничиваются двумя весьма туманными советскими заявлениями более позднего времени: одно из них содержалось в докладе Наркоминдела V Всероссийскому съезду Советов (см. в данной главе), другое — в советском обращении от 25 июля 1919 г. (также в данной главе).
6. См. сноску 72 в гл. 22 данного тома.
7. «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, с. 227—230.
8. Эти события описаны в общих чертах в «Большевистской революции, 1917—1923», т. I, гл. 11.
9. Этот период подробно рассматривается в статье Х. Каблина — «Journal of Modern History», XXII, No. 4, December 1950, p. 322—339.
10. «Жизнь национальностей», № 5 (13), 16 февраля 1919 г.
11. См. гл. 23 данного тома. Включение этих групп было явно вызвано визитом в тот момент в Москву голландского коммуниста Рутгерса, прибывшего из Соединенных Штатов через Японию. Из Нью-Йорка он взял с собой рекомендацию от японского социалиста Катаямы для представления их социалистическим группам Токио и Иокогамы и привез с собой из Японии в Москву резолюции от 1 мая 1917 г. (см. следующее примечание), где приветствовалась Февральская революция («Историк-марксист», № 2—3, 1935, с. 86—88).

12. «Первый Конгресс Коммунистического Интернационала. Март 1919. Протоколы». М., 1933, с. 165—166.
13. «Тихий Океан», № 1, 1934, с. 124—125.
14. «Soviet Russia», No. 4, May 15, 1920, p. 483—484.
15. «Коммунистический Интернационал», № 18 (8 октября 1921 г.), кол. 4721—4722.
16. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 140.
17. См. в данной главе.
18. Статья П. Ланджера и Р. Суэрингена в: «Pacific Affairs», No. 4, XXIII, 1950, p. 340—341; Ланджер и Суэринген сообщили автору дополнительные сведения, почерпнутые из японских источников.
19. «Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 474.
20. По переписи 1926 г. в СССР проживало 85 тыс. корейцев, имевших советское гражданство, и примерно столько же японских подданных, большинство из которых являлись корейцами по национальности; в первой группе лишь 10% принадлежали к городскому населению и менее 40% были грамотными (F. Lorimer. The Population of the Soviet Union. Geneva, 1946, p. 61—62).
21. «Sowjet-Russland und die Völker der Welt». Petrograd, 1920, S. 36—38; об этой встрече см. гл. 23 данного тома.
22. «Тихий океан», № 1, 1934, с. 124; по словам корейского делегата на VII Всероссийском съезде Советов, состоявшемся в декабре 1919 г., 20 тыс. корейцев погибло в ходе восстания, организованного «правыми течениями», действовавшими среди корейского пролетариата («7-й Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет». М., 1920, с. 273).
23. «Революция на Дальнем Востоке». М., 1923, с. 357—374.
24. «Коммунистический Интернационал», № 7—8 (ноябрь — декабрь 1919 г.), кол. 1171—1176; «7-й Всероссийский съезд Советов», с. 274.
25. «Коммунистический Интернационал», № 12 (20 июля 1920 г.), кол. 2157—2162; «Journal of Asian Studies», XX, No. 1, November 1960, p. 9—31; No. 2, February 1961, p. 149—161.
26. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 402—404.
27. Sun Fo. China Looks Forward, 1944, p. 10.
28. B. I. Schwartz. Chinese Communism and the Rise of Mao. Harvard, 1951, p. 213, note 33.
29. В отношении японских интересов во Внешней Монголии см.: G. M. Friters. Outer Mongolia and its International Position. Baltimore, 1949, p. 217—226.
30. Общий обзор периода правления Яна со ссылкой на источники содержится в работе О. Леттимора (O. Lattimore. Pivot of Asia. Boston, 1950, p. 52—64).
31. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 11.
32. Многие казахи также перебежали в Синьцзян после казахского восстания 1916 г., но они легко ассимилировались этнически и экономически с родственными группами, что не вызвало серьезных проблем; миграция казахов в Синьцзян имела давнюю историю (F. Lorimer. The Population of the Soviet Union. Geneva, 1946, p. 140).
33. «Советско-китайские отношения, 1917—1957. Сборник документов». М., 1959, с. 47—49. Китайский текст соглашения содержится в: «Treaties and Agreements with and concerning China, 1919—1929». Washington, 1929, p. 24—25; французский перевод, помещенный в: «Revue des Études Islamiques», VII (Année 1933), 1937, p. 158—159 (где заявляется, что китайский оригинал текста был официально опубликован в журнале «Пекин жибао» за 13 сентября 1920 г.), короче и явно менее достоверен. Фамилия главного русского представителя, подписавшего это соглашение, — П. Е. Лимарев; он называется там «уполномоченным Отдела внешних сношений». Хотя текст соглашения связывает обязательствами только ташкентское правительство, договоренность об учреждении китайского агентства вне территории Туркестана заставляет предположить, что советский представитель на деле имел несколько более широкие полномочия.
34. Британский генеральный консул в Кашгаре в то время отмечал, что некогда большая русская колония в этом городе в начале 20-х годов сокра-

- тилась до двадцати человек и что до 1925 г. в Кашгар не приезжал ни один советский представитель (С. Р. Skrine. Chinese Central Asia, 1932, p. 66).
35. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 11.
36. «Новый Восток», кн. 8-я — 9-я, 1925, с. 26—39; «Правда», 6—7 ноября 1921 г.
37. Убедительный и документальный материал о месте Внешней Монголии в русской деятельности и русско-китайских отношениях до Кяхтинского договора включительно содержится в работе: G. M. Friters. Outer Mongolia and Its International Position, p. 44—112, 151—183.
38. А. Калинин. Революционная Монголия, 1925, с. 68—69; данный эпизод находит дополнительное освещение в статье, опубликованной в «Новом Востоке», кн. 2-я, 1922, с. 591—603.
39. «Тихий океан», № 3 (9), 1936, с. 72.
40. Известный как «маленький Суюй» в отличие от Суюй Шичана, президента Китайской Республики.
41. Заявление китайских властей в связи с этими событиями приводится в работе: G. M. Friters. Outer Mongolia and Its International Position, p. 185—189; указанный декрет содержится в: «China Year Book, 1921». Shanghai, 1922, p. 577.
42. «Millard's Review». Shanghai, May 4, 1918, p. 354; «China Year Book, 1921». Shanghai, 1922, p. 650—652.
43. «Известия», 5 июля 1918 г.; доклад съезду не рассматривался и не был включен в протоколы его работы. По протоколу, прилагавшемуся к русско-китайскому договору 1896 г., Китай не мог выкупить железную дорогу у ее русских владельцев до 1932 г.
44. Письмо было опубликовано в газете «Известия» 9 марта 1919 г.; см. также: «Документы внешней политики СССР», т. I, с. 415—416. Сунь Ятсен в письме Чичерину от 28 августа 1921 г. («Документы внешней политики СССР», т. V. М., 1961, с. 84—85) заявил, что не получил от Чичерина никакого письма ранее того, которое датировалось 31 октября 1920 г.
45. A. L. P. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia. 1924, p. 314—315; в Москве существовал Совет китайских рабочих, численность которых якобы достигала тысячи человек (A. R. Ransome. Six Weeks in Russia in 1919, 1919, p. 47).
46. R. T. Pollard. China's Foreign Relations, 1917—1931. New York, 1933, p. 79—82; эта полезная работа основывается главным образом на материалах печати того времени.
47. «Документы внешней политики СССР», т. II, с. 221—223; обращение приведено по газете «Известия», то есть без цитируемого абзаца. Текст обращения, который был английским переводом с французского оригинала, был опубликован в авторитетном «Millard's Review» (Shanghai, July 5, 1920, p. 24—26), а затем в: «China Year Book, 1924—1925» (Shanghai, p. d., p. 868—870). В русском варианте, появившемся 26 августа 1919 г. в «Известиях», выпущено процитированное выше предложение (вместе с последней фразой предыдущего абзаца), и его подлинность впоследствии энергично и старательно отрицалась советскими представителями, начиная с Иоффе (см. гл. 34 данного тома). Его несомненная достоверность была установлена А. С. Уайтингом (см.: «The Far Eastern Quarterly». New York, X, No. 4, August 1951, p. 355—364). Русский текст, содержащий весь отрывок, пропущенный в «Известиях» и точно соответствующий английскому варианту, опубликованному в Китае, появился в брошюре В. Виленского «Китай и Советская Россия», изданной Центральным Комитетом партии в 1919 г. (по логике событий в июле или августе). Виленский являлся партийным работником из Сибири, бывшим меньшевиком, служившим летом 1919 г. в Москве в качестве члена временной комиссии Совнаркома по сибирским делам и часто публиковавшийся в «Известиях» под псевдонимом Сибиряков. Вероятно, он имел отношение к подготовке обращения от 25 июля 1919 г.; в опубликованной на следующий день статье в «Известиях» он, напомнив, что возвращение КВЖД было одним из требований Китая на Парижской мирной конференции, заключил, что «Советская Россия может с легким сердцем разрешить эти вопросы в благоприятном смысле для Китая и этим

приобрести себе его союз». В отчете Наркоминдела за декабрь 1921 г. подразумевалось, что возвращение КВЖД Китаю являлось одним из пунктов обращения от 25 июля 1919 г. («Документы внешней политики СССР», т. IV. М., 1960, с. 666). Наиболее правдоподобным объяснением этих фактов представляется смена настроений в руководящих советских кругах, происшедшая в период между отправкой ноты с обращением от 25 июля 1919 г. и ее публикацией в «Известиях» месяц спустя, в результате которой абзац о КВЖД был намеренно снят. По всей видимости, не было предпринято, однако, никаких попыток для передачи пересмотренного текста советскому представителю в Сибири, у которого, как впоследствии выяснилось, еще в марте 1920 г. был лишь первоначальный текст. Неясно также, почему безобидная фраза в конце предыдущего абзаца была пропущена (это могло быть вполне естественным, если бы пропуск являлся случайным). Данный эпизод свидетельствует о том, что по вопросу о безоговорочном возвращении КВЖД мнения в советских руководящих кругах разделились. Это уже стало ясно из отчета Наркоминдела за июль 1918 г. (см. в данной главе), в котором железная дорога называлась совместной «собственностью китайского и русского народа» и говорилось о разрешении Китаю «выкупить» ее за частичную стоимость до истечения установленного срока контракта.

48. О ее получении сообщалось со специальной ссылкой на упоминание в ней вопроса о КВЖД в: «Millard's Review». Shanghai, March 27, 1920, p. 182.

49. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.

50. Свидетельства из китайских источников о впечатлении, произведенном обращением, суммировались в работе Шварца (*B. I. Schwartz. Chinese Communism and the Rise of Mao. Harvard, 1951, p. 214, note 44*). Китайское правительство попыталось посеять недоверие к обращению, предположив на основе информации, якобы полученной от советских источников в Сибири, что этот документ был подложным («Millard's Review». Shanghai, June 5, 1920, p. 25); других свидетельств того, что подлинность текста обращения оспаривалась какой-либо из сторон до 1922 г., нет.

51. Ibid., March 27, 1920, p. 182.

52. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.

53. *B. I. Schwartz. Chinese Communism and the Rise of Mao, p. 7—16.*

54. Сведения о миссии Войтинского почерпнуты из издания «Видные советские коммунисты — участники китайской революции». М., 1970, с. 68—70; см. также: *B. I. Schwartz. Chinese Communism and the Rise of Mao, p. 32—33.*

55. См. гл. 26 данного тома; два китайских делегата с неопределенными полномочиями были допущены на конгресс с совещательным голосом, но китайские дела на нем, как представляется, не обсуждались.

56. Согласно статье «Войтинский (Зархлин)» в Большой Советской Энциклопедии (т. 12, М., 1928, кол. 657—658), Войтинский «летом 1920 принимал участие в организации первых коммунистических ячеек в Шанхае, Пекине и Кантоне»; в более позднем китайском материале говорится о китайских коммунистических кружках, созданных в то время в Пекине, Кантоне и в Хунани, а также в Париже («Коммунистический Интернационал», № 9—10 (187—188), 1929, с. 181).

57. *R. T. Pollard. China's Foreign Relations, 1917—1931, p. 133—134.*

58. «Известия», 9 октября 1920 г.; *R. T. Pollard. China's Foreign Relations, 1917—1931, p. 134.* О соглашении см. с. 373—374 в данной главе.

59. «China Year Book, 1921». Shanghai, 1922, p. 626. 30 октября 1920 г. были изданы указы, установившие юридический статус российских граждан в Китае (ibid., p. 644). Китайское правительство приняло решение о прекращении деятельности царского диппредставительства и консульств 18 сентября 1920 г. в результате переговоров в Москве с этой миссией («История дипломатии», т. III. М., 1965, с. 227—228. — *Ред.*).

60. «Документы внешней политики СССР», т. III. М., 1959, с. 213—216. Перевод этой ноты на английский язык, содержащийся в «China Year Book, 1924—1925». Shanghai, p. 870—872, датирует ее 27 сентября 1920 г.; эта дата приводится также в советском коммюнике Иоффе и Сунь Ятсена от 27 января 1923 г. и, конечно, является правильной. Данная нота в переводе на английский

язык с русского текста, полученного в Наркоминделе и содержащегося в работе В. А. Яхонтова (*V. A. Yakhontoff. Russia and the Soviet Union in the Far East, 1932, p. 384—387*), имеет дату 27 октября 1920 г., где для большей путаницы нота Йоффе от 2 сентября 1922 г. (см. гл. 34 данного тома) датируется 27 сентября 1921 г. Р. Т. Поллард (*R. T. Pollard. China's Foreign Relations, 1917—1931, p. 135*) без ссылки на какие-либо авторитеты утверждает, что нота Карахана была получена китайской делегацией 2 октября 1920 г.

61. Английский перевод французского текста его оригинала опубликован в: *Treaties and Agreements with and concerning China*, p. 29—31.

62. «Документы внешней политики СССР», т. IV, с. 666—667. В своей работе Р. Т. Поллард (*R. T. Pollard. China's Foreign Relations, 1917—1931, p. 135*) утверждает, что Чжан Сылинь не был направлен в Москву китайским правительством, а находился там с «частной» миссией; но это было «легендой», специально придуманной для того, чтобы, принизив значение всяких отношений с Москвой, успокоить Запад.

63. *Ibid.*, p. 135.

64. «Документы внешней политики СССР», т. V, с. 718—719; ответ Сунь Ятсена от 28 августа 1921 г. на него был впервые помещен в журнале «Большевик» № 19, 1950, с. 46—48.

65. «*Millard's Review*». Shanghai, December 11, 1920, p. 99; January 1, 1921, p. 238—239; «Документы внешней политики СССР», т. IV, с. 666; много свидетельств из печати того времени приводится в: *R. T. Pollard. China's Foreign Relations, 1917—1931, p. 137—139*.

66. «*Millard's Review*». Shanghai, December 25, 1920, p. 213; April 9, 1921, p. 286.

67. А. Калинин («Революционная Монголия», с. 73) в общих фразах говорит о том, что революционное движение начало «формироваться» после отмены автономии Монголии Китаем осенью 1919 г.

68. Об этом событии свидетельствуют два независимых друг от друга монгольских источника: опубликованная в 1943 г. биография Сухэ-Батора, принадлежавшая перу Начондоржа (цитируемая О. Лэттимором в его введении к книге *G. M. Friters. Outer Mongolia and its International Position, p. XXVIII—XXXVI*), и неопубликованные политические мемуары одного из монгольских «живых Будд» Диловы-хутухты. В первом из них видно явное желание изобразить Сухэ-Батора и Чойбалсана (который в момент издания работы являлся премьер-министром Монгольской Народной Республики) как Ленина и Сталина Монголии, однако само повествование правдоподобно, и его основные факты подтверждаются мемуарами Диловы, который, конечно, не был настроен прокоммунистически или просоветски. При сравнении этих двух источников можно получить весьма ясное представление о событиях, о которых ничего не известно из других материалов. Наиболее неясным моментом является вопрос о том, насколько богдо-гэген был осведомлен о подлинной миссии Сухэ-Батора.

69. И. Майский («Монголия накануне революции», 2-е изд. М., 1960, с. 282) указывает, что «к началу мая 1921 г. части Унгерна насчитывали около 11 тыс. человек»; по свидетельству независимого очевидца, Унгерн фон Штернберг вошел в Ургу в 1921 г. с личной охраной, состоявшей из 40 японцев; армия его также была оснащена в основном японским вооружением (*G. M. Friters. Outer Mongolia and its International Position, p. 230*).

70. «Известия» 5 января 1921 г. опубликовали китайский ответ от 31 декабря 1920 г.; советская нота от 11 ноября 1920 г. была помещена в «Правде» за 14 ноября 1920 г.

71. Эти события описаны в мемуарах Диловы.

72. Наиболее полный связный рассказ об этих событиях, частично основывающийся на китайских источниках, содержится в книге: *K. S. Weigh. Russo-Chinese Diplomacy. Shanghai, 1928, p. 187—206*; см. также: *R. T. Pollard. China's Foreign Relations, 1917—1931, p. 161—162*, а также мемуары Диловы.

73. *R. T. Pollard. China's Foreign Relations, 1917—1931, p. 163*.

74. Согласно книге (*Ma Ho-t'ien. Chinese Agent in Mongolia (Engl. transl.). Baltimore, 1949, p. 98—99*), партия и правительство были сформированы в Тро-

ицко-Савске; здесь могла находиться нигде не упоминавшаяся ставка Сухэ-Батора.

75. Наиболее подробный рассказ об этих событиях содержится в биографии Сухэ-Батора, написанной Начондоржем; их изложение можно также найти в журнале «Тихий океан» (№ 3 (9), 1936, с. 66—73) и в книге Э. М. Мурзаева «Монгольская Народная Республика» (М., 1948, с. 18). Все эти свидетельства придают в ретроспективе этому процессу более официальный характер, чем он имел в свое время.

76. Сохранился приказ в тексте прокламации «Русским отрядам на территории Советской Сибири» Унгерна фон Штернберга о начале этого наступления. Генерал провозгласил Великого князя Михаила «Императором Всероссийским», объявил о своем намерении «комиссаров, коммунистов и евреев уничтожить вместе с семьями», заявил, что «в борьбе с преступными разрушителями и осквернителями России... мера наказания, может быть лишь одна — смертная казнь разных степеней», отказался «рассчитывать на бывших союзников-иностранцев, переживающих подобную же революционную болезнь», и заключил свой приказ цитатой из книги святого пророка Даниила, предсказавшего пришествие «Михаила, Князя Великого», завершив его словами: «Блажен тот, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати дней» («Революция на Дальнем Востоке», с. 429—433).

77. Советская нота опубликована в «Известиях» за 12 августа 1921 г.

78. «Большевистская революция...», т. I, гл. 11.

79. R. T. Pollard. China's Foreign Relations, 1917—1931, p. 162; это поражение Чжан Цзолину было действительно отдано 30 мая 1921 г.

80. «North China Herald». Shanghai, July 30, 1921, p. 312, August 6, p. 386.

81. См. гл. 26 данного тома.

82. См. с. 380—381 в данной главе.

83. Единственным источником, в котором содержится свидетельство о визите Маринга к У Пэйфу, является книга: *T'ang Leang-li. The Inner History of the Chinese Revolution*, 1930, p. 155, в соответствии с которой Маринг рекомендовал советским властям поддерживать отношения как с У Пэйфу, так и с Сунь Ятсеном; с первым они были порваны лишь в 1923 г., когда У Пэйфу бросил войска против рабочих, бастовавших на железной дороге Пекин — Ханькоу (Ухань. — *Ред.*) (и когда была наконец заключена сделка с Сунь Ятсеном). Автор указанной книги, являясь антикоммунистом, но приводя, видимо, в целом достоверные факты, представляет Сунь Ятсена в качестве деятеля левого крыла Гоминьдана. В статье, написанной в августе 1922 г., Виленский охарактеризовал У Пэйфу прежде всего как националиста и похвалил его как одного «из тех китайских деятелей, которые избегали чужеродного влияния иностранного капитала» («Коммунистический Интернационал», № 23 (4 ноября 1922 г.), кол. 6103); Радек на IV конгрессе Коминтерна намекнул на период, когда «молодая Китайская компартия» поддерживала У Пэйфу («Protokoll des Vierten Kongresses Internationale», Hamburg, 1923, S. 630). Другим основным источником сведений о поездке Маринга в 1921 г. является книга: *H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution*, 1938, p. 64, основывающаяся в этом вопросе на интервью Маринга в 1935 г. В нем не упоминается о встрече с У Пэйфу, так как в ретроспективе было естественно пропустить событие, не давшее результатов, и сосредоточить внимание на встрече, которая в итоге принесла плоды.

84. B. I. Schwartz. Chinese Communism and the Rise of Mao, p. 34.

Глава 34. Дальний Восток II — возрождение

1. «Документы внешней политики СССР», т. IV, с. 476—480.

2. G. M. Frieters. Outer Mongolia and its International Position. Baltimore, 1949, p. 102—106.

3. «Документы внешней политики СССР», т. IV, с. 723.

4. Ma Ho-fien. Chinese Agent in Mongolia (Engl. trans.). Baltimore, 1949, p. 100—102. В изданном позже советском учебнике приводится следующий список «демократических реформ», проведенных в 1922 г.: правительство «отме-

нило крепостное право и феодальные повинности аратства, объявило землю государственной собственностью, упразднило феодальные звания и сословные деления, установило выборность местных органов власти, ввело систему прогрессивно-подоходного налогового обложения, реорганизовало суд с введением народных заседателей и др.» (Н. П. Фарберов. Государственное право стран народной демократии. М., 1949, с. 302).

5. Скудные свидетельства об этих событиях собраны и рассмотрены в книге: G. M. Friters. Outer Mongolia and its International Position, p. 125—126.

6. «Известия», 17 сентября 1921 г.

7. K. S. Weight. Russo-Chinese Diplomacy. Shanghai, 1928, p. 212—213.

8. Неопубликованные воспоминания Диловы-хутухты.

9. G. M. Friters. Outer Mongolia and its International Position, p. 126, и приведенные там источники. В воспоминаниях Диловы-хутухты указывается, что в качестве обвинения фигурировал тайный сговор с «бандитом» Дамбидан-заном — бывшим ламой, якобы калмыцкого происхождения, своего рода монгольским Махно, контролировавшим значительную часть безлюдной территории на западе Монголии, который успешно противостоял центральным властям любой политической и национальной окраски и в конце концов был ликвидирован в результате войсковой экспедиции, организованной управлением внутренней безопасности вскоре после описываемых событий. В «Новом Востоке» (кн. 4-я, 1923, с. 156—161) помещен материал о процессе установления власти Монгольской Народной Республики в Западной Монголии, который продолжался с мая по октябрь 1921 г. В Сибирской Советской Энциклопедии (т. III, Л. — Н., 1932, с. 540) указывается, что бои с белогвардейцами продолжались до апреля 1922 г., а окончательное умиротворение этой территории наступило лишь к осени того же года; эти тревожные события сопровождались «колебаниями феодалов и лам в зависимости от успехов той или др[угой] стороны».

10. Ma Ho-fen. Chinese Agent in Mongolia, p. 102.

11. «Известия», 14 июня 1922 г.

12. «Treaties and Agreements with and concerning China, 1919—1929», p. 102—103.

13. «China Year Book, 1923». Shanghai, n.d., p. 677; в том же источнике (ibid., p. 678) указывается, что в этом месяце «в Урге появился отдел советской тайной полиции».

14. «Документы внешней политики СССР», т. IV, с. 224—226; следующий протест последовал в ноябре (там же, с. 472—473).

15. «Коммунистический Интернационал», № 18 (8 октября 1921 г.), кол. 4758; первоначально окончание этих тезисов появилось в «Правде» за 1 сентября 1921 г.

16. «Большевистская революция, 1917—1923», т. 1, гл. 11, где также рассматривается противоречивость подхода Москвы к Вашингтонской конференции.

17. Неопубликованная официальная переписка, хранящаяся в Национальных архивах Соединенных Штатов («Record Group 59: 861 A 01»), показывает, что визы были выданы 4 октября 1921 г. официально для поездки «в коммерческих целях», но в действительности для противодействия японскому давлению на Дальневосточную Республику.

18. «Известия», 6 декабря 1921 г.; о возмставшем значении, придававшемся в Москве Соединенным Штатам в то время, см. примечание 11 в гл. 20 данного тома.

19. «Коммунистический Интернационал», № 14 (6 ноября 1920 г.), кол. 2948.

20. Там же, № 18 (8 октября 1921 г.), кол. 4758.

21. Там же, № 23 (4 ноября 1922 г.), кол. 6070.

22. См. гл. 30 данного тома.

23. «Тихий океан», № 1, 1934, с. 125—126. Эти сведения из японских источников были сообщены Ланджером и Суэрингеном; Катаяма описал свое пребывание в Москве в журнале «Коммунистический Интернационал», № 44—45 (118—119), 1927, с. 59—60.

24. Они могли быть практического порядка, или, быть может, устроители съезда почувствовали, что Дальневосточная Республика, делегаты которой в Вашингтоне в тот момент торжественно заявляли о ее демократическом харак-

тере и независимом статусе, была бы скомпрометирована проведением подобного съезда на ее территории.

25. «Тихий океан», № 1, 1934, с. 125.

26. «The First Congress of Toilers of the Far East». Hamburg, 1922; вариант этой публикации на немецком языке, менее полный, но лучше составленный, был выпущен под названием: «Der Erste Kongress der Kommunistischen und Revolutionären Organisationen des Fernen Ostens». Hamburg, 1922; русский вариант назывался «Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока». Петроград, 1922.

27. Официальные советские взгляды того времени на Гоминьдан подчеркивали его буржуазный характер; положение в Китае в «Известиях» от 15 ноября 1921 г. излагалось следующим образом: «Китайская буржуазия, борющаяся за власть во главе с Сунь Ятсеном, отстаивая идею капиталистического порядка, несколько смягченного распылчатой программой национализации отдельных отраслей промышленности, наталкивается на вооруженное сопротивление экономически отсталого севера, поддерживаемого иноземными империалистами».

28. «Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока», с. 22.

29. Еще в ноябре 1922 г. на II конгрессе Профинтерна в резолюции по вопросу профсоюзного движения на Востоке отмечалось, что «особенно крупная роль выпадает на долю Японии, находящейся в непосредственной близости со своими колониями и полуколониями (Корея, Китай и др.)» — «II конгресс Красного Интернационала профсоюзов в Москве. 19 ноября — 2 декабря 1922 года». М., 1923, с. 319—320.

30. «Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока», с. 60.

31. «Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока», с. 75; текст этой резолюции в издании на английском языке («The First Congress of Toilers of the Far East». Hamburg, 1922, p. 215) при переводе был искажен.

32. «Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока», с. 7; 9 февраля 1922 г., через неделю после завершения работы съезда, этот манифест был опубликован в «Правде».

33. «Pacific Affairs», XXIII, No. 4, 1950, p. 341.

34. Эта информация, почерпнутая из японских источников, была сообщена Лэнджером и Суэрингеном; заявление коммунистического лидера Итикавы в японском суде в 1931 г. было намеренно туманным в том, что касалось деталей («Тихий океан», № 1, 1934, с. 122, 125—127).

35. «IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Избранные доклады, речи и резолюции». М., 1923, с. 17.

36. «Коммунистический Интернационал», № 23 (4 ноября 1922 г.), кол. 6063—6076; «Тихий океан», № 1, 1934, с. 131—132.

37. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale». Hamburg, 1923, S. 602—603.

38. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 317.

39. «IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала», с. 20.

40. См. гл. 33 данного тома.

41. Там же.

42. Об этом Чичерин сообщил правительству Монголии в ноте от 14 сентября 1921 г. (см. с. 389 в данной главе).

43. «Известия», 6 ноября 1921 г.

44. «Millard's Review». Shanghai, December 24, 1921, p. 824.

45. Сообщения печати приводятся в: R. T. Pollard. China's Foreign Relations, 1917—1931, p. 165—166.

46. «China Year Book, 1923». Shanghai, n. d., p. 680.

47. «Новый Восток», кн. 2-я, 1922, с. 606.

48. Там же, с. 606—612.

49. C. Brandt, B. I. Schwartz and J. K. Fairbank. A Documentary History of Chinese Communism, 1952, p. 64.

50. B. I. Schwartz. Chinese Communism and the Rise of Mao, p. 38—39.

51. H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution, 1938, p. 61; единственным другим источником, содержащим информацию об этой встрече, является открытое письмо Чень Дусю, написанное в 1929 г., которое приводится

Шварцем (B. I. Schwartz. Chinese Communism and the Rise of Mao, p. 40).

52. Представляется, что о местонахождении Маринга в период между его встречами с У Пэйфу и Сунь Ятсеном в 1921 г. (см. гл. 33 данного тома) и его новым появлением в 1922 г. нигде не говорится, если не считать упоминания о его посещениях Кантона в январе 1922 г., содержащегося в работе: H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution, p. 64; тот факт, что важная беседа с Сунь Ятсеном после II съезда китайской компартии в июле 1922 г. была доверена Далину, наводит на мысль, что Маринг в то время эту миссию выполнить не мог.

53. «Коммунистический Интернационал», № 22 (13 сентября 1922 г.), кол. 5803—5816. Большинство материалов, появившихся в этом журнале, подготавливалось за несколько недель до выхода в свет его соответствующего номера, и данная статья, вероятно, была написана до второй встречи Маринга с Сунь Ятсеном, а не после нее.

54. Последнюю Исаакс (H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution, p. 65), быть может, вслед за Марингом назвал «иркутской линией», то есть политическим курсом, поддерживавшимся Дальневосточным бюро Коминтерна; самым стойким защитником «иркутской линии», кажется, оказался Виленский (о нем см. гл. 33 данного тома и статью Уайтинга в: «The Far Eastern Quarterly» (X, No. 4, August 1951, p. 363). Речь Зиновьева на съезде революционных организаций Дальнего Востока в январе 1922 г. (см. гл. 31 данного тома) соответствовала этой линии.

55. См. гл. 26 данного тома.

56. Существуют две противоположные версии того, как проходило это заседание, причем обе относятся к более позднему периоду, когда союз с Гоминьданом закончился катастрофой и был полностью дискредитирован. По словам Чень Дусю, являвшегося председателем Центрального комитета, против этого предложения активно выступили все руководящие члены ЦК, и Марингу, чтобы навязать его, пришлось апеллировать к партийной дисциплине и авторитету Коминтерна (Письмо Ченя от 10 декабря 1929 г. опубликовано в: «Chinese Studies in History», III, No. 3, 1970, p. 224—250). Маринг в свою очередь заявлял, что у него «не было ни конкретных инструкций от Коминтерна», ни «какого-либо документа» и что его предложение было принято большинством членов ЦК (H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution, p. 61—62). Утверждение Маринга о том, что у него не было никаких конкретных инструкций, почти наверняка справедливо, так как в то время не в привычках Коминтерна было связывать руки своих эмиссаров строгими приказами. С другой стороны, его взгляды являлись ясно выраженными и хорошо известными, и можно только догадываться, сколь много убеждения или давления ему пришлось использовать, чтобы добиться их одобрения. Чень Дусю утверждал, что Маринг оправдывал свою позицию на заседании тем, что Гоминьдан якобы являлся многоклассовой партией. Непохоже, чтобы этот довод, позже получивший распространение, был предвосхищен Марингом в 1922 г. В апреле 1923 г. Бухарин определил Гоминьдан как мелкобуржуазную партию, представляющую интересы некоторой части крестьян и городской мелкой буржуазии («Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., 1968, с. 268).

57. T'ang Leang-li. The Inner History of the Chinese Revolution, 1930, p. 156.

58. «Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale». Hamburg, 1923, S. 615.

59. Ibid., S. 141.

60. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 323—324.

61. На состоявшемся в апреле 1923 г. XII съезде партии Бухарину еще приходилось защищать всю политику сотрудничества с Гоминьданом от «товарищей», которые считали Сунь Ятсена «таким же дзюн-дзюном, т. е. таким же губернатором, как и других генералов» («Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 267).

62. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 11.

63. K. S. Weigh. Russo-Chinese Diplomacy, p. 277; R. T. Pollard. China's Foreign Relations, 1917—1931, p. 169—170.

64. K. S. *Weigh*. Russo-Chinese Diplomacy, p. 313.
65. «China Year Book, 1924—1925». Shanghai, n. d., p. 858.
66. «Millard's Review». Shanghai, September 9, 1922, p. 67.
67. Обе ноты были опубликованы в «Правде» 16 сентября 1922 г.
68. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 11.
69. «China Year Book, 1924—1925». Shanghai, n. d., p. 859—860.
70. «Правда», 24 сентября 1922 г.
71. «Известия», 11 ноября 1922 г.
72. «The Living Age». Boston, January 12, 1923, p. 73—76.
73. «Документы внешней политики СССР», т. V, с. 678; в работе Полларда (R. T. *Pollard*. China's Foreign Relations, 1917—1931, p. 170—175) содержится общий отчет об этих переговорах, основанный на материалах печати того времени.
74. «Документы внешней политики СССР», т. VI, М., 1962, с. 140—144.
75. «China Year Book, 1924—1925». Shanghai, n. d., p. 863; знаменательно, что в тексте заявления, опубликованном 1 февраля 1923 г. в «Известиях», пропущены слова Сунь Ятсена о том, что Китай не созрел для коммунизма или советской системы, и согласие с ними Иоффе, что явилось еще одним симптомом отсутствия единства взглядов в Москве. Подлинность этого абзаца не вызывает сомнений — он присутствует в работе Фишера (L. *Fisher*. The Soviets in World Affairs, v. II, 1930, p. 540) в обратном переводе с текста, опубликованного в «выходившем раз в две недели бюллетене советского политического представительства в Пекине за 1—15 февраля 1923 г., находящемся ныне в архиве Комиссариата по иностранным делам».
76. *T'ang Leang-li*. The Inner History of the Chinese Revolution, p. 158.
77. На ранней стадии визита Иоффе Гото заявил в интервью представителям печати, что, перед тем как приглашать Иоффе, он выяснял данный вопрос у премьер-министра и был проинформирован, что начальнику Европейско-американского отдела МИД Японии Мацудайре будет позволено провести неофициальную встречу с Иоффе, «если в силу обстоятельств она представится желательной» («Japan Chronicle», Kobe, May 10, 1923, p. 654). В соответствии с так называемым «меморандумом Танаки» 1927 г., который, будучи подлинным или нет, свидетельствует о знании положения дел составителем, перед японской политикой того времени стояла задача «проявить дружелюбие к России с тем, чтобы воспрепятствовать росту китайского влияния». С этой целью «виконт Гото из кабинета Като пригласил в нашу страну Иоффе и выступил в поддержку возобновления дипломатических отношений с Россией» («Japan and the Next World War». Shanghai, 1931, p. 15).
78. «Двенадцатый съезд РКП(б)», с. 270. На этом съезде выступили как Катаяма, так и незадолго до этого избранный секретарь Коммунистической партии Японии Арахата, но они ограничились лишь общими фразами и не сделали никаких особых заявлений (там же, с. 88—89, 663—664; Арахата выступал под псевдонимом Аоте).
79. Такое подозрение явно прослеживается в сообщении об этом инциденте, опубликованном в «Japan Chronicle», Kobe, February 8, 1923, p. 166.
80. Ibid., March 1, 1923, p. 304; April 5, p. 487. Феномен фашизма, с которым впоследствии столкнулась Европа, в Японии появился рано; его истоки восходят к 1918 г., как об этом говорится в статье «О фашизме в Японии», опубликованной в журнале «Новый Восток», кн. 4-я, 1923, с. 416—421.
81. «Japan Chronicle», Kobe, April 5, 1923, p. 487.
82. «China Year Book, 1924—1925». Shanghai, n. d., p. 865.
83. I. *Fisher*. The Soviets in World Affairs, 1930, v. II, p. 553. Фишер имел доступ к записям этих бесед, полученным предположительно от самого Иоффе.
84. «Japan Chronicle», Kobe, May 3, 1923, p. 610—611.
85. I. *Fisher*. The Soviets in World Affairs, 1930, v. II, p. 553; «Japan Chronicle», Kobe, May 17, 1923, p. 694. Указом от 2 марта 1923 г. аннулировались «все договоры, концессии, контракты и другие условия» прав рыболовства и морских промыслов на Дальнем Востоке, заключенные до слияния Дальневосточной Республики с РСФСР, и устанавливались новые правила, на основании

которых эти права могли предоставляться гражданам РСФСР или иностранцам («Собрание узаконений...», 1923, № 36, ст. 378).

86. «Тихий океан», № 1, 1934, с. 128—134, 144; информация из японских источников, сообщенная Ланджером и Суэрингеном.

87. «Japan Chronicle», Kobe, May 24, 1923, p. 726.

88. Сведения из японских источников, сообщенные Ланджером и Суэрингеном.

89. «Japan Chronicle», Kobe, June 21, 1923, p. 882—883.

90. L. Fisher. The Soviets in World Affairs, 1930, v. II, p. 553—555; ход переговоров можно также проследить по изданию: «Japan Chronicle», Kobe, 1923 (July 12, p. 62; July 19, p. 96; July 26, p. 132; August 2, p. 154; August 9, p. 189, 200).

91. Ibid., August 16, p. 237.

92. «Тихий океан», № 1, 1934, с. 133—134, 146; партия была воссоздана лишь в 1927 г., после чего недолго просуществовавшая партия 1922—1924 гг. стала называться «первой» Коммунистической партией Японии.

93. «From the Fourth to the Fifth World Congress», 1924, p. 12; с другой стороны, Китаю приписывалось мнение, согласно которому землетрясение не нанесло серьезного ущерба экономической и военной мощи Японии («Новый Восток», кн. 4-я, 1923, с. XIII—XV).

94. Согласно работе: T'ang Leang-li. The Inner History of the Chinese Revolution, p. 158, Чан Кайши и Ляо Джункай (см. с. 403 в данной главе) были в окружении Сунь Ятсена самыми решительными сторонниками просоветской ориентации.

95. H. Isaacs. The Tragedy of the Chinese Revolution, p. 65; Фишер (L. Fisher. The Soviets in World Affairs, 1930, v. II, p. 633, ibid. (2nd ed., 1951), v. I, p. viii—ix) цитирует «строго секретное» письмо Сунь Ятсена Ленину, Троцкому и Чичерину с просьбой «о поставках оружия для китайской революции».

96. См. гл. 23, 25 и 30 данного тома.

97. T'ang Leang-li. The Inner History of the Chinese Revolution, p. 159; L. Fisher. The Soviets in World Affairs, v. II, 1930, p. 634.

Приложение Д. Отношение марксистов к войне

1. Подобный взгляд на войну подразумевался и в ее определении Клаузевицем как «продолжения политики иными средствами»; к войнам применялись те же критерии оценки, что и к другим политическим актам.

2. Самый первый из этих абзацев появился в статье, опубликованной в «Neue Rheinische Zeitung» в июле 1848 г.: «Лишь война против России есть война революционной Германии, война, в которой она может смыть грехи прошлого, окрепнуть и победить своих собственных самодержцев, — война, в которой она, как подобает народу, сбрасывающему с себя оковы долгого покорного рабства, кровью своих сынов купит себе право на пропаганду цивилизации и освободит себя внутри страны, освобождая народы вне ее» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 5, с. 212—213).

3. Лучшее определение пацифизма с марксистской точки зрения содержится в работе: M. Beer. Krieg und Internationale. Vienna, 1924, S. 8: «Это — политическая тенденция, рассматривающая войну как абсолютное зло, которая предполагает, что в буржуазном обществе можно предотвратить войну и установить вечный мир посредством лиг наций, арбитражных судов, священных союзов, свободной торговли, демократии, разоружения и т. п.»

4. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 10, с. 38—39, 43—44; т. 28, с. 273.

5. Там же, т. 6, с. 159—160.

6. Там же, т. 29, с. 495—496.

7. Там же, т. 31, с. 187.

8. «Генеральный Совет Первого Интернационала, 1864—1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы». М., 1961, с. 258—260. Комментарий Маркса

в связи с ним см.: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., 2-е изд., т. 31, с. 192—193.

9. «Генеральный Совет Первого Интернационала, 1864—1866». с. 151.

10. Изложение речи Маркса содержится в: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., 2-е изд., т. 16, с. 556—557. Лучший материал об отношении Первого Интернационала к Женевскому конгрессу принадлежит перу Рязанова («*Neue Zeit*», Vienna, XXXIII, 1914—1915, II, S. 463—469). Поскольку Рязанов писал его в 1915 г., то он в какой-то степени преувеличил элементы пацифизма в позиции Маркса для того, чтобы обесценить ссылку немецких социал-демократов на его крайне антирусские высказывания в качестве оправдания своего поведения в 1914 г.

11. Ibid., S. 466—468.

12. «*Annales du Congrès de Genève*». Geneva, 1968, p. 172.

13. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., 2-е изд., т. 31, с. 468—469.

14. Рязанов, изучавший протоколы Брюссельского конгресса («*Neue Zeit*», Vienna, XXXIII, 1914—1915, II, S. 509—518), установил, что от первоначального проекта пришлось отказаться, поскольку он, будучи равносильным призыву к мятежу, мог подвергнуть его составителей наказанию, предусмотренному законом; с другой стороны, рекомендация бастовать нигде не являлась противозаконной.

15. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., 2-е изд., т. 33, с. 34.

16. Через несколько дней Маркс усмотрел в этой войне возрождение национально-освободительной войны 1812 г. и подавленных чаяний 1848 г. и был шокирован лишь тем, что оно воплотилось в Бисмарке: «Немецкий филистер, кажется, буквально в восторге от того, что может теперь, не стесняясь, проявить свое прирожденное холопство. Кто мог бы подумать, что через 22 года после 1848 г. народная война в Германии получит такое теоретическое выражение» (там же, т. 33, с. 9). Позднее он отмечал, что «все эти мошенничества со времени основания Второй Империи в конечном счете ...вели к осуществлению «национальных» целей 1848 г. — Венгрия, Италия, Германия» (там же, т. 33, с. 26).

17. Там же, т. 33, с. 21.

18. Там же, с. 34.

19. Там же, т. 33, с. 33, 50—51. Эта идея принадлежит Кугельману, который писал Марксу 7 августа 1870 г.: «Достижением политического единства (на несколько столетий позже) будет ускорено все буржуазное развитие, и германский пролетариат впервые будет иметь базу, на которой он сможет организоваться в национальном масштабе и скоро наверняка завоюет выдающееся место в общем рабочем движении» («*Neue Zeit*», Vienna, XXXIII, 1914—1915, II, S. 169).

20. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., 2-е изд., т. 33, с. 26.

21. Там же, т. 19, с. 22.

22. Там же, т. 22, с. 255—257.

23. Там же, с. 259—260.

24. Там же, т. 22, с. 253.

25. Политика всеобщей антивоенной забастовки была принята Французской социалистической партией на ее съезде в Нанте в 1894 г. Французские делегации постоянно отстаивали ее на конгрессах Второго Интернационала, но почти не имели поддержки (на Копенгагенском конгрессе в 1910 г. ее поддержала лишь английская Независимая рабочая партия); Французская социалистическая партия 16 июля 1914 г. на своем чрезвычайном съезде выступила по предложению Жореса за «всеобщую одновременную забастовку в международном масштабе, организуемую в странах», которым грозила война, «как средство остановить и предотвратить войну и вынудить правительства прибегнуть к арбитражу».

26. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 9, с. 152.

27. Делегация имела смешанный характер вследствие восстановления формального единства между большевиками и меньшевиками на IV съезде партии в 1906 г. (см. «*Большевистская революция, 1917—1923*», т. 1, гл. 3).

28. Данная резолюция содержится в оригинале в издании: «*Internationaler Sozialisten-Kongress zu Stuttgart, 18 bis 24 August 1907*», 1907; она существует

во многих переводах, из которых не все точные. По более позднему заявлению Ленина (Полн. собр. соч., т. 16, с. 73—74), Бебель не соглашался с резкими выражениями, первоначально содержавшимися в русском предложении, поскольку они могли навредить на Социал-демократическую партию Германии меры воздействия юридического характера. В наиболее полном виде протоколы данного конгресса содержатся в русском издании «За рубежом. Международный социалистический конгресс в Штуттгарте. Спб., 1907», где первоначальный проект Бебеля помещен на с. 69—70, русский проект последних двух абзацев — на с. 81—82, а окончательный текст резолюции — на с. 84—86, где последние два абзаца представляют собой лишь наименее радикальные варианты русского проекта. Когда последний абзац был воспроизведен в резолюции I конгресса Коминтерна в 1919 г., его авторство было приписано лишь Ленину и Розе Люксембург, а Мартов не упоминался, что явилось ранним примером фальсификации путем замалчивания нежелательных имен («Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 73).

29. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 331.

30. «Большевистская революция, 1917—1923», т. 1, гл. 3.

31. Так, рассказывая о демонстрации в Петербурге по случаю начала войны, видный меньшевик Дан отмечал, что «патриотическая вакханалия не миновала даже рабочих; многие из тех, кто вчера бастовали, сегодня были в рядах патриотически настроенных демонстрантов» (*J. Martov. Geschichte der Russischen Sozial-Demokratie; Th. Dan. Die Sozialdemokratie Rußlands nach Dem Jahre 1908. Berlin, 1926, S. 274*).

32. «Большевистская революция...», т. 1, гл. 3.

33. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 2—4.

34. Там же, т. 26, с. 22.

35. Основным различием во взглядах между группами Ленина и Бухарина было то, что последняя, принимая лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую в качестве конечной цели, проявляла колебания по вопросу пораженчества и одновременно не желала отбросить или осудить лозунг буржуазного пацифизма, использовавшийся как средство пропаганды: документ, представляющий эти взгляды, содержится в № 5 журнала «Пролетарская революция» за 1925 г. (с. 170—172). Примечательно, что в то время, когда многие большевики все еще цеплялись за твердую почву буржуазной демократии и буржуазной революции, Ленин под воздействием войны и международной обстановки быстро продвигался к позиции, которую он занял в «Апрельских тезисах» 1917 г. Бухарин и Пятаков, однако, в 1916 г. вновь отошли от Ленина в связи с вопросом права наций на самоопределение (см.: «Большевистская революция...», т. 1, приложение Б).

36. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 161—166. В резолюциях конференции также впервые рекомендовались «братанья солдат воюющих наций в траншеях»; Ленина прельстили сообщения печати о случаях братания, имевших место на рождество 1914 г. (там же, т. 26, с. 180—181).

37. Там же, т. 27, с. 50—51. Немного ранее в знаменитом разделе статьи «О лозунге Соединенных Штатов Европы», который впоследствии сыграл свою роль в споре относительно «социализма в одной стране», Ленин в общих чертах предвосхитил ситуацию, которая могла бы возникнуть в случае успеха пролетарской революции только в одной капиталистической стране: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» (там же, т. 26, с. 354—355).

38. Документы этих двух конференций переведены, и основные источники процитированы в работе Ганкина и Фишера (*О. Н. Gankin and H. H. Fisher. The Bolsheviks and the World War. Stanford, 1940, p. 280—308*); обстановка на

них описана участвовавшей в их работе Балабановой («Erinnerungen und Erlebnisse», 1927, S. 100—102).

39. Английским делегатам на конференцию, выдвинутым от Независимой рабочей партии и Британской социалистической партии, не были выданы паспорта.

40. Документы и источники приведены у Ганкина и Фишера (*O. H. Gankin and H. H. Fisher. The Bolsheviks and the World War*, p. 320—356). Манифест конференции и отклоненный проект большевиков опубликованы в приложениях к т. XVIII 3-го издания Сочинений В. И. Ленина (с. 412—420).

41. Документы и источники приведены у Ганкина и Фишера (*O. H. Gankin and H. H. Fisher. The Bolsheviks and the World War*, p. 407—438).

42. «Большевистская революция...», т. 1, приложение Б.

43. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 93—94.

Приложение Е. Предыстория Коммунистического Интернационала

1. «Большевистская революция, 1917—1923», т. 1, гл. 3. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, с. 2.

2. *L. Trotsky. Der Krieg und die Internationale*. Munich, 1914, S. 9. Примечателен абзац, в котором Троцкий признал, что война, если бы она бесконечно продолжалась, могла уничтожить «моральные силы пролетариата» и что «вся боевая энергия международного пролетариата, которую империализм выпустил наружу своим кровавым заговором, могла быть полностью израсходована в ужасающем деле взаимного уничтожения»; тогда цивилизация могла бы быть отброшена «на несколько десятилетий» назад (*ibid.*, S. 83).

3. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, с. 22—23.

4. Там же, т. 26, с. 42.

5. *В. И. Ленин*. Сочинения, 3-е изд., т. XVII, с. 419; о конференции см. в приложении Д в данном томе.

6. В этот день Социал-демократическая партия Германии проголосовала в рейхстаге за предоставление военных кредитов.

7. *O. H. Gankin and H. H. Fisher. The Bolsheviks and the World War*. Stanford, 1940, p. 435.

8. *Н. К. Крупская*. Воспоминания о Ленине, изд. 2-е. М., 1972, с. 284—285.

9. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 116. В сноске Ленин дает определение «Центра»: «течение, колеблющееся между шовинистами (= «оборонцами») и интернационалистами, именно: Каутский и К° в Германии, Лонге и К° во Франции, Чхеидзе и К° в России, Турати и К° в Италии, Макдональд и К° в Англии и т. д.».

10. Там же, т. 31, с. 176.

11. Не путать с международной социалистической мирной конференцией, которую также предлагалось созвать в Стокгольме, но от проведения которой в конце концов отказались (см. гл. 21 данного тома).

12. «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 505—507. Возражения Ленина содержатся в: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 441—442.

13. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 49, с. 440, 444.

14. Там же, т. 49, с. 445—451.

15. Обширный материал, относящийся к подготовке и проведению III Циммервальдской конференции, собран Ганкиным и Фишером (*O. H. Gankin and H. H. Fisher. The Bolsheviks and the World War*, p. 582—683); в частности, можно найти официальный доклад (p. 669—675) и проект манифеста (p. 680—693).

16. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, с. 142.

17. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 85.

Э. КАРР
**ИСТОРИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ**

3

**БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917—1923**

Том 3

Художник *Ю. Н. Егоров*

Технический редактор *Л. Н. Шупейко*

Корректор *Г. А. Локина*

Сдано в набор 03.05.89. Подписано в печать 17.07.89.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 32,25. Уч.-изд. л. 40,51.

Изд. № 24/44505дсп

Зак. 3054дсп

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Прогресс» Государственного комитета ССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли
119847, Зубовский бульвар, 17.

